О ПОДПИСКѢ

НА

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ"

въ 1913 году

(ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ).

«Историческій Вѣстникъ» будетъ издаваться въ 1913 году на тѣхъ же основаніяхъ и по той же программѣ, какъ и въ предшествовавшіе тридцать три года (1880—1912).

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ (со всѣми приложеніями) **десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.**

Главная контора «Историческаго Вѣстника» въ Петербургѣ при книжномъ магазинѣ **«Т-ва А. С. Суворина—Новое Время»** (Невскій проспектъ, № 40). Отдѣленія конторы: въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ** и **Ростовѣ на Дону**, при находящихся въ этихъ городахъ отдѣленіяхъ книжнаго магазина **«Т-ва А. С. Суворина—Новое Время»**, и въ **Кіевѣ**, при книжномъ магазинѣ Н. Я. Оглоблина.

Под. ... Журнальный фонд 52780

БИБЛІОТЕКА РЕ... ИМПЕРАТОРСКОЕ ЖЕЛѢЗНОДОРОЖНОЕ ... ИМПЕРАТОРА

ИСТОРИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ТОМЪ CXXXI.

ИСТОРИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ CXXXI.

1913

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Тип. Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время". Эртелевъ, 13
1913

РОССІЯ ПОДЪ СКИПЕТРОМЪ ДОМА РОМАНОВЫХЪ

(По случаю 300-лѣтія царствованія Романовыхъ).

1613—1913 гг.

Иллюстрированная хроника Б. Б. Глинскаго

съ 16 портретами.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ
И
НАСЛѢДНИКЪ ЦЕСАРЕВИЧЪ И ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ
АЛЕКСѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ.

РОССІЯ ПОДЪ СКИПЕТРОМЪ ДОМА РОМАНОВЫХЪ.

(Къ 300-лѣтію царствованія дома Романовыхъ).

СРЕДИ государственныхъ юбилеевъ послѣдняго времени, торжественно отпразднованныхъ Россіей, какъ, напримѣръ, юбилей Петровскій (Полтавская битва), 1812 года (Бородино), освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, совершенно исключительное мѣсто должно быть отведено наступающему въ текущемъ году трехсотлѣтнему юбилею царствованія дома Романовыхъ. Этотъ юбилей, помимо своего фамильнаго, династическаго значенія, имѣетъ еще и то историческое, что Россія должна бросить ретроспективный взглядъ, какъ она окрѣпла и выросла за этотъ періодъ времени, превратилась изъ державы полуазіатской въ державу первоклассную, европейскую, съ славнымъ историческимъ прошлымъ и великимъ будущимъ. Исторія царствующаго дома Романовыхъ есть новѣйшая исторія Россіи со всѣми ея славными и бурными страницами жизни. Въ настоящей статьѣ мы не будемъ говорить о семейныхъ страницахъ жизни царствующаго дома, дворцовыхъ переворотахъ и проч.: все это общеизвѣстно. Мы касались этого въ значительной степени въ нашихъ книгахъ «Царскія дѣти и ихъ наставники», «Борьба за конституцію» и «Революціонный періодъ русской исторіи (1861—1881)», составленныхъ въ отношеніи послѣднихъ двухъ изъ нашихъ работъ изъ статей, печатавшихся въ «Историческомъ Вѣстникѣ». На ту же тему обстоятельно говорится въ учебникахъ русской исторіи, знакомыхъ всѣмъ учащимся и грамотнымъ людямъ. Поэтому, выкидывая изъ настоящаго очерка все семейное, династическое, остановимся лишь на тѣхъ главнѣйшихъ страницахъ нашей исторіи, которыя наиболѣе

ярко рисуютъ культурный и политическій ростъ Россіи за весь трехсотлѣтній періодъ историческаго бытія нашей страны подъ державой дома Романовыхъ. Элемента личнаго, династическаго мы коснемся лишь постольку, поскольку это необходимо въ общемъ ходѣ нашей работы и поскольку придется отмѣчать тѣ или иные выдающіеся характеры, съ дѣятельностью которыхъ связаны моменты крупныхъ реформъ, славныхъ дѣяній и энергичной работы на благо нашей родины. Благодарная Россія, обязанная царствующему дому своею великодержавностью, уже въ лицѣ разныхъ обществъ, собраній и государственныхъ установленій сдѣлала не мало постановленій, какъ достойнымъ образомъ почтить этотъ юбилей; о нѣкоторыхъ изъ этихъ постановленій мы давали свѣдѣнія въ отдѣлѣ «Смѣси», какъ равно въ отдѣлѣ «Критики и библіографіи» отмѣтили кое-что изъ юбилейной литературы этого историческаго событія.

Сѣверо-восточныя русскія земли начали объединяться со второй половины XV вѣка и образовали въ округлости своихъ очертаній единое великорусское государство съ однообразнымъ національнымъ составомъ, но въ силу сопредѣльности съ однородными и родственными областями оно по закону инерціи не могло долго держаться въ опредѣленныхъ границахъ, и политика московскихъ государей вскорѣ привела къ тому, что къ этимъ областямъ присоединены были земли новгородскія, земля Двинская (Заволочье), Вологодскій край, Вятская земля, Псковскія владѣнія, княжество Тверское, княжество Рязанское, области Смоленская, Черниговская. Такимъ образомъ цементированныя земли представили собою крупное политическое единство, требовавшее для своего руководства и управленія единой твердой власти, которая и сосредоточилась въ рукахъ московскихъ государей. Послѣдніе начинаютъ именовать себя «государями всея Руси» и въ своей политикѣ къ сосѣднему Литовскому государству настойчиво проводятъ мысль, что они являются истинными защитниками православной вѣры въ ея борьбѣ съ католичествомъ. Единая Русь съ православнымъ царемъ во главѣ является новымъ факторомъ въ средневѣковой исторіи Европы, послѣ чего эта національно и религіозно объединенная Россія постепенно начинаетъ сближаться съ міромъ европейскимъ и античной культурой, причемъ, не поступаясь основными элементами своего политическаго и культурнаго бытія, заимствуетъ отъ сосѣдей тѣ начала просвѣщенія, которыхъ дотолѣ она не могла получать, благодаря отдаленности ея отъ западныхъ центровъ. При Іоаннѣ III, вслѣдствіе его брака съ Софьей Палеологъ, возникаетъ и идея, что «Москва есть третій Римъ», каковая идея встрѣчаетъ особенное сочувствіе южныхъ славянъ, тѣмъ самымъ признающихъ

за дотолѣ маловѣдомой имъ Россіей особое историческое значеніе, ставящее ее во главѣ всѣхъ народовъ, исповѣдующихъ догматы греко-восточной церкви. Іоаннъ III, Василій III, Іоаннъ IV создаютъ такимъ образомъ громадное государство, наносятъ окончательный ударъ восточному татарству и, благодаря присоединенію къ ихъ владѣніямъ обширныхъ сибирскихъ земель, образуютъ своего рода новую часть свѣта, которой, несомнѣнно, предстояло рано или поздно играть крупную роль въ ходѣ міровыхъ судебъ исторіи. Послѣ созданія былой Римской державы мы не встрѣчаемъ второго примѣра такого территоріальнаго органическаго роста, какимъ выдѣлилась Россія при названныхъ государяхъ. Но государство это, громадное по своей территоріи, было мало заселено, не имѣло ради своихъ коммерческихъ цѣлей выходовъ къ морямъ и, кромѣ того, было слабо организовано въ своемъ государственномъ единствѣ; окружено съ сѣвера, запада, юго-запада, юга и востока врагами, которые не давали странѣ развиться въ экономически-сильное государство и непрерывно требовали отъ него затраты громадныхъ силъ на воинское дѣло. Эти непрерывныя войны, съ одной стороны, затраты соціальныхъ и духовныхъ силъ на колонизацію, съ другой, страшно его ослабляли, ставили препоны его культурному росту и какъ бы вдвигали его въ искусственныя рамки, изъ которыхъ трудно было найти выходъ. Въ соціальномъ строѣ страны тоже не все обстояло благополучно: присоединенныя къ московскому центру былыя удѣльныя области таили въ себѣ вѣчно вспыхивающій элементъ сепаратизма, и со стороны московскихъ государей требовалось проявленія много мудрости, такта и дальновидности политики, чтобы при подобныхъ условіяхъ держать въ твердомъ подчиненіи только что формирующуюся государственность. Этимъ тактомъ особенно выдѣлялись Іоаннъ III и Василій III, но при Іоаннѣ Грозномъ, при всемъ громадномъ значеніи его для русской государственности, Россія, оскудѣвая матеріально, начинаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ расшатываться, и этотъ крупный самодержецъ-государственникъ вноситъ въ окружающую жизнь такія соціальныя противорѣчія, которыя, нѣкоторое время спустя, когда не стало его властной, твердой руки, привели Россію въ состояніе анархіи, изъ которой ее вывелъ только здравый смыслъ самого народа.

Раздѣленіе Іоанномъ Грознымъ Россіи на земскую и опричинную, доведенная до крайности ненависть его къ боярству и борьба съ нимъ, убіеніе имъ своего старшаго сына, ухудшеніе въ тотъ періодъ положенія «черныхъ людей», усиленное развитіе колонизаціоннаго бродяжничества,—вотъ тѣ главнѣйшіе факторы, которые, развиваясь въ связи съ неблагопріятными внѣшними обстоятельствами (польская и католическая интрига), поставили Россію въ состояніе соціальнаго и политическаго броженія. Этимъ положеніемъ надѣялись воспользоваться Швеція и Польша, ка-

ждая изъ которыхъ, имѣя въ виду окончаніе династіи Рюриковичей, предложила нашему отечеству на опредѣленныхъ условіяхъ своихъ кандидатовъ на всероссійскій престолъ. Мы не станемъ воспроизводить здѣсь всѣхъ историческихъ фактовъ смуты—правленія слабоумнаго Ѳедора Іоанновича, Бориса Годунова, появленія Самозванца, убіенія въ Угличѣ царевича Дмитрія, воцаренія Шуйскаго, хозяйничанья въ Москвѣ поляковъ, созданія ополченій и проч.—объ этомъ гласятъ всѣ учебники по русской исторіи. Благодаря патріотическому взрыву, первые отзвуки котораго раздались сначала въ Рязани, перекинулись въ Ярославль и въ Нижній-Новгородъ, коренная Русь въ лицѣ земскихъ міровъ и волостей, которыми и питалась политически наша родина, сплотилась воедино, смела съ лица земли самозванцевъ, внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ, создала своихъ земскихъ героевъ, чуждыхъ боярскимъ интригамъ, и собралась на избирательный соборъ въ Москвѣ въ 1613 году, на которомъ 21-го февраля утверждена была кандидатура юнаго сына митрополита Филарета—Михаила Ѳедоровича Романова, коему въ Ипатьевскомъ монастырѣ и вручены были всей соборной Русью бразды единодержавнаго управленія русскимъ народомъ. Такимъ образомъ, несмотря на всѣ ей посланныя испытанія, Россія, не поступившись своимъ національнымъ достоинствомъ, сохранила самое себя, какъ единое государство, и вступила въ новую фазу жизни при сознательномъ отношеніи къ совершившемуся для дальнѣйшаго своего культурнаго и государственнаго роста. Смутная эпоха, пережитая Россіей, и благополучный, разумный выходъ ея изъ тяжелаго положенія являются въ исторіи новыхъ народовъ фактомъ, не имѣющимъ себѣ аналогіи и служатъ доказательствомъ большого политическаго чутья великорусскаго племени, которое, несомнѣнно, живетъ въ немъ и донынѣ. Пережитый стародавній урокъ исторіи не слѣдуетъ забывать, и пусть онъ служитъ намъ путеводною звѣздою въ будущемъ, если бы, паче чаянія, наше отечество постигли какія-нибудь неожиданныя и тяжкія невзгоды.

Описывая ходъ работъ земскаго собора 1613 года, гдѣ произошло избраніе Михаила Ѳедоровича на всероссійскій престолъ, профессоръ С. Ѳ. Платоновъ въ своихъ «Лекціяхъ» говоритъ: «Каждый членъ собора стремился указать на тотъ боярскій родъ, которому онъ самъ болѣе симпатизировалъ, въ силу ли его нравственныхъ качествъ, или въ силу его высокаго положенія, или же просто руководясь личными выгодами. Да и многіе бояре сами надѣялись сѣсть на московскій престолъ. И вотъ наступила избирательная горячка со всѣми ея аттрибутами—агитаціей и подкупами. Откровенный лѣтописецъ указываетъ намъ, что избиратели дѣйствовали

Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ.

не совсѣмъ безкорыстно. «Многіе же отъ вельможъ, желающи царемъ быть, подкупахуся, многимъ и дающе и обѣщающи многіе дары». Кто выступалъ тогда кандидатами, кого предполагали въ цари, прямыхъ указаній на это мы не имѣемъ, преданіе же въ числѣ кандидатовъ называетъ: В. И. Шуйскаго, Воротынскаго, Трубецкого.

Ѳ. И. Шереметевъ хлопоталъ за родню свою М. Ѳ. Романова. Современники, мѣстничаясь съ Пожарскимъ, обвиняли его въ томъ, что онъ, желая царствовать, истратилъ 20 тысячъ рублей на подкупы. Нечего и говорить, что подобное предположеніе о 20,000 просто невѣроятно уже потому, что даже казна государева тогда не могла сосредоточить у себя такой суммы, не говоря о частномъ лицѣ.

«Споры о томъ, кого избрать, шли не только въ одной Москвѣ: сохранилось преданіе, что Ѳ. И. Шереметевъ былъ въ перепискѣ съ Филаретомъ Никитичемъ Романовымъ и В. В. Голицынымъ, что Филаретъ говорилъ въ письмахъ о необходимости ограничительныхъ условій для новаго царя, а что Ѳ. И. Шереметевъ писалъ Голицыну о выгодѣ для бояръ избрать Михаила Ѳеодоровича въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «выберемъ Мишу Романова, онъ молодъ и намъ будетъ поваденъ». Эта переписка была найдена Ундольскимъ въ одномъ изъ московскихъ монастырей, но въ печать не попала, и, гдѣ находится, неизвѣстно. Есть преданіе, мало, впрочемъ, достовѣрное, и о третьей перепискѣ Шереметева съ инокиней Марѳой (Ксеніей Ивановной Романовой), въ которой послѣдняя заявляла свое нежеланіе видѣть сына на престолѣ. Если бы дѣйствительно существовали сношенія Романовыхъ съ Шереметевымъ, то въ такомъ случаѣ Шереметевъ зналъ бы о мѣстопребываніи своей корреспондентки, а онъ, какъ можно думать, этого не зналъ.

«Наконецъ, 7-го февраля 1613 года пришли къ рѣшенію избрать Михаила Ѳеодоровича Романова. По одной, недавно обнародованной легендѣ (у Забѣлина), первый на соборѣ заговорилъ о Михаилѣ Ѳеодоровичѣ какой-то дворянинъ изъ Галича, принесшій на соборъ письменное заявленіе о правахъ Михаила на престолъ. То же самое сдѣлалъ какой-то донской атаманъ. Далѣе, Палицынъ, въ своемъ «сказаніи», смиреннымъ тономъ заявляетъ, что къ нему пришли люди многихъ городовъ и просили передать царскому синклиту «свою мысль объ избраніи Романовыхъ». И по представительству этого святого отца будто бы «синклитъ» избралъ Михаила. Во всѣхъ этихъ легендахъ и сообщеніяхъ особенно любопытна та черта, что починъ въ дѣлѣ избранія Михаила принадлежитъ не высшимъ, а мелкимъ людямъ. Казачество, говорятъ, также стояло за Михаила.

«Съ 7-го числа окончательный выборъ былъ отложенъ до 21-го, и посланы были въ города люди, кажется, члены собора узнать въ городахъ мнѣніе народа о дѣлѣ. И города высказались за Михаила. Къ этому времени надобно относить разсказы А. Палицына о томъ, что къ нему явился какой-то «гость смирный» изъ Калуги съ извѣстіемъ, что всѣ сѣверскіе города желаютъ именно Михаила. Стало быть, противъ Михаила, насколько можно думать, были голоса только на соборѣ, народная же масса за него. Она была еще за него въ 1610 году, когда и Гермогенъ, при избраніи Влади-

слава, и народъ высказывался именно за Михаила. Поэтому возможна мысль о томъ, что соборъ приведенъ къ избранію Михаила Ѳеодоровича давленіемъ народной массы. У Костомарова («Смутное время») эта мысль мелькаетъ, но очень слабо и неопредѣленно.

«Когда Мстиславскіе и нѣкоторые другіе бояре, затѣмъ запоздавшіе и выборные люди, посланные по областямъ, собрались въ Москву, то 21-го февраля состоялось торжественное засѣданіе въ Успенской церкви. Здѣсь выборъ Михаила былъ рѣшенъ уже единогласно, послѣ чего послѣдовали молебны о здравіи новаго царя и присяга ему. Извѣстясь объ избраніи царя, города еще до полученія согласія Михаила присягали ему и подписывали крестоцѣловальныя записи Михаилу. По общему представленію, государя самъ Богъ избралъ, и вся Русская земля радовалась и ликовала. Дѣло теперь оставалось только за согласіемъ Михаила, получить которое стоило немалаго труда. Въ Москвѣ не знали даже, гдѣ онъ находится: посольство къ нему отъ 2-го марта отправлено было въ «Ярославль или гдѣ онъ государь будетъ». А Михаилъ Ѳеодоровичъ, послѣ московской осады, уѣхалъ въ свою костромскую вотчину, Домнино, гдѣ чуть было не подвергся нападенію польской шайки, отъ которой спасенъ былъ, по преданію, крестьяниномъ Иваномъ Сусанинымъ. Что Сусанинъ былъ дѣйствительно, доказательствомъ этому служитъ царская грамота Михаила, которою семьѣ Сусаниныхъ даются различныя льготы. Однако между историками велась долгая полемика по поводу этой личности: такъ, Костомаровъ, разобравъ легенду о Сусанинѣ, свелъ все къ тому, что личность Сусанина есть миѳъ, созданный народнымъ воображеніемъ. Такого рода заявленіемъ онъ возбудилъ въ шестидесятыхъ годахъ цѣлое движеніе въ защиту этой личности: явились противъ Костомарова статьи Соловьева, Домышскаго, Погодина. Въ недавнее время (1882 г.) вышло новое произведеніе Самарянова «Памяти Ивана Сусанина». Авторъ, прилагая карту мѣстности, подробно знакомитъ насъ съ путемъ, по которому Сусанинъ велъ поляковъ. Изъ его труда мы узнаемъ, что Сусанинъ былъ довѣреннымъ лицомъ Романовыхъ, и вообще эта книга представляетъ богатый матеріалъ о Сусанинѣ. Изъ Домнина Михаилъ Ѳеодоровичъ съ матерью переѣхалъ въ Кострому, въ Ипатьевскій монастырь, построенный въ XIV вѣкѣ мурзой Четомъ, предкомъ Годунова. Этотъ монастырь поддерживался вкладами Бориса и при Лжедмитріи былъ подаренъ этимъ послѣднимъ Романовымъ, какъ предполагаютъ, за все, перенесенное ими отъ Бориса.

«Посольство, состоявшее изъ Ѳеодорита, архіепископа рязанскаго и муромскаго, Авраамія Палицына, Шереметева и другихъ, пріѣхало вечеромъ 13-го марта въ Кострому. Марфа назначила ему явиться на другой день. И вотъ 14-го марта посольство, сопровождаемое крестнымъ ходомъ, при огромномъ стеченіи народа

отправилось просить Михаила. Источникомъ для ознакомленія съ дѣйствіями посольства служатъ намъ донесенія въ Москву. Изъ нихъ мы узнаемъ, что какъ Михаилъ, такъ и инокиня-мать сперва безусловно отвергли предложеніе пословъ. Послѣдняя говорила, что московскіе люди «измалодушествовались», что въ такомъ великомъ государствѣ и не ребенку править не подъ силу и т. д. Долго посламъ пришлось уговаривать и мать, и сына; они употребили все свое краснорѣчіе, грозили даже небесной карой; наконецъ усилія ихъ увѣнчались успѣхомъ,—Михаилъ далъ свое согласіе, а мать благословила его. Обо всемъ этомъ мы знаемъ, кромѣ посольскихъ донесеній въ Москву, еще изъ избирательной грамоты Михаила, которая, впрочемъ, не можетъ имѣть особенной цѣнности: она составлена по образцу избирательной грамоты Бориса Годунова; такъ, сцена плача народнаго въ Ипатьевскомъ монастырѣ списана съ подобной же сцены въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, описанной въ Борисовой грамотѣ (оттуда взялъ ее Пушкинъ для своего «Бориса Годунова»).

«Какъ только согласіе Михаила Ѳеодоровича было получено, послы стали торопить его ѣхать въ Москву; царь отправился, но путешествіе это было чрезвычайно медленно, такъ какъ разоренныя дороги далеко не могли служить удобнымъ путемъ».

Итакъ, на всероссійскій престолъ Рюриковичей, волею всего русскаго народа, сѣлъ юный представитель боярскаго рода Романовыхъ, игравшихъ въ предыдущіе періоды отечественной жизни довольно видныя роли и имѣвшихъ въ сословныхъ напластованіяхъ Россіи глубокіе корни.

Здѣсь у мѣста привести справку о происхожденіи этого рода, на каковой вопросъ даетъ обстоятельный отвѣтъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (1912 г. № 269) г. Б. Филатовичъ. Онъ говоритъ:

«Родъ бояръ Романовыхъ исторически существуетъ уже 565 лѣтъ. Черезъ супругу Іоанна Грознаго Анастасію Романовну онъ состоитъ въ близкомъ родствѣ съ династіей Рюрика, и родство усугубляется еще бракомъ Никиты Романовича Романова съ Евдокіей Горбатовой, происходящей изъ рода великаго князя Андрея Суздальскаго, старшаго брата Александра Невскаго. Русская исторія сохранила семьдесятъ четыре имени изъ этого рода.

«Первоначальныя родословныя были составлены при Іоаннѣ Грозномъ и Ѳеодорѣ Іоанновичѣ, а позднѣе извѣстны труды XVIII и XIX столѣтій Крекшина, составителей такъ называемой Бархатной книги, Барсукова, Кампенгаузена, Студенкина, Сахарова и другихъ. Наконецъ, въ 1896 году по случаю трехсотлѣтія рожденія царя Михаила (12-го іюля 1596 г.) при костромской губернской архивной комиссіи образовался особый Романовскій отдѣлъ

архива и библіотеки для собиранія и храненія матеріаловъ и данныхъ о предкахъ царя Михаила, выпустившій уже два очень интересные сборника всѣхъ имѣющихся по этому вопросу матеріаловъ. Всѣ родословныя родоначальниковъ рода Романовыхъ, образовавшагося отъ родовъ Юрьиныхъ и, еще ранѣе, Захарьиныхъ, называютъ Андрея Ивановича Кобылу, о которомъ въ исторіи впервые

Царь Алексѣй Михайловичъ.

упоминается въ 1347 году. Личность Андрея Ивановича и происхожденіе отъ него Романовыхъ исторически достовѣрно. Открытымъ же до нашихъ дней остается вопросъ о происхожденіи самого Андрея Ивановича. Первыя упоминанія о немъ свидѣтельствуютъ о томъ, что отцу его приписывалось иностранное и знатное происхожденіе. Родословная, составленная въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича, гласитъ: родъ Андрея Ивановича Кобылы выѣхалъ изъ Прусскія земли изъ Нѣмецъ. Въ то же царствованіе одинъ изъ бояръ въ своей поколѣнной росписи указалъ, что отецъ Андрея Ивановича перешелъ въ Россію изъ Прусскаго княжества и былъ тамъ владѣ-

телемъ. Это мнѣніе стало распространеннымъ въ Московскомъ государствѣ и, между прочимъ, князь Курбскій въ своемъ сказаніи о Шереметевыхъ, родныхъ Романовыхъ, говоритъ о немъ, что онъ «мужъ свѣтлый и знаменитый и глаголютъ ему быти изъ роду княжатъ Ренскихъ...» Въ XVII вѣкѣ появляются первыя попытки отнестись къ установившемуся мнѣнію серьезнѣе и провѣрить его путемъ историческихъ справокъ и сравненій и т. п.

«Въ XVI вѣкѣ герольдмейстеръ Колычовъ (пр. 1), занявшись изслѣдованіемъ о происхожденіи Кобылы, составилъ исторію его предковъ съ IV вѣка. Онъ пользовался матеріалами изъ библіотеки свѣтлѣйшаго князя Дурбина Цезарскаго въ Италіи, но авторы, на которыхъ онъ ссылается,—Эразмъ Стеллій, Петръ Дудсбергъ, Орѣховскій, Мавроурбинъ и т. п.,—уже давно были признаны баснословными. Вотъ что онъ сообщилъ о предкахъ Кобылы:

«Въ 347 году прусскій король Прутено передалъ правленіе брату Войдевуду. Войдевудъ раздѣлилъ свои владѣнія двѣнадцати сыновьямъ своимъ. Одинъ изъ нихъ Недронъ получилъ земли по берегамъ рѣки Прегеля. Въ XIII вѣкѣ потомки его были сильно утѣсняемы крестоносцами, и одинъ изъ нихъ Руссингенъ Дивоновичъ съ братомъ Гландой Камбилой принужденъ былъ перейти къ русскому великому князю Даніилу Александровичу и здѣсь въ 1287 году крестился, принявъ имя Іоанна, и сынъ его назвался Андреемъ. По невѣжеству или небрежности писцовъ Камбила сталъ Кобылой и такъ и пошелъ родъ Кобылиныхъ и т. д., образовавъ и родъ Романовыхъ.

«Мнѣніе Колычова имѣетъ большое значеніе, такъ какъ отразилось въ дальнѣйшихъ работахъ изслѣдователей. Изъ нихъ заслуживаютъ вниманія изслѣдованія барона Балтазара Балтазаровича Кампенгаузена (пр. 3), издавшаго въ 1805 году свой очень обширный и интересный трудъ въ Лейпцигѣ на нѣмецкомъ языкѣ. Онъ принялъ мнѣніе о прусско-литовско-самогитскомъ происхожденіи Гланды Камбилы и приводитъ выписки изъ русскаго и прусскаго гербовниковъ, гдѣ подтверждается разсказъ о Прутено. Гербъ Романовыхъ, имѣющій шлемъ, изъ котораго произрастаетъ дубъ, подтверждаетъ его. Онъ искалъ въ исторіи Самогитіи и Литвы именъ удѣльныхъ князей, похожихъ на Дивона и Гланду, и не нашелъ. Тѣмъ не менѣе, окончательно ничего точно не доказавъ,онъ приходитъ къ выводу, что Гланда не былъ удѣльнымъ княземъ, но могъ быть его потомкомъ. Дальнѣйшіе изслѣдователи Барсуковъ, Студенкинъ, Мещериновъ и другіе цѣликомъ опираются на Кампенгаузена. Намъ извѣстна только одна попытка стать на иную точку отправленія, сдѣланная въ 1886 году Петровымъ въ его исторіи русскаго дворянства. Термину «изъ Пруссъ» онъ предлагаетъ новгородское значеніе, потому что тамъ была такая улица, черезъ которую проходила дорога изъ прусскихъ земель въ Псковъ. Жители этой

улицы назывались пруссами. Онъ предлагаетъ считать Андрея Ивановича потомкомъ новгородской фамиліи, выдвинувшейся при дворѣ московскаго государя въ первой половинѣ XIV вѣка. Доводы Петрова не выдерживаютъ критики. Позднѣйшій изслѣдователь Сахаровъ принимаетъ точку зрѣнія Кампенгаузена, а Селифонтовъ, собравшій всѣ матеріалы по этому вопросу, не даетъ точнаго рѣшенія вопроса. Такимъ образомъ, вопросъ, откуда же явился при дворѣ московскаго государя отецъ Андрея Ивановича,—остается совершенно открытымъ.

«Мы видимъ, что данныя о княжескомъ и иностранномъ происхожденіи не лишены нѣкоторой основательности. Гербы родовъ его потомковъ прямо свидѣтельствуютъ о томъ. Напримѣръ, въ дографскомъ гербѣ Шереметевыхъ были два креста подъ короной. Это кресты сохранились еще на старинныхъ данцигскихъ монетахъ, и гербъ города похожъ на ихъ гербъ. У самихъ Романовыхъ въ гербѣ, кромѣ крестовъ и короны съ пресловутымъ дубомъ, имѣлись два льва, одинъ съ державой, а другой со скипетромъ въ лапахъ, что несомнѣнно свидѣтельствуетъ о томъ, что нѣкогда они были государями. Вопросъ этотъ можно возбудить теперь снова, потому что обширный матеріалъ, готовый для изслѣдованій спеціалистовъ, теперь попадетъ въ болѣе свѣдущія руки, что дастъ возможность найти искомое».

Итакъ, послѣ многихъ лѣтъ смуты на россійскомъ престолѣ оказался юноша шестнадцати лѣтъ, конечно, неопытный въ дѣлахъ правленія и не могшій самостоятельно руководить крупнымъ государственнымъ кораблемъ. Повидимому, это обстоятельство учитывалъ земскій соборъ, поставившій Михаила на царство, почему, хотя врученное ему самодержавіе и сохранено было въ чистомъ видѣ безъ тѣни на немъ формальнаго ограниченія, тѣмъ не менѣе въ видѣ необходимаго ему придатка въ интересахъ правильнаго управленія землею и контроля надъ функціонирующими государственными учрежденіями присоединенъ былъ къ нему институтъ земскаго собора, который, не имѣя за собою законодательнаго права, имѣлъ, однако, право законосовѣщательное, какъ бы налагавшее на волю самодержца нравственное обязательство слѣдовать въ важнѣйшихъ государственныхъ вопросахъ голосу всей соборной земли. Народосовѣтіе, слѣдовательно, являлось какъ бы регуляторомъ воли монарха передъ лицомъ исторіи. И дѣйствительно, мы видимъ, что первые Романовы, и Михаилъ Ѳедоровичъ, и Алексѣй Михайловичъ, твердо держатся принциповъ народосовѣтія, поступаясь иногда передъ голосомъ и совѣтомъ «земли» своими личными намѣреніями и убѣжденіями. Оба первые Романовы, такимъ образомъ, пребывали вѣрны тому своего рода договорному началу, на коемъ земская Россія вручила имъ неограниченную власть, а потому

и въ жизни страны тѣхъ историческихъ періодовъ и теоретически, и практически наблюдается гармонія и единство политической жизни, гдѣ государственность и «земля», гдѣ народная воля, ея руководство и выполненіе находятся въ неразрывной органической связи и не становятся другъ къ другу въ отношенія враждебныя и обостренныя, какъ то мы наблюдаемъ въ новѣйшій періодъ нашей исторіи вплоть до 1905 года. Петръ Великій, по соображеніямъ реформаторской дѣятельности, преступилъ краеугольныя основы власти, созданныя соборомъ 1613 года, изданіемъ закона о престолонаслѣдіи и уничтоженіемъ начала народосовѣтія. Оба элемента, непремѣнно сопутствующіе понятію и сущности предержащей власти, были имъ насильственно отсѣчены, а его преемниками внесенъ сюда еще элементъ, категорически отвергнутый соборомъ 1613 года и даже имъ запрещенный, а именно элементъ инародческій, благодаря которому русскій престолъ оказался впослѣдствіи во власти людей не русскаго, а иноземнаго происхожденія, вышедшихъ изъ династій ангальтъ-цербтской и голштинской. Эта эволюція въ существѣ и понятіи самодержавія, утвержденнаго народною волею въ 1613 году, имѣла бѣдственное значеніе и послѣдствія въ исторической жизни Россіи, отдѣливъ и устранивъ царя отъ народа и создавъ между ними искусственную среду бюрократіи, чуждую народу и часто недобросовѣстную въ отношеніи верховной власти, что особенно рельефно и рѣзко выразилось въ эпоху временщиковъ и фаворитовъ и въ тѣ годы русской смуты и общаго шатанія, когда въ этомъ единеніи чувствовалась особая нужда для созданія въ Россіи спокойной и мощной жизни, на благо всѣхъ классовъ населенія и всѣхъ народовъ, въ ней обитающихъ.

Нынѣ, наканунѣ 300-лѣтняго юбилея царствующаго дома Романовыхъ, та пропасть, которая создана была Петромъ Великимъ между государственной властью и «землею», принципіально сравнена: манифестъ 17-го октября 1905 года возстановилъ то договорное начало, которое было установлено при избраніи перваго представителя рода Романовыхъ. Власть и народъ снова встрѣтились лицомъ къ лицу для совмѣстной работы на пользу Россіи. Быть можетъ, во вновь установившихся отношеніяхъ не все съ формальной стороны гладко, но, можно надѣяться, практика жизни, время и добрая воля обѣихъ сторонъ найдутъ возможность полнаго и всесторонняго единенія, при наличіи котораго русскому народу не будутъ страшны никакія бури и невзгоды, если только имъ суждено будетъ пронестись по лицу нашей земли.

Не вступая въ разсмотрѣніе отдѣльныхъ эпизодовъ и мѣропріятій по обоимъ царствованіямъ первыхъ Романовыхъ, отмѣтимъ лишь, что въ первое изъ этихъ царствованій главная забота правительства, во главѣ котораго фактически сталъ отецъ Михаила Ѳедоровича, патріархъ Филаретъ, заключалась въ ликвидаціи печальныхъ послѣдствій

Императоръ Петръ Великій.

смутнаго врѣмени, въ укрѣпленіи народнаго хозяйства и въ борьбѣ съ злоупотребленіями чиновнаго сословія. Въ отношеніи сосѣдей Россія при Михаилѣ Ѳедоровичѣ не заняла выгодной позиціи и, не рѣшаясь на даже необходимыя военныя дѣйствія, всѣ силы употребила на упорядоченіе внутреннихъ дѣлъ. Большее оживленіе

творческаго порядка въ жизни страны наблюдается при Алексѣѣ Михайловичѣ. Тутъ одна реформа слѣдуетъ за другою, какъ въ области гражданской, такъ и церковной, и Россія, упорядоченная въ законодательномъ и административномъ отношеніяхъ, получаетъ возможность болѣе смѣлаго голоса въ дѣлахъ внѣшней политики. Однимъ изъ главныхъ послѣдствій этой стороны нашей жизни является перевѣсъ правительства Алексѣя Михайловича надъ Польшею, благодаря чему къ владѣніямъ Московскаго государства возвращаются Смоленскъ, Сѣверская область, лѣвобережная Украйна и городъ Кіевъ на правомъ берегу Днѣпра. Съ того времени на фонѣ русской жизни возникаетъ малороссійскій вопросъ, рѣшеніе котораго вернуло Московскому государству часть вотчинъ, бывшихъ колыбелью русскаго народа. Съ того времени наблюдается колонизаціонное движеніе великорусскаго племени на югъ и, съ другой стороны, распространеніе культурнаго воздѣйствія юга, находившагося издавна подъ польскимъ вліяніемъ, на всю территорію Московскаго государства. Человѣкъ для своего времени высокообразованный, Алексѣй Михайловичъ охотно даетъ мѣсто западноевропейскимъ вѣяніямъ и стремится въ рядѣ культурныхъ начинаній поднять значеніе Россіи до степени сосѣднихъ государствъ.

Такимъ образомъ, Россія подъ скипетромъ первыхъ Романовыхъ успокоилась и отдохнула отъ волненій предыдущихъ бурныхъ періодовъ, пришла въ государственную норму, окрѣпла экономически и вступила на путь приближенія къ европейскому просвѣщенію. Сами вѣнценосцы во всѣхъ этихъ реформенныхъ начинаніяхъ стояли во главѣ и личнымъ примѣромъ, личными симпатіями и наклонностями показывали своему народу путь движенія навстрѣчу прогрессу.

Резюмируя въ своемъ «Курсѣ русской исторіи» дѣянія первыхъ двухъ представителей дома Романовыхъ, авторъ «Курса» А. И. Боргманъ говоритъ, что и Михаилъ Ѳедоровичъ, и Алексѣй Михайловичъ, «стремясь возстановить дѣйствовавшій до смуты московскій порядокъ, внесли въ него, однако, много новаго, и московская Русь за время ихъ правленія значительно преобразовалась.

I. Верховная власть, освободившись отъ послѣднихъ признаковъ удѣльной старины и получивъ національно-демократическій характеръ, сдѣлалась вполнѣ неограниченной: разбитое смутой боярство должно было отказаться отъ политическихъ притязаній; земскіе соборы, сотрудничавшіе съ царемъ въ первой половинѣ XVII вѣка, во второй половинѣ его перестали созываться; теократическая попытка Никона окончилась неудачей. Единственнымъ общепризнаннымъ носителемъ всей полноты власти законодательной, судебной и исполнительной былъ царь, считавшійся также верховнымъ покровителемъ церкви.

«Установившееся самодержавіе приводило къ централизаціи управленія, т. е. къ управленію посредствомъ назначенныхъ властью

(а не избранныхъ населеніемъ) должностныхъ лицъ и вполнѣ зависимыхъ отъ нея учрежденій.

II. Московскія учрежденія, отличавшіяся прежде неоформленнымъ, расплывчатымъ характеромъ, со второй половины XVII вѣка стали постепенно получать опредѣленную организацію, какъ внѣшнюю, такъ и внутреннюю.

III. Московскія сословія выкристаллизовались, обособились другъ отъ друга и сложились въ три главныя группы: а) служилую—дворянскую, б) торгово-промышленную—посадскую, в) крѣпостную—крестьянскую.

IV. Внутренній застой московской жизни былъ побѣжденъ церковной реформой и цѣлымъ рядомъ сознательныхъ подражаній Западной Европѣ.

V. Въ нѣкоторой части московскаго общества крѣпла вѣра въ могущество западной науки и зрѣли планы широкихъ преобразованій.

«Послѣднее показываетъ, что «русскій народъ», какъ говоритъ историкъ Соловьевъ, «собрался въ дорогу и ждалъ вождя».

«Такимъ вождемъ сталъ младшій сынъ Алексѣя Михайловича—Петръ Великій».

Громадное значеніе новой династіи въ жизни Россіи получается съ появленіемъ на престолѣ Петра Алексѣевича. Въ его лицѣ и его дѣятельности домъ Романовыхъ оказываетъ Россіи необычайныя услуги и создаетъ изъ еще недавняго полуазіатскаго государства мощную европейскую державу, которая становится по своимъ міровымъ задачамъ въ уровень съ старѣйшими государствами Западной Европы. Петръ Великій воплотилъ въ себѣ въ полномъ объемѣ геній своего народа и представилъ всемірной исторіи образъ вѣнценосца, вся жизнь котораго цѣликомъ была отдана счастью и славѣ своей родины. На грани, отдѣляющей старую и новую Россію, онъ сталъ во весь свой гигантскій ростъ въ сіяніи «страшной славы съ окровавленнымъ топоромъ», которымъ съ безпощадностью рубилъ нѣкоторыя еще связи, соединявшія былое Московское государство династіи Рюриковичей съ традиціями и устоями обветшавшей старины. Петръ покончилъ съ Московскимъ государствомъ и создалъ новую Романовскую имперію, въ политическихъ условіяхъ жизни которой мы и встрѣчаемъ наступающій трехсотлѣтній юбилей нынѣ благополучно царствующаго дома.

Россія, какъ уже сказано было выше, и при Михаилѣ Ѳедоровичѣ, и при Алексѣѣ Михайловичѣ сдвинулась съ той мертвой точки, къ которой ее по необходимости прикрѣпили предшествовавшіе цари. Новыя вѣянія ужъ бродили въ русскомъ обществѣ въ половинѣ XVII вѣка, но вѣянія эти не носили на себѣ характера строгой опредѣленности, не конкретизировались выработанными и

отчеканенными внѣшними формулами. Россія въ царствованіе первыхъ двухъ Романовыхъ совершала свой медлительный государственный круговоротъ, что при быстромъ ростѣ культуры западныхъ сосѣдей представляло для нея громадную опасность. При счастливо сложившейся конъюнктурѣ историческихъ обстоятельствъ она могла быть отброшена къ востоку, замкнута въ тѣсныя рамки и явиться подобіемъ тѣхъ азіатскихъ державъ, которыя когда-то зачахли медленною смертью. Швеція, Польша были тѣми историческими врагами Россіи, которые на аренѣ исторической жизни ставили кандидатуру своего первенства надъ московскою державою. Вотъ эту самую опасность прозрѣлъ Великій Петръ уже въ раннемъ своемъ возрастѣ, почему и напрягъ всѣ силы своей воли къ тому, чтобы отвратить эту опасность и создать изъ подвластной ему державы крупную военную силу, которая мощью своего меча могла бы не только противостоять всѣмъ грядущимъ бѣдствіямъ, но и пойти имъ навстрѣчу, дабы тѣмъ обезопасить свою великодержавность. До него «Великая Московія» была для западныхъ государствъ лишь громаднымъ рынкомъ, доставляющимъ ей необходимое сырье и потребляющимъ ея выдѣланные фабрикаты. Такое положеніе вещей до извѣстной степени сохранилось и понынѣ, благодаря громадности нашей территоріи, малой ея заселенности и незначительности культуры, но Петръ Великій ослабилъ силу этой экономической зависимости и выдвинулъ Россію на авансцену міровой жизни, какъ крупный политическій факторъ, въ извѣстные моменты оказывавшій на судьбы Западной Европы рѣшающее вліяніе. Вѣкъ Екатерины II, Александра I, Николая I и послѣдующіе могли вылиться въ опредѣленные историческіе факты лишь благодаря тому, что Петръ Великій рѣзко разорвалъ съ традиціями Востока и при помощи военной силы, ради созданія которой имъ было принесено столько жертвъ, смѣло занялъ опредѣленное мѣсто среди старыхъ культурныхъ народовъ, которые, по необходимости, и признали значеніе Россіи, какъ великой державы.

Н. И. Костомаровъ въ своей художественной монографіи «Петръ Великій», обрисовывая сгущенными красками, съ преобладаніемъ въ нихъ темныхъ тоновъ, образъ великаго реформатора Россіи, говоритъ: «Петру помогло болѣе всего его самодержавіе, унаслѣдованное имъ отъ предковъ. Онъ создаетъ войско и флотъ, хотя для этого требуется безчисленное множество человѣческихъ жертвъ и плодъ многолѣтняго народнаго труда,—все приносится народомъ для этой цѣли, хотя собственно народъ этого ясно не понимаетъ и потому не желаетъ; все приносится оттого, что такъ хочетъ царь. Налагаются неимовѣрные налоги, высылаются на войну и на тяжелыя работы сотни тысячъ молодого здороваго поколѣнія для того, чтобы уже не возвратиться домой. Народъ разоряется, нищаетъ, зато Россія пріобрѣтаетъ моря, расширяетъ предѣлы государства,

организуетъ войско, способное мѣряться съ сосѣдями. Русскіе издавна привыкли къ своимъ стариннымъ пріемамъ жизни, они ненавидѣли все иноземное; погруженные въ свое внѣшнее благочестіе, они оказывали отвращеніе къ наукамъ. Самодержавный царь заставляетъ ихъ одѣваться по иноземному, учиться иноземнымъ знаніямъ, пренебрегать дѣдовскими обычаями, и, такъ сказать плевать на то, что прежде имѣло для всѣхъ ореолъ святости. И рус-

Императрица Екатерина I.

скіе пересиливаютъ себя, повинуются, потому что такъ хочетъ ихъ самодержавный царь».

По поводу этой характеристики мы въ своемъ мѣстѣ («Борьба за конституцію») говорили, что въ этой картинѣ, нарисованной далеко не любящей рукой, чрезвычайно, однако, мѣтко и вѣрно выдвинута художникомъ-историкомъ волевая сторона дѣятельности великаго реформатора: послѣдняя явилась тѣмъ живымъ насосомъ, который энергично выкачивалъ изъ страны и народа ихъ силу, способность и мощь, въ интересахъ государственности, ея крѣпости и военной

обороны; въ этихъ-то интересахъ вся страна была залита кровью и наполнена борьбою, при чемъ эта борьба шла не изъ нѣдръ народныхъ къ подножію престола, а въ обратномъ направленіи. Поэтому, если утвержденіе профессора С. Ѳ. Платонова [1]), что «реформы Петра по своему существу и результатамъ не были переворотомъ, Петръ не былъ «царемъ-революціонеромъ», какъ его иногда любятъ называть»,—и можетъ быть признано справедливымъ, то только съ оговоркою: настоящей революціи дѣйствительно еще не было въ смыслѣ коренного видоизмѣненія конструкціи старо-московскихъ учрежденій и ихъ содержанія или народной экономики, но способы осуществленія тѣхъ или иныхъ предначертаній были, несомнѣнно, революціоннаго характера и свойства; однако страна была такъ обезсилена волевымъ напряженіемъ дѣятельности верховной власти, что рѣшительно не имѣла силъ для какой-либо сложной и серьезной активной оппозиціи начинаніямъ этой власти, хотя самимъ начинаніямъ въ большинствѣ случаевъ и въ большей своей части положительно не сочувствовала. Поэтому въ царствованіе Петра I, послѣ устраненія Софьи Алексѣевны отъ власти, не встрѣчается какого-либо широкаго народнаго движенія съ характеромъ общегосударственной смуты, которое бы серьезно грозило политическимъ и соціально-экономическимъ основамъ государственнаго уклада, какъ это было, напримѣръ, въ смутное время или въ дни возстанія Разина, хотя поводовъ и побудительныхъ причинъ было немало.

Принявъ на себя громадную задачу реформированія Россіи въ духѣ новаго времени и западно-европейскихъ идеаловъ, Петръ Великій поставилъ свою самодержавную власть на абсолютную высоту съ отвѣтомъ за свои дѣянія только передъ Богомъ и безъ права подчиненныхъ вопрошать ее, «что твориши». Эту идею своей власти, до извѣстной степени совпадающую съ тѣмъ же понятіемъ о власти Іоанна Грознаго, Петръ Великій рѣзко обосновалъ въ «Воинскомъ уставѣ», а также провелъ ее въ сочиненіи Ѳеофана Прокоповича «Правда воли монаршей». Въ цѣляхъ безаппеляціонности своей власти преобразователь Россіи отказался отъ государственнаго элемента народосовѣтія, почему въ его царствованіе земскіе соборы не собираются, и голосъ земли доходитъ до него черезъ посредство поощряемыхъ имъ записокъ съ разсужденіями о государственномъ строительствѣ и управленіи. Такого рода участіе представителей общества и народа въ развитіи государственной жизни страны замѣняетъ въ глазахъ Петра необходимость въ быломъ народосовѣтіи, которое при своемъ функціонированіи могло бы и разойтись принципіально съ царемъ во взглядахъ на стремительность его мѣропріятій. Консервативная страна, недостаточно еще поли-

[1]) «Лекціи по русской исторіи».

Петръ II Императоръ и Самодержецъ
Всея Россіи
Petrus II Imperator
totius Russiæ

тически воспитанная, могла бы передъ лицомъ всей земли выразить своему царю извѣстное несочувствіе, руководясь въ данномъ случаѣ не столько соображеніями общегосударственными, сколько побужденіями экономической и соціальной заинтересованности. Записки же и меморіалы, толкующіе только о средствахъ и способахъ

государственнаго правленія о конструкціи тѣхъ или иныхъ учрежденій, не являлись для царя нравственно обязательными и никоимъ образомъ не должны были допускать критику основныхъ устоевъ имперіи, гдѣ Петромъ Великимъ незыблемо опредѣлялась форма нашего государственнаго строя.

Въ интересахъ все той же своей политики въ области государственнаго управленія Петръ I кореннымъ образомъ измѣнилъ и законъ о престолонаслѣдіи, поставивъ его въ исключительную зависимость отъ данной самодержавной воли; но неожиданная кончина царя не дала ему возможности выразить по сему предмету воли о наслѣдованіи послѣ него, и, такимъ образомъ, благодаря несчастной случайности, вопросъ о русскомъ престолѣ попалъ въ зависимость отъ явленій случайныхъ. По сему предмету намъ приходится только повторить свои заключенія, высказанныя въ книгѣ «Борьба за конституцію». По нашему мнѣнію, судьба обширной монархіи съ далеко еще не укрѣпленными и не обезопашенными границами, гдѣ въ каждую данную минуту могли или вспыхнуть тѣ или иныя волненія, или куда свободно могли вторгнуться полчища непріятелей, была отдана во власть тѣхъ, кто ближе всего стоялъ къ престолу и кто могъ располагать для завладѣнія этимъ престоломъ необходимыми матеріальными средствами и легчайшею возможностью. Благо государства и народа было брошено въ руки произвола, и послѣдній не запоздалъ принести губительные плоды. Петръ оставилъ послѣ себя жену, съ которой нѣкогда состоялъ въ внѣбрачной гражданской связи, по крови иностранку, женщину темнаго происхожденія и съ репутатціей «супруги Цезаря», двухъ внѣбрачныхъ дочерей ея, Анну и Елизавету, и малолѣтняго внука Петра Алексѣевича, сына несчастнаго, загубленнаго имъ царевича Алексѣя Петровича.

При былыхъ московскихъ порядкахъ не могло возникнуть и вопроса, кому надлежитъ вступить на престолъ и хотя бы номинально числиться правителемъ страны: народный голосъ именемъ земскаго собора, собраннаго въ той или иной формѣ, при тѣхъ или иныхъ обстоятельствахъ, произнесъ бы свое слово, которое, какъ бы его ни разсматривать, было бы юридической и верховной санкціей со стороны народа и страны. Несомнѣнно, что этотъ голосъ былъ бы поданъ за малолѣтняго Петра Алексѣевича, а фактическая власть вручена регентству и опекѣ, составленной изъ представителей духовной и государственной власти, представителей царствующаго дома и дворцовой среды. Такія регентства бывали уже на Руси, и почерпнуть примѣръ изъ прошлаго не представило бы труда, но воля, или, подъ угломъ зрѣнія юридическихъ понятій, произволъ Петра породилъ и развитіе этого произвола съ заключительнымъ здѣсь финаломъ въ актѣ захвата власти. И захватъ этотъ совершается при содѣйствіи нѣкоторыхъ вліятельныхъ вельможъ, преслѣдую-

щихъ въ данномъ случаѣ главнымъ образомъ цѣли личнаго благополучія, а также гвардіи, склоненной къ тому, между прочимъ, щедрыми подарками и деньгами. Послѣдняя съ этого момента и въ теченіе цѣлаго столѣтія, т. е. въ 1725 по 1826 годъ, становится главною вершительницею судебъ Русскаго царства, возводя на престолъ тѣхъ или иныхъ искателей его, низлагая былыхъ своихъ ставленниковъ и даже въ одномъ случаѣ устанавливая самую форму правленія.

Не успѣлъ Петръ Великій испустить послѣднее дыханіе, какъ на осиротѣлый престолъ вступила его жена, въ корнѣ разрушивъ этимъ тѣ основанія, на коихъ земскій соборъ 1613 года вручилъ дому Романовыхъ россійскій скипетръ и державу. Петръ I отсѣкъ отъ довѣреннаго его предкамъ самодержавія элементъ народосовѣтія, а супруга его внесла сюда еще элементъ иноземщины, обезнаціоналивъ такимъ образомъ идею московской неограниченной власти. Послѣднимъ актомъ было оказано волѣ народа полное пренебреженіе, и юридическую пропасть, созданную въ началѣ XVIII вѣка между престоломъ и народомъ, преемница Петра расширила еще болѣе. Съ момента вступленія Екатерины I на престолъ опорою самодержавія становится исключительно бюрократія, придворная знать и «любимцы гвардіи, гвардейцы, гвардіонцы», при пассивномъ отношеніи къ нему народа, роль котораго сводится къ тому времени къ исключительному и безмолвному повиновенію, что онъ неукоснительно и дѣлаетъ вплоть до Пугачевскаго бунта, когда откуда-то изъ очень глубокихъ нѣдръ народнаго духа какъ бы вырвался долго затаенный, скорбный и грозный вопль, потрясшій всю русскую землю кровавымъ терроромъ.

Не касаясь обстоятельствъ семейной и внутренней жизни великаго царя, оставляя въ сторонѣ разсмотрѣніе многочисленныхъ историческихъ фактовъ его царствованія и пути, по которому онъ шелъ въ своемъ самообразованіи, остановимся лишь на главнѣйшихъ его реформахъ и дѣяніяхъ въ кругу внѣшней политики.

Вступивъ на путь преобразованія, Петръ не столько передѣлалъ существовавшія до него государственныя учрежденія, сколько придалъ имъ новый видъ по западно-европейскому образцу. Онъ уничтожилъ былые московскіе приказы, на мѣсто которыхъ установилъ коллегіи, по коимъ и были правильно распредѣлены разныя стороны государственнаго управленія; каждая коллегія вѣдала особый кругъ дѣлъ, какъ, напримѣръ: дѣла судебныя, дѣла войсковыя, флота, доходовъ и расходовъ государства и т. д. Вмѣсто былой боярской думы имъ основанъ былъ правительствующій сенатъ, коему коллегіи были подчинены, управляясь присылаемыми имъ приказами. Въ 1719 году государство было подѣлено на двѣнадцать губерній, губерніи на провинціи, а провинціи на уѣзды. Всѣ эти мѣстныя учрежденія съ ихъ органами управленія были подчинены кол-

легіямъ. Надъ провинціальными властями въ качествѣ прямой и высшей инстанціи стояли камеръ- и юстицъ-коллегіи и главный магистратъ. Такимъ образомъ, Петръ создалъ довольно стройную систему административнаго управленія и придалъ государству спеціальный полицейско-бюрократическій характеръ, при чемъ, однако, принципы административный и судебный были достаточно раздѣлены; элементы, связывавшіе всю администрацію и служившіе для контроля надъ послѣднею со стороны сената, были фискалы (контролеры финансовые, а отчасти судебные) и прокуроры, пользовавшіеся болѣе широкими полномочіями, нежели фискалы. Эти контролирующія административно-судебныя единицы состояли при всѣхъ учрежденіяхъ, были подчинены генералъ-прокурору, являвшемуся соединительнымъ звеномъ между государемъ и сенатомъ.

Въ области податной системы была введена подушная подать, т. е. правительство стало собирать подать не со двора, какъ это практиковалось въ Московскомъ государствѣ, а съ каждой ревизской души. Въ виду крайняго напряженія рессурсовъ, пошлины были доведены до высокой степени, но, дабы страну не постигло полное обнищаніе, царь стремился рядомъ съ сельско-хозяйственною производительностью страны развить въ ней фабрично-заводскую, почему при немъ вы видимъ значительный ростъ преимущественно крупныхъ фабрикъ и заводовъ, объединявшихъ около своихъ производительныхъ станковъ большое количество населенія. Серьезное вниманіе было имъ обращено на развитіе ископаемыхъ богатствъ страны, а также на правильное оборудованіе территоріи путями сообщенія—дорогами и каналами, назначеніе которыхъ сводилось къ облегченію товарообмѣна между населенными пунктами. При всѣхъ этихъ мѣропріятіяхъ главное вниманіе было обращено на то, чтобы таковыя имѣли въ виду ближайшимъ образомъ способствовать нарастанію военной мощи.

Рядомъ съ заботами о матеріальномъ преуспѣяніи страны Петръ не меньше заботъ полагалъ на дѣло народнаго просвѣщенія, въ каковыхъ видахъ учреждаетъ рядъ свѣтскихъ школъ, низшихъ и высшихъ, ставитъ дворянству въ обязанность обученіе грамотѣ, причемъ неграмотный дворянинъ приравнивался по своему положенію къ крестьянину. Онъ посылаетъ за границу молодыхъ людей для обученія разнымъ спеціальностямъ, вызываетъ въ Россію изъ Западной Европы представителей разной учености, поручаетъ ихъ руководству разныя отрасли просвѣщенія и промышленности; создаетъ у насъ книжное дѣло и въ интересахъ государственной гласности повременную прессу.

Усматривая въ представителяхъ церковности опасность своимъ нововведеніямъ, онъ подчиняетъ все церковное управленіе свѣтской власти; патріархатъ исчезаетъ, и на мѣсто его создается коллегіальное учрежденіе въ лицѣ святѣйшаго синода, съ властью оберъ-

прокурора, являющагося звеномъ между самодержцемъ и новымъ учрежденіемъ по управленію церковными дѣлами. По отношенію монашества, столь широко развитаго въ Московской Руси, Петръ принимаетъ ограничительныя мѣры и требуетъ, чтобы монастыри являлись органами духовнаго просвѣщенія народа и очагами человѣколюбія по призрѣнію больныхъ, увѣчныхъ и дѣтей-сиротъ.

Для всѣхъ этихъ быстро слѣдующихъ другъ за другомъ реформъ царь находитъ въ себѣ достаточно силъ и времени, чтобы ихъ уста-

Императрица Анна Іоанновна.

павливать, формулировать и слѣдить за правильнымъ ихъ функціонированіемъ. Его государственный взоръ и государева воля проникаютъ во всѣ стороны русской жизни, приводятъ все окружающее въ непрерывное движеніе и создаютъ изъ дотолѣ мирно покоившейся страны котелъ бурнаго кипѣнія. Но понятно, какъ ни велики были физическія и духовныя силы геніальнаго представителя русскаго народа, его одного на все не хватало, а потому онъ создаетъ себѣ кадръ помощниковъ, руководясь въ выборѣ таковыхъ не былыми соображеніями высокаго родового происхожденія, а степенью талантливости, сочувствія къ своему реформаторскому импульсу и способностью стать на высоту извѣстнаго порученія и требованія момента. Поэтому рядомъ съ родовитыми лицами, какъ Шереметевы,

Апраксинъ, Долгорукіе, мы видимъ и лицъ низкаго происхожденія, каковыми были Меншиковъ, Шафировъ и др. Разрывая съ традиціями былого царскаго обихода, Петръ, по заключеніи своей первой супруги въ монастырь, беретъ себѣ въ жены женщину простого происхожденія—Екатерину Скавронскую, и этимъ отрѣзаетъ возможность какимъ-либо родовымъ придворнымъ связямъ и интригамъ. Даже своего сына, несчастнаго Алексѣя Петровича, онъ приноситъ въ жертву благу страны, увидавъ въ немъ сторонника и поклонника былого московскаго уклада жизни.

Создавая военную мощь Россіи, царь доводитъ свою армію, преобразованную на европейскій ладъ, до 200 тысячъ человѣкъ, а флотъ—до сорока восьми большихъ кораблей и 800 мелкихъ судовъ. И эта армія, и этотъ флотъ были нужны ему для расширенія нашихъ слабо очерченныхъ границъ до морскихъ береговъ и открытія свободныхъ морскихъ путей въ интересахъ развитія отечественной торговли и промышленности. Борьба съ Карломъ XII и сокрушеніе его воинской славы на поляхъ Полтавы были тѣмъ кульминаціоннымъ пунктомъ въ жизни великаго государя, гдѣ, какъ въ фокусѣ, отразились всѣ его сокровенныя думы о Россіи и оправдались его труды и заботы о великодержавности Россіи.

Авангардомъ Европы въ достиженіи умаленія политическаго значенія Россіи сначала была Польша, а ко времени Петра I ея мѣсто было занято Швеціей. По словамъ сотрудника царя извѣстнаго Шафирова, «шведская корона, всегда россійскому государству враждебная, паче всего искала, дабы всегда оное въ невѣдѣніи въ воинскихъ и политическихъ дѣлахъ содержать и ни до какого искусства чрезъ обхожденіе съ европейскими народами не допускать, какіе максимы или правила королями шведскими предложены были, о которыхъ Пуфендорфъ напоминаетъ, а именно, чтобъ всяко содержать россійскій, яко сильной народъ внѣ экерциціа военнаго». Имѣя противъ себя одновременно враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ, интересы которыхъ для даннаго историческаго момента совпадали, Петру приходилось бороться на два фронта, причемъ пораженіе со стороны врага внѣшняго было для него, а съ нимъ вмѣстѣ и для всей Россіи, равносильно полному крушенію готовившагося и уже отчасти совершившагося обновленія нашего государственнаго и политическаго строя. Поэтому, когда въ 1700 г. началась Великая Сѣверная война, то Петру пришлось проявить всю свою желѣзную энергію и волю, чтобы привести эту войну къ благополучному для Россіи концу, несмотря даже на отсутствіе рука объ руку съ нимъ надежныхъ союзниковъ и несмотря на претерпѣваемыя въ началѣ войны неудачи. Разгромъ русскаго войска Карломъ XII при Нарвѣ не смутилъ царя, и въ своемъ письмѣ боярину Шереметеву онъ приказывалъ не впадать въ отчаяніе отъ несчастія и безъ всякихъ отговорокъ оставаться при «начатомъ дѣлѣ» и итти

впередъ «для лучшаго вреда непріятелю». Для усиленія этого вреда онъ мѣняетъ тактику, научая свои войска побѣждать врага мелкими стычками, ослабляя его набѣгами, партизанскими стычками и ставя въ затруднительное положеніе матеріальными лишеніями и недостаткомъ боевыхъ припасовъ. Эта тактика имѣла громадное воспитательное значеніе для молодого русскаго регулярнаго войска и не замедлила дать благіе практическіе результаты. «Боевое счастье» начинаетъ склоняться въ сторону Россіи. Уже съ 1701 года мы разбиваемъ непобѣдимыхъ дотолѣ шведовъ при Ропшиной мызѣ, затѣмъ при Эрестферѣ, при Гумельсгофѣ, беремъ штурмомъ Маріенбургъ, Нотебургъ, Ніеншанцъ, Дерптъ, Митаву. Въ промежутокъ пяти лѣтъ Петръ, не ослабляя своей преобразовательной политики въ дѣлахъ внутреннихъ и проявляя кипучую дѣятельность на самыхъ разносторонніхъ поприщахъ отечественной жизни, то какъ «мореплаватель», то какъ «плотникъ» и строитель новой сѣверной столицы, то какъ законодатель и насадитель у насъ европейскаго просвѣщенія, успѣваетъ создать армію, крещеную боевымъ побѣдоноснымъ огнемъ и сильную своимъ духомъ и вѣрою въ геній своего державнаго вождя. Въ это же время непобѣдимый прежде Карлъ XII, по образному выраженію нашего геніальнаго поэта, «скользилъ надъ бездною», воочію видя таяніе своей арміи и не имѣя возможности сойтись со своимъ вражескимъ исполиномъ грудь съ грудью. Войска Петра были неуловимы, и бывшему баловню военной фортуны оставалось лишь вымѣщать свою ярость на союзникахъ московскаго царя—саксонцахъ и полякахъ. Вѣсти о пораженіи послѣднихъ не причиняютъ огорченія будущему герою Полтавы, и онъ своимъ практическимъ умомъ рѣшаетъ дѣло въ томъ направленіи, что лишаетъ этихъ союзниковъ нужной имъ и выдававшейся прежде денежной субсидіи. Когда въ 1708 г. Карлъ свернулъ съ Смоленской дороги и направился для соединенія съ Мазепой въ Украину, его армія уже значительно ослабѣла и численно поубавилась. Вступленіе въ эту благодатную полосу, гдѣ онъ разсчитывалъ найти, согласно хвастливымъ обѣщаніямъ малороссійскаго гетмана, и многочисленныхъ союзниковъ, и необходимый ему провіантъ, ознаменовалось удачею: при м. Головчинѣ онъ разбиваетъ небольшой русскій отрядъ, пытавшійся заградить ему дорогу на югъ. Но радость этой побѣды скоро омрачилась извѣстіемъ о полномъ пораженіи шедшихъ къ нему на соединеніе войскъ Левенгаупта при д. Лѣсной. Изъ ожидавшейся имъ 16-тысячной арміи къ нему прибыло всего лишь 6 тысячъ, остальные или взяты были царемъ въ полонъ, или легли костьми на полѣ брани. Не оправдались и планы относительно Украины: Батуринъ, гдѣ шведовъ ожидали собранные Мазепою огромные продовольственные запасы, оказался сожженнымъ русскими войсками, а Малороссія совершенно неготовою къ гостепріимной встрѣчѣ шведскаго короля; къ нему присоединилось всего до

8,000 недисциплинированнаго казачьяго войска, которое явилось лишь обузою для шведовъ. Остальное малороссійское казачество осталось вѣрно царю. Петръ, поставивъ своего противника въ тяжелую матеріальную обстановку, лишилъ его союзниковъ и окружилъ желѣзнымъ воинскимъ полукругомъ, прорваться черезъ который было уже трудно. Слабая въ отношеніи обороны Полтава приковала къ себѣ вниманіе Карла; онъ рѣшилъ направить на нее всѣ свои силы, вопреки совѣтамъ генераловъ, указывавшихъ на необходимость отступить въ Польшу за Днѣпръ, гдѣ въ свое время счастье неизмѣнно сопутствовало шведскому оружію. Штурмъ Полтавы Карлу не удался, и онъ предпринялъ ея правильную осаду, которую, однако, комендантъ крѣпости, полковникъ Келлинъ, искусно отбивалъ, ожидая себѣ выручки со стороны шедшихъ по пятамъ шведовъ войскъ Меншикова и Шереметева. 4-го іюня 1709 года къ арміи подъ Полтаву прибылъ самъ Петръ, до тѣхъ поръ занятый судостроеніемъ въ Воронежѣ, а 27-го числа уже грянулъ бой, знаменитый Полтавскій бой, столь художественно описанный Пушкинымъ. Достаточно уже воспитавъ свое войско, проведя его черезъ рядъ относительно мелкихъ побѣдъ и утвердивъ въ немъ вѣру въ Бога и царя, Петръ наканунѣ генеральнаго сраженія издалъ слѣдующій свой знаменитый указъ:

«Воины! Се пришелъ часъ, который долженъ рѣшить судьбу отечества. Вы не должны помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное, за родъ свой, за отечество, за православную нашу вѣру и церковь. Не должна васъ также смущать слава непріятеля, яко непобѣдимаго, которую ложно быти вы сами побѣдами своими надъ нимъ неоднократно доказали. Имѣйте въ сраженіи передъ очами вашими правду и Бога, поборающаго по насъ: на Того Единаго, яко всесильнаго въ браняхъ, уповайте, а о Петрѣ вѣдайте, что жизнь ему не дорога, только бы жила Россія въ блаженствѣ и славѣ, для благосостоянія вашего...»

Царь принималъ непосредственное участіе въ руководствѣ сраженіемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ въ приказѣ главнокомандующему фельдмаршалу Шереметеву такъ опредѣливъ свою роль: «Господинъ фельдмаршалъ! Поручаю вамъ мою армію и надѣюсь, что въ начальствованіи оною поступите вы согласно предписанію, вамъ данному, а въ случаѣ непредвидѣнномъ, какъ искусный полководецъ. Моя же должность надзирать за всѣмъ вашимъ начальствованіемъ и быть готовымъ на сикурсъ во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ требовать будетъ опасность и нужда».

Побѣда наша надъ врагомъ была полная. Шведы потеряли болѣе 9,000 убитыми и ранеными и 2,700 плѣнными; въ числѣ послѣднихъ были Пиперъ, первый министръ короля, и главнокомандующій фельдмаршалъ Реншильдъ. Карлъ въ сопутствіи Мазепы спасся бѣгствомъ. По окончаніи боя, когда результаты его окончательно

Императрица Елизавета Петровна.

опредѣлились, Петръ, окруженный своими сотрудниками, преклонивъ мечъ, сказалъ: «Здравствуйте, сыны отечества, чады мои возлюбленныя! Потомъ трудовъ моихъ создалъ я васъ; безъ васъ государству, какъ тѣлу безъ души, жить невозможно. Вы, имѣя любовь къ Богу, къ вѣрѣ православной, къ отечеству, славѣ и ко мнѣ, не щадили живота своего и на тысячу смертей устремлялись безбоязненно. Храбрыя дѣла ваши никогда не будутъ забвенны у потомства».

Послѣдствія Полтавской побѣды для дальнѣйшей исторіи Россіи были неисчислимы, велики и рѣшительны: «викторія» Петра Великаго укрѣпила все дѣло его преобразованій, убѣдила его противниковъ въ правотѣ государственныхъ и культурныхъ начинаній царя, уничтожила сепаратистическія тенденціи въ Украинѣ, сохранивъ, такимъ образомъ, цѣлостность и единство русской державы, и дала властное положеніе Россіи въ сонмѣ прочихъ европейскихъ государствъ. По словамъ Шафирова, «прежде о россійскомъ народѣ въ другихъ европейскихъ государствахъ разсуждали и писали, какъ о индійскомъ, персидскомъ и другихъ народахъ, и не токмо ни въ какихъ европейскихъ дѣлахъ, до войны и миру принадлежащихъ, никакой рефлексіи и разсужденія не имѣли, но и въ число европейскихъ народовъ мало причитали; нынѣ же никакое дѣло даже въ отдаленныхъ краяхъ европейскихъ не чинится, въ которому бы или о пріязни и союзѣ его царскаго величества не старались, или осторожности и опасности отъ него себѣ не имѣли».

Территоріальнымъ результатомъ нашей борьбы со шведами было то, что политическое первенство сѣверныхъ державъ перешло въ русскія руки, и мы, завладѣвъ всѣмъ теченіемъ Невы, вмѣстѣ съ тѣмъ заняли и твердо укрѣпились на всемъ финскомъ и балтійскомъ побережьи, которымъ неизмѣнно владѣемъ и понынѣ. Хотя Петру не удалось открыть для Россіи южный портъ, зато онъ обезпечилъ за своей родиной порты сѣверные и сѣверо-западные, которые и явились въ нашей исторической жизни, съ одной стороны, сильными крѣпостями, обезпечивающими до извѣстной степени новую императорскую резиденцію, а съ другой—тѣми вывозными портами, черезъ которые мы обезпечивали свою торговлю съ Западной Европой.

1725 годъ принесъ Россіи великое горе: великій царь скончался на 53 году жизни, т. е. въ такую пору, когда онъ могъ уже вкушать плоды трудовъ своей кратковременной жизни. Россія осиротѣла, но государственные и политическіе завѣты отошедшаго въ вѣчность монарха остались для нея священны. Возврата къ московской старинѣ уже не было, и преемники Петра I въ той или иной степени вынуждены были итти по тому пути развитія Россіи, каковой ей предопредѣлилъ геніальный представитель династіи Романовыхъ.

Преемники почившаго императора не внесли нужныхъ улучшеній во внутреннее государственное управленіе, которое не удовлетворяло при жизни даже и творца его. Въ періодъ съ 1725 по 1762 годъ мы не наблюдаемъ того оживленія экономическихъ производительныхъ и духовныхъ силъ страны, каковое могло осуществляться при стоящемъ на высотѣ своего призванія правительствѣ. Въ центральныхъ учрежденіяхъ въ сильной степени потерялъ свое

значеніе Петровскій сенатъ и генералъ-прокурорская власть; въ интересахъ своекорыстныхъ и сословныхъ вліяніе этихъ учрежденій уступило мѣсто сначала верховному тайному совѣту, засимъ кабинету, долженствовавшимъ, въ сущности, фальсифицировать державную волю лицъ, занимавшихъ Петровскій престолъ. Было нарушено единство и въ провинціальныхъ учрежденіяхъ, и если въ чемъ наблюдались нѣкоторые успѣхи государственной политики преемниковъ Великаго Петра, то это въ области торгово-промышленнаго народнаго хозяйства. Значительно поколебались и соотношенія сословныхъ группъ, при чемъ въ данномъ колебаніи интересы дворянства получаютъ преимущество надъ интересами крестьянства, которое подпадаетъ подъ сильную личную зависимость отъ первенствующаго сословія, получающаго всяческія милости и льготы, благодаря тѣмъ услугамъ, кои это сословіе въ лицѣ стоящей близко къ престолу гвардіи оказываетъ тѣмъ или инымъ претендентамъ на владѣніе россійскимъ скипетромъ. Но въ общей сложности установленный Петромъ полицейско-бюрократическій характеръ государственнаго механизма удерживается, частію по инерціи, частію отъ неспособности правителей создать нѣчто новое, болѣе удовлетворяющее соціальнымъ и экономическимъ запросамъ страны. Въ періодъ правленія Анны Іоанновны и регентства Анны Леопольдовны наблюдается въ жизни государства нѣкоторая измѣна націоналистическому принципу, но уже съ воцареніемъ Елизаветы Петровны вліянію домашнихъ иноземцевъ наступаетъ конецъ, и русскіе люди, какъ то было при Петрѣ I, снова получаютъ преобладающее значеніе въ управленіи государствомъ. Въ общемъ можно сказать, что послѣдовавшія одно за другимъ царствованія Екатерины I, Петра II, Анны Іоанновны и даже Елизаветы Петровны не сыграли на общемъ фонѣ отечественной дѣйствительности особо выдающейся роли и не оставили въ памяти народной виднаго и благодарнаго слѣда.

Немного выиграла Россія въ успѣхахъ своей внѣшней политики, и только войны при Аннѣ Іоанновнѣ и въ особенности при Елизаветѣ Петровнѣ продолжали напоминать Европѣ, оттоманскому правительству и Востоку, что воинскія традиціи великаго преобразователя Россіи не исчезли, и русская армія во всякій нужный моментъ готова силою оружія до послѣдней крайности защищать интересы имперіи почившаго императора. Въ особенности сила русскаго оружія дала себя знать при Елизаветѣ Петровнѣ въ Семилѣтнюю войну, когда русскія войска, впервые выведенныя за западные предѣлы своего отечества, сумѣли занять даже столицу Фридриха Великаго.

Просвѣтительныя начинанія до воцаренія Елизаветы не могли быть отмѣчены особыми успѣхами. Въ этомъ отношеніи до нея наблюдается въ жизни страны даже своего рода регрессъ. Нѣмцы, стоявшіе во главѣ руководства нашими правительницами, не дѣй-

ствовали животворяще на русскую жизнь и только вносили сюда элементъ оскорблевія національнаго чувства. Только съ ея воцареніемъ просвѣтительныя тенденціи ея великаго родителя снова выступаютъ на авансцену, и Россія обогащается нѣкоторыми учебными заведеніями, сыгравшими въ жизни русскаго народа немаловажную роль. Такъ, въ 1755 году въ Москвѣ былъ основанъ университетъ съ тремя факультетами—юридическимъ, медицинскимъ, и философскимъ—и двумя гимназіями для подготовки ко вступленію въ него; въ 1757 году въ Петербургѣ открыта академія художествъ и первый театръ для публики, директоромъ котораго былъ назначенъ первый русскій свѣтскій драматургъ Сумароковъ. При ней же было обращено особенное вниманіе на насажденіе въ нашемъ отечествѣ широкой медицинской помощи и выказана забота о судьбѣ инвалидовъ, какъ изъ состава офицеровъ, такъ и солдатъ. Подобно тому, какъ ея родитель создалъ въ сѣверной столицѣ первую газету, такъ она основала при московскомъ университетѣ «Московскія Вѣдомости», явившіяся для провинціальной Россіи освѣдомительнымъ органомъ о разныхъ явленіяхъ отечественной жизни. Вообще при Елизаветѣ Петровнѣ наблюдается подъемъ національнаго самосознанія, подавленнаго въ предыдущую эпоху.

Эпоха преемниковъ Петра Великаго, каковую можно опредѣлить періодомъ времени съ 1725 по 1762 годъ, была богата всяческими придворными авантюрами, вліяніемъ фаворитовъ, почему наши романисты попользовались немалымъ историческимъ матеріаломъ изъ тѣхъ годовъ для своихъ романовъ, повѣстей и монографій. Въ послѣднее время эпохою преемниковъ великаго Петра особенно занялся польскій историкъ К. Валишевскій, въ рядѣ мастерскихъ жизнеописаній ярко воспроизведшій ту смутную и любопытную эпоху съ ея сильными и слабыми представителями. Въ текущемъ году редакція «Историческаго Вѣстника» даетъ на своихъ страницахъ романъ, берущій содержаніе изъ начала царствованія Анны Іоанновны, возведенной волею верховниковъ на всероссійскій престолъ послѣ того, какъ мужская вѣтвь дома Романовыхъ со смертью Петра II закончилась. Этотъ романъ «Борьба у престола» талантливаго беллетриста Ф. Е. Зарина-Несвицкаго воспроизведетъ передъ читателями одну изъ любопытнѣйшихъ страницъ русской исторіи, когда сдѣлана была попытка за поднесеніе скипетра и державы забытой дотолѣ курляндской герцогинѣ ограничить самодержавную волю русскаго монарха и насадить въ Россіи аристократическую конституцію. Мы подробно говорили въ свое время объ этомъ историческомъ моментѣ въ нашихъ очеркахъ «Борьба за конституцію», почему не будемъ предвосхищать у нашего беллетриста его яркій историческій матеріалъ и не лишимъ его произведеніе интереса новизны.

Императоръ Петръ III.

Императоръ Петръ III [1]), приходившійся племянникомъ Елизаветѣ Петровнѣ и вывезенный ею изъ Голштиніи для наслѣдованія престола своей тетки, не оправдалъ ни надеждъ почившей императрицы, ни чаяній русскаго народа. Онъ оказался слишкомъ преданнымъ интересамъ прусскаго короля и не достаточно отвѣчающимъ

[1]) Сынъ дочери Петра Великаго Анны, выданной замужъ за герцога Голштинскаго.

идеаламъ самодержца, укоренившимся со временъ первыхъ Романовыхъ въ народѣ. Хотя въ своихъ внутреннихъ мѣропріятіяхъ: отмѣна указа о вольности дворянства, уничтоженіе тайной канцеляріи, занимавшейся спеціально сыскомъ и пытками, запрещеніе преслѣдовать раскольниковъ,—онъ и не принесъ государству вреда, но тѣмъ не менѣе все его поведеніе задѣло самолюбіе и гордость арміи, высшаго чиновничества и придворной знати, почему и дни его царствованія оказались болѣе чѣмъ коротки. Онъ былъ сметенъ съ лица исторіи, и его мѣсто на престолѣ Великаго Петра заняла его супруга Екатерина Алексѣевна, бывшая ангальтъ-цербтская принцесса, открывшая собою въ жизни нашей государственности богатый сказочный вѣкъ съ его богатырями ума и чувства, покрывшими Россію неувядаемой славой.

Вѣкъ Екатерины, продолжавшійся почти тридцать пять лѣтъ, можетъ считаться по достигнутымъ имъ успѣхамъ въ области внѣшней политики и въ развитіи русскаго творчества и культуры однимъ изъ самыхъ блестящихъ періодовъ въ исторіи Россіи. Царствованіе «Сѣверной Семирамиды», какъ называли Екатерину, по всей справедливости разсматривается въ нашей исторіи въ качествѣ довершенія дѣлъ Петровыхъ. При ней наши границы значительно расширяются, мы получаемъ выходъ къ южнымъ портамъ, закрѣпляемъ свое положеніе на сѣверѣ въ отношеніи Швеціи и наносимъ рѣшительный ударъ безгосударственной въ то время Польшѣ, отсѣкая, такимъ образомъ, отъ нашей исторической жизни элементъ постоянной тревоги и безпокойства, стоившихъ намъ непрестаннаго напряженія вооруженныхъ силъ; Россія овладѣваетъ «жемчужиною Чернаго моря»—Крымомъ—и крѣпко цементируетъ своею государственностью средневѣковой укладъ Малороссіи. Къ тому же времени относится и усиленіе нашего движенія на Востокъ, гдѣ мы распространяемъ свои владѣнія на никому не принадлежавшій сѣверо-западный берегъ Америки отъ Берингова пролива до Испанской Калифорніи, устанавливаемъ наши торговыя сношенія съ Манилою, Кантономъ, Бостономъ и Нью-Іоркомъ. Такимъ образомъ, ведя борьбу и активную политику на всѣхъ фронтахъ, Россія до очень большого размѣра расширяетъ свою территорію, на которой наблюдается и сильный ростъ населенія. По ревизіи перваго года царствованія Екатерины II населеніе имперіи опредѣлялось въ 19 милліоновъ, по ревизіи послѣдняго года ея царствованія—въ 30 милліоновъ, причемъ изъ этой цифры 7 милліоновъ относятся къ пріобрѣтеннымъ землямъ царства Польскаго и Малороссіи.

Въ связи съ увеличеніемъ территоріи и населенія увеличивается и нашъ государственный бюджетъ; доходы достигаютъ 68 милліоновъ рублей, но ими не покрываются несомые въ тѣ годы расходы, благо-

ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ CATHERINE THE SECOND.

даря непрерывнымъ войнамъ и внутреннимъ смутамъ (Пугачевщина), потребовавшимъ отъ правительства мобилизаціи арміи до 400 тысячъ человѣкъ, то есть доведенія ея до цифры вдвое больше, чѣмъ каковой она располагала при Петрѣ I. Для покрытія расходовъ Екатерина устраиваетъ ассигнаціонный банкъ, а также прибѣгаетъ, впервые въ нашей исторіи, къ внѣшнимъ займамъ у иноземныхъ банкировъ, которые дарятъ уже Россію своимъ довѣріемъ, видя ея экономическій и культурный ростъ. Можно съ достаточной достовѣрностью полагать, что этотъ ростъ былъ бы еще сильнѣе, не вмѣшайся тутъ вопросъ дворянской политики, ради которой все было принесено въ жертву интересамъ первенствующаго сословія. Обязанная этому сословію возведеніемъ на престолъ и справедливо усматривая необходимость для себя, ради безопасности этого престола, опираться на дворянство, Екатерина придала характеръ своей внутренней политикѣ спеціально дворянскій, при ней это сословіе до-нельзя умножилось, кристаллизовалось въ своихъ правовыхъ сословныхъ интересахъ и стало какъ бы своего рода начальствомъ надъ всѣмъ прочимъ населеніемъ имперіи. Крѣпостное право при ней совершенно узаконяется и получаетъ характеръ института, безъ коего самое существованіе имперіи и ея учрежденій становится немыслимымъ.

Вмѣстѣ съ этимъ императрица употребляетъ большое усиліе на развитіе городской жизни, сосредоточивая тутъ рядомъ мѣропріятій значительные кадры населенія въ интересахъ развитія торговли и промышленности. Достаточно указать, что, если при Петрѣ I количество фабрикъ и заводовъ достигало цифры 250, то при Екатеринѣ эта цифра увеличилась въ восемь разъ, причемъ въ Россію охотно притекаютъ и иностранные капиталы. Одновременно съ этимъ, объ руку съ развитіемъ крупной промышленности идетъ и ростъ мелкой крестьянской или кустарной промышленности. Все это вмѣстѣ взятое обезпечиваетъ государству внутренній торговый круговоротъ и отдаляетъ его зависимость отъ западно-европейской промышленности и торговли, на долю которыхъ выпадаютъ операціи утопченными фабрикатами и предметами роскоши.

Окрѣпшая экономически государственность отшлифовывается окончательно и въ своемъ внѣшнемъ, такъ сказать, нарядѣ. Въ 1775 году Екатериною издается «учрежденіе для управленія губерній», по коему Россія дѣлилась на 51 губернію, причемъ въ составъ каждой этой губерніи входило отъ 300 до 400 тысячъ жителей; губерніи дѣлились только на уѣзды (дѣленіе на провинціи было уничтожено), а каждый уѣздъ обнималъ собою населеніе въ 20—30 тысячъ человѣкъ. Послѣ того, какъ измѣнены были областныя границы, было заново организовано и областное управленіе. Профессоръ С. Ѳ. Платоновъ въ своихъ «Лекціяхъ по русской исторіи» рисуетъ эту сторону реформаціонной дѣятельности государыни такъ:

«До 1775 г. главнымъ органомъ управленія въ губерніяхъ, провинціяхъ и уѣздахъ были губернаторы и воеводы со своими канцеляріями. Земскій элементъ, введенный въ областное управленіе Петромъ, удержался только въ городскомъ самоуправленіи и исчезъ изъ губернскаго управленія, почему мѣстная администрація стала бюрократической. Судъ, отдѣленный при Петрѣ отъ администраціи, вскорѣ снова слился съ нею. Такимъ образомъ, бюрократизмъ и смѣшеніе вѣдомствъ стали отличительными признаками мѣстнаго управленія. При этомъ составъ администраціи былъ малочисленъ, и администрація была слаба. Эта слабость ясно сказалась во время московскаго бунта 1771 г., происшедшаго подъ впечатлѣніемъ чумы. Московскіе сенаторы (въ Москвѣ было два департамента сената) и прочія власти растерялись при первомъ движеніи народа. Противъ мятежной толпы, убившей архіепископа Амвросія, не могли собрать и 500 солдатъ. Московскій главнокомандующій графъ Салтыковъ горько жаловался Екатеринѣ на недостаточность своихъ средствъ для борьбы съ чернью: «я одинъ въ городѣ и сенатъ,— писалъ онъ:—помощниковъ нѣтъ, команды военной недостаетъ... помочь мнѣ некому». Еще сильнѣе сказалась слабость администраціи во время извѣстнаго Пугачевскаго бунта въ 1773—1774 годахъ. Этотъ бунтъ возникъ среди казачества на Уралѣ и былъ послѣдней попыткой его борьбы съ режимомъ государства. Не страшное само по себѣ движеніе казаковъ стало особенно опаснымъ потому, что сообщилось крестьянству всего Поволжья. По случаю турецкой войны у правительства было мало войскъ, а администрація не могла ни во время сдержать крестьянскихъ волненій, ни принять должныхъ мѣръ, чтобы обезопасить не только общество, но и самихъ себя отъ всякихъ случайностей и опасностей. При такихъ условіяхъ Пугачевъ подъ именемъ Петра III могъ овладѣть громадными пространствами отъ Оренбурга до Казани, и борьба съ нимъ обратилась въ упорную войну. Только послѣ ряда битвъ Пугачевъ былъ пойманъ и казненъ въ 1774 г. Шайки его разсѣялись, но волненіе утихало не сразу, и Екатерина выработала свои учрежденія о губерніяхъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ необыкновеннаго погрома».

Государыня стремилась увеличить силы администраціи, разграничить вѣдомства и привлечь къ участію въ управленіи земскіе элементы; въ этомъ ея начинанія напоминаютъ стремленіе Петра Великаго, но формы Екатерининской администраціи значительно разошлись съ формами Петровскаго времени, да и основанія ихъ были мало, въ сущности, сходны: учрежденія Екатерины прежде всего были гораздо сложнѣе учрежденій Петра.

Въ каждомъ губернскомъ городѣ, какъ то свидѣтельствуетъ г. Платоновъ, были установлены: 1) губернское правленіе—главное губернское учрежденіе съ губернаторомъ во главѣ. Оно имѣло административный характеръ, являлось ревизоромъ всего

управленія, представляло собою правительственную власть губерніи, 2) палаты уголовная и гражданская, высшіе органы суда въ губерніи, 3) палата казенная—органъ финансоваго управленія. Всѣ эти учрежденія имѣли коллегіальный характеръ (губернское правленіе—лишь по формѣ, ибо вся власть принадлежала губернатору) и бюрократическій составъ, и вѣдали всѣ сословія губерніи. Затѣмъ въ губернскомъ городѣ были: 4) верхній земскій судъ—судебное мѣсто для дворянскихъ тяжбъ и для суда надъ дворянами, 5) губернскій магистратъ—судебное мѣсто для лицъ городского сословія по искамъ и тяжбамъ на нихъ, 6) верхняя расправа—судебное мѣсто для однодворцевъ и государственныхъ крестьянъ. Эти суды имѣли коллегіальный характеръ, состояли изъ предсѣдателей—коронныхъ судей, и засѣдателей—выборныхъ того сословія, дѣлами котораго занималось учрежденіе. По кругу дѣлъ и по составу эти учрежденія были, стало быть сословными, но дѣйствовали подъ руководствомъ коронныхъ чиновниковъ. Наконецъ, въ губернскомъ городѣ были: 7) совѣстный судъ для полюбовнаго рѣшенія тяжбъ и для суда надъ невмѣняемыми преступниками и непреднамѣренными преступленіями, и 8) приказъ общественнаго призрѣнія—для устройства школъ, богадѣленъ и пріютовъ и т. п. Въ обоихъ этихъ мѣстахъ предсѣдательствовали коронные чиновники, засѣдали представители всѣхъ сословій и вѣдались лица всѣхъ сословій. Такъ, не будучи сословными, эти учрежденія не были и бюрократическими.

«Въ каждомъ уѣздномъ городѣ находились: 1) нижній земскій судъ—вѣдавшій уѣздную полицію и администрацію и состоявшій изъ исправника (капитана-исправника) и засѣдателей; и тотъ и другіе избирались изъ дворянъ уѣзда; исправникъ считался начальникомъ уѣзда и былъ исполнительнымъ органомъ губернскаго управленія; 2) уѣздный судъ—для дворянъ, подчиненный верхнему земскому суду; 3) городской магистратъ—судебное мѣсто для горожанъ, подчиненное губернскому магистрату (городская полиція была ввѣрена коронному чиновнику—городничему); 4) нижняя расправа—судъ для государственныхъ крестьянъ, подчиненный верхней расправѣ. Всѣ эти учрежденія по своему составу были коллегіальными и сословными мѣстами (изъ лицъ того сословія, дѣла котораго вѣдали), только предсѣдатель нижней расправы былъ назначаемъ отъ правительства.

Были установлены еще два учрежденія: для попеченія о вдовахъ и дѣтяхъ дворянъ была установлена дворянская опека (при каждомъ нижнемъ земскомъ судѣ), а для призрѣнія вдовъ и сиротъ горожанъ—сиротскій судъ (при каждомъ городовомъ магистратѣ). И въ томъ, и въ другомъ учрежденіи членами были сословные представители. Въ дворянской опекѣ предсѣдательствовалъ предводитель уѣзднаго дворянства (они стали существовать со

времени Екатерининской комиссіи), а въ сиротскомъ судѣ—городской голова.

«Такова была система мѣстныхъ учрежденій Екатерины II,—говоритъ авторъ «Лекцій».—Мы видимъ, что вмѣсто довольно простыхъ формъ прежняго времени теперь раскинута въ каждой губерніи цѣлая сѣть учрежденій съ многочисленнымъ составомъ, и эта многочисленная администрація сосредоточена теперь въ меньшихъ административныхъ округахъ. При обиліи новыхъ учрежденій замѣчаемъ, что они стараются выдержать модный въ XVIII вѣкѣ принципъ раздѣленія вѣдомствъ и властей; но все же и по учрежденіямъ 1775 г. осталось громадное вліяніе администраціи на судъ, особенно уголовный. Мѣстныя общества получили нѣкоторое участіе въ дѣлахъ мѣстнаго управленія: и дворянство, и горожане, и даже люди низшихъ классовъ пополняли своими представителями большинство новыхъ учрежденій. Мѣстная администрація приняла видъ земскаго самоуправленія, дѣйствовавшаго, впрочемъ, въ значительной зависимости и подъ строгимъ контролемъ немногихъ правительственныхъ лицъ и бюрократическихъ органовъ. Екатерина думала, что она достигла своихъ цѣлей: усилила составъ администраціи, правильно распредѣлила вѣдомства между органами управленія и дала широкое участіе земству въ новыхъ учрежденіяхъ. Мѣстное управленіе вышло очень систематично и либерально. Оно отвѣчало до нѣкоторой степени и отвлеченнымъ теоріямъ Екатерины, потому что отразило на себѣ либеральныя ученія европейскихъ публицистовъ, и желаніямъ сословій, потому что имѣло несомнѣнную связь съ депутатскими желаніями. О самоуправленіи говорили въ комиссіи 1767—1768 годахъ. Но дѣйствительность не оправдала надеждъ, возлагавшихся на новыя губернскія учрежденія.

«Однако, будучи очень систематичны сами по себѣ, мѣстныя учрежденія 1775 г. не привели въ систему всего государственнаго управленія. Они не затронули формъ центральнаго управленія, но имѣли на него косвенное вліяніе. Центръ тяжести всего управленія былъ перенесенъ въ области, и въ центрѣ оставалась лишь обязанность руководства и общаго наблюденія. Екатерина сознавала это. Но она не тронула первоначально ничего въ центральномъ управленіи, а между тѣмъ перемѣны въ немъ должны были произойти, потому что Петръ именно на петербургскія коллегіи возложилъ главную тяжесть управленія. Перемѣны и произошли скоро: за неимѣніемъ дѣлъ коллегіи мало-по-малу стали уничтожаться. За водвореніемъ стройной системы въ мѣстномъ управленіи слѣдовало разстройство прежней системы въ управленіи центральномъ. Оно, въ свою очередь, стало требовать реформы и получило ее уже при императорѣ Александрѣ I (когда учреждены были министерства).

«Таковы были главныя мѣры Екатерины относительно управленія. Новыя учрежденія, притягивая къ себѣ силы мѣстныхъ обществъ, вносили нѣчто новое въ жизнь и отношенія сословій. Легко замѣтить, что за исключеніемъ двухъ учрежденій (совѣстнаго суда и приказа общественнаго призрѣнія) всѣ остальныя были органами какого-нибудь одного сословія. Самоуправленіе получило строго-сословный характеръ, оно не было новостью для горожанъ, зато громадною новостью было для дворянства.

«Учрежденія 1775 г., давая дворянству самоуправленіе, этимъ самымъ давали ему внутреннюю организацію. Для избранія должностныхъ лицъ дворяне должны были съѣзжаться всѣмъ уѣздомъ черезъ каждые три года и выбирали себѣ уѣзднаго предводителя, капитана-исправника и засѣдателей въ различныя учрежденія. Дворянство каждаго уѣзда становилось цѣлымъ сплоченнымъ обществомъ и черезъ своихъ представителей управляло всѣми дѣлами уѣзда; и полиція и администрація находились въ рукахъ дворянскаго учрежденія (нижній земскій судъ). По своему сословному положенію дворяне становились съ 1775 г. не только землевладѣльцами уѣзда, но и его администраторами. Въ то же время въ тѣхъ учрежденіяхъ 1775 г., составъ которыхъ былъ бюрократическимъ или на половину, или совсѣмъ, громадное число чиновниковъ принадлежало къ дворянству; поэтому можно сказать, что не только уѣздное, но и губернское управленіе вообще сосредоточивалось въ дворянскихъ рукахъ. Дворянство же изъ своихъ рядовъ давно уже поставляло, какъ мы видѣли, главныхъ дѣятелей и въ центральныя учрежденія. Съ упадкомъ старой аристократіи дворяне стали ближайшими помощниками верховной власти въ дѣлѣ управленія и наполняли всѣ высшія учрежденія въ качествѣ коронныхъ чиновниковъ. Такимъ образомъ, съ 1775 г. вся Россія отъ высшихъ до низшихъ ступеней управленія (кромѣ развѣ городовыхъ магистратовъ) стала управляться дворянствомъ: вверху они дѣйствовали въ видѣ бюрократіи, внизу—въ качествѣ представителей дворянскихъ самоуправляющихся обществъ.

«Такое значеніе для дворянства имѣли реформы 1775 г.; онѣ дали ему сословную организацію и первенствующее административное значеніе въ странѣ. Въ «учрежденіяхъ для управленія губерній», однако, и организація, данная дворянству, и ея вліяніе на мѣстное управленіе, разсматриваются какъ факты, созданные въ интересахъ государственнаго управленія, а не сословій. Позднѣе Екатерина тѣ же факты, ею установленные, и прежнія права и преимущества дворянъ изложила въ извѣстной жалованной грамотѣ дворянству 1785 года. Здѣсь уже начала сословнаго самоуправленія разсматриваются, какъ сословныя привилегіи, на ряду со всѣми тѣми правами и льготами, какія дворяне имѣли раньше. Жалованная грамота 1785 года явилась, такимъ образомъ, не новымъ по существу

закономъ о дворянствѣ, но систематическимъ изложеніемъ ранѣе существовавшихъ правъ и преимуществъ дворянъ съ нѣкоторыми, впрочемъ, прибавленіями. Эти прибавленія составляли дальнѣйшее развитіе того, что уже существовало. Главною новостью было признаніе дворянства не одного уѣзда, а цѣлой губерніи, за отдѣльное общество съ характеромъ юридическаго лица.

«Грамотою 1785 года завершенъ былъ тотъ процессъ сложенія и возвышенія дворянскаго сословія, какой мы наблюдали на пространствѣ всего XVIII вѣка. При Петрѣ Великомъ дворянинъ опредѣлялся обязанностью безсрочной службы и правомъ личнаго землевладѣнія, причемъ это право принадлежало ему не исключительно и не вполнѣ. При императрицѣ Аннѣ дворянинъ облегчилъ свою государственную службу и увеличилъ землевладѣльческія права. При Елизаветѣ онъ достигъ первыхъ сословныхъ привилегій въ сферѣ имущественныхъ правъ и положилъ начало сословной замкнутости. При Петрѣ III снялъ съ себя служебную повинность и получилъ нѣкоторыя исключительныя личныя права. Наконецъ, при Екатеринѣ II дворянинъ сталъ членомъ губернской дворянской корпораціи, привилегированной и державшей въ своихъ рукахъ мѣстное управленіе. Грамота 1785 года постановила, что дворянинъ не можетъ иначе, какъ по суду, лишиться своего званія, передаетъ его женѣ и дѣтямъ; судится только равными себѣ, свободенъ отъ податей и тѣлесныхъ наказаній, владѣетъ, какъ неотъемлемой собственностью, всѣмъ, что находится въ его имѣніи; свободенъ отъ государственной службы, но не можетъ принимать участія въ выборахъ на дворянскія должности, если не имѣетъ «офицерскаго чина». Таковы главнѣйшія права всякаго дворянина».

Не сдѣлавъ почти никакихъ видоизмѣненій въ организаціи и функціяхъ центральныхъ учрежденій, но рядомъ съ этимъ пересоздавъ мѣстныя учрежденія, придавъ строю Россіи рѣзко сословный характеръ, Екатерина Великая сумѣла при всей трудности своего положенія на тронѣ сохранить, однако, самодержавіе, какъ его утвердилъ Петръ Великій, въ полной неприкосновенности. Несмотря на то, что въ смыслѣ ограниченія ея самодержавныхъ правъ на нее было оказано давленіе Панинымъ, Екатерина только внимательно выслушивала своего политическаго ментора, но въ концѣ концовъ дѣлала именно то, что шло объ руку съ ея интересами, какъ неограниченной властительницы имперіи. Она не допускала никакой искусственной тѣни на своемъ самодержавіи и стремилась исключительно изъ собственныхъ рукъ дать подданнымъ счастье, но не въ той формѣ, какъ бы того они сами хотѣли, а какъ то соотвѣтствовало сложившимся у нея личнымъ понятіямъ о власти и просвѣтительнымъ государственнымъ философскимъ взглядамъ. Поэтому на фонѣ русской исторіи ея самодержавіе обрисовалось чрезвычайно колоритно; оно не было исторически-народно,

съ крѣпкими и глубокими корнями въ народной жизни, но популярно и національно, съ искусственными напластованіями на немъ вмѣстѣ съ тѣмъ и декоративныхъ сторонъ западно-европейской жизни. Просвѣтительный абсолютизмъ—вотъ ея знамя, которое она крѣпко держитъ въ рукѣ, порою склоняя его въ сторону одного лишь абсолютизма, а порою, и то съ большою острожностью,—въ сторону либерализма. Но какъ только этотъ либерализмъ набрасываетъ тѣнь на ея абсолютизмъ, онъ всегда и рѣшительно приносится въ жертву второму, причемъ средства, пускаемыя въ данномъ случаѣ въ ходъ, далеко не всегда гуманитарнаго порядка и либеральнаго характера. Слова у нея часто расходятся съ дѣломъ, а иногда съ этими словами исчезаетъ даже самое дѣло, почему послѣднее иногда и гибнетъ, оставляя по себѣ лишь красивый слѣдъ въ ея манифестахъ, въ ея письмахъ и даже въ представленіи загипнотизированныхъ и зачарованныхъ современниковъ. Такова была между прочимъ судьба ея «Наказа» и всего дѣла созыва депутатовъ въ Москву для сочиненія проекта новаго уложенія, гдѣ правительница выше всего поставила свое доктринерство и философію, свое личное «я», подчинивъ имъ реальныя потребности страны, ея историческій опытъ, наслѣдіе старины и живую волю народа. Съ этой стороны методы и характеръ ея управленія государствомъ отличествовали отъ таковыхъ же Петра I, но одно, что было у нихъ общаго и въ чемъ Екатерина справедливо считала себя ученицей и послѣдовательницей Петра,—это любовь къ Россіи, вѣчная, упорная работа на нее и сознаніе своей обязанности стоять на стражѣ и службѣ русскаго народа.

Подобно тому, какъ великій преобразователь Россіи *ставилъ просвѣщеніе народа краеугольнымъ камнемъ* его благосостоянія, такъ и Екатерина II въ своей политикѣ культурныхъ мѣропріятій выдвигала съ особенной силой именно начала просвѣщенія. При ней народное образованіе дѣлаетъ значительные шаги впередъ: появляется рядъ учебныхъ заведеній разныхъ типовъ, печатаются учебники и книги, и журналистикѣ вообще отводится государынею особенное вниманіе. Екатерина сама становится во главѣ русской журналистики, показываетъ примѣръ подданнымъ способовъ распространенія грамотности въ населеніи. Типографское дѣло, книжное дѣло, театръ, искусство, художества пользуются ея особымъ покровительствомъ и, благодаря ея въ этомъ отношеніи иниціативѣ и почину, получаютъ въ странѣ достаточное распространеніе. Книга, философская мысль, успѣхи западно-европейской науки становятся предметомъ достоянія не только придворныхъ и столичныхъ круговъ, но проникаютъ и въ широкую провинціальную дворянскую среду, гдѣ уже къ тому времени образуются настоящіе очаги просвѣщенія, выпускающіе изъ своихъ центровъ цѣлыя поколѣнія образованныхъ людей. Такимъ образомъ имя Екатерины

горитъ на экранѣ отечественной жизни яркими буквами и символизируетъ непрестанное движеніе Россіи навстрѣчу прогрессу и къ великодержавности объ руку съ прочими культурными государствами.

Окруженная плеядой блестящихъ сотрудниковъ, на выборъ каковыхъ Екатерина была мастерицею, она явила Европѣ менѣе чѣмъ черезъ 200 лѣтъ царствованія династіи Романовыхъ, случайною, правда, представительницею которыхъ она была въ Россіи, необычайный образецъ славы, пышности, расцвѣта. Скудная страна съ бѣднымъ и рѣдкимъ населеніемъ, заключенная въ тѣсныя границы, съ полнымъ отсутствіемъ свѣтскаго просвѣщенія, терзаемая со всѣхъ сторонъ врагами, смотрящими на нее, какъ на предметъ своихъ вожделѣній,—Россія изъ-подъ скипетровъ Петра и Екатерины становится государствомъ мірового значенія, соединеннымъ тѣсными узами родства, близости и общихъ экономическихъ интересовъ съ государствами, имѣвшими за собою многовѣковыя культуры и поставленными въ географическія и климатическія условія болѣе благопріятныя, нежели она. Менѣе чѣмъ въ 200 лѣтъ Русская земля изъ страны полуазіатской превратилась въ страну европейскую, и если въ низменныхъ ея сословныхъ напластованіяхъ наблюдается и по сю пору отсталость отъ таковыхъ же западно-европейскихъ, то въ значительной мѣрѣ мы должны поставить это обстоятельство на счетъ нашего труднаго географическаго положенія, гдѣ пространственность буквально высасывала соки изъ населенія въ интересахъ ея заселенности. Ни Петръ, ни Екатерина, эти столпы русской государственности XVIII вѣка, въ этомъ вины на себѣ не несутъ. Напряженность ихъ просвѣщенной воли сдѣлала для блага государства и народа даже болѣе того, что бы можно отъ нихъ ожидать, и эпитеты «Великіе», поднесенные имъ потомствомъ, заслужены ими по тому же праву, по какому лишь немногіе западно-европейскіе монархи его на себѣ носятъ.

Краткій размѣръ нашего очерка не позволяетъ намъ прослѣдить жизнь и дѣянія «Сѣверной Семирамиды» въ тѣхъ подробностяхъ, какъ онѣ этого заслуживаютъ. Закончимъ наше краткое повѣствованіе объ удивительномъ вѣкѣ Екатерины нѣсколькими строфами изъ прекраснаго стихотворенія Апухтина «Недостроенный памятникъ», гдѣ поэтъ даетъ мѣткую характеристику великой государыни. Онъ говоритъ:

Принцессою кочующей и бѣдной,
Какъ многія, явилася я къ вамъ,
И также жизнь моя могла пройти безслѣдно,
Но было иначе угодно небесамъ!
На шаткія тогда ступени трона
Ступила я безтрепетной ногой,
И заблистала старая корона
Надъ новою, вамъ чуждой, головой.

Зато какъ высоко взлетѣлъ орелъ двуглавый!
Какъ низко передъ нимъ склонились племена!
Какой немеркнущею славой
Покрылись ваши знамена!
Съ дворянства моего оковы были сняты,
Безъ пытокъ загремѣлъ святой глаголъ суда,
Въ столицу Грознаго сзывались депутаты,
Изъ нѣдръ степей вставали города
Я женщина была—и много я любила...
Но совѣсть шепчетъ мнѣ, что для любви своей
Ни разу я отчизны не забыла
И счастьемъ подданныхъ не жертвовала ей.
Когда Тавриды князь, наскучивъ пыломъ страсти,
Надменно отошелъ отъ сердца моего,
Не пошатнула я его могучей власти,
Гигантскихъ замысловъ его.
Мой пышный дворъ блисталъ на удивленье свѣту
Въ странѣ безлюдья и снѣговъ;
Но не былъ онъ похожъ на стертую монету,
На скопище безцвѣтное льстецовъ.
Отъ смѣлыхъ чудаковъ не отвращая взоровъ,
Умѣла я цѣнить, что мудро иль остро:
Зато въ дворецъ мой шли скитальцы, какъ Дидро,
И чудаки такіе, какъ Суворовъ;
Зато и я могла свободно говорить
Въ эпоху дикихъ войнъ и казней хладнокровныхъ,
Что лучше десять оправдать виновныхъ
Чѣмъ одного невиннаго казнить,
И не было то слово буквой праздной!
. . . . . .
. . . . . .
Да, управлять подчасъ бывало не легко!
Но всюду—дома ли, въ Варшавѣ, въ Византіи
Я помнила лишь выгоды Россіи
И знамя то держала высоко.
Хоть не у васъ я свѣтъ увидѣла впервые,
Вамъ громко за меня твердятъ мои дѣла:
Я больше русская была,
Чѣмъ многіе цари, по крови вамъ родные!...

Наслѣдовавшій своей великой матери сынъ ея Павелъ Петровичъ не принесъ особаго счастья Россіи ни въ дѣлахъ внутренней, ни въ дѣлахъ внѣшней политики. Трагедія его жизни легла тяжкимъ бременемъ на всѣ его дѣянія, и единственно, что красною нитью проходитъ черезъ всю его жизнь и дѣйствія, — это рыцарство, благородство и стремленіе принципу честности подчинить всѣ свои отношенія, какъ въ дѣлахъ личныхъ, такъ и государственнаго управленія, а также и въ международныхъ сношеніяхъ.

Если Петръ Великій, срубая зданіе государственной жизни, особенно строго каралъ все нечестное и лихоимное, то Екатерина Великая смотрѣла болѣе мягко на погрѣшности окружающихъ, а потому дѣйствительно въ русскую жизнь при ней вкрались многія отри-

цательныя стороны, которыя людей честныхъ и щепетильныхъ возмущали. Рыцарски-честный по своей природѣ, Павелъ особенно ополчился противъ этой стороны отечественной дѣйствительности и, лично непріязненно настроенный къ сподвижникамъ своей матери, устраняя ихъ отъ кормила правленія, вмѣсто нихъ, однако, не могъ и не умѣлъ найти равныхъ имъ по государственному опыту и вмѣстѣ съ тѣмъ соотвѣтствующихъ своему идеалу. Поэтому и всѣ его попытки внести въ соціальный строй, установленный Екатериною, начала законности и порядка успѣха не имѣли; онъ расшатывалъ старое, не замѣняя его ничѣмъ существенно новымъ, запутался въ рядѣ противорѣчій, возстановилъ противъ себя придворные и военные круги и палъ жертвою своего неуравновѣшеннаго нрава.

Въ дѣлахъ внѣшней политики онъ, вступая на престолъ, поставилъ себѣ задачею принципъ «невмѣшательства», но въ результатѣ, по пылкости своего нрава въ связи съ благородствомъ своихъ порывовъ, именно безъ всякой особой нужды впутался въ совершенно не касавшіяся Россіи внѣшнія осложненія и въ разныя времена оказывался то въ непримиримой враждѣ съ Франціей, то въ дружбѣ съ ней, то въ союзѣ, то въ обостренныхъ отношеніяхъ съ Австріей, то въ военныхъ приготовленіяхъ противъ Англіи. И если во внутренней жизни страны, въ земской и городской Россіи мы наблюдаемъ при немъ нѣкоторыя вѣянія справедливой гуманности, что шло ей, безспорно, на пользу, то въ дѣлахъ внѣшнихъ тотъ же принципъ гуманности явился съ того времени вреднымъ элементомъ въ нашихъ отношеніяхъ къ сосѣдямъ. При Петрѣ I и при Екатеринѣ II наша дипломатія на первый планъ ставила реальные интересы Россіи, отсюда успѣхъ нашей внѣшней политики и нашихъ войнъ. При Павлѣ это наличіе реальности исчезаетъ, замѣняется совершенно ненужными въ интересахъ міродержавства принципами рыцарскихъ чувствъ, почему Россія и оказывается въ водоворотѣ чуждыхъ ей европейскихъ событій безъ какой-либо крѣпкой надежды на справедливую компенсацію, но съ всегдашнимъ вѣроятіемъ понести уронъ въ той или иной части нашихъ дѣйствій. Рыцарскими чувствами Россіи разные союзники, конечно, охотно пользуются, такъ какъ безъ ея участія европейскія дѣла уже не совершаются, но сами они почти никогда не отплачиваютъ намъ равною монетою и, наоборотъ, стремятся при каждомъ удобномъ случаѣ поставить расширенію нашего міродержавства очень опредѣленные предѣлы. Съ начала XIX вѣка въ этомъ отношеніи особенно ярко проявляетъ свои тенденціи Англія, которой Павелъ Петровичъ, безъ всякихъ къ тому серьезныхъ поводовъ, бросилъ угрозу въ направленіи центра ея экономической жизни—въ азіатскихъ колоніяхъ. Съ того времени всѣ дѣйствія Россіи въ области внѣшней политики оказываются подъ постояннымъ надзоромъ и контролемъ англо-саксонской расы,

которая, какъ это усматривается изъ удивительно умной и компетентной книги г. Вандама «Наше положеніе», о которой мы вскорѣ дадимъ отзывъ,—успѣваетъ съ удивительнымъ упорствомъ и умѣніемъ оторвать и умалить достигнутые нами успѣхи въ области мірового владычества. Заканчивая нашу рѣчь о царствованіи Павла Петровича, скажекъ еще, что при немъ, по его личной волѣ, сообразно съ обстоятельствами его собственной трагической судьбы, былъ измѣненъ Петровскій законъ о престолонаслѣдіи, и послѣднее подчинено не усмотрѣнію монарха, а наслѣдственнымъ интересамъ династіи. Такимъ образомъ, длинному періоду женскаго правленія былъ положенъ конецъ, и, кромѣ того, имѣлась наличность опредѣленнаго царствующаго дома, который въ смыслѣ поколѣній сохранялъ за собою право преемства власти. Эту преемственность власти Павелъ и узаконилъ при коронаціи фамильнымъ актомъ о престолонаслѣдіи по прямой линіи въ мужскомъ колѣнѣ, составленнымъ имъ вмѣстѣ съ супругою въ 1788 году. Этимъ актомъ потенціальный вопросъ о претендентахъ на русскій престолъ былъ выброшенъ изъ недавняго еще историческаго обихода, и престолъ московскаго рода Романовыхъ внѣ всякой формальной санкціи народа былъ укрѣпленъ за семействомъ Павла Петровича. Со времени Павла типъ военнобюрократической монархіи окончательно кристаллизуется и противъ него въ теченіе всего XIX вѣка идетъ интенсивная борьба со стороны передовыхъ слоевъ русскаго общества, какая можетъ быть наименована борьбою за конституцію въ Россіи.

Переходя къ обозрѣнію послѣдующаго царствованія, великолѣпной и громкой Александровской эпохи, прежде всего отмѣтимъ, что создатель ея, внукъ «Сѣверной Семирамиды», самъ Александръ Благословенный, при своемъ манифестѣ о вступленіи на престолъ предопредѣлялъ ее въ слѣдующихъ общихъ положеніяхъ: «Судьбамъ Вышняго угодно было прекратить жизнь любезнѣйшаго родителя нашего государя императора Павла Петровича, скончавшагося скоропостижно апоплексическимъ ударомъ въ ночь съ 11-го на 12-е число сего мѣсяца. Мы, воспріемля наслѣдственный императорскій всероссійскій престолъ, воспріемлемъ купно и обязанность управлять Богомъ намъ врученный народъ по законамъ и по сердцу въ Бозѣ почивающей августѣйшей бабки нашей государыни императрицы Екатерины Великія, коея память намъ и всему отечеству вѣчно пребудетъ любезна, да, по ея премудрымъ намѣреніямъ шествуя, достигнемъ вознести Россію на верхъ славы».

Практика жизни показала, что между обѣщаніями, возвѣщенными государемъ, и осуществленіемъ ихъ получилось нѣкоторое противорѣчіе, и новѣйшій біографъ Александра Павловича великій князь Николай Михайловичъ въ своемъ трудѣ, посвященномъ «Благословенному», утверждаетъ, что «какъ правитель

Императоръ Павелъ I.

великой страны, Александръ I займетъ первенствующее мѣсто въ лѣтописяхъ общей исторіи; какъ русскій государь, онъ былъ въ полномъ расцвѣтѣ своихъ блестящихъ дарованій лишь въ годину Отечественной войны, въ другіе же періоды двадцатичетырехлѣтняго царствованія интересы Россіи, къ сожалѣнію, отходили на второй планъ». Рисуя общій обликъ героя двѣнадцатаго года, великій князь говоритъ: «въ немъ было что-то врожденное, которое привлекало къ нему людей. Французы называютъ это качество

«le charme». Это врожденное свойство творило чудеса и обворожало всѣхъ тѣхъ, съ кѣмъ ему приходилось встрѣчаться.

«Если присоединить ко всему симпатичную фигуру государя, его чарующую улыбку, выраженіе его глазъ и манеру обращенія, то получалось то общее, что покоряло сердца. Не даромъ въ собственной царской семьѣ и мать, и супруга, и братья съ ихъ женами называли Александра нашимъ ангеломъ, «notre ange», а императрица Елизавета Алексѣевна увѣковѣчила это прозвище въ письмѣ о его кончинѣ: «Notre ange est au Ciel, et moi malheureuse sur la terre...» Тотъ же образъ ангела украшаетъ Александровскую колонну на площади Зимняго дворца. Возможно, что въ душѣ Александра Павловича и было нѣчто ангельское, потому что его доброта и доброжелательство къ ближнему не подлежатъ сомнѣнія, но, къ сожалѣнію, эта черта нерѣдко омрачалась и другими порывами. Рядомъ съ этой добротой иногда проявлялось и злопамятство, никогда вполнѣ не угасавшее, а, кромѣ того, чувствовалась частенько и двуличность, которую сразу не каждому удавалось подмѣтить. Двуличность никогда не оставляла Александра, составляя черту его права, уже ранѣе объясненную. Она давала ему возможность одновременно работать со Сперанскимъ и Аракчеевымъ, съ Аракчеевымъ и А. Н. Голицынымъ, а также и съ Волконскимъ; онъ могъ слушать и подчиняться совѣтамъ Меттерниха и заниматься часами съ Каподистріей; пока Александръ обвораживалъ Наполеона въ Тильзитѣ и Эрфуртѣ, онъ спокойно писалъ матушкѣ о тѣхъ способахъ, какими возможно сломать его мощь; въ одну дверь входилъ къ нему довѣрчиво канцлеръ Румянцовъ, а въ другую тайкомъ впускался Кошелевъ; съ одного подъѣзда подъѣзжалъ англійскій квакеръ или другой сектантъ, а съ другого входилъ убогій монахъ или самъ митрополитъ; въ одинъ часъ шла бесѣда о возвышенныхъ чувствахъ долга монарха къ своей родинѣ съ Карамзинымъ, а въ другое время Александръ могъ выслушивать спокойно какого-нибудь Магницкаго, и, что болѣе всего замѣчательно, что всѣ эти люди выходили очарованными изъ кабинета государя и часто воображали, что его величество соблаговолилъ раздѣлять ихъ образъ мыслей.

«Одинако съ этимъ Александръ обладалъ замѣчательной работоспособностью, особенно въ эпоху Отечественной войны и послѣдующей кампаніи за освобожденіе Европы. Онъ имѣлъ даръ, входя во всѣ мелочи, быстро схватывать суть дѣла и принимать соотвѣтствующее рѣшеніе. Иногда примѣшивалась извѣстная доля упрямства, особенно, когда Александръ предполагалъ или замѣчалъ желаніе другого лица настоять на своемъ мнѣніи и какъ бы подчинить себѣ волю государя; въ этихъ случаяхъ императоръ становился непреклоннымъ въ проведеніи собственныхъ предначертаній. Умомъ Александръ могъ всегда похвастаться, и умомъ тонкимъ, чуткимъ и вполнѣ природнымъ. Кромѣ того, онъ имѣлъ даръ особаго чутья

Императоръ Александръ I.

познавать скоро людей, играть на ихъ слабостяхъ и всегда подчинять своимъ требованіямъ. Немудрено, что Наполеонъ на островѣ св. Елены, въ порывѣ горечи, написалъ про него: «que c'était un grec du Bas-Empire», другими словами: «византіецъ смутныхъ временъ», и что разные мудрецы изъ дипломатовъ, какъ Талейранъ, Меттернихъ или Касслери, смущались при бесѣдахъ съ Александромъ и должны были напрягать всѣ свои способности, чтобы не

попасть впросакъ. Необходимо также отмѣтить, что при всѣхъ эволюціяхъ, совершившихся въ характерѣ Александра, основныя черты его нрава сохранились, и очевидцы, видѣвшіе и говорившіе съ нимъ въ годы юности, такъ же восторженно отзывались о его способностяхъ, какъ и тѣ, которые встрѣчались съ нимъ въ послѣднiе годы его жизни. Если мужчины поражались его дарованіями, то что сказать о женщинахъ? Супруга Александра, несмотря на всѣ измѣны мужа, сохранила къ нему чувство особой привязанности и любви даже тогда, когда Александръ какъ бы забылъ о существованіи первой спутницы и подруги своей на землѣ. Сестра Екатерина прямо-таки молилась на брата и не могла удержаться отъ проявленій къ нему любви и дружбы. Суровая, надменная Марія Ѳеодоровна, никогда не обнаруживавшая внѣшнихъ проявленій нѣжности въ чувствахъ, и она боготворила и гордилась своимъ сыномъ. Мы сказали нѣсколько словъ о ближайшихъ родственницахъ, но почти всѣ женщины, имѣвшія общеніе съ государемъ, сохранили о немъ самую свѣтлую память.

«Что же касается лицъ ближайшей свиты, докторовъ, всей прислуги, т. е. тѣхъ, которымъ пришлось быть ежедневными свидѣтелями обычнаго домашняго обихода его величества, то всѣ они души не чаяли въ своемъ повелителѣ и готовы были умереть за него.

«Очевидно что въ Александрѣ дѣйствительно таилось такое рѣдкое качество притяженія къ себѣ людей, дававшее себя знать въ проявленіяхъ къ нему любви и привязанности. И подумать, тотъ же Александръ могъ съ легкимъ сердцемъ подписывать лютые приговоры къ наказанію солдатъ розгами и къ проведенію сквозь строй по нѣскольку разъ! Здѣсь психика должна невольно наткнуться на непонятную загадку, и такого рода загадку, которая должна смутить не одного изслѣдователя историческихъ личностей. Вѣдь каждый день, начиная съ 1812 года, государь читалъ по одной главѣ или изъ св. Евангелія, или изъ Библіи; зналъ многія цитаты Священнаго Писанія наизусть, постоянно въ письмахъ ссылался на слово Христово, и тотъ же человѣкъ могъ поощрять такого рода взысканія и смотрѣть сквозь пальцы на всѣ изувѣрства Аракчеева въ военныхъ поселеніяхъ въ теченіе многихъ непрерывныхъ лѣтъ. Вѣроятно, нѣкоторые критики были бы склонны видѣть въ этомъ невѣроятномъ противорѣчіи ту двуличность его характера, о которой мы только что говорили, но мы убѣждены, что въ этихъ случаяхъ не было этой двуличности, а скорѣе результатъ особаго религіознаго фанатизма, отчасти связаннаго съ тѣмъ временемъ, съ тѣми нравами и обычаями, при которыхъ протекала жизнь Александра Павловича. Другого объясненія мы не находимъ».

Мы, помимо обозрѣнія царствованія Александра I въ очеркахъ «Борьба за конституцію», гдѣ подробно обрисовали политическія и внутреннія движенія того времени (заговоръ декабристовъ), дали на страницахъ «Историческаго Вѣстника» за минувшій годъ въ № 8

и № 10 три послѣдовательныхъ статьи, гдѣ въ возможной полнотѣ коснулись разныхъ эпизодовъ изъ жизни Александра Павловича, изъ коихъ, какъ намъ думается, читателямъ нашего журнала дано достаточное понятіе и о личности монарха, о его сотрудникахъ, реформахъ и кульминаціонномъ пунктѣ жизни Россіи за тотъ періодъ—о борьбѣ съ Наполеономъ. Возвращаться къ той же темѣ на страницахъ настоящаго очерка значило бы надоѣдать читателямъ повтореніемъ уже не однажды сказаннаго. Ограничимся лишь нѣкоторыми замѣчаніями. Касаясь кульминаціоннаго пункта славы государя, великій князь Николай Михайловичъ справедливо замѣчаетъ:

«1812 годъ сблизилъ царя съ народомъ, и какъ жаль, что Александръ не отдалъ себѣ въ этомъ настроеніи вполнѣ ясно отчета и слишкомъ быстро забылъ все то, что можно было создать на этой благодарной почвѣ. Увлеченія успѣхами политики и внѣшней славой привели къ продолженію борьбы на чужихъ земляхъ, гдѣ русскія войска всюду являлись освободителями угнетенныхъ владычествомъ Наполеона. Роль русскаго государя была возвышенная и благодарная, но и только. Интересы Россіи не требовали такого вмѣшательства, оказавшагося не соотвѣтствующимъ благу родины и приведшаго только къ выгодѣ чужеземцевъ, а не русскихъ. Нескончаемая война продолжалась еще цѣлыхъ три года, потребовала громадныхъ издержекъ и множества человѣческихъ силъ, которыя можно было сохранить въ цѣлости, и онѣ пригодились бы впослѣдствіи. Эти три года войнъ за освобожденіе Европы были роковыми во всѣхъ отношеніяхъ и для личности монарха. Александръ скоро пресытился благами величія и славы, впалъ въ настроеніе, заглушившее въ немъ чувство патріотизма, и отдался всецѣло зловредному мистицизму въ области недостигаемаго на землѣ блаженства, которое высказалось въ примѣненіи на практикѣ идеи Священнаго союза, столь невыгоднаго и вреднаго для интересовъ Россіи. А Священный союзъ породилъ никому не нужные конгрессы, завязалъ постоянныя отношенія между Александромъ и Меттернихомъ, въ которыхъ послѣдній оказался ловчѣе и предусмотрительнѣе, оставшись побѣдителемъ на дипломатической аренѣ, окончательно сбившимъ съ толку довѣрившагося ему такъ неосторожно русскаго императора. Рядомъ съ этимъ Священный союзъ и мистицизмъ породили на Руси аракчеевщину».

Это служеніе интересамъ иностранныхъ державъ въ ущербъ интересамъ Россіи и есть, между прочимъ, то существенное, что различествуетъ плоды политики внука отъ таковыхъ же его великой бабки и его великаго пращура, въ противность ему преслѣдовавшихъ непрестанно во всѣхъ своихъ дѣяніяхъ, какъ уже выше было сказано, реальные интересы Россіи. Изъ всего громаднаго напряженія, проявленнаго русскимъ народомъ въ тотъ приснопамятный періодъ, явствуетъ, что страна обогатилась лишь присое-

диненіемъ къ ней Финляндіи, большей части герцогства Варшавскаго, созданнаго Наполеономъ изъ польскихъ провинцій, отнятыхъ у Пруссіи и Австріи; но при этомъ очень важная часть этого былого герцогства, какъ Познань, отошла къ Пруссіи, а единовѣрная намъ Галиція, въ томъ числѣ и восточная (Тарнопольскій округъ, пріобрѣтенный было Россіей)—къ Австріи. Равнымъ образомъ, не смогла Россія воспользоваться и всѣми плодами нашей побѣдоносной войны съ Турціей. Несмотря на то, что Молдавія и Валахія были заняты русскими войсками и мы при иномъ направленіи нашей политики могли бы, въ интересахъ благополучнаго разрѣшенія славянскихъ вопросовъ, свободно присоединить къ себѣ эти дунайскія княжества, мы, отвлеченные борьбою съ Наполеономъ, вынуждены были ограничиться присоединеніемъ къ нашимъ владѣніямъ одной Бессарабіи. Въ полной независимости отъ хода общеевропейскихъ дѣлъ стояла наша борьба съ Персіей изъ-за Грузіи, каковая совмѣстно съ другими христіанскими землями Закавказья и была присоединена къ намъ Гюлистанскимъ договоромъ въ 1813 году. По этому же договору за Россіей было признано единственное право держать военный флотъ на Каспійскомъ морѣ. Благодаря этимъ пріобрѣтеніямъ, въ 1815 году, напримѣръ, Россія занимала территорію уже въ два милліона квадратныхъ миль съ 50 милліонами на ней населенія. Такого рода наша территоріальная раскинутость въ связи съ бѣдною ея населенностью ставила государству особенныя заботы по дѣламъ внутренняго управленія и болѣе прочнаго опредѣленія нашихъ отношеній къ вновь пріобрѣтеннымъ народностямъ согласно съ государственными интересами коренного русскаго населенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ заботахъ о благополучіи нашихъ западныхъ сосѣдей, коимъ мы спасли «миръ и честь», на внутреннія реформы, на поднятіе экономическихъ интересовъ собственнаго населенія у насъ не хватало ни силъ, ни времени. И это обстоятельство, повидимому, прекрасно учитывалось нашими союзниками, которые, предоставляя императору Россіи всѣ декораціи внѣшней славы и помпу дипломатическихъ переговоровъ, тѣмъ не менѣе ловко компенсировали насъ такими земельными прирѣзками, которыя не только насъ не обогащали, но даже систематически поглощали наши творческія и производительныя силы. Это является безусловнымъ минусомъ пышнаго Александровскаго вѣка, но за всѣмъ тѣмъ за Александромъ Благословеннымъ остается то величіе исторической славы, что онъ, подобно своимъ предкамъ 200 лѣтъ назадъ, не только сохранилъ цѣлостность Россіи, но даже наперекоръ самой пылкой фантазіи сумѣлъ стать повелителемъ на извѣстное мгновеніе той самой Европы, передъ которой его предки трепетали. Если окинуть взоромъ весь пройденный Россіею путь за 200-лѣтіе царствованія дома Романовыхъ, то мы, несомнѣнно, должны признать, что

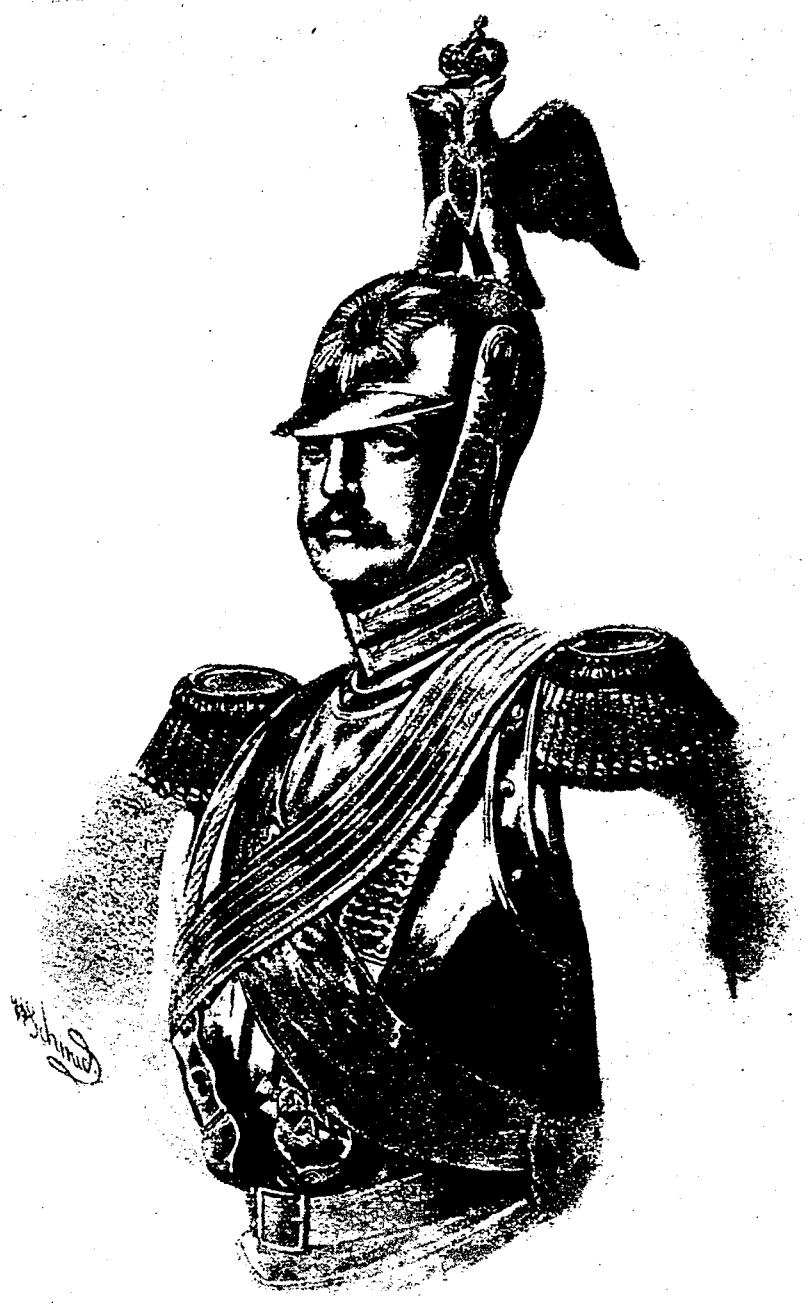
героическіе характеры, имъ выставленные, совершили на сравнительно короткомъ пространствѣ времени и среди часто очень неблагопріятныхъ обстоятельствъ, въ невыгодныхъ географическихъ и климатическихъ условіяхъ, великія чудеса въ области труда и заботъ о преуспѣяніи той страны, которая такъ единодушно и дѣвѣрчиво вручила имъ въ свое время неограниченную власть.

Рыцарскія традиціи, завѣщанныя въ области внѣшней политики отцомъ и братомъ, счелъ своимъ долгомъ продолжать и государь императоръ Николай Павловичъ. «Священный союзъ» европейскихъ монарховъ былъ краеугольнымъ камнемъ его внѣшней политики и только въ одномъ случаѣ новый императоръ разошелся съ политикою своего старшаго брата: въ вопросѣ о борьбѣ Греціи за свою независимость отъ Турціи. Въ то время, какъ Александръ I видѣлъ въ возстаніи грековъ проявленіе карбонарства, новый русскій самодержецъ приблизился въ своемъ взглядѣ на историческія права Греціи ко взгляду своей бабки и Потемкина, и если Николаю Павловичу не удалось вполнѣ разрѣшить восточнаго вопроса въ полномъ его объемѣ, то, во всякомъ случаѣ, благодаря его иниціативѣ и настойчивости, силою оружія независимость Греціи все же была возстановлена, и, такимъ образомъ, значительная часть христіанскаго населенія освобождена отъ ига ислама.

Продолжалось при немъ и естественное движеніе Россіи на юго-востокъ, гдѣ по Туркманчайскому договору ею пріобрѣтены были отъ Персіи новыя области въ видѣ ханствъ Эриванскаго и Нахичеванскаго. Равнымъ образомъ русскому огнестрѣльному оружію и сопутствующей ему сохѣ пришлось прокладать себѣ дорогу въ направленіи Срединной Азіи, откуда мелкія средне-азіатскія государства продолжали причинять Россіи вѣчныя безпокойства. Такъ, для охраны киргизовъ русскіе при Николаѣ I укрѣпились на правомъ берегу Сыръ-Дарьи, взяли и разрушили тутъ кокандскія укрѣпленія и замѣсто нихъ устроили свои отечественныя. Съ тою же цѣлью предпринята была военная экспедиція со стороны Сибири къ рѣкѣ Или, и Заилійскій край вошелъ въ составъ Русскаго государства. Этими дѣйствіями и пріобрѣтеніями мы на нѣкоторое время получали покой со стороны нашей восточной границы и несли въ глубь кочевой Азіи начала культурной осѣдлости и правильной государственности. Какъ нѣкогда въ далекія времена на долю Россіи выпала тяжесть удержанія Европы отъ залитія ея потоками новыхъ выходцевъ изъ таинственной глубины Азіи, такъ и до XIX столѣтія включительно ей же приходилось наносить окончательный ударъ тѣмъ остаткамъ дикаго кочевья, которое въ свое время превращало культурные центры Западной Европы въ груды развалинъ. Такимъ образомъ, историческая

заслуга императора Николая I въ дѣлѣ борьбы Европы съ Азіей несомнѣнна, и въ данномъ случаѣ онъ въ своей пышной, героической личности ярко воплотилъ завѣты христіанской цивилизаціи, которыми, однако, все та же неблагодарная Россіи Европа при каждомъ случаѣ, когда представлялась необходимость причинить Россіи вредъ, съ легкимъ сердцемъ поступалась. Закрывая глаза передъ сказанною выше христіанской миссіей Россіи, наши былые союзники, созданные и спасенные нами не болѣе сорока лѣтъ назадъ, очень искусно довели наше отечество до турецкой войны 1853—1856 года, гдѣ русскій народъ очутился на берегахъ Чернаго моря, очутился одинокимъ лицомъ къ лицу предъ коалиціей державъ, которыя во имя интересовъ Турціи и повергли насъ въ кровавую бойню. Севастопольскій погромъ былъ завершеніемъ отплаты благодарнаго долга намъ Европою, но вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ же погромъ послужилъ и къ вящшему сіянію славы русскаго воинства.

Севастопольская оборона есть страница изъ героической жизни народовъ, память о которой никогда не исчезнетъ изъ лѣтописей человѣчества. Можно по всей справедливости сказать, что на берегу Чернаго моря русскій солдатъ не былъ поверженъ во прахъ оружіемъ врага: его раздавила та внутренняя государственная неорганизованность, которая была сохранена отъ грозныхъ взоровъ государя-рыцаря его приближенными. Характеризуя этотъ моментъ нашей исторической жизни, мы въ нашихъ очеркахъ «Борьба за конституцію» въ свое время говорили: «при всей суровости Николаевской системы управленія этой системѣ не удалось привести общество въ состояніе полнаго покоя: жизнь незамѣтно закипала повсемѣстно, и по покоящейся ровной поверхности незамѣтно проявлялась та зловѣщая зыбь, которая рано или поздно должна была превратить все русское море въ состояніе бурнаго кипѣнія. Нуженъ былъ только для того необходимый историческій моментъ, и таковымъ явился севастопольскій погромъ, въ которомъ весь Николаевскій режимъ обремизился, обнаруживъ всѣ свои изъяны и недостатки, которые такъ или иначе констатировались представителями общественной мысли разныхъ фракцій и направленій. Потребовались потоки крови несчастнаго народа, тысячи и тысячи его жертвъ, чтобы смыть этотъ ужасающій режимъ, послѣ чего только обновленная Россія приступила къ рѣшенію своихъ коренныхъ внутреннихъ вопросовъ историческаго существованія... Желая подготовить сыну спокойное царствованіе, стремясь отдать въ его распоряженіе и на его рѣшеніе обработанные вопросы по главнѣйшимъ сторонамъ государственной жизни, Николай Павловичъ именно всего менѣе успѣлъ въ этомъ направленіи. Какъ ни напряженна была его волевая дѣятельность, она оказалась безсильною передъ такою задачею, и та недвижность государственнаго строя, которую ему удалось дѣйствительно установить, хранила въ себѣ всѣ зачатки бо-



Императоръ Николай I.

лѣзненности, долженствующей рано или поздно вспыхнуть и разразиться страшной катастрофой. Она и разразилась у твердынь Севастополя, гдѣ былая побѣдоносная Екатерининская и Александровская армія, при всемъ своемъ легендарномъ героическомъ подъемѣ воинскаго духа, отступила не столько передъ измученнымъ и окровавленнымъ врагомъ, сколько передъ той бюрократической домашней силой, которая довела ее до истощенія и пораженія. Не внѣшній врагъ сломилъ севастопольскаго солдата, а именно тотъ приказный строй, который, защищаясь именемъ монарха и слагая, съ его рыцарскаго согласія, на него всю отвѣтственность за свою злонамѣренную непригодность и враждебность къ народному благу, съ наглостью и беззастѣнчивостью выдалъ и этого солдата, а съ нимъ вмѣстѣ всю Россію головою врагу. Николай Павловичъ могъ воочію убѣдиться, что его рыцарскимъ довѣріемъ злоупотребили, что онъ слишкомъ положился на свои силы, слишкомъ много взялъ на себя, и мракъ застлалъ его очи: все, что кругомъ долго казалось столь добрымъ и прекраснымъ, сразу окрасилось въ черный свѣтъ. Силы царя не выдержали, и онъ трагически сошелъ со сцены, оставляя послѣ себя окровавленную и разлагающуюся родину».

Подавивъ твердой рукою тѣ общественныя силы, которыя въ 1825 году посягнули на самодержавіе, императоръ Николай I счелъ долгомъ и въ дальнѣйшей своей политикѣ оберегать и только постепенно улучшать отдѣльныя части нашего государственнаго строя, каковыми они вылились въ мѣропріятіяхъ его великой бабки и брата. Онъ не былъ противникомъ реформъ, какъ таковыхъ, особенно въ первую половину своего царствованія, но опасался быстрымъ введеніемъ ихъ потрясти тотъ строй, который въ концѣ царствованія его брата и безъ того, подъ угломъ зрѣнія сильной власти, коего онъ былъ провозвѣстникомъ, оказался расшатаннымъ и неустойчивымъ. Онъ даже принципіально допустилъ возможность раскрѣпощенія крестьянства, въ видахъ чего крѣпостной вопросъ былъ имъ неоднократно возбуждаемъ въ разныхъ секретныхъ комитетахъ. Но и тутъ онъ не дерзнулъ посягнуть на тѣ соціальные устои, которые его приближенными всегда выдвигались въ качествѣ обязательныхъ условій для сохраненія крѣпости Россіи. Имъ были достигнуты благодаря министру финансовъ графу Канкрину довольно удачные результаты въ области финансовыхъ мѣропріятій, упорядочено у насъ судебное дѣло, были улучшены пути сообщенія, положено начало желѣзнодорожному строительству, оказано покровительство изящной литературѣ и искусству, но всѣ эти мѣропріятія, при всемъ ихъ несомнѣнно большомъ значеніи, не могли дать нужнаго для культурнаго роста Россіи результата. Кромѣ того, государь слишкомъ отнесся довѣрчиво къ показной сторонѣ дѣятельности своихъ приближенныхъ, которые этою показною стороною сокрыли отъ вѣдома царя все то темное,

что таилось въ нѣдрахъ ихъ учрежденій и дѣятельности. Отсюда отсталость русскаго государственнаго строя, всѣ язвы котораго и обнаружились у твердынь Севастополя. Онъ какъ бы сразу рухнулъ, придавивъ своими обломками величественную и грозную фигуру красавца царя-рыцаря. На долю его преемника потому и выпала тяжкая задача отказаться отъ государственныхъ традицій своего почившаго родителя и приступить къ обновленію всего строя русской жизни, дабы спасти тѣмъ историческую великодержавность своихъ славныхъ предковъ. И исторія Россіи обогатилась новою блестящею главою, окрещенною благодарными современниками «эпохою великихъ реформъ», созданною по мановенію самого царя-Освободителя.

Вступивъ на престолъ въ пору зрѣлости, тридцати семи лѣтъ отъ роду, Александръ Николаевичъ былъ достаточно подготовленъ своимъ покойнымъ родителемъ къ той отвѣтственной исторической роли, которую ему послала судьба. Добрый, отзывчивый, прекрасно образованный подъ наблюденіемъ В. А. Жуковскаго, онъ явилъ собою типъ монарха, который именно былъ наиболѣе подходящъ для нашей родины, дабы ликвидировать постигшую ее военную неудачу, съ одной стороны, и пойти навстрѣчу тѣмъ ожиданіямъ русскаго общества, которыя достаточно назрѣли и формулировались въ царствованія его покойнаго родителя и дяди.

Прежде всего новый государь поспѣшилъ заключить въ Парижѣ миръ и при томъ на условіяхъ не обидныхъ для нашего національнаго самолюбія: мы не понесли ни тяготы контрибуціи, ни нарушенія территоріальной цѣлости государства. Только ущербъ сказался въ восточномъ вопросѣ: Россія ужъ не могла больше вмѣшиваться въ отношенія Турціи къ ея христіанскимъ подданнымъ; Молдавія и Валахія, а также Сербія изъ-подъ покровительства Россіи уходили подъ покровительство всѣхъ великихъ европейскихъ державъ; устья Дуная съ частью прилегающей къ нимъ Бессарабіи отходили къ Молдавіи; проливы, т. е. Босфоръ и Дарданеллы, закрывались для военныхъ флотовъ всѣхъ націй. Но самымъ тяжелымъ изъ всѣхъ условій были для Россіи условія, касающіяся Чернаго моря. Изъ русскаго, какимъ было фактически до тѣхъ поръ Черное море, оно дѣлается нейтральнымъ: оно было объявлено закрытымъ для судовъ всѣхъ націй, въ томъ числѣ и прибрежныхъ, т. е. Россіи и Турціи,—открывалось лишь для всѣхъ торговыхъ судовъ безъ различія національностей; вмѣстѣ съ тѣмъ Россія естественно лишалась права имѣть и военные порты на этомъ морѣ. Пріобрѣтенія союзниковъ на русской территоріи возвращались Россіи въ обмѣнъ за ея пріобрѣтенія на азіатской территоріи Турецкаго государства.

Послѣ того, какъ была ликвидирована несчастная восточная война, государь приступилъ и къ ликвидаціи того государственнаго механизма, обветшалость котораго столь жестоко сказалась въ послѣдніе годы царствованія его родителя. Прежде всего, слѣдя за произведенными реформами въ хронологическомъ порядкѣ, состоялось въ 1861 году уничтоженіе позорнаго института крѣпостного права. Двадцать два милліона закабаленныхъ дотолѣ людей получили свободу и были призваны съ Божьяго благословенія на свободный трудъ, «залогъ его благополучія и блага общественнаго». Эта величайшая реформа снискала монарху общее расположеніе, и даже эмигрантъ Герценъ привѣтствовалъ его великое дѣяніе возгласомъ: «ты побѣдилъ, Галилеянинъ!» Въ 1863 году были отмѣнены тѣлесныя наказанія для уголовныхъ преступниковъ. Въ слѣдующемъ году была произведена реформа судебная изданіемъ новыхъ судебныхъ уставовъ императора Александра II и введеніемъ у насъ гласнаго суда. Въ томъ же году состоялась реформа земскихъ и городовыхъ учрежденій, существовавшихъ еще со временъ Екатерины II и крайне устарѣвшихъ. Въ 1870 году появилось въ свѣтъ новое городовое уложеніе. Въ тотъ же періодъ произведены были реформы въ области учебнаго дѣла, по дарованію новыхъ законовъ о печати, а въ 1874 году была проведена реформа о всеобщей воинской повинности. Цѣлый рядъ мѣропріятій въ области финансоваго хозяйства, государственнаго бюджета, желѣзнодорожнаго дѣла и т. д. дали могучій толчокъ экономическаму росту страны. Достаточно сказать, что за указанный періодъ было проведено свыше двадцати тысячъ верстъ рельсоваго пути, а государственные доходы выросли съ цифры 206 милліоновъ до 650 милліоновъ. Такимъ образомъ, внутренняя жизнь страны была радикально перестроена на новыхъ началахъ, поднятъ культурный ростъ населенія, введены новыя правовыя нормы, и все одухотворено стремленіемъ къ дальнѣйшему развитію благосостоянія страны. Наука, литература, пресса были подняты въ своемъ значеніи и имъ дана возможность болѣе широкаго воздѣйствія на умы современниковъ.

Рядомъ съ такого рода зиждительнымъ обновленіемъ государства шло и постепенное расширеніе нашихъ границъ на востокѣ и на юго-востокѣ. Состоялось полное замиреніе Кавказа, и Россія стала на этомъ очагѣ издревлихъ возстаній твердою ногою, получивъ возможность уже въ 1867 году дать и Кавказу, и Закавказью русскія административно-судебныя учрежденія. Равнымъ образомъ состоялось и наше дальнѣйшее движеніе въ глубь Средней Азіи. Побѣды Кауфмана, Черняева, Скобелева и другихъ видныхъ военачальниковъ подчинили русской коронѣ значительныя области и позволили намъ считать себя твердыми хозяевами среди былого кочевого населенія. Благодаря Муравьеву-Амурскому, Россія придвинулась въ своемъ колонизаціонномъ движеніи и къ Тихому океану. Безъ войны, но

Императоръ Александръ II.

только дипломатическими дѣйствіями Россія пріобрѣла отъ Китая лѣвый берегъ Амура отъ рѣки Аргуни до устья. Такими же мѣрами присоединенъ къ Россіи Уссурійскій край, гдѣ и былъ выстроенъ городъ Владивостокъ. Мирному развитію производительныхъ силъ страны одно время грозило бурно вспыхнувшее польское возстаніе 1863 года, но его удалось потушить, не допустивъ до вмѣшательства сюда иностранныхъ державъ. Россія подняла въ вопросѣ этой славянской распри свой властный голосъ и тѣмъ обнаружила свою національную мощь. Наконецъ въ 1877—1878 г.г. АлександръII

поднялъ свой мечъ на традиціонную защиту славянскихъ народностей на Востокѣ. Въ Санъ-Стефано былъ подписанъ блестящій для насъ предварительный мирный договоръ съ Турціей, но значеніе этого договора было умалено европейскими державами на Берлинскомъ конгрессѣ. И на сей разъ, какъ и прежде, просвѣщенная Европа изъ опасенія возрастанія вліянія Россіи въ ходѣ міровыхъ дѣлъ, приняла ближе къ сердцу интересы имперіи османлисовъ, нежели интересы славянскихъ народностей. Европейскимъ дипломатамъ казалось опасно созданіе на Балканскомъ полуостровѣ славянскаго государства; посему главнымъ образомъ во имя экономическихъ интересовъ Австріи было постановлено раздробленіе Болгаріи: Болгарія къ сѣверу отъ Балканъ признавалась независимою, къ югу—подъ именемъ Румеліи—получала автономію, но оставалась въ составѣ Турецкой имперіи. Утверждена полная независимость Сербіи Восточной Румыніи. Черногорія, которая принимала все время дѣятельное участіе въ войнѣ, получала портъ на адріатическомъ побережьѣ. Россія вознаграждалась тѣмъ, что ей была возвращена Бессарабія, отнятая по Парижскому миру, а въ Азіи уступлены города Карсъ, Ардаганъ и Батумъ съ округами. Несомнѣнно, положеніе Балканскаго полуострова измѣнилось въ пользу славянскаго населенія, но далеко не въ такой мѣрѣ, какъ этого желала Россія. Выигрывала значительно Австрія, которой было предоставлено Берлинскимъ трактатомъ право «оккупаціи» Босніи и Герцеговины.

Изложенными фактическими свѣдѣніями мы ограничимъ настоящую часть нашего юбилейнаго очерка. Подробно и о личности государя, и о его реформахъ и славной жизни, посвященной благу русскаго народа, мы говорили на страницахъ «Историческаго Вѣстника» въ 1909 и 1910 г.г., и вся драма его жизни, какъ правителя страны, можетъ быть почерпнута изъ этихъ очерковъ, часть которыхъ вошла въ книгу «Борьба за конституцію», а другая и послѣдняя въ недавно вышедшіе два тома «Революціонный періодъ русской исторіи».

Кровавый день 1-го марта 1881 года положилъ предѣлъ драгоцѣнной жизни царя-Освободителя. Россія одѣлась въ трауръ и временно вынуждена была остановиться на томъ широкомъ пути прогресса, который ея предопредѣлилъ почившій государь. Имя его, какъ одного изъ величайшихъ царей Россіи, навсегда останется въ памяти благодарнаго народа, которому онъ, вопреки давленію на него окружающихъ бюрократическихъ сферъ, великодушно даровалъ свободу. И о сю пору простой народъ, а также все южное славянство непрестанно поминаетъ въ своихъ моленіяхъ имя царя-Освободителя и ставитъ при всякой возможности вещественные памятники славнымъ дѣяніямъ его царствованія и его столь заслуженной передъ міромъ личности.

Наслѣдовавшій ему императоръ Александръ III, получившій въ нашей исторіи наименованіе «Миротворца», прежде всего и главнѣйше обратилъ вниманіе на умиротвореніе общественныхъ страстей, связанныхъ съ катастрофою, постигшей его родителя. Исторія его царствованія нынѣ нами разрабатывается на страницахъ «Историческаго Вѣстника» и еще въ текущемъ году намъ придется представить вниманію читателей нѣкоторыя страницы изъ этого царствованія, по коимъ, быть можетъ, намъ удастся до извѣстной степени выяснить образъ могущественнаго монарха, оставившаго по себѣ, какъ въ Россіи, такъ и въ жизни всѣхъ европейскихъ народовъ, видный слѣдъ. Но, дабы не оставлять настоящаго очерка не законченнымъ, мы приведемъ изъ сочиненія Н. Е. Волкова «Очеркъ законодательной дѣятельности въ царствованіе императора Александра III» тѣ нѣсколько страницъ, гдѣ сдѣлана какъ бы общая характеристика дѣяній этого монарха. Авторъ говоритъ:

«Всякое историческое событіе имѣетъ двоякое значеніе: оно указываетъ ошибки прошлаго и путь, которому должны слѣдовать въ будущемъ. Государственная мудрость заключается въ томъ, чтобы вслѣдъ за событіемъ понять его значеніе въ томъ и другомъ смыслѣ и съ точностью опредѣлить тотъ путь, которымъ нужно слѣдовать.

«Мудрый монархъ, вступая на прародительскій престолъ, понялъ, что ему этотъ путь указывалъ весь строй русской политической жизни, неразрывно связанной съ Верховною властью, укрѣпленной живымъ и яснымъ выраженіемъ единства народа съ монархомъ. Доказательствомъ самымъ яснымъ, убѣдительнымъ, того, что образъ правленія налагаетъ на все неизгладимую печать оригинальности, можетъ служить отечественная исторія. Стоитъ только припомнить изъ нея особенно важныя эпохи: представить Россію въ тяжкій для нея періодъ монгольскаго владычества, въ эпоху ея освобожденія, представить сопровождавшійся смутными, даже критическими обстоятельствами 1612 годъ и, наконецъ, достопамятный въ лѣтописяхъ міра, незабвенный для каждаго русскаго 1812 годъ, и мы убѣдимся, какъ вѣра и святой верховный Промыселъ всегда поддерживали народъ русскій, какъ вездѣ патріотизмъ народный увѣнчивался блестящими успѣхами, какъ любовь къ царю, непоколебимая преданность престолу, самодержавію вездѣ неразлучно, такъ сказать, усвоены сердцу каждаго русскаго, и все это выражаетъ русскую *народность*, которой основаніе заключается въ духѣ правительства, въ образѣ правленія.

«Царь-Миротворецъ понялъ, что свобода, могущество Россіи и сама жизнь ея возможны только при условіи единой власти, и самодержавіе вмѣстѣ съ національными стремленіями вступили въ новую эру.

«Но пока не опредѣлился вполнѣ путь, которымъ будетъ слѣдовать правительство, настроеніе умовъ было тревожное, натянутое,

положеніе дѣлъ неопредѣленное. Но не долго общество оставалось въ этой неизвѣстности: твердыми словами манифеста 29-го апрѣля 1881 г. съ высоты престола былъ указанъ путь, которымъ правительство пойдетъ въ своихъ преобразованіяхъ. «Гласъ Божій, сказано въ манифестѣ, повелѣваетъ намъ стать бодро на дѣло правленія, въ упованіи на Божественный Промыселъ, съ вѣрою въ силу и истину самодержавной власти, которую мы призваны утвердить и охранять, для блага народнаго, отъ всякихъ на нее поползновеній». Въ немъ указывалось также, что верховная власть измѣрила громадность зла, отъ котораго страдало наше отечество, и рѣшила приступить къ искорененію его. «Только самодержецъ, сказано далѣе въ этомъ манифестѣ, сильный преданностью и безпредѣльною любовью многомилліоннаго народа, въ тѣсномъ и неразрывномъ съ нимъ союзѣ, при беззавѣтномъ служеніи и просвѣщенномъ содѣйствіи всѣхъ лучшихъ сыновъ родной земли, можетъ поднять это тяжелое бремя и успѣшно совершить этотъ громадный трудъ».

«Съ тѣхъ поръ въ продолженіе 13 лѣтъ Россія шла смѣлыми шагами, безъ колебаній; она чувствовала, что ею руководитъ власть, что власть эта непоколебима и что она утверждена всѣмъ тѣмъ, что пережилъ русскій народъ, что она есть то начало, которое служитъ оградой всякой свободы и нравственнаго порядка въ государствѣ и движущей силой его развитія. Были, правда, и недовольные, были заговоры, но не слѣдуетъ забывать, какъ малъ и ничтоженъ, хотя и иногда громокъ и ярокъ, элементъ сопротивленія правительству, какъ малозначителенъ онъ въ жизни Великой Россіи и какъ ненавистенъ онъ массѣ русскаго народа.

«Девизъ этой эпохи исторической жизни Россіи можно назвать «народною политикой», которая съ самаго начала царствованія императора Александра III выразилась въ спокойномъ подъемѣ духовныхъ и матеріальныхъ силъ страны. Первые законодательные акты были направлены къ облегченію тягостей, лежащихъ на народѣ. Были значительно понижены выкупные платежи, гдѣ размѣры ихъ не соотвѣтствовали отведеннымъ участкамъ земли; отмѣнена подушная подать; крестьянскіе надѣлы признаны неотчуждаемыми; организована продовольственная помощь сельскому населенію; оставшіеся еще временно-обязанными крестьяне были обращены въ крестьянъ-собственниковъ; учрежденъ крестьянскій поземельный банкъ; изданы новыя правила о вольныхъ людяхъ; работы малолѣтнихъ на фабрикахъ были регламентированы; было оказано правительственное содѣйствіе крестьянамъ въ пріобрѣтеніи земель, помимо отведенныхъ имъ надѣловъ; утверждена правильная организація переселенія крестьянъ изъ одной мѣстности въ другую; финансовыя реформы были направлены къ облегченію народной массы и т. п.

«Въ области просвѣщенія народа сдѣланы шаги въ смыслѣ его укрѣпленія въ духѣ религіозно-нравственномъ. Помимо воз-

Императоръ Александръ III.

ложенія обязанности по народному обученію на сельское духовенство (церковно-приходскія школы), было упразднено самоуправленіе университетской корпораціи, при соотвѣтственныхъ измѣненіяхъ во всемъ строѣ университетской жизни. Особенное вниманіе правительства было обращено на профессіональныя и низшія школы, въ нихъ положены новыя начала, болѣе согласныя съ государственными потребностями и съ условіями здороваго физическаго и духовнаго развитія учащагося юношества.

«Финансовая реформа, широко отмѣченная, въ первые же годы царствованія императора Александра III была постепенно приведена въ исполненіе. Дефициты въ государственной росписи, благодаря поднятію народной производительности, прекратились. Быстрое и систематическое усиленіе сосѣдей въ военномъ отношеніи и необходимость поддержанія международнаго значенія Россіи ни на минуту не упускались изъ вида императоромъ Александромъ III.

«Боевая готовность арміи стала первою заботою государства. Прежде всего, по его указаніямъ, былъ сокращенъ нестроевой составъ арміи, умалявшій боевую готовность ея мирныхъ кадровъ; затѣмъ послѣдовало преобразованіе всей регулярной кавалеріи въ драгунскую; развитіе и устройство резервовъ, образованіе крѣпостныхъ войскъ; усиленіе войскъ полевыхъ, какъ въ отношеніи численности ихъ частей, такъ и сформированіемъ новыхъ единицъ; значительное увеличеніе офицерскаго состава арміи; переустройство государственнаго ополченія и снабженіе войскъ усовершенствованнымъ оружіемъ.

«Въ видахъ подъема боевой готовности арміи усиленъ запасъ нижнихъ чиновъ; устроено систематическое обученіе запасныхъ и ратниковъ ополченія; обезпечено полное матеріальное снабженіе арміи по военному ея составу; увеличены и улучшены пути сообщенія, имѣющіе столь важное значеніе въ дѣлѣ мобилизаціи и сосредоточенія войска, а самый мобилизаціонный механизмъ тщательно разработанъ и усовершенствованъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе важная западная граница государства обезпечена рядомъ крѣпостей современнаго устройства.

«Въ неустанномъ попеченіи о нуждахъ арміи покойный государь не оставилъ безъ вниманія матеріальнаго и служебнаго положенія ея членовъ и въ этихъ видахъ усилилъ данежное содержаніе офицеровъ, увеличилъ число казенныхъ вакансій для дѣтей офицеровъ къ кадетскомъ корпусѣ, облегчилъ службу солдатъ, сократилъ срокъ пребыванія ихъ подъ знаменами и улучшилъ положеніе сверхсрочнослужащихъ.

«Рядомъ съ этимъ, руководясь своими высокими понятіями о доблести и чести офицерскаго званія, императоръ Александръ III указалъ мѣры къ возвышенію нравственнаго уровня офицеровъ,

«По его указанію произведенъ былъ цѣлый рядъ реформъ вооруженныхъ силъ имперіи, и въ этомъ отношеніи его царствованіе является замѣчательнѣйшимъ въ исторіи Россіи.

«Внѣшняя политика отличалась особеннымъ миролюбіемъ, но и большою твердостью. Россія была освобождена не только изъ-подъ тяжелой опеки тройственнаго союза, но умѣла прочно оградить политическое равновѣсіе Европы отъ насильственныхъ посягательствъ на него со стороны средне-европейскихъ державъ и было положено начало дружескому соглашенію съ Франціей.

«Сила внѣшней политики почившаго монарха, помимо его прямодушія и миролюбія, заключалась именно въ той свободѣ, которую возвратилъ себѣ императоръ Александръ III въ 1897 году. Всякій вопросъ обсуждался прежде всего по его отношенію въ интересамъ Россіи, и въ каждомъ подобномъ случаѣ раздавалось вѣское русское слово, выслушивавшееся съ большимъ вниманіемъ именно потому, что всякій сознавалъ его искренность понималъ, что Россія, отстаивая интересы своего народа, далека отъ мысли затрагивать интересы другихъ народовъ.

«Царствованіе великаго царя-Миротворца отразилось на цѣломъ рядѣ реформъ, будившихъ Россію къ новой жизни. Душою и руководителемъ различныхъ мѣропріятій являлся всегда самъ государь, а многіе изъ весьма важныхъ законодательныхъ актовъ получили свое осуществленіе по личному его почину.

«Характерной чертой законодательной дѣятельности минувшаго царствованія было одно главное стремленіе: доставить дѣйствительный, а не бумажный только перевѣсъ русской народности въ предѣлахъ Русскаго государства и внутри этой народности. Если въ прежнее время приходилось нерѣдко имѣть дѣло съ крайне разнохарактерными, иной разъ даже не вполнѣ согласными между собою по духу проявленіями законодательства, то съ 1881 года замѣчается гораздо болѣе послѣдовательности, видно присутствіе несомнѣннаго единства мысли, самобытности и самостоятельности, какими отличаются и всѣ вообще дѣянія въ Бозѣ почивающаго императора Александра III. Что же касается оцѣнки той или другой руководящей идеи, какою проникнуто законодательство въ минувшее царствованіе, то она едва ли вообще доступна современникамъ».

Наступившее XX столѣтіе омрачилось въ исторіи Россіи несчастнѣйшей для насъ японской войной. Какъ нѣкогда у твердынь Севастополя, такъ теперь на поляхъ Манчжуріи и на берегу Тихаго океана русскій воинскій духъ горѣлъ неувядаемой славой. Но Промыслу Божіему угодно было повергнуть насъ въ пучину бѣдствій, и мы должны были отступить передъ врагомъ, за спиною котораго знакомыя намъ историческія руки подготовили намъ наше горе. Какъ за ненастьемъ слѣдуетъ ведро, такъ и нынѣ благополучно царству-

ющій государь императоръ Николай II призналъ, подобно своему великому дѣду, своевременнымъ наступленіе для Россіи второй эпохи великихъ реформъ. Манифестами 1905 г. Государь Императоръ Николай Александровичъ призвалъ вѣрный свой народъ къ новой жизни на основахъ преобразованнаго строя государства въ томъ духѣ, каковой указывало постепенное 300-лѣтнее культурное развитіе исторіи родной земли. Новая историческая эпоха нами еще не изжита, она только развертывается, суля Россіи въ недалекомъ будущемъ ясный и багряный день, когда духъ любви, свободы и гражданственности окончательно установится по лицу всей нашей земли. То государственное зданіе, которое съ такими трудами, жертвами и любовью возводили главнѣйшіе представители династіи Романовыхъ, благополучно царствующимъ ихъ потомкомъ императоромъ Николаемъ II увѣнчивается послѣднимъ великимъ дѣяніемъ. На службѣ Россіи сошлись нынѣ обѣ созидавшія величіе нашей родины силы: царь и народъ. Въ этомъ единеніи и встрѣчаетъ ихъ нынѣшняя знаменательная юбилейная година. Да будетъ она свѣтла, да не омрачится она никакими невзгодами и да напоминаетъ она намъ о томъ великомъ днѣ 1613 года, когда объ союзъ перваго избранника изъ дома Романовыхъ, царя Михаила Ѳеодоровича, съ возведшимъ его на престолъ народомъ разбились всѣ темныя силы, сулившія нашей родинѣ неизсякаемыя бѣды... Союзъ этотъ актомъ 17-го октября 1905 года укрѣпленъ, и Россія можетъ быть въ дальнѣйшемъ спокойна за свою великодержавность. Подъ скипетромъ дома Романовыхъ ей остается лишь итти по тому пути величія, которое, нарастая въ теченіе трехсотъ лѣтъ исторической жизни, создало изъ нея своеобразную «страну міровъ», расположившихся на огромнѣйшемъ пространствѣ земного шара и нынѣ приблизившихся безъ различія «племенъ, нарѣчій, состояній» къ тѣмъ дарамъ гражданской свободы, о которой въ теченіе многихъ и многихъ годовъ мечтали видные представители родной земли. Лучшіе люди три вѣка тому назадъ спасли эту землю отъ посрамленія и развала; таковымъ же желательнымъ людямъ нынѣ актомъ о народномъ представительствѣ поручено охранять и лелѣять ея будущее. Въ теченіе болѣе двухсоть лѣтъ царствующій домъ Романовыхъ стоялъ одинъ на стражѣ интересовъ довѣренной имъ земли и ея великодержавства. Одиночество теперь исчезло и остается надѣяться, что Божіимъ произволеніемъ представители народа въ единеніи съ своимъ царемъ и въ дальнѣйшемъ сумѣютъ слѣдовать по тому историческому пути, на коемъ выросла наша міровая слава. Пусть же эта слава не меркнетъ, а разрастается въ грядущую четырехсотлѣтнюю годовщину державы Романовыхъ еще болѣе пышнымъ и яркимъ свѣтомъ, подъ лучами котораго всѣмъ народамъ, нашу имперію обитающимъ, будетъ житься легко, привольно и благостно.

Б. Глинскій

БОРЬБА У ПРЕСТОЛА.

Историческій романъ.

«Пиръ былъ готовъ, но гости оказались недостойны его»...

Слова кн. Дм. Мих. Голицына. «Записки Манштейна».

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

— ГРАФЪ, дорогой графъ, наконецъ-то!—произнесла молодая женщина, протягивая обѣ руки навстрѣчу входившему въ маленькую гостиную, сверкавшему брильянтами и золотымъ шитьемъ камергерскаго камзола, молодому, стройному красавцу.

Она сидѣла на низенькомъ креслѣ, обитомъ темно-малиновымъ бархатомъ. Ея маленькія ножки въ ажурныхъ, плетеныхъ изъ золота туфляхъ покоились на бархатной подушкѣ. Легкія, какъ пѣна, кружева на вырѣзѣ открытаго платья едва прикрывали ея высокую бѣлоснѣжную грудь. Черные глаза ея, томные и лѣнивые, мерцали манящимъ блескомъ подъ высокой прической взбитыхъ локонами темныхъ волосъ.

Въ золоченыхъ люстрахъ съ хрустальными подвѣсками горѣли восковыя свѣчи подъ красными шелковыми колпаками.

И этотъ красный свѣтъ, наполнявшій комнату, придавалъ странно-нѣжный оттѣнокъ лицамъ.

Эта молодая женщина была первая красавица при дворѣ, Наталья Ѳедоровна Лопухина, жена генералъ-майора Степана Васильевича, двоюроднаго брата и камергера двора царицы Евдокіи, бабки царствующаго императора,урожденной Лопухиной, первой жены Петра Великаго.

Тотъ, кого она такъ радостно привѣтствовала, былъ графъ Рейнгольдъ Левенвольде, генералъ-майоръ и камергеръ. Онъ состоялъ при русскомъ дворѣ резидентомъ бывшаго курляндскаго герцога Фердинанда, лишеннаго въ 1727 году сеймомъ герцогской короны. Своимъ графствомъ, камергерствомъ и чиномъ онъ былъ обязанъ недолгому фавору при покойной императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ. Графъ Рейнгольдъ хорошо устроился въ Россіи.

Слегка склонившись, непринужденной походкой придворнаго, скользя по роскошному персидскому ковру, покрывавшему полъ гостиной, графъ Левенвольде приблизился къ Лопухиной и одну за другой поцѣловалъ ея руки. Потомъ онъ опустился на низенькій табуретъ у кресла Натальи Ѳедоровны.

— Гдѣ вы пропадали,—спросила Лопухина,—и что новаго?

— Я?—отвѣтилъ Левенвольде:—я отдыхалъ. Я усталъ отъ этихъ непрерывныхъ празднествъ. Сказать по правдѣ, болѣзнь императора пришлась кстати. Надо же сдѣлать передышку. Вчера я былъ въ «Остеріи». Тамъ былъ и Иванъ Долгорукій. Повидимому, они разстроены, что свадьба императора завтра не состоится.

— Положеніе императора, кажется, не внушаетъ опасеній,—сказала Лопухина:—а вашъ Иванъ надутый и скверный мальчишка, онъ губитъ императора,—рѣзко закончила она.—Охъ, ужъ эти Долгорукіе!...

— Вы не любите ихъ,—тихо произнесъ Левенвольде, овладѣвая ея руками.

Онъ нѣжно перебиралъ тонкіе длинные пальцы, цѣлуя каждый по очереди.

— Что мнѣ Долгорукіе,—сказалъ онъ:—мнѣ скучно отъ этого разговора! Какое намъ дѣло до нихъ?—и онъ поднялъ свои перекрасные глаза на Лопухину.—Притомъ императоръ нездоровъ, и теперь все тихо.

— Ахъ, Рейнгольдъ, Рейнгольдъ—съ упрекомъ произнесла Лопухина, низко склоняясь лицомъ къ его кудрявой головѣ:—вы иностранецъ, вы ничего не понимаете.

Рейнгольдъ, продолжая цѣловать ея руки, небрежно отвѣтилъ:

— Вы научили меня быть русскимъ.

— Долгорукіе!—продолжала Лопухина:—вы подумайте только!. Съ тѣхъ поръ, какъ они подсунули ему эту надменную дѣвчонку, княжну Екатерину, они совсѣмъ потеряли голову!—Ея братъ, этотъ убогій и развратный Иванъ, развращающій императора,—въ двадцать лѣтъ генералъ, майоръ Преображенскаго полка, андреевскій

кавалеръ! Вы посмотрите только, какъ позволяетъ онъ себѣ третировать самыхъ знатныхъ людей, съ истинными заслугами! А она? Она, кажется, уже теперь считаетъ себя императрицей. Съ тѣхъ поръ, какъ ее стали поминать на ектеніяхъ, называть «высочествомъ» и государыней-невѣстой, она уже принимаетъ иностранныхъ пословъ; мы должны цѣловать ея руку... Но это позоръ!...

— Вы завидуете?—сказалъ Левенвольде, опуская ея руки.— Вы, конечно, красивѣе ея. Не хотѣли ли вы быть императрицей всероссійской?

Лопухина насильственно засмѣялась.

— А не хотѣли ли вы быть супругомъ покойной императрицы?— отвѣтила она.

По лицу Левенвольде прошла мгновенная судорога.

— Ахъ, не сердитесь, Рейнгольдъ, за эти воспоминанія,— произнесла Лопухина:—вы вѣдь знаете, что я люблю васъ.

Она замолчала, перебирая рукой мягкія кольца его волосъ.

— Я знаю,—началъ Левенвольде:—что на послѣднемъ балу у Черкасскаго императоръ оказывалъ вамъ слишкомъ много вниманія, что принцесса Елизавета кусала губы при видѣ вашихъ успѣховъ, а Долгорукіе сошли съ ума.

Она тихо засмѣялась.

— Да,—возразила она:—вы правы. Но развѣ, Рейнгольдъ, я не красива?

Онъ поднялъ на нее загорѣвшіеся глаза.

— Вы—Венера,—сказалъ онъ:—и если бы я былъ императоромъ, я бы не сдѣлалъ такой глупости, какъ жениться на Екатеринѣ Долгорукой.

— Въ томъ-то и бѣда, мой милый другъ, что вы не императоръ, а Долгорукіе помѣшали мнѣ быть императрицей,—смѣясь добавила она.

Левенвольде совершенно серьезно слушалъ ее, какъ бы соображая и взвѣшивая шансы.

— Но вѣдь вы замужемъ!—сказалъ онъ, наконецъ.

Она въ отвѣтъ снова разсмѣялась.

— Дорогой иностранецъ, это послѣднее изъ препятствій у насъ...

— Но,—продолжалъ онъ,—хотя завтра ихъ свадьба и не состоится, но когда-нибудь она все-таки будетъ.

— Ну, что же? Петръ Первый тоже былъ женатъ на моей теткѣ, да потомъ женился на Екатеринѣ...

Левенвольде нахмурился.

— Ну, полно, полно, я вѣдь только болтала. Развѣ я не твоя!— прерывающимся голосомъ произнесла Лопухина.

Рейнгольдъ медленно поднялся и, взявъ обѣими руками ея голову, откинулъ ее и прижался губами къ ея полуоткрытымъ губамъ...

Въ эпоху сказочныхъ, неожиданныхъ возвышеній отъ неизвѣстности до первыхъ мѣстъ въ государствѣ и страшныхъ паденій съ высоты могущества и власти въ бездну ничтожества смутно мелькавшія въ душѣ Лопухиной надежды могли легко стать дѣйствительностью.

Давно ли свѣтлѣйшій князь Ижорскій, Меншиковъ, этотъ «прегордый Голіаѳъ», былъ неограниченнымъ вершителемъ судебъ Россіи и готовился сдѣлать дочь свою императрицей? И что же? Въ дикой Сибири, въ глухомъ Березовѣ, почти нищій узникъ, онъ медленно и гордо угасалъ, пока смерть, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, не прекратила его нѣмыхъ страданій...

А этотъ самый графъ Рейнгольдъ Левенвольде, пять лѣтъ тому назадъ, при Петрѣ I, маленькій, скромный, бѣдный лифляндскій дворянинъ, резидентъ незначительнаго курляндскаго герцога, избѣгавшій вообще даже показываться лишній разъ на глаза царя— при его вдовѣ дѣлается графомъ, камергеромъ, теряетъ счетъ деньгамъ и легко и свободно становится однимъ изъ первыхъ въ томъ высокомъ кругу, гдѣ такъ еще недавно на него смотрѣли съ презрительнымъ снисхожденіемъ? А сама Екатерина Долгорукая, «государыня-невѣста», завтрашняя императрица всероссійская!

Сегодня—внизу, завтра—наверху.

Время оправдывало самыя безумныя надежды и самыя ужасныя опасенія.

Въ послѣдніе мѣсяцы, когда вся высшая аристократія, весь генералитетъ, иностранные посланники и резиденты потянулись въ Москву вслѣдъ за дворомъ отрока-императора,—балы, празднества, охоты слѣдовали непрерывно другъ за другомъ. Блестящими «фестивалями» было отпраздновано состоявшееся въ ноябрѣ прошлаго года обрученіе императора съ княжной Екатериной. Въ угарномъ чаду промелькнуло Рождество. А на 19-е января было назначено, теперь отложенное по болѣзни императора, его бракосочетаніе, и въ тотъ же день—свадьба его любимца Ивана Долгорукаго съ графиней Натальей Шереметевой.

Четырнадцатилѣтній Петръ, сильный и крѣпкій, рано возмужавшій, съ необузданной жадностью бросился на всѣ соблазны, окружавшіе его. На балахъ онъ всегда отмѣчалъ красивыхъ женщинъ, и, конечно, не могъ оставаться равнодушнымъ при видѣ Лопухиной, первой красавицы обѣихъ столицъ.

Въ танцахъ Лопухина почти превосходила цесаревну Елизавету, считавшуюся лучшей танцоркой этого времени. На охотѣ съ борзыми, которую такъ любилъ императоръ, она поражала своей смѣлостью и красотой посадки.

Несмотря на свою несомнѣнную любовь къ Лопухиной, графъ Рейнгольдъ счелъ бы большой удачей для себя, если бы Лопухина овладѣла императоромъ. Сухой и расчетливый, отставшій отъ своего

отечества и оставшійся чужимъ Россіи, онъ всегда и во всемъ привыкъ прежде всего искать личной выгоды. Избалованный успѣхами у женщинъ, дѣлая черезъ нихъ свою карьеру, онъ невольно пріобрѣлъ на нихъ взглядъ, какъ, прежде всего, на полезныхъ ему людей, и потомъ уже какъ на женщинъ. Единственное, несомнѣнное теплое чувство въ его душѣ принадлежало Лопухиной. Но и тутъ онъ невольно ужъ вычислялъ выгоды, какія могли бы выпасть на его долю въ случаѣ ея возвышенія.

Начиная съ Крещенья, празднества прекратились, въ виду болѣзни императора, хотя никто еще не считалъ этой болѣзни смертельной, даже тогда, когда выяснилось, что это оспа.

Бурный періодъ болѣзни миновалъ, и императоръ уже всталъ съ постели.

II.

Левенвольде сидѣлъ снова на низкомъ табуретѣ.

Положивъ руку ему на голову, Лопухина улыбалась мечтательно и задумчиво.

Казалось, этой женщинѣ, такъ щедро одаренной, нечего было желать. По своему рожденію (она была урожденная Балкъ, дочь извѣстнаго генерала) и по замужеству, она принадлежала къ самому высокому кругу, и со стороны мужа была родственницей царей; по богатству—семья Лопухиныхъ была одной изъ первыхъ, соперничая съ Черкасскими, по красотѣ—она безспорно и внѣ сомнѣній была признана несравненной. Все въ жизни улыбалось ей. И она чувствовала себя теперь пресыщенной счастьемъ, и отъ скуки и отъ безпокойства, свойственнаго ея характеру, искала, чѣмъ занять свою душу.

Она была одной изъ тѣхъ прелестныхъ бабочекъ, вырвавшихся изъ куколокъ душныхъ теремовъ, распахнутыхъ мощной рукой великаго царя, и наслаждающихся невиданной донынѣ на Руси свободой женщины...

Эти дни, скучные и однообразные, безъ баловъ и празднествъ, гдѣ она бывала настоящей царицей, томили ее. Она съ нетерпѣніемъ ждала выздоровленія императора, чтобы снова очутиться въ привычной праздничной атмосферѣ баловъ, соперничествъ, интригъ, легкихъ побѣдъ.

Беззаботный Левенвольде, тоже привыкшій быть центромъ придворныхъ баловъ, какъ и она, томился вынужденнымъ бездѣйствіемъ, хотя и говорилъ противное,—потому что единственнымъ дѣломъ его было блистать на балахъ.

— Мужа сегодня съ утра нѣтъ дома,—произнесла Лопухина:—онъ очень озабоченъ болѣзнью императора.

— Тревожиться нечего,—лѣниво отвѣтилъ Рейнгольдъ.

— Вы знаете, Рейнгольдъ,—тихо отозвалась Наталья Ѳедоровна:—мнѣ съ утра грустно, я все жду чего-то.

— Вамъ просто скучно,—съ улыбкой отвѣтилъ Рейнгольдъ:—вы скучаете безъ баловъ, безъ охоты. Дѣйствительно,—продолжалъ онъ:—на рождественской псовой охотѣ въ Александровской слободѣ вы были очаровательно смѣлы.

Шумъ тяжелыхъ шаговъ и бряцанье шпоръ въ сосѣдней комнатѣ прервали его слова.

— Это мужъ,—сказала Наталья Ѳедоровна, снимая руку съ головы Рейнгольда.

Онъ нѣсколько отодвинулся.

Въ комнату, гремя шпорами, быстро и озабоченно вошелъ мужъ Лопухиной, Степанъ Васильевичъ, въ красномъ гвардейскомъ камзолѣ съ золотыми позументами.

Это былъ высокій, крѣпкій мужчина, лѣтъ сорока пяти, съ добродушнымъ широкимъ лицомъ. На этомъ цвѣтущемъ лицѣ трудно было найти слѣды тяжелаго девятилѣтняго пребыванія Лопухина въ Кольскомъ острогѣ, куда онъ былъ сосланъ Петромъ Великимъ за участіе въ дѣлѣ царевича Алексѣя, въ 1718 году. Въ лѣвой рукѣ Лопухинъ держалъ краги и большую гренадерскую шапку.

Левенвольде поднялся ему навстрѣчу.

— А, графъ, очень кстати,—произнесъ Степанъ Васильевичъ, протягивая ему руку.

Левенвольде показалось, что его рука слегка дрожала.

Въ выраженіи лица мужа Наталья Ѳедоровна сразу подмѣтила необычное, тревожное выраженіе.

— Что случилось, Степанъ Васильевичъ?—спросила она.

Лопухинъ осторожно, словно хрупкую драгоцѣнность, взялъ руку жены и нѣжно поцѣловалъ ее.

— Дурныя, ужасныя вѣсти,—дрогнувшимъ голосомъ отвѣтилъ онъ, тяжело опускаясь на маленькій табуретъ, гдѣ только что сидѣлъ Левенвольде:—императоръ умираетъ!...

Онъ уронилъ краги и шапку на коверъ и закрылъ глаза рукой.

Левенвольде поблѣднѣлъ. Тысячи опасеній за себя, за свою будущность въ чужой, дикой странѣ, гдѣ судьба человѣка зависѣла отъ произвола перваго временщика, охватили его.

— Какъ!—растерянно произнесла Наталья Ѳедоровна:—умираетъ!

Лопухинъ овладѣлъ собою.

— Да,—отвѣтилъ онъ,—умираетъ. Проклятые Долгорукіе, они погубили его! Имъ что!—съ горечью и истиннымъ отчаяніемъ продолжалъ онъ:—что имъ до того, что угасаетъ послѣдній отпрыскъ дома Петрова!... Они думаютъ только о себѣ! Не мало зла натворили они—и боятся расплаты...

Лопухинъ всталъ и крупными шагами заходилъ по маленькой гостиной.

— Да разскажи же, что случилось?—упавшимъ голосомъ спросила Наталья Ѳедоровна:—гдѣ ты былъ?...

— Въ Воскресенскомъ, у царицы бабки, Измайлова извѣстили,—отвѣтилъ Лопухинъ и продолжалъ:—позавчера, какъ всталъ онъ съ постели, все было хорошо. Извѣстно, не доглядѣли... Самъ открылъ окно и застудился. Теперь нѣтъ надежды. Что будетъ! Что будетъ!—схватился онъ за голову.

— Кто жъ наслѣдуетъ престолъ?—пересохшими губами спросилъ Рейнгольдъ.

Для него это былъ вопросъ жизни и смерти. Въ его воображеніи мелькнуло прекрасное лицо цесаревны Елизаветы, ненавидящей Лопухину и относившейся къ нему съ презрительнымъ высокомѣріемъ.

— Кто?—повторилъ Лопухинъ:—мужская вѣтвь дома Романовыхъ пресѣкается...

— Елизавета!—воскликнула Наталья Ѳедоровна, раздѣлявшая тревогу своего любовника.

— Она ненавидитъ Лопухиныхъ,—глухо отозвался Степанъ Васильевичъ:—она будетъ преслѣдовать весь нашъ родъ, какъ ея отецъ преслѣдовалъ. Девять лѣтъ я безвинно томился въ острогѣ, и мой дядя погибъ на плахѣ... Царица Евдокія всю жизнь прожила въ заточеніи, и теперь что отъ нея осталось?... Дряхлая монахиня! Съ ея сыномъ, своимъ сыномъ, что сдѣлалъ онъ!... Его дочь наслѣдовала его ненависть...

— Но кто же?—произнесла тихо Наталья Ѳедоровна.

Лопухинъ нетерпѣливо махнулъ рукой.

— Говорятъ, существуетъ тестаментъ покойной императрицы,—неувѣренно началъ Рейнгольдъ...

— Это объ ея дочеряхъ,—возразилъ Лопухинъ:—объ Аннѣ да Елизаветѣ...

— Послѣ смерти Анны, герцогини голштинской, остался сынъ Карлъ,—сказалъ Рейнгольдъ:—по тестаменту, кажется, престолъ долженъ перейти къ нему...

— Завѣщаніе сомнительно,—отвѣтилъ Лопухинъ.

— Мой отецъ видѣлъ это завѣщаніе,—вмѣшалась Наталья Ѳедоровна:—тамъ прямо было сказано: Аннѣ Петровнѣ съ «десцедентами». Ежели же она была бы бездѣтна—то Елизаветѣ.

Лопухинъ покачалъ головой.

— Никто не придастъ значенія этому тестаменту,—сказалъ онъ:—Долгорукіе—сильны...

— Ты думаешь?... блѣднѣя, начала Лопухина.

— Да,—угадавъ ея мысль, взволнованно произнесъ Лопухинъ. Рейнгольдъ тоже притихъ.

Очевидно, Лопухинъ допускалъ возможность, что Долгорукіе провозгласятъ императрицей государыню-невѣсту.

Тяжелое раздумье овладѣло всѣми. Всѣ трое чувствовали себя, какъ люди, находящіеся вблизи невѣдомой опасности.

— Я ѣду въ Лефортовскій дворецъ,—прервалъ наконецъ молчанье Лопухинъ:—не надо, чтобы нежданно что натворили Долгорукіе.

— Если разрѣшите, я буду сопровождать васъ,—сказалъ Левенвольде.

— Ѣдемте,—коротко отвѣтилъ Лопухинъ.

Мужчины поцѣловали руку Натальи Ѳедоровны и поспѣшно вышли.

III.

То и дѣло къ Лефортовскому дворцу въ Нѣмецкой слободѣ, принадлежавшему нѣкогда извѣстному любимцу Петра Великаго, подъѣзжали сани и кареты съ форейторами. Залы дворца наполнялись представителями генералитета, сената и духовенства. На улицахъ, прилегающихъ ко дворцу, толпился народъ, охваченный смутной тревогой. Во мракѣ морозной ночи кровавыми пятнами горѣли фонари и дымящіеся факелы въ рукахъ скороходовъ. Сдержанно кричали форейторы: «бргись!..» и молча выходили изъ экипажей имѣющіе доступъ ко двору сановники.

Тревожное настроеніе толпы, окружавшей дворецъ, росло; необъяснимымъ путемъ, какъ всегда бываетъ, въ народъ проникли вѣсти, что императоръ умираетъ...

Въ умахъ москвичей еще памятны были всѣ волненія и бури, пережитыя Москвой при перемѣнахъ «на верху». Были въ толпѣ старики, хорошо помнившіе стрѣлецкіе бунты. Смерть отрока-государя опять сулила имъ рядъ ужасныхъ возможностей. Всѣхъ пугало междоусобіе дворцовыхъ партій. Слышались сдержанные разговоры. Чаще всѣхъ упоминалось имя Елизаветы.

А кареты, возки, сани—все ѣхали и ѣхали...

Въ большой залѣ, прислонившись къ колоннѣ, стоялъ молодой офицеръ въ формѣ поручика лейбъ-регимента. На немъ былъ красный камзолъ съ такими же обшлагами, воротникомъ и подбоемъ, обшитый по вороту, обшлагамъ и борту золотымъ галуномъ. На лосиной портупеѣ висѣла широкая шпага. Онъ былъ еще очень молодъ, лѣтъ двадцати—двадцати двухъ. По выраженію его лица, съ большими любопытными, темными глазами, по его обособленности среди блестящаго общества было сразу видно, что онъ еще не свой здѣсь. Онъ съ жаднымъ любопытствомъ слѣдилъ за каждымъ вновь прибывшимъ, и его глаза перебѣгали съ одной залитой золо-

томъ фигуры на другую и останавливались съ любопытствомъ на черныхъ рясахъ іереевъ, въ бѣлыхъ и темныхъ клобукахъ, украшенныхъ брильянтовыми крестами.

— Ну, что, князь, въ диковинку? Сразу всѣхъ повидали,—раздался за нимъ тихій голосъ. Молодой князь быстро повернулся. Передъ нимъ стоялъ молодой капитанъ, въ одной съ нимъ формѣ.

— А, —радостно произнесъ названный княземъ,—это вы, Петръ Спиридоновичъ, — вѣрите ли, голова кругомъ идетъ.

— Знаю, знаю,—отозвался Петръ Спиридоновичъ,—прямо изъ чужеземщины, ничего не зная, что творится здѣсь, да попасть сюда, да въ такой моментъ! Есть отъ чего разбѣжаться глазамъ, Арсеній Кирилловичъ.

— Да, Петръ Спиридоновичъ,—отвѣтилъ князь:—вѣрите ли, какъ во снѣ себя чувствую. Недѣли нѣтъ, какъ я здѣсь. И что же? Ну, право, какъ во снѣ! Что батюшка подумаетъ! Нѣтъ,—продолжалъ онъ съ увлеченіемъ, явно обрадовавшись собесѣднику:—вы, вѣдь, знаете. Пріѣхалъ я послѣ заграницы, прямо изъ Парижа къ отцу, онъ говоритъ, поѣзжай въ Петербургъ, пора послужить. Я что же, съ радостью согласился. Пріѣхалъ съ батюшкинымъ письмомъ прямо къ фельдмаршалу князю Долгорукому въ Москву. Вѣдь мы въ родствѣ. Шастуновы и Долгорукіе—одного корня. А здѣсь князь Василій Владимировичъ и говоритъ: «Будь моимъ адъютантомъ»,—и зачислилъ меня въ лейбъ-регментъ. А тутъ болѣзнь его величества. Что подѣлаешь? Представить не могли. Сегодня безпремѣнно приказалъ здѣсь быть. Вотъ и торчу. А его не видно. Говорятъ, императоръ не поправится. Бѣда одна,—закончилъ онъ.

— По правдѣ, бѣда,—отвѣтилъ Петръ Спиридоновичъ:—что теперь будетъ,—продолжалъ онъ пониженнымъ голосомъ,—ума не приложу! Кто вступитъ на престолъ и что будетъ?

Онъ замолчалъ. Этотъ капитанъ лейбъ-регимента былъ камеръюнкеромъ голштинскаго герцога. Фамилія его была Сумароковъ. Въ настоящее время онъ состоялъ адъютантомъ графа Павла Ивановича Ягужинскаго, генералъ-прокурора сената, того самаго Ягужинскаго, полуполяка, полулитовца, кого Великій Петръ называлъ своимъ окомъ.

Въ большой залѣ и примыкающихъ къ ней комнатахъ стоялъ тихій и сдержанный гулъ голосовъ. Прибывшіе разбивались на группы и взволнованно обсуждали послѣдствія надвигавшагося несчастья.

Отъ шитыхъ золотомъ цвѣтныхъ кафтановъ, разноцвѣтныхъ лентъ, звѣздъ и брильянтовъ рябило въ глазахъ. Черными пятнами на блестящемъ фонѣ военныхъ и гражданскихъ генераловъ выдѣлялись темныя рясы духовенства.

— Вотъ, посмотрите,—говорилъ Сумароковъ:—видите вы этого генерала съ такимъ суровымъ худымъ лицомъ? Знаете, кто это?

Князь отрицательно покачалъ головой.

— Это—герой Россіи, какъ сказалъ о немъ испанскій посолъ Дюкъ-де-Лирія,—продолжалъ Сумароковъ:—фельдмаршалъ, князь Михаилъ Михайловичъ Голицынъ.

Шастуновъ съ невольнымъ уваженіемъ взглянулъ на стараго генерала. Кто не зналъ подвиговъ Михаила Михайловича, его беззавѣтной отваги въ битвахъ подъ Лѣснымъ, Нарвой, гдѣ онъ спасъ остатки разбитой арміи Петра и честь Семеновскаго полка, его блистательнаго похода въ Финляндію 1714 года, его безкорыстія и любви къ солдатамъ? Въ популярности въ рядахъ русской арміи могъ бы соперничать съ нимъ развѣ только другой фельдмаршалъ, князь Василій Владимировичъ Долгорукій.

— А съ нимъ рядомъ,—говорилъ Сумароковъ,—этотъ красивый, стройный человѣкъ, съ александровской лентой, это князь Василій Лукичъ Долгорукій. Старикъ, а на видъ нельзя дать и сорока лѣтъ. Съ ума сводилъ парижскихъ красавицъ еще десять лѣтъ тому назадъ, какъ былъ назначенъ посломъ при регентѣ Филиппѣ Орлеанскомъ. Вы, князь, недавно изъ Парижа. Чай, слышали о немъ?

Улыбка промелькнула по губамъ Шастунова. Дѣйствительно, при французскомъ дворѣ до сихъ поръ не забыли изящнаго, остроумнаго, смѣлаго Василія Лукича, соперничавшаго въ успѣхахъ у женщинъ съ первыми кавалерами блистательнаго двора регента, несмотря на свой почтенный возрастъ. Случалось ему встрѣчать и старушекъ, еще сохранившихъ нѣжное воспоминаніе объ этомъ «le prince charmant» во время его перваго пребыванія въ Парижѣ, во дни его молодости, въ концѣ прошлаго вѣка, гдѣ онъ пробылъ тринадцать лѣтъ.

— Онъ—членъ верховнаго тайнаго совѣта, министръ,—продолжалъ словоохотливый Сумароковъ:—все въ ихъ рукахъ.

Онъ вздохнулъ и затѣмъ продолжалъ свое перечисленіе.

Князь слушалъ его съ жаднымъ любопытствомъ.

— Толстый, надутый, словно лопнуть готовъ отъ надменности, князь Черкасскій, самый богатый человѣкъ въ Россіи. Тощій монахъ съ длинной бородой, съ брильянтовымъ крестомъ на клобукѣ, членъ синода, архіепископъ новгородскій Ѳеофанъ, ехидный, хитрый; рядомъ съ нимъ архіепископъ тверской Ѳеофилактъ, низенькій, толстенькій, а высокій, толстый—ростовскій архіепископъ, Георгій. Подумаешь,—друзья! А сами другъ друга въ ложкѣ воды готовы утопить, горло перегрызть другъ другу. А! вотъ входитъ старикъ,—смотрите, какъ почтительно раздвигаются. Это самъ великій канцлеръ графъ Гаврила Ивановичъ Головкинъ, а съ нимъ князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ. А, верховный тайный совѣтъ

собирается! Князь, князь,—торопливо закончилъ Сумароковъ:—а вотъ вашъ фельдмаршалъ и Ягужинскій. Идемте!

Черезъ толпу расшитыхъ мундировъ молодые люди пробрались къ образовавшемуся проходу и примкнули къ свитѣ Головкина и фельдмаршала.

Твердыми, увѣренными шагами, прямой и стройный, съ сурово сжатыми губами, блестящими глазами, глядящими поверхъ головъ, съ надменно поднятой головой, не отвѣчая на поклоны, фельдмаршалъ прямо прошелъ къ окну, гдѣ стояли Голицынъ съ Василіемъ Лукичемъ. Къ нимъ же подошли Головкинъ съ Дмитріемъ Голицынымъ и Ягужинскій. Между ними начался сдержанный, но оживленный разговоръ. Окружающіе отодвинулись подальше. Взоры всѣхъ, словно съ тревогой и опасеніемъ, устремились на эту маленькую группу людей, одни изъ которыхъ, по своему положенію, какъ министры, члены верховнаго тайнаго совѣта, другіе, какъ знаменитые родомъ и доблестью, занимали первенствующее мѣсто въ государствѣ и, казалось, держали въ своихъ рукахъ будущее Россіи.

Надо сказать, что большинство устремленныхъ на нихъ взглядовъ выражало явное недоброжелательство.

Архіепископъ Ѳеофанъ, сложивъ на груди руки, съ нескрываемой усмѣшкой глядѣлъ на эту группу, изрѣдка что-то говоря съ насмѣшливой улыбкой своимъ собесѣдникамъ, хотя тѣ, очевидно, не раздѣляли его настроенія. Всѣмъ было хорошо извѣстно, что Ѳеофилактъ тверской былъ близокъ къ князьямъ Голицынымъ, а Георгій ростовскій—къ Долгорукимъ.

Шастуновъ и Сумароковъ стояли въ сторонѣ и молча наблюдали. Имъ обоимъ бросилось въ глаза нѣсколько высокомѣрное отношеніе князей Голицыныхъ и Долгорукихъ къ Ягужинскому. Его словно держали поодаль, и, чтобы сгладить это, графъ Головкинъ то и дѣло обращался къ нему, видимо, стараясь втянуть его въ общую бесѣду. Ягужинскій былъ его зятемъ, и графъ Головкинъ давно уже стремился провести его въ члены верховнаго тайнаго совѣта, но все безуспѣшно. Несмотря на выдающееся положеніе Ягужинскаго, родовитые князья не хотѣли видѣть ровню въ простомъ шляхтичѣ.

Изъ внутреннихъ покоевъ вышелъ невысокаго роста, пожилой генералъ съ андреевской лентой на груди. На его лицѣ была видна полная растерянность. Это былъ отецъ государыни-невѣсты, князь Алексѣй Григорьевичъ Долгорукій. Онъ прямо подошелъ къ группѣ верховниковъ и, взявъ за руку фельдмаршала Долгорукаго, началъ что-то взволнованно объяснять, словно умолять. До ушей Сумарокова и Шастунова доносились отдѣльныя слова: «завѣщаніе... государыня-невѣста...»

— Невѣста—не жена,—донеслись слова фельдмаршала Голицына, сказанныя громче другихъ.

Алексѣй Григорьевичъ сталъ опять горячо убѣждать и вынулъ изъ кармана, за пазухой, сложенный вчетверо большой листъ. Онъ развернулъ его, и князь Шастуновъ замѣтилъ на немъ большую императорскую печать. Василій Лукичъ внимательно разсматривалъ листъ и что-то тихо говорилъ,—Ягужинскій читалъ текстъ черезъ его плечо.

Сумароковъ, наклонясь къ уху Шастунова, едва слышно прошепталъ:

— Слышно, что императоръ составилъ тестаментъ, по коему наслѣдницей престола назначаетъ государыню-невѣсту, княжну Екатерину Долгорукую. Вечоръ у князя Алексѣя Григорьевича собрались всѣ Долгорукіе... Да между собою грызутся. Кто Катерины не любитъ, кому Иванъ поперекъ горла сталъ. Такъ и не столковались. А, впрочемъ, почемъ знать! Захотятъ фельдмаршалы,—все сдѣлаютъ!

Въ эту минуту фельдмаршалъ Василій Владимировичъ нетерпѣливо махнулъ рукой и громко сказалъ:

— Потомъ!

Князь Алексѣй Григорьевичъ растерянно и торопливо свернулъ и спряталъ за пазуху листъ и бросился къ Черкасскому, потомъ къ архіепископамъ, вездѣ встрѣчаемый презрительно-недовѣрчивыми улыбками.

Потомъ онъ снова скрылся во внутреннихъ покояхъ.

Прошло нѣсколько минутъ; изъ внутреннихъ покоевъ торопливо вышелъ блѣдный и взволнованный сенаторъ Иванъ Ильичъ Дмитріевъ-Мамоновъ, тайный супругъ царевны Прасковьи Іоанновны.

Онъ подошелъ къ архіепископамъ и что-то сказалъ имъ.

Черными тѣнями они немедленно двинулись за нимъ во внутренніе покои.

Словно вздохъ пронесся по залѣ. Всякій понялъ, что минуты императора сочтены.

IV.

Какое-то жуткое, напряженное ожиданіе, шопотъ собравшихся, казавшійся зловѣщимъ въ этихъ просторныхъ покояхъ, еще недавно наполненныхъ шумнымъ весельемъ, дѣйствовали удручающе на князя Шастунова. Ему минутами казалось, что свѣчи въ золотыхъ канделябрахъ меркнутъ, чадный туманъ нагорѣвшихъ свѣтиленъ стоялъ въ воздухѣ, затемняя глаза. Слышался только зловѣщій гулъ сдержанныхъ голосовъ. Словно какія-то тѣни рѣяли въ воздухѣ.

Здѣсь же, въ этомъ самомъ Лефортовскомъ дворцѣ, грозный первый императоръ справлялъ свои молодыя оргіи, празднуя побѣду надъ утопавшей въ крови Москвой!.. И здѣсь кончалъ жизнь его послѣдній мужской отпрыскъ.

Голова Шастунова кружилась. Онъ чувствовалъ словно дурноту.

Онъ глубоко вздохнулъ, выпрямился, оглянулся кругомъ и вдругъ вздрогнулъ. Его взглядъ упалъ на крупную фигуру Лопухина, пробиравшагося среди толпы, въ сопровожденіи графа Левенвольде. Блѣдныя щеки его мгновенно покраснѣли. Это не укрылось отъ капитана Сумарокова.

— А-а,—шопотомъ въ ухо князя произнесъ онъ,—мужъ нашей первѣйшей красавицы и въ сопровожденіи друга.

Было въ его тонѣ что-то, что не понравилось молодому князю. Глаза его потемнѣли, и онъ въ упоръ посмотрѣлъ на капитана.

— Да, да,—продолжалъ Сумароковъ:—вѣдь вы знакомы съ его женой, Натальей Ѳедоровной? Помните, вы такъ много катались съ ней на прошлой недѣлѣ съ горъ на Москвѣ рѣкѣ?

Помнилъ ли Шастуновъ!

— А этотъ красавчикъ,—шепталъ Сумароковъ:—графъ Левенвольде, вы тоже его видали. Да, на него приступомъ идутъ наши дамы.

Шастуновъ страшно поблѣднѣлъ и срывающимся шопотомъ сказалъ:

— Я прошу васъ, капитанъ, замолчать...

Сумароковъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ взглянулъ на него, пожалъ плечами и отвернулся.

Для него было непонятно раздраженіе князя. Весьма естественно, что молодой князь, познакомившись съ Лопухиной, сразу влюбился въ нее. Это была участь всѣхъ, кто приближался къ ней. Естественно, что Лопухина, по врожденной привычкѣ, подавала ему надежды. Но неестественна была наивность князя. Кто же не зналъ въ обѣихъ столицахъ, какую роль игралъ при ней Левенвольде? Чего же раздражаться? Это такъ просто. Въ любовной игрѣ, какъ и во всякой,—каждый самъ за себя.

Всѣ эти мысли мгновенно промелькнули въ умѣ камеръ-юнкера голштинскаго герцога, и онъ снова пожалъ плечами.

Лопухинъ, озабоченный и хмурый, прошелъ, ни на кого не глядя, черезъ толпу въ дальніе покои, гдѣ еще съ утра сидѣли тетки государя,—Екатерина, герцогиня мекленбургская, и царевна Прасковья, эти бѣдныя «Ивановны», какъ ихъ называли при дворѣ.

Въ толпѣ произошло движеніе. Образовался широкій проходъ отъ самыхъ дверей. Голоса смолкли. Настало мгновенное молчаніе. Въ двери входила цесаревна Елизавета. На ея пышныхъ, темно-бронзовыхъ волосахъ не было пудры. Молодое лицо ея горѣло и отъ мороза и отъ волненія. Большіе голубые глаза сверкали. Во всей ея фигурѣ, рослой и крупной, съ высокой грудью и узкой таліей (ей было въ то время двадцать лѣтъ), было что-то властное, гордое и самоувѣренное, напоминавшее ея великаго отца. Слѣдомъ за ней

шелъ ея адъютантъ, тридцатитрехлѣтній генералъ, красавецъ Александръ Борисовичъ Бутурлинъ, и стройный, изящный мужчина съ энергичнымъ и насмѣшливымъ сухимъ лицомъ, ея лейбъ-медикъ Лестокъ.

Многіе съ любопытствомъ глядѣли на молодого генерала. Всѣмъ была извѣстна его давняя близость къ цесаревнѣ Елизаветѣ. Когда объ этой близости донесли Петру II, онъ частью подъ вліяніемъ ревности, частью по интригамъ Алексѣя и Ивана Долгорукихъ, ненавидѣвшихъ царевну, отдѣлался отъ Бутурлина, пославъ его командовать украинскими полками, къ великому горю Елизаветы; это было весной предыдущаго года.

Узнавъ въ своей глуши о предстоящей свадьбѣ императора, Бутурлинъ, рискуя навлечь на себя его гнѣвъ, пользуясь своимъ положеніемъ «персоны четвертаго класса», никого не спрашивая, поспѣшилъ ко дню бракосочетанія императора въ Москву.

Но онъ поспѣлъ не къ брачнымъ торжествамъ. Елизавета была несказанно рада его пріѣзду и оставила его у себя въ своемъ Покровскомъ въ прежней должности камергера и адъютанта.

Едва отвѣчая на поклоны низко склонявшихся при ея проходѣ сановниковъ, она прошла во внутренніе покои.

Цесаревна проживала въ это время въ подмосковномъ селѣ Покровскомъ. Тамъ, окруженная вѣрными и преданными людьми, она въ полной мѣрѣ наслаждалась жизнью и чувствовала себя маленькой царицей.

Узнавъ объ опасности, угрожающей Петру, она поспѣшила пріѣхать въ Москву.

Послѣ ея ухода шопотъ на нѣсколько минутъ сталъ оживленнѣе, но скоро затихъ, и опять жуткое чувство ожиданія охватило залъ.

А тотъ, кто являлся причиной всѣхъ разыгравшихся страстей, интригъ, опасеній, надеждъ и отчаянія, отрокъ-императоръ, лежалъ въ бреду, безпомощный, слабый и умирающій. И былъ онъ уже не императоромъ, отходя туда, гдѣ нѣтъ ни царей, ни рабовъ, гдѣ всѣ равны,—а просто бѣднымъ, жалкимъ, одинокимъ мальчикомъ, сыномъ несчастнаго отца, выросшимъ безъ матери, никѣмъ не любимымъ иначе, какъ императоръ, съ никѣмъ не согрѣтымъ маленькимъ сердцемъ, которому такъ нужна была теплая ласка и любовное слово правды.

На своей высокой постели подъ балдахинами, затканными золотыми орлами, онъ метался въ предсмертномъ бреду. Его лицо представляло страшную, вздутую багровую маску.

Безсвязныя слова вырывались изъ его опухнувшихъ, воспаленныхъ губъ. Кому онъ былъ дорогъ?

Развѣ этому старику съ сухимъ, жесткимъ лицомъ, съ большими умными глазами, что сидѣлъ у его кровати и держалъ въ рукахъ его горячую, вздрагивающую руку. Да, быть можетъ, только ему,

этому нѣмцу, своему воспитателю, вице-канцлеру, гофмейстеру двора, барону Генриху Іоганну Остерману, смѣшно переименованному царицей Прасковьей, женой царя Іоанна,—въ Андрея Ивановича.

Если бы этотъ Андрей Ивановичъ могъ плакать,—онъ бы плакалъ сейчасъ. Но сухіе глаза его глядѣли ясно, и только подергиваніе губъ и судороги щекъ обнаруживали его глубокое горе. Онъ такъ любилъ этого мальчика!...

Въ углу, закрывъ лицо руками, молча сидѣлъ Иванъ Долгорукій, любимецъ и другъ умирающаго императора, братъ его невѣсты. Но едва ли его отчаяніе было вызвано чувствомъ любви, благодарности и дружбы. Онъ слишкомъ высоко былъ вознесенъ, чтобы не бояться паденья. Кто еще? Бабка царица? Мать его несчастнаго отца, выживающая изъ ума, замученная его дѣдомъ, отрекшаяся отъ жизни монахиня Елена, въ мірѣ Евдокія?

Никого! Никого!

Остерманъ тихо прижалъ руку Петра къ губамъ, и ему показалось, что онъ обжегъ губы.

Вошедшій въ комнату Лестокъ, присланный цесаревной, молча и безпомощно стоялъ въ ногахъ постели.

Вслѣдъ за нимъ вошли архіепископы для совершенія обряда соборованія, за ними проскользнулъ князь Алексѣй Григорьевичъ и, подойдя къ сыну, что-то торопливо зашепталъ ему.

Петръ заметался. Въ его безсвязномъ бредѣ можно было различить слова: «Наташа.... пора... ѣдемъ... полкъ...»

Онъ поминалъ свою рано умершую сестру, которую онъ такъ нѣжно любилъ и которая такъ любила его.

Вдругъ онъ поднялся. Опухшіе глаза его съ трудомъ раскрылись. Онъ сдѣлалъ движеніе встать съ постели и яснымъ голосомъ произнесъ:

— Запрягайте сани, хочу ѣхать къ сестрѣ...

Съ этими словами онъ упалъ на спину и захрипѣлъ.

Тѣло его вздрогнуло, онъ вытянулся и застылъ.

— C'est la mort,—произнесъ Лестокъ.

Остерманъ припалъ къ рукѣ почившаго.

Иванъ Долгорукій громко зарыдалъ...

— Бѣдный мальчикъ!—Да, ты пошелъ къ своей сестрѣ—искать ее въ безграничныхъ пустыняхъ вѣчности...

Былъ въ началѣ первый часъ ночи на 19-е января 1730 года.

По какому-то странному инстинкту даже шопотъ прекратился въ залахъ дворца. Словно ангелъ смерти пролетѣлъ по всѣмъ заламъ прежде, чѣмъ проникнуть въ спальню умирающаго.

Но вотъ изъ заднихъ комнатъ послышались крики, чье-то пронзительное рыданіе. Толпа дрогнула, многіе осѣнили себя крестнымъ знаменіемъ

На порогѣ блѣдный, съ мутными глазами, растрепанными волосами, появился Иванъ Долгорукій. За нимъ виднѣлось испуганное лицо его отца.

Иванъ остановился на порогѣ и хрипло произнесъ:

— Петръ Вторый, императоръ и самодержецъ всероссійскій, нынѣ преставился.

Онъ сдѣлалъ два-три невѣрныхъ шага впередъ и, обнаживъ шпагу, воскликнулъ:

— Да здравствуетъ императрица Екатерина!

Гробовое молчаніе отвѣтило ему.

— Да здравствуетъ императрица Екатерина!

На этотъ разъ за нимъ раздался слабый и неувѣренный голосъ его отца:

— Да здравствуетъ императрица Екатерина!

Иванъ обвелъ вокругъ тусклыми глазами. Онъ встрѣтилъ враждебныя и насмѣшливыя лица.

Василій Владимировичъ быстро подошелъ къ нему и крѣпко схватилъ его за руку.

— Ты съ ума сошелъ,—сказалъ старый фельдмаршалъ:— иди домой! Ты не въ себѣ.

Иванъ еще разъ кинулъ вокругъ себя безпомощный взглядъ, вложилъ шпагу въ ножны и шатаясь направился къ выходу.

Послышался гулъ голосовъ, движенье. Нѣкоторые направились поклониться тѣлу императора, другіе поспѣшили уѣхать, частью изъ боязни заразы, частью охваченные тревогой за свою дальнѣйшую судьбу. Третьи въ ожиданіи чего-то, собираясь группами, оживленно совѣщались.

Дворецъ значительно опустѣлъ.

Стоявшая съ непокрытыми головами у дворца толпа, крестясь, медленно и тревожно расходилась.

Въ числѣ прошедшихъ къ одру императора были верховники, а за ними слѣдомъ прошли и Шастуновъ съ Сумароковымъ. Архіепископы читали молитвы. На колѣняхъ около постели стояли Екатерина и Прасковья, плача и крестясь. Елизавета судорожно прильнула къ рукѣ Петра и тихо шептала:

— Петруша, Петруша, ненаглядный...

Напрасно Лестокъ старался оторвать ее отъ трупа.

Верховники и всѣ вошедшіе преклонили колѣни.

Черезъ нѣсколько минутъ фельдмаршалъ Долгорукій поднялся и тихо произнесъ, наклоняясь къ уху Головкина:

— Не надо терять времени,—и верховники, а также фельдмаршалъ Голицынъ и Ягужинскій, одинъ за другимъ, тихо вышли изъ комнаты.

Шастуновъ и Сумароковъ получили приказаніе ждать дальнѣйшихъ распоряженій и не отлучаться изъ дворца.

Вѣрховники прошли въ задніе аппартаменты.

Потрясенный всѣмъ пережитымъ, Шастуновъ опустился въ широкое кресло. Сумароковъ тоже притихъ и озабоченно ходилъ изъ угла въ уголъ.

Глаза Шастунова слипались. Запрыгали огни, завертѣлся красный камзолъ Сумарокова, и онъ задремалъ.

V.

Была роковая ночь, когда судьба бросала на чаши вѣсовъ вѣчности жребіи Россіи.

Отъ случайности мгновенной рѣшимости одной или другой группы или лица зависѣла судьба Россіи.

Потрясенная Елизавета ѣхала къ себѣ домой, сидя плечо къ плечу съ Бутурлинымъ; противъ нихъ въ саняхъ помѣстился Лестокъ.

— Ваше высочество,—съ оживленіемъ говорилъ по-французски энергичный французъ:—нельзя терять ни одной минуты. Помните, вашъ великій отецъ говорилъ, что промедленіе подобно смерти. Не убивайте же своей будущности и будущности Россіи. Одинъ ударъ, и все будетъ кончено. Клянусь, я ручаюсь за успѣхъ! Ваше высочество, гвардія обожаетъ васъ. Дозвольте намъ дѣйствовать. Тутъ близко казармы Преображенскаго полка. Велите ѣхать туда, явитесь солдатамъ, напомните имъ ихъ прежнюю доблесть, славу ихъ, вѣрность вашему отцу, и они бросятся за вами въ самый адъ! И завтра мы провозгласимъ дочь Петра Великаго русской императрицей. Вы—кротки и милосердны, вы успокоите Россію. Народы Россіи благословятъ ваше имя. Кому же вы хотите бросить на жертву ваше наслѣдіе,—алчнымъ Долгорукимъ? Старухѣ монахинѣ? Или чужестранцамъ голштинцамъ, или, можетъ быть, этимъ жалкимъ «Ивановнамъ»!

Горячій французъ такъ волновался, что чуть не выпрыгивалъ изъ саней. Елизавета молчала. Послѣ волненій послѣднихъ часовъ это ясное морозное небо, горящее звѣздами, близость Бутурлина, тѣсно прижавшагося къ ней, дѣйствовали на нее разслабляюще. Ей хотѣлось одного—покоя и тишины.

Горячая рука Бутурлина пожимала ея руку. Онъ тоже молчалъ, забывши въ эти минуты обо всемъ, кромѣ этой красавицы, такъ нѣжно прильнувшей къ нему.

— Рѣшайтесь, ваше высочество,—продолжалъ Лестокъ:—рѣшайтесь, пока не пропущенъ моментъ!

Цесаревна съ томной улыбкой почти опустила голову на плечо Бутурлина.

Опасности, волненія, тревоги, быть можетъ, монастырь или Шлиссельбургъ вмѣсто трона—нѣтъ, Богъ съ ними,—и лѣнивымъ, томнымъ голосомъ она произнесла:

— Laissez donc, cher Lestok, à demain, à demain!..

Она отнимала у себя десять лѣтъ царствованія за минуты любовнаго отдыха.

Въ то же время въ Лефортовскомъ дворцѣ шли усиленные переговоры. Въ одной залѣ собрались представители сената и генералитета съ княземъ Черкасскимъ, фельдмаршаломъ Трубецкимъ и Ягужинскимъ, и архіепископы.

Въ другой—министры верховнаго совѣта, пригласившіе съ собой засѣдавшаго въ совѣтѣ безъ званія министра сибирскаго губернатора князя Михаила Владимировича Долгорукаго, пріѣхавшаго на бракосочетаніе своей племянницы, княжны Екатерины, государыни-невѣсты, и двухъ фельдмаршаловъ, Долгорукаго и Голицына.

Фельдмаршалъ князь Иванъ Юрьевичъ Трубецкой былъ замѣтно обиженъ тѣмъ, что его не пригласили верховники съ собой. Подъ насильственной улыбкой скрывалъ свою досаду и генералъ-прокуроръ Ягужинскій.

— Осьмиличный совѣтъ рѣшитъ за насъ,—насмѣшливо произнесъ новгородскій архіепископъ Ѳеофанъ.

Оставшіеся чувствовали себя растерянно и неловко. Они понимали, что верховники рѣшаютъ теперь вопросъ государственнаго строенія.

Никто не рѣшался начать говорить опредѣленно. Настроеніе ихъ было подавленное. Главной и страшной угрозой стояли передъ ними Долгорукіе. Если фельдмаршалъ Василій Владимировичъ пользовался общимъ уваженіемъ, также какъ и Василій Лукичъ, то фаворитъ покойнаго царя Иванъ и его отецъ Алексѣй Григорьевичъ были искренно всѣми ненавидимы за ихъ глупую надменность, корыстолюбіе и несправедливость.

Князь Черкасскій только сопѣлъ. Ему было рѣшительно все равно, кто станетъ во главѣ правленія, только бы тамъ не было мѣста Долгорукимъ. Ягужинскій, стоя рядомъ съ камергеромъ княземъ Сергѣемъ Григорьевичемъ Долгорукимъ, безобиднѣйшимъ человѣкомъ, безъ опредѣленныхъ политическихъ взглядовъ, хитро и тонко выспрашивалъ его о намѣреніи Голицыныхъ и Долгорукихъ.

По предшествовавшей дѣятельности онъ зналъ князя Дмитрія Михайловича Голицына, какъ приверженца представительнаго строя, вродѣ Рѣчи Посполитой или англійскаго. Голицынъ всегда проводилъ мысль, что подданные должны принимать участіе въ правленіи государствомъ, въ дѣлахъ какъ внутренней, такъ и внѣшней политики. Благодаря ему, императрицей Екатериной былъ

данъ 21-го марта 1727 года указъ: о «сухопутной арміи и флотѣ съ цѣлью устроить ихъ съ наименьшей тягостью для народа». Предполагалось образовать комиссію «изъ знатнаго шляхетства и изъ посредственныхъ персонъ всѣхъ чиновъ—разсмотрѣть состояніе всѣхъ городовъ и земель и по разсмотрѣніи наложить такую подать, чтобы было всѣмъ равно». Это было какъ бы уже шагомъ къ признанію представительнаго строя.

Ягужинскій былъ увѣренъ, что теперь Дмитрій Михайловичъ воспользуется случаемъ, чтобы осуществить свои любимыя идеи. Такъ какъ прямыхъ, безспорныхъ наслѣдниковъ не было, то являлось весьма вѣроятнымъ, что избранное лицо согласится на извѣстныя уступки. Быстрый, изворотливый умъ Ягужинскаго живо представилъ возможное положеніе дѣлъ, тѣмъ болѣе, что онъ уже ранѣе слышалъ кое-что объ уже готовомъ проектѣ Дмитрія Михайловича и объ его словахъ, что необходимо прибавить себѣ воли. Ягужинскому въ сущности было все равно, хоть республика, только бы самому стоять на верхахъ.

Безпокойные взгляды все чаще и чаще останавливались на комнатахъ, изъ которыхъ ждали появленія верховниковъ.

Ягужинскій говорилъ Сергѣю Григорьевичу:

— Что жъ, пусть рѣшаютъ. Но долго ли терпѣть намъ, что намъ головы сѣкутъ! Настало иное время. Не быть теперь самодержавію!

— Это не мое дѣло,—отвѣтилъ добродушный князь Сергѣй Григорьевичъ:—я въ такое дѣло не путаюсь и даже не думаю о немъ.

Ягужинскій замолчалъ. Его все еще мучило перенесенное имъ униженіе. Верховники не пригласили его съ собою на совѣщаніе, несмотря на желаніе графа Головкина.

Въ то же время и верховники, нервно и нетерпѣливо, спѣшили покончить съ вопросомъ.

Несмотря на ихъ видимую власть, они чувствовали шаткость своего положенія. Вѣдь если бы фельдмаршалъ князь Иванъ Юрьевичъ Трубецкой былъ поэнергичнѣе, или вздумалось бы цесаревнѣ Елизаветѣ явиться сейчасъ въ Лефортовскій дворецъ съ ротой преображенцевъ, то ихъ пѣсенка была бы спѣта. Пока всѣ еще ошеломлены—надо дѣйствовать. Надо прійти къ соглашенію между собою и заручиться согласіемъ сената и генералитета.

Засѣданіе началъ рѣчью князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ. Указавъ на то, что угасло мужское потомство Петра Великаго, онъ замѣтилъ, что о дочеряхъ Петра, рожденныхъ до брака съ Екатериной, не можетъ быть рѣчи и что завѣщаніе, оставленное Екатериной, не можетъ имѣть никакого значенія, потому что,—добавилъ онъ,—«эта женщина, съ ея прошлымъ, не имѣла никакого права

возсѣсть на россійскій престолъ, тѣмъ менѣе располагать короной россійской».

— Надо думать,—закончилъ онъ,—о новой особѣ на престолъ, и о себѣ также.

Послѣ его словъ наступило молчаніе. Его прервалъ неувѣренный голосъ Алексѣя Григорьевича:

— Покойный государь оставилъ завѣщаніе...

— Завѣщаніе подложно,—рѣзко отвѣтилъ князь Дмитрій Михайловичъ. — Невѣста государя не стала женой, и на нее не можетъ переходить никакого права на престолъ.

— Но позволь, князь...—началъ Василій Лукичъ...

Его прервалъ Василій Владимировичъ. Онъ всталъ во весь ростъ и, энергично ударяя по столу рукой, сурово проговорилъ:

— Да! Это завѣщаніе подложно! Никто не въ правѣ вступать на престолъ, пока еще находятся въ живыхъ особы женскаго пола, законные члены императорскаго дома...

— Всего справедливѣе было бы провозгласить государыней царицу Евдокію, вѣдь она бабка покойнаго императора,—произнесъ графъ Головкинъ.

— Монахиня!..—отозвался Алексѣй Григорьевичъ Долгорукій.

— Насильный постригъ!..—весь вспыхнувъ, возразилъ старикъ Головкинъ.

Но Дмитрій Михайловичъ прервалъ ихъ. Онъ всталъ и своимъ спокойнымъ, яснымъ, убѣдительнымъ голосомъ громко сказалъ:

— Я воздаю полную дань достоинствамъ вдовствующей императрицы, но она только вдова государя. Есть дочери царя, три дочери царя Ивана. Избраніе старшей, Екатерины, привело бы къ затрудненіямъ. Она сама добра и добродѣтельна, но ея мужъ, герцогъ мекленбургскій, золъ и сумасброденъ. Мы забываемъ Анну Ивановну, герцогиню курляндскую,—это умная женщина и въ Курляндіи на нее нѣтъ неудовольствій.

Дмитрій Михайловичъ обвелъ всѣхъ вопросительнымъ взглядомъ и опустился на мѣсто.

Его предложеніе не было неожиданностью для нѣкоторыхъ изъ его товарищей по совѣту.

По тонкому, до сихъ поръ красивому лицу Василія Лукича скользнула довольная улыбка. Онъ вспомнилъ свое пребываніе въ Митавѣ, четыре года тому назадъ, когда онъ по поводу курляндскихъ дѣлъ ѣздилъ туда, по порученію Меншикова. Это было послѣ избранія Морица Саксонскаго курляндскимъ герцогомъ. Герцогской короны домогался и князь Ижорскій. Старый и опытный соблазнитель, Василій Лукичъ сумѣлъ тогда легко, безъ особаго труда, покорить вдовствующую герцогиню, не считая ее даже особенно цѣнной добычей, въ виду ея обездоленнаго, униженнаго и «мизернаго» положенія. Онъ не безъ удовольствія вспоминалъ, какъ бѣсновался тогда

ея камеръ-юнкеръ Биренъ, только что приближенный къ ней. Въ своемъ высокомѣріи онъ не считалъ этого камеръ-юнкера, завѣдывавшаго конюшнями герцогини, за соперника, и третировалъ его, почти какъ лакея... Онъ вспомнилъ одинъ вечеръ, поздній вечеръ, встрѣчу его съ Биреномъ передъ опочивальней герцогини, дерзкія слова Бирена и нанесенную имъ Бирену пощечину. Биренъ не забудетъ этого!

Эти воспоминанія мгновенно пронеслись въ душѣ Василія Лукича. Онъ сумѣетъ вернуть свою власть надъ Анной, а Биренъ... его просто можно не пустить въ Россію.

И твердымъ голосомъ Василій Лукичъ произнесъ:

— Это самый достойный выборъ.

Алексѣй Григорьевичъ, видя, что дѣло съ завѣщаніемъ не находитъ поддержки, и привыкнувъ во всемъ слѣдовать за Василіемъ Лукичемъ, молча въ знакъ согласія наклонилъ голову.

Казалось, это избраніе примиряло всѣхъ. Всѣ хорошо помнили Анну, во время ея пріѣздовъ ко двору, по дѣламъ. Дѣла эти были исключительно денежныя, и герцогиня тогда буквально обивала пороги у всѣхъ вельможъ, имѣвшихъ какое-либо вліяніе при дворѣ. Всѣ помнили, какъ бѣдная «Ивановна» была любезна, уступчива, внимательна.

Такою члены совѣщанія представляли ее себѣ и на основаніи этого склонялись къ ея избранію, разсчитывая легко управлять ею.

Молчаніе прервалъ фельдмаршалъ Долгорукій.

— Самъ Богъ внушилъ тебѣ эту мысль, князь Дмитрій Михайловичъ,—торжественно началъ онъ:—она исходитъ отъ чистосердечной любви твоей къ отечеству.—И могучимъ голосомъ, какимъ онъ командовалъ полками, онъ воскликнулъ:—Виватъ императрица Анна Ивановна!

— Виватъ императрица Анна Ивановна!—поддержалъ его фельдмаршалъ Голицынъ.

— Виватъ императрица Анна Ивановна! — раздались одушевленные голоса остальныхъ членовъ совѣщанія.

Когда смолкли крики, князь Дмитрій Михайловичъ продолжалъ:

— Самъ Богъ указуетъ пути Россіи. Всѣмъ вѣдомо намъ, что царь Петръ Первый жизнь свою полагалъ за благоденствіе Россіи. Но прошло пять лѣтъ со дня его кончины, и что видимъ мы? На престолѣ женщина, возведенная на его ступени преступнымъ властолюбіемъ Меншикова. Женщина низкаго рода, даже неграмотная... съ этого началась гибель Россіи.

Блѣдное лицо Голицына окрасилось яркимъ румянцемъ.

— Кто же правилъ при ней!—высокимъ голосомъ продолжалъ онъ:—воля ея была какъ тростникъ, колеблемый вѣтромъ! Меншиковъ, корыстный и жадный царедворецъ, Левенвольде, замѣчательный единой красотой, да онъ ли одинъ! Безсовѣстные фавориты

расхищали достояніе народное!.. Богъ призвалъ ее къ себѣ... Что было послѣ?.. Священна память отрока-императора, передъ чьимъ не остывшимъ трупомъ мы только что преклоняли колѣни! Но что было при немъ? Я не въ укоръ говорю тебѣ, Алексѣй Григорьевичъ,— обратился онъ къ вспыхнувшему Долгорукому:—не вы, такъ другіе... Не все ли равно? Надо сдѣлать такъ, чтобы ни вы, ни другіе не могли по-своему, своевольно править Россіей. Нѣтъ,—съ силой продолжалъ Голицынъ,—довольно мы терпѣли отъ бѣдствій самовластія съ его фаворитами! Пора обуздать верховную власть благими законами! Надо полегчить себѣ и народу! Надо прибавить воли!

Онъ обвелъ всѣхъ присутствующихъ горящими глазами.

— Какъ полегчить?—спросилъ Головкинъ.

Онъ былъ сильно взволнованъ рѣчью Голицына. Его старая голова тряслась. Онъ и сочувствовалъ и боялся...

— Императрица Анна,—продолжалъ Голицынъ,—не ожидала этой высокой доли. Мы предложимъ ей престолъ подъ условіемъ дѣленія ея власти съ нами и народомъ.

Одобрительный шопотъ прошелъ по собранію.

Большинство уже заранѣе знало проектъ Голицына. Въ тайныхъ засѣданіяхъ совѣта, съ участіемъ значительныхъ сановниковъ, неоднократно возбуждался этотъ вопросъ, и были уже намѣчены границы императорской власти. Если онъ счелъ нужнымъ громко сказать теперь объ этомъ, то только для того, чтобы вновь единодушно было подчеркнуто состоявшееся раньше рѣшеніе.

— Намъ надлежало бы,—продолжалъ онъ,—сейчасъ же составить пункты и послать ихъ государынѣ Аннѣ Ивановнѣ.

Стукъ въ дверь прервалъ его слова. Въ комнату вошелъ баронъ Остерманъ. Его лицо, казалось, еще болѣе похудѣло и осунулось, носъ заострился, но глаза глядѣли попрежнему ясно и твердо. Остерманъ, прихрамывая, опирался на палку.

Его встрѣтили почтительно и съ удовольствіемъ, и Дмитрій Михайловичъ тотчасъ же сообщилъ ему объ избраніи герцогини курляндской, на что баронъ отвѣтилъ, поглаживая свой острый подбородокъ:

— Выборъ натуральный и достойный.

Затѣмъ Дмитрій Михайловичъ передалъ ему о рѣшеніи собранія ограничить императорскую власть.

Андрей Ивановичъ задумчиво помолчалъ нѣсколько минутъ и потомъ произнесъ:

— Вы—природные русскіе, вы лучше знаете, что свойственно природѣ русскаго народа. Если вы можете считать себя сейчасъ по душѣ и крови представителями народа, къ которому вы принадлежите,—то вы правы. Vox populi—vox dei... Мнѣ нечего сказать. Но теперь, я полагаю, надо выйти и сообщить шляхетству и генерали-

тету о выборѣ императрицы, чтобы не было нареканій на тайный верховный совѣтъ.

Старикъ поднялся и, тяжело опираясь на палку, медленно двинулся къ дверямъ. Онъ словно еще больше постарѣлъ и захромалъ. Во главѣ съ нимъ восемь рѣшителей судебъ Россіи вошли въ залу, гдѣ ожидали ихъ рѣшенія представители сената, синода и генералитета.

VI.

Еще далеко до разсвѣта, былъ всего шестой часъ, и цесаревна Елизавета мирно почивала, когда кто-то вдругъ сильно схватилъ ее за плечо и потрясъ:

— Ваше высочество,—раздался надъ ея ухомъ нетерпѣливый, рѣзкій голосъ,—вставайте, ваша судьба рѣшается... Вставайте же, ваше высочество, вставайте...

Съ легкимъ крикомъ поднялась Елизавета, и при ясномъ огнѣ многочисленныхъ лампадокъ, горѣвшихъ предъ кіотомъ въ углу, увидѣла взволнованное лицо Лестока.

Лестокъ, какъ свой человѣкъ, вернулся во дворецъ цесаревны и на правахъ ея лейбъ-медика ворвался въ ея спальню, несмотря на сопротивленіе фрейлины Мордвиновой.

— Ради Бога, Лестокъ! Что случилось?—вся дрожа, спросила Елизавета.—Или идутъ арестовать меня?..

— Вы дождетесь и этого,—взволнованно проговорилъ Лестокъ.— Я сейчасъ изъ Лефортова. Вопросъ рѣшенъ. Тайный совѣтъ провозгласилъ императрицей герцогиню курляндскую.

— А, вотъ какъ,—зѣвая произнесла Елизавета.—Отвернитесь же, Лестокъ, я накину на себя пудермантель.

Лестокъ сталъ къ цесаревнѣ спиной и съ жаромъ продолжалъ:

— Тайный совѣтъ рѣшилъ все келейно, никого не спрашивая. Ваши архіепископы, сенаторы и генералитетъ ждали въ сосѣдней комнатѣ, какъ безсловесное стадо. Они ждали долго...

— Ну, теперь можете повернуться,—равнодушно прервала его Елизавета.

Лестокъ съ живостью повернулся.

— Проводивъ васъ, я поспѣшилъ вернуться во дворецъ. Верховники вышли послѣ совѣщанія и объявили свою волю. Свою волю, подумайте, ваше высочество,—горячо продолжалъ Лестокъ,— и Дмитрій Михайловичъ потребовалъ согласія. И отъ имена сената, синода и генералитета оно было дано. Никто не посмѣлъ возражать... Никто!

Елизавета задумчиво слушала его.

— Итакъ, вопросъ рѣшенъ,—сказала она наконецъ:—чего же вы хотите?

Лестокъ даже подпрыгнулъ на мѣстѣ

— Но подумайте же вы, дочь Великаго Петра, кому вы уступаете свои права? Невѣжественной, грубой любовницѣ берейтора!...

— Лестокъ,—тихо, но сурово остановила его Елизавета:—она моя сестра.

— Даже рискуя навлечь на себя вашъ гнѣвъ, я не возьму назадъ своихъ словъ,—продолжалъ Лестокъ.—Но это еще не все. Верховники пошли дальше... Они рѣшили ограничить власть императрицы, и не ваша сестра будетъ управлять имперіей, а восемь г.г. верховниковъ, изъ которыхъ четверо—Долгорукіе!..

— Какъ?—спросила Елизавета, и ея равнодушіе мгновенно исчезло:—что же будетъ?

— Вы знакомы, ваше высочество, съ римской исторіей,—съ усмѣшкой произнесъ Лестокъ,—и вы знаете, что значитъ олигархія. Теперь этихъ олигарховъ въ Россіи будетъ восемь. Значитъ, восемь деспотовъ, вмѣсто одного въ худшемъ случаѣ. Они уже составили пункты, ограничивающіе самодержавную власть и дѣлающіе ихъ самихъ самодержцами... Завтра, т. е. сегодня, въ десять часовъ утра, они собираютъ въ Мастерской палатѣ представителей высшихъ чиновъ имперіи, и тогда все будетъ кончено. Вамъ осталось едва три часа. Я видѣлъ сегодня Толбузина, капитана Преображенскаго полка, я говорилъ съ княземъ Черкасскимъ и многими другими... Для нихъ—все лучше Долгорукихъ. Одѣвайтесь, ваше высочество, рота кавалергардовъ въ вашемъ распоряженіи. Преображенскій полкъ ждетъ вашего слова, въ толпахъ на улицахъ и площадяхъ Москвы громче всѣхъ звучитъ ваше имя. Одѣвайтесь же, ваше высочество, вотъ мундиръ Преображенскаго полка и...

Елизавета тяжело дышала. Слова Лестока зажгли ея бурную кровь...

Она колебалась.

Въ эту минуту въ спальню вошелъ Бутурлинъ. Его поспѣшили разбудить, въ виду тревожныхъ событій.

При видѣ его лицо Елизаветы оживилось.

— Александръ Борисычъ,—сказала она,—Лестокъ предлагаетъ мнѣ корону. Она, кажется, у него въ карманѣ.

— Вы изволите шутить, ваше высочество,—нервно произнесъ Лестокъ:—ваша слава мнѣ дороже жизни.

— Я знаю, въ чемъ дѣло,—отвѣтилъ Бутурлинъ:—но умоляю ваше высочество не рисковать своей драгоцѣнной жизнью или свободой, не взвѣсивъ всѣхъ возможностей. Не забудьте, ваше высочество, что фельдмаршалъ Долгорукій—подполковникъ Преображенскаго полка, что его любитъ войско, не забудьте фельдмаршала Голицына, подполковника Семеновскаго полка, самаго любимаго вождя во всей россійской арміи; я не смѣю сказать болѣе, но такіе люди знаютъ, что дѣлаютъ, и сумѣютъ отстоять то, что дѣлаютъ. Но,

ваше высочество,—добавилъ онъ,—моя шпага, моя жизнь принадлежитъ вамъ, какъ теперь, такъ и всегда. Скажите, что долженъ я дѣлать?

Въ его словахъ, во всей его фигурѣ видна была рѣшимость и энергія.

Елизавета глубоко задумалась. Жизнь такъ прекрасна. Такъ прекрасенъ стоящій передъ ней сейчасъ ея рыцарь. Она такъ еще молода! Не вмѣшиваясь въ игру, она сохранитъ все, чѣмъ наслаждается теперь. Вмѣшавшись же, она рискуетъ всѣмъ, ради сомнительной авантюры. Минутный пылъ ея прошелъ. Настоящее было такъ прекрасно для ея двадцатилѣтняго сердца, что она боялась поставить его на карту.

Она долго молчала, пристально глядя на почтительно склонившагося передъ ней Бутурлина, и въ ея большихъ глазахъ съ расширенными зрачками горѣло пламя молодой любви.

Наконецъ, тряхнувъ головой, она рѣшительно произнесла:

— Благодарю васъ, Лестокъ, на этотъ разъ я рѣшительно отказываюсь.

Лестокъ сразу словно погасъ. Его одушевленіе исчезло. Онъ понялъ, что только пламенной волей и непоколебимой увѣренностью въ побѣдѣ можно достигнуть побѣды. Въ головѣ его мелькнула смутная мысль, что если бы онъ сразу поддержалъ ея тревогу, что ее идутъ арестовать, онъ бы могъ пробудить къ энергіи эту чувственную и сонную душу. Онъ запомнилъ этотъ урокъ и черезъ десять лѣтъ блистательно воспользовался имъ.

Низко поклонившись и поцѣловавъ протянутую руку, Лестокъ, опустивъ голову, молча вышелъ изъ спальни.

— Бѣдный Петруша,—произнесла Елизавета:—онъ былъ такой добрый,—ея глаза наполнились слезами:—а тутъ крови хотятъ.

Она притянула къ себѣ за руку Бутурлина.

— Однако этотъ разбойникъ разогналъ мой сонъ. Не позавтракать ли намъ, Александръ Борисовичъ?

Ф. Е. Заринъ-Несвицкій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

«БЫЛЬ МИНУВШАГО».

I.

Родъ Мертваго.—Происхожденіе фамиліи.—Послѣдующіе потомки, служившіе дворянскія службы, начиная съ 1576 г. и дальше.—Прадѣдъ мой, Борисъ Ѳедоровичъ Мертваго.—Женитьба его на Маріи Михайловнѣ Мартыновой.—Пугачевщина изъ записокъ его сына, Дмитрія Борисовича Мертваго.—Появленіе пугачевскихъ шаекъ въ Алатырскомъ уѣздѣ Симбирской губерніи въ іюлѣ 1774 года.—Выѣздъ семьи Мертваго изъ ихъ имѣнія.—Трое сутокъ въ лѣсу.—Наставленія родителя.—Измѣна слуги.—Нападеніе крестьянъ.—Четырнадцатилѣтній Мертваго съ младшими братьями въ рукахъ возмутившихся крестьянъ.—Его везутъ въ секретари къ Пугачеву, хотятъ убить; онъ спасается бѣгствомъ. —Сострадательная мордовка.—Вторичный плѣнъ.—Встрѣча съ матерью и своими въ Алатырѣ.—Подробности гибели отца.—Два воеводы, Бѣлокопытовъ и Сердешевъ.—Помѣщеніе у подьячаго.—Гоненіе отъ воеводы.—Игра въ войну.—Бригадиръ Пиль.—Графъ П. И. Панинъ въ Алатырѣ.—Облегченіе участи.

ИЗЪ ФАМИЛІИ Мертваго, какъ показано въ справкѣ Разряднаго архива, многіе россійскому престолу служили дворянскія службы въ разныхъ чинахъ и жалованы были отъ государей въ (7088) 1580 и другихъ годахъ помѣстьями, а по преданію извѣстно, что родъ Мертваго происходитъ отъ царевича Золотой Орды, именовавшагося Благоденъ и выѣхавшаго въ четырнадцатомъ столѣтіи къ великому князю Олегу Рязанскому. Потомки сего царевича именовались титуломъ предка своего до времени царствованія царя и великаго князя Іоанна Васильевича, а тогда по повелѣнію царскому каждый потомокъ получилъ особое названіе, и отъ нихъ пошли разныя фамиліи. Родоначальникъ же фамиліи Мертваго, будучи въ отлучкѣ, умеръ, то малолѣтнихъ дѣтей его царь Іоаннъ Васильевичъ назвалъ дѣти Мертваго и отъ того сія фамилія начало свое имѣетъ.

Булатъ Дмитріевичъ Мертваго былъ головою въ Большомъ полку въ 1576 году; Степанъ Павловичъ Мертваго головою у пѣшихъ стрѣльцевъ въ Астрахани въ 1621 году; Анисимъ Леонтьевичъ Мертваго раненъ въ походѣ противъ Стеньки Разина 1671 г.; Михаилъ Степановичъ Мертваго былъ думнымъ дворяниномъ въ 1682 году.

Родъ Мертваго внесенъ въ VI часть родословной книги Московской, Нижегородской, Казанской, Симбирской и Самарской губерній.

Прадѣдъ мой Борисъ Ѳедоровичъ Мертваго, съ котораго я и начну свое повѣствованіе, женился въ 1753 году на Маріи Михайловнѣ Мартыновой, вышелъ въ отставку майоромъ и жилъ съ семьей своей въ родовомъ помѣстьѣ Алатырскаго уѣзда Симбирской губерніи. Здѣсь онъ и погибъ, повѣшенный Пугачевымъ.

Но объ этихъ трагическихъ происшествіяхъ остались извѣстныя записки его сына, дѣда моего Дмитрія Борисовича Мертваго, напечатанныя въ «Русскомъ Архивѣ» въ 1867 году. Теперь онѣ сдѣлались библіографической рѣдкостью, и я не погрѣшу передъ читателями, если возьму изъ этихъ записокъ первую главу ихъ, слѣдующаго содержанія: «Пугачевщина».

Извѣстно, что отдаленный край нашего отечества раздираемъ былъ волненіемъ народа, въ пользу бунтовщика, назвавшагося царскимъ именемъ. Зло, тогда распространенное, потрясало основаніе государства, и хотя искоренено, но многимъ оставило въ памяти неизгладимыя черты ужаса и скорби.

Отецъ мой и мать,—пишетъ Д. Б. Мертваго,—имѣя одну деревню въ Оренбургской губерніи, въ краю, гдѣ начался бунтъ, а другую въ Симбирской губерніи, въ Алатырскомъ уѣздѣ, въ пятистахъ верстахъ оттуда, жили въ послѣдней. Зная только по слухамъ, что многіе изъ крестьянъ нашихъ вступили въ службу къ самозванцу и находятся при немъ, родители мои хотя и готовились потерять свое состояніе, но себя считали внѣ всякой опасности, принимая въ соображеніе разстояніе и мѣры, принятыя правительствомъ; но воля судьбы, невѣдомымъ для смертнаго путемъ все ведущая, опредѣлила быть тому иначе.

Пугачевъ, то поражаемый войсками, посланными для усмиренія мятежа, то усиливаемый новыми толпами злоумышленниковъ, долго, какъ нѣкій вихрь, носился въ горахъ и степяхъ малообитаемыхъ, и лѣтомъ 1774 года двинулся на сѣверъ и обложилъ Казань. Оборона жителей заставила его промедлить; разграбленное и сожженное имъ предмѣстье послужило къ его неудачѣ; многочисленная чернь, составлявшая его шайку, вдалась въ пьянство и грабежъ; въ это время войска Михельсона настигли и разбили

его, но не схватили самого злодѣя; онъ съ большимъ числомъ злоумышленниковъ бѣжалъ за Волгу къ Алатырю, въ тотъ спокойный край, гдѣ мы жили. Сначала онъ былъ не извѣстенъ, но черезъ нѣсколько дней, по присоединеніи къ нему множества дворовыхъ людей и крестьянъ, явился близъ нашего селенія, знаменуя вездѣ свое шествіе кровопролитіемъ.

За три недѣли передъ этимъ матушка родила, и въ день, когда начались наши несчастья, 22-го іюля, праздновали мы ея именины. По деревенскому обыкновенію званы были гости, и уже столъ былъ накрытъ, какъ вдругъ отецъ мой получилъ письмо отъ пріятеля и сосѣда нашего, званаго на праздникъ, который увѣдомлялъ, что самозванецъ въ тридцати верстахъ отъ насъ, пришелъ въ господское селеніе, повѣсилъ приказчика и все имущество разграбилъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ писалъ батюшкѣ, что со всѣмъ своимъ семействомъ выѣхалъ, самъ не зная, куда судьба его поведетъ.

Собравшись наскоро, поѣхали мы въ городъ Алатырь, отстоящій въ сорока верстахъ отъ нашей деревни. Передъ вечеромъ, приближаясь къ городу, встрѣтили мы знакомаго, который сказалъ отцу моему, что Пугачевъ вступаетъ въ Алатырь, и народъ съ образами, хлѣбомъ и солью пошелъ ему навстрѣчу. Вѣсть эта была громовымъ для насъ ударомъ; надо было бѣжать, а куда—Богъ знаетъ. Усталость лошадей принудила насъ своротить въ сторону, мы въѣхали въ лѣсокъ, недалеко отъ дороги, гдѣ на пчельникѣ нашли одного только человѣка; у него въ избѣ провели ночь.

На разсвѣтѣ отправились мы, сами не зная куда. Пріѣхавъ въ первое селеніе, увидѣли множество народа, толпившагося на улицѣ. Окруживъ наши повозки, крестьяне остановили насъ и спросили, куда мы ѣдемъ и для чего; грубыя ихъ рѣчи и, наконецъ, строгое требованіе, чтобы мы тотчасъ выѣхали изъ ихъ селенія, были для насъ первымъ знакомъ народнаго волненія и грозившей намъ опасности.

Выѣхавъ изъ села, поворотили мы въ маленькую мордовскую деревеньку, находившуюся близъ большого лѣса; остановившись у знакомаго намъ мордвина, узнали мы, что вся чернь волнуется, ожидая Пугачева, и что, не подвергая себя крайней опасности, нельзя намъ останавливаться ни въ какомъ селеніи. Освѣдомившись о дорогѣ, ведущей въ чащу лѣса, взявъ у мордвина хлѣба, сколько у него испечено было, и телѣги вмѣсто каретъ, пустились мы въ лѣсъ, единственное наше тогда убѣжище.

Часу въ десятомъ утра пріѣхавъ къ мельницѣ, находившейся въ самой дремучей части лѣса, остановились мы кормить лошадей. Въ это время батюшка познакомился съ мельникомъ и узналъ отъ него, что въ глубинѣ лѣса есть поляпка, близъ которой протекаетъ рѣчка, верстахъ въ восьми отъ мельницы, а отъ ближайшихъ селеній верстахъ въ пятнадцати, что дорога туда такъ дурна, что

не легко доѣхать до поляны, и что немногіе эту дорогу знаютъ. Добрый мельникъ согласился проводить насъ, обѣщая клятвенно не разглашать о томъ никому.

Едва къ вечеру мы доѣхали до того мѣста, гдѣ мельникъ, простившись съ нами, подтвердилъ свое обѣщаніе и сдержалъ его.

На другой день, рано поутру, батюшка пошелъ осмотрѣть окрестности нашего убѣжища. Найдя въ нѣкоторомъ разстояніи другую полянку, приказалъ перевести туда лошадей; на той же, гдѣ сами остались, сдѣлали шалашъ. Всѣмъ розданы были ружья и пистолеты, и положено было обороняться въ случаѣ нападенія.

Такъ пробыли мы трое сутокъ, не слыша ничего, кромѣ птичьяго крику. Въ продолженіе этого времени почтенный родитель мой дѣлалъ намъ наставленія, основанныя на чистой добродѣтели; говорилъ намъ, что спокойствіе человѣка составляетъ все его блаженство и что оно зависитъ отъ согласія поступковъ его съ совѣстью, что, нарушивъ это согласіе для какихъ бы то ни было выгодъ, потрясаетъ онъ то драгоцѣнное спокойствіе, котораго ничто замѣнить не можетъ. Примѣрами знакомыхъ намъ людей доказывалъ онъ, какъ пріобрѣтающій однѣ временныя выгоды не наслаждается ими, бывъ ежеминутно угрызаемъ совѣстью, еще не погасшею въ немъ.

Потомъ, прогуливаясь наединѣ со мною, говорилъ онъ, что если случится ему проститься со мной навѣки, то помнилъ бы я слова его и наставлялъ бы братьевъ, которые были гораздо моложе меня, чтобы радѣлъ о своей душѣ и сердцѣ и строго замѣчалъ свои склонности и поступки; совѣтовалъ не быть корыстолюбивымъ, говоря, что ни одинъ изъ предковъ нашихъ не былъ таковымъ, и, наконецъ, заклиналъ меня быть достойнымъ имени его, угрожая въ противномъ случаѣ Божескимъ наказаніемъ.

Единый Богъ можетъ быть свидѣтелемъ движенія сердечныхъ чувствъ, и только всесильная помощь Его въ состояніи сохранить человѣка отъ соблазновъ, дѣйствующихъ на сердце. Что желаю и стараюсь я быть достойнымъ моего родителя, это Богъ видитъ, но достоинъ ли и буду ли впредь достоинъ, того не знаю.

На четвертый день нашего пребыванія въ лѣсу сталъ оказываться у насъ недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ. Незнаніе обстоятельствъ того времени, надежда, что вслѣдъ за бунтовщикомъ идутъ войска, поражавшія его всегда и вездѣ, а болѣе всего болѣзнь матушки, причиною которой были душевныя и тѣлесныя безпокойства, заставили батюшку послать одного изъ людей нашихъ въ ближнее селеніе для покупки припасовъ и для развѣдыванія, что тамъ происходитъ. Человѣкъ этотъ казался намъ вѣрнымъ, и, дѣйствительно, я думаю, въ началѣ онъ не имѣлъ злаго умысла.

Пріѣхавъ въ селеніе, пріискивалъ онъ купить, что ему было приказано, и вмѣстѣ съ тѣмъ развѣдывалъ о Пугачевѣ. Крестья-

намъ это показалось страннымъ; по причинѣ повсемѣстнаго тогда волненія никто ничего не покупалъ, а все бралъ даромъ и убивалъ слабѣйшаго за неисполненіе его требованія. И потому, задержавъ его, стали разспрашивать, что онъ за человѣкъ и откуда; вѣроятно, собственная опасность заставила его сказать истину; тогда человѣкъ двѣсти жителей того селенія собрались противъ насъ, а онъ, показывая имъ дорогу, довелъ до того мѣста, гдѣ мы скрывались.

Приблизившись къ нашему убѣжищу, раздѣлились они на нѣсколько партій, окружили насъ и напали вдругъ со всѣхъ сторонъ съ большимъ крикомъ. Въ эту несчастную минуту батюшка отдыхалъ въ шалашѣ; люди оробѣли и побѣжали; сестры, схвативъ подъ руки матушку, побѣжали въ лѣсъ; злодѣи кинулись на батюшку. Онъ выстрѣлилъ изъ пистолета, и хотя никого не убилъ, но заставилъ отступить и, схвативъ ружье, лежавшее возлѣ него, и трость, въ которой была вдѣлана шпага,—не видя никого изъ своихъ около себя, побѣжалъ въ чащу лѣса, закричавъ намъ: «прощай, жена и дѣти». Это были послѣднія слова, которыя я отъ него слышалъ.

Въ большомъ страхѣ бросился было я вслѣдъ за батюшкой, но чаща лѣса раздѣлила насъ; не видя его, я бѣжалъ, самъ не зная куда. Запнувшись объ обгорѣлое дерево, лежавшее поперекъ дороги, упалъ я, и въ эту минуту, увидѣвъ возлѣ себя просторное дупло, вползъ въ него; чрезъ нѣсколько минутъ, очувствовавшись отъ страха, я слышалъ стрѣляніе изъ ружей и крикъ около себя: «ищите и бейте».

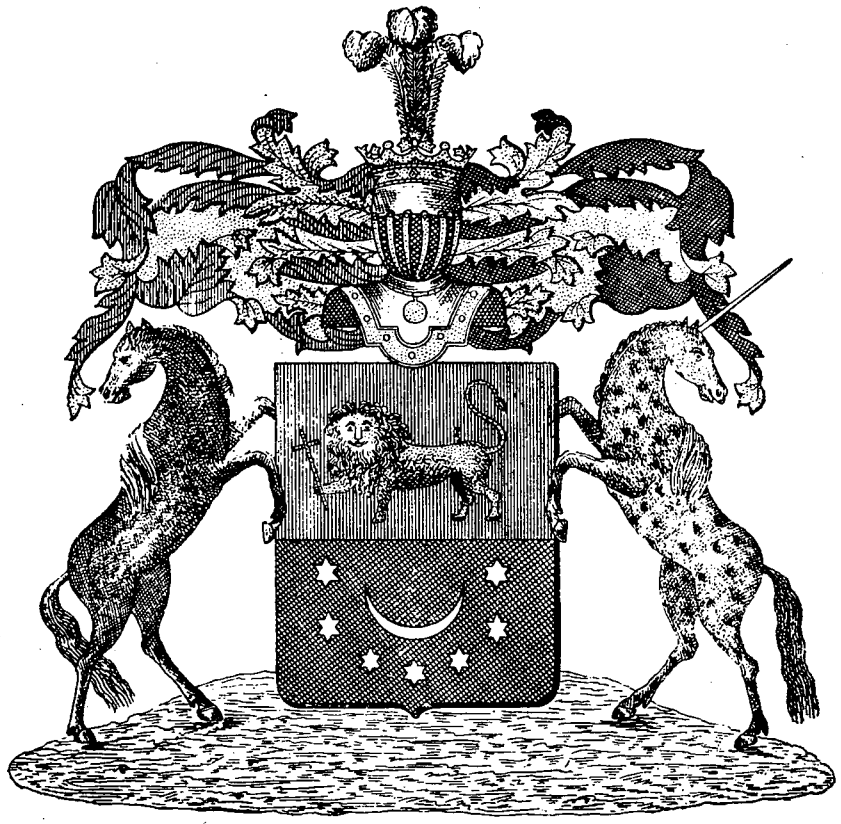
Пролежавъ долгое время и не слыша болѣе никакого шума, рѣшился я выйти изъ дупла, долго оглядывался во всѣ стороны, прислушивался; наконецъ, не замѣчая никакого шуму, пошелъ къ той полянѣ, гдѣ мы стояли. Тутъ нашелъ я нѣсколько лоскутковъ изодраннаго бѣлья и окровавленный платокъ, по которому долженъ былъ заключить, что кто-либо изъ ближнихъ моихъ убитъ.

Теперь прошу читателя представить себѣ четырнадцатилѣтняго, избалованнаго и изнѣженнаго мальчика, въ лѣсу, передъ вечеромъ, не знающаго дороги, безъ всякаго оружія для обороны. Тутъ-то въ первый разъ послужили мнѣ наставленія моего родителя. Я молился, поручая себя волѣ Господа, обѣщалъ хранить завѣщаніе отца моего, плакалъ не какъ испугавшійся ребенокъ, но какъ плачетъ взрослый отъ сокрушенія сердца, цѣловалъ окровавленные лоскутки, прощался со всѣми мѣстами, гдѣ я сиживалъ съ родителемъ, слушая его наставленія, и гдѣ я его видѣлъ въ послѣдній разъ; потомъ, взявъ палку, пошелъ по дорогѣ, гдѣ видны были слѣды повозокъ, сталъ смѣлѣе и твердо былъ увѣренъ, что не погибну.

Пройдя нѣкоторое разстояніе, и какъ стало уже смеркаться, послышалъ я шорохъ въ сторонѣ и опросилъ. Голосъ мой узнали

мои братья, изъ которыхъ одному было десять, а другому семь лѣтъ. Они прибѣжали ко мнѣ и съ ними наша няня; мы чрезвычайно другъ другу обрадовались и, не зная, куда итти, остались ночевать подъ деревомъ.

Поутру, лишь только стало свѣтать, пошли мы по дорогѣ, не зная, куда она ведетъ. Уже солнце высоко поднялось, когда приблизились мы къ рѣчкѣ, берегомъ которой шла дорога; прелестныя мѣста кругомъ, небольшія полянки, пріятный утренній воздухъ и повсемѣстная тишина заставили было насъ забыть ужасное наше положеніе, но вдругъ услышали мы страшный крикъ: «ловите, бейте». Я схватилъ за руку одного брата, бросился къ рѣчкѣ и скрылся въ густой травѣ у береговъ, а няня съ меньшимъ братомъ моимъ побѣжала по дорогѣ. Злодѣи, принявъ ее за дворянку, погнались за нею, и одинъ изъ нихъ ударилъ ее топоромъ; въ испугѣ она подставила руку, которая, однако, ее не защитила; остріе, раз-



Гербъ рода Мертваго.

рубивъ часть ладони, вонзилось въ плечо; страшный крикъ сильно тронулъ мое сердце. Въ то же время слышу я вопль брата, котораго схватили и спрашивали, куда мы побѣжали. Не зная, что я дѣлаю, я откликнулся и, выскочивъ изъ травы, явился къ нимъ, они спросили мое имя, сказали, что знаютъ батюшку, но что съ нимъ сдѣлалось, не слышали; потомъ сняли съ насъ все платье и обувь и, не дѣлая болѣе никакихъ грубостей, отпустили въ однѣхъ рубашкахъ, показавъ дорогу на мельницу, которая была не далеко.

Обезсилѣвшую отъ раны, а болѣе отъ испуга няню нашу поднялъ я и повелъ подъ руку къ мельницѣ. Когда мы подошли къ плотинѣ, напали на насъ двѣ собаки, отъ которыхъ, конечно, мы бы не въ силахъ были защититься, если бы мельникъ не прибѣжалъ къ намъ на помощь. Этотъ добрый человѣкъ, узнавъ, что мы дворяне, откровенно сказалъ, что нянюшка можетъ остаться у него, а насъ онъ принять не смѣетъ, боясь быть за то убитымъ со всѣмъ своимъ семействомъ. Но когда мы сказали ему, что сутки ничего не ѣли, то онъ пригласилъ насъ на мельницу и обѣщалъ дать молока и хлѣба.

У мельничнаго амбара намъ дали по большому куску хлѣба и по ложкѣ и поставили кринку молока; лишь только принялись мы за пріятную для голоднаго работу, какъ вдругъ жена мельника закричала: «ай! казаки, казаки!» Оглянувшись, мы, дѣйствительно, увидѣли толпу приближавшагося народа, я испугался чрезвычайно и не помню, какъ спрятался съ братьями подъ мельницу.

Толпа эта, увидя няню нашу, окровавленную, лежавшую на землѣ у мельничнаго амбара, спросила мельника, что это значитъ; онъ сказалъ всю правду и указалъ мѣсто, гдѣ мы спрятались. Двое изъ толпы спустились по лѣстницѣ и вынесли на рукахъ братьевъ; третій, взявъ меня за волосы, потащилъ за собою на лѣстницу, а четвертый въ это время билъ меня сзади палкою.

Я увидѣлъ всю толпу у мельничнаго амбара; насъ поставили въ средину ея и стали произносить приговоръ. Всякъ говорилъ свое и предлагали меня убить, а братьевъ, какъ малолѣтнихъ, отдать бездѣтнымъ мужикамъ въ пріемыши. Нѣкоторые предлагали бросить меня съ камнемъ на шеѣ въ воду, другіе—повѣсить, застрѣлить или изрубить; тѣ же, которые были пьянѣе и старше, вздумали учить надо мною молодыхъ казаковъ, не привыкшихъ еще къ убійству. Слыша эти разсужденія и ругательства, я ничего не говорилъ и уже готовился къ смерти, но тутъ одинъ изъ толпы сказалъ, что, будучи въ городѣ, получилъ онъ отъ самозванца приказаніе привести къ нему дворянина, мальчика лѣтъ пятнадцати, умѣющаго хорошо читать и писать, за котораго обѣщалъ дать пятьдесятъ рублей вознагражденія. Это предложеніе было тотчасъ всѣми принято, меня начали экзаменовать, заставляли писать

углемъ на доскѣ, задавали легкія задачи изъ ариѳметики и, наконецъ, признали достойнымъ занять важное мѣсто секретаря у Пугачева. Снисходя на мою просьбу, они согласились не разлучать меня съ братьями.

Мы пробыли у мельницы все время, необходимое для корма лошадей и на отдыхъ пѣшимъ. Между тѣмъ стали со мной обходиться почтительно, называя меня секретаремъ, разсказывали о разныхъ происшествіяхъ, относящихся до самозванца, о силѣ его и о намѣреніи истребить всѣхъ дворянъ и, наконецъ, приказаніи крестьянамъ защищаться всѣми силами отъ воинскихъ командъ, ожидаемыхъ вскорѣ.

Во время этихъ разсужденій и разсказовъ одинъ пьяный казакъ, взявъ меня за косу, сказалъ: «батюшка не любитъ длинныхъ волосъ, это бабамъ носить прилично». И тутъ же, прислонивъ меня къ близъ стоявшему дереву, закричалъ другому: «руби, братъ!» Этотъ, будучи также пьянъ, отрубилъ мнѣ топоромъ косу вплоть къ затылку. Я чрезвычайно испугался, но имѣлъ столько присутствія духа, что шутилъ насчетъ своихъ волосъ и благодарилъ этихъ пьяницъ.

Вѣсти о близости воинскихъ командъ обрадовали меня; я сталъ придумывать, какъ бы мнѣ укрыться отъ злодѣевъ на нѣсколько дней. Но между тѣмъ надобно было отправляться съ ними въ путь пѣшкомъ, безъ одежды и обуви.

Во время нашего путешествія подружился я съ однимъ крестьяниномъ, приставшимъ къ толпѣ изъ ближняго селенія. День уже склонялся къ вечеру; мы стали выходить изъ лѣса; большія поляны, засѣянныя хлѣбомъ, показывали близость деревни. Въ это время слышу я разсужденія злодѣевъ, ѣхавшихъ верхомъ, которые говорили, что сомнѣваются застать самозванца въ городѣ Алатырѣ и что надобно будетъ вести меня далѣе, не зная, гдѣ найдутъ они Пугачева и заплатитъ ли онъ обѣщанную сумму; другіе говорили, что когда доведутъ меня до селенія, и я объявлю себя секретаремъ, они принуждены будутъ не оставлять меня и жертвовать своимъ трудомъ и временемъ, быть можетъ, понапрасну, и потому согласились убить меня, не выходя изъ лѣса, а братьевъ, какъ малолѣтнихъ, раздать въ пріемыши бездѣтнымъ мужикамъ.

Слыша эти разсужденія, я страдалъ; сердце неизъяснимо ныло, но дѣлать было нечего: надобно было молчать и притворяться еще, что не слышу. Въ это время крестьянинъ, подружившійся со мною и не вмѣшивавшійся въ разсужденія, отведя меня немного въ сторону, сказалъ: «или ты не слышишь, что ребята-то говорятъ?» Я отвѣчалъ: «слышу, и, если можешь, Бога ради спаси меня и братьевъ». Онъ, взявъ съ меня слово, что я пойду къ нему въ работники, обѣщалъ усыновить меня; разсказалъ, какъ найти деревню и домъ его и потомъ, сказавъ злодѣямъ, что идетъ съ нами въ сторону, велѣлъ бѣжать въ кусты и тамъ скрыться.

Какъ стало уже смеркаться, вышелъ я изъ лѣса и увидѣлъ деревню, гдѣ былъ домъ моего избавителя, и возлѣ нея ту маленькую мордовскую деревню, гдѣ останавливались мы, ѣхавши въ лѣсъ. Я пошелъ въ послѣднюю, въ домъ къ мордвину; его тогда не было дома, но жена его пригласила насъ, какъ знакомыхъ, благосклонно.

Чрезъ нѣсколько минутъ собралось къ ней множество жителей того селенія; старшины, казалось, что-то грозно говорили хозяйкѣ по-мордовски, и одинъ изъ нихъ, подойдя ко мнѣ, сказалъ повелительно, чтобы тотчасъ вышелъ я съ братьями изъ деревни, потому что имъ не велѣно принимать дворянъ.

Я повиновался и, выйдя за околицу, сѣлъ на землю; недоумѣніе сжимало мое сердце; я боялся итти въ ту деревню, гдѣ жилъ крестьянинъ, пригласившій меня къ себѣ; между тѣмъ ночь уже наступила, заунывные голоса людей, сгонявшихъ скотъ, ревъ и топотъ коровъ, вмѣстѣ съ темнотою ночи, произвели такое чувство въ напуганномъ моемъ воображеніи, что мнѣ казалось лучше быть убитымъ, чѣмъ терпѣть это страшное мученіе духа.

Вставъ поспѣшно, пошелъ я обратно въ деревню, гдѣ не встрѣтилъ никого на улицѣ; войдя въ домъ къ мордвину, я не нашелъ въ избѣ жены его. Оставленный тутъ маленькій ребенокъ, сидя въ зыбкѣ, плакалъ; я сыскалъ въ столѣ хлѣбъ и ножъ, отрѣзалъ всѣмъ по куску и посадилъ братьевъ на полати, куда и самъ забрался.

По окончаніи домашнихъ работъ хозяйка возвратилась въ избу, засвѣтила огонь, поужинала и, поигравъ со своимъ ребенкомъ, собиралась уже итти спать. Въ эту минуту, поспѣшно сойдя съ полатей, бросился я предъ нею на колѣна, прося позволенія ночевать въ ея домѣ; поутру же, если ей угодно, сама бы насъ убила, или отдала бы на убійство... Долго не отвѣчала она ни слова, умильно смотрѣла на меня, покачивала головою; наконецъ слезы, покатившіяся по лицу, убѣдили меня, что жалость взяла верхъ надъ страхомъ. Она, поднявъ меня, говорила: «Если свѣдаютъ, что я скрыла у себя дворянъ, то меня, мужа моего и ребенка нашего убьютъ и домъ сожгутъ, но быть такъ». Послѣ этого, снявъ съ полатей братьевъ моихъ, которые тамъ уже было заснули, одѣла всѣхъ насъ въ мордовскія платья, провела на задній дворъ въ сѣнницу, положивъ на землю подушку, велѣла намъ лечь и, одѣвъ шубою, накрыла насъ пошевнями. Отъ усталости я такъ сладко заснулъ, что ничего во снѣ мнѣ не грезилось.

Лишь только стало свѣтать, хозяинъ, снявъ пошевни, покрывавшія насъ, разбудилъ меня и убѣдительно просилъ не губить его и, пока люди еще спятъ, выйти изъ селенія. Въ краткихъ словахъ изъяснилъ онъ мнѣ всѣ опасности нашего положенія, говорилъ, что матушку и сестеръ провезли къ Пугачеву и что, конечно, уже нѣтъ ихъ теперь на свѣтѣ. Этотъ честный человѣкъ самъ плакалъ,

видя мои слезы. Когда я ему изъяснилъ, что желаю пробраться въ свою деревню, онъ совѣтовалъ, избѣгая встрѣчъ по дорогѣ, спуститься къ рѣкѣ и берегомъ ея добраться до мѣста; провелъ онъ насъ за околицу и простился со слезами со мною, говоря, что вовѣки намъ не видаться.

Разставшись съ человѣкомъ, бравшимъ участіе въ моемъ несчастьѣ, и оставшись одинъ съ двумя младенцами-братьями, не имѣлъ я не только никакой помощи, но даже и надежды; единый Богъ оставался намъ подпорою... Подойдя къ крутому берегу рѣки, при видѣ восходящаго солнца, сталъ я на колѣни, молился Богу и братьямъ велѣлъ то же дѣлать; по окончаніи молитвы, спустились мы подъ яръ.

Мелкіе камешки на песчаномъ берегу рѣки несносно кололи ноги, которыя расцарапали мы до крови; меньшой мой братъ не могъ вовсе итти; я посадилъ его къ себѣ на плечи, а другому велѣлъ держаться за мою рубашку; такъ продолжали мы путь.

Слѣдуя наставленію мордвина, шелъ я верстъ восемь берегомъ рѣки до моста, перейдя который вышли мы по маленькой лѣсной дорогѣ на большую, никого не встрѣтивъ. Наконецъ, когда показались мѣста знакомыя, осталось менѣе десяти верстъ до деревни, увидѣлъ я человѣка, лежавшаго подъ кустомъ и привязанную подлѣ него лошадь. Поднявъ голову, онъ спросилъ насъ, что мы за люди. Я отвѣчалъ: «Дворяне». «Стой, куда?» закричалъ онъ. Я бросился отъ него, но тяжесть на плечахъ, разбитыя, расцарапанныя и распухшія босыя ноги, изнеможеніе вслѣдствіе голода, все это лишило меня возможности спасаться бѣгствомъ, и я былъ схваченъ крестьяниномъ, который, взявъ меня за воротъ рубашки, привелъ къ своей телѣгѣ и приказалъ лечь въ нее, мучительнымъ образомъ связалъ веревкою руки мои назадъ, локоть съ локтемъ, и загнувъ ноги, привязалъ къ рукамъ.

Въ то время, какъ вязалъ онъ меня, и я, чувствуя несносную боль, умолялъ его о помилованіи, подъѣхалъ знакомый ему крестьянинъ, къ которому посадилъ онъ въ телѣгу моихъ братьевъ. Запрягая свою лошадь, онъ между тѣмъ говорилъ съ товарищемъ своимъ, что когда привезутъ они насъ въ городъ и представятъ къ самозванцу, по получатъ за каждаго по десяти рублей.

По дорогѣ къ городу, недалеко отъ того мѣста, гдѣ я былъ взятъ и связанъ, находилось большое село, близъ котораго было убито большое число дворянъ, и крестьяне этого села болѣе другихъ участвовали въ этихъ злодѣйствахъ. Большой алатырскій лѣсъ окруженъ многими селеніями; крестьяне, узнавъ, что дворяне, жившіе въ окрестности, скрываясь отъ самозванца, прячутся въ лѣсу со своимъ имѣніемъ, ходили шайками по лѣсу, ловили дворянъ, раздѣляли ограбленное имущество между собою, а дворянъ отвозили къ Пугачеву. Возчики наши, остановясь въ селѣ близъ

церкви, пошли къ толпѣ народа, собравшейся на площади. Когда такимъ образомъ мы остались одни, старушка, жившая въ богадѣльнѣ, подойдя къ моей телѣгѣ, положила мнѣ облупленное яйцо и кусокъ хлѣба, сказавъ: «прими Христа ради»; спросила, какъ зовутъ меня, и объявила мнѣ, что знаетъ насъ, что матушку и сестеръ провезли наканунѣ и убили недалеко отъ села, и маленькую трехнедѣльную сестру положили матушкѣ на грудь. Потомъ, увидя, что хозяева нашихъ телѣгъ возвращаются, простилась со мною, сказавъ, что и меня на томъ же мѣстѣ убьютъ.

Отъѣхавъ двѣ версты отъ села, увидѣлъ я, сквозь щели телѣги, брошенныя близъ дороги тѣла убитыхъ дворянъ. Полагая, что между ними находятся и тѣла близкихъ моему сердцу, спросилъ я у крестьянина, куда везетъ онъ меня. «Въ городъ,—отвѣчалъ онъ:— потому что тамъ только велѣно убивать дворянъ». Я сталъ просить, чтобы, развязавъ меня, онъ позволилъ найти тѣла матушки и сестеръ и проститься съ ними, но онъ сказалъ мнѣ презрительно: «ты сегодня же съ ними на томъ свѣтѣ увидишься».

Отчаяніе привело меня въ ожесточеніе; я сталъ бранить его, укоряя, что онъ мучитъ человѣка, не сдѣлавшаго ему никакого зла и продаетъ его на убійство за десять рублей, и что въ послѣдніе часы жизни лишаетъ его горестной отрады увидѣть и проститься съ тѣлами родныхъ; наконецъ, стращая гнѣвомъ Божіемъ, я достигъ того, что онъ сжалился надо мною, развязалъ мнѣ ноги, помогъ повернуться и позволилъ сидѣть въ телѣгѣ.

Это снисхожденіе послужило мнѣ только къ большему мученію; я могъ не только видѣть, но и узнавать тѣла знакомыхъ и родственниковъ; сердце до того сжалось, что я уже не хотѣлъ оставаться въ живыхъ. Связанныя руки мои распухли; запонка, оставшаяся у одного рукава, давила мнѣ одну изъ нихъ; я попросилъ крестьянина отстегнуть ее, говоря: «она серебряная, тебѣ годится». Исполнивъ мою просьбу и любуясь на запонку, онъ сказалъ: «ба, да ты, братъ, добрый, не сердишься на меня». Я отвѣчалъ, что если все перемѣнится и будетъ попрежнему, и я останусь живъ, то даю ему слово, что не только не будетъ онъ наказанъ за поступокъ со мною, но что я постараюсь наградить его. На это грозно онъ возразилъ: «врешь, этому не бывать; прошла уже ваша пора». Однако вскорѣ послѣ того развязалъ мнѣ руки.

По пріѣздѣ въ городъ представилъ онъ насъ въ канцелярію воеводы, гдѣ записали наши имена, заплатили ему за каждаго по десяти рублей, высадили изъ телѣгъ и приказали отвести въ тюрьму, находившуюся близъ канцеляріи.

Насилу съ помощью какого-то человѣка взобрался я на лѣстницу, и можно представить себѣ мое удивленіе и радость, когда я увидѣлъ матушку и сестеръ, посаженныхъ тутъ въ числѣ множества дворянъ. Я бросился съ восхищеніемъ къ матушкѣ, но она, холодно

давъ мнѣ руку, спросила: «гдѣ отецъ?» Я отвѣчалъ, что не знаю. Послѣ этого во все продолженіе дня и слѣдующей ночи она ни съ кѣмъ ни слова не говорила. Сестра мнѣ разсказала, что человѣкъ, котораго батюшка посылалъ изъ лѣса, былъ въ толпѣ злодѣевъ, напавшихъ на насъ, что онъ былъ пьянъ и ударилъ матушку и ее дубиною по головѣ; окровавленныя ихъ платья подтверждали истину этихъ словъ; разбойники, выбравъ всѣ вещи изъ повозокъ, раздѣлили ихъ между собою и сбирались убить матушку и сестеръ, но люди наши умоляли о помилованіи, свидѣтельствуя въ томъ, что господа были добрые; выйдя изъ лѣса, они провожали до тѣхъ поръ, пока могли не отставать отъ повозокъ, ѣхавшихъ тихо, и во все это время оказывали матушкѣ и сестрамъ усердіе и почтеніе; даже человѣкъ, ударившій ихъ дубиною по головѣ, молчалъ и показывалъ видъ раскаянія. Все это было причиною того, что крестьяне учтиво съ ними поступали все время и, привезя въ городъ, объявили о томъ воеводѣ, опредѣленному отъ самозванца. Со слезами разсказывала мнѣ сестра, что матушка въ теченіе двухъ сутокъ ни съ кѣмъ не говоритъ и что въ поступкахъ ея замѣтно помѣшательство.

На другой день поутру вошла къ намъ въ тюрьму, для подаянія милостыни, горничная двоюродной сестры нашей, убитой во время смятенія. Матушка спросила ее, не знаетъ ли чего о батюшкѣ. «Его вчера повѣсили въ деревнѣ нашей», отвѣчала та хладнокровно. Услышавъ это, матушка упала въ обморокъ и долго пролежала безъ чувствъ; мы думали, что она скончалась, и, окруживъ ее, рыдали; помочь же ей и не умѣли и не имѣли средствъ: у насъ и воды тогда не было.

Очувствовавшись отъ обморока, матушка, стоя на колѣняхъ, долго молилась Богу, потомъ просила горничную разсказать подробности нашего несчастія. Женщина эта разсказала намъ, что батюшка рано поутру прибѣжалъ къ околицѣ своей деревни, гдѣ встрѣтилъ дворовыхъ людей нашихъ и нѣкоторыхъ крестьянъ. Сказавъ имъ, что онъ трое сутокъ ничего не ѣлъ, разбросалъ свое платье по лѣсу, будучи не въ силахъ нести его на себѣ, просилъ дать ему молока и хлѣба, что тотчасъ было исполнено; потомъ, узнавъ, что матушку и сестру отвезли въ городъ, просилъ, чтобы и его туда же отправили; люди, исполняя его волю, запрягли парою телѣгу, въ которой онъ выѣхалъ изъ деревни, но какая-то женщина, мывшая на рѣкѣ платья, увидя толпу злодѣевъ, ѣхавшихъ на другой сторонѣ рѣки, закричала имъ: «баринъ здѣсь». Эти люди тотчасъ же переправились вплавь черезъ рѣку и, не заставъ батюшку въ деревнѣ, поскакали вслѣдъ за нимъ. Нагнавъ его въ нѣсколькихъ верстахъ отъ селенія, заставили повернуть назадъ и, собравши всѣхъ дворовыхъ и крестьянъ нашихъ, объявили имъ, что кто хочетъ, можетъ бить его. Когда же всѣ сказали, что довольны батюшкою и просили ему помилованія, то злодѣи приказали везти

его въ городъ. Но тогда тотъ самый человѣкъ, который ударилъ матушку и сестру дубиною по головѣ, сталъ бить батюшку плетью, послѣ чего казаки повѣсили его и, стрѣляя въ него, ранили въ плечо и бокъ. Наконецъ, полагая, что онъ уже умеръ, снявъ съ висѣлицы, потащили за ноги къ рѣкѣ и тамъ въ тинѣ оставили... Но видно, онъ еще былъ живъ тогда, потому что преданные ему люди, чрезъ нѣсколько дней послѣ того выѣхавшіе изъ города, нашли тѣло его и свидѣтельствовали, что пальцы правой руки его были сложены для крестнаго знаменія.

Такова была кончина человѣка, котораго, по всей справедливости, можно было назвать честнѣйшимъ. Всѣ знавшіе его единогласно въ томъ удостовѣряютъ, и всѣ дѣла его подтверждаютъ то же; твердый въ правилахъ, онъ былъ справедливъ и щедръ. Онъ погребенъ близъ церкви. Часто послѣ плакали мы на его могилѣ, и почтеніе къ его памяти вѣчно останется въ моемъ сердцѣ.

Часу въ десятомъ утра услышали мы шумъ народа, толпившагося около канцеляріи. Караульные наши смотрѣли за нами слабо, я сошелъ внизъ и слышу, всѣ кричатъ: «Воевода [1]) идетъ, сѣчетъ и рубитъ». Вскорѣ послѣ того показались бѣжавшіе окровавленные люди. За ними слѣдовалъ воевода Бѣлокопытовъ съ обнаженною шпагою въ рукѣ, и кругомъ его пять солдатъ штатной команды съ ружьями на плечахъ; двери предъ нимъ отворились; онъ вошелъ въ канцелярію; всѣ робко на него смотрѣли и готовы были ему повиноваться.

Войдя въ судейскую комнату, Бѣлокопытовъ засталъ на воеводскомъ стулѣ Сердешева, назначеннаго самозванцемъ. Тутъ начался споръ стараго воеводы съ новымъ [2]); Сердешевъ говорилъ, что не отдастъ онъ Бѣлокопытову своего мѣста, потому что спасъ отъ смерти многихъ дворянъ; Бѣлокопытовъ, не отвѣчая ему, закричалъ своимъ солдатамъ: «Возьмите его!». Солдаты, схвативъ Сердешева, кто какъ попало, стащили его со стула и отвели подъ стражу. Тогда Бѣлокопытовъ, открывъ окно на площадь, гдѣ много собралось народу, закричалъ повелительнымъ голосомъ, чтобы всѣ преж-

---

[1]) Незадолго предъ бунтомъ присланъ былъ въ Алатырь къ исправленію воеводской должности подполковникъ Бѣлокопытовъ; онъ узналъ о приближеніи самозванца и, замѣтивъ сильное волненіе въ народѣ, не имѣя никакой возможности сопротивляться, рѣшился спасаться бѣгствомъ. Онъ ушелъ ночью съ шестью солдатами изъ города въ лѣсъ и унесъ съ собою всѣ деньги, кромѣ мѣдныхъ. Возвратясь въ городъ, оставилъ въ лѣсу при деньгахъ одного солдата и такимъ образомъ спасъ и себя и казну.

[2]) Инвалидной команды прапорщикъ Сердешевъ, не успѣвъ бѣжать, явился къ самозванцу и присягнулъ ему. Онъ опредѣленъ былъ воеводою въ Алатырь, и ему данъ былъ указъ, состоявшій только въ томъ, чтобы вѣшать всѣхъ дворянъ. Сердешевъ объявилъ въ народѣ, что не позволяетъ убивать ихъ въ уѣздѣ и приказалъ возить дворянъ для того въ городъ. Чтобы успѣшнѣе привести эту мѣру въ исполненіе, онъ платилъ за каждаго мужчину десять, а за женщину пять рублей, и такимъ образомъ спасъ многихъ отъ смерти.

ніе начальники въ городѣ и въ предмѣстьи тотчасъ явились къ нему, что и было исполнено немедленно. Вышедъ на крыльцо, именемъ государыни объявилъ онъ всѣмъ, что преступленія ихъ прощаетъ, но только, чтобы жители поставили триста человѣкъ конныхъ и вооруженныхъ людей, которымъ обѣщалъ давать по одной копейкѣ въ день жалованья и назвалъ ихъ *копейщиками*. Требованіе его такъ скоро было исполнено, что онъ тутъ же успѣлъ осмотрѣть представленныхъ ему людей, записать ихъ имена, раздѣлить на команды и опредѣлить къ нимъ начальниками солдатъ, возвратившихся съ нимъ изъ лѣса. Узнавъ, что партія бунтовщиковъ пьянствуетъ въ дворянскомъ селеніи, въ восьмнадцати верстахъ отъ города, онъ отрядилъ туда команду, которая взяла ихъ и привезла въ городъ; нѣкоторые изъ нихъ замучены были до смерти, а другіе посажены въ острогъ; по показанію послѣднихъ о другой партіи, находившейся въ другомъ селеніи, Бѣлокопытовъ отправилъ и за ними команду; все это исполнилъ онъ въ первый день своего воеводства.

Я былъ очевидцемъ всѣхъ этихъ происшествій. Воспользовавшись свободою и оставшись безъ надзора по случаю перемѣны властей, я, не теряя изъ виду воеводу, шатался съ прочими ребятишками то по площади, то въ канцеляріи; когда уже стало смеркаться, возвратясь въ тюрьму, я нашелъ матушку, сестеръ и братьевъ въ большомъ страхѣ отъ моего долгаго отсутствія. Со мною пришелъ подьячій, котораго мать была попадьею въ нашемъ селѣ; онъ предложилъ намъ квартиру въ его домѣ; хромой и престарѣлый регистраторъ, отецъ подьячаго, сдѣлалъ то же предложеніе, но съ тѣмъ, чтобъ я просилъ дозволенія на то у воеводы, и не думая, что можетъ быть въ томъ отказано, ушелъ домой приготовить намъ ужинъ.

Войдя въ судейскую комнату, увидѣлъ я воеводу съ перомъ въ рукахъ и что-то читавшаго; я подошелъ къ столу, имѣя на себѣ всей одежды одну только рубашку. Дождавшись, пока онъ взглянулъ на меня, я низко поклонился, объявилъ ему, что я дворянинъ его провинціи, чудесно спасшійся отъ смерти, и просилъ позволить мнѣ съ семьей своей жить въ домѣ подьячаго. Воевода, не отвѣчая на слова мои, сказалъ: «пошелъ вонъ, теперь не до тебя». Я вышелъ изъ судейской комнаты и объявилъ этотъ отвѣтъ молодому подьячему, который научилъ меня сказать часовому изъ новонабраннаго войска, что воевода приказалъ насъ выпустить. Я исполнилъ отвѣтъ этотъ успѣшно, и мы, взявъ матушку подъ руки, увели изъ тюрьмы; наступившая темнота благопріятствовала нашему бѣгству, и, когда мы пришли въ домъ подьячаго, вся семья его встрѣтила насъ со слезами и послѣ ужина уложила насъ въ чистой комнатѣ.

На другой день передъ разсвѣтомъ сильное волненіе въ городѣ разбудило насъ; крикъ, шумъ, скачка по улицамъ навели на

всѣхъ большой страхъ. Причина этого шума скоро объяснилась: сотня казачьяго полка, прискакавъ въ городъ, окружила канцелярію съ ужаснымъ крикомъ и спрашивала: «кому вы служите?» Вновь набранное войско, думая, что это партія бунтовщиковъ, отвѣчало, что служитъ самозванцу; командиръ сотни, поставя часовыхъ, поскакалъ въ домъ къ воеводѣ Бѣлокопытову, который въ испугѣ спрятался въ огородѣ, гдѣ казаки нашли его между двухъ грядъ гороха. Когда они привели его къ ротмистру, воевода, думая, что онъ стоитъ предъ Пугачевымъ, объявилъ себя слугою самозванца; ротмистръ, давъ ему нѣсколько пощечинъ, вывелъ несчастнаго на площадь и при множествѣ собравшагося народа высѣкъ плетьми. Такимъ же образомъ поступилъ онъ съ воеводою Сердешевымъ и приказалъ связать имъ руки назадъ и посадить въ двѣ телѣги, запряженныя парою.

Въ то время, какъ ротмистръ управлялся съ воеводами, казаки его команды бросились въ обывательскіе дома грабить. Хозяйка наша, обливаясь горькими слезами, просила помилованія у грабителей, но казаки брали всѣ вещи, которыя находили и могли взять, не отвѣчая ей ни слова. Жалость взяла меня; не говоря никому не слова, я, надѣвъ старый набойчатый халатъ и туфли моего хозяина, отправился на площадь. Ротмистръ въ то время бранился съ связанными воеводами; я подошелъ къ нему, объявилъ, что я дворянинъ, потерпѣвшій несчастіе отъ бунта, лишился отца, и, не имѣя пристанища, призрѣнъ со всею оставшеюся семьею моею подьячимъ, котораго ограбили казаки его команды. Ротмистръ, хотя былъ пьянъ, но сжалился надо мною, приказалъ сыскать казаковъ и отдать мнѣ множество платья и вещей. И когда я объявилъ ротмистру, что я не въ состояніи поднять все принесенное, онъ приказалъ казакамъ тотчасъ отнести все обратно, что и было исполнено.

Я понравился пьяному ротмистру, онъ поцѣловалъ меня, объявилъ мнѣ, что высѣкъ воеводъ, и спрашивалъ, не досадили ли они мнѣ, обѣщая прибавить имъ по нѣскольку ударовъ. Потомъ онъ приказалъ привести на площадь бунтовщиковъ, привезенныхъ воеводою Бѣлокопытовымъ наканунѣ и посаженныхъ въ острогъ. Казаки, поднявъ ихъ на пики, разстрѣляли. Совершивъ этотъ послѣдній подвигъ, собралъ онъ свою команду и съ обоими воеводами отправился изъ города, оставивъ насъ безъ всякаго начальства.

Возвратясь домой, я былъ принятъ подьячимъ и женою его съ почестями; они называли меня благодѣтелемъ, спасшимъ ихъ имѣніе, и въ награду за геройскіе подвиги подарили мнѣ взятые у нихъ халатъ и туфли. Но это торжество было непродолжительно, и я вскорѣ былъ причиною многихъ ихъ горестей.

Въ тотъ же день вечеромъ вступилъ въ городъ гарнизонный батальонъ изъ Симбирска, и вскорѣ послѣ того возвратился и вое-

вода Бѣлокопытовъ, у котораго ротмистръ просилъ прощенія, протрезвившись и чувствуя, что поступилъ съ нимъ неблагоразумно. Воевода, получивъ свободу, обѣщалъ ротмистру не разглашать, что былъ высѣченъ плетьми.

По возвращеніи своемъ Бѣлокопытовъ отправилъ нѣсколько солдатъ на мельницу богатаго купца привезти въ городъ его имущество, и разнеслась по городу вѣсть, что взялъ онъ за то съ купца пятьдесятъ рублей. Я полагалъ, что если можно посылать команды, то воевода не откажетъ послать къ намъ въ деревню объявить людямъ, чтобы явились въ городъ и привезли все необходимое къ нашему содержанію.

На другой день поутру, не сказавшись никому, пошелъ я къ воеводѣ; я нашелъ его въ канцеляріи и изъяснилъ ему свою просьбу. Не отвѣчая на слова мои, онъ сказалъ грозно: «Какъ смѣлъ ты обмануть часового и увести свою мать, братьевъ и сестеръ изъподъ караула?» Я съ кротостью отвѣчалъ, что если бы увидѣлъ онъ положеніе матушки, то онъ самъ бы сжалился надъ нами и приказалъ бы выпустить ее изъ тюрьмы. —«Такъ нѣтъ тебѣ команды для посылки въ деревню», сказалъ онъ сурово. «Это оттого,— отвѣчалъ я:—что нѣтъ у меня пятидесяти рублей». —«Ахъ ты сарафанникъ, щенокъ!» закричалъ воевода. —«Родился я съ тѣмъ,— возразилъ я:—чтобы носить кафтанъ лучше твоего, потому что я дворянинъ, а ты солдатскій сынъ». Тутъ вскочилъ онъ со стула, затопалъ и закричалъ: «Розги! я высѣку тебя!» А я, подобравъ длинныя полы подьяческаго набойчатаго халата убѣжалъ домой, не сказавъ никому о своемъ приключеніи.

Воевода, озлобившись на четырнадцатилѣтняго мальчика, призвалъ старика подьячаго и приказалъ ему, чтобы тотчасъ всѣхъ насъ выгналъ изъ дома. Но нашъ добрый хозяинъ объявилъ Бѣлокопытову, что мой отецъ былъ его благодѣтель и потому онъ никакъ не можетъ исполнить его приказаніе. Воевода спорилъ, подтверждалъ свои повелѣнія палочными ударами по спинѣ добраго подьячаго, но тотъ вытерпѣлъ наказаніе и не согласился выгнать насъ; его принесли домой на рукахъ, призвали цырульника и пустили ему кровь.

На другой день воевода, узнавъ, что хозяинъ нашъ, сказавшись больнымъ, остался дома, приказалъ привести его въ канцелярію и, заковавъ въ желѣзы, посадилъ подъ караулъ, будто бы за то, что онъ, бывъ приходорасходчикомъ, задержалъ казенныя деньги, показывая ложно, что онѣ похищены бунтовщиками; прислалъ описать все его имущество и сдѣлалъ въ домѣ строжайшій обыскъ, по которому, однакоже, не найдено было ничего, что бы могло служить основаніемъ подозрѣнію, вымышленному съ такою злобою.

Эти происшествія терзали мое сердце; раскаяніе и жалость меня мучили; упреки нашей хозяйки, гнѣвъ матушки и горькія

слезы ея напоминали мнѣ поминутно мою вину и случившееся отъ того несчастіе людей, которые оказали намъ услугу и безъ помощи которыхъ не знали-бы мы, куда приклонить голову. Когда матушка пошла къ вечернѣ съ женою подьячаго, я взялъ съ собою братьевъ, которые были въ однѣхъ рубашкахъ, и пошелъ къ воеводѣ. Встрѣтивъ его на площади, когда онъ шелъ изъ дома своего въ канцелярію, я бросился предъ нимъ на колѣни и просилъ прощенія; онъ такъ былъ грубъ и золъ, что, не отвѣчая ни слова, едва не ударилъ меня въ лицо ногою. Я хотѣлъ было пойти за нимъ въ канцелярію, но солдаты, поставленные у дверей, не впустили насъ.

Возвратившись домой, я разсказалъ о своей неудачѣ, и былъ наказанъ за то. Хозяйка наша возненавидѣла меня и бранила безпрестанно. Мужъ ея высѣченъ былъ въ тотъ же вечеръ, и ему сказано было, чтобы согналъ насъ со двора, но онъ не согласился на то и послѣ наказанія.

На другой день вечеромъ возвратился дворовый нашъ человѣкъ, котораго батюшка посылалъ въ оренбургскую деревню узнать, что тамъ дѣлается, и собрать оброкъ. На обратномъ пути, узнавъ о возмущеніи, онъ отпустилъ бывшаго съ нимъ крестьянина и одинъ пѣшкомъ въ разорванной одеждѣ пошелъ насъ отыскивать. Вѣрность этого человѣка и радость его при свиданіи съ нами сладостна была осиротѣвшимъ сердцамъ нашимъ, а деньги, которыя онъ съ собою принесъ, дали намъ возможность не бояться нищеты. Узнавъ подробно о всѣхъ обстоятельствахъ, онъ нашелъ, что не нужно просить команду у воеводы, и вызвался самъ итти въ деревню и привезти людей и все нужное къ нашему содержанію. Матушка удерживала его, боясь, чтобы и его тамъ не убили, но онъ не послушался и въ ту же ночь отправился пѣшкомъ въ путь.

На другой день вечеромъ пришли къ намъ человѣкъ двадцать нашихъ людей, и въ числѣ ихъ тотъ, который указалъ мѣсто, гдѣ мы скрылись, ударилъ матушку и сестру и одинъ изъ всѣхъ участвовалъ въ убійствѣ батюшки. Увидѣвъ его, матушка испугалась и вскричала: «Бога ради не пускайте его ко мнѣ». Я велѣлъ ему итти за собою и, взявъ двоихъ людей, пошелъ въ канцелярію. Въ то время воеводы тамъ не было. Вызвавъ караульнаго сержанта, я объявилъ ему о преступленіи этого человѣка, за которое онъ долженъ быть преданъ суду, и, оставивъ его въ канцеляріи, возвратился домой.

Все это послужило воеводѣ, какъ видно, доказательствомъ, что мы не имѣемъ болѣе надобности просить его милости, и на другой день, когда я былъ посланъ къ нему матушкою объявить о поступкахъ человѣка, отданнаго подъ стражу, воевода, хотя и со злобою, но учтиво сказалъ мнѣ: «Не погрѣшите предъ Богомъ, если вы праваго дѣлаете виноватымъ».—«Отъ васъ зависитъ оправдать его», отвѣчалъ я. Въ тотъ же день игуменья, двоюродная

сестра батюшки, скрывавшаяся до того времени въ лѣсу, возвратившись въ монастырь, дала свою рясу нашему портному и приказала сшить мнѣ кафтанъ и прочія принадлежности одежды. Сапожникъ нашъ досталъ гдѣ-то кожи и сшилъ мнѣ сапоги. Все это сдѣлано было скоро, и я пересталъ быть сарафанникомъ, какъ называлъ меня Бѣлокопытовъ, видя въ подьяческомъ набойчатомъ халатѣ.

Я сталъ смѣлѣе въ новомъ нарядѣ. Хозяинъ нашъ, выпущенный изъ тюрьмы, оправился; жена его, со всею своею семьей, пользуясь нашими припасами, стала веселѣе. Монахи, монахини, городскія богомольныя старушки, узнавъ, что у матушки водятся деньги, стали ласкаться къ ней больше прежняго. Она приказала служить по всѣмъ церквамъ панихиды по батюшкѣ, проводила все время въ молитвѣ и слезахъ и совсѣмъ забыла насъ, ведя жизнь по обрядамъ монастырскимъ. Я могъ дѣлать, что хотѣлъ.

Часъ отъ часу дѣлаясь смѣлѣе, я скоро дошелъ до дерзости и не пропускалъ случая, при встрѣчѣ съ воеводою, оказывать ему грубости, если не словомъ, то хоть миною. Однажды услышалъ я, что множество лошадей, отбитыхъ у бунтовщиковъ, за отсутствіемъ хозяевъ, отдаются на расписку городскимъ жителямъ, и что воевода извлекаетъ изъ того свои выгоды. Я явился въ канцелярію, объявилъ желаніе взять къ себѣ пять лучшихъ лошадей, хотя мнѣ въ нихъ не было никакой надобности, и въ разговорѣ не забылъ наговорить дерзостей Бѣлокопытову. Онъ выслушалъ меня хладнокровно и приказалъ дать мнѣ лошадей, которыхъ я просилъ.

Вскорѣ буйственныя эти склонности довели было до бѣды меня, которая могла бы сдѣлать меня навѣки несчастнымъ.

Матушка, сдѣлавшись до чрезвычайности богомольною, занималась нами, какъ выше я сказалъ, мало. Я дѣлалъ, что хотѣлъ, окружилъ себя мальчиками разнаго сословія и вскорѣ умѣлъ взять надъ ними большую власть.

Всѣ умы заняты были тогдашними суровыми происшествіями. Безпрерывные слухи о сраженіяхъ и убійствахъ и почти ежедневное зрѣлище смертной казни завели и у насъ тому подобныя игры. Мы раздѣлились на двѣ партіи, изъ которыхъ одной я былъ предводителемъ, и играли въ войну. Однажды собралось мало мальчиковъ моей партіи, и я, видя невозможность защищаться на открытомъ мѣстѣ и напасть, какъ прежде бывало, на непріятеля, засѣлъ въ пустыхъ срубахъ сгорѣвшихъ избъ. Предводитель непріятельской партіи, сынъ ямщика, не зная, гдѣ мы скрывались, послалъ изъ партіи своей лазутчикомъ мальчика-дворянина, ровесника мнѣ, и такъ же, какъ и я, чудеснымъобразомъ спасшагося отъ смерти, поручивъ ему развѣдать, откуда удобнѣе на насъ напасть. Этотъ мальчикъ, маленькій ростомъ, раздѣлся и, прикрывъ спину рогожею, поползъ на животѣ исполнить данное ему порученіе. Непріятель нашъ не зналъ, что для надзора за его движеніями я по-

ставилъ въ скрытыхъ мѣстахъ нѣсколько часовыхъ, которые поймали и привели ко мнѣ лазутчика. Я собралъ начальниковъ моей партіи, нарядилъ судъ, который рѣшилъ виновнаго повѣсить и какъ ни любилъ я этого мальчика, но привелъ въ исполненіе приговоръ суда. Къ счастью нашему, петля, сдѣланная изъ той рогожи, которая покрывала лазутчика, слабо скрученная, была мягка и не сильно захватила горло; однако онъ переставалъ уже дышать, когда гарнизонный солдатъ, шедшій по пустырю, увидѣлъ наши продѣлки, прибѣжалъ и во́-время снялъ повѣшеннаго, который долго лежалъ безъ чувства. Мы стали дышать ему въ ротъ и качать,—и кое-какъ оживили. Не могу передать, какъ сильно я почувствовалъ важность моего преступленія. Я сознался во всемъ предъ солдатомъ, просилъ его отвести меня, какъ убійцу, къ воеводѣ, говоря, что я достоинъ строгаго наказанія, что согрѣшилъ я предъ Богомъ и предъ людьми и не долженъ болѣе жить на свѣтѣ. Когда мальчикъ ожилъ и солдатъ, только пожуривъ меня, отпустилъ, я сильно обрадовался, тотчасъ помирился съ лазутчикомъ и, отыскавъ его платье, помогъ ему одѣться, а какъ всѣ мальчики разбѣжались, видя бѣду, то и мы воротились домой; съ этихъ поръ я далъ себѣ слово не заводить впередъ подобныхъ забавъ и играть только въ козлы и чушки.

Воевода не переставалъ насъ преслѣдовать и хотя выпустилъ подьячаго изъ тюрьмы и не наказывалъ его, но всячески старался, чтобы онъ согналъ насъ со двора, на что хозяинъ нашъ, однакоже, не согласился. Упорство подьячаго, грубости, которыя продолжалъ я безпрестанно оказывать воеводѣ, и разглашеніе о поступкахъ его сердили Бѣлокопытова и, вѣроятно, убѣждали его въ необходимости удалить изъ города дерзкаго мальчишку, знавшаго многія его проказы.

Въ концѣ осени воевода получилъ приказаніе приготовить квартиры для пѣхотнаго полка. Онъ назначилъ двухъ офицеровъ въ домъ нашего хозяина, оставивъ безъ постоя многіе дома гораздо болѣе нашего, который состоялъ всего изъ горницы съ перегородкой, гдѣ мы жили, гдѣ жилъ хозяинъ съ своею семьею, и небольшой избы для людей на дворѣ, поэтому намъ невозможно было долѣе оставаться въ домѣ. Сколько ни искали мы нанять квартиру, никакая цѣна не мотла соблазнить обывателей; никто, опасаясь гнѣва воеводы, не впускалъ насъ къ себѣ. Мнѣ приходилось плохо; опять начали бранить меня. Матушка посылала меня почти каждый день къ воеводѣ просить о квартирѣ; сама къ нему ѣздила, но онъ былъ неумолимъ, говоря: «Вы можете жить въ своей деревнѣ». Намъ нельзя было туда ѣхать, потому что матушка чувствовала къ ней отвращеніе, да и жить тамъ было опасно.

Все это заставило насъ собраться ѣхать въ Пензу, за двѣсти верстъ отъ Алатыря. Трудное было наше положеніе; мы знали,

какія опасности предстояли намъ въ дорогѣ, но дѣлать было нечего, и мы выѣхали наканунѣ прибытія полка въ городъ на крестьянскихъ лошадяхъ, въ простыхъ крестьянскихъ телѣгахъ, покрытыхъ кибитками. Грязь, проливной дождь, продолжавшійся цѣлый день, дурныя лошади и дурныя повозки были причиною, что, промокнувъ до костей, едва къ вечеру дотащились мы до села въ двадцати верстахъ отъ города, гдѣ расположился тогда полкъ на ночлегъ. Мы простояли нѣсколько часовъ на улицѣ подъ дождемъ и насилу нашли квартиру; матушка проплакала цѣлую ночь, съ ней сдѣлался жаръ, и она занемогла.

На разсвѣтѣ полкъ сталъ собираться въ свой путь, а мы въ свой. Тутъ осмѣлился я приступить къ матушкѣ съ просьбою возвратиться въ городъ, въ надеждѣ, что полковой командиръ за насъ вступится; если же онъ этого не сдѣлаетъ, то предлагалъ я матушкѣ съ сестрами и женскою прислугою помѣститься въ монастырѣ у игуменьи, а мнѣ съ братьями жить гдѣ день, гдѣ ночь. Послѣ долгихъ разсужденій и по совѣту одного человѣка, показавшаго къ намъ большое усердіе, матушка согласилась на это предложеніе. Вслѣдъ за полкомъ пріѣхали и мы въ городъ и застали на дворѣ нашего хозяина офицерскія повозки; люди ихъ расположились уже въ той горницѣ, гдѣ мы жили. Добрый нашъ подьячій не отказался принять насъ и предложилъ намъ жить въ одной съ нимъ горницѣ. Я надѣлъ черный кафтанъ и пошелъ къ командующему полкомъ бригадиру Пилю, у котораго тогда было много офицеровъ и воевода Бѣлокопытовъ. Я подошелъ къ бригадиру и объяснилъ ему, что я дворянинъ, лишившійся отца, претерпѣвшій всевозможныя несчастія, и не имѣю съ цѣлою семьею пристанища по злобѣ воеводы, разсказалъ ему причину этой злобы и не скрылъ того, что назвалъ его солдатскимъ сыномъ. Бригадиръ казался чрезвычайно тронутымъ, и со слезами на глазахъ, обратясь къ поблѣднѣвшему воеводѣ, сказалъ: «Боишься ли ты Бога!» позвалъ квартирмейстера и приказалъ тотчасъ очистить нашу квартиру отъ постоя. Когда я прощался и благодарилъ его, онъ изъявилъ желаніе, чтобы я приходилъ къ нему почаще, позволилъ мнѣ обращаться къ нему со всякими просьбами и обѣщалъ помогать во всемъ.

Я возвратился въ домъ къ хозяину нашему вмѣстѣ съ квартирмейстеромъ. Учтивость этого офицера, скорое исполненіе приказанія бригадира и увѣренность, что онъ уйметъ воеводу, оживили всѣхъ насъ. Вскорѣ мы убѣдились въ основательности этой надежды. Хозяинъ нашъ, большой охотникъ до водки, напившись не во-время допьяна, ожидалъ неминуемаго наказанія, но воевода не только по обыкновенію не побилъ его, а даже и не побранилъ. Это до того ободрило его, что мы часто бывало скучали его пьянствомъ, за которое онъ уже не опасался наказанія.

Матушка пришла въ себя, повидавшись съ пріѣхавшею къ намъ игуменью и собравшимися богомольными старушками, и на другой день поутру, приказала мнѣ итти къ бригадиру, благодарить отъ ея имени, за оказанныя намъ милости. Пиль принялъ меня очень ласково, разспрашивалъ о всѣхъ подробностяхъ нашего несчастія и о домашнихъ обстоятельствахъ, оставилъ у себя обѣдать, посадилъ подлѣ себя, занимался болѣе мною, чѣмъ воеводою Бѣлокопытовымъ (который, какъ казалось, очень его боялся), и познакомилъ съ офицерами своего полка, которые были помоложе. Приглашеніе быть чаще у него въ домѣ было очень для меня пріятно.

Вскорѣ потомъ пріѣхалъ въ городъ графъ Петръ Ивановичъ Панинъ съ неограниченнымъ полномочіемъ для управленія краемъ. Узнавъ о нашихъ приключеніяхъ, графъ на второй день своего пріѣзда прислалъ мнѣ сказать, чтобъ я явился къ нему на другой день въ шесть часовъ утра. Цѣлый вечеръ у насъ продолжались толки, что это за вызовъ и для чего. Богомольныя старушки учили меня, каждая по-своему, что дѣлать и что говорить, но я ни одну изъ нихъ довольно не почиталъ, чтобы слѣдовать ихъ совѣтамъ.

Исполняя приказаніе графа, къ шести часамъ я явился и объявилъ о себѣ въ передней какому-то чиновнику, который провелъ меня до дверей кабинета, устроеннаго въ гостиной воеводскаго дома. На большомъ столѣ, заваленномъ множествомъ бумагъ, догорали двѣ свѣчи, тусклый свѣтъ которыхъ едва доходилъ до дверей, въ которыя я вошелъ.

Графъ сидѣлъ за столомъ и занимался дѣлами; я видѣлъ, какъ внимательно читалъ онъ бумаги и писалъ на нихъ свои резолюціи; наконецъ, оборотясь ко мнѣ, спросилъ: «Ты Мертваго?» приказалъ подойти къ столу и пріятнымъ тономъ сказалъ: «Разскажи мнѣ, мой другъ, всѣ твои приключенія исторически». Я разсказалъ ему все подробно, кромѣ того, что касалось до притѣсненія воеводы Бѣлокопытова: матушка мнѣ запретила строго говорить о томъ; впрочемъ, я и самъ бы того не сдѣлалъ, зная, что графъ наканунѣ, въ присутствіи многихъ, не только что бранилъ его, но и грозилъ повѣсить.

Во время моего разсказа графъ расчувствовался, плакалъ нѣжно, какъ отецъ, цѣловалъ меня и сказалъ: «Скажи мнѣ, чѣмъ могу облегчить несчастіе ваше и поправить домашнее разстройство?» Я отвѣчалъ, что, кромѣ Бога, никто этого не можетъ сдѣлать и что мы ни въ чемъ не нуждаемся. Отвѣтъ этотъ ему понравился. Онъ обнялъ меня и поцѣловалъ. Слезы его, катившіяся на мое лицо, были доказательствомъ участія, принятаго имъ въ нашемъ горѣ. Показывая мнѣ множество бумагъ, онъ сказалъ: «Вотъ дѣло о человѣкѣ вашемъ: онъ злодѣй, что хотите вы съ нимъ сдѣлать?» Я отвѣчалъ, что вина его не подлежитъ нашему суду, но

графъ возразилъ: «Я властенъ, что хочу,—итакъ, спроси у матушки своей и скажи мнѣ; я такъ его накажу, какъ вамъ будетъ угодно». На это я ему сказалъ, что и матушка ничего сказать не можетъ. Послѣ того онъ отпустилъ меня, пригласивъ къ себѣ обѣдать.

Возвратившись домой, я нашелъ всѣхъ старушекъ, ожидавшихъ меня съ нетерпѣніемъ; я разсказалъ, по приказанію матушки, все, что со мною случилось, и она осталась мною довольна.

Вслѣдствіе приказанія графа, я отправился къ нему обѣдать. Въ числѣ приглашенныхъ было множество чиновниковъ, пріѣхавшихъ для свиданія съ графомъ,—бригадиръ, насъ облагодѣтельствовавшій, и воевода Бѣлокопытовъ. Когда я вошелъ, графъ выговаривалъ воеводѣ за безпорядки его управленія. Графъ очень милостиво меня принялъ и, подозвавъ къ себѣ, поцѣловалъ и, обратившись къ бригадиру, сказалъ: «Вотъ герой и глава своей семьи». За обѣдомъ онъ посадилъ меня подлѣ себя, а по другую сторону сидѣлъ бригадиръ Пиль. Графъ сказалъ Пилю, чтобы онъ записалъ меня къ себѣ въ полкъ. Пиль отвѣчалъ, что онъ давно мнѣ это предлагалъ, имѣя намѣреніе взять къ себѣ въ адъютанты на вакансію, которая вскорѣ откроется, но что матушка, не посовѣтовавшись съ дѣдушкою, на это не соглашается. Тутъ пошли объ этомъ толки; графъ доказывалъ, что матушка поступаетъ нехорошо, и видя, что я молчу, приказалъ передать ей этотъ разговоръ. На другой день графъ выѣхалъ изъ города. Я сталъ чаще ходить къ бригадиру; благодаря хорошему обхожденію его со мною и ласкамъ офицеровъ, я проводилъ время пріятно; наступившая вмѣстѣ съ тѣмъ зима разлучила меня съ мальчиками, прежними моими друзьями, и образъ моей жизни совершенно перемѣнился.

Вскорѣ пріѣхала жена бригадира. Узнавъ о нашихъ приключеніяхъ, она сказала мнѣ, что желаетъ познакомиться съ матушкою. Я отвѣчалъ, что матушка за долгъ почтетъ быть у нея и благодарить за милости, оказанныя намъ ея мужемъ. Возвратившись домой, я думалъ сообщить пріятную новость и разсказалъ матушкѣ о разговорѣ съ бригадиршею. Но она побранила меня за то, что я осмѣлился давать за нее слово и, какъ видно, не имѣла и намѣренія знакомиться съ бригадиршею.

Въ первое воскресенье послѣ того бригадирша поѣхала съ своимъ мужемъ къ обѣднѣ въ женскій монастырь, гдѣ матушка была каждый день. Подозвавъ меня къ себѣ во время обѣдни, она просила меня указать ей матушку, которая стояла въ углу близъ игуменьи и молилась съ горькими слезами. По окончаніи службы бригадирша подошла къ игуменьѣ и познакомилась съ нею. Потомъ, когда игуменья увела матушку въ свою келью, бригадирша съ мужемъ своимъ пошли за нами, гдѣ Пиль, подошедъ къ матушкѣ, сказалъ ей, что онъ доволенъ моими посѣщеніями, и подвелъ къ ней познакомиться свою жену. Матушка, обливаясь слезами, ска-

зала, что по постигшимъ насъ несчастіямъ она въ такихъ обстоятельствахъ, что должна быть въ тягость людямъ, и только поэтому не была у нихъ, чтобы благодарить за всѣ оказанныя намъ милости, но что Богъ имъ и дѣтямъ ихъ за то заплатитъ. Сцена была чувствительная; всѣ присутствующіе прослезились, слушая ихъ объясненія.

Пробывъ нѣсколько времени въ кельѣ, бригадиръ съ женою поѣхали домой, а мы нѣсколько погодя потащились пѣшкомъ на квартиру. Только что успѣли воротиться, пріѣхала къ намъ бригадирша. Войдя въ комнату, она просила прощенія, выразила желаніе познакомиться съ матушкою и все это такимъ обязательнымъ образомъ, понятнымъ чувствительному сердцу. Тутъ начались новыя слезы и изъясненія. Матушка объяснила ей, что она чувствуетъ цѣну ея поступка, благодаритъ за то Бога и у Него проситъ ей воздаянія; что она не можетъ ни къ кому ѣздить, будучи увѣрена, что, кромѣ тягости, она собою никому ничего не принесетъ, и ищетъ только уединенія. Бригадирша доказывала матушкѣ, что шестеро малолѣтнихъ дѣтей требуютъ ея попеченія и она въ исполненіи своихъ обязанностей должна видѣть волю Божію, но матушка отвѣчала все одно и то же: «Богъ имъ отецъ и Онъ устроитъ ихъ участь».

Однако она вскорѣ согласилась съ мнѣніемъ новой нашей попечительницы и обѣщала къ ней пріѣхать, только не къ обѣду, потому что, слѣдуя монастырскимъ правиламъ, ѣла постное, никому о томъ не сказывая, хотя всѣ это знали.

Послѣ обѣда мы всѣ пошли къ бригадиршѣ. Ласковый и почти родственный пріемъ, казалось, былъ пріятенъ матушкѣ, но начавшійся благовѣстъ къ вечернѣ поднялъ насъ вскорѣ и, не слушая никакихъ просьбъ, она со всѣми нами отправилась въ монастырь. Игуменья, узнавъ о нашемъ визитѣ, убѣдительно уговаривала матушку продолжать знакомство, говоря, что это нужно для дѣтей ея и не можетъ быть помѣхою любви ея къ молитвѣ.

На другой день бригадирша была опять у насъ и пригласила матушку къ себѣ. Онѣ вскорѣ сблизились; дружба эта заставила матушку прійти въ себя и имѣть о насъ должное попеченіе и, можетъ быть, спасла насъ отъ погибели, которая легко могла случиться отъ непризрѣнія въ ребячествѣ.

Марія Ватаци, рожденная Мертваго.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

КАКЪ ЭТО ДѢЛАЕТСЯ.

(Разсказъ).

I.

ОТЪ, что сидѣлъ справа, былъ банкиръ. У него были густые усы такого чернаго цвѣта, какого въ природѣ не бываетъ,—т.-е. въ природѣ усовъ, краски же такой можно купить, сколько угодно. Щеки и подбородокъ были начисто выбриты. Звали его Глауберъ, и всякій уважающій себя столичный житель, у котораго въ карманѣ водилась лишняя сотня рублей, зналъ, что контора его находится на Невскомъ проспектѣ, какъ и всѣ порядочныя конторы.

И это могло показаться страннымъ,—и уже многимъ изъ завтракавшихъ въ ресторанѣ казалось,—что банкиръ Глауберъ завтракаетъ за однимъ столикомъ съ какимъ-то Курдикомъ, маленькимъ, ничего не значащимъ Курдикомъ, который служилъ у него въ конторѣ, при чемъ сидѣлъ гдѣ-то тамъ, на задворкахъ и никогда даже не разговаривалъ съ публикой. Почему? Съ какой стати? Во-первыхъ, это не принято, чтобы банкиръ держался на равной ногѣ съ служащими, да еще такими незначительными, во-вторыхъ, Глауберъ никогда этого и не дѣлалъ; у него была своя компанія, вонъ та, что сидитъ за большимъ круглымъ столомъ—

все народъ денежный, понимающій толкъ въ акціяхъ; а въ-третьихъ—ну, просто: съ какой же стати въ самомъ дѣлѣ?

Вдругъ—Курдикъ, какой-то Курдикъ и сидитъ въ перворазрядномъ ресторанѣ. Въ сущности оно даже и безнравственно. Что онъ получаетъ, этотъ Курдикъ? Какихъ-нибудь семьдесятъ пять рублей въ мѣсяцъ? Ужъ, конечно, не больше. А тутъ одинъ завтракъ съ «чаями» лакеямъ да швейцарамъ и разными тамъ приложеніями—ужъ на худой конецъ три съ полтиной обойдется. Такъ какъ же? А вѣдь онъ привыкнетъ, и тогда ему волей-неволей плутовать придется. Можетъ быть, онъ до сихъ поръ былъ еще честнымъ малымъ, а Глауберъ его портитъ, самъ Глауберъ, на свою же голову, потому что его же перваго онъ обворуетъ...

Но все это, разумѣется, пустяки, и такъ могли думать люди, не имѣющіе понятія о Глауберѣ. Не такой онъ былъ человѣкъ, чтобы его можно было обворовать. Обворовать банкира? Этого, кажется, никогда еще не случалось съ тѣхъ поръ, какъ стоитъ свѣтъ. А, кромѣ того, если онъ завтракаетъ съ Курдикомъ, то, значитъ, у него есть на это причина. Глауберъ всегда знаетъ, что дѣлаетъ.

И причина дѣйствительно была, та самая причина, отъ которой у Курдика было такое грустное лицо. Курдикъ былъ совсѣмъ еще молодой человѣкъ. На его длинномъ смугломъ лицѣ съ темными печальными глазами еще и усы не отросли, какъ слѣдуетъ. Въ конторѣ онъ работалъ совсѣмъ недавно, съ полгода, банкирскаго дѣла не зналъ и, что называется, пріучался къ дѣлу. Глауберъ для этого и выписалъ его,—собственно, чтобы имѣть въ конторѣ своего человѣка, потому что Курдикъ былъ ему не чужой. Родней приходился онъ Глауберу по женѣ, но это ничего, все-таки банкиръ считалъ его своимъ и хотѣлъ выработать изъ него со временемъ хорошаго управляющаго конторой.

И Курдикъ подавалъ надежды. Сразу принялся за дѣло и черезъ какіе-нибудь два-три мѣсяца чувствовалъ себя уже такъ, какъ будто родился за рѣшеткой въ банкирской конторѣ, и съ каждымъ днемъ все совершенствовался и съ полнымъ правомъ мечталъ, что скоро Глауберъ переведетъ его поближе къ публикѣ а тамъ, тамъ ужъ онъ сумѣетъ показать свои способности. Конечно, онъ зналъ, что въ Петербургѣ онъ житель временный, т.-е. по закону, но онъ и не думалъ объ этомъ. Что же изъ того, что по закону? Законъ для всѣхъ, но только не для такихъ людей, какъ Глауберъ, законъ не для банкировъ. Ну, то-есть, и для банкировъ есть законы, тѣ, которые имъ на пользу, хорошіе законы, а этотъ... Ужъ, конечно, Глауберъ, у котораго такія связи, выхлопочетъ все, что нужно. Развѣ онъ, Курдикъ, не видѣлъ каждый день, какія важныя персоны приходятъ въ его контору и пользуются его услугами? Ого! Еще какъ ухаживаютъ за нимъ! «Осипъ Львовичъ!

Мой милый Осипъ Львовичъ! Дорогой мой Глауберъ... Ужъ вы, пожалуйста, купите для меня такія-то и такія-то акціи...» А чины и титулы у нихъ при этомъ такіе, что сразу и не выговоришь, на серединѣ поперхнешься. Такъ ему стоитъ только сказать....

И Глауберъ говорилъ, добросовѣстно говорилъ, и тому, и другому, и третьему. Купитъ, скажемъ, лишній десятокъ акцій сверхъ онкольнаго обезпеченія—ну, разумѣется, акцій вѣрныхъ, которыя за себя постоятъ, и говоритъ: «Вотъ я для васъ это дѣлаю, а вы ужъ для меня постарайтесь, чтобы для Курдика моего право жительства... Понимаете?»

Кліентъ обѣщалъ, а потомъ приходилъ и разводилъ руками: никакъ, молъ, нельзя. Очень ужъ нынче стало строго. И бился Глауберъ, прямо-таки бился съ этимъ дѣломъ, и ничего не выходило. Зналъ онъ, конечно, что вотъ такой-то человѣкъ навѣрное могъ бы, да тотъ человѣкъ кредитовался въ большомъ банкѣ, а не у него въ конторѣ, и какъ ни старался онъ залучить его къ себѣ, конечно, косвенными путями,—банкиру не приличествуетъ прямо заманивать къ себѣ кліентовъ,—не удавалось.

А срокъ для Курдика приближался, онъ былъ уже у него на носу. И тогда Глауберъ принужденъ былъ сказать ему: «Дѣло твое плохо, Курдикъ, придется тебѣ уѣзжать въ Гомель, на твою прекрасную родину».

И вотъ почему Курдикъ сдѣлался грустенъ. Совсѣмъ потерялся человѣкъ. Такъ хорошо шло дѣло, такія мечты, такіе планы, и вдругъ... Конечно, если самъ Глауберъ не могъ ничего сдѣлать, значитъ это трудно, значитъ это прямо невозможно. Право жительства! Господи ты, Боже мой! Развѣ онъ, Курдикъ, виноватъ, что родился на свѣтъ? А если ужъ родился, то, казалось бы, этимъ самымъ получилъ право на жительство... Такъ нѣтъ,—оказывается, что нѣтъ. И Курдикъ, который могъ бы со временемъ отлично управлять банкирской конторой въ Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, долженъ забрать свои пожитки и ѣхать въ Гомель. А чѣмъ онъ будетъ управлять въ Гомелѣ? Хе! Да развѣ тамъ что-нибудь есть, въ Гомелѣ? Въ Гомелѣ нѣтъ ничего; пустое мѣсто тамъ, вотъ что такое Гомель. Такъ по крайней мѣрѣ кажется ему послѣ того, какъ онъ около полугода пожилъ въ Петербургѣ. Ну, да, прежде! Еще бы! Прежде ему казалось, что Гомель, это—городъ и въ немъ есть много кой-чего. А теперь... теперь онъ желалъ бы, чтобы Гомель со всѣмъ, что въ немъ есть, провалился, и тогда оказалось бы, что ему некуда ѣхать. А въ самомъ дѣлѣ вѣдь такъ: мѣсто жительства провалилось. Куда же ѣхать человѣку? Вотъ и остался бы.

И то обстоятельство, что Курдикъ оказался завтракавшимъ за однимъ столикомъ съ банкиромъ Глауберомъ, въ перворазряд-

номъ ресторанѣ, было просто дѣломъ добраго сердца Глаубера. Ему стало жаль бѣднаго Курдика, и онъ сказалъ ему: «Пойдемъ, Курдикъ, я угощу тебя завтракомъ. Что жъ,—хоть это! Скоро уѣдешь въ Гомель, такъ по крайней мѣрѣ будетъ что вспомнить. Я, положимъ, съ служащими въ моей конторѣ не завтракаю. Но ты теперь почти ужъ не служащій, а только родственникъ».

Вотъ и все. Такъ было дѣло. И, значитъ, всѣ тѣ упреки, которые обращались по адресу Глаубера, были неосновательны. Глауберъ завтракалъ не съ служащимъ, а съ родственникомъ, что жъ тутъ такого? И когда кто-нибудь изъ знакомыхъ останавливался у его столика или присаживался, чтобы тихонько, вполголоса разспросить его о закулисныхъ биржевыхъ перспективахъ (это, конечно, были наивные люди, если они думали, что банкиръ такъ и откроетъ передъ ними всѣ карты!), то онъ знакомилъ его съ Курдикомъ да такъ и говорилъ: «Мой родственникъ—Курдикъ».

II.

Курдикъ, конечно, былъ доволенъ, что завтракаетъ за однимъ столикомъ съ банкиромъ въ перворазрядномъ ресторанѣ. Но все же длинное лицо его было грустно, и Глауберъ это видѣлъ, но ничѣмъ не могъ утѣшить его. Онъ такъ и подумалъ, взглянувъ на Курдика: «Бѣдный мальчикъ! Придется-таки ему ѣхать въ Гомель»... А что такое Гомель, онъ зналъ очень хорошо, потому что и самъ когда-то пріѣхалъ изъ Гомеля.

Но въ ту самую минуту, когда онъ такъ подумалъ, вниманіе его отъ грустнаго лица Курдика отвлекъ вошедшій въ ресторанъ новый посѣтитель. Это былъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти, съ сѣрой головой, съ сѣрыми густыми усами и съ сѣрой остроконечной бородкой. Фамилія его была Чеботаевъ, и Глауберъ зналъ его, потому что онъ имѣлъ кой-какія дѣла съ его конторой. Дѣла были такъ себѣ, изъ тѣхъ, отъ которыхъ не разживешься. Но банкиръ ничѣмъ не долженъ пренебрегать. Каждое большое дѣло состоитъ изъ множества маленькихъ. Ужъ какая грандіозная постройка была Вавилонская башня—чуть что не до неба,—а вѣдь и она строилась изъ камешковъ да кирпичиковъ. Былъ у Чеботаева и онкольный счетъ—тоже незначительный. Самого Чеботаева онъ зналъ за человѣка почтеннаго, но не денежнаго. Онъ, правда, управлялъ дѣлами одной весьма титулованной особы, но и у особы состояніе было умѣренное. И когда Чеботаевъ поровнялся съ его столикомъ и поклонился ему, Глауберъ отвѣтилъ ему довольно-таки небрежнымъ кивкомъ головы.

Послѣ этого Чеботаевъ обернулся и, обращаясь къ двумъ, тоже только что пришедшимъ, посѣтителямъ, сказалъ:

— А гдѣ же мы сядемъ? Я думаю, вотъ здѣсь, у окна, отлично будетъ...

И тѣ согласились, что это будетъ отлично, и сѣли за столъ у окна вмѣстѣ съ нимъ.

Само собою разумѣется, что во всемъ этомъ, по существу, не было ничего особеннаго. Человѣкъ пришелъ съ пріятелями, и они выбрали мѣсто и сѣли и будутъ себѣ завтракать. Всѣ такъ дѣлаютъ, да иначе и не позавтракаешь, какъ сидя за столомъ.

Тѣмъ не менѣе лицо Глаубера выразило такую бездну удивленія, какъ будто ему показалось, что убрали куда-то потолокъ ресторана. Онъ раскрылъ ротъ и увеличившимися вдвое глазами смотрѣлъ на Чеботаева и его пріятелей.

Такъ вотъ какіе у него пріятели! Такъ вотъ съ кѣмъ онъ завтракаетъ, Чеботаевъ! Этотъ «средней руки человѣкъ», всегда болѣе или менѣе нуждающійся въ деньгахъ, вѣчно пытающійся учесть чей-нибудь вексель... Да и какіе векселя! Не векселя, а векселечки—на 200—300 рублей. Пріятельскіе, бронзовые... И часто ему отказываютъ. Да вотъ двѣ недѣли тому назадъ онъ, Глауберъ, отказался принять къ учету его вексель... А у него вонъ какія знакомства... И онкольный счетъ его—смѣшно сказать—на десять тысячъ, прямо дѣтскій какой-то... А онъ вонъ съ какими орлами за панибрата... Напримѣръ, вотъ этотъ военный съ аксельбантами. Ой-ой-ой! Да это такая сила, что по одному его слову могутъ его, Глаубера, вмѣстѣ съ банкирской лавочкой... Ну, однимъ словомъ, что захотятъ, то и могутъ. А этотъ штатскій съ длинными усами и еще болѣе длинными подусниками... Онъ, хоть и не называется министромъ, но можетъ повредить человѣку столько же, сколько и министръ.

И какъ они съ нимъ разговариваютъ! Съ военнымъ онъ на ты, а штатскаго похлопываетъ ладонью по колѣнкѣ... Чеботаевъ? Да откуда же? Почему? Вѣдь ничего такого въ немъ не видно. Онъ скромный, совсѣмъ скромный человѣкъ. Съ такими знакомствами человѣкъ имѣетъ право быть нахаломъ. Ну, будь, напримѣръ, у него, у Глаубера, такіе пріятели,—такъ вѣдь при банкирской конторѣ,—да что бы это было?.. А Чеботаевъ... Откажешь ему въ учетѣ векселя, такъ онъ даже не обидится, а только тряхнетъ своей сѣрой головой и скажетъ: «Неужели нельзя? Экая досада!» Потому никогда и въ голову не пришло бы, что у него такія связи.

Но та мысль, которая явилась въ мозгу у Глаубера послѣ этого, уже окончательно вывела его изъ равновѣсія. Мысль поразительная, но совершенно естественная для даннаго момента. Глауберъ не былъ бы банкиромъ, если бы не исчерпалъ всѣ выгоды, слѣдующія изъ новаго обстоятельства. Но онъ былъ банкиромъ, и онъ сказалъ себѣ:

Слѣдовательно, Чеботаеву ничего не стоитъ устроить дѣло для бѣднаго Курдика. Это ясно, какъ день! Это достовѣрно, какъ кредитный билетъ. Тутъ нужно всего только два слова: то, которое онъ, Чеботаевъ, скажетъ военному съ аксельбантами или штатскому съ длинными усами и еще болѣе длинными подусниками,—это все равно, они оба одинаково могущественны,—и то, которое одинъ изъ нихъ скажетъ въ надлежащимъ мѣстѣ. Вотъ только и всего.

Право жительства? Законъ? Ну, да онъ-то, Глауберъ, отлично знаетъ, что это такое. Исаакъ Марковичъ Брингенманъ не имѣетъ рѣшительно никакихъ правъ, а живетъ себѣ уже много лѣтъ и обдѣлываетъ комиссіонныя дѣлишки. Абрамъ Вудковичъ тоже безъ всякихъ правъ, а и въ усъ себѣ не дуетъ, содержитъ контору для найма прислуги. Вотъ что такое право жительства и законъ. Обоихъ ихъ можно на одной маленькой палочкѣ верхомъ объѣхать. Да, Чеботаеву ничего не стоитъ. Но если бъ же онъ это зналъ, Глауберъ,—развѣ онъ отвѣтилъ бы такъ небрежно на поклонъ Чеботаева? Ахъ, эта проклятая привычка денежныхъ людей—всѣхъ мѣрять и сортировать по карману. А теперь что жъ? Теперь Чеботаевъ для него пропалъ. Теперь къ нему и подступиться нельзя. Какъ же, въ самомъ дѣлѣ? Не можетъ же онъ, банкиръ Глауберъ, подойти къ нему и сказать: извините, молъ, господинъ Чеботаевъ, я тогда ошибся, я думалъ, что это не вы, а кто-то другой, а такъ какъ это вы, то позвольте вамъ засвидѣтельствовать мои чувства нижайшаго почтенія и т. п. Ха! Нельзя же такъ сдѣлать. Онъ скажетъ, что Глауберъ дуракъ и больше ничего.

— Ахъ, Курдикъ, Курдикъ!—сказалъ онъ своему родственнику:—я сдѣлалъ глупость. Ой, какую большую глупость я сдѣлалъ. Сейчасъ у меня въ рукахъ было все твое счастье, и я его выронилъ!

— Какъ же это?—поднявъ на него свои печальные глаза, спросилъ Курдикъ.

— А такъ. Ты знаешь господина Чеботаева? Ну, знаешь, конечно, онъ у насъ въ конторѣ бываетъ. А видѣлъ, какъ я съ нимъ поздоровался? Какъ съ какимъ-нибудь первымъ встрѣчнымъ на улицѣ. А знаешь ты, кто съ нимъ сидитъ? Эти два господина—каждый изъ нихъ однимъ словомъ можетъ устроить твою судьбу. Нѣтъ, ты прислушайся: этому военному онъ говоритъ ты. Такъ, значитъ, они близкіе пріятели. А я съ нимъ такъ поздоровался... И не знаю, какъ это теперь поправить? Какъ бы это поправить, Курдикъ? Не придумаешь ли? Вѣдь это для тебя, такъ ты и долженъ придумать...

Ну, конечно, Курдикъ зналъ Чеботаева. Хотя онъ и не разговаривалъ съ публикой, но видѣлъ всѣхъ, приходившихъ въ контору. Но что онъ могъ придумать? Онъ былъ подавленъ. Онъ ви-

дѣлъ передъ собой Гомель, одинъ только предстоящій ему Гомель, и больше ничего не видѣлъ.

И Курдикъ только покачалъ головой. Нѣтъ, онъ ничего не можетъ придумать.

III.

Чеботаевъ обладалъ многими достоинствами и недостатками, но главнымъ качествомъ его души была беззаботность, распространявшаяся на все, а въ особенности на его собственную персону. По своему происхожденію, по общественному кругу, въ которомъ онъ вращался, по связямъ и даже по способностямъ, онъ могъ бы занимать видное положеніе и получать прекрасно обезпечивающій окладъ. Но вѣдь этого надо было все-таки добиваться, а, добившись, удерживать, а ему было «лѣнь и противно»—его всегдашнее опредѣленіе всякой активной дѣятельности и онъ пропустилъ мимо себя всѣ случаи и возможности. Теперь, когда началось второе полустолѣтіе его жизни, онъ принужденъ былъ довольствоваться небольшимъ заработкомъ отъ управленія дѣлами одного богатаго товарища, каковое управленіе было въ сущности дружеской синекурой, а потому и оплачивалось слабо. Нельзя же было въ самомъ дѣлѣ положиться на этого безпечнаго человѣка, на это пятидесятилѣтнее дитя, которое и въ своихъ собственныхъ дѣлахъ замѣчало опасность только тогда, когда она наступала. А такъ какъ знакомства требовали отъ него всего первосортнаго—отъ ресторана и до сапожника, то приходилось постоянно искать вспомогательные источники, которыми и являлись большею частью дружескіе векселя. Чуть-чуть подыгрывалъ онъ и на биржѣ, и опять-таки, благодаря связямъ, довольно удачно, но и здѣсь у него не хватало энергіи и предпріимчивости на то, чтобы сдѣлать изъ этого что-нибудь большое.

Военный и штатскій, съ которыми онъ завтракалъ, были дѣйствительно его хорошими пріятелями, а одинъ, военный, даже другомъ дѣтства. Оба они обладали большими средствами, соотвѣтствовавшими ихъ положенію, но это не мѣшало Чеботаеву, сидя съ ними и безъ умолку болтая, шутя и смѣясь, усиленно придумывать способъ выйти изъ финансоваго затрудненія, въ которое онъ какъ-то неожиданно впалъ въ этомъ мѣсяцѣ. Предстояли платежи по векселямъ и за квартиру, да и портной очень ужъ невыносимо приставалъ къ нему съ долгомъ, которому скоро предстояло потерять земскую давность.

«Чортъ возьми!.. Тысячи три достать бы какъ-нибудь,—отлично обернулся бы», думалъ онъ, въ то же время весело и беззаботно смѣясь на какую-то остроумную шутку военнаго пріятеля. А штатскій, какъ бы угадывая его тайныя мысли, обратился къ нему:

— Слушайте, Максимъ Николаевичъ,—такъ какъ вамъ всегда болѣе или менѣе нужны деньги...

— О?—съ шутливымъ удивленіемъ воскликнулъ Чеботаевъ:—и въ настоящій моментъ скорѣе болѣе, чѣмъ менѣе... Ну-съ, и что же?

— Да вѣдь вы, кажется, слегка грѣшите по биржевой части?

— Къ сожалѣнію, только слегка. И все-таки что же? Что же?

— Я вамъ конфиденціально посовѣтую купить одну бумажку. Самъ я этимъ не занимаюсь, но вы можете купить ее навѣрняка...

— Благодѣтель! Да неужели есть на свѣтѣ такая бумага?

— Мнѣ кажется, что она должна быть такой. Ну, однимъ словомъ,—прибавилъ онъ, сильно понизивъ голосъ:—и это, конечно, между нами,—на дняхъ сталелитейный заводъ получитъ казенный заказъ на 18 милліоновъ... Вотъ вамъ фактъ, а вы ужъ сами сдѣлайте выводъ.

— Я сдѣлаю его...—сказалъ Чеботаевъ и началъ усиленно думать о томъ, какъ бы этотъ выводъ приложить къ жизни. Разговоръ сейчасъ же перемѣнился, и онъ участвовалъ, дѣлалъ замѣчанія, острилъ, смѣялся, но въ то же время и думалъ. Сталелитейныя акціи весьма доступны. Онѣ стоятъ немного болѣе сотни рублей. Но въ концѣ концовъ—что жъ изъ этого? У него въ карманѣ рублей двадцать, изъ которыхъ половина уйдетъ на уплату его доли за завтракъ—вѣдь пьютъ шампанское, и онъ терпѣть не можетъ завтракать на чужой, хотя бы и дружескій, счетъ. Его скромный онколь исчерпанъ. Развѣ облегчить его,—хотя бы и съ убыткомъ,—что-нибудь продать и замѣнить сталелитейными. Чортъ возьми, это зависитъ отъ господина Глаубера. А вѣдь онъ, кажется, здѣсь? Чеботаевъ какъ будто видѣлъ его... Прижимистъ банкиръ, пожалуй, при продажѣ съ убыткомъ—потребуетъ дополнительный взносъ... А все-таки надо попробовать. Ба! да вотъ онъ сидитъ черезъ три столика...

— Pardon... На одну минуту я васъ оставлю!—сказалъ Чеботаевъ и, поднявшись, пошелъ прямо на Глаубера. Банкиръ, увидѣвъ его приближающагося, не зналъ, что и подумать. Нѣтъ, конечно, это не къ нему. Ну, просто забылъ въ пальто портсигаръ и идетъ въ швейцарскую.

Но Чеботаевъ подошелъ къ столику, остановился и протянулъ руку. Глауберъ всталъ, самъ банкиръ Глауберъ всталъ и такъ крѣпко пожалъ его руку, какъ пожималъ только стотысячнымъ кліентамъ.

— Чтобы не забыть, пользуюсь случаемъ!..—молвилъ Чеботаевъ:—дѣльце маленькое есть. Когда застану васъ въ конторѣ?

— Вотъ сейчасъ послѣ завтрака иду туда и ужъ буду до конца!..—поспѣшно, съ большимъ оживленіемъ, даже съ какимъ-то подъемомъ

отвѣтилъ Глауберъ, и въ глазахъ его теплилось настоящее дружеское расположеніе.

— Не обременю?—спросилъ Чеботаевъ.

— Боже мой!.. Максимъ Николаевичъ!.. Вы знаете, какъ я васъ люблю и цѣню... Во всякое время готовъ быть вамъ полезнымъ...

— Такъ я часа въ три... Благодарю васъ!..

И опять наскоро пожалъ руку и ушелъ къ своимъ пріятелямъ и сейчасъ же вступилъ въ ихъ разговоръ, какъ будто забылъ о банкирѣ Глауберѣ. Но онъ не забылъ, онъ думалъ о немъ: «Банкиръ Глауберъ меня любитъ и цѣнитъ,—вотъ открытіе!.. Никакъ не ожидалъ... Ба! Этимъ я обязанъ моимъ компаньонамъ по завтраку!.. Чортъ возьми, какія иногда приходится учитывать мелочи! И я думаю, что банкиръ Глауберъ согласится купить мнѣ съ полсотни сталелитейныхъ... Продастъ сѣверныя съ убыткомъ и купитъ эти... Почему онъ такъ переоцѣниваетъ моихъ друзей, я не знаю, но въ концѣ концовъ это его дѣло»...

А Глауберъ, послѣ ухода Чеботаева, сѣлъ на прежнее мѣсто и не удержался даже отъ того, чтобы похлопать Курдика по плечу.

— Знаешь, Курдикъ, я думаю, что твое дѣло вовсе еще не пропало... Ты кончилъ завтракъ? Ну, иди въ контору, а мнѣ еще нужно тутъ поговорить съ тѣмъ и съ другимъ, и съ третьимъ... А если ты уже уложилъ свои вещи въ чемоданъ, чтобы ѣхать въ Гомель, такъ разложи ихъ. Я думаю, что Гомель еще подождетъ...

Курдику очень понравилось, что онъ такъ именно говоритъ: какъ банкиръ, какъ хозяинъ и какъ со служащимъ, а не какъ съ родственникомъ. Это значитъ, что онъ увѣренъ. А это важно. Глауберъ никогда не бываетъ увѣренъ зря, безъ достаточныхъ основаній. Онъ не лавочникъ какой-нибудь, а банкиръ.

И онъ тотчасъ же всталъ и убрался изъ ресторана.

IV.

«Дѣльце, дѣльце!—думалъ Глауберъ, сидя въ кабинетѣ при своей конторѣ и поджидая Чеботаева: — какое же у него можетъ быть дѣльце, кромѣ одного: деньги. Всѣ отъ банкира хотятъ денегъ. И банкиръ даетъ, хотя, разумѣется, не всѣмъ же. Но только такъ всегда выходитъ, что отъ этого богатѣютъ не они, а банкиръ... Ха, ха! И этотъ попроситъ денегъ,—ужъ такъ или иначе, а въ концѣ концовъ выйдутъ деньги. Ну, что жъ, я дамъ, теперь уже дамъ, но, разумѣется, съ толкомъ. Все нужно дѣлать съ толкомъ, а это въ особенности».

Правда, что встрѣча въ ресторанѣ порядочно-таки спутала Глаубера. Что за странный человѣкъ этотъ Чеботаевъ! У него такія связи, что онъ хоть сейчасъ могъ бы сдѣлаться губернато-

ромъ. Вѣдь это же вовсе и не трудно. Сколько ихъ? Многое множество. И откуда они берутся? Никто и не знаетъ. Былъ человѣкъ въ неизвѣстности и вдругъ губернаторъ. И онъ могъ бы, только захотѣть. О, банкиромъ гораздо труднѣе сдѣлаться, чѣмъ губернаторомъ.

А вотъ не захотѣлъ. Деньги всегда нужны ему. На векселькахъ держится. Когда срокъ одному, несетъ другой, чтобы переписать. Сколько безпокойства. И ему это больше нравится, чѣмъ сдѣлаться губернаторомъ. Развѣ это не странный человѣкъ?

Или вотъ хотя бы это: уже половина четвертаго, а онъ обѣщалъ прійти въ три. Деньги, должно быть, нужны до зарѣзу, а онъ заговорился съ кѣмъ-нибудь, или до сихъ поръ сидитъ въ ресторанѣ и тянетъ шампанское. Безпечный человѣкъ.

Вѣдь банкиръ можетъ и разсердиться, взять и уѣхать изъ конторы. А? Что тогда? У банкира могутъ быть и другія дѣла.

Но банкиръ на этотъ разъ не сердился и не уѣзжалъ изъ конторы, хотя у него дѣйствительно были другія дѣла и слѣдовало бы поѣхать. Уже и четыре часа пробило, а банкиръ ждалъ.

И вотъ въ кабинетѣ показалась сѣрая голова Чеботаева. Глауберъ всталъ, пошелъ ему навстрѣчу и протянулъ обѣ руки.

— Милости просимъ, почтеннѣйшій Максимъ Николаевичъ!.. Садитесь, прошу васъ! Не хотите ли сигару? Недурныя, право... Упмановскія, другихъ не курю... Засидѣлись въ ресторанѣ? а? Еще бы! Такая пріятная компанія... А въ чемъ же дѣло? Чѣмъ бы это я могъ служить вамъ?

— Да видите ли, мнѣ пришла фантазія. Захотѣлось мнѣ вдругъ купить одну акцію...

— А? Вдругъ такъ вотъ и захотѣлось? А какая же акція? Секретъ? Ну, отъ банкира не можетъ быть секрета. Ужъ онъ все равно узнаетъ.

— Нѣтъ, какой же секретъ? Тутъ именно все дѣло въ томъ, что нужно продать тѣ, что имѣются у меня на онколѣ и вмѣсто нихъ купить другія...

— А у васъ ростовскія? Знаю, знаю. Онѣ упали, сильно упали. Продажа съ большимъ убыткомъ будетъ...

— Да, да. Въ этомъ-то вся и штука. Придется увеличить кредитъ, а обезпечить новымъ задаткомъ я не могу...

— А какую же акцію вы хотите купить?

— Да это ужъ все равно. Я же говорю вамъ, что пришла фантазія...

— А какая фантазія? Все-таки и фантазія какъ-нибудь называется.

— Разумѣется. Сталелитейныя...

— Сталелитейныя? Гм... Вотъ ужъ не подумалъ бы! Эти сталелитейныя, какъ сѣли съ полгода назадъ на 132, такъ и сидятъ. Ни

туда, ни сюда. Мертвая бумага. Живая бумага должна двигаться— то вверхъ, то внизъ. Умный человѣкъ на этомъ и наживаетъ деньги. А когда бумага стоитъ на одной точкѣ, что на ней наживешь? Почему же вы хотите сталелитейныя?

— Да такъ! Просто пришло въ голову купить ихъ. Никто ихъ теперь не покупаетъ, а я вотъ хочу.

— Гм... Ну, это ваше дѣло. А только ростовскія я вамъ не совѣтовалъ бы продавать теперь. Эта бумага живая. Она упала для того, чтобы подняться. Теперь время покупать ее, а не продавать. Когда умные люди накупятъ ее, сколько надо, тогда она подымется, и тогда умные люди продадутъ ее съ выгодой, а послѣ этого она опять упадетъ. Живая бумага...

— Такъ иначе же я не смогу купить сталелитейныя...

— Слушайте, Максимъ Николаевичъ, вы же знаете, какъ я васъ люблю и цѣню. Я вамъ скажу: зачѣмъ продавать? Вовсе не надо продавать. Вы хотите сталелитейныя, пускай будутъ сталелитейныя, это же совсѣмъ не мое дѣло. Такъ нужно только сказать банкиру Глауберу: купи для меня сталелитейныя, и онъ купитъ.

— Если вы такъ любезны, господинъ Глауберъ...

— Ну, да, я хочу быть любезнымъ. А сколько?

— Хотѣлъ бы штукъ пятьдесятъ...

— Пятьдесятъ... Ну, что жъ, можно и пятьдесятъ. Только, знаете, не сегодня и не завтра. Ихъ надо поискать...

— Все-таки я попросилъ бы васъ, господинъ Глауберъ, поторопиться.

— Ага! Значитъ, надо торопиться? Вотъ какъ! Такъ я сейчасъ и распоряжусь. Послушай,—сказалъ онъ вошедшему на звонокъ служителю:—попроси сюда господина Курдика.

Курдикъ не пришелъ, а прямо стрѣлой прилетѣлъ. Изъ своего отдаленнаго угла онъ тщательно слѣдилъ за всѣмъ, что дѣлалось въ конторѣ, и видѣлъ, какъ въ скорости послѣ четырехъ часовъ явился и прошелъ въ кабинетъ банкира Чеботаева. Поэтому онъ зналъ, что зовутъ его въ связи съ этимъ приходомъ.

— Господинъ Курдикъ,—строго-хозяйскимъ тономъ сказалъ Глауберъ:—вотъ Максимъ Николаевичъ желаютъ пріобрѣсти пятьдесятъ штукъ сталелитейныхъ. Ихъ надо найти, купить за счетъ конторы и записать на онколь Максима Николаевича.

Само собой разумѣется, что Курдикъ, какъ малый сообразительный и будущій управляющій конторой, сейчасъ же понялъ, что его звали вовсе не для сталелитейныхъ. Ни съ которой стороны подобное порученіе его не могло касаться. Это было дѣло управляющаго, его же роль сводилась къ скромному вписыванію цифръ въ толстую книгу. Но онъ и виду не показалъ, что это такъ, а выслушалъ порученіе съ такимъ вниманіемъ, будто принимаетъ его и готовъ сейчасъ же приступить къ исполненію.

— Это мой родственникъ, Курдикъ,—сказалъ какъ бы мимоходомъ Глауберъ, но Чеботаевъ посмотрѣлъ на это, какъ на знакомство, поднялся и подалъ Курдику руку.

— Бѣдный человѣкъ, ему не везетъ. Способный, могъ бы далеко пойти. А вотъ не везетъ...

— А что же именно?—довольно равнодушно спросилъ Чеботаевъ.

— Пріѣхалъ онъ изъ Гомеля съ полгода назадъ. Ну, что такое Гомель? Что можетъ человѣкъ со способностями сдѣлать въ Гомелѣ? А вотъ долженъ уѣзжать.

— А почему же долженъ?

— Такъ, долженъ. Срокъ выходитъ права жительства.

— Ахъ, вотъ что. Вы не имѣете права жительства?

— Не имѣю!—печально склонивъ голову на бокъ, подтвердилъ Курдикъ.

— Гм... Это плохо. Какъ же вы такъ, не озаботились?

— Заботились,—сказалъ Глауберъ:—да не выходитъ. А вамъ бы, Максимъ Николаевичъ, это ничего не стоило. Одно слово, и дѣло сдѣлано.

— Вы думаете, что это такъ просто?

— Ну, такъ же просто, какъ мнѣ купить для васъ сталелитейныя: сказать слово, и купятъ, и вамъ также сказать слово— и сдѣлаютъ.

— Я постараюсь. А отъ кого же это зависитъ?

— Отъ кого? А вотъ отъ тѣхъ самыхъ господъ, съ которыми вы сегодня завтракали...

— Неужели? Да, пожалуй, что это такъ. Я непремѣнно постараюсь.

— Ну, а мы съ Курдикомъ постараемся достать для васъ полсотни сталелитейныхъ... Такъ оно одно другое и покроетъ. Вы же знаете, какъ я васъ люблю и цѣню, Максимъ Николаевичъ.

Максимъ Николаевичъ совершенно ясно понялъ, что сталелитейныя находятся въ тѣснѣйшей связи съ правомъ жительства Курдика и когда, уходя, онъ повторилъ о своей готовности похлопотать, то въ его тонѣ слышалось уже достаточно твердости и убѣжденія.

— Ага,—сказалъ Глауберъ, когда за Чеботаевымъ затворилась дверь.—Теперь ты, Курдикъ, не поѣдешь въ Гомель! Ну, вотъ еще! Чего ты тамъ не видѣлъ, ха-ха! Иди себѣ и пошли мнѣ управляющаго.

— Те-те-те!—сказалъ себѣ банкиръ Глауберъ:—сталелитейныя? Такъ это же не даромъ. Ему пришла фантазія... О-го! За завтракомъ, должно быть... Ужъ эти господа, которые съ нимъ были, знаютъ. Они все могутъ знать. Должно быть, заказъ? А? Ну, разумѣется, что же другое можетъ быть? И сталелитейныя подпрыгнутъ на

пятьдесятъ процентовъ... Ага, это вы?—сказалъ онъ, обращаясь къ вошедшему управляющему:—сколько у насъ имѣется сталелитейныхъ?

— Двѣ тысячи штукъ.

— Купите сейчасъ же еще три. Но только подъ рукой, понимаете? Безъ шума... И, кромѣ того, купите еще сто штукъ отдѣльно... Вотъ и все.

V.

Чеботаевъ былъ очень доволенъ тѣмъ, что ему удалось такъ легко совершить эту маленькую операцію. Онъ разсчитывалъ заработать на ней тысячи три. Это были, разумѣется, сущіе пустяки, сумма, которая, если онъ ее получитъ, пролежитъ у него въ карманѣ не болѣе получаса, а тамъ разойдется вся, безъ остатка, на уплату неизбѣжныхъ долговъ. Но онъ никогда не заглядывалъ въ сколько-нибудь отдаленное будущее и всегда довольствовался малымъ.

Дѣло въ томъ, однако, что, выйдя изъ конторы, онъ тотчасъ же забылъ о Курдикѣ и связанномъ съ этимъ именемъ своемъ обѣщаніи. И даже не то, что забылъ, а просто полѣнился отмѣтить, подчеркнуть его въ своей памяти и настолько, что когда вечеромъ въ какомъ-то театрѣ онъ встрѣтилъ одного изъ своихъ пріятелей, штатскаго, онъ поздоровался съ нимъ, поболталъ о томъ, о семъ и даже не вспомнилъ о Курдикѣ. А случай былъ какъ нельзя болѣе удобный. Пріятель его былъ человѣкъ страшно занятой и встрѣтить его два раза въ день было такою рѣдкостью, почти чудомъ. И Чеботаевъ этимъ не воспользовался.

На другой день онъ завтракалъ въ другомъ ресторанѣ, былъ совсѣмъ въ другомъ обществѣ и ни одной минуты не думалъ не только о Курдикѣ, но даже и о сталелитейныхъ. Такой ужъ онъ былъ человѣкъ: всецѣло отдавался впечатлѣніямъ настоящаго, прошедшее разсматривалъ, какъ сонъ, а въ будущее заглядывалъ только въ случаѣ крайней необходимости. Если бъ онъ былъ другой, то, должно быть, занималъ бы властное положеніе, получалъ бы солидный окладъ и не учитывалъ бы жалкихъ дружескихъ «векселечковъ».

Послѣ завтрака прогулялся пѣшкомъ по Невскому. Былъ пріятный легкій морозецъ, и даже откуда-то проникали на улицу косые лучи солнца. Шелъ мимо конторы Глаубера и вспомнилъ о сталелитейныхъ. Рѣшилъ зайти и освѣдомиться, нашли ли ихъ.

Управляющій конторой, который ничего не зналъ объ его могущественныхъ связяхъ, съ казенной любезностью поздоровался съ нимъ.

— Скажите, милѣйшій, куплены для меня сталелитейныя?—спросилъ его Чеботаевъ.

— Для васъ? Нѣтъ. Я не имѣлъ никакого распоряженія!—отвѣтилъ управляющій конторой.—Да при томъ же какъ же ихъ можно купить, когда вашъ кредитъ по онколю весь исчерпанъ?

— Я знаю. Но мнѣ обѣщалъ господинъ Глауберъ...

— Господинъ Глауберъ исполняетъ всякое свое обѣщаніе,—замѣтилъ управляющій конторой:—и если онъ обѣщалъ вамъ это, то вы у него и спросите... Онъ тамъ, у себя, въ кабинетѣ...

«Чортъ возьми,—думалъ Чеботаевъ:—неужели онъ не купилъ». И въ эти полминуты, когда онъ переходилъ изъ конторы въ кабинетъ банкира, у него въ головѣ мелькало какое-то смутное воспоминаніе о какомъ-то его обѣщаніи. «Боже мой, кажется, что-то важное... Но не могу припомнить...»

— А-а!—радостно воскликнулъ Глауберъ, когда Чеботаевъ появился у него въ кабинетѣ:—дорогой Максимъ Николаевичъ! Прошу васъ садиться! Очень радъ, очень радъ...

И опять Глауберъ протянулъ ему обѣ руки и усадилъ его.

— Вотъ вы и опять завернули къ намъ! Какъ это пріятно...

— Ахъ, слушайте, господинъ Глауберъ... Какъ же это? Вы обѣщали купить для меня сталелитейныя...

— А какъ же? Ну, да, обѣщалъ! А развѣ есть сомнѣніе?

— Но я сейчасъ справлялся у вашего управляющаго, и онъ говоритъ, что не получалъ отъ васъ никакихъ распоряженій и что кредитъ мой по онкольному счету весь исчерпанъ, такъ что, по его мнѣнію...

Глауберъ движеніемъ обѣихъ рукъ остановилъ его.

— Мой дорогой Максимъ Николаевичъ, управляющій сказалъ вамъ сущую правду. Распоряженія? А какое же распоряженіе? Развѣ вы не знаете, что есть дѣла, которыми занимается самъ банкиръ? Банкиру также надо что-нибудь дѣлать, ха, ха! И когда есть дѣло, близкое его сердцу, такъ онъ самъ имъ занимается. Ну, ваше дѣло такое и есть...

— Значитъ, онѣ куплены—сталелитейныя? Я могу быть увѣренъ?

— Куплены? Нѣтъ. Этого я не скажу, не хочу васъ обманывать. Бумага, знаете, въ хорошихъ рукахъ, которыя не выпускаютъ ее. Ищу, ищу и имѣю хорошее обѣщаніе... А развѣ такъ уже спѣшно? Развѣ такъ уже надо съ этой бумагой торопиться, а?—спросилъ Глауберъ и при этомъ пристально смотрѣлъ ему въ глаза.

— Да, я хотѣлъ бы не откладывать!.. Я очень просилъ бы васъ...

— Ага... Ну, я не зналъ. Такъ я постараюсь... А кстати, я вспомнилъ... Этотъ бѣдный Курдикъ... Какъ же его дѣло? Вы забросили словечко?

Чеботаевъ чуть не ударилъ себя ладонью по лбу. «Курдикъ, Курдикъ! Чортъ возьми! Вотъ чего я не могъ вспомнить»...

И пришлось соврать, если только Глауберъ повѣрилъ его лицу.

— Да, да, конечно... Мнѣ обѣщали навести справку...

— Справку? Ну, хорошо. Можетъ, къ тому времени, какъ они наведутъ справку, какъ разъ и сталелитейныя сыщутся. Я, знаете, даже и не думалъ, что ихъ такъ трудно достать. А вы, дорогой мой Максимъ Николаевичъ, поторопили бы ихъ со справкой. А то Курдику осталось четыре дня сроку и его уже изъ участка предупредили... Да, да, знаете... А я надѣюсь, что какъ разъ къ тому времени и сталелитейныя будутъ.

Банкиръ всѣми силами старался какъ можно точнѣе установить связь между акціями и Курдикомъ, и это было совершенно напрасно, такъ какъ Чеботаевъ давно уже уловилъ эту связь.

«Гм. гм...—подумалъ Глауберъ, проводивъ Чеботаева:—онъ, кажется, и не думалъ. Видно по глазамъ, что забылъ. А съ сталелитейными торопится. Не хотѣлъ бы, говоритъ, откладывать. Это хорошо. Это очень хорошо.

— Слушайте,—сказалъ онъ тихонько управляющему, пройдя въ контору:—сегодня же купите еще сталелитейныхъ... Ну, такъ, тысячи три... Только ужъ такъ, чтобы и съ неба не было видно.

VI.

«Ну, что за голова у меня,—думалъ Чеботаевъ, выйдя изъ банкирской конторы и направляясь по Невскому:—вѣдь ясное же дѣло, что бумаги онъ покупаетъ изъ-за этого Курдика. А я видѣлся и ни слова не сказалъ. Совершенно изъ головы вонъ... И вѣдь подумаешь, что все было бы уже улажено. А теперь надо ловить его. Пойти къ нему на службу, что ли?»...

Онъ рѣшилъ посѣтить своего штатскаго друга на его службѣ. Для всякаго обывателя это было не легко. Другъ былъ заваленъ работой, принималъ одинъ часъ утромъ и то съ большимъ разборомъ, а потомъ ужъ къ нему нельзя было подступиться. Но его принимали во всякое время. Онъ и взялъ такое направленіе, но на пути встрѣтился знакомый князь Ржевскій, съ которымъ онъ не видался нѣсколько лѣтъ, такъ какъ тотъ жилъ въ Москвѣ. Разговорились, князь затащилъ его къ себѣ въ гостиницу, тутъ былъ выработанъ планъ экстренныхъ похожденій на сегодняшній вечеръ, и Чеботаевъ самымъ искреннимъ образомъ забылъ о Курдикѣ.

Въ сущности, это было такъ естественно. Курдикъ совершенно не входилъ въ кругъ его обычной жизни. Если онъ и попадалъ случайно въ этотъ кругъ, то, не найдя тамъ для себя мѣста, скоро вываливался оттуда. Вывалился и теперь и не оставилъ никакого слѣда, такъ что, когда на другой день Максимъ Николаевичъ проснулся послѣ полудня, то въ головѣ его стоялъ только туманъ отъ вчерашняго кутежа съ княземъ, въ широкомъ размахѣ, на

московскій манеръ, а отъ Курдика не осталось и тѣни. И не вспомнилъ онъ о вчерашнемъ намѣреніи своемъ зайти къ штатскому пріятелю, у котораго въ рукахъ была судьба Курдика, и такъ прошелъ весь день, да и другой тоже.

А на третій день часовъ въ 12 дня онъ, передъ завтракомъ, гулялъ по Невскому. Навстрѣчу ему не шелъ, а бѣжалъ маленькій, необыкновенно подвижной брюнетъ, худой, смуглолицый, черноволосый. Глаза его сіяли, а на лицѣ такъ и било ключомъ страстное, неудержимое желаніе кому-нибудь разсказать что-то изумительное.

Чеботаевъ былъ знакомъ съ нимъ почти шапочно. Встрѣчался въ ресторанѣ и иногда случалось сидѣть за однимъ столикомъ и перекинуться парой фразъ.

Но это нисколько не помѣшало брюнету прямо накинуться на него. Онъ остановилъ Чеботаева, схватилъ тремя пальцами пуговицу его шубы и заговорилъ:

— Ахъ, можете себѣ представить! Что сдѣлали сталелитейныя... Говорятъ, заводъ получилъ огромный заказъ. Прямо сто милліоновъ... И сегодня сразу такъ и побѣжали наверхъ. Уже сейчасъ 138, а говорятъ... Говорятъ, дойдутъ до двухсотъ... Вы имѣете сталелитейныя? Нѣтъ? Ну, а я думалъ, вы продадите. Пойду искать, нѣтъ ли у Глаубера... Прощайте!

Онъ отпустилъ его пуговицу и побѣжалъ. Чеботаевъ не успѣлъ даже разспросить его. Да и что тутъ разспрашивать? Сталелитейныя пошли вверхъ. Заводу даны заказы на 18 милліоновъ, но горячая, воспріимчивая биржа уже превратила ихъ въ сотню. И теперь эта бумага будетъ героиней биржи и всѣхъ банкирскихъ конторъ. Вотъ и этотъ бѣгаетъ по городу и у каждаго встрѣчнаго пытается купить сталелитейныя. А онъ? Въ самомъ дѣлѣ—владѣетъ ли онъ сталелитейными? Вѣдь онъ опять забылъ про этого Курдика! Ну, что за голова! Развѣ можно жить на свѣтѣ съ такой головой? Вѣдь тогда онъ шелъ съ намѣреніемъ говорить о Курдикѣ, но встрѣтился князь и отвлекъ его мысли. А теперь, теперь... не поздно ли?

«Говоритъ, дойдутъ до двухсотъ»... Вѣдь это значитъ, что ему улыбались три тысячи рублей, которыя въ данный моментъ какъ нельзя лучше устраивали его дѣла.

Была мысль забѣжать къ Глауберу, но вдругъ стало совершенно ясно, что тамъ первый вопросъ будетъ: а Курдикъ? И онъ рѣшилъ итти къ своему штатскому другу.

Тамъ его сейчасъ же приняли. Другъ встрѣтилъ его радостнымъ восклицаніемъ.

— А, счастливецъ! Надѣюсь, вы пришли поблагодарить меня за хорошій совѣтъ. Вѣдь заказъ дѣйствительно данъ...

— Ахъ, милый, это все зависитъ отъ васъ!..—сказалъ, видимо, разстроеннымъ голосомъ Чеботаевъ.

— Какъ? И еще отъ меня? Но я уже больше ничего не могу сдѣлать.

— Можете. Въ банкирской конторѣ служитъ нѣкій молодой человѣкъ, племянникъ банкира Глаубера. Онъ не имѣетъ права жительства въ столицѣ и долженъ на дняхъ уѣхать. Ну, вотъ и окажите мощное содѣйствіе. Устройте, чтобы онъ получилъ это право...

— Гм... Подобнаго рода содѣйствіе я не люблю оказывать. Но вамъ это необходимо?

— Это устроитъ всѣ мои дѣла.

— На сегодня?

— Нѣтъ, на гораздо большій срокъ.

— Эхъ, Максимъ Николаевичъ, какъ вы прескверно устроились! А могли бы, могли бы... Могли бы въ свое время устроиться такъ, что не вы у меня, а я у васъ просилъ бы мощнаго содѣйствія. Ну, ладно ужъ. Въ какомъ участкѣ живетъ вашъ этотъ молодой человѣкъ?

— Сейчасъ спрошу.—Онъ взялъ телефонную трубку и попросилъ соединить его съ конторой Глаубера, но попалъ въ кабинетъ банкира, и ему отвѣтилъ самъ Глауберъ!

— А, Максимъ Николаевичъ! Чѣмъ могу служить?—послышался осторожный голосъ банкира.

— Прежде всего: въ какомъ участкѣ живетъ вашъ этотъ Курдикъ?

— А! Курдикъ? Онъ уже вторично уложилъ свои вещи въ чемоданъ. Вчера изъ участка ему приказано выѣхать въ 24 часа...

— Этотъ приказъ сію минуту будетъ отмѣненъ. А какой участокъ?

Глауберъ назвалъ участокъ.

— Такъ вы, господинъ Глауберъ, черезъ десять минутъ позвоните въ участокъ и справьтесь. А какъ мои сталелитейныя?

— А заходите въ контору. Тогда и увидимъ. Я еще сорокъ минутъ буду здѣсь...

Все было ясно. Штатскій другъ по телефону распорядился не тревожить Курдика, а Чеботаевъ пожалъ его руку и поѣхалъ въ контору. Глауберъ встрѣтилъ его широкой улыбкой. Онъ уже звонилъ въ участокъ и получилъ полное удовлетвореніе.

— Нашлись, нашлись-таки сталелитейныя, мой дорогой Максимъ Николаевичъ. Имѣются на вашемъ онколѣ. Вамъ остается приказать, что съ ними дѣлать...

— Пятьдесятъ штукъ?—спросилъ Чеботаевъ.

— Ужъ, извините, любезнѣйшій Максимъ Николаевичъ,—я на свой страхъ превысилъ полномочія. Можете бранить меня, можете казнить. А только я подумалъ: пятьдесятъ акцій, это хорошо. Но когда акція, какъ воздушный шаръ, летитъ вверхъ, такъ что

ее и не удержишь, то сто акцій лучше, чѣмъ пятьдесятъ. И я купилъ вамъ сто!..

Само собою разумѣется, что Чеботаевъ горячо пожалъ руку банкира. Сталелитейныя дѣйствительно въ одну недѣлю поднялись на шестьдесятъ рублей, и Чеботаевъ заработалъ на нихъ чистыхъ шесть тысячъ. Что Глауберъ положилъ въ свою кассу около полумилліона, это было въ порядкѣ вещей.

Но самымъ счастливымъ человѣкомъ во всей этой исторіи былъ, конечно, Курдикъ. Во-первыхъ, онъ остался въ Петербургѣ, и Гомель окончательно сдѣлался для него страной пріятныхъ воспоминаній; а, во-вторыхъ, Глауберъ на радостяхъ, по родственному, подарилъ ему маленькую сумму и сказалъ:

— Если ты на эти деньги будешь понемножку играть на биржѣ, то прежде, чѣмъ купить или продать какую-нибудь бумагу, чуточку взгляни на меня, и ты никогда не сдѣлаешь ошибки. Только теперь ты, Курдикъ, больше не будешь завтракать со мной. Развѣ ужъ, что когда-нибудь банкиромъ сдѣлаешься: ну, тогда другое дѣло...

И. Потапенко.

ЭПИЗОДЫ ИЗЪ МОЕЙ ЖИЗНИ.

Первый эпизодъ.

НАЧИНАЮ свои воспоминанія съ года смерти моей матери, умершей въ 1854 году, когда мнѣ было одиннадцать лѣтъ.

Квартира наша была въ Соляномъ переулкѣ. Тотчасъ, какъ обнаружилась злокачественная болѣзнь матери (холера), четырехъ младшихъ дѣтей, въ числѣ коихъ состоялъ и я, переселили въ квартиру тетки Ел. Андр. Шобертъ, жившей въ то время на Васильевскомъ Островѣ, по Второй линіи, въ домѣ Шилле. Послѣ похоронъ матери отецъ переѣхалъ также на временное житье съ нами къ тетушкѣ и вскорѣ отъ перенесенной тяжкой утраты и простуды самъ слегъ въ постель. Были дни, когда жизнь его была въ серьезной опасности. Въ то время ему было пятьдесятъ девять лѣтъ. Всѣхъ дѣтей отъ второго его брака съ нашей матерью было шесть. Старшій, Николай, былъ въ горномъ институтѣ, второй, Петръ, въ училищѣ правовѣдѣнія, затѣмъ единственная дочь Александра, которую имѣлось въ виду опредѣлить въ Смольный институтъ, я, Ипполитъ, одиннадцати лѣтъ, и два четырехлѣтніе близнеца, Анатолій и Модестъ.

Будучи по природѣ добрымъ и любвеобильнымъ вообще, отецъ боготворилъ своихъ дѣтей, и потому былъ очень огорченъ запрещеніемъ доктора не допускать къ нему дѣтей, изъ опасенія растревожить его ослабѣвшія силы. Послѣ я узналъ, что отецъ, задумываясь о своей смерти, хотѣлъ при жизни опредѣлить мою судьбу, мальчика одиннадцати лѣтъ, котораго пора было помѣстить

въ одно изъ учебныхъ заведеній, но въ какое? Геройская въ то время боевая служба нашихъ черноморскихъ моряковъ въ Севастополѣ, настолько выдвинула впередъ флотскую службу передъ другими родами службы, что у отца зародилась мысль сдѣлать изъ меня моряка, но къ окончательному рѣшенію онъ не приходилъ, такъ какъ прежде предполагалъ опредѣлить меня въ училище правовѣдѣнія или горный институтъ, такъ какъ самъ былъ горнымъ инженеромъ. Помогъ ему разрѣшить этотъ вопросъ старшій братъ отца, а нашъ дядя Петръ Петровичъ.

Прежде, чѣмъ разсказать, какъ дядя помогъ отцу моему разрѣшить задачу судьбы моей, я скажу два слова объ отличительныхъ чертахъ характера дяди. Старый отставной, георгіевскій боевой генералъ, израненный пулями и штыками въ пятидесяти двухъ бояхъ турецкихъ кампаній 1804 и 1814 годовъ и во французскихъ 1805, 1812 и 1814 годовъ, закаленный боями, онъ не былъ склоненъ къ нѣжностямъ, что, однако, не мѣшало ему быть добрымъ и ласковымъ. Строго-религіозный, въ вопросахъ своей жизни онъ подчинялся во всемъ волѣ Божіей и никогда не роптalъ на посылаемыя ему испытанія. Въ царствованіе императора Александра I, будучи полковникомъ въ должности коменданта въ Севастополѣ, онъ былъ разжалованъ въ солдаты за то, что передъ фронтомъ потребовалъ на церковномъ парадѣ отъ командовавшаго парадомъ генерала отданія себѣ чести, какъ коменданту, но вскорѣ онъ снова вернулъ себѣ монаршую милость и прежній свой офицерскій чинъ.

Къ отцу моему, бывшему моложе его всего на четыре года, дядя относился покровительственно. Уморительно было слышать, какъ въ миролюбивыхъ спорахъ этихъ двухъ почтенныхъ стариковъ-генераловъ на седьмомъ десяткѣ лѣтъ дядя, отстаивая свой взглядъ, съ улыбкою говорилъ моему отцу: «ахъ ты, молокососъ». Дядя всю жизнь страдалъ отъ ранъ и въ особенности перебитою ногою, не дававшей ему спокойно спать. Никого не тревожа, въ часы безсонной ночи онъ оставлялъ постель и проводилъ ночь, сидя въ креслѣ. Если кому доставалось, такъ это его любимой трубкѣ съ жуковскимъ табакомъ, которую въ этихъ случаяхъ онъ не выпускалъ изо рта, но на утро его можно было видѣть уже бодрымъ, въ форменномъ, исполнявшемъ роль халата генеральскомъ пальто съ георгіевской ленточкой въ петлицѣ, въ теплыхъ сафьяновыхъ сапожкахъ, причесаннымъ и всегда опрятно одѣтымъ. Съ женою и взрослыми дѣтьми, которыхъ очень любилъ, нѣжностей не допускалъ, никогда не называлъ ихъ уменьшительными именами, а полнымъ именемъ. Слезы я видѣлъ у него только во время смѣха, и только единственный разъ обильныя слезы умиленія, когда онъ встрѣтилъ въ 1854 году въ Ораніенбаумѣ отдававшаго ему честь заслуженнаго золотой роты унтеръ-офицера, въ которомъ призналъ своего солдата, участвовавшаго съ нимъ въ бояхъ венгерской кампаніи. Вотъ этотъ-то милый

мнѣ дядя пришелъ навѣстить больного отца, который на случай своей смерти повѣдалъ ему заботы свои о дѣтяхъ вообще и въ частности о необходимости рѣшить вопросъ о помѣщеніи меня въ одно изъ учебныхъ заведеній. «Мой совѣтъ,—отвѣчалъ дядя:—надо обратиться къ Богу. Сдѣлаемъ три билетика, на одномъ напишемъ училище правовѣдѣнія, на другомъ—горный корпусъ и на третьемъ—морской корпусъ, и положимъ на образъ (образъ былъ угловой и на значительной высотѣ). Помолимся Богу, призовемъ Ипполита, предложимъ ему взять одинъ изъ билетиковъ и поступимъ такъ, какъ будетъ опредѣлено самимъ Господомъ». Сказано—сдѣлано.

При домѣ Шилле былъ обширный дворъ, подъѣздъ квартиры выходилъ въ палисадникъ, а отъ него шелъ дворъ, на которомъ беззаботно играли два малыша-близнецы въ траурныхъ рубашкахъ, а мы съ сестрой неподалеку отъ нихъ сидѣли въ палисадникѣ на скамейкѣ и, подъ гнетомъ дѣтскаго страха къ шопотливымъ разговорамъ тетушки и окружающихъ тяжко больного отца, задумывались, неужели и отецъ умретъ. Сидѣли молча, какъ вдругъ за спиною моей раздался громкій голосъ дяди: «Ипполитъ, тебя зоветъ отецъ!» Отъ неожиданности, застигнутый на мысляхъ о тяжкомъ предположеніи потерять отца, я обомлѣлъ, но вторичный повелительный тонъ дяди итти къ отцу заставилъ меня тотчасъ же исполнить это требованіе. Помню, какъ сейчасъ: при входѣ въ комнату, гдѣ лежалъ отецъ, мысли мои были настроены, что онъ умираетъ и меня зовутъ съ нимъ прощаться, шелъ я на цыпочкахъ, отыскивая глазами кровать отца. Когда я увидалъ его блѣдное, истомленное лицо, сердце сжалось при воспоминаніи недавно мертваго лица матери и цѣлованія ея мертвыхъ, холодныхъ рукъ съ трупнымъ запахомъ. «Неужели?..» думалось мнѣ; но, войдя въ зрѣніе отца и увидавъ его ласковый взглядъ, я бросился къ нему и припалъ къ его теплой рукѣ. «Довольно, довольно,—сказалъ дядя:—не безпокой отца, а теперь иди къ образу и усердно молись Богу, чтобы Онъ указалъ тебѣ твой путь въ жизни». Я такъ былъ далекъ отъ думъ о себѣ, что все происходившее относилъ къ болѣзни отца и усердно по-дѣтски молился о немъ. Твердый голосъ дяди прервалъ мою молитву. «Возьми стулъ, поставь ближе къ образу и влѣзь на стулъ. Видишь три билета? Возьми одинъ изъ нихъ». Я было протянулъ руку къ образу, но дядя повелительно крикнулъ: «перекрестись». Я перекрестился. «Теперь бери». Я взялъ. «Прочти, что написано на билетѣ». Я прочиталъ: «морской корпусъ». Судьба моя была рѣшена. Черезъ двѣ недѣли послѣ этого оправившійся отъ болѣзни отецъ отвезъ меня въ морской корпусъ, директоромъ котораго былъ Б. А. Глазенапъ. Я въ канцеляріи морского корпуса; отецъ подводитъ меня къ сѣдовласому съ рыжимъ оттѣнкомъ волосъ контръ-адмиралу. То былъ помощникъ директора корпуса Степанъ Степановичъ Нахимовъ. Взглянувъ на меня привѣтливо и взявъ отъ

отца документы, объявилъ, что послѣ вступительнаго экзамена могу быть принятъ въ малолѣтнюю роту приготовительнаго класса. Черезъ нѣсколько дней послѣ поверхностнаго экзамена и докторскаго осмотра отецъ привезъ меня въ корпусъ и сдалъ ротному командиру. Выстригли, одѣли въ куртку безъ погонъ, которые давались только по изученіи строевыхъ пріемовъ, и выпустили въ роту. Войдя робко въ толпу кадетъ, я тотчасъ же подвергся экзамену, каждому долженъ былъ говорить свою фамилію, и когда мнѣ надоѣло отвѣчать, получилъ нѣсколько подзатыльниковъ. Заревѣлъ. Нашлись защитники, привели «старикашку» [1]), онъ отпустилъ двѣ плюхи моему обидчику, и кадетская жизнь началась. Много пережилъ дурного, но и много хорошаго за восемь лѣтъ. Забываю первое и постараюсь припомнить только хорошее.

Второй эпизодъ.

Лучшихъ двухъ учениковъ, записанныхъ на красную доску и хорошаго поведенія, назначали играть во дворцѣ съ царскими дѣтьми. Я не принадлежалъ къ числу хорошо учившихся, но поведенія былъ хорошаго. Мальчикъ я былъ стройный и довольно благообразный и этого было достаточно, чтобы попасть изъ ста пятидесяти кадетъ своей роты въ число счастливыхъ двухъ. Появилось ласковое отношеніе начальства Сняли новую мѣрку для шитья новаго мундира, ротный командиръ капитанъ-лейтенантъ Нордштейнъ, котораго прозывали «козявкой», по существу добрый человѣкъ, но у котораго часто дребезжащимъ голосомъ срывалось къ шалунамъ: «я тебѣ высѣку», сдѣлался ко мнѣ благосклоннымъ.

Возили кадетъ во дворецъ по воскресеньямъ вечеромъ. Въ субботу утромъ въ присутствіи командира роты была примѣрка новаго мундира и пригонка опойковыхъ сапогъ. Старшій закройщикъ, стоя на колѣняхъ (я былъ очень малаго роста), поворачивалъ меня передъ собою, и на замѣчанія ротнаго командира: «здѣсь ушить», «тутъ подложить», дѣлалъ на мнѣ какіе-то знаки мѣломъ. Окончивъ эту процедуру, я замѣтилъ на себя испытующій взглядъ ротнаго командира, который, тронувъ пальцемъ мою щеку, спросилъ меня, почему я блѣденъ, и здоровъ ли я. Понявъ, что блѣдность можетъ послужить отмѣною моей поѣздки, я отвѣчалъ, что я совершенно здоровъ. Отпустивъ меня «за корпусъ» (такъ называли отпускъ изъ корпуса домой), мнѣ дали приказаніе явиться на другой день, т. е. въ воскресенье, къ шести часамъ вечера.

Съ утра я волновался, боясь предстать блѣднымъ передъ Нордштейномъ, часто посматривалъ въ зеркало и, чтобъ вызвать ру-

[1]) Избранный товарищами, имѣвшій право расправляться своими кулаками безаппеляціонно.

мянецъ, теръ щеки ладонью. Ровно въ шесть часовъ я былъ въ корпусѣ и въ семь часовъ стоялъ въ арсеналѣ роты въ опойковыхъ сапогахъ и новомъ мундирчикѣ съ высокимъ воротникомъ на четыре крючка. При входѣ ротнаго командира я быстро потеръ щеки, и когда онъ, подойдя ко мнѣ, повелительно приказалъ подобрать подбородокъ въ воротникъ, я самъ почувствовалъ приливъ крови къ головѣ и счастливыми глазами смотрѣлъ на улыбающагося К. П. Нордштейна, который, какъ новичку, дѣлалъ мнѣ наставленія, какъ себя держать во дворцѣ и въ случаѣ надобности обращаться за совѣтомъ къ офицеру, назначенному состоять при насъ. Мой сверстникъ Т. былъ уже опытный кадетъ, бывалый на играхъ царскихъ дѣтей, а потому съ нимъ не нянчились, а за меня, новичка, К. П. Нордштейнъ, видимо, волновался. Мы подъѣхали въ корпусной каретѣ (обслуживающей начальство) къ Комендантскому подъѣзду Зимняго дворца. Раздѣваніе, обдергиваніе мундирчиковъ, приглаживаніе головъ. Мы идемъ по парадной лѣстницѣ наверхъ, анфилада коридоровъ, комнатъ, и наконецъ мы въ какой-то большой комнатѣ, уставленной гимнастикой и деревянной батареей, гдѣ уже группами собрались около двадцати человѣкъ кадетъ другихъ корпусовъ. Нашъ офицеръ подводитъ насъ къ высокому почтенному генералъ-адъютанту, то былъ воспитатель наслѣдника Николая Александровича Георгій Ѳедоровичъ Гогель. Спросивъ наши фамиліи и сдѣлавъ замѣчаніе офицеру, что мы доставлены съ нѣкоторымъ опозданіемъ, такъ какъ военная игра уже началась, онъ здѣсь же назначилъ меня въ отрядъ наслѣдника Николая Александровича, къ которому повели меня подъ конвоемъ, какъ военноплѣннаго. Помню, какъ я предсталъ передъ красивымъ, очаровательнымъ отрокомъ съ большими выразительными ласковыми глазами. Спросивъ фамилію и вручивъ мнѣ ружье, наслѣдникъ повелъ меня въ комнату, гдѣ была устроена дѣтская гауптвахта. При появленіи наслѣдника часовой далъ звонокъ, крикнулъ «вонъ», и нарядъ гауптвахты малышей подъ командою какого-то болѣе возрастнаго кадета, командовавшаго карауломъ, выстроился для отданія чести. На правомъ флангѣ стоялъ горнистъ и барабанщикъ, первый—былъ великій князь Александръ Александровичъ, второй—сынъ генералъ-адъютанта Гогеля Гриша. Сдавъ меня въ нарядъ гауптвахты, начали готовиться къ смѣнѣ караула и затѣмъ къ церемоніальному маршу, который долженъ былъ произойти передъ государемъ, обѣщавшимъ дѣтямъ прійти на наши игры. Кто изъ насъ, мальчиковъ, не увлекался барабаномъ и не пытался на игрушечномъ барабанѣ изображать себя настоящимъ барабанщикомъ? Инструментъ этотъ, если его только можно такъ называть, всегда, и даже по сію пору, мнѣ нравился и нравится. Хорошая, отчетливая дробь съ перебоями темпа и ритма съ piano и forte доставляетъ мнѣ большое удовольствіе слушать и смотрѣть на

манеры искуснаго барабанщика, красиво работающаго своими палочками. Мнѣ казалось въ дѣтствѣ, что это искусство требуетъ даже особаго таланта, доступнаго только взрослому человѣку, а тѣмъ болѣе игра на горнѣ, и я былъ пораженъ, когда Гриша Гогель на настоящемъ, а не игрушечномъ барабанѣ вмѣстѣ съ великимъ княземъ Александромъ Александровичемъ на горнѣ исполнили настоящую «зорю». Покойный императоръ Александръ III въ дѣтствѣ былъ скромнымъ мальчикомъ, не претендовалъ въ играхъ на должность начальника, а предпочиталъ скромную роль горниста. Чтобы доставить удовольствіе гостямъ кадетамъ, генералъ Гогель просилъ великаго князя Александра Александровича исполнить намъ различные, знакомые уже намъ строевые сигналы, начиная съ «слушайте вы, разсыпься, молодцы, за камни и кусты по два въ рядъ» и многіе другіе, а Гриша Гогель исполнялъ различные марши и даже съ перекидываніемъ палокъ. Мы диву давались такому искусству. Появленіе офицеровъ, состоявшихъ воспитателями при великихъ князьяхъ, и громкое воззваніе ихъ готовиться къ церемоніалу вызвало въ насъ новое вниманіе. Помню, что всѣхъ поставили во фронтъ по ранжиру. Наслѣдникъ, принявшій на себя начальство, живо разбилъ насъ на маленькіе взводы по шести человѣкъ, такъ какъ насъ было не особенно много, да и двери анфиладныхъ комнатъ, черезъ которыя долженъ былъ прослѣдовать церемоніалъ, не позволили бы пройти фронту болѣе трехъ рядовъ. Состоявшій воспитателемъ дѣтей, не упомню хорошо—Ольденбургскихъ или Лейхтенбергскихъ—полковникъ гвардейской артиллеріи взялъ на себя организацію оркестра. Въ одной изъ комнатъ стоялъ рояль, самъ полковникъ игралъ маршъ на фортепіано, а ему помогали Гогель на барабанѣ и кто-то на тарелкахъ, а на турецкомъ барабанѣ какой-то мальчикъ въ партикулярной рубашкѣ, не попадавшій ударами въ тактъ марша. Я стоялъ рядомъ, съ завистью смотрѣлъ на турецкій барабанъ, и мои невольныя движенія тѣломъ въ тактъ марша обратили вниманіе полковника, и онъ, обратясь къ мальчику и назвавъ его высочествомъ, предложилъ ему передать мнѣ барабанъ. Я съ радостью бросился отнимать турецкій барабанъ, но мальчикъ такъ грозно меня оттолкнулъ и такъ строго взглянулъ на мою смѣлость, что я тотчасъ же отказался отъ удовольствія, которое такъ близко у меня было! Мнѣ кажется, я не ошибусь, если скажу, что мальчикъ этотъ былъ принцъ А. П. Ольденбургскій.

Появленіе государя въ дѣтскихъ комнатахъ было всеобщею радостью. Обаятельная наружность его, чудное ласковое отношеніе къ дѣтямъ сразу дало понять нашей дѣтской душѣ, что это не только царь, но и чудной души человѣкъ. Несмотря на дефекты турецкаго барабана, церемоніальный маршъ прошелъ съ дѣтскою напущенною серьезностью и удостоивался одобренія стоявшаго въ одной изъ анфиладныхъ комнатъ государя, на которое мы старательно кричали: «рады стараться, ваше императорское величество!»

Послѣ марша государь пожелалъ играть съ нами въ атаку батареи. Насъ раздѣлили на двѣ партіи—осаждающихъ и осажденныхъ. Въ комнатѣ, гдѣ была изображена батарея высотою въ три аршина, происходилъ бой мячами изъ пузырей, обтянутыхъ кожею. Я и мой товарищъ Т. попали въ партію осаждающихъ и были счастливы, когда государь принялъ участіе въ нашей партіи. Онъ вмѣстѣ съ нами съ веселою улыбкою бросалъ мячи въ смѣльчаковъ, выглядывавшихъ изъ-за бруствера батареи, мы помогали ему, подавая мячи, и онъ смѣялся отъ души, когда мячъ ловко попадалъ въ рѣзваго бойца. Не прошелъ, однако, этотъ бой безъ крови. Мячъ осажденныхъ попалъ въ лицо товарища Т. вызвалъ кровотеченіе изъ носа, что, однако, молодцу Т. не помѣшало черезъ нѣкоторое время снова вступить въ игру. Послѣ боя насъ напоили чаемъ, во время котораго я сошелся въ бесѣдѣ съ великимъ княземъ Николаемъ Максимиліановичемъ, а также удостоился ласковаго вниманія наслѣдника, выразившаго желаніе, чтобы я пріѣзжалъ непремѣнно въ слѣдующій вечеръ, и тутъ же просившаго генералъ-адъютанта Гогеля заявить о томъ моему корпусному начальству. Я былъ несказанно счастливъ. Давъ намъ отдохнуть и охладиться послѣ игръ, намъ каждому выдали по фунту конфетъ (дворцоваго производства) и отпустили по корпусамъ, при чемъ наслѣдникъ подходилъ къ каждому изъ насъ, благодарилъ и прощался съ каждымъ отдѣльно.

Третій эпизодъ.

Второй разъ привезенный для игры во дворецъ, я былъ встрѣченъ наслѣдникомъ цесаревичемъ, какъ старый ему знакомый. На этотъ разъ, кромѣ кадетъ, было много и постороннихъ дѣтей. Чадолюбивый государь и на этотъ разъ посѣтилъ дѣтей. Послѣ военныхъ игръ, какъ и въ первый разъ, кто-то предложилъ играть въ petits-jeux. Наслѣдникъ и великіе князья тотчасъ же окружили царя-отца и стали просить его согласиться участвовать въ игрѣ. Получивъ согласіе, дѣти въ восторгѣ бросились устанавливать въ одной изъ комнатъ стулья. Помню чудную фигуру государя съ дивнымъ ласковымъ взглядомъ; только со временемъ я понялъ, что царь отдыхалъ отъ государственныхъ заботъ и работъ въ кругу счастливыхъ беззаботныхъ дѣтей. Началась игра въ «сижу, посижу, у кого сижу» и др. и между прочимъ игра, въ которой одинъ изъ участвовавшихъ по очереди задумывалъ одного изъ присутствующихъ, а другой назначалъ, что ему дѣлать. Кто-то изъ великихъ князей задумалъ стоявшаго у дверей стараго заслуженнаго солдата-«дядьку», лѣвая рука котораго было покрыта золотыми шевронами, а грудь орденами и медалями . Называли его великіе князья сокращеннымъ именемъ, не то Никитичъ, не то Архипычъ. На вопросъ, что тому дѣлать, кого задумали, получился отвѣтъ: «сѣсть въ кругъ игръ».

Наслѣдникъ и великіе князья мигомъ бросились къ почтенному и, видимо, любимому старику и потащили его въ кругъ разставленныхъ стульевъ. Старикъ, смущенный присутствіемъ государя, всѣми силами отбоярывался. Замѣтивъ смущеніе старика, государь сказалъ: «ничего, братецъ, не подѣлаешь, видишь, и я ихъ слушаюсь, садись». Старикъ подошелъ къ стулу, но не садился, пока государь повелительнымъ жестомъ не приказалъ ему сѣсть и пока дѣти силою не посадили его, что, однако, не помѣшало ему покачать головой, какъ бы говоря: «не порядокъ задумали, дѣти». Къ сценѣ этой всѣ дѣти отнеслись съ умиленіемъ и восторгомъ, видя государя и сидящаго неподалеку отъ него солдата.

Четвертый эпизодъ.

Въ лѣтнее время кадеты старшихъ двухъ ротъ, гардемаринской и первой роты, назначались для практическихъ плаваній на корабли Балтійскаго флота. Кадеты младшихъ ротъ распускались подомамъ, а не имѣвшіе въ Петербургѣ родныхъ назначались въ лѣтніе бараки, находившіеся за Ораніенбаумомъ по дорогѣ къ Красной горкѣ. Благодаря отдаленному свойству съ адмираломъ Е. А. Беренсомъ, командовавшимъ въ 1856 году эскадрою, меня второй роты назначили въ практическое плаваніе, которое было для меня первымъ, при чемъ я попалъ въ группу кадетъ первой роты, назначенныхъ на флагманскій корабль «Выборгъ», командиромъ котораго былъ капитанъ 1-го ранга М. О. Дюгамель, а старшимъ офицеромъ герой Севастополя свиты Его Величества капитанъ-лейтенантъ Бирилевъ. Будучи ловкимъ, живымъ мальчикомъ, я понравился командиру, который взялъ меня подъ свое покровительство, назначивъ меня стоять около него во время авральныхъ работъ, для посылокъ по порученіямъ. Лейтенанту, въ вахтѣ котораго я состоялъ, это покровительство не нравилось, и потому придиркамъ ко мнѣ на его вахтѣ не было конца. Не такъ отвѣтилъ, не такъ повернулся, снялъ шапку (тогда отдавали честь офицерамъ, снимая фуражки), и онъ сажалъ меня за наказаніе на салингъ (наверху мачты). А первое время, охъ, какъ жутко было лазить по брамъ-вантамъ и еще жутче сидѣть на салингѣ. Помню, какъ, просидѣвъ однажды продолжительное время, я увидѣлъ, что адмиралъ вышелъ походить по юту. Лейтенантъ, зная, что я нахожусь подъ покровительствомъ адмирала, скомандовалъ: «съ салинга долой!» Я сталъ спускаться, но нѣсколько вяло. Лейтенантъ приказалъ быстрѣе, я по мѣрѣ силъ своего въ то время очень малаго роста, изъ страха упасть старался своими маленькими ногами попадать на выблинку. Лейтенантъ сердился и кричалъ: «живо спускаться!» а когда я соскочилъ на палубу, подозвалъ къ себѣ и началъ читать наставленія. Я оправдывался и, не выдержавъ, сказалъ сквозь слезы, что онъ ко мнѣ на-

прасно придирается. Не успѣлъ произнести этихъ словъ, какъ получилъ снова приказъ лѣсть на гротъ-салингъ. Адмиралъ, не переставшій ходить по юту, остановился и сталъ смотрѣть на происходившую сцену. Понимая, что ослушаться нельзя, я началъ снова подыматься, но уже совсѣмъ тихо, такъ какъ слезы заслоняли зрѣніе, руки же, которыми бы я могъ утереть ихъ, были заняты, я усиленно мигалъ и потряхивалъ головой, чтобы сбросить слезы, промахнулся ногой и сѣлъ на выблинку. Взглянувъ на вахтенную площадку, я увидѣлъ адмирала, говорившаго съ лейтенантомъ, державшимъ руку подъ козырекъ, а затѣмъ услышалъ команду «съ вантовъ долой» и свистокъ вахтеннаго унтеръ-офицера. На слѣдующій день меня перевели въ вахту старшаго лейтенанта С.

Мое первое плаваніе на «Выборгѣ», несмотря на преслѣдованіе моего бывшаго вахтеннаго лейтенанта, въ общемъ было для меня наслажденіемъ. Благодаря вниманію старшаго лейтенанта С., я скоро выучился отлично гресть, править рулемъ и даже вызывалъ одобрительныя улыбки у адмирала и командира, когда, сидя на капитанскомъ катерѣ на рулѣ, я зычнымъ контральтовымъ голосомъ командовалъ: «отваливай», «весла!», «на воду», или, лихо приставая выкрикивалъ: «крюкъ!» и «шабашъ!»

Въ скоромъ времени и озлобленный на меня лейтенантъ переложилъ свой гнѣвъ на милость, и мнѣ жилось на кораблѣ прекрасно. Въ числѣ команды корабля былъ юнкеръ Е. Беренсъ, племянникъ адмирала. Этотъ милый и добрый юноша относился ко мнѣ дружески, я отвѣчалъ ему тѣмъ же. У Е. Беренса была маленькая прехорошенькая обезьянка съ выразительными глазками (корабль «Выборгъ» только что вернулся изъ плаванія по Средиземному морю), любили они другъ друга до чрезвычайной трогательности. Надо было видѣть горе Е. Беренса, когда во время стоянки корабля въ Кронштадтѣ обезьянка пропала. Искали по всему кораблю общую любимицу, но нигдѣ не находили. Прошелъ день, два, обезьяна не обнаруживалась. Е. Беренсъ сдѣлался совсѣмъ грустнымъ, точно потерялъ близкаго человѣка. Эскадрѣ предстояло итти въ Ревель. Начались приготовленія къ отъѣзду. Здѣсь умѣстно сказать, что въ описываемое время деревянные корабли наши были парусные, но имѣли для входа и выхода въ гавани и боевыхъ эволюцій вспомогательныя машины съ гребнымъ винтомъ, который при плаваніи подъ парусами разобщался отъ вала и подымался въ особо устроенномъ колодцѣ, чтобы винтъ не тормозилъ скорость хода корабля. Приготовляясь къ съемкѣ, механикъ со своей командой пришелъ осмотрѣть колодезь, и какъ только сняли крышку съ него, оттуда выскочила несчастная, совершенно ослабѣвшая обезьянка. Надо предполагать, что, упавъ въ воду, она доплыла до руля, а оттуда по руль-шкентелямъ добралась до колодца и, вскарабкавшись до самаго верха, не имѣя возможности проникнуть

на палубу, два дня съ половиною сидѣла на одномъ изъ выступовъ колодца. Немедля дали знать С. Беренсу, и сцена встрѣчи произошла глубоко трогательная. Очутившись на рукахъ своего любимаго хозяина, она загоготала, хватала своими маленькими лапенками его лицо и прижималась, какъ ребенокъ, трогательно пищала отъ радости и, въ свою очередь, растрогала его до слезъ.

Повышенное радостное настроеніе отъ жизни на кораблѣ по временамъ, однако, омрачалось тяжелыми сценами тѣлесныхъ наказаній. Теперь, когда пишу, при одномъ воспоминаніи, по старческой спинѣ моей пробѣгаетъ дрожь. Не буду говорить о тѣхъ ежедневныхъ истязаніяхъ, которыя по волѣ каждаго мичмана производились линьками на бакѣ по голой спинѣ провинившагося! Большинство офицеровъ того времени бравировали своей черствою властью, наказывая матросовъ за самыя ничтожныя провинности, выкрикивая вахтеннаго боцмана и величаво командуя дать такому-то 15 или 25 линьковъ, приказывая нашему брату гардемарину или кадету присутствовать при экзекуціи. Особеннымъ злодѣемъ на кораблѣ отличался младшій лейтенантъ, который для удовлетворенія своей жестокости просилъ своихъ товарищей, вахтенныхъ офицеровъ, экзекуціи линьками оставлять на его вахту. Позже я слышалъ, что лейтенантъ этотъ наказывая кока (поваръ) штурманскихъ кондукторовъ линьками, видя, что тотъ терпѣливо выноситъ удары, приказалъ боцманамъ бить по нѣжнымъ частямъ тѣла. Несчастный «кокъ», не выдержавъ, бросился на офицера съ намѣреніемъ его ударить, но, не допущенный боцманами, обругалъ лейтенанта отборными словами и въ результатѣ пошелъ въ арестантскія роты.

Помню также мое отчаянное удивленіе въ слѣдующемъ году практическаго плаванія на другомъ кораблѣ, когда, вернувшись съ берега, узналъ, что на бакѣ идетъ экзекуція въ присутствіи старшаго офицера. Меня, мальчика добраго отъ природы, не выносившаго жестокаго обращенія съ людьми, неотразимо влекло взглянуть на происходившее на бакѣ, откуда слышались крики наказуемыхъ. Протиснувшись черезъ толпу любопытныхъ, я очутился на виду старшаго офицера. По срединѣ бака стояли наказуемый, голый по поясъ, съ откинутыми руками за шею, и два дюжихъ боцмана, изловчившихся хлестко наносить удары по спинѣ линьками. Я невольно взглянулъ на старшаго офицера, удивляясь его наружному спокойствію. Глаза наши встрѣтились, и я мигомъ убѣжалъ въ констапельскую (кормовое помѣщеніе для кадетъ въ нижней батареѣ) съ неотвязчивымъ вопросомъ: неужели такое наказаніе необходимо? Черезъ полчаса меня потребовалъ къ себѣ старшій офицеръ и сдѣлалъ мнѣ наставленіе, что въ мои годы не слѣдуетъ искать зрѣлищъ тѣлесныхъ наказаній и что появленіе мое на бакѣ во время экзекуціи показываетъ, что я мальчикъ жестокій. Отчаянное удивле-

ніе мое и слѣды вынесеннаго мною ужаса убѣдили его, что появленіе мое на бакѣ было не простое любопытство, а мучительное желаніе взглянуть на варварскія наказанія, съ которыми мнѣ предстояло считаться въ будущемъ.

— Вы должны понять,—прибавилъ онъ:—что мы исполняемъ эти наказанія въ силу необходимости, по долгу службу.

Такое поясненіе меня не удовлетворило, но покоряло съ неизбѣжною необходимостью служебной суровости. Вѣдь насъ въ этомъ духѣ воспитывали въ корпусѣ!

Не забуду, какъ въ первый годъ моего вступленія въ малолѣтнюю роту морского корпуса насъ поставили во фронтъ, передъ которымъ стояла скамейка, покрытая простынею, и рядомъ съ нею, на полу, охапка свѣжихъ розогъ, около которыхъ стояли четыре солдата нашего корпуса, каптенармусъ и докторъ. Вошедшій ротный командиръ, поздоровавшись съ нами, объявилъ, что воспитанникъ Воронцовъ второй разъ уличенъ въ похищеніи папиросъ у инспектора классовъ, къ которому онъ, Воронцовъ, по родству или свойству былъ вхожъ въ квартиру.

Присуждено было дать сто розогъ. Пока происходило раздѣваніе Воронцова, укладываніе его на скамейку, рота стояла спокойно, но съ перваго удара и крика Воронцова стойкость роты пошатнулась, я и многіе другіе отвернулись отъ отвратительной сцены. Послышалась команда фельдфебеля: «не отворачиваться». Пройдя вдоль фронта, фельдфебель требовалъ, чтобы мы смотрѣли на наказуемаго, и его сильная рука коснулась моей щеки, чтобы выпрямить мою голову по направленію къ скамейкѣ.

— Пріучайся,—сказалъ онъ дѣланнымъ голосомъ.

Послѣ сильныхъ немного болѣе десятка ударовъ оравшій во все горло Воронцовъ затихъ. Ротный командиръ попросилъ доктора освидѣтельствовать Воронцова, тотъ пощупалъ пульсъ, сказалъ что-то тихо, и отвратительная операція прекратилась. Воронцова въ обморокѣ отнесли въ лазаретъ.

Корпусная розга меня миновала, я знакомъ былъ только съ домашнею розгою, когда отецъ, быстро приговаривая: «не будешь, не будешь», послѣ пятой или шестой отпускалъ меня пристыженнаго; но когда мнѣ пришлось смотрѣть и слышать взвизгиваніе громадныхъ гибкихъ розогъ, съ размахами въ три пріема здоровенныхъ солдатъ, старавшихся одинъ послѣ другого дать сильный взмахъ удара по исполосованному тѣлу мальчика, ноги мои подкашивались, голова мутилась, и я, закрывъ глаза, былъ близокъ къ потерѣ сознанія.

Вотъ какова была школа 50-хъ годовъ для нервовъ кадетскаго юношества. Представьте же себѣ строгую экзекуцію на корабляхъ!

Команда, вызванная на верхъ, стоитъ фронтомъ. На шканцахъ вызванъ караулъ. Господа офицеры стоятъ на правой сторонѣ въ

линію, раздается команда «смирно!» Читается постановленіе суда, присудившаго матросу за вторую провинность 200 розогъ; выводятъ присужденнаго, раскладываютъ, и начинается продолжительная, отвратительная «порка». Наказуемый отъ сильнѣйшихъ ударовъ начинаетъ орать во все горло, прося пощады, а командиръ, въ сущности не злой человѣкъ, наставительно говоритъ: «хорошенько его, хорошенько». Двѣсти ударовъ! это вѣчность... Деруть съ паузами, старшій врачъ щупаетъ пульсъ, слышенъ счетъ ударовъ, тѣ, которые бьютъ, изъ опасенія за слабый ударъ быть въ свою очередь выдранными, силятся въ своихъ взмахахъ, и утомленные смѣняются другими невольными палачами; наказуемый все слабѣетъ и слабѣетъ, падающій голосъ замираетъ, докторъ свидѣтельствуетъ и, если силы у несчастнаго еще есть, то продолжаютъ добивать число назначенныхъ ударовъ.

Не подумайте, однако, что это происходило только на судахъ нашего флота! Плавая за границей уже офицеромъ, мнѣ не разъ приходилось на заграничныхъ рейдахъ слышать такіе же крики и на судахъ иностранныхъ, а въ особенности на корабляхъ французскаго флота.

Пятый эпизодъ.

Корпусные танцклассы происходили всегда въ просторной «пріемной» (она же дежурная), гдѣ подъ руководствомъ танцмейстера Эбергардта мы продѣлывали первую и вторую позицію, поклоны, а затѣмъ переходили подъ струнные звуки пяти человѣкъ корпусныхъ музыкантовъ—къ танцамъ. Сначала танцовали contre-danse, lancier, потомъ послѣдовательно легкіе танцы, заканчивавшіеся мазуркою, которая всегда шла отвратительно при общемъ смѣхѣ, когда наставалъ чередъ выступать кадетамъ, больше заботившимся имѣть ноги колесомъ, быть увальнемъ, чтобы казаться «старикашкой». Нельзя сказать, чтобы кадеты любили танцы, большинство шло на урокъ по принужденію, и бѣдному Эбергардту приходилось нести немало труда съ неуклюжими, у которыхъ ноги не покорялись элегантнымъ движеніямъ. Подхватывая нѣкоторыхъ подъ мышки, Эбергардтъ старался приподнимать ихъ въ тактъ музыки и движеній, но упорныя ноги увальней, какъ намагниченныя, отъ пола не отдѣлялись,—только туловище переваливалось съ ноги на ногу, имѣло видъ людей, старавшихся продавить полъ.

Я былъ въ числѣ хорошихъ танцоровъ, выступалъ всегда въ первой парѣ съ моей постоянной дамой товарищемъ Вальрондомъ. И вправду мы ловко танцовали, а въ особенности польку, идя обратнымъ кругомъ «au rebours» такъ лихо, что нашъ тучный командиръ второй роты баронъ-де-Ридель, стоя въ центрѣ комнаты, слѣдя за нашею парою, изображалъ изъ себя вертящійся столбъ, а мы, зная, что онъ любуется нами, съ намѣреніемъ описывали круги близъ

него, заставляя его быстро вертѣться. По какому-то случаю былъ назначенъ балъ у директора корпуса С. С. Нахимова. Не помню кѣмъ, но было придумано выбрать изъ младшихъ ротъ 8—10 лучшихъ танцоровъ, выучить «матлотъ» и выпустить во время бала въ костюмахъ.

Такъ и было сдѣлано. Въ числѣ избранныхъ былъ и я. Усердіемъ Эбергардта «матлотъ» былъ поставленъ очень хорошо, и мы, влетѣвъ во время бала, произвели на хозяина и его многочисленныхъ гостей очень хорошее впечатлѣніе отчетливо выполненнымъ нами танцемъ. С. С. Нахимовъ былъ вдовъ, и роль хозяйки исполняла его чрезвычайно симпатичная дочь Александра Степановна, удостоившая меня выбрать своимъ кавалеромъ. Танцовала она превосходно, и для меня, мальчика, было наслажденіемъ и гордостью сдѣлать съ нею нѣсколько туровъ вальса, послѣ чего мнѣ не отказывали и другія дамы, и я танцовалъ, какъ говорится, во всю Ивановскую.

Въ числѣ гостей я увидѣлъ старшаго лейтенанта корабля «Выборгъ» С., который тотчасъ же подошелъ ко мнѣ и повелъ меня представить какой-то дамѣ, изъявившей, какъ онъ мнѣ сказалъ, желаніе танцовать со мною. Онъ подвелъ меня къ очень некрасивой особѣ, ростомъ вдвое выше меня. Я ловко расшаркнулся и предложилъ свои услуги. Увы, правая рука моя, желавшая обнять ее за талію, неприлично скользнула внизъ ниже таліи, что смущало меня и даму, кстати сказать, отвратительно танцовавшую, которая, чтобы я не оторвался отъ нея, державшагося уже за складку ея платья, попросту обняла меня за шею, чѣмъ крайне огорчила меня, воображавшаго себя уже настоящимъ кавалеромъ. На вопросъ лейтенанта С., остался ли я доволенъ дамою, я шопотомъ сказалъ ему, что съ такою рожею, похожей на тамбуръ-мажора, танцовать больше не буду. Каково же было мое удивленіе, когда С., разсмѣявшись, сказалъ: «вотъ такъ спасибо, а знаешь ли, кто эта дама? Вѣдь это моя сестра», добавилъ онъ затѣмъ и съ хохотомъ намѣревался итти къ сестрѣ, разсказать ей о моей оплошности; я сталъ умолять простить меня, готовился уже бѣжать съ бала въ роту, но тутъ дочь директора, подошедшая ко мнѣ, дала мнѣ предлогъ ангажировать ее на туръ вальса и забыться въ его вихрѣ. Я избѣгъ бѣгства, да оно оказалось и лишнимъ, такъ какъ, когда я снова наткнулся на лейтенанта С., онъ меня обнялъ, давъ понять, что проступокъ мой прощенъ.

Не могу не похвастаться, что, ловкій въ танцахъ, я былъ и хорошимъ строевымъ кадетомъ, удостоившимся выбора начальства, да еще такого строгаго, какъ нашъ батальонный командиръ П. Я. Терентьевъ,—въ ординарцы къ государю императору на разводѣ въ Михайловскомъ манежѣ. Послѣ продолжительной муштровки, которая производилась приглашеннымъ для этой цѣли унтеръ-офицеромъ л.-гв. Финляндскаго полка, пригонки новой мундирно

пары, въ одно изъ воскресеній меня повезли въ Михайловскій манежъ. Съ лѣвой стороны за колоннами, загороженными ширмами, ординарцы отъ кадетскихъ корпусовъ облачались въ новые мундиры, сапоги и аммуницію. Въ то время мы носили кивера съ малыми султанчиками впереди и съ бѣлымъ вверху кивера шнуромъ съ двумя бѣлыми кистями на правой сторонѣ, имѣли двухбортные мундиры, тесакъ, патронную сумку и ружье.

Начальство мое, батальонный и ротный командиры—очень волновались, поминутно подходили ко мнѣ, осматривали. «Тереха», такъ называли мы батальоннаго командира, находилъ меня блѣднымъ, каптенармусъ и корпусные солдаты не переставали обмахивать меня щеткою. Наконецъ раздался окликъ:

— Его императорское величество изволитъ ѣ-х-а-ть.

При этомъ выкрикивающій всегда дѣлалъ протяжное ударепіе на послѣднемъ слогѣ ѣ-хать. Затѣмъ слѣдовала команда «смирно», подхватываемая на разные голоса начальниками отдѣльныхъ частей. Государь на конѣ, объѣхавъ вдоль фронта, здороваясь при звукахъ встрѣчнаго марша, остановился у лѣвой стороны манежа, и начался парадъ. Тѣмъ временемъ мы, ординарцы, готовились къ нашей церемоніи, которая состояла въ томъ, что мы, выстроенные въ затылокъ другъ къ другу, должны были по одному подходить къ государю мѣрными, рѣдкими, отчетливыми шагами, вытягивая носокъ, твердо становясь на ногу, другую освободившуюся проводить плавно съ выдержкою до момента ея подъема, быстро опускать ее. Такихъ шаговъ полагалось пять. Остановясь и сдѣлавъ четко ружьемъ на караулъ, слѣдовало произнести: «Къ вашему императорскому величеству отъ морского кадетскаго корпуса на ординарцы присланъ!» взять ружье на плечо, повернуться направо, сдѣлать три шага, снова повернуть налѣво и итти вдоль фронта офицеровъ, призывавшихся къ параду, и итти до конца манежа.

Парадъ окончился. Прибѣжали и засуетились плацъ-адъютанты, прибѣжалъ и «Тереха», снова осмотрѣлъ меня, щипнулъ не безъ боли мои щеки, чтобы придать имъ румянца, сказалъ: «не робѣй», и повелъ меня къ мѣсту, назначенному для ординарцевъ.

Я былъ четвертымъ или пятымъ ординарцемъ, впереди меня были пажъ, школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кадеты другихъ корпусовъ. Я былъ малаго роста, и изъ-за спинъ впереди представлявшихся не видѣлъ ничего. Когда же стоявшій предо мной началъ свой церемоніалъ, я увидѣлъ государя на конѣ, окруженнаго свитою на коняхъ. Чья-то рука удерживала меня за плечо, затѣмъ послышался голосъ какого-то генерала, державшаго въ рукѣ бумагу, докладывавшаго государю: «ординарецъ морского корпуса Чайковскій». Рука, лежавшая на моемъ плечѣ, снялась, кто-то шепнулъ мнѣ: «начинайте», и я пошелъ своимъ дѣланнымъ шагомъ, бодро смотря въ глаза государя. Сдѣлавъ свои пять шаговъ, взявъ на караулъ, я звон-

кимъ контральтовымъ голосомъ началъ свой рапортъ, ночувствовалъ, что выходило что-то очень громко, «пожалуй, осудятъ», промелькнуло у меня въ головѣ, но когда увидѣлъ привѣтливую, довольную улыбку царя, какъ будто узнавшаго меня по играмъ съ его дѣтьми, я не уменьшилъ своего голоса. Взявъ ружье на плечо, сдѣлавъ три полагавшихся шага направо, и радостный, что все сошло хорошо, не слыша ничего, продолжалъ итти пѣтушинымъ церемоніальнымъ шагомъ вдоль фронта офицеровъ, какъ услышалъ отъ нихъ: «государь благодаритъ васъ». А я-то и не слышалъ. Придя въ себя, вспомнилъ, что въ этомъ случаѣ мнѣ слѣдовало сдѣлать, остановился, сдѣлавъ «налѣво кругомъ», взялъ на караулъ и тѣмъ же зычнымъ голосомъ отвѣчалъ: «радъ стараться, ваше императорское величество», какъ увидѣлъ бѣжавшаго ко мнѣ батальоннаго командира, энергично махавшаго мнѣ обѣими руками, чтобы я замолчалъ, такъ какъ въ это время представлялись другіе и я своимъ запоздалымъ отвѣтомъ нарушалъ общій порядокъ. Ну, думаю, дѣло плохо. Когда, однако, я дошелъ до своего мѣста, ко мнѣ подошло все мое корпусное начальство, благодарило меня и объявило, что за отлично мною выполненное представленіе я получу два фунта конфетъ. Я торжествовалъ.

Шестой эпизодъ.

Отставъ въ среднемъ классѣ отъ своихъ товарищей, по причинѣ отчасти болѣзни, продержавшей меня долго въ лазаретѣ, съ другой стороны, по винѣ моей малоуспѣшности, я вступилъ въ новую среду товарищей, не потерявъ связь съ моими прежними, въ числѣ коихъ былъ мой душевный другъ Д. Чалѣевъ. Когда въ 1861 году насталъ чередъ выпуска его въ гардемарины, онъ, не желая разставаться со мною, рѣшилъ приписаться къ экипажамъ Балтійскаго флота съ тѣмъ, чтобы ждать года моего выпуска для совмѣстнаго со мною служенія въ Черноморскомъ флотѣ.

Для выпускныхъ существовалъ такой порядокъ: инспекторскій департаментъ присылалъ свѣдѣнія директору корпуса о числѣ вакансій для зачисленія выпускаемыхъ въ Балтійскій, Черноморскій и Каспійскій флоты. Списокъ этотъ представлялся выпускнымъ и тутъ надо было не зѣвать записаться въ желаемый флотъ. Д. Чалѣевъ часто посѣщалъ меня въ корпусѣ и семью моего отца, гдѣ онъ считался своимъ человѣкомъ, и мы часто строили планы нашего съ нимъ сожительства. Наконецъ наступилъ и мой выпускной 1862 годъ.

Хотя производство въ гардемарины, вмѣсто прежняго производства въ мичманы, нѣсколько и умаляло наше настроеніе, но сознаніе, что мы перестали быть кадетами и становились на ряду съ офицерами, получали офицерскую форму безъ эполетъ, но зато съ аксельбантами, все-таки это новое самостоятельное положеніе насъ занимало.

Выпускные экзамены окончились, и мы, въ ожиданіи высочайшаго приказа, были отпущены по домамъ. Въ одинъ изъ такихъ дней прилетѣлъ ко мнѣ Д. Чалѣевъ и, объявивъ, что инспекторскій департаментъ послалъ директору корпуса свѣдѣнія о вакансіяхъ, совѣтовалъ мнѣ поторопиться ѣхать въ корпусъ. Къ страшному моему огорченію, всѣ вакансіи въ Черноморскомъ и Балтійскомъ флотѣ были уже захвачены. Оставалось записаться въ Каспійскій флотъ, представлявшійся всѣмъ намъ, а въ особенности мнѣ, какой-то ссылкой, такъ какъ флота тамъ не было, существовала лишь незначительная флотилія, не дававшая никакой перспективы для службы. Нечего дѣлать, пришлось покориться судьбѣ, я записался и тотчасъ же сообщилъ объ этой печальной участи Д. Чалѣеву, который, въ свою очередь, поспѣшилъ подать рапортъ о переводѣ его въ Каспійскій флотъ.

8-го апрѣля 1862 года я надѣлъ аксельбанты и мнилъ себя офицеромъ, обижаясь, что городовые мнѣ не отдаютъ чести. Роста я былъ небольшого, выглядывалъ совсѣмъ мальчикомъ, благодаря чему на гуляньяхъ по Дворцовой набережной меня принимали за великаго князя; въ этомъ я убѣдился, когда одна изъ элегантныхъ дамъ съ дѣтьми сдѣлала мнѣ реверансъ, подсказавъ мальчикамъ своимъ снять шапки и поклониться мнѣ.

Радужное настроеніе мое нѣтъ-нѣтъ, а все-таки туманилось перспективою службы въ Каспійскомъ морѣ. Назначеніе Д. Чалѣева состоялось. Предстояло согласиться о днѣ выѣзда къ мѣсту служенія. Желая воспользоваться предоставленнымъ мнѣ 28-дневнымъ отпускомъ, я рѣшилъ поѣхать къ замужней сестрѣ въ Кіевскую губернію и потому склонилъ Д. Чалѣева, ѣхать въ Астрахань, приготовить тѣмъ временемъ намъ квартиру. Чалѣевъ, искренно любившій меня, согласился, сердечно простился со мною и, пожелавъ мнѣ провести весело время въ отпуску у сестры, обнялъ меня и, сказавъ: «до скораго свиданія въ Астрахани», поѣхалъ на Николаевскій вокзалъ.

Увы! мнѣ не пришлось во всю свою жизнь свидѣться съ моимъ искреннимъ другомъ, ожидавшимъ цѣлый годъ моего выпуска, чтобы не разставаться со мною. Чалѣевъ сдѣлался постояннымъ офицеромъ Каспійской флотиліи, дослужился до командира одного изъ пароходовъ, женился, имѣлъ много дѣтей и умеръ въ преклонныхъ лѣтахъ, оставаясь вѣрнымъ Каспійской флотиліи, Произошло это при слѣдующихъ обстоятельствахъ. По отъѣздѣ Чалѣева изъ Петербурга мысль отдѣлаться отъ Каспійскаго моря меня не оставляла. Времени оставалось мало, необходимо было дѣйствовать. Я рѣшился итти къ директору инспекторскаго департамента князю Голицыну и лично объясниться съ нимъ, просить его, какъ милости, назначить меня въ Черноморскій флотъ, мотивировавъ свое желаніе стремленіемъ быть настоящимъ морякомъ, плавать на корветахъ, чего

Каспійское море не можетъ мнѣ дать! Мнѣ представлялось, что доводы мои будутъ убѣдительны, когда глазъ-на-глазъ въ кабинетѣ князя я буду умолять его со слезами на глазахъ не посылать меня въ Астрахань. Онъ не можетъ не сжалиться надо мной, столь юнымъ, думалось мнѣ, я понравлюсь ему своею чистосердечною просьбою, и онъ исполнитъ мое желаніе.

Задумано—сдѣлано. Я въ департаментѣ. Обращаюсь къ старшему адъютанту съ просьбою быть принятымъ директоромъ.

— По какому дѣлу?

— По личному,—отвѣчаю ему.

— Ваша фамилія?

— Чайковскій.

— Подождите въ пріемной.

За мною слѣдовали другіе, кто по личному дѣлу, а кто и по служебному. Адъютантъ записывалъ. Пріемная заполнялась. Сѣвъ на одно изъ креселъ, я подготовлялся къ изложенію моей просьбы, рисовалъ себѣ, какъ по очереди насъ будутъ вызывать въ кабинетъ къ князю, какъ я войду, сдѣлаю красивый поклонъ и на вопросъ, въ чемъ дѣло, я начну...

Мысли мои прервались, адъютантъ попросилъ встать всѣхъ въ одну линію, я оказался въ серединѣ. Явился вице-директоръ департамента контръ-адмиралъ Воеводскій (гвоздь департамента); оглядѣвъ публику, онъ прямо направился ко мнѣ.

— Ваша фамилія? По какому дѣлу?

Быстро сообразивъ, что, если скажу правду, зачѣмъ пришелъ, онъ не допуститъ меня до князя, я отвѣтилъ, что по личному дѣлу.

Вѣдь я буду принятъ княземъ отдѣльно въ его кабинетѣ, соображалъ я, и Воеводскій не будетъ знать, чего я добиваюсь. Не прошло и минуты, какъ дверь отворилась, вошелъ князь въ серебряныхъ эполетахъ свиты его величества.

Князь направился къ крайнему. Адъютантъ докладывалъ имя представлявшагося или просителя, и только тутъ я понялъ, что мнѣ предстоитъ говорить съ Голицынымъ не въ кабинетѣ «съ глаза-на-глазъ» и что замыселъ мой расположить къ себѣ князя рисовкой жажды быть настоящимъ, а не заурядnымъ морякомъ и произнести это съ подобающей эффектной интонаціей, теперь при всѣхъ будетъ уже неумѣстенъ; приходило на мысль ретироваться, да некуда. «Была не была, останусь»—промелькнуло у меня въ головѣ. Дошла наконецъ очередь и до меня. Голицынъ подошелъ ко мнѣ и на вопросъ, въ чемъ дѣло, не сразу получилъ отъ меня отвѣтъ. Я нѣсколько опѣшилъ.

Стоявшій около него Воеводскій вытянулъ шею, поднялъ брови кверху и повернулъ ухо, чтобы услышать, о чемъ я буду говорить, полагая, что я отъ страха буду говорить тихо, неясно.

Князь повторилъ свой вопросъ: «въ чемъ же дѣло?» Я набрался храбрости и болѣе чѣмъ громко сказалъ:

— Ваше сіятельство! Я имѣю честь безпокоить васъ своею просьбою не губить меня.

Сдѣлавъ такое вступленіе, я разсказалъ ему, что за годъ до выпуска я лелѣялъ мечту быть назначеннымъ въ Черное море, что мнѣ это, къ прискорбію моему, не удалось и пришлось въ силу необходимости, противъ воли, записаться въ Каспійскую флотилію. Замѣтивъ, что онъ слушаетъ меня съ улыбкою, но съ вниманіемъ, я высказался, что для желающаго быть настоящимъ морякомъ въ службѣ въ Каспійскомъ морѣ нѣтъ ничего поучительнаго и привлекательнаго и что тамъ нѣтъ никакой служебной перспективы. Князь нетерпѣливо перебилъ меня:

— Я также служилъ въ Каспійскомъ морѣ,—сказалъ онъ:—и, какъ видите,—онъ потрясъ плечами, показывая на свои эполеты.

Мнѣ показалось, что князь уже смягченъ къ моей просьбѣ, и я, набравшись смѣлости, заигрывающимъ тономъ сказалъ ему:

— Между нами, ваше сіятельство, большая разница: вы князь, а я просто Чайковскій.

Картина сразу измѣнилась. Показалось ли это ему фамильярнымъ, или по другой причинѣ, но князь, нахмуривъ брови, обратясь къ Воеводскому, сказалъ:

— Выдайте г. Чайковскому подорожную, и чтобы черезъ три дня онъ былъ въ пути къ своему назначенію,—и отошелъ отъ меня къ слѣдующему просителю.

Я готовъ былъ разрыдаться и едва могъ сказать Воеводскому, что къ мѣсту служенія я ѣхать не могу, такъ какъ имѣю 28-дневный отпускъ, которымъ еще не воспользовался.

— Въ такомъ случаѣ уѣзжайте въ отпускъ, но чтобы черезъ три дня васъ не было въ Петербургѣ.

Вернувшись домой, я признался отцу въ моей неудавшейся попыткѣ и получилъ совѣтъ покориться судьбѣ. Я сталъ готовиться къ отъѣзду. Покупая разныя принадлежности, я захотѣлъ къ карманнымъ часамъ, подареннымъ мнѣ отцомъ, купить золотую цѣпочку. Денегъ у меня было мало. Отецъ не располагалъ средствами, чтобы баловать меня, и я рѣшилъ купить цѣпочку новаго золота, дешевенькую. Мнѣ посовѣтовали купить у закладчика, располагавшаго большимъ выборомъ часовъ, золотыхъ вещей и разныхъ драгоцѣнностей по пониженной цѣнѣ, и указали адресъ. Помнится мнѣ, что жилъ закладчикъ этотъ въ одной изъ улицъ близъ Литейнаго проспекта. Придя къ нему, я попросилъ показать мнѣ цѣпочку изъ новаго золота и, когда выбиралъ, замѣтилъ въ той же комнатѣ почтеннаго, красиваго старика восточнаго типа, одѣтаго въ восточный костюмъ темно-сѣраго сукна, разсматривавшаго разставленныя на столахъ въ ящикахъ подъ стекломъ какія-то

драгоцѣнности, бокомъ смотрѣвшаго на меня съ любопытствомъ и прислушивавшагося къ моимъ переговорамъ съ закладчикомъ. Послѣдній предлагалъ мнѣ различныя цѣпочки и между прочимъ настоящаго золота. Я отвѣчалъ, что средствами не располагаю и потому останавливаюсь на своемъ выборѣ. Стоявшій въ сторонѣ старикъ подошелъ ко мнѣ и сталъ также доказывать, что пріобрѣтать цѣпочку новаго золота напрасная трата денегъ, и совѣтовалъ взять настоящую золотую.

Вмѣшательство старика мнѣ было непріятно и непонятно. Я повторилъ нѣсколько рѣзкимъ тономъ свое объясненіе и просилъ оставить за мною право покупать то, что я хочу. Закладчикъ началъ прикрѣплять цѣпочку къ моимъ часамъ.

— Вамъ, молодой человѣкъ, видимо, непріятно мое вмѣшательство, въ такомъ случаѣ простите мнѣ, старику.

И затѣмъ въ очень деликатной формѣ поинтересовался знать, кто я такой, гдѣ служу, кто мой отецъ, и, когда узналъ, что я только что выпущенный изъ морского корпуса, назначенъ служить въ Каспійскую флотилію и ѣду въ Астрахань, старикъ, привѣтливо улыбаясь, сказалъ:

— Сама судьба насъ сводитъ съ вами, такъ какъ я могу быть вамъ полезенъ, дать рекомендательныя письма къ губернатору и начальнику Каспійской флотиліи, тамъ всѣ меня знаютъ, позвольте же мнѣ съ этой минуты считать васъ моимъ знакомымъ. Васъ, вѣроятно, интересуетъ, кто я такой? Вотъ моя карточка.

Онъ распахнулъ свое пальто, чтобы достать изъ бумажника свою карточку, и я увидѣлъ на его груди двѣ звѣзды, показавшія его сановитость.

— Позвольте мнѣ, старику, быть откровеннымъ,—и, взглянувъ на меня ласково и протянувъ мнѣ руку, сказалъ:—завтра именины моей дочери, для которой я пришелъ сюда выбрать подарокъ, приходите завтра ко мнѣ, и я познакомлю васъ съ моею семьею.

— Очень благодаренъ, ваше превосходительство, за вниманіе, которымъ завтра же воспользуюсь,—отвѣтилъ я.

— И отлично,—сказалъ профессоръ Казенбекъ:—приходите, и я вамъ вручу рекомендательныя письма, а теперь въ знакъ моего перваго знакомства съ вами я убѣдительно прошу принять отъ меня на память вотъ эту золотую цѣпочку,—съ этими словами профессоръ протянулъ мнѣ руку съ взятою имъ изъ ящика золотою цѣпочкою.

«Ребенокъ я, что ли,—пробѣжало у меня въ головѣ:—что совершенно незнакомый мнѣ человѣкъ дѣлаетъ мнѣ подарокъ?» Я чувствовалъ себя обиженнымъ, вѣдь я офицерскаго званія, кровь бросилась мнѣ въ голову, и я отвѣтилъ ему:

— Ваше превосходительство, мнѣ непристойно принять незаслуженный подарокъ. Если бы въ этомъ была необходимость,—прибавилъ я:—то мой отецъ не отказалъ бы дать мнѣ для этого денегъ.

Казенбекъ продолжалъ стоять съ протянутой рукой.

Я молчалъ.

— И вамъ не стыдно заставлять меня стоять съ протянутой рукой?—спросилъ онъ.—Наконецъ, если хотите, я поѣду къ вашему батюшкѣ и буду просить его, чтобы онъ убѣдилъ васъ принять этотъ подарокъ отъ меня.

Онъ продолжалъ стоять съ протянутой рукой.

— Не обижайте же меня, старика,—продолжалъ онъ настаивать. Въ тонѣ его чувствовался ласковый упрекъ, мнѣ стало стыдно и неловко передъ такимъ почтеннымъ человѣкомъ, проявившимъ ко мнѣ неожиданно симпатію, и, когда я взялъ отъ него цѣпочку, Казенбекъ сказалъ:—ну, теперь мы съ вами друзья, спасибо, что не обидѣли меня,—а завтра я жду васъ къ себѣ.

На другой день я былъ принятъ очень ласково семьею Казенбека, и виновница праздничнаго дня угощала меня шоколадомъ. Казенбекъ снабдилъ меня рекомендательными письмами, и я разстался съ обѣщаніемъ написать имъ, когда устроюсь въ Астрахани.

На слѣдующій день, 23-го апрѣля, кончался срокъ моему пребыванію въ Петербургѣ. Приказаніе князя Голицына должно было быть выполнено. Однако ни рекомендательныя письма почтеннаго профессора г. Казенбека, ни чувства дружбы къ Д. Чалѣеву, ожидавшему моего пріѣзда въ Астрахань,—не мирили меня съ неудачею склонить къ себѣ милость князя Голицына. Меня неотступно преслѣдовало желаніе избавиться отъ службы въ Каспійскомъ морѣ. Вернувшись домой, я не находилъ себѣ мѣста и, когда легъ спать и потушилъ свѣчу, задумываясь надъ своимъ положеніемъ, мнѣ вдругъ блеснула мысль: а что если поѣхать завтра утромъ прямо къ генералъ-адмиралу великому князю Константину Николаевичу и смѣло обратиться къ нему, искать пощады отъ службы въ Каспійскомъ морѣ, молить его о назначеніи меня въ Черноморскій флотъ, убѣдить его, что я стремлюсь туда, гдѣ плаваютъ круглый годъ, чтобы быть настоящимъ морякомъ, а для этого надо служить на судахъ Черноморскаго флота? Идея эта мнѣ очень понравилась. Сонъ отъ меня убѣжалъ, и я снова, какъ младенецъ, рисовалъ себѣ, какъ подойду къ великому князю, какъ буду говорить убѣдительно, краснорѣчиво, онъ смилуется, проститъ мою смѣлость, что обратился прямо къ нему.

Съ этой мыслью я заснулъ, но рано проснулся. Несмотря на мою благоговѣйную любовь къ отцу, отъ котораго я никогда ничего не скрывалъ, я утаилъ свой замыселъ и, вставъ рано утромъ, напившись чаю, надѣлъ свой гардемаринскій мундиръ съ аксельбантами, саблю и шляпу, поздоровался съ отцомъ и на вопросъ его, куда я собираюсь, отвѣтилъ, что ѣду въ инспекторскій департаментъ. Отдавшись своей сумасбродной затѣѣ, я сознавалъ, что, если признаюсь отцу, онъ отговоритъ меня, и тогда моя послѣдняя попытка

отдѣлаться отъ Каспійскаго моря не состоится. Нанимая извозчика, я важно приказалъ ему везти меня въ Мраморный дворецъ. Состояніе духа было приподнятое, я мужественно держалъ себя до того момента, пока не вошелъ въ подъѣздъ дворца. Было 11 часовъ. Снимавшій пальто величественный швейцаръ смотрѣлъ на меня удивленно, и на заявленіе мое, что желаю представиться его императорскому высочеству, замялся, раздумчиво посовѣтовавъ мнѣ обратиться къ дежурному адъютанту, предложилъ мнѣ подняться по лѣстницѣ.

Поднявшись осторожно, я вошелъ въ залъ, сплошь уставленный, на высокихъ подставкахъ, моделями кораблей подъ стеклянными колпаками. Всѣ онѣ были выше моего малаго роста. Чтобы не потерять присутствія духа, я, въ ожиданіи адъютанта, сталъ разсматривать модели, и что же я увидѣлъ? По другую сторону стекляннаго колпака на меня смотрѣлъ какой-то адмиралъ въ полной формѣ, я повернулъ глаза направо и налѣво и увидѣлъ еще и еще адмираловъ, также въ полной формѣ. Залъ оказался переполненнымъ адмиралами. Опять, подумалъ я, неудача, придется говорить съ великимъ княземъ не наединѣ, и вдругъ почувствовалъ, что кто-то меня обнялъ за талію. Сердце дрогнуло. Поворачиваюсь и вижу адмирала Воеводскаго, глаза наши встрѣтились, онъ проницательно смотрѣлъ на меня и шопотомъ змѣи спросилъ, зачѣмъ я пожаловалъ сюда.

Мнѣ ничего не оставалось, какъ сказать тотъ же стереотипный отвѣтъ:

— По личному дѣлу!..

— Хорошо, вѣрю,—сказалъ Воеводскій:—но вѣдь для того, чтобы говорить о своихъ дѣлахъ, вы должны были сообразить, что генералъ-адмиралъ сегодня едва ли васъ выслушаетъ. Да вы знаете ли, какой сегодня здѣсь день?—внезапно спросилъ онъ меня нетерпѣливо.

Я, который находился въ стадіи счастливой молодости, только что сбросившій съ себя кадетскіе погоны, конечно, пренебрегалъ временемъ и робко отвѣтилъ:

— 23-е апрѣля, ваше превосходительство!

— Ну, хорошо, а знаете ли вы, что сегодня день тезоименитства Александры Іосифовны?—Замѣтивъ мое замѣшательство, онъ быстро заговорилъ:—Вижу, вижу по глазамъ, что не знали,—проговорилъ онъ:—стыдно, г. Чайковскій, не знать тезоименитства супруги своего генералъ-адмирала.

Пристыженный, я молчалъ. Понявъ, однако, мою настойчивость и цѣль моего появленія въ дворцѣ, Воеводскій вкрадчиво посовѣтовалъ мнѣ избрать другой день для изложенія моихъ личныхъ дѣлъ великому князю. Въ это время показался дежурный адъютантъ. Воеводскій заторопился и, обнявъ за талію, повелъ меня къ выходу.

— Совѣтую уходить скорѣе, пока великая княгиня съ великимъ княземъ не вышли къ прибывшимъ адмираламъ и генераламъ для принесенія имъ поздравленія,—и, доведя меня до парадной лѣстницы, торопливо спросилъ:—а когда вамъ поставлено условіемъ выѣхать изъ Петербурга?

Я едва успѣлъ отвѣтить ему, что сегодня вечеромъ, какъ въ это время состоялся выходъ, Воеводскій повернулся, чтобы итти въ залъ, но не вытерпѣлъ, догналъ меня, уже спускавшагося по лѣстницѣ, и сказалъ повелительно:

— Совѣтую вамъ сегодня же уѣхать!

Вечеромъ того же дня я сидѣлъ въ вагонѣ Варшавской желѣзной дороги, по которой ѣхалъ до Острова, откуда предстояла поѣздка въ восьмимѣстномъ мальпостѣ до Кіева (два мѣста сзади, четыре внутри и два спереди). Въ то время желѣзнодорожнаго пути до Кіева еще не было. Переѣздъ этотъ доставилъ мнѣ большое удовольствіе. Я имѣлъ открытое мѣсто впереди, защищенное верхомъ и фартукомъ, нѣсколько выше ямщика. Въ общемъ шоссе на всемъ пути было въ порядкѣ, и я наслаждался съ птичьяго полета дорогой и окрестностями. Мальпостъ шелъ шестеркою съ двумя выносными при форейторѣ и когда предстоялъ перегонъ съ объѣздами, по случаю ремонта шоссе или горной мѣстности, впрягали и восемь лошадей. Торжественный подъѣздъ къ станціямъ или проѣздъ черезъ село или городъ сопровождался звукомъ трубы кондуктора, старавшагося выдѣлывать какой-то мотивъ. Изъ восьми путешествовавшихъ было шесть дамъ и двое мужчинъ. Внутри кареты были исключительно дамы. Образовалось весьма пріятное общество, и, какъ это бываетъ всегда въ дорогѣ, дружно проводили время на станціяхъ. Вмѣстѣ обѣдали и пили чай, при чемъ каждый старался подѣлиться своими дорожными запасами и лакомствами. Все вмѣстѣ взятое составляло пріятное путешествіе.

Въ Кіевѣ я остановился на два дня, чтобы ознакомиться съ памятниками древности.

Когда мнѣ пришлось обратиться въ почтовую контору, взять перекладную для дальнѣйшаго слѣдованія въ Чигиринскій уѣздъ, гдѣ проживала моя замужняя сестра А. И. Давидова въ мѣстечкѣ Каменка, старый почтмейстеръ, принимая отъ меня подорожную, замѣтилъ мнѣ шутливо, что боится отпустить меня одного.

— Вы такой маленькій и выглядываете не офицеромъ, а мальчикомъ, какъ бы на дорогѣ васъ не обидѣли,—прибавилъ онъ; замѣтивъ на лицѣ моемъ неудовольствіе на его фамильярность, онъ заторопился извиняться, приговаривая:—не сердитесь, не сердитесь, вѣдь я хотѣлъ по-хорошему сказать,—а все-таки,—добавилъ онъ,—я вамъ дамъ отъ себя записочку станціоннымъ смотрителямъ, они постараются давать вамъ хорошихъ ямщиковъ и лошадей.

Я сердечно поблагодарилъ милаго сѣденькаго круглолицаго старичка. Благодаря записочкѣ его, я доѣхалъ до Каменки прекрасно.

Въ скорости за мною слѣдомъ пріѣхалъ въ Каменку и отецъ мой. Краткосрочный двадцативосьмидневный отпускъ, при новыхъ для меня деревенскихъ впечатлѣніяхъ (я первый разъ былъ въ Малороссіи), съ ласкою сестры, которую я боготворилъ, заботившейся ежедневно доставлять мнѣ деревенскія развлеченія,—пробѣжалъ чрезвычайно быстро. Приходилось отправляться къ мѣсту службы въ ненавистную мнѣ Астрахань. Желѣзныхъ дорогъ не было, предстояло снова тащиться на перекладныхъ. Чтобы избѣжать этого мученія, отецъ и сестра снабдили меня деньгами и настояли на томъ, чтобы я ѣхалъ на Николаевъ, пароходомъ въ Одессу, оттуда на пароходахъ Р. О. П. и Т. въ Таганрогъ, Ростовъ-на-Дону, Калачъ, Царицынъ и по Волгѣ въ Астрахань. Напутствуемый благословеніями и пожеланіями, я двинулся въ путь на перекладныхъ въ Николаевъ. Первые два дня я крѣпился. Ѣхалъ, какъ говорится, безъ передышки и, несмотря на отчаянную дорогу, ухитрялся спать сидя. На третій день я чувствовалъ себя уже совершенно разбитымъ. Появилась боль въ головѣ, костяхъ и поясницѣ. По временамъ я стоналъ.

— Ваше благородіе, — да вы, видно, совсѣмъ замаялись, — замѣтилъ мнѣ на одномъ изъ перегоновъ ямщикъ.—Слѣзьте-ка да пройдитесь пѣшкомъ, а я тѣмъ временемъ въ гору подымусь шагомъ и буду ждать васъ на горѣ.

День былъ теплый, солнечный. Я вылѣзъ и пошелъ, пошатываясь, слѣдомъ за перекладной. Шелъ, конечно, тише, чѣмъ лошади, такъ что за поворотомъ перекладная скрылась изъ моихъ глазъ.

Уставъ отъ подъема, чувствуя увеличивающуюся головную боль, я присѣлъ на большой камень при дорогѣ и задумался. Мысль, что я ѣду въ Каспійское море, снова загвоздилась въ головѣ, и я, пользуясь тѣмъ, что, кромѣ жаворонковъ, распѣвавшихъ надъ моею головою свою чудную степную мелодію, меня никто не видитъ, заслезился и, забывъ о томъ, что на горѣ ждетъ меня ямщикъ, отдался усталости и покою, абсолютной тишинѣ,—задремалъ.

— Ваше благородіе! а, ваше благородіе!—раздался вдали надъ моею головою голосъ ямщика.

Встрепенувшись, я сталъ подниматься въ гору, и когда подошелъ къ ямщику, онъ участливо спросилъ: «недужится, что ли?» и, не дожидаясь отвѣта, заявилъ, что до станціи осталось недалеко, что жена смотрителя пособляетъ лучше настоящихъ дохтуровъ,— сразу облегчитъ меня.

Добрался я до Николаева совершенно изломаннымъ. Ямщикъ лихо подкатилъ меня вечеромъ къ крыльцу гостиницы «Золотой Якорь». Проходя мимо столовой ресторана, я увидѣлъ нѣсколько морскихъ офицеровъ,—повѣяло роднымъ гнѣздомъ. Очутившись въ номерѣ послѣ двухсотъ пятидесяти верстъ ѣзды на перекладныхъ, я понялъ этотъ мучительный способъ передвиженія и райское счастье послѣ ванны очутиться въ чистой постели.

На другой день я отыскалъ своихъ товарищей, уже вступившихъ въ строй службы Черноморскаго флота, между которыми былъ одинъ изъ моихъ друзей П. Ф. Юрьевъ, посовѣтовавшій воспользоваться моимъ пребываніемъ въ Николаевѣ и просить главнаго командира Б. А. Глазенапа, бывшаго нашего директора морского корпуса, о зачисленіи меня въ Черноморскій флотъ. Совѣтъ Юрьева оказался излишнимъ, сама судьба приняла меня подъ свое счастливое крыло.

Какъ проѣзжающему, мнѣ надлежало явиться въ главный штабъ и заявить о причинахъ моего пребыванія въ Николаевѣ. Надѣвъ полную форму, я отправился въ штабъ, начальникомъ котораго состоялъ Христофоровъ. Представляюсь, докладываю причину моего нахожденія въ Николаевѣ и, конечно, не упускаю случая поплакаться на свою судьбу, что приходится начинать службу въ Каспійскомъ морѣ. О подвигахъ своихъ съ княземъ Голицынымъ и попыткѣ проникнуть въ Мраморный дворецъ я умолчалъ.

Христофоровъ, занятый дѣлами, видимо, желалъ скорѣе отдѣлаться отъ меня, приказалъ мнѣ оставить свой адресъ и хотѣлъ было уйти отъ меня, какъ въ это время вошелъ мой бывшій командиръ корабля «Выборгъ» М. О. Дюгамель, теперь контръ-адмиралъ и флагманъ отряда судовъ Черноморскаго флота.

Появленіе его для меня было полною счастливою неожиданностью. Привѣтливо поздоровавшись со мною, Дюгамель разспросилъ о причинѣ моего появленія въ Николаевѣ и, узнавъ, что ѣду я на службу въ Астрахань съ тяжелымъ сердцемъ, что я домогался у князя Голицына перечисленія моего въ Черноморскій флотъ, Михаилъ Осиповичъ принялъ во мнѣ участіе и сказалъ, что онъ сейчасъ идетъ съ докладомъ къ главному командиру и постарается склонить его оставить меня въ Николаевѣ.

Присутствовавшій все это время Христофоровъ, понявшій доброе расположеніе Дюгамеля ко мнѣ, подсказалъ адмиралу, что можно будетъ приказомъ запросить по Черноморскому флоту, не найдется ли желающій вмѣсто меня поступить въ Каспійскую флотилію. Я не выдержалъ, чтобы не сказать свое сомнѣніе, что едва ли найдутся такіе охотники. «Не торопитесь этого говорить», сказалъ Дюгамель, видимо, задавшійся оставить меня при себѣ, приказалъ мнѣ сейчасъ же итти къ главному командиру и ждать его тамъ въ пріемной. Черезъ нѣсколько минутъ я уже стоялъ въ пріемной, имѣвшей нѣсколько дверей, ведшихъ въ апартаменты главнаго командира. Въ пріемной не было никого. Ждалъ долго. Мимо меня прошелъ Христофоровъ въ дверь, ведущую въ кабинетъ главнаго командира, и снова все затихло. Въ виду надежды на осуществленіе моего желанія служить въ Черномъ морѣ, мысль о томъ, что изъ всего этого можетъ ничего выйти, — не складывалась. Я съ трепетомъ ждалъ появленія Михаила Осипо-

вича. Послышался у одной изъ дверей какой-то шорохъ, я насторожился, дверь тихо нѣсколько разъ пріотворялась и затворялась. Чрезъ узкую щель я, однако, разглядѣлъ смотрѣвшую на меня въ лорнетъ почтенную даму высокаго роста. Впослѣдствіи оказалось, что это была супруга главнаго командира, присутствовавшая въ кабинетѣ своего мужа при усиленномъ ходатайствѣ М. О. Дюгамеля оставить меня въ Черноморскомъ флотѣ и пожелавшая посмотрѣть на протеже адмирала. Наконецъ послышался шумъ твердыхъ шаговъ, и изъ дверей кабинета показался М. О. Дюгамель, приглашавшій меня слѣдовать за нимъ въ кабинетъ главнаго командира. Войдя, я тотчасъ же узналъ въ немъ оставившаго корпусъ въ 1855 году, красиваго и величаваго въ генералъ-адъютантской формѣ, моего бывшаго директора морского корпуса. Дюгамель представилъ меня, а я добавилъ, назвавъ себя «кадетомъ малолѣтней роты 1854 году»,—въ бытность его высокопревосходительства директоромъ корпуса. Подойдя ко мнѣ съ ласковой улыбкой, добрый Богданъ Александровичъ сказалъ мнѣ:

— Адмиралъ доложилъ мнѣ, что вы желаете служить въ Черноморскомъ флотѣ. Ну, что жъ? Мнѣ остается сказать, послѣ лестнаго отзыва о васъ Михаила Осиповича, что я самъ желаю, чтобы вы служили со мною въ Черномъ морѣ,—и, обратясь къ Дюгамелю, спросилъ его:

— Вы хотите взять г. Чайковскаго къ себѣ?—и, не дожидаясь отвѣта, приказалъ Христофорову отдать приказъ по флоту о назначеніи меня на корветъ «Вепрь».

Передать испытанныя въ то время чувства радости и удовлетворенія отъ сознанія, что Богомъ мнѣ посланы два вліятельныхъ покровителя, взявшихся устроить мою судьбу,—я передать эти чувства не въ силахъ. Если бъ не мое офицерское званіе, я готовъ былъ броситься имъ на шею и расцѣловать ихъ обоихъ... Низко кланяясь и благодаря за вниманіе, я обѣщалъ оправдать своею службою ихъ покровительство. Прощаясь со мною, Дюгамель обратилъ мое вниманіе, что сегодня танцовальный вечеръ въ лѣтнемъ Спасскомъ офицерскомъ собраніи.

— Если танцуете, то приходите,—сказалъ онъ.

Вышедшій же со мною на улицу Христофоровъ сообщилъ, что главный командиръ приказалъ ему составить на имя генералъ-адмирала ходатайство о перечисленіи меня изъ Каспійской флотиліи въ Черноморскій флотъ. «Ну, думалось мнѣ, судьба моя обезпечена. Ходатайство главнаго командира, да еще генералъ-адъютанта, не можетъ быть не уважено.—Ну, и попляшу же я сегодня съ радости во всю силу». А пока шелъ до своей гостиницы, мнѣ вспомнился покинутый мною милый другъ Чалѣевъ.

«Проститъ ли онъ мою дружескую измѣну?» спрашивалъ я себя.

Седьмой эпизодъ.

Подъѣзжая къ Спасскому собранію, такому любителю танцевъ, какимъ былъ я, достаточно было услышать бальную музыку, чтобы, уподобившись старой кавалерійской лошади, заслышавшей сигналъ рожка и бросившейся въ стройные ряды проходившей мимо нея кавалеріи, чтобы такъ же и мнѣ въ нѣсколько минутъ очутиться въ свѣтломъ залѣ офицерскаго собранія... И я остолбенѣлъ отъ обилія на рѣдкость красивыхъ дамъ и дѣвицъ.

Не подумайте, что это было увлеченіе молодого профана женской красотой. Пусть тѣ дамы и дѣвицы 1862 года, а также того времени мои сослуживцы подтвердятъ, что Николаевъ въ то время дѣйствительно изобиловалъ красотой женщинъ. Онѣ блистали не красотою нарядовъ, а красотою своихъ лицъ, стройностью и чарующей привѣтливостью. Я замеръ, любуясь танцующими, и завидовалъ кавалерамъ совсѣмъ незнакомаго мнѣ общества дамъ, чувствовалъ себя мальчикомъ, къ которому эти красивыя веселыя дамы и барышни, думалось мнѣ, отнесутся пренебрежительно. Продолжая любоваться ихъ красивой внѣшностью, я вспомнилъ назидательныя слова о красотѣ лилій, что и Соломонъ во всей славѣ своей не одѣвался такъ, какъ всякая изъ нихъ. Особенное вниманіе всего общества сосредоточивала на себѣ жена командира парохода-фрегата «Тигръ». Она была такъ очаровательна, что даже такой недостатокъ, какъ нѣкоторая косость глазъ, не только не портилъ ея красоту, но даже украшалъ ее въ свойственныхъ всѣмъ женщинамъ кокетливыхъ улыбкахъ. Наблюденіе мое было прервано появленіемъ М. О. Дюгамеля, который, увидя меня, тотчасъ же подошелъ ко мнѣ и, взявъ за руку, представилъ г-жѣ Ш—ъ, которая перевела на меня свои глаза съ красивымъ недостаткомъ, съ видомъ покровительства положила свою руку на мое плечо, и я пошелъ спокойнымъ темпомъ вальса вокругъ всего зала. Посадивъ даму на мѣсто и заслуживъ благодарность, я засталъ у ея кресла главнаго командира, который одобрительно отозвался о моемъ умѣньи танцовать, и этого было достаточно, чтобы завоевать себѣ вниманіе всего общества.

Подъ чарующимъ впечатлѣніемъ проведеннаго вечера и новаго знакомства я чувствовалъ себя влюбленнымъ въ дѣвицу О., а чрезъ нѣсколько дней послѣ танцовальнаго вечера въ «Лѣскахъ» я уже былъ влюбленъ въ Б., а въ концѣ концовъ не могъ разобраться, въ кого же я болѣе влюбленъ.

Надо полагать, я былъ небезынтереснымъ молодымъ субъектомъ для дамскаго общества, которое не безъ удовольствія слушало мою болтовню и мое скромное пѣніе. У меня былъ недурной голосъ и хорошій слухъ, позволявшіе мнѣ съ чувствомъ распѣвать

маменькамъ и дочкамъ разные романсы и особенно излюбленный мною «На зарѣ ты ее не буди», изученный мною еще въ корпусѣ подъ аккомпаниментъ флютъ-гармоніи товарища Н. А. Римскаго-Корсакова, ставшаго впослѣдствіи извѣстнымъ композиторомъ.

Радостное настроеніе мое было прервано въ концѣ іюля отходомъ корвета «Вепрь» къ берегамъ Кавказа. Командиромъ корвета былъ капитанъ-лейтенантъ И. О. Дефабръ, а старшимъ лейтенантомъ А. Е. Попандопуло. На форъ-стеньгѣ развѣвался флагманскій флагъ М. О. Дюгамеля. Выйдя за Березань, корветъ вступилъ подъ паруса, и началась чудная морская служба паруснаго строя. Команда срока пятнадцатилѣтней службы носила въ себѣ еще традиціи славнаго духа Черноморскаго флота. Любо было смотрѣть на работы людей при постановкѣ и уборкѣ парусовъ и поворотахъ на разные галсы, лихость которыхъ поражала своею смѣлостью, а въ особенности въ штормовыя погоды, при громадной боковой зыби, когда ноки зарифленныхъ марселей близко склонялись къ вершинамъ волновой зыби, и когда ловкій матросъ, сидя верхомъ на нокѣ реи, заводилъ штыкъ-боутную помощь. Въ тихія погоды я любовался стройностью внутренней жизни матросовъ. Продолжительность службы ихъ связывала людей въ одну семью, умѣвшую любить свое судно и цѣнить своего командира и офицеровъ. Физіономія людей рѣзко измѣнялась, когда корветъ шелъ подъ парусами и когда подъ парами. Въ послѣднемъ случаѣ команда имѣла видъ безучастно-казарменный, «не наше, молъ, теперь дѣло, пущай машина насъ ведетъ».

Не мнѣ описывать красоты береговъ Крыма и первыя впечатлѣнія отъ заходовъ корвета въ Севастополь, Ялту и другіе порты Крыма, впервые много видѣнные. Севастополь, несмотря на то, что послѣ Крымской войны прошло тогда уже семь лѣтъ, представлялъ собою однѣ руины зданій. На Екатерининской улицѣ было не болѣе двухъ возстановленныхъ для жилья домовъ, остальные имѣли только однѣ полуразрушенныя стѣны. Ялта была въ сущности простою татарской деревушкой, хотя во главѣ ея состоялъ городничій. Началомъ процвѣтанія Ялты можно считать 1862 годъ, такъ какъ въ это время шли полнымъ ходомъ работы по окончанію постройки Ливадійскаго дворца. Адмиралъ, съѣзжая на берегъ, всегда бралъ меня съ собою, что доставляло мнѣ большое удовольствіе, такъ какъ, исполняя роль его адъютанта, я пользовался удовольствіями, которыя были ему предоставляемы, какъ почетному посѣтителю. Забавно было видѣть увлеченія адмирала женскою красотою юга; не разъ онъ поручалъ мнѣ узнать, кто та или другая хорошенькая женщина, остановившая на себѣ его вниманіе.

Я не Станюковичъ и потому обхожу поэтическія стороны плаванія корвета вдоль величественно-красивыхъ береговъ Кавказа, въ то время еще нами не вполнѣ покореннаго. Памятенъ мнѣ лишь одинъ

день, когда корветъ стоялъ на якорѣ въ Сухумѣ. Адмиралъ былъ освѣдомленъ въ одинъ изъ дней вечеромъ, что горцы намѣрены утромъ сдѣлать нападеніе на Гагринское укрѣпленіе. Корветъ быстро снялся съ якоря, и мы уже съ разсвѣтомъ подходили къ Гагринскому ущелью, гдѣ въ незначительной на берегу крѣпостцѣ держалось нѣсколько ротъ нашей пѣхоты. Подходили мы къ Гаграмъ подъ парами. Старшій штурманскій офицеръ, пользуясь глубиною вдоль берега, слишкомъ близко, почти на ружейный выстрѣлъ, держался берега, и командиръ, во избѣжаніе злой горской пули въ адмирала, стоявшаго на площадкѣ, приказалъ отдалиться. Бросивъ якорь на близкомъ разстояніи отъ крѣпостцы и имѣя заряженныя и наведенныя пушки на возвышенности, гдѣ находились горцы, адмиралъ съѣхалъ со мною на берегъ, гдѣ былъ встрѣченъ загорѣлымъ боевымъ офицеромъ, отрапортовавшимъ, что нападеніе состоялось ночью и что горцы отброшены въ горы. Результатомъ боя было нѣсколько раненыхъ и одинъ убитый. Поздоровавшись съ карауломъ, осмотрѣвъ крѣпостцу и выслушавъ подробности ночного боя, адмиралъ посѣтилъ лазаретъ, гдѣ лежали раненые. Будучи недавно, въ 1909 году, въ Гагринскомъ курортѣ, я обходилъ кругомъ разрушенныя стѣны бывшей строгой крѣпостцы, украшенной теперь солидными зданіями съ магазинами, и мнѣ трудно было возстановить въ памяти видъ ея въ прошломъ, сорокъ семь лѣтъ тому назадъ.

Послѣ двухъ мѣсяцевъ плаванія, въ началѣ сентября 1862 года, корветъ отдалъ якорь противъ Оріанды (дворца великаго князя Константина Николаевича), въ которомъ жилъ лѣтомъ главный командиръ. Спущенный на воду адмиральскій вельботъ съ отборными гребцами (черноморской гребли) быстро доставилъ М. О. Дюгамеля и меня, состоявшаго при немъ, къ берегу Оріандскаго дворца, въ которомъ мы нашли главнаго командира съ женою и гостями за большимъ, довольно длиннымъ чайнымъ столомъ, въ концѣ котораго, противоположномъ самовару и хозяйкѣ, было предоставлено мнѣ мѣсто.

На этотъ разъ внимательность хозяйки особенно сказывалась въ количествѣ приготовляемыхъ мнѣ различныхъ бутербродовъ, при чемъ, обращаясь къ рядомъ сидѣвшимъ около нея дамамъ, она что-то говорила имъ шопотомъ и, жалостно издавая звуки тсъ-тсъ-тсъ, бросая на меня взглядъ, покачивала головою, сама подносила и угощала меня столбиками бутербродовъ. Я благодарилъ и удивлялся особому за мною ухаживанію, оправдывался, что сытъ, но мои доводы не приводили ни къ чему. Оба адмирала, о чемъ-то разговаривая по-нѣмецки, наблюдая ухаживаніе за мной адмиральши, бросали на меня взгляды снисходительныхъ улыбокъ. Мнѣ чувствовалось, что что-то съ кѣмъ-то произошло неладное, но во всякомъ случаѣ до меня это относиться не могло, такъ какъ со мною ничего дурного не произошло. Послѣ чая, передъ отправленіемъ на

корветъ, Глазенапъ, прощаясь съ Дюгамелемъ, подалъ и мнѣ доброжелательно руку. Я успокоился.

Спускаясь по парку къ вельботу, ожидавшему насъ у берега, Дюгамель, шедшій рядомъ со мною, противъ обыкновенія молчалъ, не проронилъ онъ ни одного слова и на ходу вельбота къ корветѣ, ожидавшему насъ подъ готовыми парами, чтобы тотчасъ сняться въ Севастополь. Въ четыре часа утра корветъ отдалъ якорь въ Севастополѣ. Утомленный вахтою и входомъ на якорную стоянку, я бросился на койку и, конечно, крѣпко заснулъ. Однако шумъ около каюты и громкій знакомый мнѣ голосъ, спрашивавшій: «гдѣ каюта Чайковскаго?» заставилъ меня очнуться, и на вопросъ, кому я нуженъ, услышалъ голосъ моего товарища С. С. Бехтѣева (недавно скончавшагося члена государственнаго совѣта), служившаго на траспортѣ «Дунай», пріѣхавшаго сообщить мнѣ непріятную новость. Пока я одѣвался, чтобы отворить каюту, Бехтѣевъ, стоя около двери говорилъ нараспѣвъ: «Поздравляю, поздравляю, арестовать гардемарина Чайковскаго на два мѣсяца на гауптвахтѣ и отослать на собственный счетъ въ Астрахань».

— Въ чемъ дѣло?—спрашиваю его, когда онъ вошелъ въ каюту.

— Да вотъ читай приказъ директора инспекторскаго департамента,—и Бехтѣевъ сунулъ мнѣ въ руку приказъ. Прочитавъ его, мнѣ стало ясно, что князь Голицынъ не простилъ моей смѣлости очутиться наперекоръ ему въ Черномъ морѣ и что даже ходатайство такого сильнаго и вліятельнаго главнаго командира, какъ Б. А. Глазенапъ, не уважено. Эта первая неудача по службѣ поразила меня страшно, я бросился въ каюту командира и со слезами сталъ передавать ему о постигшей меня карѣ. Слушая меня, добрѣйшій Ив. Осиповичъ Дефабръ улыбался и наконецъ сказалъ:

— Полноте плакать, все обойдется, вѣдь адмиралъ и я давно знали объ этомъ приказѣ, но онъ просилъ меня и г.г. офицеровъ не показывать его вамъ, чтобы не огорчать васъ,—и прибавилъ, что главный командиръ снова написалъ генералъ-адмиралу и взялъ вину на себя.—Успокойтесь и не забывайте, что Богданъ Александровичъ генералъ-адъютантъ и любимецъ государя,—добавилъ Дефабръ.

Не прошло и двухъ недѣль послѣ того, какъ въ Севастополь прибылъ главный командиръ для осмотра отряда судовъ, находившихся подъ флагомъ М. О. Дюгамеля. Проходя по фронту офицеровъ на шканцахъ корвета, Б. А. Глазенапъ подошелъ ко мнѣ и поздравилъ съ состоявшимся приказомъ генералъ-адмирала о назначеніи меня во 2-й экипажъ Балтійскаго флота на фрегатъ «Дмитрій Донской», отправлявшійся за границу съ гардемаринами. Само собою разумѣется, что тяжелая кара—гауптвахта съ ея послѣдствіями—была отмѣнена. **И. И. Чайковскій.**

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ТРИ ПАМЯТНЫХЪ ДНЯ.

НА ПОБЛЕКШИХЪ картинахъ далекаго личнаго прошлаго свѣжими красками свѣтятся событія трехъ дней моего дѣтства.

Было лѣто 1876 года. По тяжелымъ семейнымъ обстоятельствамъ, я не былъ взятъ родными изъ военной гимназіи домой на каникулярное время и проводилъ его въ Петергофѣ, въ военно-гимназическихъ лагеряхъ.

Каждый день два раза, утромъ и вечеромъ, мы, военные гимназисты, во главѣ съ своимъ дежурнымъ воспитателемъ, ходили изъ лагеря купаться на заливъ, совершая при этомъ изрядныя, туда и обратно, прогулки.

Въ одну изъ такихъ обратныхъ утреннихъ прогулокъ насъ засталъ необыкновенно сильный и продолжительный дождь. Это былъ могучій небесный водопадъ, обрушившійся на землю съ яростной силой. Выжиданія подъ различными прикрытіями оказывались напрасными,—ливню не было конца, а наши желудки предъявляли урочное требованіе завтрака, и мы вынуждены были дѣлать перебѣжки отъ одной защиты къ другой. Такимъ образомъ мы пробѣжали Нижній садъ, поднялись, карабкаясь съ помощью рукъ и большимъ рискомъ, по лѣстницѣ, обратившейся въ горный потокъ, въ Верхній, съ правой стороны дворца, и здѣсь, не видя иной защиты, какъ полуоткрытыя дверь дворцоваго зданія, всей гурьбой ввалились въ эту дверь. Мы очутились въ длинномъ коридорѣ. На одной двери я прочиталъ: «квартира военнаго министра».

Наше стремительное, шумное нашествіе обратило на себя вниманіе обитателей зданія. Не прошло двухъ минутъ, какъ къ намъ вышелъ Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ.

— О, какіе вы моченые!—сказалъ онъ, смѣясь.

Дѣйствительно, мы были словно изъ «мочки» и имѣли смѣшной, потрепанный видъ.

Ласково поговоривъ съ каждымъ изъ насъ въ отдѣльности, военный министръ обратился ко всѣмъ со словами:

— Вы военные, вы будущіе воины... и такого рода испытанія вамъ полезны!

Однако онъ заботливо приказалъ нашему воспитателю, по прибытіи въ лагери, немедленно распорядиться уложить «будущихъ воиновъ» въ постели, предварительно снявъ съ нихъ всю одежду, и подать завтракъ каждому на его постельный столикъ-тумбочку.

Видя, что мы передохнули, Дмитрій Алексѣевичъ скомандовалъ намъ:

— Съ Богомъ, бѣгомъ маршъ!

Когда мы приближались къ лагерю, дождь пересталъ, очистилось небо, и заблистало яркое солнце.

Полежавъ немного въ постели и позавтракавъ въ ней, я раньше другихъ вскочилъ, одѣлся въ свѣжее бѣлье и верхнюю пару и выбѣжалъ изъ барака.

Солнышко, словно омытое и ликующее, играло. Воздухъ былъ чистъ и сладостно упоителенъ. Отъ недавняго стихійнаго ливня не было и слѣда,—песчаный грунтъ и сточныя канавы поглотили всю пролившуюся влагу.

Желая расправить члены, я подбѣжалъ къ гимнастическому городку, продѣлалъ нѣсколько упражненій и наконецъ поднялся по наклонной лѣстницѣ. Сверху я увидѣлъ, что въ ближайшей къ городку канавѣ много воды и что она, какъ будто, стоитъ на мѣстѣ. Это меня заинтересовало,—повидимому, произошла закупорка. Я спустился съ лѣстницы и приблизился къ канавѣ. И въ самомъ дѣлѣ, вода въ ней оказалась безъ движенія.

Подошелъ товарищъ. Съ быстротою, на которую только способно рѣзвое, стремительное дѣтство, мы рѣшили утилизировать случайно и совершенно неожиданно для насъ появившуюся на территоріи нашего лагеря водную поверхность въ спортивныхъ цѣляхъ. Намъ было по четырнадцати лѣтъ.

— Давай, покатаемся на бревнѣ!—сказалъ одинъ.

— Давай!—согласился другой.

Въ одну минуту мы скинули горизонтальное бревно городка изъ его гнѣздъ на землю и подкатили къ канавѣ. Еще моментъ, и оно очутилось въ водѣ.

Я первый вскочилъ на бревно и сталъ балансировать. Товарищъ сбѣгалъ къ городку, принесъ двѣ палки, «лапты», и подалъ одну мнѣ.

— Отталкивайся!—сказалъ онъ.

Я послѣдовалъ его совѣту, и бревно со мной тихо поплыло. Это было то самое, ради чего продѣлывалась вся манипуляція, и мы пришли въ восторгъ.

— Пусти меня!—сказалъ товарищъ.

Я соскочилъ на землю, а товарищъ продѣлалъ мой номеръ.

— Знаешь что? Давай вмѣстѣ!—предложилъ я.

— Валп!—согласился онъ.

Я прыгнулъ на бревно. Оно мгновенно погрузилось, сдѣлавъ вращательное движеніе, и мы полетѣли въ грязную воду канавы.

Нѣсколько мгновеній мы барахтались, наконецъ встали на ноги и, схватясь за край канавы, начали выползать изъ нея.

— Это ничего...—сказалъ я, чувствуя за собой вину и желая чѣмъ-нибудь утѣшить товарища.—Это ничего!

И вдругъ... поднявъ голову, я ужаснулся и, какъ вьюнъ, скользнулъ обратно въ канаву.

Я увидѣлъ, въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ государя императора, верхомъ на лошади. Его величество остановился и смотрѣлъ въ нашу сторону.

— Назадъ!—прошипѣлъ я товарищу, въ надеждѣ, что мы не замѣчены.

Онъ не видѣлъ моей диверсіи и, очевидно, не услышалъ меня, такъ какъ продолжалъ карабкаться.

— Пріемъ пластуновъ!—тихо скомандовалъ я ему.

Товарищъ поднялъ голову, взглянулъ впередъ... и припалъ къ землѣ.

Но было поздно.

Раздался голосъ государя:

— Шалуны ко мнѣ!

Я выглянулъ изъ канавы.

— Сюда!—повторилъ государь, сдѣлавъ призывающее движеніе руки.

Я выбросился изъ канавы и кинулся бѣгомъ на зовъ.

Государь былъ одинъ. Въ двухъ шагахъ отъ него, наблюдая за мной, неподвижно стояла чудная собака его величества Каро. Въ нѣкоторомъ отдаленіи, вправо, по дорогѣ, на которой остановился государь,—это была передняя линейка нашего лагеря,—тихо приближался берейторъ его величества. Влѣво, въ нѣсколько большемъ отдаленіи, на той же линейкѣ строились мои товарищи, быстро выбѣгая изъ барака.

Я остановился въ трехъ шагахъ отъ государя, вытянулся въ струнку и отчеканилъ «руку подъ козырекъ».

Его величество молча и, какъ мнѣ показалось, сурово посмотрѣлъ на меня.

Я почувствовалъ, какъ моя бойкая, смѣлая душа уходитъ, что называется, «въ пятки».

Тяжелый, длительный въ переживаніи моментъ...

Но вотъ, благодаря ли контрасту моей выправки—«мертвой стойки», съ жалкимъ внѣшнимъ видомъ, или сугубо карикатурной фигурѣ приблизившагося компаньона моего, на лицѣ государя появилась улыбка.

Какъ согрѣтая теплomъ ртуть, моя душа быстро поднялась «на свое мѣсто».

Товарищъ же мой окончательно потерялся, по всей его фигурѣ пробѣгала дрожь испуга.

— Отъ такого купанья можно схватить лихорадку,—пристально посмотрѣвъ на него, сказалъ государь, и съ лица его сошла улыбка.

— Мы военные, мы будущіе воины... и такого рода испытанія намъ полезны, ваше императорское величество!— бойко, словно затверженное, отчеканилъ я.

На лицѣ государя вновь появилась улыбка, и онъ спросилъ меня:

— Кто тебѣ сказалъ, что это полезно?

— Его высокопревосходительство, господинъ военный министръ...—началъ было я.

— Вотъ какъ!— остановилъ меня его величество.— Развѣ ты давно здѣсь купаешься?

Я наконецъ уловилъ смыслъ вопросовъ, а потому рѣшительно, убѣжденно отвѣтилъ:

— Никакъ нѣтъ, ваше императорское величество, первый и, даю слово, послѣдній разъ...

— Охотно вѣрю... Такъ шалить нельзя,—серьезно сказалъ государь и, обратясь къ моему товарищу, спросилъ:

— А ты!?

Тотъ стоялъ въ слезахъ и молчалъ, но, повидимому, пришелъ въ себя,—дрожь испуга миновала.

— Что же ты молчишь? Или хочешь повторить купанье?—мягко, съ улыбкой спросилъ государь.

— Простите, больше не буду, ваше императорское величество!

Послѣдовала пауза.

— На лѣвый флангъ, бѣгомъ маршъ!—сдѣлавъ движеніе рукой въ сторону строя нашихъ товарищей, скомандовалъ намъ императоръ.

Мы поняли эту команду, какъ прощеніе нашей вины, и съ радостнымъ лицомъ ретиво ее выполнили, отнюдь уже не смущаясь нашимъ крайне неприглядnымъ видомъ.

Его величество шагомъ приблизился къ фронту и поздоровался:

— Здорово, дѣти!

Мы отвѣтили:

— Здравія желаемъ вашему императорскому величеству!

И вслѣдъ, по установленному у насъ обыкновенію, трижды прокричали: «ура!»

Государь, миновавъ фронтъ, у праваго фланга пріостановился.

— Водолазовъ переодѣть... и не взыскивать!—сказалъ онъ дежурному воспитателю и тихо продолжалъ свой путь.

Но тутъ случилось новое неожиданное событіе.

Не отъѣхалъ государь и десяти шаговъ, какъ отъ задней линейки нашего лагеря, гдѣ помѣщались кухни, появилась цѣлая стая собакъ и съ неистовымъ лаемъ окружила Каро, медленно передвигавшагося за своимъ державнымъ хозяиномъ. Каро, съ видимымъ удивленіемъ, оглянулъ обложившую и насѣдавшую на него стаю и остановился. Фигура его выражала великое спокойствіе, которымъ онъ, какъ истый аристократъ собачьей породы, очевидно, рѣшилъ отвѣтить плебеямъ. Чудная собака застыла въ своей позѣ. Однако барбосы не унимались, а насѣдали все настойчивѣй и яростнѣй.

Неожиданность, стремительность нападенія такъ всѣхъ озадачила, что никто ничего не предпринималъ для защиты Каро. Положеніе его становилось критическимъ.

И вотъ, увлеченный внезапнымъ порывомъ, я схватываю лежавшія у бровки барака двѣ тяжеловѣсныхъ палки «городковъ» и съ ними кидаюсь въ самую гущу собачьяго мятежа.

Государь повернулъ обратно лошадь и остановился, наблюдая сцену.

— Не бей ихъ, не трогай... Каро самъ внушитъ имъ къ себѣ уваженіе!—услышалъ я голосъ государя, когда мнѣ удалось больно ударить одного, сильно насѣдавшаго пса, и онъ обратился въ бѣгство.

— Никакъ нѣтъ, ваше императорское величество! Ихъ надо разгонять!—крикнулъ я, увлеченный своимъ дѣломъ и совершенно не думая о формѣ отвѣта.

Я употребилъ много усилій прежде, чѣмъ мнѣ удалось, съ помощью подоспѣвшихъ товарищей, разогнать собакъ.

— Однако ты бѣдовый!—шутливо сказалъ мнѣ государь и на прощанье милостиво добавилъ:

— Молодецъ!.. Спасибо тебѣ!

— Радъ стараться, ваше императорское величество!—во всѣ легкія гаркнулъ я въ отвѣтъ удалявшемуся императору.

Такъ окончился для меня царскимъ спасибо этотъ день, полный неожиданностей и сильныхъ переживаній. И долго потомъ въ моихъ ушахъ звучало это царское спасибо, оставивъ на всю жизнь въ моей душѣ неизгладимую память о добромъ, любвеобильномъ императорѣ Александрѣ II.

А въ связи съ этимъ днемъ встаютъ воспоминанія о другомъ днѣ.

Минуло около года. Наступила весна 1877 года. 13-го апрѣля была объявлена Турціи война, и нашимъ войскамъ повелѣно вступить въ предѣлы Оттоманской имперіи.

Въ маѣ на театръ военныхъ дѣйствій изъ Петербурга отправлялся санитарный поѣздъ имени государыни императрицы Маріи Александровны. Предъ отправленіемъ на Николаевскомъ вокзалѣ поѣздъ лично осматривали императоръ съ императрицей.

Посторонней публики на вокзалъ допущено не было. Однако нѣсколько человѣкъ, повидимому, близкихъ служащимъ дороги, проникло на вокзальную платформу. Въ числѣ ихъ находился и я съ своимъ семилѣтнимъ братомъ.

Былъ ясный солнечный полдень. Мы помѣстились у передняго вагона отправляемаго поѣзда, который былъ поставленъ у открытой платформы, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ зданія вокзала.

Долго ждать намъ не пришлось. Быстро, одинъ за другимъ, появлялись на платформѣ генералы въ парадной формѣ. Величественно прошелъ всегда блестящій и гордый великанъ Николай Васильевичъ Исаковъ, рѣшительно выдѣляясь среди другихъ своимъ видомъ, какъ сказочный персонажъ среди обыкновенныхъ смертныхъ. Онъ нашъ главный начальникъ (начальникъ главнаго управленія военно-учебныхъ заведеній) и у насъ составилось о немъ мнѣніе, какъ о весьма строгомъ и взыскательномъ, а потому, когда Исаковъ приблизился къ переднимъ вагонамъ поѣзда, я, что было силъ и сноровки, «вытянулся въ струнку», предварительно шепнувъ брату:

— Нашъ, самъ!

Стоявшая рядомъ старушка, услыша мои слова, заволновалась, а когда увидѣла генерала величавой, царственной осанки, быстро выхватила изъ-за пазухи бумагу и упала къ ногамъ Исакова.

Тотъ остановился, нагнулся къ старушкѣ и спросилъ:

— Что тебѣ, старая? Ты ко мнѣ?

— Къ тебѣ, батюшка!.. Къ тебѣ, нашъ кормилецъ!—сказала старуха, подавая прошеніе.

Исаковъ взялъ прошеніе, развернулъ его и тогда увидѣлъ ошибку просительницы.

— Это къ царю...—сказалъ онъ, возвращая бумагу.

— Къ тебѣ, батюшка, ваше величество!.. Къ тебѣ, нашъ пресвѣтлый!—заволновалась старуха.

— Я не царь, я его генералъ...—съ улыбкой сказалъ Исаковъ:— царь сейчасъ будетъ...

И онъ продолжалъ свой величественный ходъ, бросивъ на меня съ высоты своего исполинскаго роста испытующій взглядъ.

Вскорѣ прибыли ихъ величества, а за ними ихъ высочества наслѣдникъ цесаревичъ съ супругою и вошли въ задній вагонъ поѣзда, первый на пути ихъ слѣдованія. Осмотрѣвъ нѣсколько вагоновъ,

они вышли на платформу и нѣкоторое время бесѣдовали между собою, а затѣмъ снова вошли въ поѣздъ и осмотрѣли его до конца.

Я стоялъ напротивъ передней площадки перваго вагона, и сердце мое усиленно забилось, когда на ней я увидѣлъ государя императора, съ поднятымъ въ мою сторону взглядомъ.

Государь былъ грустно задумчивъ; онъ сильно измѣнился, осунулся. На немъ было пальто, наглухо застегнутое, несмотря на теплую, весеннюю погоду. Лѣвой рукой государь опирался на палку. Очевидно, помимо душевныхъ волненій, вызванныхъ послѣдними политическими событіями и сильно отразившихся на психикѣ государя, онъ недомогалъ и физически.

Его величество медленно спустился съ площадки вагона. Взглядъ его скользнулъ по мнѣ и остановился на маленькой фигуркѣ моего брата Шуры, стоявшаго влѣво отъ меня. Шура былъ очень красивый, стройный мальчикъ; его оживленное, миловидное личико обрамляли ниспадавшіе на плечики свѣтло-шелковые, волнистые локоны. На Шурѣ былъ матросскій костюмъ, на лентѣ шапочки красовалась надпись: «Гибель османамъ!»

Повидимому, надпись привлекла вниманіе государя, онъ грустно улыбнулся и подошелъ къ брату.

— Какой славный мальчикъ!—сказалъ государь, положилъ свою руку на выбившіеся изъ-подъ сдвинутой на затылокъ шапочки локоны Шуры и спросилъ его:

— Ты чей?

Братишка зардѣлся, какъ піонъ, и не зналъ, что сказать.

Чувствуя неловкость молчанія, я бойко отрапортовалъ:

— Это мой братъ, ваше императорское величество!

Государь вопросительно взглянулъ на меня, а потомъ задалъ мнѣ вопросъ:

— Я, кажется, тебя знаю?

— Такъ точно, ваше императорское величество!—съ радостнымъ волненіемъ отвѣтилъ я.—Въ прошломъ году, въ Петергофѣ, въ присутствіи вашего величества я защищалъ Каро отъ разъяренной...

По лицу государя прошла мимолетная улыбка, и онъ остановилъ меня, сказавъ:

— Помню... Кто вашъ отецъ?

Я отвѣтилъ, что нашъ отецъ умеръ, и назвалъ войсковую часть, которой онъ командовалъ предъ смертью, его чинъ и фамилію.

Государь задумался, что-то припоминая, и, спустя нѣсколько мгновеній, повторилъ фамилію и спросилъ меня:

— Второй?

— Такъ точно, ваше императорское величество!—взволнованно отвѣтилъ я.

— Помню, помню... вашъ отецъ мой сверстникъ и однокашникъ,— сказалъ государь.

— У насъ нѣтъ папы, папа нашъ умеръ... — вслѣдъ печально сказалъ Шура, поднимая на государя свои голубые глаза, изъ которыхъ показались слезинки.

— Гдѣ вы живете? — растроганно спросилъ государь, обращаясь къ Шурѣ.

— Мы живемъ у мамы... на Лиговкѣ. Вотъ здѣсь!—пролепеталъ Шура, поворачиваясь и показывая ручонкой на домъ, виднѣвшійся предъ императоромъ. А сюда насъ пустила мама посмотрѣть нашего государя.

— Какой славный мальчикъ!—вновь сказалъ его величество и погладилъ Шуру по головкѣ.

А затѣмъ обратился ко мнѣ:

— Скажи вашей матери, чтобы она написала мнѣ о вашемъ положеніи.

И его величество сталъ удаляться, но въ это время къ его ногамъ упала просительница старуха. Государь остановился и, принявъ отъ нея прошеніе, сказалъ:

— Встань, милая, и не безпокойся... твоя просьба будетъ разсмотрѣна.

И государь тихо продолжалъ свой путь.

Съ смѣшанными чувствами радостнаго волненія и грустной скорби мы прибѣжали домой и разсказали мамѣ все. И заплакала она неудержными слезами, а, глядя на нее, заплакалъ и я съ братишкой. И долго просидѣли мы въ молчаливыхъ слезахъ въ этотъ радостный и счастливый для насъ день.

Спустя недѣлю къ намъ на квартиру пріѣхалъ фельдъегерь и привезъ пакетъ, въ которомъ оказалось пять тысячъ рублей, выданныхъ нашему семейству въ пособіе изъ личныхъ средствъ государя императора. Эта монаршая щедрота была отвѣтомъ на поданное нашей матерью на другой же день послѣ описаннаго событія (чрезъ Д. А. Милютина) прошеніе государю съ изложеніемъ нашего семейнаго и имущественнаго положенія.

Къ разсказаннымъ событіямъ двухъ дней моего дѣтства невольно присоединяется личное воспоминаніе о славномъ сподвижникѣ императора Александра II, его военномъ министрѣ Д. А. Милютинѣ. Это воспоминаніе, какъ пріуроченное къ двумъ-тремъ маленькимъ однодневнымъ событіямъ военно-гимназической жизни, составляетъ третій памятный день моего дѣтства.

Однажды, незадолго до описаннаго «купанья» въ канавѣ, въ тѣхъ же петергофскихъ лагеряхъ насъ посѣтилъ военный министръ. Онъ вошелъ въ нашъ баракъ неожиданно, въ то время, когда мы сидѣли на репетиціонныхъ занятіяхъ по французскому языку. Нашъ дежурный воспитатель, онъ же и репетиторъ по предмету, недавно окончившій высшіе военно-педагогическіе курсы и прикомандированный къ нашей гимназіи въ качествѣ «приватнаго» воспита-

теля, Александръ Аѳанасьевичъ Благовѣщенскій (впослѣдствіи получившій извѣстность своими спеціальными литературными трудами) встрѣтилъ военнаго министра рапортомъ, причемъ, будучи безъ фуражки, по растерянности или разсѣянности, приложилъ руку къ открытому лбу. Намъ, уже умудреннымъ въ правилахъ отданія воинской чести, это показалось смѣшнымъ, и мы стали фыркать.

Дмитрій Алексѣевичъ выслушалъ рапортъ, склонивъ голову на бокъ и глядя въ землю, какъ бы не видя оплошности рапортующаго, а потомъ поздоровался съ нами и, не предлагая садиться, сказалъ длинную рѣчь, въ которой убѣждалъ насъ серьезнѣе относиться къ жизни и не быть придирчивыми къ мелочнымъ недочетамъ, не имѣющимъ существеннаго значенія для дѣла. Мы прекрасно поняли, что причиною рѣчи было наше неумѣстное фырканье, хотя Дмитрій Алексѣевичъ ни единымъ словомъ о немъ не обмолвился. Онъ говорилъ съ нами, какъ съ равными. Слово его было просто, но дѣйствовало глубоко убѣдительно, затрагивая и волнуя лучшія стороны души. Помню, слушая обращенную къ намъ рѣчь его, мы, малыши, сильно краснѣли, а по удаленіи Дмитрія Алексѣевича сообща рѣшили, что нашъ поступокъ не только неразуменъ, но, прежде всего, крайне неприличенъ и что на будущее время такъ поступать мы не должны.

Окончивъ свое слово, военный министръ приказалъ намъ сѣсть, а самъ, стоя, спрашивалъ по предмету нѣкоторыхъ изъ насъ. А затѣмъ, присѣвъ на край скамьи и обнявъ рукой шею рядомъ сидѣвшаго воспитанника, предложилъ ему прочитать и перевести одно мѣсто раскрытаго учебника. Воспитанникомъ этимъ былъ я. Указанное мѣсто я зналъ очень плохо, въ чемъ и сознался. Тогда Дмитрій Алексѣевичъ сказалъ:

— Найди то мѣсто, о которомъ думаешь, что знаешь его хорошо.

Я откинулъ нѣсколько страницъ и сдѣлалъ бѣглый переводъ съ французскаго на русскій и обратно.

— Ты не ошибся въ оцѣнкѣ своего знанія, оба перевода прекрасны... Продолжай и дальше такъ же учиться, а главное— безошибочно оцѣнивать себя,—сказалъ Дмитрій Алексѣевичъ и поднялся.

Обходя лагери, военный министръ нашелъ въ одномъ запертомъ на замокъ помѣщеніи нѣсколько арестованныхъ воспитанниковъ. На его вопросъ, за что эти воспитанники подвергнуты аресту, исполняющій за директора гимназіи Е. К. Баумгартена 3-го его обязанности инспекторъ классовъ Порфирій Никитичъ Бѣлоха (извѣстный географъ) отвѣтилъ, что два часа тому назадъ онъ засталъ виновныхъ «на батареѣ». Инспекторъ объяснилъ министру значеніе этого термина. Такъ называли воспитанники опасную

игру-шалость, часто ими за послѣднее время практиковавшуюся и заключавшуюся въ томъ, что изъ собранныхъ тайкомъ на сосѣднемъ учебномъ плацу конно-гренадерскаго полка патроновъ (въ которыхъ зачастую находился порохъ) они импровизировали артиллерійскія орудія, а къ нимъ въ землѣ—миніатюрные батарейные окопы; изъ созданной такимъ образомъ «батареи» шалуны производили «канонаду», поджигая порохъ запальниками, водруженными на длинныя палки.

— Давно ли они арестованы?—выслушавъ объясненія Бѣлохи, спросилъ его Дмитрій Алексѣевичъ.

— Вслѣдъ за совершеніемъ проступка, какъ я имѣлъ честь вамъ объяснить,—два часа тому назадъ,—отвѣтилъ тотъ.

— Вслѣдъ за совершеніемъ проступка... слѣдовательно, не предложивъ имъ надлежащихъ указаній разобраться въ немъ?!

— Не имѣлъ времени...—заикнулся было смутившійся Бѣлоха.

— Извините, многоуважаемый Порфирій Никитичъ, я вынужденъ съ вами не согласиться первый и, можетъ быть, единственный разъ, а потому прошу отмѣнить ваше взысканіе.

— Съ большою охотою,—отвѣтилъ Бѣлоха.

— Вы свободны, выйдите изъ помѣщенія,—вслѣдъ сказалъ Дмитрій Алексѣевичъ арестованнымъ.

И когда послѣдніе вышли на открытый воздухъ, онъ подошелъ къ нимъ и повторилъ:

— Вы свободны, но я долженъ съ вами поговорить...

Болѣе часа проговорилъ Дмитрій Алексѣевичъ съ освобожденными имъ отъ наказанія воспитанниками и въ заключеніе получилъ отъ нихъ слово не только не повторять опасной шалости, но и воздѣйствовать на другихъ въ томъ же смыслѣ. Не бывъ непосредственнымъ слушателемъ бесѣды Дмитрія Алексѣевича, я не могу теперь воспроизвести ея характерныхъ особенностей на основаніи своевременнаго слабаго пересказа моихъ товарищей, но память моя твердо запечатлѣла знаменательное послѣдствіе—повтореній опасной игры послѣ этой бесѣды у насъ больше не было. Маленькая, но блестящая параллель-иллюстрація двухъ педагогическихъ пріемовъ.

Невольно мысль восходитъ отъ частнаго къ общему, и благодарная память пробуждаетъ въ душѣ бывшаго воспитанника военной гимназіи свѣтлый образъ иниціатора-создателя этихъ, смягчившихъ нравы нашей военной среды учебныхъ заведеній, для которыхъ онъ привлекъ лучшія для того времени педагогическія силы страны, а въ виду ихъ количественной ограниченности и призвалъ къ жизни славное учрежденіе,—высшіе военно-педагогическіе курсы,—давшее за недолгое время своего существованія цѣлую фалангу даровитыхъ и преданныхъ своему дѣлу педагоговъ, которые, и по офи-

ціальномъ упраздненіи идей иниціатора и созданныхъ имъ учрежденій, были свѣточами на обще-педагогическомъ и иныхъ поприщахъ. И рвется отъ сердца хвала — честь и слава искреннѣйшему поборнику и твердому проводнику гуманитарныхъ началъ въ русскую жизнь, доктору военной исторіи и послѣднему современному генералъ-фельдмаршалу графу Дмитрію Алексѣевичу Милютину! Реакція 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія заставила этого стойкаго борца за идеи справедливости и равенства-братства удалиться отъ его славныхъ дѣлъ. Слетѣлись другія птицы, пропѣли другія пѣсни. Но вотъ настаетъ иное время—идетъ, близится судъ исторіи. Золотыми буквами напишется ея приговоръ надъ дѣятельностью маститаго старца, ибо онъ смягчилъ нравы нашей жизни, облегчивъ тяготы арміи военнаго государства переустройствомъ ея быта на началахъ человѣчности и введенія всесословной повинности, создавъ цѣлую фалангу свѣтоносцевъ, педагоговъ-гуманистовъ и упразднивъ своимъ воздѣйствіемъ позоръ тѣлесныхъ наказаній для русской женщины.

Георгій Черенковъ.

ПЕРВОЕ МАРТА 1881 ГОДА.

СИДЯ въ углу нашего зала, пиликалъ на скрипкѣ скрипачъ, а «Конекъ-Горбунокъ», артистъ императорскаго балета, старикъ Пишо, принимая граціозныя позы, подъ музыку, въ тактъ выдѣлывалъ разныя па, стараясь обучить насъ столь полезному для шлифовки свѣтской молодежи искусству Терпсихоры. Но добиться какого-либо успѣха отъ меня, восемнадцатилѣтняго правовѣда, маэстро уже давно отказался; зато его искренно радовали и грація, и легкость, которыя ему удалось привить четыремъ своимъ ученику и ученицамъ: младшему моему брату-кадету, восьмилѣтней моей сестрѣ и сверстницамъ и подругамъ ея Альмѣ и Женѣ Бирон̀ъ.

Было воскресенье, а по воскресеньямъ школьники свободны, и потому наши уроки танцевъ и были пріурочены къ этому дню недѣли.

Урокъ нашъ дошелъ уже, по времени, до половины, когда въ сосѣдней съ залою передней раздался продолжительный звонокъ. Мы слышали, какъ старшій лакей нашъ Илья пробѣжалъ по коридору открывать дверь, затѣмъ какую-то въ передней возню, и наконецъ дверь въ залъ открылась.

На порогѣ появился мой отецъ. Онъ былъ въ накинутой на плечи своей съ бобрами шинели, но на головѣ у него была не своя фуражка, а кепи околоточнаго надзирателя.

Всѣ мы, не исключая и вошедшей на звонокъ въ залъ матушки моей, сначала ничего не понимали и, кромѣ удивленія, едва ли что иное могли выражать наши лица.

— Не безпокойся, Саша,—обращаясь къ матушкѣ моей, сказалъ отецъ:—я немного раненъ, но государь—онъ убитъ.

Какъ громомъ, были мы всѣ поражены этою безгранично-горестною вѣстью и, растерявшись, сначала не знали, что дѣлать. Скрипка, вѣроятно, заглушила для насъ шумъ оглушившихъ всю Россію 1-го марта 1881 года взрывовъ, такъ какъ мы ихъ не слышали.

Но отцу моему сдѣлалось дурно. Его сзади поддержалъ привезшій его на извозчикѣ околоточный надзиратель. Урокъ нашъ, понятно, прекратился. Отца провели въ кабинетъ и стали раздѣвать, но времени терять было нельзя, и, ничего еще толкомъ не узнавъ, я на извозчикѣ помчался (телефоновъ тогда не было) изъ зданія Казанской части, съ Офицерской улицы, гдѣ отецъ мой, Адріанъ Ивановичъ, какъ петербургскій полицеймейстеръ, занималъ казенную квартиру, за постояннымъ нашимъ врачомъ П. И. Образцовымъ, проживавшимъ тогда, насколько помню, на Пантелеймоновской улицѣ.

На Невскомъ, противъ Гостинаго двора, мнѣ встрѣтился быстро ѣхавшій изъ Аничкова въ Зимній дворецъ государь императоръ Александръ Александровичъ съ государынею императрицею, сопровождаемый конвоемъ, но въ общемъ впечатлѣнія этой моей поѣздки оставили во мнѣ самыя смутныя воспоминанія.

Съ тѣхъ поръ прошелъ тридцать одинъ годъ; многія подробности, естественно, изгладились за это время изъ памяти моей, и потому я буду говорить о томъ только, что оставило въ ней болѣе отчетливые слѣды.

Когда, приблизительно черезъ часъ, вернулся я домой съ докторомъ Образцовымъ, я засталъ отца уже раздѣтаго и уложеннаго на диванъ въ сосѣдней съ заломъ гостиной. Въ комнатахъ этихъ народу было много. Были и совершенно неизвѣстныя, пришедшія съ улицы лица, привлеченныя, быть можетъ, участіемъ, а, вѣрнѣе, любопытствомъ. Въ толпѣ оказалось нѣсколько (очевидно, пять) полицейскихъ врачей, изъ коихъ припоминаю только доктора Дункана. Былъ извѣстный хирургъ И. М. Барчъ, а всего съ Образцовымъ семь докторовъ, потребовавшихъ удаленія постороннихъ. Сдѣлать это удалось не сразу, не безъ труда и уговоровъ.

Оказалось у отца пятьдесятъ семь ранъ: на правой половинѣ спины, на правомъ боку, правой рукѣ и ногѣ; нѣсколько пораненій было на задней части шеи и двѣ-три ранки на правой сторонѣ лица. Раны имѣли видъ отъ точечныхъ до съ горошинку величиною круглыхъ отверстій съ темными обожженными краями, но въ нихъ, наощупь, не было обнаружено присутствія осколковъ или вообще постороннихъ тѣлъ. Къ зондированію же болѣе глубокихъ пораненій врачи находили опаснымъ приступать.

На хранящемся и по сей часъ у меня мундирѣ отца моего ясно замѣтно громадное количество мелкихъ отверстій, причиненныхъ взрывомъ.

На видъ каждая ранка казалась пустячною, но, какъ было установлено вскрытіемъ тѣла цареубійцы, кинувшаго второй взрывчатый снарядъ, лишившій и его самого жизни, каждая ранка образовывала внутри тѣла пустоту до вершка въ діаметрѣ.

Громадное количество полученныхъ отцомъ пораненій, въ связи съ неизвѣстностью состава, коимъ они были причинены, и невозможностью зондированія,заставляло опасаться рокового исхода тѣмъ болѣе, что нельзя было отрицать и наличности отравы во взрывчатомъ снарядѣ.

— Если снарядъ былъ отравленъ,—говорили врачи:—это выяснится въ теченіе сутокъ, и тогда...

Утѣшительнаго было мало, но особенную тревогу возбудилъ въ всѣхъ насъ въ этомъ отношеніи ветеринарный врачъ.

Дѣло въ томъ, что первымъ взрывомъ, разбившимъ карету государя, была ранена сѣрая пара лошадей моего отца (кучеръ же Василій Шиловъ остался невредимъ, какъ и отецъ при этомъ первомъ взрывѣ), слѣдовавшая за царской каретой. Раненыя лошади отца все же отвезли умиравшаго монарха въ Зимній дворецъ и только послѣ этого вернулись домой. Приглашенный для осмотра ихъ ветеринарный врачъ, кажется, Лешъ, осмотрѣвъ ихъ, по секрету отъ родителей моихъ, сообщилъ мнѣ, что онъ сильно подозрѣваетъ, что во взрывчатомъ снарядѣ былъ какой-то ядъ. Лешъ этого тоже не утверждалъ и говорилъ, что въ теченіе сутокъ вопросъ выяснится.

Конечно, наличность яда въ снарядѣ, ранившемъ лошадей, не исключала возможности его отсутствія въ другомъ снарядѣ, но такое предположеніе было мало вѣроятно.

Словомъ, приходилось ждать цѣлыя сутки, пока могло выясниться, останется ли отецъ живъ, или умретъ отъ отравы?.. Насколько такое ожиданіе было для меня мучительнымъ, надо ли говорить?

Государя уже не стало, а еще вчера, 28-го февраля, я видѣлъ его, когда съ отцомъ своимъ сопровождалъ по городу и онъ заѣзжалъ во дворецъ великаго князя Николая Николаевича Старшаго, не помышляя, конечно, о томъ, что жить ему осталось лишь сутки.

— А завтра,—думалъ я,—быть можетъ, не станетъ и отца!

Въ училище я вечеромъ, понятно, не пошелъ. Директоръ И. С. Алопеусъ разрѣшилъ мнѣ отпускъ на нѣсколько дней.

Два полицейскихъ фельдшера и матушка моя не отходили отъ отца. Говорить ему было врачами запрещено, но, несмотря на такое запрещеніе, въ теченіе 2-го—4-го марта отцу моему не разъ приходилось разсказывать подробности страшнаго дѣла. Поэтому разсказъ его глубоко врѣзался въ моей памяти, но, такъ какъ въ 1883 году отецъ, собиравшійся писать свои воспоминанія, самъ изложилъ на письмѣ описаніе событія 1-го марта, то я и включаю сюда цѣликомъ то, что частью написано имъ собственноручно, а

частью переписано тогда же мною съ его черновика, понынѣ у меня хранящагося.

Вотъ что онъ записалъ.

Прошло два слишкомъ года со времени мученической кончины одного изъ величайшихъ государей, императора Александра II, а между тѣмъ до сихъ поръ едва вѣрится, что монархъ, совершившій такъ много великаго и плодотворнаго для своихъ подданныхъ, облагодѣтельствовавшій свой народъ освобожденіемъ отъ рабства и другими славными реформами, могъ пасть отъ руки злодѣя, да еще вышедшаго изъ той среды, которая наиболѣе была облагодѣтельствована императоромъ Александромъ II. Чѣмъ тяжелѣе сознаніе, что катастрофа 1-го марта есть не миѳъ, а потрясающая дѣйствительность, тѣмъ неотвязчивѣе возникаетъ вопросъ: какъ могло случиться, что государь, бывшій въ полномъ смыслѣ великодушнѣйшимъ отцомъ своихъ подданныхъ, погибъ среди бѣлаго дня, въ сердцѣ государства—столицѣ, въ которой затрачиваются, сравнительно, огромныя суммы для обезпеченія безопасности не только царя, но и всякаго изъ обывателей.

Вдумываясь часто въ этотъ вопросъ и въ тѣ обстоятельства, которыя предшествовали и сопровождали страшную катастрофу 1-го марта, я, какъ служившій въ петербургской полиціи и исполнявшій особыя обязанности по отношенію къ выѣздамъ покойнаго государя, слѣдовательно, какъ человѣкъ, нѣсколько знакомый съ обстоятельствами дѣла, всякій разъ все рѣшительнѣе прихожу къ убѣжденію, что кровавое событіе 1-го марта могло бы быть предотвращено, если бы лица, которымъ даны были широкія полномочія, сумѣли воспользоваться ими цѣлесообразно. Будучи преслѣдуемъ этими неотступными размышленіями, я, наконецъ, рѣшилъ свои воспоминанія по этому предмету изложить письменно. Быть можетъ, со временемъ настоящія замѣтки послужатъ источникомъ къ пролитію иного свѣта на нѣкоторыя событія.

Начну свое повѣствованіе по этому предмету, для большей послѣдовательности и лучшаго уясненія фактовъ, со дня назначенія меня, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1867 года, изъ л.-гв. Московскаго полка чиновникомъ особыхъ порученій къ петербургскому оберъ-полицеймейстеру генералу Трепову. Кто изъ тогдашнихъ жителей столицы не зналъ и не имѣлъ дѣла съ этимъ безспорно умнымъ, энергичнымъ человѣкомъ, обладавшимъ вполнѣ самостоятельнымъ характеромъ? Принявъ, по высочайшей волѣ, сложную и отвѣтственную должность въ Петербургѣ, генералъ Треповъ сразу понялъ, что при тогдашнемъ двойственномъ подчиненіи оберъ-полицеймейстера министру внутреннихъ дѣлъ и шефу жандармовъ, представлявшимъ двѣ силы, дѣйствовавшія нерѣдко совершенно въ противоположномъ направленіи, нельзя вести съ успѣхомъ и пользою дѣло безъ представленія всѣхъ своихъ мѣропріятій непосредственно

Адріанъ Ивановичъ Дворжицкій.

государю императору. Задавшись мыслью имѣть личный докладъ у государя по дѣламъ столицы, генералъ Треповъ шелъ неуклонно къ намѣченной цѣли и, достигнувъ желаемаго, онъ, при полномъ довѣріи къ нему покойнаго государя Александра II, сталъ осуществлять рядъ такихъ преобразованій и улучшеній, какія были бы немыслимы при другихъ условіяхъ.

Такъ, въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ генералъ Треповъ преобразовалъ радикально полицію, привлекъ къ дѣлу много свѣжихъ силъ, способствовалъ устройству дешевыхъ столовыхъ, швейныхъ мастерскихъ, родильныхъ пріютовъ, скверовъ, народныхъ гуляній и многихъ усовершенствованій, относящихся къ благоустройству столицы и обезпеченію бѣдныхъ обывателей. Но самая важная заслуга генерала Трепова заключалась въ ясномъ пониманіи того

зла, которое поставило цѣлью ниспровергнуть существующій общественный и государственный строй. Борьбѣ съ этимъ зломъ онъ посвятилъ всѣ свои силы и, зная его энергію и прозорливость, можно съ достаточною увѣренностью предполагать, что генералъ Треповъ никогда не допустилъ бы распространенія заразы до тѣхъ предѣловъ, до которыхъ оно дошло впослѣдствіи, если бы борьба съ этимъ зломъ была главнымъ образомъ сосредоточена въ его рукахъ и если бы онъ встрѣтилъ со стороны суда и нѣкоторыхъ лицъ истинное пониманіе положенія дѣла, серьезное, твердое къ нему отношеніе, а не ничѣмъ не оправдываемую мягкость, колебаніе и гоньбу за популярностью. Извѣстно, что въ 1876 году стали распространяться слухи о безпорядкахъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ Россіи, а въ декабрѣ того же года эти безпорядки выразились въ Петербургѣ демонстраціею на Казанской площади. Съ того времени начался въ Петербургѣ рядъ политическихъ процессовъ, продолжавшихся до 18-го января 1878 года, т. е. по день окончанія процесса 193-хъ политическихъ преступниковъ. На засѣданіяхъ суда по всѣмъ этимъ процессамъ я былъ дежурнымъ полицеймейстеромъ и, слѣдовательно, очевидцемъ непонятной для меня слабости суда къ тѣмъ безнаказаннымъ оскорбленіямъ, которымъ подвергали судъ и администрацію не только подсудимые, но и присяжные повѣренные. Послѣдніе говорили невозможныя защитительныя рѣчи, представлявшія, въ сущности, безпощадное обвиненіе власти, причемъ предсѣдательствовавшій въ судѣ лишь изрѣдка останавливалъ не въ мѣру расходившихся говоруновъ. Припоминая всѣ эти безобразія, эти заигрыванія на засѣданіяхъ суда въ тонъ преступникамъ, невольно возмущаешься той преступной распущенностью, которая царила тогда въ здѣшнемъ обществѣ и которая, какъ будто, поощрялась свыше, такъ какъ къ пресѣченію злоупотребленій не принималось никакихъ мѣръ. При такомъ взглядѣ и отношеніи къ дѣлу анархистовъ на первыхъ порахъ ихъ преступной дѣятельности, спрашивается: могло ли это дѣло не получить широкаго распространенія, когда, съ одной стороны, преступники и ихъ защитники, послѣ невообразимыхъ оскорбленій администраціи, выходили изъ суда безнаказанно, съ торжествомъ, а, съ другой стороны, въ связи съ подобнымъ веденіемъ въ судахъ дѣлъ складывалось въ обществѣ убѣжденіе въ нѣкоторой правотѣ анархистовъ и виновности администраціи.

Въ подтвержденіе сказаннаго о глумленіи въ судѣ господъ защитниковъ надъ правительственными мѣропріятіями приведу слѣдующіе примѣры изъ процесса 193-хъ политическихъ преступниковъ.

Присяжный повѣренный Потѣхинъ въ защитительной рѣчи, весьма рѣзкой по отношенію къ обвиненію, между прочимъ выразился такъ:

— Сегодняшній судъ напоминаетъ картину Верещагина изъ болгарскаго быта. Картина эта—болгарская деревня послѣ раз-

грома и пожара, на развалинахъ которой валяются мертвыя тѣла, оберегаемыя коршунами. Не правда ли, картина хороша? Отъ нея смердитъ.

Присяжный повѣренный Александровъ свою до крайности возмутительную защитительную рѣчь закончилъ словами:

— За столь тяжкое обвиненіе невиновныхъ исторія, въ назиданіе потомству, пригвоздитъ къ позорному столбу имена тѣхъ, которые были причиною страданія этихъ невиновныхъ.

Затѣмъ, при выходѣ изъ залы суда, Александровъ обратился ко мнѣ со слѣдующею фразою:

— Полковникъ, я увѣренъ, что за сегодняшнюю рѣчь буду сегодня же высланъ изъ Петербурга.

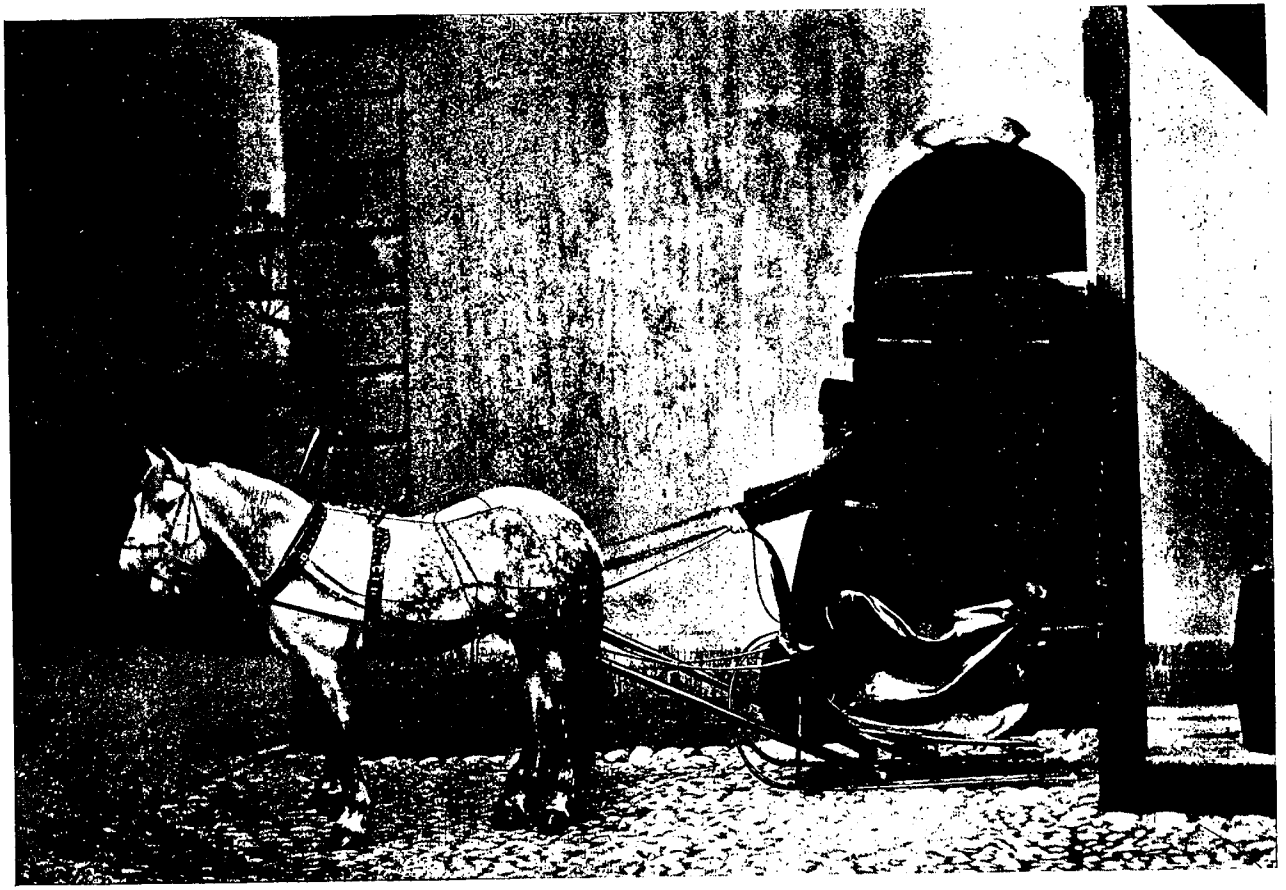
Въ дѣйствительности, однако, Александрова не только не выслали, но даже открыто восхищались его рѣчью. Подобными сравненіями и рѣзкостью отличались рѣчи и прочихъ защитниковъ, позволявшихъ себѣ дѣлать вопросы свидѣтелямъ со стороны обвиненія, особенно свидѣтелямъ, принадлежавшимъ къ администраціи, въ самой оскорбительной формѣ. Кромѣ того, зала суда была наполнена родственниками и друзьями подсудимыхъ, являвшимися ежедневно и установившими для переговоровъ съ подсудимыми своеобразный оптическій телеграфъ. Это замѣчательное дѣло продолжалось три мѣсяца и окончилось 18-го января 1878 года. Изъ 193-хъ подсудимыхъ не болѣе пятидесяти человѣкъ были высланы на жительство въ не столь отдаленныя мѣста, а остальнымъ предоставлено было жить, гдѣ имъ заблагоразсудится. Послѣдствія этихъ безобразій не замедлили сказаться.

24-го января того же года, т. е. черезъ шесть дней по окончаніи дѣла о 193-хъ подсудимыхъ, явилась въ пріемную градоначальника Вѣра Засуличъ и въ то время, когда генералъ Треповъ читалъ поданное ею прошеніе, она вынула изъ кармана револьверъ и произвела въ генерала Трепова выстрѣлъ въ упоръ.

Вѣсть объ этомъ преступленіи быстро распространилась по столицѣ, и, спустя самое короткое время, квартира градоначальника наполнилась высокопоставленными лицами и представителями разныхъ вѣдомствъ, пораженными этимъ гнуснымъ фактомъ. Благодаря заявленію шефа жандармовъ, покойнаго генералъ-адъютанта Мезенцева, и бывшаго министра юстиціи графа Палена, у многихъ сложилось убѣжденіе, что преступленіе Засуличъ не имѣетъ политической подкладки и на него надо смотрѣть, какъ на результатъ личной мести. Совершенно въ такомъ же духѣ это дѣло было доложено покойному государю и, вѣроятно, въ такой убѣдительной формѣ, что, несмотря на докладъ генерала Трепова его величеству, осчастливившему градоначальника своимъ посѣщеніемъ въ день полученія имъ раны, о томъ, что преступленіе Засуличъ принадлежитъ къ разряду политическихъ и поэтому необходимо принять энергичныя мѣры для избѣжанія крупныхъ безпорядковъ въ сто-

лицѣ и въ другихъ мѣстахъ, дѣло Засуличъ разбиралось въ судѣ, какъ обыкновенное уголовное преступленіе, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей. Защитникъ Засуличъ, присяжный повѣренный Александровъ, помня свое торжество въ предшествовавшемъ политическомъ процессѣ, явился и въ этомъ дѣлѣ безпощаднымъ обвинителемъ служебной дѣятельности генералъ-адъютанта Трепова. Александровъ въ цѣломъ фейерверкѣ трескучихъ фразъ позволялъ себѣ, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, въ присутствіи представителей разныхъ учрежденій, поносить и позорить лицо, занимавшее высокій административный постъ. Мало того, защитѣ разрѣшено было вызвать въ число свидѣтелей нѣсколько человѣкъ бывшихъ политическихъ преступниковъ, которые, подобно защитѣ, въ самой отвратительной формѣ воспроизводили подробности тѣлеснаго наказанія, которому былъ подвергнутъ арестантъ Боголюбовъ, какъ будто они были очевидцами этого, по ихъ словамъ, истязанія.

Смѣлая до дерзости рѣчь защитника, наглое, лживое показаніе свидѣтелей со стороны защиты и мягкость предсѣдателя суда Кони къ защитѣ отразилась на бывшей въ судѣ публикѣ, которая вознаградила рѣчь Александрова шумными рукоплесканіями. Одновременно съ засѣданіемъ суда по дѣлу Засуличъ на улицѣ, около зданія суда, собралось до двухъ тысячъ молодежи, почему, предвидя возможность оправданія подсудимой и проявленія безпорядковъ, я посылалъ нѣсколько разъ къ исправлявшему должность градоначальника генералу Козлову офицеровъ для доклада о ходѣ дѣла, о значительной толпѣ у зданія суда, о недостаточности находившейся въ моемъ распоряженіи полицейской силы, состоявшей изъ двадцати пѣшихъ жандармовъ и городовыхъ, на случай безпорядковъ. На всѣ мои донесенія и просьбы дать мнѣ инструкцію для дѣйствій я получалъ отъ генерала Козлова каждый разъ одинъ и тотъ же отвѣтъ: «примите гуманныя мѣры». Фальшь во взглядѣ на преступленіе Засуличъ, постановка ея дѣла въ судѣ, съ намѣреннымъ искаженіемъ фактовъ и значенія преступленія Засуличъ, повели къ тому, что она была безусловно оправдана. По выходѣ ея изъ дома предварительнаго заключенія она была восторженно встрѣчена стоявшею на улицѣ толпою, руководимой значительнымъ числомъ молодежи, судившейся прежде по политическимъ дѣламъ. Желая придать рѣшенію суда болѣе внушительный характеръ, толпа, взявъ Засуличъ на руки, намѣревалась нести ее къ Зимнему дворцу и къ квартирѣ генерала Трепова, но я, несмотря на ничтожную численность жандармовъ и городовыхъ, бывшихъ въ моемъ распоряженіи и на угрозы толпы раздавить меня массою, не допустилъ осуществленія ея намѣренія и направилъ весь этотъ сбродъ къ Воскресенскому проспекту. Одновременно съ этимъ я послалъ околоточнаго надзирателя за каретою, въ которую и сѣли Засуличъ, одна женщина и одинъ мужчина; по приводѣ кареты толпа бросилась откладывать лошадей, чтобы везти экипажъ на



Сани А. И. Дворжицкаго, въ которыхъ былъ перевезенъ въ Зимній дворецъ раненый императоръ Александръ II.

себѣ, но я и этого не допустилъ. Затѣмъ, продолжая медленно двигаться по Воскресенскому проспекту, толпа мгновенно повернула на Фурштатскую улицу, съ цѣлью направиться ко дворцу и квартирѣ градоначальника для производства демонстраціи. Остановивъ съ величайшимъ трудомъ шествіе, я послалъ жандармскаго офицера за конными жандармами; въ это время раздались три выстрѣла изъ толпы, которые, судя по жертвамъ, были направлены въ мою сторону. Одна пуля попала въ гербъ каски жандарма, другая ранила руку какой-то женщины и третья попала и убила бывшаго политическаго преступника Сидорацкаго. Всѣ упомянутыя лица находились около меня. Безпорядокъ этотъ не имѣлъ никакихъ послѣдствій для совершившихъ его. Равнымъ образомъ не были привлечены къ отвѣтственности лица, которыя чрезъ нѣсколько дней на панихидѣ въ церкви св. Владимирской Божіей Матери по Сидорацкомъ сборомъ пожертвованій въ церкви и рѣчами внѣ церкви прямо указывали, къ какому разряду людей они принадлежали.

Результатомъ всѣхъ этихъ послабленій явился рядъ убійствъ и покушеній на священную жизнь въ Бозѣ почившаго императора Александра II и разныхъ высокопоставленныхъ лицъ. Такъ, убитъ шефъ жандармовъ генералъ-адъютантъ Мезенцевъ, сдѣлано 2-го апрѣля 1879 года Соловьевымъ покушеніе на жизнь государя на площади штаба войскъ гвардіи, причемъ охранная стража показалась тогда, когда Соловьевъ успѣлъ сдѣлать пять выстрѣловъ; далѣе, 5-го февраля 1880 года произведенъ былъ взрывъ въ Зимнемъ дворцѣ; наконецъ стали обнаруживаться безпорядки въ учебныхъ заведеніяхъ, и однажды до семисотъ человѣкъ учащейся молодежи собралось къ собственному его величества Аничкову дворцу, желая подать государю наслѣднику цесаревичу Александру Александровичу прошеніе. Вступивъ съ находившимися во главѣ безпорядка лицами въ объясненіе, я уговорилъ ихъ разойтись по домамъ, но пріѣздъ градоначальника, генерала Зурова, далъ другой оборотъ дѣлу, и студенты разошлись только тогда, когда градоначальникъ увѣрилъ ихъ честнымъ словомъ, что поданное прошеніе будетъ представлено его императорскому высочеству и что изъ молодежи никто не будетъ арестованъ. Надо замѣтить, что демонстрацію эту ожидали, но не успѣли предупредить, такъ какъ эскадронъ жандармовъ и два эскадрона гвардейскихъ казаковъ прибыли ко дворцу тогда, когда все было давно уже окончено.

Во время этихъ безпорядковъ выпало на мою долю не мало труда и дѣла, чѣмъ я вполнѣ горжусь, какъ исполненіемъ долга службы, такъ и тѣмъ счастьемъ, которымъ меня удостоилъ государь императоръ Александръ III, назначивъ мнѣ подарокъ съ безцѣнною для меня надписью: «отъ государя наслѣдника цесаревича, А. И. Дворжицкому. 1879 годъ». Послѣ этихъ безпорядковъ начались усиленные обыски и аресты, которые привели къ открытію двухъ типо-

графій: одной въ Литейной части, а другой на Васильевскомъ островѣ.

Послѣ 2-го апрѣля 1879 года государь императоръ сталъ выѣзжать съ конвоемъ; мнѣ же приказано было находиться постоянно у Зимняго дворца, при прогулкахъ, выѣздахъ и возвращеніяхъ во дворецъ его величества. Покойный государь по возвращеніи съ поѣздки весьма часто подзывалъ меня и отдавалъ приказанія о наведеніи справокъ о замѣченныхъ имъ на улицахъ подозрительныхъ лицахъ. Хотя нѣсколько разъ мнѣ удавалось напасть удачно на слѣдъ указанныхъ его величествомъ личностей, но, во избѣжаніе могущихъ быть ошибокъ, градоначальникъ Зуровъ приказалъ мнѣ не ограничиваться наблюденіемъ у дворца, а сопровождать государя императора всюду.

Его величество, привыкнувъ видѣть меня около себя вездѣ во время выѣздовъ, постоянно обращался ко мнѣ съ указаніями на лицъ, казавшихся по какой-либо причинѣ ему подозрительными. Слѣдуя за экипажемъ государя, я старался быть какъ можно внимательнѣе, дабы не пропустить что-либо, могущее обратить на себя вниманіе государя. Случалось часто, что при докладѣ его величеству о задержаніи при проѣздѣ государя подозрительной личности онъ замѣчалъ: «вѣрно, у него скверная рожа». Задержанныя лица отправлялись въ секретное отдѣленіе канцеляріи градоначальника для справокъ и удостовѣренія личности.

Послѣ взрыва въ Зимнемъ дворцѣ, какъ извѣстно, было упразднено петербургское генералъ-губернаторство и учреждена верховная комиссія, подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта графа Лорисъ-Меликова. Въ маѣ мѣсяцѣ того же года вмѣсто генерала Зурова назначенъ исправлять должность градоначальника помощникъ его полковникъ Ѳедоровъ. Считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ относительно моего служебнаго положенія, ставшаго ненормальнымъ вслѣдствіе назначенія полковника Ѳедорова исполняющимъдолжность градоначальника, какъ человѣка, значительно позднѣе меня произведеннаго въ означенный чинъ и находившагося, сравнительно со мною, короткое время въ составѣ петербургской полиціи. Графъ Лорисъ-Меликовъ, узнавъ объ этомъ, призвалъ меня къ себѣ и объявилъ, что онъ имѣетъ въ виду ходатайствовать о производствѣ меня въ чинъ генералъ-майора съ назначеніемъ состоять при корпусѣ жандармовъ. Когда графъ услышалъ, что это предположеніе не устраиваетъ меня по нѣкоторымъ причинамъ, тогда онъ предложилъ мнѣ мѣсто губернатора, но и отъ этого предложенія, по семейнымъ моимъ обстоятельствамъ, я вынужденъ былъ отказаться. Послѣ этого вторичнаго отказа, графъ, выразившись весьма лестно о моей службѣ и желая вознаградить таковую чѣмъ-либо существеннымъ для меня, спросилъ: что именно хотѣлъ бы я для себя? На вопросъ графа я просилъ оставить меня временно въ должности полицеймейстера и, въ виду семейнаго моего положенія

и отсутствія собственныхъ средствъ къ жизни, исходатайствовать, взамѣнъ производства въ генералы, назначеніе мнѣ аренды. Графъ обѣщалъ объ этомъ доложить государю императору и содѣйствовать скорому удовлетворенію моей просьбы. Дѣйствительно, чрезъ нѣсколько дней я снова былъ потребованъ къ графу Лорисъ-Меликову, который сказалъ слѣдующее:

— Я доложилъ государю о вашемъ отказѣ отъ производства въ генералы и желаніи продолжать ту же службу; на это его величество изволилъ выразиться: «Передай Дворжицкому, что я радъ рѣшенію его остаться на этой должности. Я къ нему привыкъ и люблю его». Далѣе графъ продолжалъ:

— Не думайте, что я говорю вамъ это только для успокоенія васъ, государь дѣйствительно приказалъ передать вамъ то, что я сказалъ; при этомъ находились великій князь Алексѣй Александровичъ и министръ императорскаго двора; великій князь отозвался о васъ самымъ лестнымъ образомъ, поѣзжайте къ нему и поблагодарите за милостивый отзывъ о васъ предъ его величествомъ.

У великаго князя я былъ въ тотъ же день для принесенія глубочайшей благодарности за милостивый обо мнѣ отзывъ; что касается аренды, то таковой я не получилъ.

Назначеніе графа Лорисъ-Меликова предсѣдателемъ верховной комиссіи было радостно встрѣчено всѣми благомыслящими людьми, вѣровавшими въ то, что графъ сумѣетъ найти энергичное, радикальное средство противъ крамолы. Вѣра въ энергію графа еще болѣе укрѣпилась, когда на первыхъ порахъ за покушеніе на его жизнь Молодецкій былъ казненъ черезъ двадцать четыре часа по окончаніи суда надъ нимъ. Пока существовала верховная комиссія, въ твердой дѣятельности какъ графа Лорисъ-Меликова, такъ и полиціи по обыскамъ и арестамъ анархистовъ и лицъ, заподозрѣнныхъ въ принадлежности къ нимъ, не замѣчалось перемѣны, но съ назначеніемъ графа министромъ внутреннихъ дѣлъ и упраздненіемъ верховной комиссіи, по случаю усмиренія крамолы, какъ сказано было въ высочайшемъ рескриптѣ на имя графа, начался видимый поворотъ въ планѣ его дѣйствій, отразившійся крайне прискорбно на дѣлѣ искорененія антиправительственнаго движенія и не оправдавшій послѣдующими событіями тѣхъ надеждъ, которыя были возложены на графа Лорисъ-Меликова.

Поворотъ послѣдняго на путь послабленій, выжиданій и наблюденій, т. е. на тотъ путь, который никоимъ образомъ не соотвѣтствовалъ ни обстоятельствамъ, ни условіямъ времени, вѣроятно, произошелъ оттого, что или графъ былъ введенъ въ заблужденіе мнимымъ спокойствіемъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, или же онъ предполагалъ, что для успѣшной борьбы съ крамолой наиболѣе дѣйствительное средство—гуманное отношеніе къ дѣлу анархистовъ и принятіе мѣръ, которыя, увеличивая его популярность, удовлетворяли бы въ то же время вкусу либераловъ.

Такимъ образомъ была учреждена комиссія для возвращенія многихъ ссыльныхъ политическихъ преступниковъ и сокращенія сроковъ ихъ ссылки; обставлено большими строгостями право производства обысковъ у заподозрѣнныхъ лицъ, удалены отъ дѣла нѣкоторыя лица, занимавшія высокіе посты въ администраціи и извѣстныя своимъ самостоятельнымъ, твердымъ направленіемъ, но не правившіяся либеральному лагерю. Тяжело было жить въ ту пору въ столицѣ. Въ это время стало появляться на улицахъ значительное число молодежи обоего пола въ своеобразныхъ костюмахъ съ палками. Ходили они по три, по четыре въ рядъ, поглядывая на публику нагло, вызывающе, не уступая никому дороги; на замѣчанія полиціи они обыкновенно отвѣчали угрозами итти жаловаться графу Лорисъ-Меликову; тѣмъ же чинамъ полиціи, которые докладывали исправляющему должность градоначальника генералу Ѳедорову о неприличномъ поведеніи упомянутой молодежи, онъ обыкновенно отвѣчалъ: «пусть гуляютъ!»

Несмотря на подобное явленіе въ Петербургѣ, обыски и аресты стали производиться все рѣже и рѣже, а за подозрительными лицами приказано было только слѣдить. Это выслѣживаніе цѣлыми мѣсяцами нерѣдко кончалось тѣмъ, что преступники, замѣтивъ за собою надзоръ, скрывались и потомъ съ трудомъ, да и то не всегда, удавалось напасть на ихъ слѣдъ. Полиція выбивалась изъ силъ подобными прослѣживаніями, теряя по нѣсколько разъ изъ виду такихъ лицъ, какъ Перовская и Желябовъ.

Въ 1880 году, по возвращеніи изъ Ливадіи въ Петербургъ государя императора, я получилъ отъ графа Лорисъ-Меликова приказаніе попрежнему сопровождать всюду государя, но не задерживать болѣе на улицахъ лицъ, кажущихся подозрительными, во избѣжаніе возбужденія неудовольствія публики. Не знаю, были ли какія-нибудь другія основанія, кромѣ опасенія неудовольствія публики, для отдачи подобнаго приказанія, но, повидимому, значеніе этого приказанія раздѣлялъ и покойный императоръ, такъ какъ, послѣ возвращенія изъ Ливадіи, его величество безусловно прекратилъ разспросы о встрѣчаемыхъ подозрительныхъ личностяхъ. Это странное распоряженіе казалось для меня и тогда непонятнымъ.

Сопровождая государя, я попрежнему замѣчалъ, что гдѣ бы его величество ни останавливался, тотчасъ являлись сомнительныя личности. О всемъ замѣченномъ я постоянно докладывалъ градоначальнику, который на заявленія мои относительно кажущихся мнѣ подозрительными лицъ каждый разъ отвѣчалъ одно и то же: «что жъ такое, если гуляютъ смирно, то пусть гуляютъ, объ этихъ личностяхъ я имѣю свѣдѣнія».

27-го февраля 1881 года послѣ долгихъ усилій былъ арестованъ въ домѣ Лихачева по Невскому проспекту извѣстный подъ именемъ «Милорда» Тригони; у него же былъ задержанъ совершенно

случайно Желябовъ, скрывшійся изъ своей квартиры, находившейся въ первой ротѣ Измайловскаго полка. При арестованіи Желябова онъ сказалъ: «Не поздно ли вы меня взяли?» На эти многозначащія слова, повидимому, не было обращено, по крайней мѣрѣ со стороны градоначальника, должнаго вниманія. Кажется, арестъ двухъ важныхъ политическихъ преступниковъ вселилъ въ высшихъ полицейскихъ сферахъ убѣжденіе, что опасность для государя императора миновала. Такое предположеніе я основываю на рѣчи градоначальника чинамъ полиціи утромъ 1-го марта и на его отношеніи къ дѣлу осмотра лавки Кобозева на Малой Садовой улицѣ. Какъ извѣстно, въ названной улицѣ, въ домѣ графа Менгдена, нанялъ за весьма высокую цѣну политическій преступникъ подъ именемъ Кобозева подвальное помѣщеніе для торговли молочными продуктами. Вслѣдствіе возникшаго сильнаго подозрѣнія, 27-го февраля инженеръ генералъ-майоръ Мравинскій съ чинами мѣстной полиціи былъ командированъ для осмотра этого помѣщенія. При появленіи полиціи, какъ впослѣдствіи говорили чины, входившіе въ ея составъ, Кобозевъ измѣнился въ лицѣ и вообще показалъ себя личностью подозрительною, но, несмотря на это и на то, что подкопъ въ то время существовалъ, таковой комиссіей обнаруженъ не былъ. Вотъ съ какимъ вниманіемъ, съ какой добросовѣстностью была произведена повѣрка адскаго дѣла на пути обыкновеннаго слѣдованія покойнаго императора изъ Зимняго дворца въ Михайловскій манежъ! Вотъ какъ отнесся градоначальникъ Ѳедоровъ къ подозрѣнію о подготовкѣ такого преступленія, своевременное открытіе котораго, несомнѣнно, раскрыло бы глаза успокоившимся послѣ ареста Тригони и Желябова и указало бы на существованіе величайшей опасности и тѣмъ, быть можетъ, пріостановило бы поѣздку государя 1-го марта на разводъ.

Въ девять часовъ утра ужаснаго дня 1-го марта 1881 года градоначальникъ генералъ Ѳедоровъ собралъ къ себѣ въ квартиру всѣхъ полицеймейстеровъ и участковыхъ приставовъ и объявилъ намъ, что все идетъ хорошо, что главные дѣятели анархистовъ Тригони и Желябовъ арестованы и только остается захватить еще двухъ-трехъ человѣкъ, чтобы окончить дѣло борьбы съ крамолою, и что государь императоръ и министръ внутреннихъ дѣлъ совершенно довольны дѣятельностью полиціи. Несмотря на такую вѣру градоначальника въ успѣшность подавленія анархіи, многіе изъ насъ остались въ большомъ недоумѣніи. Я лично, нисколько не раздѣляя высказаннаго намъ градоначальникомъ убѣжденія, на основаніи тѣхъ обстоятельствъ, которыя ему постоянно докладывались, счелъ обязанностью тотчасъ послѣ рѣчи генерала Ѳедорова поѣхать къ знакомому мнѣ камергеру графу Перовскому, какъ человѣку, близко стоящему къ ихъ императорскимъ высочествамъ великимъ князьямъ Владимиру и Алексѣю Александровичамъ.

Сообщивъ графу о кажущемся мнѣ тревожномъ положеніи въ

столицѣ и рядомъ съ этимъ о непонятномъ для меня спокойствіи моего начальства, я просилъ графа Перовскаго доложить великому князю Владимиру Александровичу, что при настоящемъ, кажущемся мнѣ положеніи дѣла нельзя ручаться за безопасность государя. Графъ далъ мнѣ слово исполнить все въ тотъ же день, но, къ несчастью, черезъ три часа двадцать минутъ мое заявленіе уже не имѣло болѣе значенія.

На 1-е марта, приказомъ по полиціи, на меня было возложено независимо отъ обычныхъ сопровожденій государя, еще наблюденіе за порядкомъ у Михайловскаго манежа. Прибывъ къ манежу въ $11^1/_2$ часовъ, я размѣстилъ нарядъ полицейскихъ чиновъ и жандармовъ по постамъ и въ $12^3/_4$ часа былъ уже у Зимняго дворца, т. е. тогда, когда графъ Лорисъ-Меликовъ уѣзжалъ изъ дворца. Войдя во внутрь подъѣзда, я встрѣтилъ министра графа Адлерберга, который въ разговорѣ со мною съ грустью отозвался о тяжеломъ времени вслѣдствіе дѣятельности анархистовъ. Во время этого разговора мы услышали радостное «здравія желаемъ» караула на привѣтствіе его величества; вслѣдъ за симъ государь вышелъ въ закрытый подъѣздъ, поздоровался, по обыкновенію со всѣми тутъ находившимися лицами, сѣлъ въ экипажъ и сказалъ кучеру: «Въ манежъ черезъ Пѣвческій мостъ».

По окончаніи развода государь вмѣстѣ съ великимъ княземъ Михаиломъ Николаевичемъ изволилъ отправиться въ Михайловскій дворецъ великой княгини Екатерины Михайловны.

Изъ названнаго дворца государь вышелъ въ два часа десять минутъ и, садясь одинъ въ экипажъ, сказалъ кучеру: «Той же дорогою домой». Проѣхавъ Инженерную улицу и повернувъ на Екатерининскій каналъ, его величество поздоровался съ карауломъ отъ 8-го флотскаго экипажа, возвращавшагося съ развода. По набережной канала кучеръ пустилъ лошадей полнымъ ходомъ, но не успѣлъ проѣхать и ста саженъ, какъ раздался оглушительный взрывъ, отъ котораго сильно былъ поврежденъ экипажъ государя и ранены два конвойныхъ казака, мальчикъ-крестьянинъ и мои лошади. Проѣхавъ, послѣ взрыва, еще нѣсколько шаговъ, экипажъ его величества остановился; я тотчасъ подбѣжалъ къ каретѣ государя, помогъ ему выйти изъ кареты и доложилъ, что преступникъ задержанъ. Государь былъ совершенно спокоенъ. На вопросъ мой государю о состояніи его здоровья онъ отвѣтилъ: «Слава Богу, я не раненъ». Видя, что карета государя повреждена, я рѣшился предложить его величеству поѣхать въ моихъ саняхъ во дворецъ. На это предложеніе государь сказалъ: «Хорошо, только покажите мнѣ прежде преступника». Кучеръ Фролъ тоже просилъ государя снова сѣсть въ карету и ѣхать дальше, но его величество, не сказавъ ничего на просьбу кучера, повернулся и направился къ тротуару, прилегавшему къ Екатерининскому каналу.

Государь слѣдовалъ по тротуару; влѣво отъ него я, позади ка-

закъ Мачневъ, бывшій на козлахъ экипажа его величества, за Мачневымъ четыре спѣшившихся конвойныхъ казака съ лошадьми въ поводу. Пройдя нѣсколько шаговъ, государь поскользнулся, но я успѣлъ его поддержать.

Преступникъ Рысаковъ находился отъ мѣста взрыва шагахъ въ двадцати; его держали четыре солдата, и тутъ же находился начальникъ охранной стражи капитанъ Кохъ. Подойдя къ преступнику, я, по указанію державшихъ его солдатъ, вынулъ у него изъ-за борта на лѣвую сторону застегнутаго пальто револьверъ и взялъ отъ солдата небольшой кинжалъ съ позолотою, который онъ нашелъ въ лѣвомъ карманѣ пальто преступника. То и другое оружіе я представилъ государю. Узнавъ, что преступникъ мѣщанинъ, его величество не сказалъ ни слова, повернулся налѣво (государь стоялъ спиной къ рѣшеткѣ канала) и медленно направился въ сторону Театральнаго моста. Въ это время его величество былъ окруженъ съ одной стороны взводомъ 8-го флотскаго экипажа, а съ другой стороны конвойными казаками. Тутъ я вторично позволилъ себѣ обратиться къ государю съ просьбою сѣсть въ сани и уѣхать, но онъ остановился, нѣсколько задумался и затѣмъ отвѣтилъ: «Хорошо, только прежде покажи мнѣ мѣсто взрыва». Исполняя волю государя, я повернулся наискось къ мѣсту взрыва, но не успѣлъ сдѣлать и трехъ шаговъ, какъ былъ оглушенъ новымъ взрывомъ, обожженъ, раненъ и сваленъ на землю. Вдругъ, среди дыма и снѣжнаго тумана, я услышалъ слабый голосъ его величества: «Помоги!» Собравъ оставшіяся у меня силы, я вскочилъ на ноги и бросился къ государю. Въ первый моментъ я не могъ уяснить себѣ его положенія; его величество полусидѣлъ, полулежалъ, облокотившись на правую руку. Предполагая, что государь только тяжко раненъ, я приподнялъ его съ земли и тутъ съ ужасомъ увидѣлъ, что обѣ ноги его величества совершенно раздроблены и кровь изъ нихъ сильно струилась. Не имѣя силъ держать на рукахъ государя, уже дышавшаго тяжело и потерявшаго сознаніе, я крикнулъ о помощи. При содѣйствіи подбѣжавшихъ лицъ мы понесли государя къ его каретѣ. Въ это время подбѣжалъ только что пріѣхавшій къ мѣсту происшествія великій князь Михаилъ Николаевичъ. Онъ спросилъ меня, что съ государемъ. Я отвѣтилъ, что отъ перваго взрыва Богъ его спасъ, а вторымъ взрывомъ тяжело раненъ. Въ карету оказалось невозможнымъ положить государя, почему онъ былъ положенъ въ мои сани и въ сопровожденіи великаго князя Михаила Николаевича отвезенъ въ Зимній дворецъ. Окончательная потеря моихъ силъ лишила меня возможности сослужить послѣднюю службу государю императору—довезти его до дворца.

2-го марта я узналъ отъ осчастливившаго меня своимъ посѣщеніемъ великаго князя Михаила Николаевича съ августѣйшею супругою, что кто-то вскочилъ въ сани и тѣмъ помѣшалъ его высочеству лично довезти государя до дворца.

При воспоминаніи объ этомъ страшномъ событіи всякому приходится содрогаться; у меня же кровь стынетъ въ жилахъ, когда мысленно переношусь къ этой истинно раздирающей душу картинѣ.

Дѣйствительно, не нахожу словъ, чтобы выразить съ достаточною точностью потрясающее впечатлѣніе, глубокую скорбь при видѣ обезображеннаго тѣла того, кто еще за нѣсколько секундъ передъ тѣмъ былъ полонъ жизни и энергіи, того, чьи помыслы и стремленія были направлены къ благу Россіи и, наконецъ, того, кто такъ безгранично любилъ своихъ подданныхъ, изъ среды коихъ выдѣлилась кучка негодяевъ, посягнувшихъ на священную жизнь своего Царя-Освободителя. Всѣ эти щемящія сердце воспоминанія становятся еще тяжелѣе, когда подумаю, что я былъ однимъ изъ послѣднихъ, имѣвшихъ счастье разговаривать съ покойнымъ государемъ и получать отъ него приказанія, и что на моихъ рукахъ окончилась сознательная жизнь великаго императора Александра II.

Говорятъ, что графъ Лорисъ-Меликовъ утромъ 1-го марта упрашивалъ государя не ѣздить на разводъ. Не знаю: правда ли это? Но если правда и, слѣдовательно, графъ имѣлъ точныя свѣдѣнія о положеніи дѣла, сознавалъ страшную для государя опасность, то непонятно: почему не было предпринято усиленныхъ мѣръ къ охраненію пути проѣзда государя въ манежъ и обратно во дворецъ? Почему около государя не было даже градоначальника въ то время, когда государь подвергся звѣрскому нападенію въ центрѣ города въ третьемъ часа дня?

Событіе 1-го марта 1881 года—позорное, несмываемое пятно въ исторіи Россіи. Для произнесенія справедливаго приговора надъ лицами, которымъ было ввѣрено попеченіе объ охранѣ священной особы покойнаго императора Александра II, требуется спокойствіе, всестороннее знаніе дѣла, отсутствіе всякаго опасенія придать кажущемуся значеніе вѣрнаго и тѣмъ избѣжать наложенія, быть можетъ, не заслуженной тѣни на дѣятельность лицъ, еще теперь (1883 г.) живущихъ и занимающихъ высокое служебное положеніе, словомъ, требуется то, что немыслимо для человѣка, какъ я, близко стоявшаго по времени къ событію 1-го марта и исполнявшаго свои обязанности въ тѣсной сферѣ, отведенной мнѣ начальствомъ. Нанося на бумагу свои воспоминанія, я имѣлъ въ виду лишь одну цѣль—передать факты, которыхъ я былъ очевидцемъ и которые имѣли прямую или косвенную связь съ событіемъ 1-го марта.

Этимъ кончаются воспоминанія отца моего, такъ или иначе связанныя съ событіемъ 1-го марта. Краткія сохранившіяся у меня замѣтки, записанныя имъ или, подъ его диктовку, мною, сюда уже не относятся и потому и не включены въ эту статью.

Но возвращаюсь опять къ личнымъ своимъ воспоминаніямъ и разсказу.

Съ утра 2-го марта и въ ближайшіе къ нему дни у насъ въ передней то и дѣло раздавались звонки. Знакомые и незнакомые являлись справляться о здоровьи отца. Въ числѣ почти что незнакомыхъ явился ранѣе у насъ не бывавшій свиты его величества генералъ-майоръ Чингизъ-Ханъ, съ которымъ съ этого времени у отца моего не только установилось знакомство, но и возникли дружескія отношенія. Сенаторъ Шульцъ прислалъ справиться о здоровьи отца старшаго своего сына, товарища моего по училищу и по классу, Виктора Ѳедоровича, впослѣдствіи, 12-го августа 1906 года, погибшаго въ числѣ многихъ другихъ лицъ при взрывѣ на дачѣ министра внутреннихъ дѣлъ Столыпина.

Великая княгиня Александра Іосифовна съ самаго 1-го марта ежедневно въ теченіе болѣе недѣли присылала узнавать о здоровьи отца и, между прочимъ, просила прислать ей небольшую склянку съ кровью покойнаго государя.

Въ Зимній дворецъ государя отвезли въ нашихъ саняхъ, и много его крови въ нихъ набѣжало. Въ саняхъ же нашелся и понынѣ хранящійся у меня кусочекъ георгіевской ленты, часть темляка государя.

Желаніе великой княгини было немедленно исполнено и, какъ я впослѣдствіи слышалъ отъ отца, она влила часть царской крови въ какой-то драгоцѣнный камень, который и вдѣлала, не помню, въ брошь или въ медальонъ.

Изъ высочайшихъ особъ, въ теченіе 2—4-го марта разновременно посѣтившихъ отца, были: великій князья Владимиръ Александровичъ и Михаилъ Николаевичъ съ августѣйшею супругою Ольгою Ѳедоровною и принцы Ольденбургскіе Петръ Георгіевичъ, Константинъ Петровичъ и, кажется, Александръ Петровичъ.

Всѣмъ имъ отцу моему приходилось разсказывать подробности горестнаго событія и, помимо того, 2-го же марта давать свидѣтельское свое о немъ показаніе, которое и было оглашено на судѣ, за неявкою въ судъ еще не оправившагося тогда отъ раны отца. Показаніе это напечатано въ официальномъ отчетѣ судебнаго засѣданія по дѣлу о цареубійцахъ.

Когда къ подъѣзду нашему подъѣхалъ принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій, я какъ-то случайно узналъ объ его пріѣздѣ раньше, чѣмъ онъ успѣлъ подняться къ намъ, и встрѣтилъ его на лѣстницѣ. Какъ попечитель училища правовѣдѣнія, его высочество зналъ меня, воспитанника 3-го класса этого учебнаго заведенія, лично.

Я проводилъ принца въ гостиную къ отцу моему, который представилъ ему мою матушку. Принцъ къ ней и обратился сперва съ рядомъ вопросовъ о состояніи здоровья мужа. Затѣмъ уже онъ просилъ отца разсказать ему подробности событія, неоднократно переспрашивая: «А вотъ это какъ было?» и отецъ повторялъ.

Передъ отъѣздомъ его высочество задалъ мнѣ вопросъ:

— А вы, вѣроятно, дома по случаю болѣзни папаши?

Я отвѣчалъ утвердительно, и вотъ добрый, хорошій старикъ-принцъ, которому уже по временамъ начинала измѣнять память, вдругъ по-французски обратился къ матушкѣ моей, дѣйствительно очень тогда, несмотря на свои 37 лѣтъ, моложавой и съ которою онъ передъ тѣмъ говорилъ, какъ съ женою моего отца, съ вопросомъ, подобнымъ заданному мнѣ:

— Et vous, mademoiselle, vous avez quitté l'institut probablement pour la même raison que votre frère l'ecole?

— Mais non, votre altesse,—отвѣчала матушка:—je suis la femme du colonel.

— Ah, oui, oui! j'avais oublié!—извинился принцъ и, поговоривъ еще, уѣхалъ.

Отецъ мой пролежалъ и проболѣлъ болѣе мѣсяца и, хотя онъ отъ ранъ и оправился, всталъ на ноги и послѣ того прожилъ еще шесть лѣтъ, тѣмъ не менѣе сильное сотрясеніе всего организма, произведенное взрывомъ 1-го марта, способствовало развитію у него страданій внутреннихъ органовъ и, главнымъ образомъ, сердца, которыя и привели его къ почти скоропостижной, во время третьяго сердечнаго припадка, смерти въ 12 часовъ 27 минутъ въ ночь на 30-го мая 1887 года.

И, оригинальная вещь! Карманные его часы, заведенные имъ въ вечеръ передъ смертью, остановились въ 12 часовъ 27 минутъ. Когда, пріѣхавъ 31-го мая изъ Боровичъ, гдѣ я тогда служилъ, я взялъ часы эти въ руки съ письменнаго стола отца, думая, что они не заведены, они пошли.

Но была въ ночь смерти отца и другая странность. Состоя въ Боровичахъ судебнымъ слѣдователемъ, я 29-го мая съ утра уѣхалъ въ уѣздъ съ уѣзднымъ врачомъ В. Г. Пятницкимъ, и нынѣ, насколько мнѣ извѣстно, здравствующимъ и живущимъ въ своемъ домѣ въ Боровичахъ. Ѣздили мы на вскрытіе тѣла убитаго крестьянина. Возвращались домой поздно. На почтовой станціи «Пѣтухово» приходилось мѣнять лошадей, и вотъ, когда лошадей подали и я съ докторомъ Пятницкимъ направился къ тарантасу, ко мнѣ подошелъ и сталъ ласкаться сѣрый котъ.

— Ну, Василій Григорьевичъ,—сказалъ я доктору:—вотъ посмотрите, будетъ какая-нибудь крупная непріятность!

— Что такое?—смѣясь спросилъ меня онъ.

— А вонъ, подошелъ!—и я указалъ на кота.

Докторъ сталъ меня высмѣивать.

Мы начали садиться въ экипажъ. Я поглядѣлъ на часы.

— Сейчасъ,—говорю я доктору,—половина перваго.

Это былъ часъ смерти моего отца. Утромъ о ней меня извѣстила телеграмма.

2-го мая 1881 года въ приказѣ по петербургскому градоначальству и полиціи за № 121, между прочимъ, было объявлено, что государь императоръ въ 27-й день минувшаго апрѣля всемилостивѣйше

соизволилъ пожаловать полицеймейстеру 1-го отдѣленія, состоящему по армейской пѣхотѣ полковнику Дворжицкому чинъ генералъ-майора, съ увольненіемъ отъ настоящей должности, съ оставленіемъ по армейской пѣхотѣ, съ сохраненіемъ получаемаго имъ содержанія, въ размѣрѣ 4,640 рублей въ годъ, до назначенія на другую должность, и съ производствомъ аренды.

Широкая извѣстность, которую послѣ 1-го марта пріобрѣло по всей Россіи имя отца моего, привела, между прочимъ, къ слѣдующему курьезу.

Во второй половинѣ февраля слѣдующаго 1882 года отецъ мой получилъ по почтѣ письмо. На конвертѣ стояло: «Въ С.-Петербургъ. Его превосходительству генералу при дворѣ его величества г. Дворжицкому. Изъ Ковенскаго уѣзда отъ Агаѳіи Дворжицкой съ Набутова».

Въ этомъ письмѣ вовсе намъ неизвѣстная, хотя дѣйствительно и очень отдаленная родственница, 85-лѣтняя корреспондентка спрашивала отца, не онъ ли ея сынъ Василій, котораго она лѣтъ тридцать назадъ въ семилѣтнемъ его возрастѣ лишилась «черезъ посредство взятія его теткой Савицкой въ учебное заведеніе»?

А въ апрѣлѣ 1881 года какой-то англичанинъ предлагалъ отцу моему 5,000 рублей за сани, въ которыхъ 1-го марта покойный государь доставленъ былъ въ Зимній дворецъ.

Предложеніе англичанина отецъ отклонилъ и, представляясь, по случаю производства въ генералы, государю императору Александру III, предложилъ эти сани его величеству въ даръ. Государь изъявилъ свое согласіе, и 11-го мая 1881 года полевая часть придворно-конюшеннаго вѣдомства отношеніемъ за № 298, подписаннымъ унтеръ-шталмейстеромъ Гешвендомъ, просила отца моего, «на основаніи приказанія государя императора», выдать сани подателю этой бумаги. Въ принятіи саней на бумагѣ этой 11-го мая расписался магазейнъ-вахтеръ Семенъ Васильевъ. Въ настоящее время сани эти хранятся въ музеѣ придворно-конюшеннаго вѣдомства.

Затѣмъ унтеръ-шталмейстеръ Гешвендъ прислалъ отцу моему обломокъ отъ оконной рамы кареты императора Александра II, поврежденной взрывомъ 1-го марта, съ надписью на задней сторонѣ обломка, а 18-го іюня 1882 года за № 231 изъ Зимняго дворца отецъ получилъ, какъ значилось въ препроводительной бумагѣ, «въ воспоминаніе о почившемъ въ Бозѣ императорѣ Александрѣ Николаевичѣ, изъ собственныхъ его величества вещей препровождаемую у сего пурпуровую пепельницу», которую «государю императору благоугодно было назначить» отцу.

Предметы эти и сейчасъ находятся у меня.

К. А. Дворжицкій.

КОНЧИНА ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II.

(Разсказъ фельдшера).

ВЪ ВОСКРЕСЕНЬЕ 1-го марта 1881 года я вступилъ въ дежурство въ два часа пятнадцать минутъ дня и сидѣлъ вмѣстѣ съ докторомъ Маркусомъ за чаемъ. Только что мы налили себѣ по стакану, какъ вдругъ прибѣжалъ истопникъ внутреннихъ покоевъ государя императора и внѣ себя закричалъ: «Скорѣе, государю ногу оторвало!»

Въ первый моментъ я такъ испугался, точно громъ разразился надо мною. Вскочивъ со стула, я тотчасъ же схватилъ нѣкоторыя перевязочныя средства и бросился черезъ Церковный подъѣздъ Большой церкви и чрезъ лицевыя комнаты прямо въ покои государя императора. Прибѣжавъ немного ранѣе въ кабинетъ его величества, я увидѣлъ государя лежащимъ на постели около письменнаго стола въ безсознательномъ состояніи, съ раздробленными обѣими конечностями ногъ, съ обильнымъ кровотеченіемъ. Моментально я прижалъ лѣвую бедренную артерію, вслѣдъ за мною докторъ Маркусъ прижалъ правую бедренную артерію Съ Божіею помощью удалось остановить кровоизліяніе изъ артерій. Продолжая держать лѣвой рукой артерію, я въ то же время правой рукой обмачивалъ лобъ государя холодной водою, спрыскивалъ и обтиралъ полотенцемъ лицо, давалъ нюхать нашатырный спиртъ и влилъ нѣсколько валеріановыхъ капель въ уста государя.

Поданіе помощи длилось не болѣе двадцати минутъ, и государь императоръ сталъ дышать глубже прежняго, и наконецъ я услышалъ стонъ, что мнѣ дало поводъ думать, что государь заговоритъ сколько-нибудь. Послѣ этого я ощупалъ едва ощутимый пульсъ, онъ былъ нитеобразный, весьма слабый; затѣмъ положилъ руку на сердце государя, толчки были тоже слабые.

Въ это время докторъ Маркусъ обратился ко мнѣ и говоритъ, что съ нимъ дѣлается дурно и онъ желаетъ выйти изъ кабинета. Я принялъ отъ него и правую бедренную артерію и, такимъ образомъ, остался держать обѣ артеріи руками. Вскорѣ явился докторъ Круглевскій, а вслѣдъ за нимъ докторъ Дворяшинъ, который былъ немедленно посланъ Круглевскимъ за ампутаціоннымъ ящикомъ. Въ то же время докторъ Круглевскій подавалъ помощь государю опрыскиваніемъ холодной водою лица, вдыханіемъ кислорода, который былъ принесенъ изъ придворной аптеки.

Продолжая въ согбенномъ положеніи держать обѣ артеріи, я повернулъ свою голову налѣво и увидѣлъ плачущаго великаго князя Михаила Николаевича. Мои нервы были настолько возбуждены, что я болѣе не могъ сдерживать моего горестнаго положенія, и слезы полились у меня изъ глазъ. Вытирая глаза о рукава вицмундира, я опять нечаянно повернулъ голову и увидалъ наслѣдника Александра Александровича, упавшаго на колѣни и горько плакавшаго, а потомъ великаго князя Владимира Александровича, а у изголовья императора цесаревну Марію Ѳеодоровну съ горькими слезами на глазахъ, а также свѣтлѣйшую княгиню Юрьевскую въ полупомѣшанномъ состояніи, рейхкнехтовъ Кондратьева, Трибицына и камердинера его величества. Картина эта въ дѣйствительности была страшная, и ужаснѣе ея нельзя себѣ представить.

По приходѣ доктора Дворяшина съ инструментами тотчасъ же Круглевскимъ былъ наложенъ эсмарховскій бинтъ на правое бедро, а потомъ и на лѣвое, я же поддерживалъ оба бедра. Для приведенія государя въ чувство были употреблены вышеупомянутыя средства. Спустя около двадцати минутъ явились С. П. Боткинъ, профессоръ Богдановскій и почетный лейбъ-медикъ Головинъ. Боткинъ сталъ выслушивать сердце. Я стоялъ около него и спросилъ: есть ли какая надежда? Сергѣй Петровичъ посмотрѣлъ на меня и сказалъ, что нѣтъ никакой надежды. Когда я услышалъ это, у меня сдѣлалась нервная дрожь; пересиливъ себя, я сталъ всматриваться въ государя. Конечностей лѣвой стопы совсѣмъ не было, обѣ берцовыя кости до колѣнъ раздроблены, мягкія части, мускулы и связки изорваны и представляли безформенную массу, выше колѣнъ до половины бедра нѣсколько ранъ, происшедшихъ какъ бы отъ дробинокъ; были также подтеки, лицо запачкано кровью, вѣко лѣваго глаза было ранено какъ бы дробинкой.

Немного погодя явился духовникъ ихъ императорскихъ величествъ протопресвитеръ Бажановъ. Онъ подошелъ къ постели и остановился. Я увидалъ, какъ государь открылъ глаза. Сейчасъ же онъ былъ пріобщенъ Святыхъ Тайнъ, и только что принялъ ихъ, какъ глаза его помутились. Бажановъ сталъ на колѣни, тому же послѣдовали всѣ присутствовавшіе и во время молитвы всѣ плакали. Въ это время государь императоръ почилъ. Профессоръ Боткинъ объявилъ, что все кончено.

Государь императоръ Александръ III удалился въ другую комнату и потребовалъ къ себѣ доктора, но никого не оказалось налицо. Въ это время я очутился около Ѳ. С. Цыцурина; тотчасъ же подошелъ лакей и просить его пожаловать къ государю, но онъ не пошелъ, а послалъ меня. Я въ сопровожденіи лакея явился къ государю, гдѣ также изволила присутствовать императрица. Признаюсь, я растерялся, услышавъ отъ государя приказаніе взять конвойныхъ казаковъ, которые были также ранены и находились тутъ же, перевязать ихъ и доложить государю объ ихъ положеніи. Я отвѣтилъ, что все будетъ исполнено, и повелъ казаковъ въ дежурную комнату, гдѣ засталъ доктора Обермиллера, которому передалъ приказаніе государя, а самъ возвратился обратно въ комнаты покойнаго императора.

Около четырехъ часовъ пополудни явился профессоръ Груберъ съ ассистентами Таренецкимъ и Лесгафтомъ для бальзамированія. Я же, уставшій и обезсиленный, вышелъ въ коридоръ, гдѣ все время просидѣлъ въ изнеможеніи до конца бальзамированія, послѣ чего возвратился въ дежурную и бросился въ постель.

Коганъ.

ВОСПОМИНАНІЯ ОБЪ А. С. СУВОРИНѢ.

Когда умираетъ большой человѣкъ, дѣятельно участвовавшій въ созданіи исторіи страны, о немъ пишутъ всевозможныя воспоминанія, касающіяся его личной жизни. Всѣ они, конечно, очень дороги и интересны для біографіи личности, но полезно бываетъ для современности вспомнить тѣ черты, которыя рисуютъ его отношеніе къ государственной жизни родины въ моментъ ея потрясенія.

Я вспоминаю 1906 г., когда мнѣ пришлось имѣть дѣло съ Алексѣемъ Сергѣевичемъ Суворинымъ, и вотъ по какому поводу.

Было тогда время общаго смущенія и, можно сказать, растерянности власти, когда «своя своихъ не познаша», время самыхъ невозможныхъ проектовъ и теченій мысли, время самыхъ дерзкихъ экспропріацій и помѣщичьихъ иллюминацій, вся жизнь сложилась въ какой-то мрачный клубокъ, изъ котораго, казалось, не было выхода. Людямъ, не забывшимъ завѣты исторіи и русскіе устои, жилось плохо. Ихъ давили случайные выходцы, временно овладѣвшіе жизнью и задававшіе фальшивый тонъ. И въ казенныя вѣдомства проникали эти теченія и не только что проникали, но и господствовали.

Во главѣ главнаго управленія земледѣлія и землеустройства тогда стояло лицо (хотя и не долго), представившее въ совѣтъ министровъ «знаменитый» проектъ отчужденія земельной собственности отъ помѣщиковъ. Его правой рукой былъ чиновникъ «не русскаго» происхожденія, удалившійся уже теперь въ «научныя сферы», который, по свидѣтельству самого Алексѣя Сергѣевича (въ «Малень-

кихъ письмахъ» [1]), былъ однимъ изъ главныхъ составителей этого проекта. Идея переселенія крестьянской массы въ Сибирь была антиподомъ этого разрушительнаго проекта. А между тѣмъ, до реформы переселенческаго управленія, это лицо много лѣтъ вліяло на переселенческую политику и въ концѣ концовъ стало доказывать, что въ Сибири земель удобныхъ такъ мало, что и хлопотать правительству о нихъ для переселенцевъ не стоитъ, а слѣдуетъ обратить взоры на помѣщичьи земли, которыхъ весьма много и всѣмъ хватитъ... Получилось отрицаніе всѣхъ будущихъ, а теперь настоящихъ дѣйствій переселенческаго управленія, развившагося въ огромное учрежденіе и давшее водвореніе $2^1/_2$ милліонамъ душъ и 27 милліоновъ десятинъ подъ переселеніе въ періодъ 1906—11 гг., какъ разъ послѣ появленія этого знаменитаго «проекта».

Возвратившись изъ Сибири, гдѣ я былъ въ числѣ рядовыхъ работниковъ министерства земледѣлія, занимавшихся отводомъ переселенческихъ участковъ и изслѣдованіями сибирской тайги, и погрѣшивши «Записками колонизатора»[2]), изданными при содѣйствіи «Новаго Времени», за что мнѣ сильно досталось отъ вѣдомства,— я глубоко возмутился этой антигосударственной идеей, разрушавшей, можно сказать, въ корень всѣ наши прошлыя и будущія работы по расширенію переселенческаго дѣла и устройству безземельнаго крестьянства, поджигаемаго на всякую свару и смуту, и написалъ подробную записку «о земельномъ фондѣ въ Сибири» (которая не пришлась тогда ко двору вѣдомства) и прочелъ ее въ видѣ доклада въ географическомъ обществѣ. За эту записку ухватился Д. И. Пестржецкій (помощникъ управляющаго земскимъ отдѣломъ), написавшій контрпроектъ, напечатанный въ «Вѣстникѣ Финансовъ» и частью въ «Новомъ Времени», и показалъ ее В. И. Денисову.

Прибывшій въ Петербургъ дѣятель по экономическимъ вопросамъ, затѣмъ членъ государственнаго совѣта, Василій Ильичъ Денисовъ велъ тогда борьбу противъ представленнаго г. Кутлеромъ проекта въ совѣтъ министровъ и, въ свою очередь, представилъ рядъ записокъ бывшему премьеръ-министру графу С. Ю. Витте, министру внутреннихъ дѣлъ Дурново, князю Кочубею и не находившимся въ составѣ министерскаго кабинета В. Н. Коковцову и И. Л. Горемыкину. Сущность этихъ записокъ, заключав-

---

[1]) DCXXIV—V.

[2]) «Записки колонизатора» появились въ 1903 году. За критику въ нихъ дѣйствій вѣдомства надо мною былъ назначенъ судъ изъ директоровъ департаментовъ, подъ предсѣдательствомъ покойнаго А. П. Энгельгардта, бывшаго тогда товарищемъ министра и вынесшаго мнѣ оправдательный приговоръ. Между тѣмъ современныя широкія мѣропріятія переселенческаго управленія, ставшаго на путь реформъ съ 1906 года, только сильнѣе подчеркиваютъ дефекты тогдашней организаціи, изложенныя въ этой книжкѣ, и имѣютъ въ своемъ развитіи тѣ точки отправленія, которыя изложены были въ видѣ пожеланій, тогда казавшихся неосуществимыми.

шихъ въ цѣломъ земельную программу, обнимала вопросы, касающіеся выхода изъ общины, отрубныхъ владѣній, землеустроительныхъ комиссій, переселенія, организаціи торговли и сбыта сельскохозяйственныхъ продуктовъ, холодильнаго дѣла, пріобрѣтенія частновладѣльческихъ земель при помощи крестьянскаго банка съ уменьшеніемъ платежей по ссудамъ этого банка отъ $5^3/_4\%$ до 4% и проч. Будучи противникомъ мнѣнія, распространяемаго составителями проекта, о недостаткѣ земель въ Сибири, годныхъ для переселенія, В. И. Денисовъ очень радъ былъ ознакомиться съ моимъ докладомъ, прочитаннымъ въ императорскомъ географическомъ обществѣ «о сибирскомъ земельномъ фондѣ» и привезъ его къ А. С. Суворину, прося его напечатать въ «Новомъ Времени».

Однажды вечеромъ я получаю краткую записку Алексѣя Сергѣевича: «П. И., пріѣзжайте ко мнѣ сегодня же въ девять часовъ вечера переговорить о важномъ дѣлѣ. А. Суворинъ».

Ранѣе я имѣлъ единственный разговоръ съ Алексѣемъ Сергѣевичемъ по поводу моей пьесы «Мертвая зыбь», поставленной въ театрѣ Неметти, которую онъ изрядно-таки раскритиковалъ. Сотрудникомъ «Новаго Времени», если не считать небольшихъ замѣтокъ, я не былъ, а потому это приглашеніе для меня было неожиданнымъ. Встрѣтилъ онъ меня любезно, держа въ рукахъ мою записку (докладъ географическому обществу), и усадилъ за маленькій столикъ, стоявшій около большого его кресла.

— Я вашу записку прочелъ,—сказалъ онъ, ее перелистывая,— и вижу, что она открываетъ своими данными широкіе горизонты для большого государственнаго дѣла. Она является противовѣсомъ и даже противоядіемъ безумному антирусскому проекту ограбленія помѣщиковъ, сочиненному министромъ Кутлеромъ и его чиновникомъ Кауфманомъ. Надо ей дать ходъ и пустить въ свѣтъ и сейчасъ же, не теряя времени... Политическій моментъ очень опасный... Если осуществится экспропріаторскій проектъ, произойдетъ ужасная путаница и неразбериха въ Россіи, гибельныя послѣдствія которой даже предвидѣть невозможно. Всякая мѣра, принятая во-время, цѣнна. Необходимъ громоотводъ надвигающейся тучѣ. И этимъ громоотводомъ является переселеніе въ Сибирь безземельнаго крестьянства. Вы, какъ видно, знаете Сибирь, работали въ ней, жили... Но какъ пустить въ ходъ вашу записку?

И Алексѣй Сергѣевичъ на минуту задумался.

— Для газеты,—продолжалъ онъ:—она громоздка, займетъ много номеровъ и ее не всѣ осилятъ. Если издать отдѣльной брошюрой, она проваляется въ книжныхъ складахъ, наша русская публика не привыкла къ серьезному чтенію, а тѣмъ болѣе къ брошюрамъ. Вотъ что, П. И., вы когда-то написали талантливо и живо «Записки колонизатора». Напишите мнѣ, П. И., въ размѣрѣ фельетона въ краткомъ изложеніи записку, ея сущность, главные тезисы...

— Это очень трудно, Алексѣй Сергѣевичъ. Здѣсь много цифръ,— отвѣтилъ я.

— Для очень способнаго человѣка нѣтъ трудностей въ писаніи. Сущность огромной книги, а не то что вашей записки, можно изложить на двухъ-трехъ страницахъ. У насъ привыкли много и зря писать, главное искусство писателя — быть краткимъ. Попробуйте, и я черезъ три дня напечатаю.

Я былъ подавленъ трудностью задачи. Какъ умѣстить въ фельетонѣ, хотя бы даже въ 500—600 строкъ, сущность записки съ большими выкладками и массою данныхъ. Алексѣй Сергѣевичъ на меня смотрѣлъ своимъ проникающимъ взоромъ, какъ бы угадывая мои колебанія.

— Не трусьте, смѣлымъ Богъ владѣетъ, помните, что въ данный моментъ такой работой вы окажете услугу не мнѣ, не газетѣ, а дѣлу, дѣлу государственному громадной важности, родинѣ...

— Хорошо, попытаюсь,—сказалъ я, рѣшившись:—но вѣдь вы знаете, Алексѣй Сергѣевичъ, какое теченіе царитъ въ вѣдомствѣ, въ которомъ я служу.

— Ну, это не такъ страшно, будущее неизвѣстно, да я еще отъ себя кое-что прибавлю и напишу по поводу «этихъ господъ», и онъ поднялся во весь свой могучій ростъ. Онъ отпустилъ меня, какъ бы благословляя на опасную работу.

На другой или на третій день появилось его «Маленькое письмо», потомъ другое [1]), разоблачающія всю политику и совмѣстную дѣятельность обоихъ администраторовъ. Я написалъ фельетонъ, который былъ черезъ день напечатанъ.

Въ вѣдомствѣ поднялась цѣлая буря противъ меня. Два «Маленькихъ письма» Алексѣя Сергѣевича приписали моей яко бы инспираціи, особенно выраженіе его въ одномъ изъ писемъ: «я кое-что объ этомъ знаю, но нахожу излишнимъ говорить о секретѣ полишинеля».

Меня признали «вреднымъ» для вѣдомства, идущимъ по своимъ взглядамъ въ разрѣзъ главному теченію. Много я пережилъ тогда скверныхъ и горькихъ минутъ.

Въ довершеніе всего я былъ призванъ къ тогдашнему главѣ, который безъ дальнихъ фразъ предложилъ мнѣ подать въ отставку.

Я имѣлъ смѣлость отвѣтить, что я служу не министрамъ, а дѣлу, въ которое вѣрю, и государству, а потому не подамъ прошенія объ отставкѣ, а пусть меня уволятъ безъ прошенія.

Черезъ нѣсколько дней картина перемѣнилась. «Вверху» поняли «проектъ», и самъ глава съ его помощникомъ оставили вѣдомство, уйдя въ отставку.

---

[1]) 19-го и 25-го января 1906 года.

На первомъ пріемѣ вступившій въ управленіе министерствомъ земледѣлія (главнымъ управленіемъ землеустройства и земледѣлія) А. П. Никольскій встрѣтилъ меня весьма любезными словами:

— Очень радъ съ вами познакомиться. О васъ много говорилъ Алексѣй Сергѣевичъ, и я читалъ вашъ фельетонъ еще въ наборѣ и вполнѣ ему сочувствую.

— А какъ же мнѣ теперь быть? Мнѣ, вѣдь, предложено уйти со службы вашимъ предшественникомъ...

— Ну, нѣтъ, объ этомъ забудьте; напротивъ, вы намъ нужны для очень отвѣтственнаго порученія...

Черезъ нѣсколько дней я былъ командированъ представителемъ въ комиссію по изслѣдованію района проектируемой Туркестанъ-Сибирской желѣзной дороги, что дало мнѣ возможность сдѣлать путешествіе болѣе, чѣмъ въ 14,000 верстъ по Сибири и Туркестану и представить солидный трудъ.

Выходя разъ изъ редакціи «Новаго Времени» вскорѣ послѣ описанныхъ событій, передъ отъѣздомъ въ далекое путешествіе, я встрѣтилъ на крыльцѣ Алексѣя Сергѣевича. Онъ меня узналъ и, по своему обыкновенію, сразу все припомнилъ.

— Вотъ видите, какъ все удачно вышло,—сказалъ онъ съ улыбкой:—а вы еще опасались.

— А были моменты, Алексѣй Сергѣевичъ, очень скверные.

— Безъ скверныхъ моментовъ не бываетъ хорошихъ въ жизни. А главное смѣлость и твердость въ каждомъ дѣлѣ, большомъ и маломъ.

Я ему сказалъ о предстоящей поѣздкѣ въ Сибирь.

— Прекрасно, что васъ послали туда, а не кого-либо другого... Счастливаго вамъ пути и новаго успѣха... Привозите побольше данныхъ о богатомъ сибирскомъ краѣ, который такъ еще мало намъ извѣстенъ...

Болѣе я его не встрѣчалъ живымъ. Пришлось поклониться только его праху.

П. И. Соколовъ.

ВЪ ЧУДОВСКОЙ ЛУКѢ.

ЛИЗА Н. А. Некрасова, тотъ небольшой уголокъ, такъ любимый поэтомъ, гдѣ онъ болѣлъ и отдыхалъ душою, откуда лились напѣвы его «неласковой печальной музы», полные безотрадныхъ картинъ народнаго горя, гдѣ написано было извѣстное стихотвореніе «Кому на Руси жить хорошо», находится въ нѣсколькихъ часахъ ѣзды отъ Новгорода, вблизи станціи Чудово.

Пріобрѣтенная Н. А. Некрасовымъ въ собственность, она принадлежала ему до самой смерти. По завѣщанію 1877 года перешла къ женѣ его, а нѣсколько времени спустя куплена сестрою поэта А. А. Буткевичъ и передана въ 1882 году по дарственной записи новгородскому земству, со всею движимостью, съ условіемъ устроить въ ней сельско-хозяйственную школу имени Некрасова и сохранить въ неприкосновенномъ видѣ кабинетъ его съ письменнымъ столомъ и портретомъ работы Ге [1]).

На этотъ предметъ было передано новгородскому земству 4,500 рублей и собрано редакціей «Отечественныхъ Записокъ» 6,673 рубля. Въ 1892 г. сельско-хозяйственная школа была открыта земствомъ, но, въ силу какихъ-то неясныхъ причинъ, успѣха не имѣла, и уже въ 1904 году постановили ее закрыть.

Въ годы холерной и тифозной эпидемій въ одномъ изъ пустующихъ, вновь выстроенныхъ зданій помѣщались больные, а въ

[1]) Нынѣ находящимся въ музеѣ Александра III.

домѣ Некрасова квартира врача. Въ послѣднее время часть построекъ была сдана въ аренду подрядчику артели плитной ломки. Въ одинъ изъ послѣднихъ осеннихъ дней я остановилась на Чудовской станціи, рѣшивъ осмотрѣть указанную мызу.

Мнѣ подали какой-то непомѣрно высокій тарантасъ

— Куда прикажете?—обернулся возница, молодой еще парень съ добродушнымъ лицомъ.

— Въ имѣніе Некрасова.

Онъ съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на меня.

— Въ Луку,—подсказалъ станціонный служитель.

Парень кивнулъ головою въ знакъ согласія, махнулъ кнутомъ, и тарантасъ запрыгалъ по выбоинамъ булыжной мостовой станціоннаго поселка, наполненнымъ жидкою грязью, брызги которой обдавали меня при каждомъ толчкѣ. Глубокія канавы сбоку были полны водою и грязью, а боковыя улицы представляли такую сплошную грязь, что страшно становилось за ея обитателей.

— Нельзя ли потише?—молила я возницу.

— Ничего, барыня,—утѣшалъ онъ меня невозмутимо.

— Душу вытрясешь!

— Хоть бы те што,—продолжалъ онъ въ томъ же тонѣ.

Такъ миновали мы рядъ трактировъ, мелкихъ лавченокъ, постоялыхъ дворовъ. Мелькнулъ на краю поселка грязный домъ съ вывѣской «Чудовская пересыльная тюрьма», и мы выѣхали въ поле. Вокругъ разстилалась унылая болотистая равнина. Вдали показались очертанія какой-то ветхой постройки, окруженной высокими деревьями.

Подъѣхавъ ближе, мы увидѣли частоколъ, мѣстами разобранный, очевидно, на топливо, мѣстами рухнувшій на бокъ. Одинокій бельведеръ надъ домомъ, съ потускнѣвшимъ зеркальнымъ шаромъ, казалось, сокрушенно смотрѣлъ щелями своихъ мутныхъ стеколъ на мерзость запустѣнія, царившую вокругъ. Несомнѣнно, это было одно изъ тѣхъ разоренныхъ гнѣздъ, слѣды которыхъ еще сохранились кое-гдѣ въ видѣ заглохшихъ парковъ, заросшихъ зеленой тиной прудовъ и полуразвалинъ барскихъ домовъ съ балкончиками, колонками, свѣтелками.

— Неужто здѣсь?—невольно вырвалось у меня.

— Это Реуша мыза,—пояснилъ возница.

— Помѣщикъ здѣшній?

— Нѣтъ, еврей богатый. Раньше Сухова было. Старики сказывали, хорошее было имѣнье, да прахомъ сгинуло.

— Вотъ и Лука Чудовская,—проговорилъ мой возница снова, сворачивая съ булыжной дороги.

Мы ѣхали уже по деревнѣ. Теперь я получила полное представленіе о томъ, что значитъ грязь «по ступицу». Тарантасъ шагъ за шагомъ медленно опускался въ грязную глубокую яму, и казалось,

такъ и завязнешь въ этомъ морѣ грязи. Но вотъ лошадь напрягаетъ силы, колесы медленно выползаютъ на бугоръ, чтобы черезъ нѣсколько шаговъ снова завязнуть въ ямѣ. Для разнообразія отъ времени до времени натолкнешься на два-три бревна поперекъ дороги и такъ безъ конца... Въ концѣ деревни, влѣво отъ дороги, за высокими жидкими деревьями, сквозили темныя очертанія построекъ. Впереди всѣхъ стоялъ не особенно большой деревянный домъ того же типа старыхъ усадебъ. Мы въѣхали во дворъ, миновавъ ветхій, покосившійся заборъ, и остановились передъ крыльцомъ. На двери висѣлъ замокъ.

Въ надеждѣ найти другой входъ, я пошла садомъ, огибающимъ домъ въ видѣ угла. Уныло шумѣли оголенныя верхушки высокихъ дубовъ, остатки аллеи, нѣкогда окаймлявшей садъ. Сухіе, опавшіе листья ихъ хрустѣли подъ ногами. Разросшійся кустарникъ скрывалъ уцѣлѣвшія кое-гдѣ скамейки. Широкая терраса дома выходила въ садъ. Видъ ея былъ печаленъ: ветхая, косая, съ безпомощно болтающимся концомъ перилъ надъ пустыми гнѣздами подширавшихъ ихъ нѣкогда балясинъ. Да и самый видъ дома необычайно гармонировалъ съ тусклою картиною осени. Какъ-то мертво, безжизненно смотрѣли его окна въ этотъ опустѣвшій, запущенный садъ.

Я снова вернулась къ крыльцу. Въ это время и возница успѣлъ тоже обойти постройку вокругъ и вопросительно смотрѣлъ на меня. Мы подошли къ заколоченному досками флигелю съ остатками старой рѣзьбы на окнахъ, посмотрѣли на большой домъ новой постройки напротивъ. Онъ также былъ пустъ. Въ глубинѣ двора виднѣлись какіе-то домики съ разрушенными трубами, длинные сараи съ множествомъ вытяжныхъ трубочекъ въ крышѣ, навѣсы, еще какое-то жилье...

— Поѣдемъ дальше, что-нибудь узнаемъ,—сказала я.

Гдѣ-то тявкнула собачонка...

— Значитъ, люди есть,—рѣшилъ мой возница и тронулъ лошадь. Въ самомъ концѣ двора изъ-подъ навѣса вышла баба съ высоко загнутымъ на боку краемъ подола, съ подойникомъ въ рукѣ, съ засученнымъ рукавомъ.

— Здравствуй, тетка!

Баба подперла свободною рукою бокъ и удивленно уставилась на насъ.

— Вамъ кого?

— Это мыза Некрасова?

— Это,—былъ лаконическій отвѣтъ.

— У кого же ключъ?

— Ключъ-то?—протянула она:—да у дѣдки Мироныча.

— Гдѣ же такой дѣдка?

— Да на селѣ.

— Ну, ладно, найдемъ,—кивнулъ возница и повернулъ лошадь. Снова качало нашъ тарантасъ до тѣхъ поръ, пока мы не остановились посреди села у большого двухъэтажнаго дома съ густымъ палисадникомъ. Это былъ домъ Миронова. Но и здѣсь не посчастливилось. Дѣдушка Миронычъ ради субботняго дня былъ въ банѣ, куда захватилъ съ собою и ключъ отъ дома. Однако сынъ его предупредительно предложилъ сбѣгать за ключомъ и просилъ меня вернуться на мызу.

Опять забороздили мы грязь и вторично остановились у знакомаго крыльца, которое на этотъ разъ оказалось болѣе гостепріимнымъ. Заскрипѣла на ржавыхъ петляхъ дверь, и молодой Мироновъ повелъ меня по пустымъ комнатамъ. Еще въ маленькой прихожей пахнуло сыростью и особымъ воздухомъ нежилого помѣщенія. Изъ темнаго коридора нѣсколько дверей вели въ разныя стороны.

— Вотъ кухня, столовая, еще комната, еще...

Въ одной изъ комнатъ стояла покрытая ситцевымъ одѣяломъ широкая кровать, столъ и шкапикъ съ медикаментами. Несмотря на эти признаки жилого помѣщенія, въ ней было такъ же холодно, сыро, непривѣтливо, какъ и въ другихъ.

— Здѣсь отецъ ночуетъ, а это еще отъ больницы осталось.

Такъ обошли мы домъ и остановились въ большой свѣтлой комнатѣ, выходившей дверью на садовую террасу. Однако напрасно старалась я создать себѣ картину жизни поэта. Хожденіе по пустымъ, затхлымъ комнатамъ напоминало скорѣе осмотръ отсырѣвшей за зиму дачи.

— Нѣтъ ли здѣсь кого-нибудь, кто помнилъ бы Некрасова?—спросила я Миронова.

— Да отецъ мой егеремъ у него былъ, очень хорошо его зналъ,—просто отвѣтилъ онъ мнѣ.—Вы маленечко пообождите, онъ и самъ сюда поторопится.

Дѣйствительно, дѣдушка Миронычъ не замедлилъ явиться. Это былъ сѣдой, но бодрый еще старикъ лѣтъ 70-ти, съ умнымъ взглядомъ довольно живыхъ еще глазъ. Лицо его было красно и потно послѣ бани. Не успѣли высохнуть и волосы.

— Съ легкимъ паромъ!—привѣтствовала я его.

— Благодаримъ покорно,—улыбнулся старикъ.—Мызу посмотрѣть вздумалось,—заговорилъ онъ.

— Да. Скажите, вѣдь вы хорошо знали Николая Алексѣевича?

— Какъ же не знать. А домъ этотъ мнѣ словно свой знакомъ. Здѣсь вотъ спальня была,—провелъ онъ меня въ сосѣднюю комнатку.—Тутъ у стѣнки Н. А. кровать стояла, а это въ кабинетъ дверь. Только теперь онъ запертъ и досками заколоченъ.

— Почему?

Домъ Н. А. Некрасова близъ Чудова (южная сторона).

— Бумаги, должно быть, земскія лежатъ. Много тутъ перемѣнъ послѣ Н. А. было, только эта сторона осталась. Наверху еще комнаты есть.

Мы прошли и наверхъ по крутой лѣстницѣ изъ сѣней.

Низенькія небольшія комнатки по коридору выходили на двѣ стороны. Здѣсь еще больше пахло плѣсенью, потолокъ въ иныхъ мѣстахъ напоминалъ географическую карту.

— Здѣсь больше гости помѣщались,—пояснялъ мнѣ старикъ.

— И много ихъ бывало?.

— И... и... сколько,—протянулъ онъ:—особенно когда по первой порошѣ, знаете, на зайцевъ охотятся. Н. А. на звѣря охоту не любилъ, кромѣ зайца, и то больше для веселья. Бывало, для загону человѣкъ 70 наберешь. Парни, дѣвки съ пѣснями идутъ весело, свободно—и господамъ весело. Вотъ на птицъ охоту до страсти любилъ. Да и охота здѣсь хорошая была.—Глаза старика блеснули.—Зато, вѣрно, и любилъ Н. А. свою мызу больше ярославскаго имѣнія. Сколько лошадей оттуда привозилъ сюда. Чаще всего съ Суховымъ охотились: дружны они очень были. И Зинаида Николаевна одѣнетъ, бывало, мужское платье и отъ мужа не отстаетъ. А вы были въ саду?—обратился онъ вдругъ ко мнѣ съ вопросомъ.

— Была.

— Видѣли тамъ камень?

— Нѣтъ. Покажите, пожалуйста.

Мы спустились въ садъ. Миронычъ подвелъ меня къ одному изъ угловъ, выходящихъ къ дорогѣ. Темносѣрая, мраморная плита, почти черная, глубоко вросла въ землю. На ней я прочла вырѣзанную надпись:

Кадо,
Черный пойнтеръ,
Былъ превосходенъ на охотѣ,
Незамѣнимый другъ дома.
Родился 15 іюля 1868 г., убитъ
случайно на охотѣ 2 мая 1875 г.

— Должно быть, Н. А. очень любилъ собаку?

— Какъ любилъ-то. А и красивый былъ песъ, черный, блестящій, сильный. Не отходилъ отъ Н. А. Сидятъ это съ Зинаидой Николаевной на диванѣ, широкій такой диванъ былъ,—кушаютъ, а Кадо посрединѣ, и его тутъ же кормятъ.

— Какъ же его убили?

— При мнѣ это дѣло было. Охотились мы на тетеревовъ. Прицѣлила З. Н. въ птицу, а угодила въ собаку. Что съ Н. А. было, и вспомнить страшно. Какъ увидалъ онъ это, застоналъ... Внѣ себя былъ... думали, что и будетъ. Уговаривать стали, З. Н. прощенья

Домъ Н. А. Некрасова близъ Чудова (сѣверная сторона).

просить. Потомъ обошелся, только долго скучалъ. Съ этого дня и З. Н. охоту бросила.

— Часто, бывало, придетъ сюда. Любилъ въ саду посидѣть. Успенскій, Глѣбъ Ивановичъ, часто пріѣзжалъ и послѣ смерти Н. А. бывалъ. Здѣсь цвѣты были,—отдавался старикъ воспоминаніямъ, указывая на бугорокъ передъ террасой:—садъ далеко туда тянулся, теперь и слѣда не осталось.

Дѣйствительно, вдали было какое-то подобіе огороднаго мѣста. Старикъ замолчалъ. Очевидно, онъ чувствовалъ себя послѣ бани не совсѣмъ хорошо въ сыромъ саду. Смотрѣть уже было нечего, и, усадивъ старика въ тарантасъ, я подвезла его къ дому.

Сталъ накрапывать дождь.

Я охотно согласилась на приглашеніе зайти обогрѣться, тѣмъ болѣе, что мнѣ хотѣлось услышать еще что-нибудь о Н. А., и мы вмѣстѣ поднялись въ верхній этажъ, въ теплую чистую, хорошо обставленную на городской ладъ комнату.

— Хорошій былъ баринъ,—заговорилъ снова старикъ, когда мы сидѣли уже за поданнымъ хозяйкою чаемъ.—Много и послѣ него здѣсь господъ жило, а такого добраго да простого не было. Какъ пріѣдетъ сюда, каждый-то день съ нимъ вмѣстѣ былъ. Иной разъ уйдешь утречкомъ пораньше, поразвѣдать насчетъ охоты, а Н. А. ждетъ, ждетъ да и придетъ на деревню подъ окошко справляться... Бывало, ѣдемъ съ нимъ на охоту, говорить начнетъ—заслушаешься.

— О чемъ же?

— Обо всемъ. О жизни больше. Какъ жить надо по-хорошему, честно, безъ зла. Нашу-то жизнь какъ зналъ, бѣдность крестьянскую... И о дѣтяхъ говорилъ, какъ ихъ растить надо, правдѣ да добру учить.

— Онъ любилъ дѣтей?

— Всѣхъ онъ любилъ. Ссоръ только не любилъ. Сами вѣдь знаете, всяко въ жизни бываетъ. Перессорится, это, нашъ братъ, да и говорятъ другъ другу: «Вотъ ужо Н. А. пріѣдетъ, пожалуюсь на тебя». Пріѣдетъ, и вправду къ нему идутъ. Онъ выйдетъ и слушаетъ. Всякъ свое говоритъ, а Н. А. только улыбнется да скажетъ:

— Гмм...—это его любимая поговорка была,—и отойдутъ. А то кончится охота. Дастъ денегъ и велитъ народъ разсчитывать по справедливости.

— Соберутся, это, всѣ въ избу. Начнешь дѣлить—ссоры начнутся. И здѣсь Н. А. никогда не вступится. Лежитъ только на лавкѣ, подопретъ голову рукой, ни слова не говоритъ, а самъ только смотритъ и смотритъ да слушаетъ, точно онъ человѣка насквозь видитъ.

— А случись бѣда какая, узнаетъ, и просить не надо. Разъ у одного хозяина двѣ лошади пали. Въ полѣ работа стоитъ. Вотъ

мы и собрались въ воскресенье, знаете, по-деревенски «помочью» и пашемъ поле. Идетъ мимо Н. А.

— Это что, говоритъ, за работа?

— Помочь, Н. А., и разсказали, въ чемъ дѣло.

— Ну, коли помочь, такъ и мнѣ помочь надо,—и вынулъ двадцатипятирублевку.

— Не сохранилось ли у васъ какихъ-нибудь бумагъ его, вещей?

— Изъ вещей только буфетъ одинъ остался. Все къ Сухову перевезли послѣ смерти, и бумаги и вещи. Буфетъ въ двери не вышелъ, не догадались, что разборный.

— Можетъ быть, у васъ были письма?

— Много было, да не осталось. Развѣ я зналъ, что за Некрасовъ былъ. Если бы тогда кто сказалъ, да я бы каждый клочокъ пряталъ. А теперь только и спрашиваютъ о немъ. Ни о комъ, какъ о немъ. Да и не было лучше его,—вздохнулъ старикъ.—Развѣ думалъ я,—сокрушался онъ:—каждый день вмѣстѣ. Больной даже пріѣзжалъ сюда. Велѣли ему доктора купаться по утрамъ. Осѣдлаешь коней и ѣдемъ на зарѣ къ рѣчкѣ. Раздѣнется Н. А. и сидитъ, знамо дѣло, баринъ, холоду боялся.

— Полѣзай, говоритъ, ты сначала—холодна ли вода?

— Мнѣ-то что же, ко всему привычны. Искупаюсь,—тепло, говорю. Потомъ ужъ и самъ пойдетъ. Только не помогло что-то. Помню, ужъ сильно боленъ былъ Н. А. Пріѣхалъ я въ Петербургъ, провели меня въ комнату, я и подаю ему на подносѣ дичину разную битую въ гостинецъ, думалъ порадовать. Посмотрѣлъ онъ на птицу, только вздохнулъ:

— Хоть бы разъ еще на охоту взглянуть!

— Да не судилъ, видно, Богъ. Скоро и умеръ послѣ этого. И дичины моей не покушалъ.

Старикъ замолчалъ. Его, видимо, клонило ко сну. Пора была подумать и объ обратномъ пути.

Было уже совсѣмъ темно, какъ говорится, зги не видно, когда мы покинули Чудовскую Луку. Только вдалекѣ блистали станціонные огоньки.

— Спасите, православные, Христа ради!—вдругъ раздался стонъ.

— Остановись! что такое?

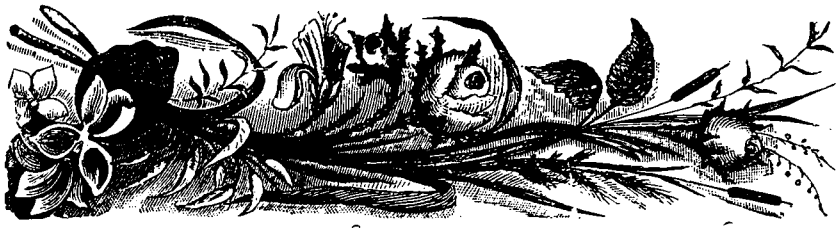
Сильно напрягая зрѣніе, мнѣ удалось разсмотрѣть какую-то массу, барахтающуюся въ лужѣ на дорогѣ.

— Много ихъ тутъ гольтепы шляется, пьяницъ. Такъ тебѣ и надо. Хорошіе люди у насъ тонутъ, а вашему брату туда и дорога. Мужикъ тутъ прошлую осень шелъ по дорогѣ, да головой и угодилъ въ канаву. Женка три раза мимо искать ходила и только

къ утру мертвыя ноги увидѣла,—говорилъ мнѣ возница, трогая лошадей.

Стоны доносились слабѣе. На пути мы то и дѣло обгоняли «гольепу», которая, шлепая напроломъ по грязи, направлялась къ своему пристанищу, крѣпко переругиваясь другъ съ другомъ. А чудовскіе обитатели, точно искатели клада съ фонарями, тщетно искали сухого мѣстечка, пробираясь къ вечернему поѣзду на станцію.

З. Слезскинская.



ОРИГИНАЛЫ И ЧУДАКИ.

(Клочки воспоминаній).

СРЕДИ тѣхъ многихъ, съ которыми приходилось сталкиваться за послѣднія тридцать лѣтъ, было не мало такихъ курьезныхъ людей, которые оригинальнымъ укладомъ своей жизни представляютъ бытовой интересъ, и я въ своихъ отрывочныхъ воспоминаніяхъ попытаюсь отмѣтить наиболѣе типичныя ихъ стороны.

I.

Я. И. Лихачевъ.

Въ 1870 и 80-хъ годахъ очень примѣтною личностью въ Петербургѣ былъ Яковъ Ивановичъ Лихачевъ, молодой, необъятной толщины гвардейскій офицеръ, сорившій деньгами безъ счета и прославившійся всяческими эксцентричностями.

Будучи, кажется, единственнымъ сыномъ знаменитаго откупщика, Яковъ Ивановичъ унаслѣдовалъ отъ отца нѣсколько милліоновъ и съ такимъ усердіемъ ихъ расходовалъ, что если бъ не майоратъ, то могъ бы умереть въ ужасающей бѣдности.

Я познакомился съ нимъ черезъ артиста А. А. Нильскаго, который доводился ему большимъ пріятелемъ и былъ его частымъ гостемъ въ его тверскомъ помѣстьѣ.

Шалости и чудачества Лихачева, а также его лукулловскіе пиры и пикантныя любовныя похожденія одно время очень занимали петербуржцевъ и дѣлали его личность анекдотическою.

Будучи театраломъ, онъ водилъ дружбу со всѣмъ артистическимъ міромъ, любимцамъ дѣлалъ дорогіе подарки и не пропускалъ ни одного мало-мальски интереснаго представленія.

Занимая въ Петербургѣ роскошный бельэтажъ, обстановка котораго стоила десятки тысячъ, онъ иногда приказывалъ привести къ себѣ въ кабинетъ или гостиную лошадей изъ конюшенъ, чтобы полакомить ихъ кускомъ сахара или показать ихъ своимъ гостямъ. Лошади расхаживали по дорогимъ коврамъ, въ сопровожденіи конюховъ, и, конечно, вели себя совершенно непринужденно.

Нѣкоторыя, впрочемъ, изъ его шутокъ были не лишены остроумія.

Напримѣръ, проѣзжая какъ-то по Гороховой улицѣ, онъ увидалъ на окнѣ табачнаго магазина листъ бѣлой бумаги, на которомъ крупными буквами было начертано: «нуженъ мальчикъ» Лихачевъ, замѣтивъ номеръ дома и запомнивъ фамилію торговца, по пріѣздѣ домой, поручилъ своему секретарю устроить на другой день такъ, чтобъ къ лавкѣ этой былъ подкинутъ младенецъ мужского пола. И секретарь устроилъ. Отправился рано утромъ въ воспитательный домъ и началъ выспрашивать женщинъ, приносившихъ туда дѣтей, не желаетъ ли кто-нибудь изъ нихъ подкинуть ребенка въ хорошее мѣсто, предлагая за это двѣсти рублей. Разумѣется, желающая получить такую сумму нашлась моментально. Причемъ ей было обѣщено, что въ случаѣ если, ребенка не примутъ, онъ будетъ устроенъ въ воспитательный домъ на тѣхъ же условіяхъ, на которыхъ она отдала бы его сейчасъ, т.-е. ей будетъ врученъ номерокъ, при помощи котораго можно будетъ слѣдить за воспитаніемъ. Ребенка уложили въ корзинку, а вмѣстѣ съ нимъ и конвертъ съ запиской: «Мальчикъ. Еще не крещенъ. На первоначальные расходы прилагается сто рублей...» Ребенка табачникъ оставилъ у себя и усыновилъ, а объявленіе съ окна предусмотрительно тотчасъ же снялъ.

На бенефисъ Марковецкаго въ Александринскомъ театрѣ Лихачевъ откупилъ всю правую половину креселъ и потомъ перепродавалъ или прямо дарилъ билеты исключительно только лысымъ. Вся остальная публика, наполнявшая театръ, любовалась на правую сторону креселъ съ не меньшимъ удовольствіемъ, чѣмъ на сцену. Зрители посмѣивались, и съ перваго же антракта правая сторона стала рѣдѣть, а къ концу спектакля и совсѣмъ опустѣла.

Во времена, когда репертуаръ Александринскаго театра былъ заполненъ оперетками, съ громаднымъ успѣхомъ шелъ «Орфей въ аду». Роль Ваньки Стикса игралъ актеръ П. А. Петровскій, человѣкъ весьма простой и не любившій ни надъ чѣмъ задумываться. Въ опереткѣ этой онъ пѣлъ знаменитые куплеты «Когда я былъ аркадскимъ принцемъ», на мотивъ которыхъ писалось въ то время досужими людьми много шуточныхъ экспромтовъ, разумѣется, не

предзначавшихся ни для печати, ни для исполненія на сценѣ. Однажды попался одинъ изъ такихъ экспромтовъ Лихачеву, и онъ передалъ его Петровскому, прося добродушнаго актера пропѣть его въ ближайшее представленіе «Орфея», но съ условіемъ никому этого куплета не показывать, чтобъ онъ не потерялъ прелести новизны.

Петровскій такъ и сдѣлалъ.

Случилось, что на этомъ ближайшемъ представленіи присутствовалъ императоръ Александръ Николаевичъ.

Куплетъ былъ таковъ:

Когда я былъ аркадскимъ принцемъ,
Я нѣмцевъ очень обожалъ
И ихъ на всякую потребу
Въ большомъ количествѣ держалъ.
Но развелося ихъ такъ много,
Что я въ концѣ концовъ не зналъ,
Какой страной, какимъ народомъ,
Какимъ я царствомъ управлялъ.

Государь, сидѣвшій въ боковой ложѣ, откинулся на спинку кресла и погрозилъ Петровскому пальцемъ. Все театральное начальство бросилось на сцену, и несчастный актеръ чуть не поплатился службой...

Черезчуръ тучнаго Якова Ивановича довольно часто безпокоили желудочныя болѣзни. Онъ даже ложился отъ нихъ въ постель, но лечиться не любилъ. Однако, почувствовавъ себя однажды особенно дурно, онъ пригласилъ врача, который посовѣтовалъ ему немедленно принять касторовaго масла.

Лихачевъ долго протестовалъ, но, наконецъ, согласился:

— Ну, ужъ если такъ необходимо—все равно... приму!

Изъ аптеки мигомъ принесли лекарство.

Докторъ уѣхалъ, и Лихачевъ, продолжая охать и стонать, сталъ отказываться отъ касторовaго масла:

— Не могу... Вида его не переношу...

Всѣ домашніе начали его упрашивать набраться мужества и хоть съ отвращеніемъ, но все-таки проглотить ненавистное ему лекарство. Въ особенности усердствовалъ его секретарь О., который жалобнымъ голосомъ шепталъ Якову Ивановичу:

— Голубчикъ! Дорогой! Пожалѣйте себя,—примите маслица. Это сразу облегчитъ ваши страданія.

— Не могу!.. Ой-ой!

— Ради Бога!.. Голубчикъ!

— Ужъ больно противно..

— Знаю!.. Но что же дѣлать, разъ это необходимо.. Преодолѣйте себя...

— Не могу! Точно ты не знаешь, что я ничего не пью безъ компаніи.

— Помилуйте, какая жъ можетъ быть компанія для лекарства?

— А одинъ не могу!.. Вотъ если бъ ты со мной чокнулся да выпилъ бы этой самой проклятой касторки...

— Да зачѣмъ же мнѣ-то? Я, слава Богу, здоровъ.

— Изъ дружбы... изъ участія...

— Я бы, право, съ удовольствіемъ, но... безъ надобности... можетъ быть, это даже вредно...

— Вотъ какъ ты меня любишь?! Спасибо!

— Я очень люблю, но...

— А если любишь—выпей! Докажи свою привязанность.

— Ну, ужъ если вы такъ настаиваете,—извольте!

О. наполнилъ два бокала касторовымъ масломъ и одинъ изъ нихъ подалъ Якову Ивановичу, разслабленнымъ голосомъ проговорившему:

— Пей раньше! Меня долженъ воодушевить твой примѣръ.

Съ отчаянною рѣшимостью О. залпомъ выпилъ весь бокалъ.

— Ну, а вы?

— А я, братъ, раздумалъ!—сказалъ Лихачевъ, возвращая обратно бокалъ съ лекарствомъ.

У несчастнаго О. вытянулась физіономія, а больной спокойно продолжалъ:

— Если нравится, можешь и мою порцію выпить.

Интересно по обстановкѣ начало знакомства Лихачева съ артисткою Ч—ской, служившей въ Александринскомъ театрѣ и выступавшей преимущественно въ опереткахъ. Обладая привлекательной внѣшностью, она пользовалась большимъ успѣхомъ и прославилась кокетливымъ исполненіемъ модныхъ тогда куплетовъ: «Меня мужчины такъ балуютъ, что я испорчусь наконецъ».

Яковъ Ивановичъ долго добивался быть ей представленнымъ, но ея супругъ, тоже артистъ Александринскаго театра, за котораго она вышла прямо со школьной скамьи театральнаго училища, оберегалъ ее крайне ревниво.

Хоть Лихачевъ съ Ч—скимъ и дружилъ, но тотъ наотрѣзъ отказалъ ему познакомить съ своей женой.

— Почему?—удивлялся Лихачевъ.

— Вы человѣкъ ненадежный.

— А что вы скажете, если я буду представленъ вашей супругѣ помимо васъ?

— Этого никогда не будетъ!

Подзадориваемый такими затрудненіями, Яковъ Ивановичъ рѣшилъ во что бы то ни стало овладѣть вниманіемъ хорошенькой женщины.

И овладѣлъ!

Но для этого ему пришлось преобразиться... въ извозчика.

Заказалъ онъ на свою необъятную фигуру простой извозчичій армякъ, нанялъ поденно отъ извозопромышленника пролетку съ номеромъ и, умѣстившись на козлы, отправился въ первую роту Измайловскаго полка, гдѣ проживали супруги Ч—скіе.

Прошло два дня, и Лихачевъ терпѣливо высиживалъ на козлахъ, а артистка, какъ на зло, никуда не выходила и, слѣдовательно, въ извозчичьихъ услугахъ не нуждалась.

Наконецъ, на третій день Ч—ская вышла изъ подъѣзда и подозвала извозчика. Яковъ Ивановичъ лихо подкатилъ и безъ торгу усадилъ давно ожидаемаго имъ сѣдока.

По дорогѣ импровизированный извозчикъ заводитъ разговоръ:

— Барыня милая, знаете ли вы о существованіи Якова Ивановича Лихачева?

— Да... слышала...

— Эхъ, кабы вы чувствовали, какъ онъ васъ любитъ.

— А ты почемъ знаешь?

— Да какъ же мнѣ не знать, если этотъ самый Лихачевъ— я и есть!

Ч—ская отъ испуга чуть не выпрыгнула съ дрожекъ.

— Вы?! Съ какой стати! Какъ смѣете?

— Простите,—заговорилъ Яковъ Ивановичъ обычнымъ голосомъ:—но другого способа познакомиться съ вами я не могъ надумать.

— Оказывается, что вы дѣйствительно, какъ говорилъ про васъ мужъ, нахалъ!

— Бранитесь... но цѣль оправдываетъ средства. Безумно влюбленнымъ прощается многое...

Какъ бы тамъ ни было, но знакомство завязалось. Массивный извозчикъ еще нѣсколько дней дежурилъ на первой ротѣ, и Ч—ская чаще обыкновеннаго стала выѣзжать изъ дому...

Черезъ недѣлю супруги Ч—скіе, послѣ весьма обстоятельнаго объясненія, разошлись и... какъ показало время, навсегда.

Лихачевъ очень внимательно ухаживалъ за нею въ теченіе двухъ лѣтъ, окружалъ ее неслыханною роскошью и разстался съ ней въ одинъ моментъ, когда она, капризничая, бросила въ горѣвшій каминъ солидную пачку денегъ. Сидя противъ нея у камина, Яковъ Ивановичъ, ни слова не говоря, поднялся съ мѣста и ушелъ. И артистка больше уже никогда его не видала.

Эти эпизоды я слышалъ отъ самой Ч—ской, которую въ 1884 году встрѣтилъ въ Москвѣ, гдѣ она вела очень замкнутый образъ жизни, ютясь въ меблированной комнатѣ. Прежнихъ богатствъ, конечно, не было и въ поминѣ, но красота ея сохранялась въ полной неприкосновенности...

Очень оригинальный образъ жизни велъ Лихачевъ у себя въ родовомъ помѣстьѣ въ Кашинскомъ уѣздѣ Тверской губерніи.

Въ немъ обыкновенно онъ проводилъ лѣто. Всегда было много гостей, всегда было шумно и весело.

Живя на лонѣ природы, никакихъ другихъ костюмовъ Яковъ Ивановичъ не признавалъ, кромѣ широчайшей рубахи и такихъ же шароваръ. Томясь отъ жары, онъ большую часть дня проводилъ въ рѣчкѣ, протекавшей по его имѣнію, и устраивался въ ней комфортабельно. Не снимая съ себя одеждъ и только прикрывъ голову широкополой шляпой, онъ сидѣлъ почти по горло въ водѣ на удобномъ, покойномъ креслѣ и охлаждался. Слуги, съ высоко засученными панталонами, подавали ему то кофе съ ликеромъ, то сигары, а иногда и полный завтракъ.

Гостившіе же у него пріятели обыкновенно въ это время сидѣли на берегу и вели съ нимъ оживленную бесѣду.

Въ деревнѣ у него имѣлся хоръ пѣсенниковъ, которымъ онъ любилъ хвастнуть и даже однажды выступалъ съ нимъ публично въ Кашинѣ, лично имъ дирижируя. Въ образованіи этого хора немалое участіе принимала супруга Якова Ивановича, которая до выхода за него замужъ служила въ Александринскомъ театрѣ подъ фамиліей Кроненбергъ, занимая амплуа опереточной примадонны. Она была музыкально-образованной особой и готовилась когда-то въ оперу, которую, однако, не задумываясь промѣняла на оперетку, въ виду того грандіознаго успѣха, которымъ въ тѣ времена оперетка пользовалась.

Хоръ Лихачева состоялъ изъ однихъ мужскихъ голосовъ, и всѣ хористы обязаны были носить шаровары и цвѣтныя рубахи. Это была ихъ форма. Но, однако, физіономіи многихъ изъ нихъ совершенно не соотвѣтствовали ихъ наряду, потому что отличались типичностью либо инородцевъ, либо иностранцевъ, хотя на самомъ дѣлѣ всѣ они принадлежали къ чистокровнымъ тверитянамъ. Одинъ походилъ на итальянца, другой на француза, третій напоминалъ татарина, четвертый былъ типичнымъ малороссомъ, пятый смахивалъ на финна и т. д.

И когда у Лихачева спрашивали:

— Что это значитъ?

Онъ отвѣчалъ спокойно:

— Надо же моему парикмахеру чѣмъ-нибудь заниматься? А то вѣдь со скуки умретъ.

Жившаго постоянно при немъ парикмахера онъ называлъ не иначе, какъ «мусью Фиксатуаръ».

Заходятъ однажды въ имѣніе Якова Ивановича два пѣшихъ путешественника. Одинъ громадный, плечистый, косматый; другой—худосочный и приниженный.

— Что вамъ?—спрашиваетъ ихъ Лихачевъ.

Высокій началъ проситься въ хоръ и объявилъ, что у него басъ.

Яковъ Ивановичъ слегка его проэкзаменовалъ и оставилъ, а затѣмъ обратился къ его товарищу:

— И ты тоже въ хоръ?

— Никакъ нѣтъ... я такъ...

— Что значитъ «такъ»?

— Я не изъ голосистыхъ... я просто такъ, за компанію съ нимъ.

— Бездомникъ?

— Да, ужъ, конечно, ежели зря по свѣту мыкаюсь...

— Ну, ладно, оставайся и ты... Можетъ быть, на что-либо пригодишься... Ты ужъ женатъ или еще нѣтъ?

— Нѣтъ.

— Ну, вотъ и отлично! Мы тебя женимъ.

— То-есть, какъ же это такъ, вдругъ... Я къ этому дѣлу не особенно, можетъ быть, расположенъ...

— Пустяки! Не все ли тебѣ равно, какъ жить: женатымъ или холостымъ, а намъ все-таки развлеченіе,—попируемъ на твоей свадьбѣ... Не споръ!

Путешественникъ почесалъ въ затылкѣ и рѣшилъ:

— Ну, ладно... развѣ только для васъ!

Лихачевъ сейчасъ же послалъ за парикмахеромъ и вмѣстѣ съ бывшими у него въ то время пріятелями сталъ созерцать, какъ мусью Фиксатуаръ принялся «перефасонивать» путешественниковъ.

Яковъ Ивановъ сидѣлъ и командовалъ:

— Этого большого... дѣлай англичаниномъ... Будетъ хорошъ!.. Расчеши ему на затылкѣ проборъ, а съ боковъ сними волосъ побольше... Такъ!..

«Басъ» осмѣлился было замѣтить:

— Помилуйте-съ, я православный и подъ англичанина мнѣ совсѣмъ нежелательно...

Но Лихачевъ его перебилъ:

— А нежелательно, такъ и уходи вонъ!.. Мнѣ твоего баса не нужно, а беру я тебя только ради того, что изъ тебя хорошаго англичанина можно сдѣлать...

Путешественникъ, конечно, смирился, а Яковъ Ивановичъ продолжалъ приказывать мусью Фиксатуару:

— Подбородокъ пробрей лентой... немного... сдѣлай ему бакены, да книзу, чтобъ острымъ угломъ шли...

Черезъ полчаса новоявленный былъ неузнаваемъ. Его выразительная физіономія блистала всѣми характерными чертами истаго бритта.

Маленькаго человѣчка Лихачевъ велѣлъ преобразить:

— Въ Харіуса?!

Это значило — наголо остричь голову и гладко выбрить лицо.

Мусью Фиксатуаръ поусердствовалъ и даже подровнялъ ему брови.

Затѣмъ Яковъ Ивановичъ приказалъ ихъ «выполоскать» въ рѣкѣ, дать имъ свѣжее платье и зачислить въ штатъ его очень обширной дворни.

«Харіусъ» оказался очень смышленнымъ по письменной части и работоспособнымъ, такъ что онъ былъ опредѣленъ на отправленіе какихъ-то служебныхъ обязанностей. Лихачевъ сдержалъ свое обѣщаніе и вскорѣ его женилъ на одной изъ кашинскихъ мѣщанокъ, причемъ сдѣлалъ ей приличное приданое. Бракъ оказался удачнымъ.

Въ помѣстьѣ Лихачева была церковь и при ней причтъ. Лѣтомъ справлялся храмовой праздникъ, и въ этотъ день въ домѣ Якова Ивановича устраивался большой завтракъ и обѣдъ, на который съѣзжались сосѣди-помѣщики, кое-кто изъ уѣзднаго города и почти все духовенство окрестныхъ селъ. Пиршество у хлѣбосольнаго хозяина тянулось обыкновенно нѣсколько дней. Изъ своихъ духовныхъ гостей Лихачевъ особенно любилъ одного сельскаго дьякона, котораго всячески удерживалъ у себя и съ особымъ удовольствіемъ проводилъ съ нимъ время за бесѣдой. Дьяконъ этотъ былъ искренно убѣжденъ, что онъ не изъ «пьющихъ». И Лихачевъ, представляя его своимъ знакомымъ, всегда аттестовалъ:

— Великолѣпный басъ и баснословный трезвенникъ!

— Да!— подтверждалъ дьяконъ.— Къ вину не пріученъ съ-мальства.

И, дѣйствительно, отъ водки отказывался. Отъ вина тоже.

Но «пуншъ» обожалъ.

— Стаканъ чая и капля рома,—это другое дѣло.

И когда входилъ во вкусъ, постепенно убавлялъ дозу чая, чтобъ увеличить порцію рома, такъ что въ концѣ концовъ на стаканъ рома шла капля чая, и то только для очистки совѣсти.

За пуншемъ отецъ дьяконъ любилъ пофилософствовать, и вотъ за это-то философствованіе Яковъ Ивановичъ главнымъ образомъ его и отличалъ.

Всѣ гости, бывало, послѣ праздника разъѣдутся, а дьяконъ все гоститъ и гоститъ.

Ему нравился пуншъ, а самъ онъ нравился хозяину.

Яковъ Ивановичъ умѣло наводилъ своего собесѣдника на философскія размышленія.

— Отецъ дьяконъ, — скажетъ онъ:—смотрю я на себя и удивляюсь: что я есть?

— Вы есть человѣкъ! — глубокомысленно отвѣчаетъ дьяконъ, отхлебывая изъ стакана пуншъ.

— А что такое человѣкъ?

— Естество!

— Собственно, пылинка вселенной?

— Нѣтъ! Человѣкъ есть человѣкъ до тѣхъ поръ, пока онъ имѣетъ Божеское подобіе, а когда онъ во блаженномъ успеніи обращается въ прахъ,—онъ становится прахомъ. А почему? Потому что «земля еси и въ землю идеши». Всякій человѣкъ, независимо отъ званія и чиновъ, умираетъ. И не хочется, а умираетъ. А почему? Потому что такъ надо. Онъ имѣетъ право жить до послѣдней минуты, но не больше. И когда умираетъ, жизнь его прекращается. А почему? Потому, что онъ больше не живетъ.

Дьяконъ говоритъ цѣлыми часами неоспоримыя истины, а Лихачевъ, находя въ этой бесѣдѣ для себя развлеченіе, съ не ослабѣвающимъ интересомъ его слушаетъ.

Въ концѣ концовъ пуншъ оказываетъ свое воздѣйствіе на дьякона, и языкъ его начинаетъ быть нѣсколько непослушнымъ.

— Человѣкъ умираетъ, но смѣетъ ли онъ за это роптать на Бога? Нѣтъ, не смѣетъ! Что такое ропотъ? Ропотъ есть недовольство! А что такое недовольство? Желать большаго, чѣмъ тебѣ предназначено. А этого нельзя! Грѣхъ! Небо за это можетъ взыскать! Роптать нельзя, потому что и небу не все доступно. Не все! Примѣрно, ежели ты станешь молиться и будешь просить, чтобъ небо тебя научило, чѣмъ тебѣ перебить козырнаго туза? Не научитъ! Потому что это невозможно. А ежели есть такіе вопросы, которые само небо не можетъ разрѣшить, то человѣкъ роптать не долженъ. Уже ежели небо не можетъ перебить козырнаго туза, то, значитъ, козырный тузъ похитрѣе неба есть!..

Въ разсужденіяхъ дьякона «козырный тузъ» всегда игралъ важную роль, и строилъ онъ на немъ всю свою философію. И, когда рѣчь доходила до козырнаго туза, Лихачевъ оставлялъ своего собесѣдника въ покоѣ и отходилъ въ сторонку «отсмѣяться».

Этого дьякона-философа замѣчательно хорошо имитировалъ А. А. Нильскій, знавшій наизусть много его рѣчей, которыя заканчивались неизмѣнной ссылкой на «козырнаго туза», могущественнѣе котораго отецъ дьяконъ ничего не могъ себѣ представить...

Подъ конецъ жизни Яковъ Ивановичъ какъ-то «притихъ». Въ Петербургѣ о немъ стали говорить меньше, потому что онъ пересталъ давать пищу для анекдотическихъ о немъ повѣствованій и умеръ почти забытый тѣми многочисленными друзьями, которые окружали его въ дни его веселой молодости.

II.

Н. И. Богдановскій.

Въ началѣ 1880-хъ годовъ составилась въ Москвѣ бродячая опереточная труппа, именовавшая себя «артистическимъ сосьете», и отправилась на гастроли въ города, расположенные близъ Нико-

лаевской желѣзной дороги: Тверь, Вышній-Волочокъ, заглянула даже въ Рыбинскъ и потомъ въ Новгородъ.

Во главѣ предпріятія стоялъ «георгіевскій кавалеръ» А. А. Левицкій, пѣвшій главныя теноровыя партіи, а въ составъ труппы входили, между прочими: извѣстный нынѣ писатель А. В. Амфитеатровъ, поэтъ-юмористъ Л. А. Танѣевъ (настоящая его фамилія Фейгинъ, а писалъ онъ преимущественно подъ псевдонимомъ «Леонидъ Неспартанскій) и пишущій эти строки. Амфитеатровъ выступалъ подъ фамиліей Амфи и исполнялъ оперные отрывки.

Это была очень веселая поѣздка. Всѣ были молоды, беззаботны. Лишенія никого не тяготили, а если сталкивались съ чѣмъ-нибудь смѣшнымъ, то всѣ хохотали отъ души. Амфитеатровъ все время неугомонно острилъ, участвовалъ во всевозможныхъ шуткахъ—и періодъ отъ Рождества до Великаго поста прошелъ у насъ незамѣтно.

Самымъ курьезнымъ въ нашей труппѣ было то, что всѣ примадонны, за исключеніемъ одной только отживавшей свою славу Крузовой, были въ интересномъ положеніи.

Танѣевъ посвятилъ труппѣ стихи, изъ которыхъ у меня только нѣкоторые куплеты сохранились въ памяти:

Что твердятъ о насъ въ народѣ,
Не пронюхалъ я пока.
Труппа жъ наша, право, вродѣ
Живорыбнаго садка.
Превосходный Амфи «Демонъ»,
Но жиренъ онъ, какъ *палимъ*.
Пристаетъ изъ насъ ко всѣмъ онъ,
Впрочемъ, пусть себѣ... Богъ съ нимъ.
N..., какъ *угоръ*, вьется
И румянъ онъ, какъ *карась*,
А Танѣеву все пьется,—
Какъ *уклейка* любитъ грязь.
Съ «комбинаціей» упругой
Нашъ Левицкій самъ не свой.
Вѣчно воетъ онъ *бѣлугой*,
А актрисы всѣ *съ икрой*.

«Безпристрастія ради» Танѣевъ отмѣтилъ и свою слабость къ губительной рюмочкѣ... Его жена, исполнявшая обязанности кассирши, какъ ни уберегала его, но онъ неизмѣнно изо дня въ день былъ пьянъ.

Масленицу играли въ Новгородѣ. Для увеличенія сборовъ кто-то надоумѣлъ Левицкаго пригласить для участія въ спектакляхъ бывшаго новгородскаго антрепренера Нила Ивановича Мерянскаго, мѣстнаго любимца, который, имѣя въ Новгородѣ свой домъ, былъ не у дѣлъ. Городской театръ, послѣднимъ арендаторомъ котораго онъ былъ, незадолго передъ тѣмъ сгорѣлъ, и Мерянскій остался въ Новгородѣ жить «на правахъ гражданина».

Мерянскій сыгралъ нѣсколько спектаклей и въ послѣдній день оказалъ всей труппѣ гостепріимство, пригласивъ ее къ себѣ на блины, съ которыхъ и началось мое продолжительное знакомство съ этимъ оригинальнымъ, типичнымъ человѣкомъ, теперь уже покинувшимъ театральные подмостки и сдѣлавшимся провинціальнымъ журналистомъ.

Нынѣ онъ уже не Мерянскій, а Богдановскій. Это его настоящая фамилія.

Вотъ уже болѣе десяти лѣтъ онъ издаетъ въ Новгородѣ газету «Волховской Листокъ» и претерпѣваетъ всяческія страданія на тернистомъ пути публициста.

Но объ этомъ потомъ.

Во времена же своего актерства и антрепренерства Нилъ Ивановичъ представлялъ собою крупную въ театральномъ мірѣ фигуру, и притомъ весьма анекдотическую.

Въ 1885 году онъ построилъ въ Новгородѣ за свой счетъ деревянный театръ, благополучно существующій до сихъ поръ подъ именемъ «городского», и началъ набирать труппу. Однимъ изъ первыхъ попалъ въ нее и я. Начало спектаклей должно было состояться 15-го іюля, а къ 10-му должны были съѣхаться всѣ участники дѣла.

Пріѣхавъ въ назначенный срокъ, я былъ встрѣченъ Мерянскимъ, который сейчасъ же повелъ меня осматривать свое дѣтище—новый театръ. Подходя къ театру, я замѣтилъ висѣвшаго подъ самой крышей человѣка въ сѣрой крылаткѣ и цилиндрѣ. Въ рукахъ его была громадная кисть, а къ доскѣ, на которой онъ сидѣлъ и которая покачивалась на канатѣ, спускавшемся съ крыши, было прикрѣплено ведро съ краской. Дивясь на такой необычайный костюмъ маляра, спрашиваю Мерянскаго:

— Кто это?

— Наумовскій!

— Маляръ-любитель?

— Какой къ чорту маляръ! Второй комикъ!

Это еще болѣе меня удивило.

— Актеръ?

— Ну, да! Принесла его нелегкая за двѣ недѣли... Чего же ему зря мыкаться? Я вотъ его и приспособилъ.

Впослѣдствіи этотъ самый Наумовскій занималъ крупное положеніе на провинціальныхъ сценахъ и получалъ очень крупные оклады...

Войдя въ театръ, мы сразу наткнулись на какого-то бородатаго господина, занимавшагося обивкой мебели.

— Это нашъ суфлеръ Нерушевъ!—представилъ его Мерянскій и, осмотрѣвъ его работу, началъ ругаться:—На кой чортъ столько гвоздей забиваешь? А почему здѣсь морщитъ? Опять пилъ, вѣрно?..

А на кой дьяволъ столько мочалы? Чтобы бугры были? Перебивай снова!

Опять удивляюсь.

— Развѣ,—спрашиваю,—онъ и обойщикъ?

— Какой тамъ къ чорту обойщикъ!—Скрипачъ!

— А вы говорили суфлеръ?

— Ну, да,—у насъ онъ будетъ суфлеръ.

У Мерянскаго была страсть во всяческимъ раритетамъ. Какъ «на ловца бѣжитъ звѣрь», такъ налетали и они на него. Когда наканунѣ открытія театра обнаружилось, что приглашенный имъ на службу сценаріусъ не пріѣдетъ, Мерянскій экстренно отправляется въ Петербургъ и привозитъ какого-то съ недоумѣвающимъ лицомъ человѣка, лишеннаго лѣвой руки и управлявшагося одной правой.

— Вотъ вамъ сценаріусъ! Отличный малый—не пьетъ и не куритъ.

И на первой же репетиціи, при участіи этого отличнаго малаго, оказалось, что ни съ какой стороны со сценой онъ не знакомъ; объ отвѣтственности помощника режиссера не имѣетъ никакого представленія.

А Мерянскій, похлопывая его по плечу, подбадривалъ:

— Ничего, Ивановъ! Привыкнешь!

Бѣдный Ивановъ изъ силъ выбивался, вникая въ суть своей должности, и до того терялся, что принимался плакать.

— Что васъ заставило итти на сцену?—спрашивали его актеры, проявляя сочувствіе.

Ивановъ, глубоко вздыхая, отвѣчалъ:

— Ничего не заставляло. А ужъ такая, видно, судьба. Я былъ приказчикомъ въ складѣ дрожжей на Надеждинской улицѣ. И служилъ тамъ много лѣтъ. Вдругъ приходитъ Нилъ Ивановичъ, покупаетъ дрожди и говоритъ: «Театръ любишь?» Я, конечно, въ отвѣтъ: «Даже очень». Нилъ Ивановичъ обрадовался и приказываетъ: «Ну, такъ брось свои дрожди и въ одиннадцать вечера будь сегодня на вокзалѣ. Я тебя возьму къ себѣ въ Новгородъ на службу въ театръ». Я было сталъ отказываться, а онъ и слышать ничего не хочетъ. «Поѣзжай да поѣзжай! Ну, я и поѣхалъ.

И вотъ съ этимъ сценаріусомъ, какъ прозвали его, «отъ дрожжей», да съ суфлеромъ Нерушевымъ, всю жизнь занимавшимся починкой своей скрипки, на которой поэтому ему никогда не удавалось играть,—начались въ Новгородѣ спектакли.

Нерушевъ оказался очень смѣшливымъ. И обнаружилось это только во время спектакля. Чуть актеръ разыграется и если сцена по пьесѣ комическая, суфлеръ вдругъ обхватывалъ лицо руками и надрывался отъ смѣха. На сценѣ пауза, исполнители теряются, съ ужасомъ взираютъ въ нѣдра суфлерской будки, не видя оттуда помощи, а Нерушевъ не можетъ прійти въ себя отъ припадка душив-

шаго его хохота. И тѣ изъ актеровъ, которые въ своихъ роляхъ были тверды, кое-какъ обходили опасное мѣсто, но зато разсчитывавшіе на суфлера оказывались въ отчаянномъ положеніи.

Но болѣе ужаснымъ для актеровъ было, когда Нерушевъ запивалъ. Тогда онъ начиналъ припоминать всѣ обиды, которыми неумолимо угнетала его судьба и Мерянскій, доводившійся ему по женѣ родственникомъ. И припоминалъ ихъ непремѣнно въ своей будкѣ. Положитъ передъ собою пьесу и, не заглядывая въ нее, ворчитъ:

— Почему я долженъ сидѣть въ будкѣ, какъ собака? Развѣ это справедливо? А Нилъ Ивановичъ ругается: не пей, да не пей! Почему? Мнѣ губернаторъ не смѣетъ этого запретить, а не то, что онъ! Посадилъ въ будку и думаетъ, что я буду исполнять его приказанія? Ни подъ какимъ видомъ!

Захлопнетъ книгу и, прикрывъ ее руками, начнетъ приспосабливаться, какъ бы ему заснуть.

На сценѣ, разумѣется, переполохъ. Актеры говорятъ что-то несообразное своими словами. Въ уборныхъ бѣготня—ищутъ Мерянскаго.

— Нилъ Ивановичъ, Нерушевъ спитъ!

— Ахъ, мерзавецъ!—кричитъ антрепренеръ и спускается подъ сцену.

Въ суфлерской будкѣ поднимается шумъ. Мерянскій силой вытаскиваетъ изъ нея дремлющаго суфлера и самъ заступаетъ его мѣсто.

Но для актеровъ это еще хуже. Въ суфлерскомъ замѣстителѣ просыпается режиссеръ и вмѣсто того, чтобъ подавать реплики уже окончательно растерявшимся актерамъ, онъ ограничивается одними только замѣчаніями:

— Степановъ, вынь руки изъ брюкъ! Нехорошо! Барина играешь!... Левашовъ, отодвинь отъ дивана стулъ... да къ столу его, къ столу...

Актеры прямо изводятся. Что говорятъ—сами не знаютъ. А Мерянскій продолжаетъ указывать:

— Марья Александровна,—кричитъ онъ актрисѣ Свѣтловой.—Сядь въ кресло! Да не на диванъ, а въ кресло. Мартыновъ, подбери ноги!...

Трепеща за товарищей, кто-нибудь изъ актеровъ, ожидающихъ за кулисами своего выхода, летитъ подъ сцену и шепчетъ Мерянскому:

— Нилъ Ивановичъ... ради Бога... подавайте слова...

Но онъ невозмутимо отвѣчаетъ:

— Надо роли учить, а не суфлера слушать! Вотъ оштрафую всѣхъ, такъ научу порядку.

И такъ до конца спектакля.

«Сценаріусъ же отъ дрождей» ежеспектакльно отличался чѣмъ-нибудь экстраординарнымъ.

Будучи чрезвычайно разсѣяннымъ, да къ тому же еще сбитый съ толку незнакомымъ ему дѣломъ, онъ постоянно волновался, выходилъ изъ себя, заводилъ споры. Особенно много недоразумѣній выходило у него изъ-за карандаша. Заложитъ его за ухо и потомъ ищетъ его по карманамъ. Сердится, горячится, обыскивая себя.

— Вотъ сейчасъ... сейчасъ я имъ писалъ!... Чортъ его знаетъ, проклятаго... Наумовскій, ты не бралъ?

— А на что онъ мнѣ?

— Ужъ вѣрно взялъ? Ну, что за шутки! Отдай...

Ивановъ шаритъ по полу, передвигаетъ стулья, скамейки, столы.

— Точно сквозь землю провалился! А вотъ только сейчасъ имъ писалъ... Наумовскій, отдай!

— Чего пристаешь? Говорю тебѣ, не бралъ!...

— Такъ куда жъ онъ дѣлся? Левашовъ, можетъ, ты взялъ?

— Ну, вотъ еще!

— Посмотри въ карманахъ, можетъ, случайно засунулъ...

— Отстань!

И до тѣхъ поръ ко всѣмъ приставалъ, пока кто-нибудь не увидитъ, бывало, карандаша у него за ухомъ.

— Да вотъ онъ!

То же самое у него случалось съ пьесой, по которой выпускалъ на сцену актеровъ. Засунетъ ее подъ единственную правую руку и суетится по сценѣ.

— Гдѣ пьеса? гдѣ выхода?

Но самыя забавныя кипроко выходили у Иванова, когда, по недостатку актеровъ, приходилось ему выступать на сценѣ въ какой-нибудь незначительной роли.

Пьесы, по которой выпускаются актеры, обыкновенно испещряются фамиліями исполнителей. Это дѣлается для того, чтобы легче было собирать дѣйствующихъ лицъ въ актѣ. Передъ своимъ выходомъ онъ также проставлялъ и свою фамилію «Ивановъ».

Суетясь за кулисами во время представленія, когда доходила очередь до него, онъ метался по коридорамъ и уборнымъ, разыскивая самого себя.

— Ивановъ, на сцену!... Ивановъ! Ивановъ!... Господи Боже мой! Гдѣ же онъ? Ивановъ! Ивановъ!

Если случался гдѣ-нибудь по близости Мерянскій, онъ налеталъ на суетившагося сценаріуса и, взявъ его за воротъ сюртука, волочилъ несчастнаго къ дверямъ павильона.

— Ну, не животное ли? Себя узнать не можешь!

Однако Ивановъ не долго мытарился на сценѣ. У него хватило силъ только на два мѣсяца, а затѣмъ опять уѣхалъ въ Петербургъ торговать дрождями...

Мерянскій былъ большимъ комикомъ по натурѣ, хотя держалъ себя до того серьезно и свирѣпо, что мало знавшіе его способны были передъ нимъ трепетать.

Только что поступившій къ нему молодой актеръ Левашовъ репетируетъ старинный водевиль «Бѣда отъ нѣжнаго сердца», въ которомъ ему поручена была роль старика Золотникова.

Въ жизни своей Левашовъ не бралъ ни одной ноты, а тутъ вдругъ ему пришлось докладывать подъ музыку извѣстные куплеты:

Тогда мы нюхали цвѣточки,
Теперь мы нюхаемъ табакъ.

Какъ ни старался онъ, но, будучи немузыкальнымъ, никакъ не могъ усвоить шаблоннаго водевильнаго мотива.

Мерянскій даже обозлился:

— Стыдно не знать этого мотива! Его каждый гимназистъ знаетъ...

Левашовъ сробѣлъ и отвѣтилъ:

— Я, Нилъ Ивановичъ, въ гимназіи не учился.

Однажды во время утренней репетиціи является въ театръ какой-то купеческой складки человѣкъ, съ окладистой бородой, и спрашиваетъ антрепренера.

Выходитъ Мерянскій.

— Чѣмъ могу служить?

Незнакомецъ отчеканиваетъ, очевидно, заранѣе приготовленную фразу:

— Желаю посвятить себя драматическому искусству.

Нилъ Ивановичъ смотритъ на него своимъ свирѣпымъ взглядомъ и спрашиваетъ:

— А на кой чортъ?

— Чувствую призваніе.

— А теперь-то чѣмъ занимаетесь?

— Мелочную лавку содержу въ Чудовѣ.

— Ну, и какъ дѣла?

— Ничего себѣ... благодареніе Богу.

— Ну, такъ продолжайте торговать! Это лучше!

Лавочникъ даже обидѣлся.

— Это ужъ наше дѣло!... Пусть торгуетъ жена, а я въ актеры...

— Ну, такъ чортъ же съ вами!—обозлился Мерянскій.—Я могу вамъ дать дебютъ хоть сегодня же. Приходите вечеромъ, къ восьми часамъ. Кстати идетъ «Свадьба Кречинскаго».

Въ указанное время является въ театръ дебютантъ. Мерянскій встрѣчаетъ его замѣчаніемъ:

— А почему въ бородѣ?

— Она не мѣшаетъ.

— Какъ не мѣшаетъ! Гдѣ же это видно, чтобъ актеръ бородатымъ былъ? Съ бородой на сцену не пущу.

— Да ужъ конечное дѣло я ее сбрею, когда поступлю какъ слѣдуетъ въ актеры.

— Ну, а въ бородѣ я у себя дебютировать не позволю!

Лавочникъ началъ раздумывать, долго переминался съ ноги на ногу и наконецъ рѣшилъ:

— Ну, что дѣлать! Ежели необходимо, то обреюсь.

— Ну, то-то!

Мерянскій повелъ дебютанта въ мужскія уборныя и, передавая его парикмахеру, приказалъ:

— Снять съ него усы и бороду!

Черезъ четверть часа лавочникъ былъ неузнаваемъ. Онъ съ трепетомъ разглядывалъ себя въ зеркало...

Начался спектакль.

Дебютантъ спускается на сцену и, разыскавъ Мерянскаго, спрашиваетъ его:

— А когда же я буду играть?

— Въ послѣднемъ актѣ!

— А почему жъ у меня роли нѣтъ?

— И не нужно... На первый разъ выйдете безъ словъ...

Послѣ второго акта Мерянскій снова ведетъ дебютанта къ парикмахеру:

— Наклеить ему такую же бороду, какъ была!

Парикмахеръ мастерски возвратилъ лавочнику его прежнее благообразіе.

Въ третьемъ актѣ «Свадьбы Кречинскаго», когда въ финалѣ на сценѣ появляется полиція и понятые, Мерянскій выпустилъ дебютанта на сцену въ качествѣ понятого. Тотъ постоялъ одну минуту передъ зрителями—и занавѣсъ опустился.

Разгримировавшись, злополучный лавочникъ опять разыскиваетъ антрепренера.

— Что вамъ?

— Какъ насчетъ моей службы?

— Не годитесь!

— Какъ?

— Очень сожалѣю, но ничего не могу сдѣлать...

— Позвольте-съ... зачѣмъ же въ такомъ родѣ вы меня заставили бороду брить?

— Чудакъ! какъ же я могъ выпустить васъ на сцену не загримированнымъ?

— Что же я теперь буду дѣлать?

— Попрежнему торговать въ Чудовѣ.

Огорченный дебютантъ послѣ спектакля жестоко напился и на другой день поѣхалъ домой.

У такого комика въ жизни, какъ Мерянскій, конечно, въ курьезныхъ эпизодахъ недостатка не было и какъ-то само-собой подбирался къ нему комическій элементъ.

Заявляется какъ-то въ Новгородъ истощенный, хромоногій юноша, ловитъ Мерянскаго на репетиціи въ театрѣ и проситъ принять его въ труппу на амплуа драматическихъ резонеровъ.

Мерянскій съ нимъ прямо на «ты».

— Твоя фамилія?

— Дмитріевъ.

— Ну, такъ вотъ, Дмитріевъ, что я тебѣ скажу: у тебя, братецъ, пѣтъ сценическаго вида.

— Ежели вы намекаете на хромоту,—обижается Дмитріевъ,—то совершенно напрасно. Въ Ковнѣ я съ большимъ успѣхомъ игралъ. Актеръ изображаетъ дѣйствительную жизнь, а развѣ въ дѣйствительной жизни хромыхъ нѣтъ?

— Есть, да авторы-то ихъ въ пьесахъ не выводятъ.

— Помилуйте, Нилъ Ивановичъ, чѣмъ же я виноватъ, что авторы дураки.

Мерянскій улыбнулся.

— Ну, чортъ съ тобой,—говоритъ:—у тебя масса несокрушимой логики. Такъ и быть, дамъ тебѣ дебютъ. Въ чемъ же ты желаешь выступить?

— Въ драматическомъ этюдѣ «Сейчасъ мой выходъ».

— Ладно.

На слѣдующей афишѣ красовался этотъ драматическій этюдъ.

А до дебюта, съ разрѣшенія Мерянскаго, Дмитріевъ имѣлъ почлегъ въ театрѣ. Спалъ вмѣстѣ съ «сценаріусомъ отъ дрождей» въ бутафорской.

— Только ты мнѣ театра не спали,—предупредилъ его Мерянскій.

— Какъ же я могу, Нилъ Ивановичъ, курить, ежели у меня даже на хлѣбъ нѣтъ.

— Ахъ, ракалія! Такъ ты еще и голодный?... Ну, ладно, пойдемъ ко мнѣ, я тебя накормлю, чтобъ ты мою бутафорію не обглодалъ...

Въ день спектакля Дмитріевъ былъ очень ажитированъ. Все безпокоился:

— Не знаю я новгородской публики. Пойметъ ли она меня?

«Сейчасъ мой выходъ» долженъ былъ итти въ началѣ спектакля, передъ большой пьесой.

Минутъ за пять до начала представленія, когда все было готово къ поднятію занавѣса, Дмитріевъ прибѣжалъ на сцену осмотрѣть обстановку и вдругъ съ ужасомъ завопилъ:

— Детали! Гдѣ детали?

Всегда спокойный въ подобныхъ случаяхъ, Мерянскій подходитъ къ нему и спрашиваетъ:

— Какія тебѣ детали?

— Я вѣдь играю умирающаго актера?

— Ну?

— Все время лежу на кровати?

— Ну?

— Ну, и значитъ, подъ кроватью должны быть детали.

Мерянскій тотчасъ же крикнулъ плотникамъ:

— Эй! Разбирай павильонъ... Ставь садъ для пьесы...

— Позвольте, Нилъ Ивановичъ, я хочу играть!

— Пошелъ вонъ со своими деталями.

«Сценаріусъ отъ дрождей» проанонспровалъ объ отмѣнѣ этюда, а Дмитріевъ въ это время разгримировывался и ворчалъ:

— Рутина! Шаблонъ! Трафаретъ!

Мерянскій на него:

— Ты у меня насчетъ иностранныхъ словъ осторожнѣй! Я тебѣ за нихъ не позволю ночевать въ театрѣ!

Кончилось, однако, тѣмъ, что Нилъ Ивановичъ оставилъ у себя на службѣ Дмитріева, потому что тому некуда было дѣваться. Но служилъ онъ не долго. Слишкомъ ужъ изводилъ антрепренера.

Играется, напримѣръ, «Князь Серебряный». Пьеса изъ временъ Іоанна Грознаго. Дмитріевъ выходитъ на сцену въ боярскомъ костюмѣ и съ папиросой въ зубахъ.

Въ публикѣ смѣхъ.

По окончаніи акта Мерянскій на него съ крикомъ:

— Что ты дѣлаешь? Что ты дѣлаешь, разбойникъ! Развѣ можно въ исторической драмѣ курить папиросы?

— А почему же нельзя?—удивляется Дмитріевъ.

— Да потому, что тогда и папиросъ-то не существовало.

— Ну, ужъ это вы врете!—усомнился Дмитріевъ.—Не махорку же бояре палили!

Но всего больше Дмитріевъ раздосадовалъ Мерянскаго тѣмъ, что, когда онъ остался замѣстителемъ отказавшагося отъ службы сценаріуса Иванова и сталъ обставлять какую-то историческую пьесу, въ одномъ изъ актовъ которой на столѣ должны были стоять двѣ чарки,—онъ, не найдя впопыхахъ чарокъ, снялъ у себя съ рукъ манжеты и поставилъ ихъ вмѣсто необходимой по ходу дѣйствія посуды. Увлеченные ролями актеры не замѣтили этого и, подъ общій хохотъ публики, чокались и съ напускнымъ наслажденіемъ тянули воображаемую брагу изъ дмитріевскихъ манжетъ.

Нилъ Ивановичъ на другое утро далъ Дмитріеву на дорогу денегъ и умолялъ его какъ можно скорѣе убраться «съ глазъ долой».

— А не то я тебя когда-нибудь придушу!

— Это за мою-то находчивость?—изумлялся Дмитріевъ.

Поантрепренерствовавъ нѣсколько лѣтъ, Мерянскій отступился отъ новгородскаго театра и поступилъ актеромъ въ москов-

скій Коршевскій театръ. Будучи выдающимся артистомъ, онъ пользовался и въ Москвѣ большимъ успѣхомъ, но при безпокойной натурѣ своей тамъ долго не зажился и вновь возвратился къ себѣ въ Новгородъ, гдѣ принялся за изданіе газеты.

Обладая обличительной жилкой, онъ сразу принялся будражить провинціальное болото и, конечно, нажилъ массу враговъ. И раньше-то на него косились, когда въ городѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что онъ состоитъ корреспондентомъ столичныхъ газетъ, но когда онъ началъ водворять порядки общественной жизни и поднялъ войну съ захолустной косностью со столбцовъ своего «Волховского Листка», то большую половину года ему приходится отбывать на скамьѣ подсудимыхъ по административнымъ и обывательскимъ жалобамъ. И вѣчно его судятъ. То оправдываютъ, то подвергаютъ взысканіямъ, а онъ героически выдерживаетъ натискъ всякихъ рѣшеній и неугомонно «обличаетъ». Онъ никогда не располагаетъ временемъ «впередъ». Относительно будущаго у него только одни предположенія:

— Ежели не буду посаженъ...

Если вамъ придется быть въ Новгородѣ и вы увидите человѣка, который все время брюзжитъ, ворчитъ и выражаетъ громогласно недовольство,—можете быть увѣрены, что это не кто иной, какъ Нилъ Ивановичъ Богдановскій.

У него ужъ такой нравъ. Не можетъ не протестовать. Все его безпокоитъ и непремѣнно какимъ-нибудь образомъ касается. Прямотаки врожденная неуживчивость. А на самомъ дѣлѣ,—стоитъ только присмотрѣться къ нему ближе,—это покладистый, веселый и добрый товарищъ.

Будучи комикомъ по натурѣ, онъ никогда не упускаетъ случая проявить свой юморъ—и когда, напримѣръ, состоялись велосипедныя гонки между Петербургомъ и Москвой, громадный по росту, убѣленный сѣдинами Богдановскій усаживался на велосипедъ и примыкалъ въ Новгородѣ къ гонщикамъ, сопровождая ихъ до Петербурга, куда прибывалъ ни съ того, ни съ сего измученный, усталый, еле переводящій духъ. Но бывали съ нимъ и крушенія, когда его и его поломанный велосипедъ привозили въ Новгородъ съ полдороги въ крестьянской телѣгѣ, послѣ чего и велосипедъ, и его владѣлецъ должны были продолжительное время ремонтироваться... А когда пробирался верхомъ на лошади съ Дальняго Востока въ Петербургъ хорунжій Пѣшковъ, каковое путешествіе ему было вмѣнено въ сугубую заслугу,—къ нему въ Новгородѣ присоединился Богдановскій. И, конечно, тоже верхомъ. И тоже на низкорослой лошади, такъ что его ноги чуть-чуть не достигали земли. И проводилъ онъ этого знаменитаго въ то время путешественника до столицы, гдѣ какой-то шутникъ, присутствовавшій при встрѣчѣ этой процессіи, увѣрялъ потомъ знакомыхъ, что вмѣстѣ съ Пѣшковымъ въ Петербургъ прибылъ и «воскресшій Донъ-Кихотъ».

Разумѣется, все это забавно, но именно въ этомъ и заключается вся типичность донъ-кихотствующаго провинціальнаго журналиста, съ одной стороны гордаго сознаніемъ своего величія, какъ представителя великой «шестой державы», съ другой—неугомоннаго комика...

III.

М. В. Лентовскій.

Знаменитый московскій увеселитель Михаилъ Валентиновичъ Лентовскій былъ человѣкомъ «широчайшаго розмаха» и въ 1880 годахъ такимъ любимцемъ москвичей, что его иначе не называли ни въ печати, ни устно, какъ «магъ и волшебникъ». Другой бы на его мѣстѣ менѣе затѣйливый предприниматель нажилъ милліоны, а онъ послѣ своихъ «сказочно-блестящихъ дѣлъ» послѣдній десятокъ лѣтъ нуждался въ мелочахъ и считался безнадежнымъ банкротомъ. Основанный имъ садъ «Эрмитажъ» дѣлалъ громадные обороты, а самъ Лентовскій только должалъ, потому что у него было слишкомъ много друзей и помощниковъ, которые очень ужъ усердно заботились о собственномъ благополучіи. Умный и зоркій, Лентовскій это видѣлъ отлично, но принципіально никому не мѣшалъ себя разорять, потому что онъ былъ «широкъ».

— Пусть! Всего не возьмутъ...

А оказалось—взяли.

Во времена своего могущества не жалѣлъ онъ денегъ и на себя. Его расходы не поддавались учету. Масса прихлебателей, толпа поклонниковъ, большинство которыхъ онъ зналъ только въ лицо, совершенно не интересуясь ни фамиліями ихъ, ни именами. Ему было совершенно безразлично, кого кормить своими лукулловскими обѣдами и ужинами.

И изъ-за того, что окружающихъ онъ зналъ только въ лицо, съ нимъ однажды случилась непріятная исторія. Имѣя всегда дѣловой, озабоченный видъ, Лентовскій у себя въ «Эрмитажѣ» не ходилъ, а бѣгалъ. Онъ зналъ, что къ нему это «шло». И вотъ какъ-то, пробѣгая отъ открытой сцены къ закрытому театру, онъ встрѣчаетъ солиднаго господина, который, раскланиваясь съ нимъ, сдѣлалъ попытку его остановить.

Лицо знакомое. Лентовскій на ходу ему крикнулъ:

— Иди ко мнѣ въ кабинетъ.

— Виноватъ.

— Говорятъ тебѣ, въ кабинетъ!

Господинъ гордо выпрямился и съ недовольствомъ въ голосѣ началъ было:

— Г. Лентовскій, я бы попросилъ васъ...

Но нетерпѣливый Михаилъ Валентиновичъ разозлился въ концѣ.

— Въ кабинетъ, чортъ тебя возьми! Экій идіотъ!

И побѣжалъ дальше.

Незнакомецъ сконфуженно стушевался.

Черезъ нѣсколько минутъ два театральныхъ капельдинера рыскали по саду, разыскивая антрепренера.

— Что вамъ?—крикнулъ на нихъ Лентовскій.

— Его сіятельство къ себѣ требуютъ.

«Его сіятельство», приснопамятный московскій генералъ-губернаторъ князь В. А. Долгоруковъ, не въ мѣру баловавшій своего любимца Лентовскаго, нерѣдко посѣщалъ «Эрмитажъ» и всегда призывалъ къ себѣ въ ложу «мага и волшебника», чтобы похвалить его спектакли.

Разумѣется, Лентовскій сейчасъ же направился къ князю, но каково было его удивленіе, когда, переступивъ порогъ ложи, онъ увидалъ вмѣстѣ съ генераломъ-губернаторомъ и того незнакомца, котораго только что обозвалъ идіотомъ.

— Послушайте, Лентовскій,—сказалъ князь:—кто вамъ сообщилъ, что этотъ господинъ идіотъ?

Хоть это и не было похоже на Лентовскаго, но онъ сробѣлъ.

Выдержавъ паузу, князь продолжалъ:

— Запомните, пожалуйста, навсегда, что идіотовъ губернаторами не назначаютъ.

— Виноватъ...

— Завтра въ одиннадцать утра извольте явиться ко мнѣ, и я вамъ преподамъ урокъ вѣжливости.

Незнакомецъ оказался N—скимъ губернаторомъ, пріятелемъ Долгорукова. Лентовскаго же онъ зналъ со временъ провинціальныхъ его скитаній и остановилъ его въ саду, какъ стараго знакомаго.

На другой день антрепренеръ у генералъ-губернатора.

Въ старой Москвѣ было все просто, и поэтому Долгоруковъ увелъ Лентовскаго къ себѣ въ кабинетъ и распекалъ его цѣлый часъ, доказывая, что съ незнакомцами никогда нельзя обращаться грубо, потому что, не зная, съ кѣмъ имѣешь дѣло, можешь наскочить на сановную персону.

— Этакъ я не гарантированъ,—закончилъ князь:—что когда-нибудь впопыхахъ вы выругаете и меня!

Въ дни своей славы Лентовскій, дѣйствительно, былъ не совсѣмъ-таки воздержанъ, и у него было нѣсколько такихъ «городскихъ происшествій», за которыя ему приходилось отсиживать въ знаменитыхъ «титахъ». Увѣряютъ, что московское купечество именно и благоговѣло передъ нимъ за то, что онъ свято охранялъ ихъ традиціи и нраву своему препятствовать не позволялъ. Но за это приходилось ему иногда расплачиваться дорого. Очень претенціозные подавали въ судъ, но большинство «оскорбленіе дѣйствіемъ» реализировало на денежные знаки.

Извѣстенъ случай, когда за скандалъ съ какимъ-то юнымъ княземъ Лентовскаго посадили въ «титы», и два его друга изо дня въ день съ улицы оригинально и поэтично развлекали музыкой злосчастнаго узника.

Опереточный артистъ и въ то же время талантливый поэтъ Л. И. Леонидовъ (Гуляевъ), переряженный уличнымъ шарманщикомъ, въ сопровожденіи артистки П., популярной по исполненію цыганскихъ романсовъ, тоже переряженной въ костюмъ уличной пѣвицы, пріѣзжали къ «титамъ» и посреди улицы, передъ тюремнымъ заборомъ, она своимъ чарующимъ голосомъ напѣвала подъ аккомпаниментъ шарманки опереточныя аріи и ту «цыганщину», за которую такъ сильно привязанъ былъ къ ней Лентовскій.

И тюремная администрація, и вся тюрьма знала, для кого устраивается этотъ уличный концертъ, и никто не рѣшался мѣшать этимъ взрослымъ шалунамъ, являвшимся скрашивать тюремное одиночество своего друга.

Будучи самъ буйнымъ, Лентовскій удивительно умѣло обращался съ другими буйными. Какъ-то устроилъ онъ въ своемъ «Эрмитажѣ» грандіозное гулянье. Весь садъ утопалъ въ массѣ фонариковъ, лампіоновъ и пр. Народу по обыкновенію масса. И вдругъ публика слышитъ трескъ разбиваемыхъ стеклянныхъ фонарей. Оказалось, что какой-то подгулявшій именитый купецъ, окруженный группой прихлебателей, ради потѣхи началъ «бить иллюминацію» тросточкой. Размахнется—и фонарь вдребезги. Зная, что вошедшаго въ благодушное настроеніе купца никакими резонами успокоить никогда нельзя, садовые администраторы побѣжали доложить о скандалистѣ Лентовскому, который сейчасъ же поспѣшилъ къ мѣсту происшествія.

— Что ты дѣлаешь?—крикнулъ скандалисту антрепренеръ.

Тотъ разбиваетъ еще одинъ фонарь вдребезги и спокойно отвѣчаетъ:

— Видишь—гуляю!

— Ну, что это за гулянье—по одному фонарю... Ты вотъ какъ...

И, размахнувшись, Лентовскій своей тросточкой разбилъ разомъ фонарей шесть или семь.

Купецъ удовлетворенно улыбнулся.

— Здорово! Молодецъ!

— То-то! А ты по одному!... Срамишься только!

И, дѣйствительно, купецъ точно сконфузился.

А Лентовскій продолжалъ:

— Ты мнѣ вотъ что скажи: десятокъ однимъ махомъ разбить можешь?

— Десятокъ?.. Нѣтъ!

— Ну, а по одному и бить не стоитъ.

Такая аргументація купца убѣдила и, удаляясь въ сторону буфета, онъ процѣдилъ сквозь зубы:

— Это правильно!

Михаилъ Валентиновичъ былъ «широкъ» во всемъ. И особенно въ тѣ счастливыя времена, когда его московскій «Эрмитажъ» дѣлалъ необычайно крупные обороты. Тогда онъ деньгами сорилъ и преобразился прямо-таки въ Креза.

Ѣдетъ на извозчикѣ. А они всѣ его знали и величали по имени и отчеству.

— Михайло Валентинычъ, а позавчера я тоже васъ возилъ...

— Ну, такъ что?

— А ничего... это я такъ... къ слову, примѣрно...

— А ты меня любишь?

— Еще бъ не любить!

— Спасибо!

И за конецъ ѣзды, который стоитъ полтинникъ, суетъ въ руку возницы десятирублевку.

Стоитъ какъ-то у входной кассы. Подходитъ скромный молодой человѣкъ и освѣдомляется о цѣнахъ на мѣста въ театрѣ. Оказывается, всѣ дешевыя мѣста уже проданы. Послѣ минутнаго раздумья онъ ограничивается тѣмъ, что беретъ только входный билетъ въ садъ.

Лентовскій отводитъ его въ сторону и спрашиваетъ:

— Кажется, вы хотѣли попасть въ театръ?

— Да... но...

— Есть только первые ряды.

— Знаю...

И вдругъ огорашиваетъ вопросомъ:

— А вы пьете?

— Конечно, случается...

Лентовскій суетъ ему въ руку измятую двадцатипятирублевку и говоритъ:

— Вотъ вамъ и на билетъ, и на ужинъ...

Будучи свидѣтелемъ этой сцены, я говорю Лентовскому:

— Но вѣдь онъ могъ обидѣться... какъ вы рѣшились?

— Нѣтъ... видно, что неимущій... Пусть погуляетъ...

На побѣгушкахъ у Лентовскаго одно время былъ актеръ Соломенцевъ, очень услужливый и умѣвшій изъ услужливости своей извлекать пользу.

Михаилъ Валентиновичъ, бывало, швырнетъ сторублевку и кричитъ ему:

— Дюжину!

Соломенцевъ съ полуслова понималъ «мага» и моментально отправлялся въ виноторговлю за шампанскимъ.

Возвращаясь съ виномъ и сдачей, Соломенцевъ подходилъ къ Лентовскому и шепталъ ему на ухо:

— А помните, Михаилъ Валентиновичъ, какъ лѣтомъ вы меня оштрафовали?

— За что?

— За недостатокъ таланта.

— Ага! Возьми себѣ сдачу.

Такимъ образомъ, Соломенцевъ почти никогда не возвращалъ сдачу этой «широкой натурѣ», каждый разъ напоминая ему какой-то легендарный трехрублевый штрафъ.

Можно сказать безъ преувеличенія, что на протяженіи послѣднихъ почти сорока лѣтъ Лентовскій былъ самою популярною и замѣтною личностью въ Москвѣ. Начавъ свою сценическую карьеру въ качествѣ актера и исполнителя русскихъ юмористическихъ пѣсенъ въ провинціи въ концѣ 1860 годовъ, онъ присвоилъ себѣ какой-то полурусскій костюмъ, которому не измѣнялъ до самой смерти. Состоялъ онъ не то изъ казакина, не то изъ поддевки, высокихъ сапогъ и фуражки. Впрочемъ, вначалѣ носилъ онъ сапоги съ красными отворотами и когда въ 1870 годахъ поступилъ въ московскій Малый театръ, на первой же репетиціи на него обратилъ вниманіе знаменитый Провъ Михайловичъ Садовскій. Оглядѣлъ его съ ногъ до головы, пожалъ плечами и спросилъ:

— Ты по-каковски одѣтъ?

— По-русски.

— Скажешь, и сапоги у тебя русскіе?

— Русскіе.

Садовскій отрицательно покачалъ головой и сказалъ:

— Нѣтъ, братъ, сапоги у тебя не русскіе... Вотъ кончится репетиція, пойдемъ со мной, такъ я тебѣ настоящіе русскіе сапоги покажу..

Кончилась репетиція.

Садовскій повелъ Лентовскаго въ ближайшую церковь. Подойдя къ образу, на которомъ изображенъ былъ святой Пантелеймонъ, онъ внушительно произнесъ:

— Вотъ посмотри на ноги святого—у него настоящіе русскіе сапоги.

— Что вы, Провъ Михайловичъ, — воскликнулъ Лентовскій:— у него сандаліи.

— Врешь! У русскаго святого не можетъ быть не русскихъ сапогъ!

Вспоминая этотъ анекдотъ, Лентовскій говорилъ:

— И что бы вы думали? Послѣ этой прогулки съ Садовскимъ въ церковь я на другой же день отпоролъ съ сапогъ отвороты, и ужъ никогда больше съ тѣхъ поръ ихъ не носилъ. Словно онъ меня убѣдилъ.

Въ душѣ Михаилъ Валентиновичъ былъ «неунывающимъ россіяниномъ», и многочисленныя неудачи послѣднихъ лѣтъ его не особенно обезкураживали. Денегъ не было, кредитъ былъ подорванъ, но онъ съ несокрушимою энергіею перебрасывался съ одного театральнаго предпріятія на другое. Создавалъ театры, сады, задавался грандіозными планами, такими грандіозными, что всѣ друзья его съ трепетомъ ожидали: «вотъ-вотъ, дастъ Богъ, выплыветъ», а онъ самымъ неожиданнымъ образомъ прогоралъ. Но, прогоравъ сегодня, онъ на завтра уже носился съ новой идеей и вскорѣ, обыкновенно, ее осуществлялъ. И вскорѣ же прогоралъ. Долгое время баловавшее его счастье стало измѣнять ему самымъ возмутительнымъ образомъ.

Актеры, окружавшіе Лентовскаго въ счастливое время съ любовью и благоговѣніемъ, въ дни систематическихъ прогаровъ бывшаго «мага и волшебника» стали относиться къ нему болѣе чѣмъ небрежно. И если его что огорчало въ періодъ неудачъ, такъ именно только эта черная неблагодарность. До него не было тѣхъ безумныхъ актерскихъ окладовъ, отъ которыхъ погибали потомъ многіе антрепренеры, поневолѣ потянувшіеся за Лентовскимъ. Онъ поднялъ цѣнность актерскаго труда на недосягаемую высоту, съ которой первымъ же самъ и сверзился. Изъ оперетки, которая до него была чуть ли не лубочнымъ увеселеніемъ, онъ сдѣлалъ отрасль сценическаго искусства; уравнялъ исполнителей этого жанра съ артистами драмы и такую массу отшлифовалъ талантовъ, что могъ смѣло разсчитывать хотя бы на нравственную признательность съ ихъ стороны, но всѣ забыли его гораздо скорѣе, чѣмъ можно было ожидать этого...

Въ «Эрмитажѣ», входя въ кабинетъ Лентовскаго, трепетавшіе передъ нимъ актеры такъ, бывало, заговаривались отъ робости:

— Михаилъ Контромарковичъ, дайте, пожалуйста, на сегодня валентиночку...

А въ «Скоморохѣ», гдѣ ему приходилось задерживать жалованье, благодаря слабымъ дѣламъ, ему угрожающе кричали:

— За это бить надо!

Изъ его театровъ вышло, вѣроятно, до тысячи актерскихъ именъ... поэтому, можно себѣ представить, какъ было ему обидно слышать эти угрозы.

Впрочемъ, не всѣ досаждали Лентовскому.

Были и исключенія.

Напримѣръ, извѣстный шутникъ и весельчакъ, опереточный ветеранъ А. З. Бураковскій въ полученіи жалованья съ обанкручивавшагося Лентовскаго всегда опережалъ товарищей, благодаря своей находчивости.

Сыздавна было замѣчено, что если у Лентовскаго фуражка на носу, то, значитъ, онъ не въ духѣ и просить у него денегъ нельзя, а если на затылкѣ—подходи смѣло, не откажетъ.

И вотъ—Бураковскому деньги нужны до зарѣзу, а Лентовскій вторую недѣлю ходитъ съ надвинутой на носъ фуражкой. Долго онъ выжидалъ момента, когда дѣла антрепренера повеселѣютъ и онъ передвинетъ фуражку на затылокъ, да такъ и не выждалъ. Собрался съ духомъ и подходитъ къ нему:

— Михаилъ Валентиновичъ, вы за глаза свои не боитесь?

Лентовскій взглянулъ на него съ удивленіемъ и спросилъ:

— А что?

— Легко ихъ можно испортить, нося такъ низко фуражку.

— А! Да, да!..—процѣдилъ сквозь зубы импрессаріо и машинально передвинулъ фуражку на затылокъ.

— Ну-съ, а теперь,—быстро заговорилъ Бураковскій,—прикажите кассиру выдать мнѣ сто рублей.

— Не могу!.. Не могу-съ!..

— Какъ не могу? Да вѣдь у васъ шапка-то не на носу, а на затылкѣ!

Лентовскій расхохотался и вмѣстѣ съ Бураковскимъ отправился въ кассу.

— Вотъ вамъ, возьмите, —сказалъ онъ:—хоть это у меня и послѣднія!..

Въ контрактѣ съ актерами, служившими въ «Скоморохѣ», былъ включенъ такой туманный пунктъ, изобрѣтенный какимъ-то приспѣшникомъ Лентовскаго: «Жалованье платится черезъ мѣсяцъ—въ первыхъ числахъ слѣдующаго мѣсяца,—и пять дней граціи; выдается до Рождества шестьдесятъ процентовъ, а сорокъ съ рождественскихъ праздниковъ».

Первый мѣсяцъ кое-какъ Лентовскій оплатилъ, а за второй, по прошествіи срока и многихъ льготныхъ дней, никто изъ актеровъ ничего не получаетъ.

За кулисами началось, по обыкновенію, броженіе.

Бураковскій въ этомъ броженіи участія не принялъ, но зато, встрѣчаясь съ Лентовскимъ по нѣсколько разъ въ стѣнахъ театра, онъ становился въ граціозную позу, поднимая одну ногу на воздухъ, и съ благодушной улыбкой, молча протягивалъ руку антрепренеру.

Сначала Михаилъ Валентиновичъ не обратилъ на него вниманія, зная его за шутника, но когда такого рода привѣтствія обратились въ систему, онъ наконецъ его спрашиваетъ:

— Александръ Захаровичъ, что съ вами? Что это за поза?

— Грація!

— Какая грація?

— По контракту.

— По какому контракту?

— Да по вашему же. Въ контрактѣ у васъ сказано: по истеченіи мѣсяца пять дней граціи. А я уже вотъ тринадцатый день эту самую грацію примѣняю, а жалованья не вижу.

И опять выбралъ Лентовскій изъ тощей кассы, что было въ ней, и отдалъ Бураковскому.

Послѣдніе годы жизни Лентовскій провелъ въ Москвѣ, изрѣдка выступая устроителемъ праздничныхъ гуляній въ манежѣ. Гдѣ онъ жилъ и какъ—знали очень немногіе, потому что онъ не имѣлъ привычки принимать у себя. Даже пріятелей не приглашалъ. Впрочемъ, и въ лучшія времена своей жизни онъ назначалъ какъ дѣловыя, такъ и пріятельскія свиданія то въ театрѣ, то гдѣ-нибудь въ агентствѣ, то въ ресторанѣ. Бывалъ ли онъ когда-нибудь дома—это загадка. Его всегда можно было встрѣтить гдѣ-нибудь. Съ утра до поздней ночи онъ былъ въ безпрерывномъ движеніи, и фланирующій москвичъ могъ столкнуться съ нимъ на улицѣ десятки разъ въ день. Вѣчно куда-то спѣшилъ, очень часто со сверткомъ какихъ-то бумагъ или книгъ.

Въ послѣдній разъ я видѣлся съ Лентовскимъ лѣтомъ 1907 года въ московскомъ саду «Акваріумъ», начало которому положено было имъ же. Это былъ его послѣдній прогаръ. Впрочемъ, и всѣ другіе антрепренеры, подвизавшіеся въ этомъ несчастливомъ саду послѣ него, такъ же торжественно прогарали.

Насъ было трое: я, Шаляпинъ и Михаилъ Валентиновичъ. Почти весь вечеръ мы просидѣли на скамейкѣ подъ тѣнистымъ запущеннымъ деревомъ около закрытаго театра. Лентовскій былъ сумраченъ и очень серьезно либеральничалъ. По его словамъ, выходило такъ, что онъ всю жизнь принадлежалъ къ «недовольнымъ» и въ душѣ былъ ярымъ революціонеромъ.

Разумѣется, всѣ страшныя слова произносились имъ подъ впечатлѣніемъ текущихъ событій,—время было острое, и Москва, вообще податливая на всякія новшества, «прелюбезно» реагировала на запросы безпокойныхъ дней. Какъ же могъ такой истый москвичъ, какъ Лентовскій, проявлять отсталость? И онъ со свойственнымъ ему жаромъ громилъ правительство, созидалъ на свой ладъ политико-экономическую теорію капитализма, какъ-то легко и просто разрѣшалъ земельные вопросы и увѣрялъ, что если бы онъ попалъ депутатомъ въ государственную думу, то отъ прежней Россіи не осталось бы камня на камнѣ.

Лентовскій въ роли революціонера былъ очень хорошъ! А въ особенности типиченъ въ русскомъ національномъ костюмѣ, съ орденами и отличіями, и, какъ про него говорили, съ «боярской складкой».

Присоединившійся къ нашей компаніи московскій журналистъ П. долго слушалъ вошедшаго въ настроеніе Лентовскаго и наконецъ спросилъ его:

— Михаилъ Валентиновичъ, чего вы такъ хорохоритесь? Вѣдь вы въ сущности человѣкъ не нашей эпохи, вы случайно остались отъ семнадцатаго вѣка...

— Помилуйте, да какъ же не хорохориться: написалъ пьесу про Петра Великаго, а ее не разрѣшаютъ!

И началъ разносить драматическую цензуру.

Намъ стало весело.

И кстати стали припоминать революціонные анекдоты.

Другой такой же московскій революціонеръ издатель Р. чуть не съ пѣною у рта кричалъ:

— Помилуйте, развѣ можно жить въ Россіи? Надо отсюда вонъ! Развѣ насъ считаютъ гражданами? Нѣтъ! Мы для правительства какое-то ничтожество...

— Да въ чемъ дѣло?

— Представьте, посылаю въ Петербургъ въ цензуру пьесу. Покупаю двѣ семидесятипятикопеечныя марки въ ближайшей табачной и наклеиваю ихъ на прошеніе, а мнѣ отвѣчаютъ изъ Петербурга, что пьесу не разсматриваютъ, потому что одна изъ марокъ оказалась уже бывшей въ употребленіи. Требуютъ новую... Ну, скажите, какъ же тутъ не сдѣлаться революціонеромъ?

Такимъ же революціонеромъ сдѣлался и Лентовскій.

М. Шевляковъ.

СТРАШНАЯ ШУТКА.

(Эпизодъ изъ исторіи одного бунта).

ВЪ ЧИСЛѢ прочаго наслѣдства, оставшагося послѣ моего дѣдушки, былъ одинъ предметъ, къ которому паслѣдники отнеслись съ пренебреженіемъ. Да и то сказать, кому нужна была старая цыновка?!.. А между тѣмъ дѣдушка въ послѣдніе годы своей жизни хранилъ ее, какъ будто это была не обыкновенная старая цыновка и даже не дорогой персидскій коверъ, а настоящій гобеленъ. Она висѣла у него въ комнатѣ на самомъ видномъ мѣстѣ, и когда бабушка однажды вздумала убрать со стѣны «эту дрянь», дѣдушка такъ на нее прикрикнулъ, что съ тѣхъ поръ до его смерти никто не осмѣливался и тронуть цыновку.

Что было цѣннаго въ этомъ предметѣ, никто не зналъ. И лишь незадолго до своей смерти дѣдушка разсказалъ намъ о томъ, что заставило его беречь цыновку...

Вотъ что мы узнали изъ его разсказа.

Въ 1897 году онъ служилъ волостнымъ старшиной въ одной изъ волостей Казанской губерніи. Въ тотъ годъ, какъ извѣстно, происходила всеобщая перепись. Работы въ волостныхъ правленіяхъ было столько, что хоть отбавляй, а у моего дѣдушки ея было особенно много. Дѣло въ томъ, что волостному писарю была поручена перепись, и вслѣдствіе этого старшинѣ приходилось одному управлять волостью.

Однажды, покончивъ съ дѣлами, усталый, но въ хорошемъ настроеніи духа дѣдушка собирался уже итти изъ правленія домой,

какъ вдругъ къ нему вошла большая толпа татаръ. А нужно сказать, что та волость, гдѣ служилъ дѣдушка, населена преимущественно татарами.

Татары пришли за тѣмъ, чтобы изъ самаго достовѣрнаго источника , т. е.отъ своего старшины, узнать, зачѣмъ это переписываютъ народъ.

— Поджалуста, скажи намъ... Никакъ не знаемъ, какой такой дѣла пишутъ,—просили татары.

Пошутить ли захотѣлъ дѣдушка, или просто отвязаться поскорѣе отъ просителей (вѣрнѣе первое, такъ какъ любилъ старикъ посмѣяться при случаѣ), только онъ отвѣтилъ татарамъ, что переписываютъ ихъ съ цѣлью узнать, сколько нужно будетъ поповъ, чтобы окрестить всѣхъ поклонниковъ Магомета.

— Вотъ какъ перепишутъ, такъ немедленно и окрестятъ въ русскую вѣру,—сказалъ старшина.

Татары тревожно переглянулись, о чемъ-то заговорили между собой, а дѣдушкѣ того только и надо было, чтобы посмѣяться надъ татарскимъ легковѣріемъ...

А вышло такъ, что приличнѣе бы было тогда дѣдушкѣ плакать, нежели смѣяться.

Не прошло послѣ посѣщенія татарами волостного правленія и двухъ дней, какъ по волости разнесся слухъ о какомъ-то татарскомъ бунтѣ. Оказалось, что въ нѣкоторыхъ татарскихъ деревняхъ населеніе поголовно возстало противъ переписи, и что среди татаръ начались даже насилія надъ переписчиками. Такъ, изъ одной деревни переписчика изгнали, въ другомъ случаѣ надъ переписчикомъ учинили что-то вродѣ избіенія камнями. Слухи объ этомъ моментально дошли до полиціи. И въ ту волость, гдѣ старшиной былъ мой дѣдушка, пріѣхалъ исправникъ. Пробовалъ онъ уговорить татаръ, доказать имъ всю безсмысленность ихъ возмущенія... Куда тутъ! Слушать не стали. Твердятъ одно, что умрутъ за вѣру отцовъ, да и крышка. Исправникъ и такъ, и этакъ подъѣзжалъ къ ихъ благоразумію—не тутъ-то было... Такъ и уѣхалъ, что называется, не солоно хлебавши.

Однимъ словомъ, дѣло приняло такой оборотъ, что, какъ говорится, понюхай да брось.

Слухъ же о томъ, что перепись предпринята съ цѣлью окрестить магометанъ, началъ проникать во всѣ уголки Казанской губерніи, вызывая всюду между татарами страшный переполохъ.

Что было дѣлать? По мнѣнію полиціи, нужно было пресѣчь зло въ самомъ корнѣ. И вотъ исправникъ снова пріѣхалъ въ дѣдушкину волость. Теперь онъ былъ уже не одинъ, а съ цѣлымъ отрядомъ полиціи. Однако, несмотря на это, опять ничего не сдѣлалъ. Татары не испугались полиціи и встрѣтили ее такимъ градомъ камней и палокъ, что она насилу ноги утащила.

Оставалось одно: телеграфировать губернатору, что и было, конечно, сдѣлано...

Виновникъ же всего этого, т. е. мой дѣдушка, ходилъ въ это время буквально ни живой, ни мертвый. Онъ, разумѣется, вполнѣ сознавалъ, чѣмъ ему придется расплачиваться за свою шутку, если только будетъ узнано, отъ кого весь сыръ-боръ загорѣлся... Дѣдушка зналъ, что подстрекательство вообще не одобряется, а если оно вызываетъ бунтъ, то ужъ тѣмъ болѣе. Какъ человѣкъ, принужденный стеченіемъ обстоятельствъ особенно интересоваться ходомъ событій, онъ со дня на день все болѣе и болѣе падалъ духомъ, такъ какъ вѣсти приходили отовсюду все менѣе и менѣе утѣшительныя. Когда же въ его волость пріѣхалъ губернаторъ, то дѣдушка будто бы ежеминутно ждалъ, что его хватитъ параличъ.

— Не знаю только, за что Богъ меня помиловалъ,—говорилъ онъ, разсказывая намъ обо всемъ этомъ.

Губернаторъ распуталъ завязавшійся узелъ скорѣе, чѣмъ можно было ожидать. Прискакавъ въ волостное правленіе съ отрядомъ солдатъ и полицейскихъ, онъ приказалъ немедленно собрать волостной сходъ. Десятскіе, сотскіе, сельскіе старосты и другіе деревенскіе чины бросились въ разныя стороны, и черезъ нѣсколько часовъ сходъ былъ налицо.

— Такъ вы не хотите исполнять царской воли? Не хотите, чтобы васъ переписали?—загремѣлъ начальникъ губерніи, обращаясь къ сходу съ крыльца правленія.

— Йокъ... нѣтъ!—закричали татары.

— Не хотите?... Такъ...

Губернаторъ сначала покраснѣлъ, а потомъ позеленѣлъ.

— Принесите все необходимое для экзекуціи!—обратился онъ къ окружавшей его волостной администраціи.

Черезъ нѣсколько минутъ откуда-то притащили пучокъ прутьевъ и цыновку. Губернаторъ велѣлъ разостлать послѣднюю возлѣ крыльца, и началось нѣчто, давно уже невиданное въ волости. Полицейскіе схватили одного татарина и положили его на цыновку. Губернаторъ собственноручно влѣпилъ нѣсколько розогъ растянутому на цыновкѣ татарину и, заглушая его визгъ, приказалъ полицейскимъ:

— Порите!

Толпа бросилась было вразсыпную, но повсюду съ ружьями наперевѣсъ стояли солдаты.

— Стрѣлять въ каждаго, кто двинется съ мѣста!—крикнулъ губернаторъ.

Толпа замерла въ ужасѣ.

А вмѣсто перваго на цыновкѣ уже корчился отъ боли второй, третій и такъ далѣе.

Вдругъ толпа заволновалась. Татары одинъ за другимъ стали на колѣни.

— Писай, поджалуста!—послышалось со всѣхъ сторонъ.

— Ага! Я вотъ напишу вамъ!.. Пороть!—кричалъ губернаторъ.

Снова засвистѣли прутья, и только послѣ того, какъ были наказаны человѣкъ пятнадцать-двадцать, экзекуція была прекращена.

— Будете переписываться?—спросилъ губернаторъ татаръ.

— Писай, князь, поджалуста!—взмолились они.

— То-то же!... Ну, теперь не пикнутъ. Можете переписывать,—обратился онъ къ волостному писарю.

И дѣйствительно, для переписи въ губерніи не встрѣтилось больше препятствій. Слухи объ экзекуціи распространились столь же быстро, какъ и шутка моего дѣдушки. Татары успокоились.

Дѣдушкино преступленіе не было обнаружено. Какъ это случилось—неизвѣстно.

— Николай угодникъ спасъ, а то быть бы мнѣ въ той прекрасной странѣ, гдѣ Макаръ телятъ не пасетъ,—говорилъ дѣдушка.

Такимъ образомъ виновникъ всей этой кутерьмы отдѣлался только испугомъ да угрызеніями совѣсти.

— Вотъ какъ мучитъ меня до сихъ поръ совѣсть, что не дай Богъ всякому,—говорилъ онъ, разсказывая о своей шуткѣ.—Вѣдь столько наказали невинныхъ!.. А по совѣсти-то говоря, прежде всего меня слѣдовало выпороть, чтобы на старости лѣтъ умѣлъ отличать умное отъ глупаго... Пошутилъ, нечего сказать!.. Ну, да совѣсть пусть, впрочемъ, мучаетъ. Это мнѣ въ наказаніе. А моя шутка безъ наказанія не должна остаться... Вотъ и цыновку я здѣсь повѣсилъ, чтобы помнить постоянно о своемъ грѣхѣ. Это на нее положилъ я подъ розги десятка два невинныхъ людей. А я знаю, что значитъ лежать подъ розгами... Мнѣ пришлось однажды въ молодости вкусить этой прелести... Было это давно. Пріѣхалъ въ нашу деревню какой-то начальникъ. Не знаю, важный или такъ себѣ, но только злой до умопомраченія. Захотѣлъ этотъ начальникъ чайку попить съ дороги. Достали гдѣ-то самоваръ и заставили меня этотъ самый самоваръ поставить... А я не только не зналъ, что значитъ самоваръ поставить, но и самовара-то отродясь не видѣлъ. По этой причинѣ, не долго думая, я взялъ да и налилъ воду въ наружную дыру, т. е. туда, куда угли кладутъ. Хорошо... Вылилъ одно ведро—вытекло; другое—тоже.

— Худой самоваръ,—докладываю начальнику:—не могу поставить.

— Какъ такъ?..

Входитъ туда, гдѣ я самоваръ ставилъ. Кругомъ — вода. А я въ доказательство, что самоваръ дѣйствительно плохъ, бухъ въ трубу еще ведерко водицы. Осерчалъ начальникъ да и велѣлъ всыпать мнѣ штукъ этакъ десятокъ... По совѣсти говорю, не сладко было!.. И вотъ, когда сѣкли татаръ по моей винѣ, я и вспомнилъ это. Да и теперь всякій разъ вспоминаю, когда гляжу на цыновку,—заключилъ дѣдушка свой разсказъ.

П. Ронинъ.

ЕЩЕ ОБЪ АНЕКДОТИЧЕСКОМЪ ГРАДОНАЧАЛЬНИКѢ.

КЪ ВОСПОМИНАНІЯМЪ о бывшемъ градоправителѣ города Одессы П. А. Зеленомъ, напечатаннымъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ»[1]), могу добавить нѣсколько курьезовъ.

Въ 1892 году наша украинская труппа, подъ управленіемъ М. П. Старицкаго, была ангажирована на лѣтній сезонъ въ Одессу въ театръ «Грандъ-Отель». До того мы играли въ Симферополѣ.

За разрѣшеніемъ украинскихъ спектаклей въ Одессѣ необходимо было кому-нибудь изъ труппы лично явиться къ градоначальнику и подать прошеніе съ приложеніемъ почему-то двухъ гербовыхъ марокъ.

Для подачи прошенія нами былъ отправленъ въ Одессу въ качествѣ «передового» молодой актеръ Х. Такъ какъ у Х. фрака не оказалось, то мы рѣшили, чтобы онъ явился къ градоначальнику въ украинскомъ костюмѣ, т.-е. въ поддевкѣ, вышитой рубахѣ и пр.

Труппа уже собиралась къ отъѣзду, какъ вдругъ получаемъ телеграмму: «Градоначальникъ не разрѣшилъ, Х. все дѣло испортилъ костюмомъ, пришлите другого во фракѣ».

— Что такое?—недоумѣвали мы.—При чемъ здѣсь костюмъ, фракъ?

А вышло вотъ что, какъ потомъ разсказывалъ Х.

---

[1]) «Анекдотическій градоначальникъ», А. Е. Кауфмана. Сентябрь 1912.—«Еще объ анекдотическомъ градоначальникѣ», В. Я. Кричевскаго. Октябрь 1912.

— Стою это я въ пріемной градоначальника съ прошеніемъ, вмѣстѣ съ другими просителями, въ костюмѣ, въ который вы меня нарядили, жду... Выходитъ Зеленый и прямо подходитъ ко мнѣ первому.

— Это что за птица?—прохрипѣлъ онъ.

Я поклонился и подалъ прошеніе... Оглядѣлъ онъ меня съ головы до ногъ, сдѣлалъ удивленную гримасу, читаетъ мое прошеніе громко.

— «Передового украинской труппы...» Что это за передовой?.. Передовыя бываютъ лошади въ тройкахъ...

Прочиталъ прошеніе.

— Въ какомъ это ты нарядѣ?—громко рявкнулъ онъ.

Я растерялся и смущенно отвѣтилъ:

— Это... это... нашъ національный костюмъ, ваше превосходительство...

— Что?! Я тебѣ задамъ національный... Вонъ!..—зарычалъ онъ, швырнувъ въ меня прошеніемъ.

Я бѣжатъ и отъ страха кубаремъ скатился съ лѣстницы...

Когда затѣмъ явился за разрѣшеніемъ нашъ режиссеръ во фракѣ и при полномъ парадѣ, Зеленый, принявъ прошеніе, оглядѣлъ его и сказалъ:

— Это другое дѣло, а то является птица-синица, не то попугай, не то пѣтухъ, красный, желтый, разноцвѣтный, и говоритъ, каналья, въ національномъ... Я вамъ задамъ національный...

— Извиняюсь за него, ваше превосходительство...

— Ладно, разрѣшаю...

Спектакли разрѣшалъ и подписывалъ афиши лично самъ Зеленой.

Приноситъ какъ-то нашъ сценаріусъ для подписи афишу: «Честный Нахманъ»,—пьеса изъ еврейской жизни.

Зеленый читаетъ.

— «Честный Нахманъ»?.. Честныхъ жидовъ не бываетъ!..—рѣзко замѣчаетъ онъ...

Читаетъ дальше имена дѣйствующихъ лицъ.

— Нахманъ, Зейликъ, Янкель... разъ, два, три... восемь жидовъ... Не разрѣшаю!

— Ваше превосходительство, пьеса безусловно дозволена главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати, вотъ подлинный цензурованный экземпляръ...

— Все равно, не раз-рѣ-шаю!..

Такъ и не разрѣшилъ.

Въ Одессѣ въ кафешантанѣ въ саду Дезирова пѣлъ хоръ московскихъ цыганъ Шишкина и пользовался большимъ успѣхомъ.

Приходитъ Зеленой и садится въ первомъ ряду. Сѣлъ какъ-то полуоборотомъ къ сценѣ, съежился и уткнулся въ воротникъ шипели.

Приходъ его вызвалъ нѣкоторое удивленіе, такъ какъ градоначальникъ рѣдко посѣщалъ кафешантаны. Вѣроятно, онъ пришелъ послушать только прославленный хоръ, почему хоръ и запѣлъ сейчасъ же послѣ его прихода, а по программѣ долженъ былъ пѣть въ другомъ отдѣленіи.

Прослушалъ два хоровыхъ номера...

Когда же запѣла солистка, солидныхъ лѣтъ цыганка, Зеленой вдругъ схватился съ мѣста и громко плюнулъ.

— Тьфу! Старая дура воетъ, а дураки слушаютъ!

И поспѣшно вышелъ изъ сада.

Оперный пѣвецъ М., еврей, обратился къ градоначальнику съ прошеніемъ о заграничномъ паспортѣ.

Зеленый, не узнавъ въ немъ еврея, принялъ его въ своемъ кабинетѣ довольно любезно, привсталъ и чуть ли не пригласилъ сѣсть. Такое любезное отношеніе къ просителямъ бывало очень рѣдко. Но когда, прочитавъ прошеніе, узналъ, что М. еврей, вдругъ затрясся, побагровѣлъ и зарычалъ:

— Ты еврей?!. Къ порогу!..

К. И. Ванченко.

ЗАБЫТЫЙ РУССКІЙ ПАМЯТНИКЪ ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛѢ.

Флотъ нашъ былъ у стѣнъ Царьграда;
И съ турецкихъ береговъ,
Въ память сѣверныхъ орловъ,
Русскій сторожъ на Босфорѣ,
Отразясь въ завѣтномъ морѣ,
Мамзолей нашъ говоритъ:
«Здѣсь былъ русскій станъ разбитъ».

Жуковскій («Бородинская годовщина»).

На АЗІАТСКОМЪ берегу Босфора, близъ предмѣстья Константинополя Бейкосъ, напротивъ Терапіи, вдается въ море небольшой возвышенный мысъ Сельви-Бурну. Названіе это показываетъ, что когда-то мысъ этотъ былъ покрытъ кипарисовымъ лѣсомъ, но теперь на немъ нѣтъ ни одного кипариса и только десятка два лиственныхъ деревьевъ разныхъ породъ покрываютъ вершину мыса, представляющую собою небольшое, довольно ровное плато, постепенно понижающееся къ востоку и сливающееся съ мѣстностью Хункіаръ-Эскелеси и далѣе съ Бейкосомъ. Съ вершины мыса открывается великолѣпный видъ на окрестности. Впереди, на европейской сторонѣ Босфора, виднѣется Терапія, съ ея заливомъ, садами, рощами и великолѣпными дачами иностранныхъ посольствъ, составляющими лѣтнія резиденціи посланниковъ, налѣво оригинальныя постройки городка Бейкоса, съ расположеннымъ на окраинѣ его мраморнымъ дворцомъ египетскаго хедива, подареннымъ имъ султану, съ обширнымъ са-

домъ, обнесеннымъ великолѣпной рѣшеткой, террасами, спускающимися до самаго моря. Справа, на противоположномъ берегу Босфора, виднѣется Буюкъ-Дере, съ лѣтними дворцами русскаго и испанскаго посольствъ, со множествомъ прекрасныхъ садовъ и дачъ и часть колоссальныхъ гидравлическихъ сооруженій старинаго водопровода, снабжающаго водой значительную часть Константинополя. Позади Сельви-Бурну, нѣсколько сѣвернѣе его, возвышается отдѣльный холмъ Юмша-Дагы (гора великановъ), увѣнчанный рощей столѣтнихъ платановъ и чинаръ, на вершинѣ котораго находится турецкая мечеть съ исполинской могилой при ней, принадлежащей, по преданію, Іисусу Навину. На этомъ же холмѣ, по сказаніямъ грековъ, отдыхалъ Геркулесъ во время путешествія своего съ Язономъ въ Колхиду за золотымъ руномъ. Общее впечатлѣніе чарующей красоты этого мѣста, совмѣщающаго въ себѣ всѣ лучшія прелести природы, здоровый, мягкій климатъ, плодородную почву, обиліе воды и великолѣпную растительность, по справедливости считающагося однимъ изъ красивѣйшихъ уголковъ міра, нѣсколько портятъ пріютившіеся по близости его холерные бараки и холерное кладбище, учрежденные здѣсь совершенно некстати турецкимъ правительствомъ во время эпидеміи прошлаго 1911 года.

Въ этой очаровательной мѣстности, на вершинѣ мыса Сельви-Бурну возвышается скромный памятникъ, имѣющій для Россіи и для Турціи огромное историческое значеніе, смыслъ котораго не утраченъ и по настоящее время. Этотъ памятникъ сооруженъ русскимъ войсками, посланными императоромъ Николаемъ I, подъ начальствомъ Н. Н. Муравьева, на помощь султану Махмуду II во время несчастной войны его съ взбунтовавшимся египетскимъ пашой Мегметъ-Али, и поставленъ на мѣстѣ квартированія русскаго отряда во время пребыванія его въ Константинополѣ въ 1833 году.

Всякій, ѣдущій въ Константинополь или обратно по Босфору, проѣзжая на пароходѣ мимо Сельви-Бурну, на площадкѣ, составляющей вершину мыса, можетъ видѣть простымъ глазомъ огромный неотесанный сѣрый камень, какъ бы выходящій изъ земли, составляющій остатки какого-нибудь древняго сооруженія. Это и есть русскій памятникъ. Высадившись въ Бейкосѣ и пройдя съ версту по берегу Босфора, мимо египетскаго дворца и расположенныхъ близъ него военныхъ турецкихъ мастерскихъ, вы поднимаетесь на пологую вершину Сельви-Бурну, и памятникъ передъ вашими глазами. Это обломокъ скалы неправильной формы, поставленный на низкомъ гранитномъ фундаментѣ въ нѣсколько квадратныхъ аршинъ, высотой до четырехъ съ половиною аршинъ и толщиной до двухъ аршинъ, съ усѣченной какъ бы вершиной. На южной сторонѣ часть камня

отшлифована, и на ней выгравировано слѣдующее четырехстишіе на турецко-персидскомъ языкѣ:

Въ этой равнинѣ русскія войска были гостями и ушли!
Этотъ обломокъ скалы да будетъ памятью и знакомъ,
Пусть дружба двухъ имперій останется крѣпкой и стойкой
И да будетъ долго воспѣваема устами друзей.

Буквы этой турецкой надписи были вызолочены, но съ теченіемъ времени позолота стерлась, и самыя буквы повреждены [1]).

На юго-восточной сторонѣ памятника виднѣется пустое теперь отверстіе, въ которое при основаніи памятника была вдѣлана доска съ русской надписью «1833 года іюня 15», означающею день рожденія императора Николая I. Мраморная доска этой надписи нѣсколько лѣтъ назадъ выпала и, ударившись о гранитный фундаментъ памятника, разбилась на мелкіе куски и исчезла совершенно.

Мѣсто, на которомъ стоитъ русскій памятникъ, является въ полномъ смыслѣ слова историческимъ. Здѣсь въ XII—XIII вѣкѣ были расположены лагери крестоносцевъ во время слѣдованія ихъ черезъ Константинополь въ Святую Землю для освобожденія гроба Господня изъ рукъ мусульманъ. Въ память пребыванія ихъ здѣсь была воздвигнута золотая колонна, разрушенная греками послѣ двукратнаго ограбленія крестоносными ополченіями Константинополя и ухода ихъ обратно въ Европу. Здѣсь же, въ Хункіаръ-Эскелеси, въ кіоскѣ султана, нынѣ уже не существующемъ, 26-го іюня 1833 года былъ подписанъ дружественный договоръ между Россіей и Турціей, по которому русскій императоръ обязался въ послѣдующія восемь лѣтъ снабжать Турцію, для ея защиты, сухопутными войсками и флотомъ. Секретной статьей договора, взамѣнъ военной помощи, султанъ обязался «ограничить дѣйствія свои въ пользу Россіи закрытіемъ Дарданельскаго пролива, то есть не дозволять никакимъ иностраннымъ военнымъ судамъ входить въ оный подъ какимъ-нибудь предлогомъ» [2]).

Поставленный въ этой полной историческихъ воспоминаній мѣстности, на вершинѣ Сельви-Бурну, нашъ русскій военный памятникъ производитъ въ современномъ его видѣ тяжелое и грустное впечатлѣніе чего-то оставленнаго, забытаго, разрушающагося. Онъ не окруженъ никакой оградой, совершенно не ремонтируется,

---

[1]) Будучи въ Константинополѣ лѣтомъ 1912 года, желая узнать подлинное содержаніе надписи, я обратился за разъясненіемъ къ проживающему въ Бейкосѣ, въ своемъ домѣ, турецкому ученому и литератор у Ахмедъ-Митхадъ-бею, который тутъ же наизусть продиктовалъ мнѣ интересовавшее меня четырехстишіе, перевелъ на французскій языкъ и сообщилъ многія интересныя подробности его происхожденія. Считаю долгомъ принести здѣсь мою глубокую благодарность почтенному турецкому ученому.

[2]) Очеркъ исторіи министерства иностранныхъ дѣлъ 1802—1902 г.г. Спб., 1902 г., стр. 106—107.

Забытый русскій памятникъ въ Константинополѣ.

окружающая его площадка почти сплошь завалена навозомъ, такъ какъ служитъ мѣстомъ выгона скота для жителей Бейкоса. Фундаментъ, на которомъ онъ утвержденъ, начинаетъ уже разрушаться, и, вѣроятно, недалеко то время, когда онъ совершенно рухнетъ и, быть можетъ, исчезнетъ для потомства подобно колоннѣ, поставленной крестоносцами въ память ихъ пребыванія въ этихъ мѣстахъ. Уди-

вительно, что до сихъ поръ ни одно русское учрежденіе въ Константинополѣ не взяло подъ свое покровительство этотъ единственный здѣсь русскій историческій памятникъ и не приняло мѣръ къ его сохраненію. Быть можетъ, это происходитъ потому, что мало кому извѣстны обстоятельства, вызвавшія сооруженіе памятника, и что наша русская военная и историческая литература весьма скудна описаніемъ событій, вызвавшихъ командированіе въ Константинополь въ 1833 году русскаго флота и русскаго отряда на помощь султану Махмуду II. По политическимъ условіямъ того времени, до конца сороковыхъ годовъ было запрещено писать объ этомъ, а посмертныя записки Н. Н. Муравьева, главнаго участника этихъ событій, начали печататься въ «Русскомъ Архивѣ» въ срединѣ 1894 г. и были прочтены лишь весьма ограниченнымъ числомъ читающей публики.

Нѣсколько ранѣе, въ 1869 году, зятемъ Муравьева, Г. А. Чертковымъ, было обнародовано приготовленное къ печати самимъ Муравьевымъ извлеченіе изъ его записокъ подъ названіемъ« Русскіе на Босфорѣ въ 1833 году», значительно сокращенное по цензурнымъ условіямъ и изданное въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ, такъ что книга эта составляетъ теперь библіографическую рѣдкость. Поэтому мы позволимъ себѣ привести краткую справку о событіяхъ, вызвавшихъ командированіе русскихъ войскъ въ Турцію въ 1833 г. и выписку изъ записокъ Н. Н. Муравьева, касающуюся постановки основаннаго имъ въ память объ этомъ памятника.

Извѣстно, что до 1833 года Египетъ составлялъ нераздѣльную часть Турціи и управлялся турецкимъ чиновникомъ, въ званіи намѣстника султана. Въ 1832 году намѣстникъ Египта былъ честолюбивый и умный Мегметъ-Али-паша, возмутившійся противъ своего повелителя-султана и потребовавшій отдѣленія Египта отъ Турціи вмѣстѣ съ Сиріей и нѣкоторыми другими приморскими городами Турціи. Командовавшій египетскими войсками сынъ Мегмета-Али, Ибрагимъ-паша, разбилъ турецкія войска на голову при Гомсѣ и Коніи, причемъ командовавшій турецкой арміей великій визирь былъ взятъ въ плѣнъ со всѣмъ своимъ штабомъ, послѣ чего Махмудъ II, опасаясь дальнѣйшаго движенія египтянъ на Константинополь, обратился за помощью къ императору Николаю I. Результатомъ этого обращенія была сначала посылка генерала Н. Н. Муравьева въ Александрію къ Мегметъ-Али съ требованіемъ прекратить военныя дѣйствія противъ Турціи и помириться съ султаномъ. Хитрый египетскій намѣстникъ отвѣтилъ Муравьеву при первомъ свиданіи, что онъ настолько уважаетъ волю русскаго императора, что готовъ безпрекословно ее исполнить, и приказалъ тутъ же, въ его присутствіи, заготовить приказъ Ибрагимъ-пашѣ пріостановить всѣ военныя дѣйствія противъ Турціи, подписалъ его и отправилъ въ армію. Успокоенный за исходъ дѣла, Муравьевъ уѣхалъ изъ Александріи

въ Константинополь, но здѣсь вскорѣ узналъ, что Мегметъ-Али не сдержалъ данныхъ ему обѣщаній и что египетскія войска продолжаютъ движеніе впередъ, заняли Смирну и намѣреваются захватить Бруссу, отстоящую всего въ разстояніи нѣсколькихъ часовъ пути отъ столицы Турціи—Константинополя. Напуганный этимъ, Махмудъ II обратился къ русскому императору съ просьбой объ оказаніи помощи войсками и флотомъ, въ результатѣ чего послѣдовало повелѣніе императора Николая I немедленно двинуть изъ Крыма въ Турцію на помощь Махмуду отрядъ изъ всѣхъ трехъ родовъ оружія и часть русской черноморской эскадры подъ начальствомъ адмирала Лазарева. Приказаніе это было немедленно выполнено, и 23-го марта 1833 года въ Буюкъ-Дере прибыла русская эскадра изъ девяти военныхъ судовъ и нѣсколькихъ военныхъ транспортовъ съ десятитысячнымъ отрядомъ русскихъ войскъ. Эскадра эта и отрядъ поступили подъ общее начальство Муравьева и оставались въ немъ до прибытія въ Константинополь графа А. Ѳ. Орлова, назначеннаго чрезвычайнымъ посломъ при оттоманскомъ дворѣ и главнокомандующимъ сухопутными и морскими силами, посланными изъ Россіи по помощь Турціи, послѣ чего Муравьевъ остался только при должности командующаго сухопутнымъ отрядомъ. Мѣстомъ стоянки нашего отряда были избраны окрестности Бейкоса, гдѣ онъ и расположился бивакомъ вмѣстѣ съ отрядомъ турецкой кавалеріи и батальономъ турецкой пѣхоты, поступившими по желанію султана подъ общее начальство Муравьева. Съ прибытіемъ въ Константинополь нашихъ войскъ картина египетско-турецкой войны рѣзко измѣнилась. Ибрагимъ-паша поспѣшилъ очистить Смирну и отступить въ Канію, а затѣмъ перешелъ Тавръ и вернулся въ Египетъ. Этимъ временемъ воспользовалось турецкое правительство и заключило миръ съ Мегметъ-Али, который сдѣлался самостоятельнымъ правителемъ Египта, съ титуломъ хедива, съ обязательствомъ въ случаѣ войны выставлять войска на помощь Турціи и выплачивать турецкому правительству ежегодно, въ видѣ дани, полмилліона турецкихъ лиръ (около 4½ милліоновъ рублей). Послѣ этого дальнѣйшее пребываніе нашихъ войскъ и нашего флота въ Турціи сдѣлалось излишне, и 29-го іюня, черезъ два дня послѣ подписанія дружественнаго договора, нашъ флотъ съ войсками при благопріятномъ вѣтрѣ вышелъ изъ Босфора обратно на родину съ салютаціонной пальбой. Въ память пребыванія къ Константинополѣ русскихъ войскъ Муравьевъ поставилъ на холмѣ Сельви-Бурну прилагаемый здѣсь рисунокъ памятника въ настоящемъ видѣ. Вотъ интересныя подробности постановки этого памятника, заимствованныя нами изъ книги «Русскіе на Босфорѣ въ 1833 году», составляющей часть записокъ Муравьева [1]).

[1]) Н. Н. Муравьевъ (Карсскій). «Русскіе на Босфорѣ въ 1833 году», Москва, 1869 года, стр. 411—415.

«Я давно полагалъ и нужно было, — пишетъ Н. Н. Муравьевъ,— оставить какой-либо знакъ пребыванія нашего на Босфорѣ, по коему позднія потомки могли бы вспомнить о знаменитомъ походѣ нашемъ. Вычерченъ былъ сперва проектъ красиваго небольшого монумента. Не рѣшаясь приступить къ сооруженію его безъ разрѣшенія графа Орлова, я просилъ на то позволенія его. Онъ находилъ, что это могло служить непріятнымъ воспоминаніемъ туркамъ и возбудить кичливость и неудовольствіе иностранцевъ и по этимъ причинамъ, или подъ этимъ предлогомъ, отказалъ мнѣ. Не оставляя намѣренія своего, я представилъ ему, что такъ какъ передъ отплытіемъ нужно отслужить молебенъ при собраніи всѣхъ войскъ, то находилъ приличнымъ поставить, по крайней мѣрѣ, необдѣланный камень на мѣстѣ служенія. Необдѣланный камень онъ позволилъ мнѣ поставить и какъ размѣръ камня не былъ опредѣленъ, то во мнѣ возродилась мысль избрать его такой величины, какой только силы наши позволятъ, имѣя въ виду хотя не искусствомъ, то хотя размѣрами свидѣтельствовать потомству о намѣреніи поставившихъ его. Болѣе я никому не говорилъ о томъ въ Буюкъ-Дере и втайнѣ принялся за работу, не испрашивая на то никакого посторонняго пособія. Пущенною по лагерю подпискою собрано было болѣе 800 р., добровольно пожертвованныхъ на это сооруженіе. Сперва исполненіе дѣла было поручено инженеру подполковнику Бюрно, но онъ требовалъ много средствъ, всякаго рода мастеровыхъ, устроенія машинъ и всего болѣе времени. Видя затрудненія эти, оберъ-квартирмейстеръ нашъ подполковникъ Мендъ вызвался на мѣсто Бюрно. Онъ объѣздилъ окрестности и, не найдя на берегу камня твердаго свойства, отправился на европейскій, гдѣ отыскалъ около селенія Балта-Лиманъ, почти на половинѣ разстоянія между Буюкъ-Дере и Царьградомъ, скалу желаемыхъ свойствъ. Надобно было отдѣлить отъ нея камень. Отправили туда до 400 человѣкъ рабочихъ солдатъ, трудившихся безпрестанно нѣсколько сутокъ поперемѣнно, кирками и желѣзными кольями, съ помощью пороховыхъ взрывовъ. Люди эти тамъ же и ночевали. Громада отвалилась. Ее протащили еще саженъ 70 до берега, но тутъ предстояло другое затрудненіе, какъ перевезти ее на тотъ берегъ? Просить баркасовъ у Лазарева было бы безуспѣшно и этимъ можно было обнаружить производящіяся работы. Я обратился заблаговременно къ капитанъ-пашѣ [1]), отъ котораго получилъ два большихъ гребныхъ судна; мы сплотили ихъ вмѣстѣ и настлали палубу. Камень взвалили на нихъ и по долгомъ плаваніи пробуксировали къ пристани, гдѣ я его засталъ.

«На другой день работы продолжались. Пристань обвалилась подъ тяжестью, и мы, послѣ многихъ усилій, съ опасеніемъ затопить дорогое произведеніе трудовъ своихъ, вытащили наконецъ

[1]) Турецкій морской министръ.

на берегъ Азіи отломокъ скалы, отсѣченный въ Европѣ. Сего не было еще достаточно, —надобно было втащить громаду на бугоръ Сельви-Бурну. Сдѣланъ былъ вызовъ желающихъ участвовать въ предстоящемъ дѣлѣ. Я самъ явился къ работѣ для примѣра; вскорѣ собралось до 1000 человѣкъ и съ ними многіе изъ старшихъ и младшихъ начальниковъ войскъ. Между нижними чинами пришло много и турецкихъ солдатъ, коихъ офицеры также усердствавали въ исполненіи моего желанія. Тутъ же явился и старый пріятель мой дервишъ, громкимъ голосомъ своимъ подвизая мусульманъ къ работѣ.

«Когда втащили громаду на гору, то выложили въ самомъ возвышенномъ мѣстѣ бугра, на фундаментѣ, чистую каменную площадку, на которой поставили памятникъ безъ всякой обработки, въ томъ видѣ, какъ онъ отдѣлился, направивъ ребромъ и легкою наклонностью къ юго-западу. Одинъ только низъ камня былъ тщательно выравненъ, чтобы онъ могъ стоять на основаніи. Этотъ обломокъ скалы имѣетъ видъ нѣсколько наклоненнаго параллелепипеда, вышиною въ полторы сажени, шириною въ два аршина и толщиною въ полтора аршина и заключаетъ въ себѣ 1.500 пудовъ вѣса. У подножья камня поставили старинную мраморную капитель, которая лежала на улицѣ подлѣ квартиры моей и до того служила вмѣсто колоды для водопоя лошадей, въ углубленіи, высѣченномъ съ одного конца ея. Намъ же служила эта капитель для отдыха подъ тѣнью памятника [1]).

«Я успокоился, когда все было кончено. Опасенія или недоброжелательства не могли простираться до такой степени, чтобы разрушить памятникъ, о появленіи котораго узнали уже послѣ сооруженія его. Оставалось легчайшее—украсить его надписью. Мысль моя была высѣчь на камнѣ:

Въ память Олега, полки Николая.

«Я сообщилъ ее графу Орлову, когда онъ уже зналъ о поставленіи камня; онъ находилъ это неудобнымъ, говоря, что такая надпись можетъ возбудить недовѣріе къ намъ турокъ. Казалось, однакоже, что она не имѣла ничего оскорбительнаго для нихъ, ибо напоминала только объ историческомъ событіи, случившемся еще во время греческихъ императоровъ. Обратились къ стихотворцамъ отряда генеральнаго штаба капитану Вронченку и поручику Болдыреву [2]) и мы получили слѣдующіе стихи:

Гдѣ щитъ Олега пронесла
Славянъ дружина боевая,
Тамъ днесь десница Николая
Знамена дружбы развила.

---

[1]) Нынѣ эта капитель исчезла.

[2]) Авторъ «Писемъ русскаго солдата», напечатанныхъ въ 1833 году въ разныхъ номерахъ «Русскаго Инвалида».

И другіе:

Залогомъ дружбы Николая,
На страхъ Махмудовымъ врагамъ,
Дружина русскихъ боевая
Примкнула здѣсь къ его полкамъ.

«Перваго четверостишія графъ Орловъ также не захотѣлъ, а второе не нравилось мнѣ оттого, что при могущей случиться перемѣнѣ въ политическихъ обстоятельствахъ надпись осталась бы неумѣстною; а потому рѣшился я сдѣлать простую въ прозѣ: «Воздвигнутъ русскими полками іюня 25-го дня 1833 года». Когда же стали разсчитывать время, нужное для чистой вырѣзки всѣхъ буквъ, то оказалось, что надпись не успѣли бы кончить до нашего отплытія, а потому, сокративъ ее, ограничились высѣчкою числа рожденія государя, около котораго времени камень былъ поставленъ: «іюня 25-го дня 1833 года». Надпись высѣчена выпуклыми буквами на небольшомъ четырехугольномъ пространствѣ, равно углубленномъ на одномъ изъ боковъ камня».

Въ день окончательной установки памятника, 23-го іюня, Муравьевъ устроилъ у себя вечеръ, на который были приглашены графъ Орловъ, посланникъ Бутеневъ, адмиралы со всѣми офицерами русскаго флота, генералы, штабъ- и оберъ-офицеры отряда. Вечеръ начался съ зори, на которой играло до 400 музыкантовъ, послѣ чего былъ сожженъ великолѣпный фейерверкъ. Послѣ ужина гости пошли въ лагерь, гдѣ солдаты качали ихъ и пили за ихъ здоровье. Пиръ продолжался до глубокой ночи [1]).

Вотъ простыя безхитростныя записки одного изъ русскихъ чудо-богатырей, участвовавшихъ въ постановкѣ русскаго памятника на Босфорѣ въ 1833 году.

Н. Н. Муравьевъ за время своего пребыванія въ Турціи пріобрѣлъ общее довѣріе и уваженіе всѣхъ вообще турокъ, начиная съ султана Махмуда II и его ближайшихъ сотрудниковъ, турецкихъ сановниковъ, кончая простыми солдатами. Умный, прямой, рѣшительный, высокообразованный, простой въ обращеніи, онъ былъ такимъ именно человѣкомъ, котораго такъ любятъ и цѣнятъ турки. Немалую роль въ данномъ случаѣ играло основательное знаніе имъ турецкаго и персидскаго языковъ, что давало ему возможность, въ сношеніяхъ съ турками, обходиться повсюду безъ помощи переводчиковъ. Грозный истребитель янычаръ, первый преобразователь Турціи и устроитель турецкой арміи по европейскому образцу, султанъ Махмудъ II[2]) выказывалъ ему особенное довѣріе, неодно-

[1]) Записки Н. Н. Муравьева-Карсскаго. «Русскій Архивъ», 1894 года, № 8, стр. 495—496.

[2]) Султанъ Махмудъ II родился 8-го іюня 1785 года, умеръ 19-го іюня 1839 г Восшествіе его на престолъ Турціи было сопряжено съ необыкновенно бурными событіями. Дяди его султаны Селимъ III и Мустафа IV были убиты, и самъ Махмудъ II едва

кратно пріѣзжая къ нему въ лагерь и присутствуя на устраиваемыхъ имъ въ лагерѣ праздникахъ. 15-го апрѣля и 17-го іюня Махмудъ произвелъ смотръ расположеннымъ въ лагерѣ русскимъ войскамъ, при чемъ здоровался съ частями по-русски, благодарилъ ихъ за службу въ Турціи, а по окончаніи перваго смотра прислалъ 15.000 рублей для раздачи нижнимъ чинамъ отряда.

Въ бытность русскаго отряда въ Константинополѣ султанъ Махмудъ чрезвычайно заботился о расквартированіи, пищѣ и здоровьи русскихъ солдатъ, неоднократно прося Муравьева излагать ему всѣ свои требованія по этому поводу и тутъ же приказывая своему сераскиру немедленно ихъ исполнить. Кромѣ того, онъ неоднократно высылалъ въ лагерь своего генералъ-адъютанта узнавать о здоровьи офицеровъ и нижнихъ чиновъ, а въ праздничные дни посылалъ имъ большіе транспорты провизіи, вина и разныхъ гостинцевъ. Вниманіе его къ войскамъ простиралось настолько, что въ праздникъ Пасхи онъ выслалъ въ лагерь красныя яйца и творогъ для пасхи, приказавъ раздать это отъ его имени чинамъ отряда. Лично къ Муравьеву онъ оказывалъ чрезвычайное вниманіе. Вотъ, напримѣръ, какъ онъ описываетъ свое свиданіе съ султаномъ на смотру 17-го іюня:

«По окончаніи ученія я держался въ сторонѣ и былъ изъ послѣднихъ, когда проводили султана до лодки, гдѣ графъ Орловъ съ нимъ прощался. Султанъ, однако, не забылъ меня и, не видя среди толпы, сталъ громко кричать: «Дженералъ Муравьевъ, дженералъ Муравьевъ!» Я подошелъ къ самой лодкѣ, въ которой онъ сидѣлъ уже, дожидаясь меня. Онъ замѣтилъ, что во время ученія у одного изъ орудій трубка давала вспышку; но притомъ много благодарилъ меня за устройство войскъ. Я также благодарилъ его за снисхожденіе и отвѣтилъ персидскимъ стихомъ изъ Гюлистана, Шейха Саади:

«И грѣхъ угодливый султану становится доблестью». Ему такъ понравился этотъ стихъ, что онъ заставилъ меня три раза пересказать его и, отваливъ отъ берега, повторилъ его нѣсколько разъ вполголоса, какъ бы затверживая льстивое кажденіе знаменитаго стихотворца».

Махмудъ также былъ любезенъ и къ офицерамъ отряда: онъ подарилъ имъ верховыхъ лошадей, разрѣшилъ осмотръ Константинополя, не исключая и мѣстъ, которыя до сихъ поръ никогда не показывались иностранцамъ, и оказалъ много другихъ любезностей, а при возвращеніи на родину наградилъ всѣхъ знаками отличія.

спасся отъ смерти. Взбунтовавшіеся янычары повсюду искали его, чтобы убить, и онъ спасся только случайно. Сдѣлавшись султаномъ въ маѣ 1825 г., онъ жестоко отмстилъ имъ, истребивъ янычарскіе полки почти поголовно. Въ одномъ Константинополѣ ихъ было убито свыше 25 т. человѣкъ. Взявъ въ свои руки бразды правленія Турціей, онъ во все свое продолжительное царствованіе неутомимо стремился къ своей цѣли сдѣлать изъ Турціи европейское государство.

Теперь обстоятельства измѣнились. Современная турецкая интеллигенція считаетъ Россію главной виновницей потери большей половины своихъ европейскихъ владѣній и тѣхъ постоянныхъ бѣдствій, которыя она переживаетъ за послѣднее время. Слово «душманъ»—врагъ—стало въ средѣ турецкой интеллигенціи синонимомъ слова «русскій». Немедленно послѣ провозглашенія конституціи въ Турціи появилась масса особыхъ газетъ съ смѣшными названіями, какъ, напримѣръ, «Пушка», «Штыкъ», «Пуля», которыя стали фанатизировать турецкое населеніе противъ вообще европейцевъ и въ особенности противъ Россіи—и уже неоднократно этими газетами принимались записи желающимъ итти воевать съ Россіей. Газеты эти издавались членами младо-турецкаго комитета, и правительство открыто оказывало имъ поддержку. Я уже не говорю объ офиціальныхъ печатныхъ органахъ «Единенія и Прогресса», но вообще вся турецкая пресса преимущественно занималась распространеніемъ самыхъ невѣроятныхъ нелѣпостей противъ Россіи и въ особенности о какихъ-то невыносимыхъ страданіяхъ мусульманъ русско-подданныхъ. Константинополь оказывалъ самое широкое гостепріимство разнымъ темнымъ личностямъ, ускользнувшимъ изъ рукъ русскаго правосудія, снабжавшимъ газеты разнымъ матеріаломъ, рисующимъ русское правительство и русское общество въ самыхъ мрачныхъ краскахъ, который съ видимымъ удовольствіемъ печатался газетами. Эти субъекты въ самыхъ крикливыхъ выраженіяхъ обвиняли Россію во всѣхъ несчастіяхъ Турціи, требовали единенія всѣхъ, дабы дать реваншъ, и заявляли, что правительство усиленно готовится противъ Россіи. Замѣчательно, что младотурки офиціально открещивались отъ своего участія въ травлѣ населенія противъ Россіи, ссылаясь на конституцію, которая будто бы предоставляетъ право свободы печати, и это заявлялось въ то время, когда за малѣйшую критику по отношенію комитета газеты закрывались, даже безъ соблюденія законныхъ формальностей. Что касается панисламизма, то въ этой отрасли турки преуспѣли и пустили уже глубокіе корни въ молодое мусульманское населеніе Россіи, на что нашему правительству слѣдуетъ обратить особое вниманіе.

Справедливость требуетъ сказать, что въ прошломъ Россія была виновницей многочисленныхъ несчастій для Турціи, но эти времена давно уже прошли, и за послѣднее время наша дипломатія напрягала всѣ усилія для установленія дружественныхъ отношеній къ Турціи. Россія первая признала возрожденіе Оттоманской имперіи въ 1897 году и оказала ей много услугъ, которыя, можетъ быть, даже спасли Турцію отъ политической катастрофы въ ту минуту, когда она только что встала съ одра болѣзни и стала проявлять признаки жизни.

Турки по натурѣ своей храбры, честны, трудолюбивы и обладаютъ многими другими прекрасными качествами, но они до край-

ности злопамятны и мстительны. Они не могутъ забыть отторженія Россіей отъ ихъ государственнаго организма нѣсколькихъ чисто мусульманскихъ областей, а главное того покровительства, — не всегда заслуженнаго,—которое Россія постоянно оказывала ихъ подданнымъ-христіанамъ, стоившаго Турціи трехъ четвертей ея европейскихъ владѣній.

Въ настоящее время на Балканскомъ полуостровѣ разыгрывается, повидимому, послѣдній актъ многолѣтней распри между Турціей и населяющими Балканы европейскими народностями, пока безъ участія Россіи. Всякій благомыслящій русскій человѣкъ горячо пожелаетъ, чтобы эта война, начатая вопреки желанія Россіи и рискующая перейти въ обще-европейское кровопролитіе, не потребовала бы ея участія въ ней. Довольно уже въ теченіе двухъ послѣднихъ столѣтій русскій народъ жертвовалъ своей кровью и своими деньгами для освобожденія балканскихъ славянъ, чтобы рисковать вновь стать лицомъ къ лицу съ половиной Европы изъ-за расширенія границъ на счетъ Турціи, затѣяннаго нами же освобожденными и созданными балканскими государствами, ничѣмъ еще не отблагодарившими за это Россію. Русское правительство не должно забывать, какъ и чѣмъ отплатила намъ Болгарія черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ ея освобожденія, въ эпоху воцаренія въ ней Кобургской династіи, или, напримѣръ, сдѣланнаго недавно наглаго заявленія одного изъ популярныхъ общественныхъ дѣятелей въ Сербіи, что сербскій народъ не можетъ быть управляемъ циркулярами изъ Россіи. Мы не говоримъ уже объ открыто враждебномъ къ намъ отношеніи освобожденнаго нашей кровью изъ многовѣкового рабства румынскаго народа. Пора подумать и о самихъ себѣ, о защитѣ нашихъ собственныхъ границъ. Турція является очень опаснымъ въ военномъ отношеніи врагомъ Россіи въ случаѣ войны нашей съ Германіей и Австріей. Обращеніе этого врага въ друга и союзника должно составлять одну изъ первыхъ задачъ нашей дипломатіи. Невозможнаго въ этомъ ничего нѣтъ. Удалось же это восемьдесятъ лѣтъ назадъ при обстоятельствахъ, быть можетъ, менѣе благопріятныхъ, чѣмъ теперь; удастся, несомнѣнно, при желаніи со стороны Россіи и въ будущемъ, при справедливой уступкѣ интересамъ нашей сосѣдки и при невмѣшательствѣ нашемъ въ ея внутреннія дѣла. Мы твердо увѣрены, что культивируемая теперь подонками турецкаго общества ненависть къ Россіи не глубока и не распространяется на широкія массы турецкаго населенія. При искреннемъ желаніи съ нашей стороны, она исчезнетъ безплодно со временемъ. Будемъ же надѣяться, что настанетъ наконецъ то время, когда честный, храбрый турецкій народъ забудетъ прошлое и протянетъ руку примиренія своему сосѣду и естественному союзнику Россіи, послѣ чего онъ, несомнѣнно, сдѣлается опять сильнымъ и могущественнымъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы надѣемся, что основанный русскими на Босфорѣ описанный здѣсь историческій памятникъ былой русско-турецкой дружбы не останется дольше въ томъ состояніи, въ которомъ онъ теперь находится, и что найдутся русскіе люди, которые позаботятся о приведеніи его въ надлежащій видъ и о сохраненіи его для потомства.

П. П. Шубинскій.

ЛѢТОПИСЕЦЪ КАВКАЗСКИХЪ ВОЙНЪ.

(Памяти Василія Александровича Потто).

Какъ ни интересуется нынѣ столица Кавказомъ, все же многія мѣстныя событія, имѣющія общественный характеръ, не всегда находятъ въ ней своевременный откликъ, а зачастую проходятъ и совершенно безслѣдно.

Къ такимъ явленіямъ слѣдуетъ отнести и послѣдовавшую 29-го ноября истекшаго года въ гор. Тифлисѣ смерть извѣстнаго военнаго исторіографа Василія Александровича Потто, лѣтописца кавказскихъ войнъ и баяна доблестей кавказскихъ войскъ.

Цѣль настоящей статьи заполнить этотъ пробѣлъ въ некрологіи столичной прессы.

Покойный В. А. Потто происходилъ изъ дворянъ Тульской губерніи; родился 1-го января 1836 года; образованіе получилъ въ Орловскомъ Бахтина кадетскомъ корпусѣ и въ Дворянскомъ полку.

Первыя попытки на литературномъ поприщѣ В. А. Потто обнаружилъ въ самую юную пору своей молодости. Будучи еще кадетомъ, онъ написалъ нѣсколько стихотвореній по поводу начала Крымской войны, впослѣдствіи напечатанныхъ въ «Журналѣ военно-учебныхъ заведеній» за 1854 г. На стихотворенія эти было обращено вниманіе императора Николая Павловича, и юному автору были пожалованы золотые часы, врученные ему лично наслѣдникомъ Александромъ Николаевичемъ передъ всѣмъ Дворянскимъ полкомъ.

Въ 1855 году Потто, произведенный въ прапорщики въ третій драгунскій Новороссійскій полкъ, прямо со школьной скамьи

попадаетъ на Кавказъ въ суровую боевую обстановку и въ томъ же году участвуетъ съ полкомъ въ турецкой войнѣ при блокадѣ, штурмѣ и сдачѣ Карса.

Кавказская жизнь, полная боевыхъ тревогъ и своеобразной военной поэзіи, произвела на юношу сильное впечатлѣніе.

По окончаніи войны, когда полкъ долженъ былъ возвратиться въ Россію, молодой офицеръ, пользуясь пребываніемъ своимъ на Кавказѣ, посѣтилъ берега Кубани, Терека и часть Дагестана, всюду собирая пѣсни, преданія и разсказы о кавказскихъ военныхъ событіяхъ. Это путешествіе и собранный богатый матеріалъ имѣли серьезное вліяніе на развитіе литературнаго призванія Потто и послужили впослѣдствіи основаніемъ цѣлаго ряда его историческихъ очерковъ.

Первыя историческія статьи Потто были посвящены воспоминаніямъ о закавказскихъ походахъ и были напечатаны въ «Военномъ Сборникѣ» за 1860, 63 и 64 гг. подъ псевдонимами «Драгунскій офицеръ» и «Драгунъ». Таковы «Воспоминанія» о походахъ 1853—56 гг. Далѣе шли очерки: «Нѣсколько дней на Кубани», «Чиръ-Юртъ въ разсказахъ старыхъ нижегородцевъ», «Разсказъ о смерти майора Золотухина» и про.

Участіе съ полкомъ во время польскаго возстанія въ составѣ войскъ варшавскаго военнаго округа дало, Потто новыя, свѣжія впечатлѣнія, и имъ были напечатаны статьи: «Походныя записки о кампаніи 1863 года противъ польскихъ мятежниковъ» и «Стычка у деревни Грудовой 25-го іюля 1863 года» («Военный Сборникъ» за 1867—70 гг.).

Въ это же время появилась въ печати и «Исторія Новороссійскаго драгунскаго полка», доставившая автору имя военнаго исторіографа.

Въ 1866 году Потто былъ откомандированъ къ Николаевскому кавалерійскому училищу.

Здѣсь молодой штабсъ-ротмистръ обратилъ на себя благосклонное вниманіе императора Александра II, любившаго изрѣдка посѣщать учебныя заведенія.

Случай къ этому представился такой.

Въ одинъ изъ обычныхъ воскресныхъ разводовъ, когда Потто, парадируя съ пѣшимъ юнкерскимъ взводомъ, подошелъ къ государю съ рапортомъ, императоръ Александръ II, пристально взглянувъ на него, сказалъ:

— Я видѣлъ тебя прежде въ Новороссійскомъ мундирѣ?

— Такъ точно, ваше императорское величество.

— Какъ твоя фамилія?

— Штабсъ-ротмистръ Потто.

— Да, вѣдь это ты написалъ исторію Новороссійскаго полка? Спасибо! Я прочелъ ее съ большимъ удовольствіемъ.

Василій Александровичъ Потто.

Вскорѣ послѣ этой встрѣчи Потто былъ пожалованъ за «отличное составленіе» той же исторіи высочайшею денежною наградою, а самъ государь удостоилъ быть крестнымъ отцомъ его сына.

Дѣятельность Потто въ Николаевскомъ кавалерійскомъ училищѣ, въ качествѣ воспитателя юнкеровъ, обратила вниманіе военнаго министра Милютина, и въ 1870 году онъ былъ назначенъ начальникомъ Оренбургскаго казачьяго юнкерскаго училища, которымъ руководилъ одиннадцать лѣтъ.

Находя важнымъ подготовить юнкеровъ, назначавшихся по окончаніи курса на службу почти исключительно въ степные районы, къ ихъ будущей боевой дѣятельности въ степи, Потто сразу поставилъ дѣло обученія въ училищѣ на чисто практическую почву. Съ этою цѣлью издалъ онъ «Записки о степной войнѣ» и предпринялъ путешествіе въ Киргизскія степи, чтобы лично ознакомиться на мѣстѣ какъ съ характеромъ степной природы, такъ и съ положеніемъ и жизнью нашихъ степныхъ отрядовъ.

Поѣздка эта состоялась лѣтомъ 1871 года, въ то время, когда хивинскія шайки врывались еще въ нашу Оренбургскую степь, и потому представлялась далеко не безопасной. Одинъ, въ сопровожденіи лишь преданнаго ему киргиза, не имѣя при себѣ даже палатки, Потто объѣхалъ огромное пространство степи—отъ Оренбурга до Орска, посѣтивъ всѣ наши отряды, стоявшіе на пограничной линіи. Результатомъ этой поѣздки было появленіе новаго литературнаго произведенія «Степная война», которое, какъ первое руководство въ этомъ родѣ, было встрѣчено лестными отзывами печати и переведено въ Лондонѣ на англійскій языкъ отдѣльнымъ изданіемъ, въ 1874 году, подъ названіемъ «Steppe campaigns».

Вскорѣ же Потто была выпущена въ свѣтъ «Военная хрестоматія», содержащая въ себѣ болѣе полутораста отдѣльныхъ эпизодовъ и сказаній о боевыхъ дѣйствіяхъ порубежнаго казачества и о героическихъ подвигахъ выдающихся дѣятелей Кавказа, Туркестана, севастопольской обороны и другихъ войнъ.

Въ 1873 году Потто, какъ опытный исторіографъ, былъ вызванъ въ Петербургъ, гдѣ ему было поручено составленіе «Исторіи Николаевскаго кавалерійскаго училища», вышедшей въ свѣтъ ко дню 50-лѣтняго юбилея этого училища.

Въ 1887 году В. А., уже въ чинѣ полковника, назначенъ былъ состоять въ числѣ штабъ-офицеровъ, положенныхъ по штату при штабѣ кавказскаго военнаго округа, и съ этого времени вся литературная дѣятельность его посвящается исключительно одному Кавказу. Первой капитальной работой его въ этой области явилась пятитомная «Кавказская война въ отдѣльныхъ очеркахъ, эпизодахъ, легендахъ и біографіяхъ», обратившая вниманіе всей Россіи. Въ этомъ изданіи авторъ собралъ воедино и расположилъ въ хронологическомъ порядкѣ все то, что у насъ сохранилось писаннаго

отъ временъ, когда русскіе витязи громили Византію и съ косоговъ брали дань, и, такимъ образомъ, изобразилъ живую исторію покоренія Кавказа.

Затѣмъ послѣдовательно появляются въ печати составленныя Потто біографіи выдающихся кавказскихъ дѣятелей Я. П. Бакланова и генералъ-адъютанта Лазарева, очеркъ «Царская семья на Кавказѣ» (въ 1888 г.) и обширнѣйшій трудъ въ десяти томахъ «Исторія сорокъ четвертаго драгунскаго Нижегородскаго полка» (въ 1892 г.). Несмотря на свой объемъ, «Исторія» эта читается до сихъ поръ съ величайшимъ интересомъ, такъ какъ описанія чисто боевыхъ подвиговъ полка дополняются составителемъ интересными разсказами изъ анекдотической части исторіи про личные подвиги, проступки и поведеніе офицеровъ и командировъ полка, а также быта полка вообще въ различныя эпохи его существованія.

Въ 1899 году В. А. былъ назначенъ начальникомъ военно-историческаго отдѣла при штабѣ кавказскаго военнаго округа, послѣ чего дѣятельность отдѣла, особенно издательская, значительно расширилась. Подъ руководствомъ Потто вышелъ цѣлый рядъ капитальныхъ изданій отдѣла: «Историческій очеркъ кавказскихъ войнъ отъ ихъ начала до присоединенія Грузіи», «Утвержденіе русскаго владычества на Кавказѣ» въ шести томахъ; два выпуска «Памятниковъ временъ утвержденія русскаго владычества на Кавказѣ»; десять томовъ «Кавказскаго Сборника»; два тома «Исторіи Терскаго казачьяго войска» (это сочиненіе въ настоящее время печатается войсковымъ штабомъ Терской области) и др. [1]).

Изъ перечисленныхъ изданій наибольшую цѣнность представляютъ «Историческій очеркъ кавказскихъ войнъ» и «Утвержденіе русскаго владычества на Кавказѣ». Первое изъ названныхъ сочиненій приноровлено ко дню столѣтней годовщины вступленія въ Тифлисъ егерскаго полка подъ начальствомъ генерала Лазарева. Все изданіе это заключаетъ въ себѣ семнадцать главъ, разсматривающихъ ходъ событій на Кавказѣ съ обзора историческихъ причинъ, приведшихъ Россію къ занятію устья Терека и къ персидскому походу Петра Великаго, и, такимъ образомъ, «Очеркъ», въ цѣломъ, обозрѣваетъ весь путь, которымъ первыя случайныя сношенія Руси съ Кавказомъ привели постепенно къ сознанію исторической задачи Русскаго государства на Кавказскомъ перешейкѣ. Нужно отдать справедливость редактору «Очерка», что онъ сумѣлъ быть безпристрастнымъ обозрѣвателемъ пестраго и часто противорѣчи-

[1]) В. А. Потто состоялъ сотрудникомъ также и «Историческаго Вѣстника», на страницахъ коего появилось нѣсколько историческихъ его очерковъ: «Ссыльные поляки въ Оренбургѣ», «Гибель отряда Рукина въ 1870 году», «Дегужи—нижегородская плѣнница» и др.

ваго матеріала о началѣ русскаго владычества на Кавказѣ. Въ этомъ заключается безусловная научная цѣнность его труда.

Огромный интересъ представляетъ и второе изъ упомянутыхъ нами изданій «Утвержденіе русскаго владычества на Кавказѣ», стремящееся дать правдивую картину состоянія Кавказскаго края во всѣхъ отношеніяхъ во время присоединенія Грузіи къ Россіи и показать, чѣмъ сталъ Кавказъ послѣ столѣтней жизни его подъ управленіемъ Россіи, и сколько принесено жертвъ, крови и трудовъ на умиротвореніе страны, чтобы вывести народы Кавказа на путь широкаго культурнаго развитія и благоденствія. Вышедшіе тома этого изданія, охватывающіе собою періодъ съ 1801 года до времени Паскевича, несмотря на то, что въ составленіи ихъ принимало участіе нѣсколько авторовъ, представляютъ собою вполнѣ цѣльное, законченное произведеніе. Редакторъ и авторы отдѣльныхъ монографій отлично справились со своею задачею: невзирая на подавляющую обширность труда, онъ читается легко, и интересъ къ изложенію ни на минуту не ослабѣваетъ, чему немало содѣйствуетъ прекрасный, литературный языкъ Потто. Само собою разумѣется, что въ задачи разсматриваемаго изданія не входило критическое отношеніе къ описываемымъ событіямъ; авторы довольствовались «лѣтописною точностью». И, дѣйствительно, каждый отдѣльный томъ изданія представляетъ собою яркую, мѣстами даже художественно отдѣланную лѣтопись, въ которой лѣтописцы излагаютъ все, что имъ извѣстно по тому или другому вопросу, съ полною добросовѣстностью. Въ общемъ же это изданіе, благодаря отмѣченнымъ достоинствамъ, по нашему мнѣнію, является однимъ изъ крупныхъ историческихъ трудовъ, посвященныхъ Кавказу.

Но не только одни литературные труды оставилъ послѣ себя Потто. Онъ вложилъ массу труда и въ приведеніе въ порядокъ военно-историческаго музея, этого «храма Славы», долго оставшагося въ полномъ небреженіи. Со времени передачи его въ вѣдѣніе военно-историческаго отдѣла онъ сдѣлался тѣмъ цѣннымъ памятникомъ, къ которому никогда не зарастетъ кавказская народная тропа, ибо въ немъ всѣ—и русскій, и грузинъ, и армянинъ, и мусульманинъ—найдутъ съ радостью и гордостью своихъ героевъ.

Осталось и еще одно учрежденіе, связанное съ именемъ Потто,—это «Кавказскій инвалидный домъ», въ созданіе и устройство котораго В. А. вошелъ всей своей отзывчивой душою.

Частная жизнь В. А. нашли себѣ оцѣнку въ необыкновенной популярности имени его во всѣхъ кругахъ общества.

Бор. М. Городецкій.

ПО ВОСТОЧНОМУ ЗАБАЙКАЛЬЮ.

ЯРКОЕ, солнечное августовское утро. Манчжурскій экспрессъ бѣжитъ по унылому, почти безлѣсному Забайкальскому плоскогорью. Вдали виднѣются горы, окружающія съ юга и востока городъ Читу.

Въ поѣздѣ много иностранцевъ, ѣдущихъ по дипломатическимъ и коммерческимъ дѣламъ въ Китай и Японію. Но въ нашемъ купе, кромѣ меня и лица, которое я сопровождаю въ служебной поѣздкѣ, двое русскихъ, оба читинцы: одинъ коренной забайкалецъ-дѣлецъ, другой изъ Россіи, мѣстный чиновникъ.

Забайкалецъ съ гордостью разсказываетъ о быстромъ развитіи своей родной Читы.

— Лѣтъ 9—10 тому назадъ,—говоритъ онъ,—въ Читѣ совершенно не было каменныхъ домовъ и число жителей не превышало 12—15 тысячъ. Теперь же, вмѣстѣ съ войсками, населеніе достигаетъ пятидесяти тысячъ. У насъ электрическое освѣщеніе, роскошные магазины на европейскій ладъ, трехъэтажные дома, театры, кинематографы, кафешантаны. Совсѣмъ столица.

— Прибавьте—Забайкалья,—иронизируетъ чиновникъ.—Улицы немощеныя, пыль чуть ли не по колѣно. Оконъ на улицу открывать нельзя,—сейчасъ же всѣ вещи покрываются слоемъ пыли. Городъ сильно раскинутъ, а сообщенія нѣтъ никакого. По вечерамъ выходить небезопасно, и въ случаѣ нападенія скрыться некуда, такъ какъ вечеромъ каждый домъ, по-сибирски, превращается въ крѣпость: запираютъ наглухо ворота, ставни, и никто не рѣшится выйти на ваши крики о помощи,

Но забайкалецъ не унимается и продолжаетъ защищать Читу.

— Вѣдь и въ Америкѣ,—говоритъ онъ,—не сразу города устраивали образцовую мостовую и трамваи , и жизнь становилась безопасной. Но быстрый «американскій» прогрессъ Читы обезпечивается ея счастливымъ мѣстоположеніемъ. Здѣсь важный административный пунктъ, въ которомъ сосредоточивается переселенческое и желѣзнодорожное дѣло Забайкалья, мѣсто постояннаго расположенія большого количества войскъ; наконецъ, здѣсь сконцентрированы горнопромышленныя предпріятія Забайкалья.

— Климатъ въ Читѣ страшно суровъ,—жалуется чиновникъ.—Съ конца сентября почти до мая стоитъ зима съ лютыми морозами.

— Зато климатъ здоровый...

— Не для всѣхъ,—перебиваетъ чиновникъ.—Для лицъ съ болѣзнями сердца жить въ Читѣ, на высотѣ 2,600 футовъ надъ уровнемъ моря, очень вредно.

Споръ волей-неволей прекращается, такъ какъ подъѣзжаемъ къ станціи Чита-городъ. На вокзалѣ казаки въ желтой формѣ, бурята, приземистые въ мѣховыхъ шапкахъ и халатахъ, и рослые, крѣпко скроенные манчжуры, одѣтые въ традиціонный синій цвѣтъ.

Среди тучъ пыли ѣдемъ въ лучшую гостиницу города «Даурію». Построена гостиница съ претензіей на «европейскій комфортъ», но владѣльцы упустили изъ виду очень важное обстоятельство, что комфортъ этотъ необходимо поддерживать, и «Даурія» понемногу превращается въ грязные провинціальные «номера». Въ нижнемъ этажѣ ресторанъ, ночью превращающійся въ кафе-шантанъ, шумъ отъ котораго положительно мѣшаетъ спать.

Чита дѣйствительно производитъ впечатлѣніе города, находящагося въ періодѣ усиленнаго строительства. Въ центрѣ много каменныхъ домовъ, много начатыхъ каменныхъ построекъ, но остается еще достаточно пустырей и маленькихъ деревянныхъ домишекъ. По главной улицѣ—Амурской—хорошіе магазины, кондитерскія, конторы. Торговля большею частію въ рукахъ иностранцевъ и инородцевъ; немалую роль въ торговлѣ играютъ и евреи.

Къ слову сказать, забайкальскіе евреи по типу совсѣмъ не похожи на своихъ единоплеменниковъ Европейской Россіи, говорятъ по-русски безъ малѣйшаго акцента и, наконецъ, фамиліи ихъ зачастую оканчиваются на «овъ».

Зайдя въ типо-литографію по Амурской улицѣ, я попросилъ приготовить къ слѣдующему дню визитныя карточки.

— Никакъ нельзя. Сегодня не успѣемъ, а завтра праздникъ—не работаемъ,—сказалъ мнѣ блондинъ, по типу здоровый сибирякъ.

— Какой праздникъ?—изумился я.

— Еврейскій,—отвѣтилъ блондинъ и, въ свою очередь, повидимому, былъ удивленъ моимъ вопросомъ.

Мелкая промышленность въ Забайкальи почти захвачена китайцами, манчжурами, японцами, бурятами. Мирное завоеваніе Забайкалья и всего нашего Дальняго Востока желтой расой, повидимому, идетъ успѣшно, такъ какъ проникаетъ въ повседневную жизнь русскаго обывателя и пріучаетъ его пользоваться трудомъ монгола и вырабатываемыми имъ продуктами.

Я лично не могу пророчить Читѣ «американской» будущности.

Ингода.

Быстрое развитіе города въ послѣднія 8—20 лѣтъ зависѣло отъ временныхъ причинъ, частью уже исчезнувшихъ, частью еще существующихъ. Во время русско-японской войны Чита была одной изъ главныхъ тыловыхъ базъ, и война оставила здѣсь массу денегъ, на которыя строилась Чита. Теперь желѣзнодорожное строительство и колонизація Забайкалья, несомнѣнно, приносятъ немало выгодъ городу. Но окончится то и другое, уведутъ войска на новое мѣсто—въ военный городокъ Даурію, строящійся на манчжурской границѣ, да, вдобавокъ, центръ горной и другой промышленности перемѣстится далѣе на востокъ, напримѣръ, въ нововозникающій городъ Алексѣевскъ, на пересѣченіи многоводной Зеи съ Амурской дорогой,—и Чита неминуемо должна остановиться въ своемъ развитіи.

II.

На слѣдующее же утро садимся въ поѣздъ и ѣдемъ дальше. Послѣ однообразнаго Читинскаго плоскогорья спускаемся къ самому берегу рѣки Ингоды. Съ правой стороны — быстрая, свѣтлая рѣка, съ лѣвой—скалы, срѣзанныя отвѣсно для устройства линіи дороги вдоль берега. Ингода довольно широка; противоположный берегъ гористый, покрытый хвойнымъ лѣсомъ. Каждый поворотъ поѣзда открываетъ красивые пейзажи излучинъ рѣки въ рамкѣ лѣсистыхъ горъ и скалъ. Послѣ станціи Ононъ ѣдемъ уже по берегу р. Шилки. Характеръ пейзажа не мѣняется, но рѣка шире, величественнѣе.

Вечеромъ пріѣзжаемъ на станцію Срѣтенскъ, расположенную на лѣвомъ берегу р. Шилки подъ отвѣсными скалами, на отвоеванной у нихъ площадкѣ. Сама станица Срѣтенская раскинулась узкой полосой по правому, болѣе отлогому берегу рѣки. Здѣсь начальный пунктъ воднаго пути Амурскаго бассейна, которымъ, однако, возможно пользоваться только въ теченіе пяти лѣтнихъ мѣсяцевъ. Поэтому и Срѣтенскъ, во время навигаціи раздувающійся, какъ наполненные мѣха, зимой съеживается, худѣетъ и замираетъ.

Начинается томительный спускъ по крутому берегу, въ очередь съ возами, на паромъ. За конецъ отъ станціи до пароходной пристани—на срѣтенской сторонѣ, недалеко отъ остановки парома—мы отдали извозчику, не считая платы за переправу, два рубля съ полтиной.

Цѣны въ Забайкальи на все очень высокія; здѣсь рубль равноцѣненъ полтиннику въ Европейской Россіи. Вотъ въ этомъ отношеніи Забайкалье дѣйствительно догнало Америку.

Почтовый пароходъ, отходящій черезъ каждые пять дней изъ Срѣтенска въ Благовѣщенскъ—просто буксирный пароходъ съ баржей, гдѣ устроены помѣщенія всѣхъ трехъ классовъ. Рано утромъ отчаливаемъ отъ Срѣтенской пристани. Благодаря быстрому теченію Шилки, подвигаемся впередъ со скоростью пятнадцати верстъ въ часъ. Оба берега рѣки гористые, поросшіе рѣдкимъ лѣсомъ; мѣстами голыя скалы падаютъ отвѣсно въ рѣку. Виды величественные, но суровые, не ласкающіе мягкостью красокъ, а поражающіе глазъ своей дикостью и печалью.

За общимъ обѣденнымъ столомъ разговоры исключительно о мѣстныхъ интересахъ—о колонизаціи края, о постройкѣ Амурской дороги, о золотѣ.

Какой-то чиновникъ, повидимому, переселенческаго управленія развиваетъ перспективы колонизаціи края.

— Уже въ настоящее время,—говоритъ онъ,—въ распоряженіи переселенческаго управленія имѣется значительный земель-

Рѣка Шилка близъ Срѣтенска.

ный фондъ, исчисляемый сотнями тысячъ десятинъ. Водвореніе переселенцевъ, хотя пока и въ незначительномъ числѣ, также началось. Главное же движеніе переселенцевъ мы ожидаемъ въ 1912 и 1913 годахъ.

Ему возражаетъ инженеръ.

— Колонизація Забайкалья—утопія,—возражаетъ онъ.—Небольшія площади края, пригодныя для сельскаго хозяйства, заняты мѣстнымъ населеніемъ. Остальныя пространства или тундры, или высокія плоскогорья съ вѣчной мерзлотой. Вотъ, хотя бы, взять линію Амурской дороги,—продолжаетъ онъ:—она почти сплошь идетъ по мерзлой тундрѣ. Гдѣ ужъ тутъ устраивать сельское хозяйство.

— Относительно района Амурской дороги вы отчасти правы,—соглашается чиновникъ:—я самъ считаю его въ большей части непригоднымъ для земледѣлія. Но по падямъ Шилки и Аргуни есть еще много свободныхъ площадей, гдѣ по климатическимъ условіямъ вполнѣ возможна сельско-хозяйственная культура.

Разговоръ переходитъ на другую, модную въ Забайкальѣ тему: постройка Амурской дороги.

— Условія работъ въ тайгѣ при вѣчной мерзлотѣ грунта и плывучкѣ чрезвычайно трудны,—замѣчаетъ инженеръ.—Рабочій вопросъ въ самомъ неопредѣленномъ положеніи; желтыхъ рабочихъ, какъ знаете, мы должны замѣщать русскими, а послѣднихъ мало, да и долго они не держатся—бѣгутъ изъ-за тяжелыхъ условій таежной жизни. А все-таки дорогу строить надо,—твердо произноситъ онъ.—Государственные интересы требуютъ, чтобы Владивостокъ былъ связанъ съ имперіей желѣзнодорожнымъ путемъ, проходящимъ по русской территоріи.

Попутно заговорили о хищничествѣ золота вдоль линіи дороги по рѣкѣ Урюму.

— По долинѣ Урюма,—разсказываетъ инженеръ,—земляными работами дороги и поисковыми партіями отъ промысловъ открыты золотоносныя розсыпи. И вотъ по ночамъ здѣсь моютъ золото хищники. Сгонятъ ихъ съ одного мѣста—они устраиваются на другомъ. Я знаю, напримѣръ, такой фактъ: два хищника въ двѣ ночи намыли золота на 110 рублей. Бороться съ хищничествомъ крайне трудно, а зло это большое: народъ соблазняется легкой наживой, отказывается отъ тяжелой работы, пьянствуетъ, не говоря ужъ о порчѣ розсыпей при хищническомъ способѣ работъ.

Тутъ же за обѣдомъ я познакомился съ англичаниномъ мистеромъ В. С., управляющимъ рудниками, которые мнѣ предстояло посѣтить. Мистеръ С. любезно предложилъ ѣхать вмѣстѣ, на что я съ радостью согласился. Какъ благодарилъ я впослѣдствіи судьбу за эту встрѣчу, избавившую меня отъ многихъ непріятностей, сопряженныхъ съ путешествіемъ по тайгѣ.

Пароходъ пришелъ на станцію Соболинскую, гдѣ надо было сходить, поздно ночью. Подъ проливнымъ дождемъ я и мистеръ С. спускаемся въ лодку—пристани здѣсь нѣтъ—и ѣдемъ къ берегу. На Шилкѣ осеннее половодье, и гребцы съ трудомъ справляются съ сильнымъ теченіемъ. Наконецъ пристаемъ къ берегу и, увязая на каждомъ шагу въ размякшемъ отъ дождя глинистомъ грунтѣ, добираемся до постоялаго двора.

— Вы отдохните часа два до разсвѣта на моей походной кровати,—предлагаетъ мнѣ С.:—у меня здѣсь много дѣлъ, и я спать не буду.

На разсвѣтѣ С. меня разбудилъ, когда самоваръ былъ на столѣ

Таежная рѣка Черный Урюмъ

и лошади стояли подъ сѣдломъ. Черезъ полчаса мы уже сидѣли на лошадяхъ.

— Позавчера,—говоритъ, провожая насъ къ воротамъ хозяинъ,—наши встрѣтили на Богузіи трехъ бѣглыхъ каторжанъ. Худого они ничего не сдѣлали парнямъ, только попросили хлѣба да табаку. Вы, Василій Ивановичъ,—обращается онъ къ мистеру С.,—посматривайте маленько.

Англичанинъ хладнокровно показываетъ хозяину револьверъ, и мы трогаемся въ путь.

Какъ печальна тайга въ ненастный дождливый день! Рѣдкія тонкія лиственницы и березки,—въ Забайкальи крупнаго лѣса почти нѣтъ,—масса сухостоя и валежника,—вся эта и безъ того невеселая обстановка подъ дымкой мелкаго осенняго дождя дѣйствуетъ на душу угнетающе. А дорога! Въ лучшемъ случаѣ—она представляетъ собой ложе ручья, гдѣ лошади приходится пере-

ступать черезъ огромные камни, подходящіе ей подъ самое брюхо. Много хуже, когда дорога идетъ по лѣсу; здѣсь почва вязкая, и на каждомъ шагу валежный лѣсъ преграждаетъ дорогу. Совсѣмъ плохо въ мѣстахъ, гдѣ дорога переходитъ черезъ топи и болота.

Мистеръ С. ѣдетъ впереди. Я вижу, какъ его лошадь проваливается чуть не до брюха и только послѣ отчаянныхъ усилій ей удается выкарабкаться на болѣе твердую почву.

— Будьте осторожнѣй,—кричитъ мнѣ С.:—попробуйте лѣвѣй.

Я чувствую, что ѣду по дрожащему и хлюпающему тюфяку, наполненному жидкостью, и что также начинаю вязнуть. Принимаю героическую мѣру: изо всей силы ударяю лошадь хлыстомъ, и она меня выноситъ изъ опаснаго мѣста.

Только верстъ за семь отъ рудника (все разстояніе тридцать двѣ версты) тайга кончилась, и дорога пошла въ гору. Хотя эти послѣднія версты мы проѣхали сравнительно скоро, но въ общемъ путешествіе наше продолжалось свыше семи часовъ.

Промокшій и продрогшій слѣзъ я съ лошади и попалъ въ уютный англійскій «home». Удивительна способность англичанъ устраивать свой «home», куда только ни закинетъ судьба: въ знойную тропическую Африку или въ мерзлую сибирскую тайгу. Послѣ сытнаго завтрака, которымъ накормила меня радушная мистриссъ С., я отправился въ отведенную мнѣ комнату и послѣ двухъ почти безсонныхъ ночей проспалъ до самаго вечера.

III.

Слѣдующее утро наступило теплое, солнечное. Ночью былъ морозъ до пяти градусовъ и побилъ послѣдніе самые выносливые цвѣты въ палисадникѣ мистриссъ С.

Въ часъ дня, послѣ осмотра рудника, я простился съ гостепріимнымъ С. и выѣхалъ вмѣстѣ съ управляющимъ сосѣдними промыслами и сопровождавшимъ его конннымъ стражникомъ черезъ Горбиченскіе промысла въ Горбицу—большое селеніе на Шилкѣ.

Дорога здѣсь значительно лучше, такъ какъ идетъ все время по склонамъ горъ, лишь изрѣдко спускаясь въ пади. Пейзажи разнообразятся открывающимися далями, но та же унылая таежная растительность, несмотря на яркое солнце и синее небо, вноситъ въ общую картину ноту печали.

По всей дорогѣ раскинуты золотодобычныя работы китайскихъ подрядчиковъ. Въ теченіе лѣтняго періода май—октябрь восточно-забайкальскіе промысла наводняются китайцами-рабочими, общая цифра которыхъ доходитъ до тридцати тысячъ. На зиму почти всѣ они уходятъ, унося съ собой буквально цѣликомъ свои заработки.

— Русскому рабочему,—говоритъ мой спутникъ, коренной сибирякъ,—надо и мясца поѣсть, и водочки выпить, и погулять; таежныя условія жизни ему часто невмоготу, и онъ бѣжитъ. Китаецъ же чертовски выносливъ, не пьетъ, мало ѣстъ, да и то только продукты изъ разведеннаго имъ же на промыслѣ огорода, китайскую муку и бобовое масло. Такимъ образомъ, въ то время, какъ русскій рабочій оставляетъ большую часть своего заработка на мѣстѣ, въ краѣ, китаецъ ничего не даетъ послѣднему, унося всѣ заработанныя деньги съ собой. Это, такъ сказать, отрицательная сторона китайскаго труда въ Забайкальи. Положительная же,—продолжалъ онъ,—та, что китайскія артели, при ихъ образѣ жизни,

Типы китайцевъ-рабочихъ.

могутъ съ выгодой для себя брать въ разработку бѣднѣйшія россыпи, съ 7—8-долевымъ содержаніемъ золота въ ста пудахъ торфовъ и песковъ, тогда какъ русскія артели работаютъ не менѣе какъ на 11—12 долей. Во всякомъ случаѣ восточно-сибирская золотопромышленность пока безъ китайцевъ обойтись не можетъ.

Подъѣзжаемъ къ работамъ подъ вечеръ, какъ разъ къ моменту смывки золота. Золотопромывательныя машины китайцевъ—бутары упрощеннаго типа. Приборъ этотъ состоитъ изъ такъ называемаго грохота (ящика квадратнаго, книзу суживающагося, сѣченія) съ рѣшетомъ, протертая черезъ которое съ водой порода падаетъ на шлюзъ съ трафаретами; здѣсь золото, какъ болѣе тяжелое, задерживается, порода же (песокъ, илъ, глина)—болѣе легковѣсная—уносится водою.

Наступаетъ торжественный моментъ. Надсмотрщикъ, удостовѣрившись въ цѣлости печатей, ломаетъ ихъ и поднимаетъ крышку

шлюза. Смытое съ послѣдняго золото доводится на ручномъ лоткѣ, высушивается надъ огнемъ въ желѣзномъ ковшичкѣ, пересыпается въ бумажный конвертикъ и запечатывается.

Затѣмъ всѣ идемъ въ контору подрядчика—избушку съ огромными щелями въ потолкѣ и стѣнахъ—и усаживаемся за столъ. Кругомъ толпятся безстрастныя желтыя китайскія физіономіи. Чудится, что это лицо сфинкса и не найдется второго Эдипа, чтобы разгадать его мысли.

— Кинза шанго? (хорошее золото?)—спрашиваю по-манчжурски у желтаго сосѣда.

— Шанго, шанго.

По физіономіи никакъ не опредѣлить, сколько ему лѣтъ—50 или 25. Но вотъ онъ улыбается, показывая рядъ ослѣпительно-бѣлыхъ молодыхъ зубовъ, и я рѣшаю, что ему 25—30 лѣтъ.

Конвертъ съ золотомъ распечатывается, золото высыпается на листъ бѣлой бумаги, и китаецъ-подрядчикъ помощью перочиннаго ножичка и собственныхъ легкихъ очищаетъ и отдуваетъ драгоцѣнный металлъ отъ шлиховъ (мелкихъ кристалликовъ, большею частію магнитнаго желѣзняка). Послѣ взвѣшиванія чистое золото и шлихи съ «отдувами» запечатываются въ новые конверты и отдаются на храненіе подрядчику, вѣса же ихъ записываются въ шнуровую книгу.

Отдохнувъ сутки на Горбиченскихъ промыслахъ послѣ утомительнаго двухдневнаго пути верхомъ, опять-таки въ сопровожденіи двухъ стражниковъ отправляюсь дальше.

Въ Горбичанкѣ мы выѣхали на дорогу, по которой совершается по мѣстному мѣрилу оживленное рабочее и грузовое движеніе между Шилкой и средней частью головного участка Амурской дороги. Грабежи и убійства здѣсь обыкновенное явленіе, чему благопріятствуетъ особый характеръ дороги, пролегающей на большомъ протяженіи между крутымъ склономъ горы и непролазными зарослями таежной рѣки.

Одинъ изъ моихъ спутниковъ-стражниковъ разсказываетъ о разбояхъ, бывшихъ за послѣднее время.

— Пошаливаютъ,—добавляетъ онъ,—и каторжане, и рабочіе съ дороги, да и китайцы тоже. Много китайцевъ-одиночекъ либо парами побито—знаютъ, что у китайца за пазухой всегда и деньги, да и золото краденое. Теперь желторожіе ходятъ только артелями и сами норовятъ кого можно ограбить. Въ каждой пади здѣсь, почитай, есть свой покойникъ.

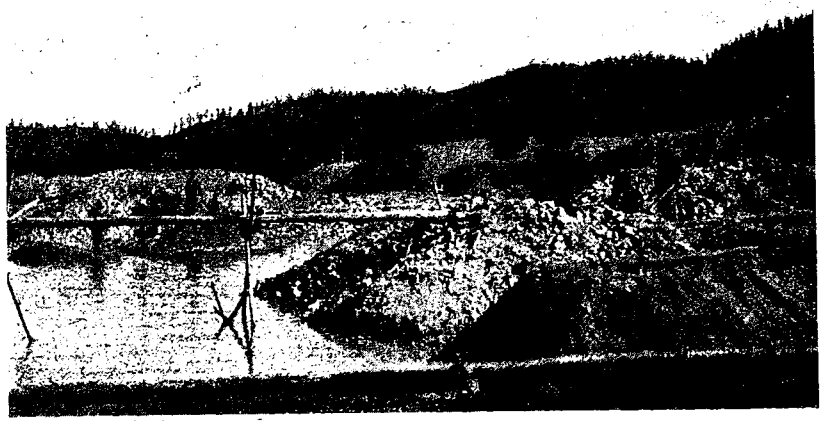
Мой собесѣдникъ, двадцатилѣтній стройный парень, забайкалецъ, держитъ себя съ достоинствомъ, предупредительно, но безъ тѣни холопства. Другой стражникъ, лѣтъ сорока, изъ Минской губерніи, къ каждому слову прибавляетъ «баринъ», «ваша милость», «какъ прикажете» и всячески заискиваетъ у меня. Отличительная

черта характера сибирскаго уроженца—независимость и достоинство въ обращеніи со всѣми—еще болѣе оттѣнялась холопствомъ бѣлорусса.

— Вотъ здѣсь могила убитаго китайца,—говоритъ мнѣ снова молодой стражникъ, указывая на груду камней почти у самой дороги.—Русскихъ кладутъ во временную могилу, а китайцы такъ и остаются.

Миновавъ благополучно самыя жуткія мѣста вдоль рѣки Желтумара, выѣзжаемъ въ широкую долину рѣки Горбицы. Здѣсь дорога хорошая, и мы пускаемъ лошадей вскачь, чтобы поспѣть къ закату солнца въ Горбицу.

Горбица очень большая станица на берегу Шилки. Здѣсь замѣтно торговое оживленіе, немалую роль въ которомъ играютъ



Работы китайцевъ-подрядчиковъ.

китайцы. Лавочки разныхъ Ва-фан-Цзяновъ попадаются на глаза весьма часто.

Тотчасъ же по пріѣздѣ иду на почту справляться о пароходахъ вверхъ, въ Срѣтенскъ. Почтовый—единственный, болѣе или менѣе регулярно совершающій рейсы пароходъ—будетъ не ранѣе, какъ черезъ пять сутокъ, и разсчитывать на него не приходится. Изъ товаро-пассажирскихъ ни одинъ не прошелъ черезъ ближайшую низовую станцію и, слѣдовательно, ранѣе завтрашняго полудня не будетъ. Слава Богу, ночь можно спать спокойно, тѣмъ болѣе, что частная квартира, гдѣ я остановился, по особой рекомендаціи, сравнительно приличная, чистая.

Солнечнымъ яснымъ утромъ выхожу на Шилку. Разлившаяся рѣка быстро катитъ свои свѣтлыя, зеленоватыя воды. Противоположный берегъ стоитъ отвѣсной стѣной, по которой кое-гдѣ карабка-

ются кверху рѣдкія лиственницы. Вверхъ и внизъ по теченію Шилка видна на нѣсколько верстъ, и я посматриваю, не покажется ли за поворотной скалой спасительный дымокъ парохода.

Иду обѣдать, такъ и не дождавшись парохода. Подаютъ кислыя щи, аршинныя вареныя котлеты и.... огромный ананасъ-консервъ. Это остатки запасовъ разныхъ консервовъ, которые до закрытія порто-франко на Дальнемъ Востокѣ ввозились сюда въ большомъ количествѣ и продавались очень дешево. Такое изысканное третье блюдо въ обстановкѣ забайкальской деревни заставляетъ забыть о недостаткахъ первыхъ двухъ.

Вечеромъ опять справляюсь о пароходѣ. Извѣстій съ низовой станціи попрежнему нѣтъ и при скорости парохода вверхъ по те-

Вскрытіе торфа.

ченію въ среднемъ четыре версты въ часъ раньше глубокой ночи ожидать его нельзя.

Ложусь спать, не раздѣваясь, чтобы не пропустить пароходъ. Утромъ меня будятъ и говорятъ, что снизу идетъ товаро-пассажирскій «Муравьевъ-Амурскій».

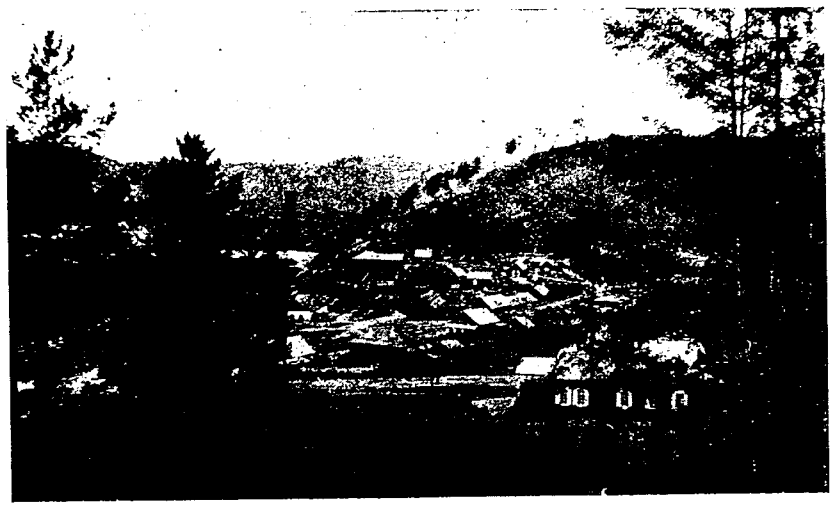
Вскакиваю и выхожу на крыльцо. Еще очень холодно. Крыши, деревянные настилы дворовъ покрыты инеемъ отъ ночного мороза. Взошедшее солнце золотитъ верхушки сосѣднихъ горъ; внизу еще не разсѣялись ночныя тѣни. Но вотъ лучи солнца брызнули въ долину Шилки и боковыя пади. Яркій солнечный день торжествуетъ побѣду подъ мракомъ и холодомъ ночи.

Большой бѣлый пароходъ бросаетъ якорь и спускаетъ сходни на берегъ почти противъ моей квартиры. Черезъ нѣсколько минутъ

я уже на палубѣ и встрѣчаюсь съ тѣмъ лицомъ, съ которымъ пріѣхалъ въ Забайкалье и разстался въ Соболинской.

Публики на «Муравьевѣ-Амурскомъ» много, и составъ ея самый разнообразный. Здѣсь и чиновники, и инженеры, и артисты, и коммерсанты, и жены служащихъ, возвращающіяся по какому-либо случаю въ Россію. Такъ какъ пароходъ идетъ изъ Хабаровска уже двѣ недѣли, то всѣ между собой перезнакомились, образовали кружки и живутъ на пароходѣ весело и непринужденно.

Послѣ обѣда устраиваются карты. Капитанъ принимаетъ въ игрѣ дѣятельное участіе. Неожиданно прибѣгаетъ помощникъ и



Пріисковое селеніе въ тайгѣ.

шепчетъ ему что-то на ухо. Капитанъ бросаетъ карты и поспѣшно поднимается.

— Что такое? Что случилось?—задаютъ ему со всѣхъ сторонъ вопросы.

— Ничего особеннаго, будьте спокойны, господа. Загорѣлись дрова, сейчасъ мы ихъ потушимъ.

И капитанъ съ помощникомъ убѣгаютъ.

Всѣ высыпаютъ изъ рубки на балконъ. Снизу бѣгутъ третьеклассники и вопятъ: «пожаръ, горимъ!» Начинается паника. Одни бѣгутъ къ капитану требовать, чтобы онъ выбросился на островъ немедленно, такъ какъ дальше оба берега рѣки—отвѣсныя скалы, гдѣ пристать невозможно, другіе лихорадочно тащатъ свои вещи, третьи безпомощно мечутся по пароходу.

Полчаса проходятъ въ томительной неизвѣстности. Наконецъ приходитъ успокоительное извѣстіе, что пожаръ потушенъ, и всѣ

облегченно вздыхаютъ. Опасность, несомнѣнно, была серьезная, такъ какъ дрова помѣщались рядомъ съ котельнымъ отдѣленіемъ.

Этотъ случай нарушилъ веселое теченіе пароходной жизни. Общее настроеніе испортилось и такъ и не могло наладиться до самаго Срѣтенска.

Интересно замѣтить, что этотъ самый пароходъ «Муравьевъ-Амурскій» сгорѣлъ-таки короткое время спустя, причемъ погибло около сотни корейцевъ-рабочихъ.

IV.

Изъ Срѣтенска мы выѣзжаемъ по Нерчинско-Заводскому тракту. Дорога идетъ сначала по широкой долинѣ устьевъ рѣки Куренги, затѣмъ долина суживается, и дорога вьется по самому берегу Куренги подъ отвѣсными скалами. Пыль, или, по мѣстному выраженію, «копоть», отъ большого движенія по тракту застилаетъ временами всю окружающую обстановку. Сентябрьское солнце еще очень сильно печетъ одинъ бокъ, другой же—въ тѣни—чувствуетъ осеннюю свѣжесть.

Но вотъ солнце закатывается, и съ горъ начинаетъ тянуть такимъ холодомъ, что моментально укутываешься во все, что имѣешь подъ рукой теплое.

Пріѣзжаемъ на ночлегъ въ станицу Шелопугино при температурѣ ниже нуля и садимся отогрѣваться чаемъ. Земская квартира—небольшая комната съ одной кроватью подъ пологомъ. По стѣнамъ убѣдительные признаки присутствія непріятныхъ насѣкомыхъ.

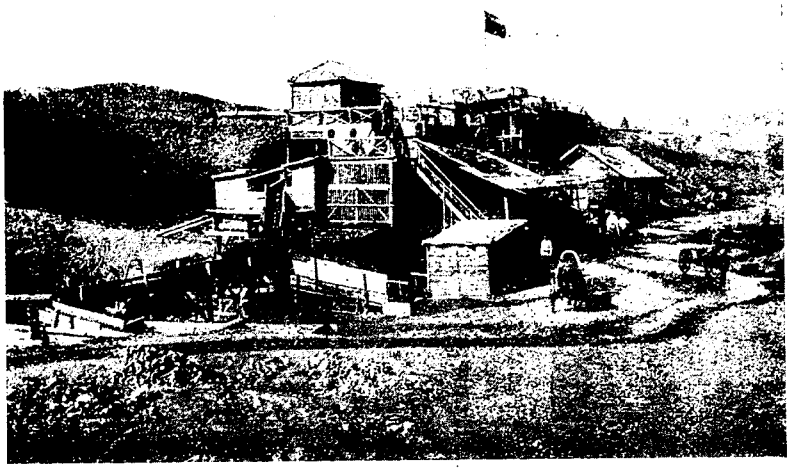
— Это удовольствіе вы имѣете рѣшительно во всѣхъ здѣшнихъ земскихъ квартирахъ и избахъ,—шутитъ ночующій съ нами подпоручикъ, военный топографъ.—За годъ кочевой жизни свыкаешься съ этимъ и перестаешь обращать вниманіе.

И подпоручикъ храбро лѣзетъ подъ пологъ. Мы же запаслись походными кроватями и раскидываемъ ихъ въ сознаніи, что приняли возможныя мѣры противъ нашествія «враговъ человѣчества».

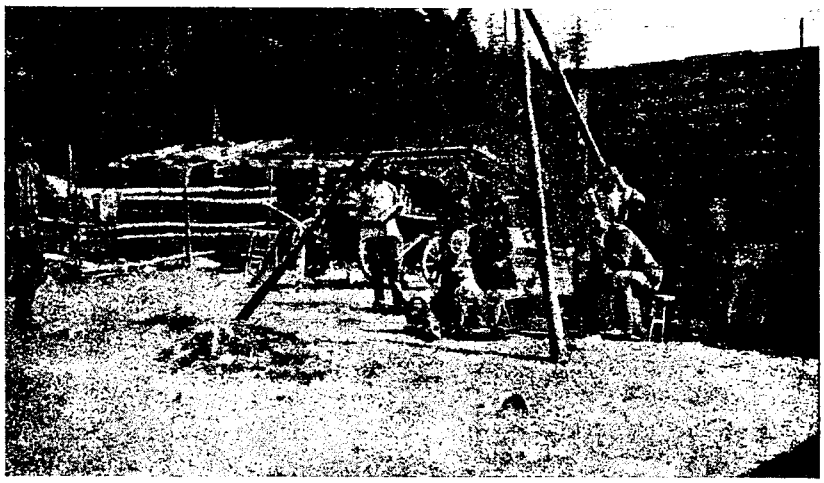
Утромъ продолжаемъ путь по широкимъ пустыннымъ долинамъ Унды, Газимура, Тайны. Лѣсу очень мало, да и попадающійся на пути—рѣдкій лиственничный. Буквально съ каждаго мало-мальски крупнаго дерева снята на аршинъ, на два кора, и дерево стоитъ или засыхающее, или уже погибшее.

Послѣдовательно идутъ станицы Кавыкучи Ундинскія, Кавыкучи Газимурскія, Прямая Тайна. Станція Кавыкучи Ундинскія—Газимурскія—самая длинная, болѣе сорока верстъ—«отъ Кавыкучи до Кавыкучи хоть глаза выпучи»—говоритъ мѣстная поговорка.

Въѣзжаемъ въ Кавыкучи. По обѣимъ сторонамъ улицы—ряды кривыхъ избенокъ съ дырявыми крышами, иногда подпертыхъ жер-



Золотопромышленная машина.



Таежная жизнь.

дями, чтобы не развалились. Въ окнахъ побитыя стекла или заклеены бумагой, или же прямо зіяетъ пустота. Сравнительно порядочные домики такъ же рѣдки, какъ неободранныя лиственницы въ казачьемъ лѣсу. Не видно ни огородовъ, ни садиковъ, однимъ словомъ, ничего, что такъ радуетъ глазъ въ деревняхъ средней Россіи.

На земской требуемъ лошадей по открытому листу и получаемъ стереотипный отвѣтъ: «лошадей нѣтъ».

— Позовите станичнаго атамана.

Является казакъ въ формѣ съ булавой—эмблемой своего атаманскаго званія. Останавливается у порога и отдаетъ по военному честь.

— Лошади есть?—спрашиваемъ его.

— Никакъ нѣтъ.

— Почтовыя, земскія, обывательскія.

— Никакъ нѣтъ.

— А суточныя.

Этотъ четвертый разрядъ лошадиной повинности выдвигаемъ какъ послѣдній резервъ. Еще въ Срѣтенскѣ мы узнали, что за вольныхъ лошадей казаки дерутъ въ три-четыре раза дороже таксы, до и то не всегда найдутся желающіе стряхнуть съ себя лѣнь и сѣсть на козлы; развѣ только, если очень нужна казаку деньга.

Атаманъ въ нерѣшительности поглядываетъ на насъ, на открытый листъ, который держитъ въ рукахъ, почесываетъ затылокъ.

— Суточныя оставлены подъ капитана—рѣшается наконецъ онъ.— Сегодня ожидаемъ.

Приходится убѣждать атамана, что мы имѣемъ преимущественное передъ капитаномъ право на лошадей; наконецъ онъ сдается на наши доводы и даетъ распоряженіе подать лошадей.

Вопреки общему правилу пороку любопытства въ Забайкальѣ подвержены болѣе мужчины, нежели женщины. Эти послѣднія копошатся и калякаютъ на черной половинѣ; около нашихъ же дверей собираются мужчины — казаки разнаго возраста—и задаютъ вопросы:

— Откуда ѣдете, куда, зачѣмъ, семейный ли, сколько дѣтей?

Удовлетворивъ свое любопытство, взрослая публика понемногу расходится, и остаются малыши, чающіе получить какой-либо гостинецъ отъ проѣзжающихъ, сидящихъ за самоваромъ.

На вторую ночевку въ станицу Прямую Тайну пріѣзжаемъ поздно ночью при пятиградусномъ морозѣ, совсѣмъ окоченѣвшіе.

Вступивъ черезъ порогъ горницы на одинъ конецъ половицы, я едва не получилъ ударъ въ лобъ противоположнымъ концомъ ея. Вторая нога попала въ щель между половицами. Подойдя къ окну, отъ котораго несло холодомъ, я обнаружилъ отсутствіе въ рамѣ цѣлаго стекла. Пришлось кое-какъ устраиваться на ночлегъ, закрывъ окно пледомъ и осторожно раскинувъ кровать на «клави-

шахъ» пола. Отъ опасности замерзнуть спасла насъ огромная печь, чуть не во всю стѣну горницы.

Я спросилъ ночевавшаго здѣсь же чиновника, почему у казаковъ все хозяйство находится въ такомъ запустѣніи.

— Причина одна,—отвѣтилъ чиновникъ:—это сверхъестественная (если можно такъ выразиться) лѣность казаковъ. Не даромъ у насъ есть поговорка: «чтобы видѣть самаго лѣниваго сибиряка, поѣзжай въ Кутомаръ (станица); первый встрѣчный и будетъ первый лѣнтяй въ Сибири». Землепашцы они неважные,—продолжаетъ онъ:—и только благодаря большимъ надѣламъ, нужда въ хлѣбѣ у нихъ случается рѣдко. Да и въ этомъ случаѣ на помощь имъ приходятъ продовольственные магазины, выдающіе ссуды хлѣбомъ. Садиковъ и огородовъ, какъ видѣли, у нихъ почти нѣтъ, тоже главнымъ образомъ изъ-за лѣни; не хотятъ брать примѣра съ сосѣдей-китайцевъ, прекрасныхъ огородниковъ. А хибарки ихъ—это логово троглодитовъ: ни оконъ, ни дверей настоящихъ нѣтъ, взамѣнъ теса покрываютъ хибарку корой лиственницы, истребляя при этомъ массу деревьевъ.

— Какъ же живутъ эти люди зимой при тридцатиградусныхъ морозахъ, безъ настоящихъ крышъ и оконъ?

— Забиваютъ окна тряпками, закрываютъ ставни и топятъ круглыя сутки печь, около которой и жмутся. Древесное топливо у нихъ пока еще есть, хотя и истребляется ими лѣсъ безпощадно.

Къ полудню слѣдующаго дня достигаемъ цѣли нашего путешествія—золотыхъ промысловъ, расположенныхъ близъ станицы Большой Зерентуй.

Промысла благоустроенные, съ огромными золотопромывательными машинами-бочками, съ правильно устроеннымъ водянымъ хозяйствомъ и глубокими открытыми земляными работами (разрѣзами).

Какое оригинальное сооруженіе золотопромывательная машина, бочка или чаша, или комбинація той и другой! Издали вмѣстѣ съ водопроводнымъ русломъ она похожа на насѣкомое съ тысячью ножекъ и большой головой съ хоботомъ. Внутри цѣлый лабиринтъ перекрещивающихся деревянныхъ балокъ, узкихъ проходовъ съ деревянными лѣсенками изъ одного этажа въ другой. Вода приводитъ въ движеніе колесо, которое, въ свою очередь, передаетъ вращательное движеніе машинѣ. Всюду журчитъ и капаетъ вода; точно находишься на водяной мельницѣ, гдѣ только вмѣсто зерна перемалывается золотоносный песокъ и вмѣсто муки получается золото.

Выдѣленное изъ прошедшей черезъ машину породы—еще нечистое—золото доводится на такъ называемомъ вашгердѣ—слабо наклонной плоскости, по которой течетъ вода. Опытный рабочій, искусно маневрируя гребкомъ, заставляетъ струю воды уносить пу-

стую породу и очищать тѣмъ самымъ золото. Золото мало -по-малу выдѣляется изъ окружающей его мути, и вотъ вы видите кучку зеренъ его, величиною отъ песчинки до маленькаго самородка, сверкающую на осеннемъ солнцѣ.

Подходимъ къ разрѣзу, въ почвѣ котораго работаетъ артель старателей-казаковъ въ сто человѣкъ.

Къ управляющему промыслами, сопровождающему насъ, приближается уполномоченный артели и проситъ дать лучшее мѣсто для работъ, такъ какъ, по его словамъ, на старомъ мѣстѣ работать для артели невыгодно.

Управляющій категорически отказываетъ удовлетворить эту просьбу. Казаки тотчасъ же бросаютъ работы, и черезъ нѣсколько минутъ съ гикомъ и свистомъ вся артель въ сто человѣкъ мчится въ таратайкахъ мимо насъ, поднимая тучи пыли.

— Эти лѣнтяи разсчитывали, что въ вашемъ присутствіи я постѣсняюсь отказать имъ въ просьбѣ—говоритъ управляющій.— Но могъ ли я дать имъ лучшій участокъ, когда за полдня артель намыла уже 88 золотниковъ, что даетъ заработокъ почти четыре рубля на брата. Послѣ обѣда они намыли бы еще до фунта и, слѣдовательно, каждый получилъ бы за день около восьми рублей. Но эти люди, рѣдко нуждаясь, очень дорого цѣнятъ свой трудъ. Теперь уѣхали пропивать заработанныя деньги.

— Что же пьютъ казаки?

— Китайскую водку—ханшинъ. Ввозятъ ее контрабаднымъ путемъ, почему она и стоитъ дешевле нашей, да къ тому же и крѣпче.

Возвращаемся въ промысловый поселокъ, расположенный на склонѣ горы съ обширнымъ видомъ на окрестныя безлѣсныя желтыя сопки, напоминающія видомъ и формой кондитерскіе торты и куличи.

Мое вниманіе привлекаетъ домъ изъ двухъ срубовъ, почти расколовшійся по средней линіи на двѣ половины.

— Это «игра нашей природы», смѣется управляющій.—Здѣсь, видите ли, много подземныхъ ключей, стремящихся пробиться черезъ слой вѣчной мерзлоты на поверхность по линіи меньшаго сопротивленія. Подъ домами слой мерзлоты тоньше, отчего ключи нерѣдко появляются подъ домами. Вытекающая вода намерзаетъ слоями, и растущая ледяная накипь, напирая снизу, поднимаетъ ту или другую часть дома.

— Я могу показать вамъ другой эффектъ вѣчной мерзлоты,— продолжаетъ онъ:—это грибъ, разрушающій балки и полы въ домахъ.

Приходимъ въ домикъ управляющаго, и по его приглашенію я спускаюсь въ подполье. Вездѣ, гдѣ только есть дерево, видны огромныя шапки сѣровато-бѣлыхъ грибовъ; промежутки между ними усѣяны тысячами бѣлыхъ иглъ. Въ воздухѣ, кромѣ сырости, пахнетъ чѣмъ-то ѣдкимъ и кислымъ.

— Здѣсь въ каждомъ домѣ то же самое—разсказываетъ управляющій. Растетъ грибъ этотъ чрезвычайно быстро и, прорастая половой настилъ, появляется въ комнатахъ. За одну ночь споры гриба замѣтно покрываютъ, въ видѣ желтоватаго порошка, бѣлые карнизы печей, подоконники. Утромъ приходится прочищать ноздри, такъ какъ они дѣлаются желтыми отъ спорового порошка. Несомнѣнно, споры гриба вредны для здоровья, но уничтожить грибъ мы не можемъ и поневолѣ миримся съ неизбѣжнымъ зломъ.

Стемнѣло. Я выхожу на крыльцо. Послѣ теплаго солнечнаго дня наступаетъ морозная ночь. Здѣсь, на высотѣ около 3.000 футовъ надъ уровнемъ моря, воздухъ чистъ и прозраченъ, и звѣзды сверкаютъ необыкновенно ярко. Кругомъ полная тишина, жуткое сибирское ночное безмолвіе и мракъ. Чудится, что каждый домикъ, какъ живое существо, притихъ и пугливо прячется отъ недобраго глаза.

Завтра покидаемъ этотъ край. Правда, онъ угрюмъ и непривѣтливъ, но зато чрезвычайно богатъ всякаго рода полезными ископаемыми; кажется, всѣ извѣстные минералы, кромѣ алмаза, обнаружены въ нѣдрахъ Забайкалья. Будущность края, несомнѣнно, только въ эксплоатаціи его минеральныхъ богатствъ.

В. Г. Вейденбаумъ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

М. Бородкинъ. Исторія Финляндіи. Время Екатерины II и Павла I. Съ портретами, иллюстраціями, планами и картой 1789 г. Спб. 1912. Цѣна 6 руб.

Предпринятый въ 1905 году однимъ изъ знатоковъ финляндскаго вопроса г. М. Бородкинымъ обширный трудъ составить исторію постепеннаго завоеванія Финляндіи Россійскимъ государствомъ и представить вмѣстѣ съ тѣмъ картину положенія Финляндіи подъ владычествомъ Россіи—приближается довольно быстро къ концу. Остается только составить одинъ томъ, посвященный исторіи Финляндіи за время императора Николая I, и мы будемъ имѣть тогда полное изложеніе объ этомъ предметѣ отъ времени Петра I почти до нашихъ дней, такъ какъ только что изданный трудъ г. Бородкина, заглавіе котораго приведено выше, пополняетъ существовавшій до сего времени пробѣлъ въ этомъ рядѣ изданій, въ которомъ, для общей полноты, не имѣлось изложенія исторіи Финляндіи за время императрицы Екатерины II и ея державнаго сына [1]). Вышедшій томъ составленъ по принятой авторомъ программѣ и отличается тѣми же достоинствами, какъ и прежде изданные, то есть въ типографскомъ отношеніи онъ совершенно удовлетворителенъ, снабженъ множествомъ портретовъ и любопытныхъ иллюстрацій, рѣдкими планами и т. д. Читается этотъ томъ также очень легко и съ большимъ интересомъ.

[1]) Напомнимъ при этомъ, что томъ, посвященный исторіи Финляндіи за время Петра I, вышелъ въ 1910 г., томъ за время его ближайшихъ преемниковъ до Елизаветы Петровны включительно въ томъ же 1910 г. (Затѣмъ были изданы ранѣе три тома: Исторія Финляндіи при Александрѣ I въ 1909 г., при Александрѣ II въ 1908 г. и за время управленія Финляндіею генераломъ Бобриковымъ при Александрѣ III—въ 1905 году.

Авторъ только мимоходомъ упоминаетъ о мѣрахъ, принятыхъ Екатериною II къ обрусенію принадлежавшей въ то время Россіи части Финляндіи, называвшейся Выборгской губерніей, въ которой было введено тогда же и управленіе намѣстническое наравнѣ съ другими частями Россіи; въ присутственныхъ мѣстахъ Выборгской губерніи взамѣнъ нѣмецкаго языка водворялся русскій; предполагался переводъ шведскихъ законовъ на русскій и нѣмецкій языкъ; разныя дѣла по Выборгской губерніи рѣшались правительствующимъ сенатомъ въ Петербургѣ, и самую губернію и ея учрежденія ревизовали русскіе сенаторы. Подробнѣе о мѣрахъ обрусенія Выборгской губерніи и о положеніи ея при Екатеринѣ II и вообще исторію Выборгской губерніи за XVIII столѣтіе авторъ предполагаетъ изложить въ особомъ томѣ. Нынѣ вышедшій посвященъ по преимуществу отношеніямъ Россіи въ Швеціи за время царствованія Екатерины II, причемъ сообщается очень много любопытныхъ подробностей о королѣ шведскомъ Густавѣ III. Этотъ близкій родственникъ императрицы (онъ былъ ея двоюроднымъ братомъ, являясь сыномъ шведскаго короля Фридриха-Адольфа, брата матери Екатерины II, Іоганны-Елизаветы, послѣ котораго и наслѣдовалъ шведскій престолъ въ 1771 году), посѣтивъ ее въ Петербургѣ въ 1777 году подъ именемъ герцога Готландскаго, остался очень доволенъ, выражалъ письменно желаніе ее снова видѣть и въ 1783 году имѣлъ съ нею опять свиданіе; но уже въ ближайшемъ русскомъ городѣ къ шведскимъ владѣніямъ, именно въ Фридрихсгамѣ, куда отправилась 15-го іюля Екатерина II съ очень небольшою свитою. Свиданіе продолжалось не долго. Король, какъ говорили, остался чрезвычайно доволенъ своей поѣздкой, хотя и не достигъ главной своей цѣли—заключить союзъ съ Россіей на условіи предоставленія Даніи въ жертву его властолюбія и мести. Густавъ III, усиливъ свою королевскую власть введеніемъ въ 1772 году извѣстной Формы Правленія, чему вовсе не сочувствовали ни Екатерина II, ни Пруссія, ни Данія, при томъ имѣлъ честолюбивые замыслы возвратить Швеціи земли, отнятыя у нея Петромъ I и Елизаветою Петровною, возстановить славное прошлое Швеціи и своимъ царствованіемъ напомнить времена Густава-Адольфа. Онъ надѣялся своими боевыми подвигами достичь военной славы и расположенія своего народа. Онъ скоро началъ готовиться къ войнѣ съ Россіей, самъ посѣщалъ нерѣдко Финляндію, обозрѣвалъ находившіяся тамъ войска и крѣпости, снаряжалъ свой флотъ и т. д., а между тѣмъ очень былъ недоволенъ посылкою въ 1786 года нашего генерала въ Финляндію для осмотра укрѣпленій, а также для разузнанія о настроеніи умовъ ея жителей. Продолжая увѣрять Екатерину II въ своемъ миролюбіи, онъ отправилъ въ Петербургъ своего лазутчика барона А. Л. Штирнельда, получившаго отъ нашего посла въ Стокгольмѣ графа Анд. Кир. Разумовскаго рекомендательное письмо къ вице-канцлеру Остерману, съ описаніемъ Штирнельда, какъ выдающагося патріота, предназначеннаго играть политическую роль у себя на родинѣ. Въ Остзейскій край Густавъ III послалъ ловкаго Іоганна-Альберта Эренстрема разузнать достовѣрно, можетъ ли Швеція, въ случаѣ войны съ Россіей. извлечь себѣ пользу изъ дворянства Лифляндіи и Эстляндіи. О приготовленіяхъ Швеціи къ войнѣ съ нами доносилъ не разъ графъ Разумовскій, добавляя, что Густавъ III намѣревается для нападенія на

Россію воспользоваться войною нашею съ Турціею, но этимъ словамъ не придавали значенія въ Петербургѣ и до того упорно держались мнѣнія, что шведы воевать съ нами не будутъ, что часть флота нашего изъ Кронштадта была отправлена къ берегамъ Даніи. Между тѣмъ въ Стокгольмѣ главный совѣтникъ короля по военнымъ дѣламъ Толль составилъ планъ войны съ Россіею, по которому надлежало сдѣлать нападеніе прямо на самый Петербургъ, для чего предварительно разбить флотъ русскій на морѣ и затѣмъ высадить армію въ Ораніенбаумѣ, послѣ чего откроется возможность, въ дни общаго переполоха, взять Кронштадтъ и Петербургъ. Густавъ III изъ депешъ своего посланника Нолькена въ Петербургѣ, зналъ очень хорошо, что главныя силы Россіи были отправлены на турецкій театръ военныхъ дѣйствій и что въ окрестностяхъ столицы оставался самый небольшой гарнизонъ. Вооруженія Густава III приближались къ концу; оставалось только найти поводъ къ началу войны съ Россіею и получить согласіе риксдага для открытія наступательныхъ военныхъ дѣйствій. Путемъ депешъ отъ Нолькена, составленныхъ по указаніямъ Густава III, было получено отъ риксдага необходимое согласіе въ маѣ мѣсяцѣ 1788 года, и затѣмъ поспѣшно произведена мобилизація арміи и флоту предписано быть готовымъ къ выходу въ море не позже 30-го мая. Флотъ вышелъ въ море подъ начальствомъ брата короля Карла, герцога Зюдерманландскаго, котораго Густавъ III просилъ при случаѣ доставить ему подходящій поводъ для начатія военныхъ дѣйствій. Въ то же время Густавъ писалъ своему посланнику въ Копенгагенѣ и выставлялъ Россію, какъ несомнѣнную зачинщицу войны, потому что она стала вооружаться ранѣе шведовъ. Императрица Екатерина II твердо рѣшила не начинать войны и поводовъ къ разрыву не давать. Вездѣ былъ воспрещенъ первый выстрѣлъ съ нашей стороны. Даже запрещено было на биржѣ, въ клубахъ и трактирахъ говорить о дѣлахъ политическихъ, о распоряженіяхъ военныхъ и умножать неосновательные и неприличные толки, чтобы не подать повода къ серьезнымъ недоразумѣніямъ. Кромѣ того, видя, что Швеція явно готовится къ войнѣ съ Россіею, въ Петербургѣ пріискивали способъ отклонить оную, разсчитывая повліять на короля возбужденіемъ оппозиціи и указаніемъ на конституцію Швеціи. Согласно такимъ указаніямъ была составлена графомъ А. К. Разумовскимъ извѣстная его записка, переданная 7-го (18-го) іюня шведскому министру иностранныхъ дѣлъ. Густавъ III очень этому обрадовался и писалъ Г. М. Армфельту: «Графъ Разумовскій представилъ намъ дружественную ноту, но какъ въ нее, къ счастью, вкралось выраженіе, которое, повидимому, отдѣляетъ короля отъ націи, то мы воспользуемся этимъ, чтобы опредѣлить нашу позицію.... Госпожа Екатерина не желаетъ воевать съ нами, но дѣло дойдетъ во войны,—вѣрьте мнѣ, отъ судьбы не уйдешь».

Густавъ III приказалъ объявить графу Разумовскому, что онъ удивленъ и оскорбленъ непристойнымъ и противнымъ спокойствію государства заявленіемъ съ его стороны и не можетъ отнынѣ признавать графа Разумовскаго долѣе посланникомъ Россіи, предоставляя себѣ по прибытіи въ Финляндію отвѣчать императрицѣ чрезъ шведскаго посланника, находящагося въ Петербургѣ. Теперь же король требуетъ, чтобы графъ Разумовскій не имѣлъ болѣе никакихъ

сношеній съ шведскими министрами и выѣхалъ изъ Швеціи не позже, чѣмъ чрезъ недѣлю, въ разсужденіе того, что въ представленіи его нарушены начальныя основанія правленія и должное уваженіе въ королевской особѣ. Мнѣнія о запискѣ графа Разумовскаго были, конечно, различны. Представители Даніи (графъ Бернсторфъ) и Пруссіи (графъ Герцбергъ) не одобрили попытки его отдѣлить короля отъ его подданныхъ. При этомъ Бернсторфъ находилъ, однако, что обращеніе короля съ русскимъ министромъ безпримѣрное въ исторіи. Герцбергъ же считалъ, что Густавъ III зашелъ далеко, выславъ Разумовскаго изъ предѣловъ своего королевства. Сегюръ, французскій посланникъ, высказывалъ, что Разумовскій, будучи свидѣтелемъ всѣхъ ложныхъ слуховъ, былъ вынужденъ объявить громко не только королю, но и націи и даже всей Европѣ, что намѣренія государыни нашей клонились къ миру. Сегюръ находилъ въ этомъ дѣлѣ замѣчательнымъ то, что посолъ самодержавной государыни оказываетъ такое вниманіе къ самостоятельной націи и что король ея этимъ обижается. Екатерина II, не желавшая воевать со Швеціею, разсуждала такъ: «Что вызываетъ разрывъ? Если высылка посланника, то я сіе еще не почитаю разрывомъ; а разрывъ именую на сей случай либо объявленіе войны, либо начатіе гостилите» (hostilité, военныхъ дѣйствій). Густавъ III не замедлилъ изъ Финляндіи прислать обѣщанный Екатеринѣ II отвѣтъ, въ которомъ послѣ многихъ упрековъ по поводу записки Разумовскаго онъ требовалъ отъ Россіи [возмѣщенія своихъ убытковъ, разоруженія русскаго флота, увода нашихъ войскъ отъ границъ шведскихъ, съ правомъ самому остаться вооруженнымъ до заключенія Россіей мира съ Турціей, для которой онъ требуетъ Крыма, а себѣ— уступки на вѣчныя времена всей Финляндіи и Кареліи съ губерніей и городомъ Кекгольмомъ, такъ какъ все оное уступлено Россіи мирными трактатами Ништадскимъ и Абовскимъ, установляя границу по Систербекъ.

Въ письмѣ къ Нолькену, при которомъ препровождался подобный ультиматумъ къ императрицѣ, Густавъ III добавлялъ: «Изъ этихъ предложеній я не могу уступить ни единаго слова... Вы должны объявить, что отвѣтъ, требуемый вами, долженъ быть простое да или нѣтъ, что это мое послѣднее слово, что въ случаѣ отрицательнаго отвѣта я буду считать его объявленіемъ войны» и т. д.

Эту ноту представилъ императрицѣ не самъ Нолькенъ, а состоявшій при шведскомъ посольствѣ Шлафъ. Австрійскій посолъ Кауницъ не могъ надивиться нелѣпости ноты шведской, которую императрица называла сумасшедшею. Отвѣтомъ на ноту явился манифестъ 30-го іюня 1788 года, которымъ указывалось арміи нашей, здѣсь находящейся, итти подъ предводительствомъ генерала графа Мусина-Пушкина навстрѣчу нападающему на нашу область непріятелю, а флоту, подъ начальствомъ адмирала Грейга, дѣйствовать на морскія шведскія силы. Предоставляя читателямъ непосредственно самимъ ознакомиться съ весьма интересными свѣдѣніями, сообщаемыми г. М. Бородкинымъ въ новомъ его трудѣ о положеніи нашего войска въ то время, а также о всѣхъ военныхъ дѣйствіяхъ, преимущественно на морѣ, производившихся во время этой войны, мы позволимъ себѣ въ заключеніе нашей замѣтки сообщить только слѣдующее. Военныя дѣйствія на сухомъ пути были начаты не нами; собранныя на границѣ финляндской войска наши не давали ни малѣйшаго повода

къ открытію военныхъ дѣйствій. Густавъ III переодѣлъ небольшой отрядъ своихъ войскъ въ русскіе мундиры и приказалъ имъ напасть на своихъ же у мѣстечка Вуольтенсальми въ приходѣ Пумала 16-го—17-го (27—28) іюня 1788 г. Исторія этой стычки съ переодѣваніемъ, изложенная еще профессоромъ Брикнеромъ по письмамъ современниковъ, подтверждается также письмами Стединга къ королю и новѣйшимъ трудомъ шведскаго историка Однера (Odhner—Sverigis Politiska Historia under Konung Gustaf III s, regering—Политическая исторія Швеціи въ царствованіе короля Густава III. Стокгольмъ. 1905 г. часть II, выпускъ V). Затѣмъ уже шведы двинулись къ крѣпости Нейшлоту на озерѣ Сайма и начали ея осаду, когда собственно война еще не была объявлена. Во время военныхъ дѣйствій въ лагерѣ шведскихъ войскъ былъ открытъ извѣстный заговоръ или конфедерація въ Аньяла, причемъ были уже обнаружены стремленія къ миру со стороны шведовъ. Этой аньяльской конфедераціи удѣлена весьма интересная глава VI. Затѣмъ произошли два морскихъ сраженія подъ Роченсальмомъ (по-шведски Свенскъ-Зундъ, а по-фински Руотенсальми), причемъ въ первомъ 13—14 августа 1789 года нашъ адмиралъ Нассау-Зигенъ совершенно разгромилъ шведскій флотъ, а затѣмъ во второмъ 28 іюня 1790 года, въ день восшествія на престолъ императрицы, тотъ же Нассау-Зигенъ потерпѣлъ, въ свою очередь, страшное пораженіе; онъ потерялъ 52 судна и 7,369 человѣкъ, выбывшихъ изъ строя, въ томъ числѣ 289 офицеровъ. Это сраженіе спасло Швецію отъ гибели. Густавъ III приказалъ выбить медаль въ память этого событія. Онъ мечталъ быть въ Петербургѣ и посѣтить бѣдную Екатерину, а между тѣмъ писалъ Стедингку: «пока нужно терпѣніе, а его у меня нѣтъ, потому что ж а ж д у м и р а, но его трудно достигнуть».

Военныя силы противниковъ не были еще истощены, но успѣхъ окончательно не давался ни Екатеринѣ, ни Густаву, которому наскучила война, надоѣли военные труды и неудобства походной жизни. Онъ послѣдовалъ совѣту испанскаго посланника въ Стокгольмѣ заключить миръ и чрезъ него сообщилъ 8-го мая 1790 года свои условія мира Екатеринѣ II, которая, въ виду надвигавшихся осложненій съ Англіею и Пруссіею и при войнѣ съ Турціей, согласилась начать мирные со Швеціею переговоры, продолжавшіеся весьма недолго въ Верселѣ близъ Фридрихсгама. 3-го августа былъ подписанъ мирный договоръ, по которому рубежи и границы съ обѣихъ сторонъ остались на томъ же основаніи, какъ были до разрыва или до начала войны. Военноплѣнныхъ положено было освободить безъ выкупа. Швеціи разрѣшался безпошлинный вывозъ изъ Россіи хлѣба на 50,000 рублей. Обмѣнъ ратификацій 9-го августа былъ произведенъ съ большою торжественностью. Въ Петербургѣ празднества по случаю этого мира происходили съ 8-го по 23-го сентября. Пруссія, Англія и Турція были поражены этимъ миромъ; всѣ сомнѣвались въ его прочности. Екатерина II знала, что у Густава не было ни гроша и онъ нуждался въ субсидіяхъ, и допускала, что онъ не могъ быть доволенъ миромъ, потому что не достигъ войною своего желанія—расширить границы и получить субсидіи. Это его недовольство миромъ скоро обнаружилось. При обмѣнѣ уже ратификацій Густавъ III возбудилъ вопросъ объ урегулированіи границъ Швеціи и Россіи въ Финляндіи и выразилъ желаніе получить себѣ

устье рѣки Кюмени, Гегфорсъ, а также Роченсальмъ и Нейшлотъ. Пошли продолжительные объ этомъ переговоры, во время которыхъ Екатерина писала своему уполномоченному Стакельбергу, чтобы онъ отстранялъ эти пожеланія возможно далѣе, не рискуя, однако, ни миромъ, ни союзомъ, который мы имѣемъ заключить со шведскимъ королемъ. Она слышать не хотѣла о какомъ-либо измѣненіи границъ своихъ и высказывала самому Густаву III среди разныхъ комплиментовъ, по какому капризу онъ, смотрящій на все широко, хочетъ новыхъ границъ. «Мы не созданы, мнѣ кажется, спорить изъ-за нѣсколькихъ скалъ, а я предпочитаю сохранить, что я имѣю». Густавъ III согласился съ этими доводами, отказался отъ скалъ и, подписавъ союзный трактатъ съ Россіею въ Дротнингольмѣ въ октябрѣ 1791 года на восемь лѣтъ, сталъ получать ежегодно по триста тысячъ рублей отъ русскаго правительства!..

Мы остановились на описанныхъ событіяхъ, чтобы показать, какими любопытными подробностями изобилуетъ новое произведеніе г. М. Бородкина

П. Майковъ.

Смоленская Старина. Выпускъ второй. 1812—1912. Юбилейное изданіе смоленской ученой архивной комиссіи. Подъ редакціей правителя дѣлъ П. В. Михайлова и члена правленія Н. Н. Рѣдкова. Смоленскъ. 1912. Стр. VIII+421+XVIII. Цѣна 3 р.

Вышеназванный юбилейный сборникъ, результатъ трудовъ Н. Н. Рѣдкова и П. В. Михайлова, содержитъ въ себѣ цѣнные матеріалы по исторіи Отечественной войны въ предѣлахъ Смоленской губерніи, впервые печатаемые въ полномъ видѣ, при матеріальной поддержкѣ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ (500 р.), смоленскаго губернскаго земства (300 р.) и смоленскаго дворянства (100 р.). Всѣ напечатанные въ немъ матеріалы расположены редакторами въ такомъ порядкѣ и подъ такими заглавіями: 1) «Смоленская губернія въ эпоху Отечественной войны 1812 г.» (Приготовилъ къ печати Н. Н. Рѣдковъ); 2) «Смоленскіе партизаны въ 1812 году». (Приготовилъ къ печати Н. Н. Рѣдковъ); 3) «Священникъ Н. А. Мурзакевичъ въ 1812 году». (Приготовилъ къ печати П. В. Михайловъ)и 4) «Разсказы о 1812 годѣ. (Отрывки изъ дневника А. А. Лесли)». (Приготовилъ къ печати Н. Н. Рѣдковъ).

Подъ первымъ заголовкомъ находимъ: «Дѣло о войнѣ 1812 года» и «Дѣло по отношенію сенатора Данилевскаго о доставленіи нѣкоторыхъ свѣдѣній относящихся къ обстоятельствамъ Отечественной войны 1812 года». Оба эти «дѣла», сохранившіяся: одно въ архивѣ смоленскаго дворянскаго депутатскаго собранія, а другое въ архивѣ губернскаго правленія, возникли по запросу историка Отечественной войны Михайловскаго-Данилевскаго, обращенному въ 1836 году къ смоленскому генералъ-губернатору П. Н. Дьякову, который долженъ былъ отвѣтить сенатору Данилевскому на слѣдующіе вопросы: 1) «Что происходило въ Смоленской губерніи во время нашествія непріятеля, и какъ она управлялась?» 2) «Какія пожертвованія сдѣланы въ означенный годъ?» 3) «Какія она понесла потери?» 4) «Какіе частные подвиги оказаны были въ оной дворянами, крестьянами и вообще всѣми сословіями?»—Отвѣчать на эти вопросы пришлось уѣзд-

нымъ предводителямъ дворянства и городничимъ, которые, несмотря на двукратное «отношеніе» къ нимъ, ограничились сообщеніемъ краткихъ свѣдѣній и частію общаго характера.

Въ десяти дѣлахъ, вошедшихъ въ составъ отдѣла: «Смоленскіе партизаны въ 1812 году», имѣются свѣдѣнія: о Павлѣ Ивановичѣ Энгельгардтѣ и Семенѣ Ивановичѣ Шубинѣ, разстрѣлянныхъ французами; о порѣчскомъ мѣщанинѣ купцѣ Петрѣ Минченковѣ, собравшемъ партію охотниковъ и съ ними защищавшемъ отъ непріятеля разныя мѣста Порѣчскаго уѣзда (между прочимъ онъ отобралъ отъ французскаго курьера важныя депеши и отбилъ у французовъ знамя одиннадцатаго полка); о прапорщикѣ Петрѣ Храповицкомъ, плѣненномъ французами; о дворянинѣ Ив. Сем. Карминскомъ, вступившемъ въ сраженіе съ цѣлымъ отрядомъ французовъ; о понамарѣ Смирягинѣ, предводителѣ цѣлаго отряда изъ крестьянъ села Савенокъ, отбившемъ у французовъ кавалерскій знакъ и карту Россійской имперіи; колл. секретарѣ Ив. Ник. Козачковѣ, разбивавшемъ съ командою въ 42 человѣка цѣлый французскій отрядъ, и мн. др.

Въ третьемъ отдѣлѣ находимъ: «Жизнеописаніе священника Никифора Адріановича Мурзакевича, автора «Исторіи города Смоленска», составленное его сыномъ, протоіереемъ Іоанномъ Мурзакевичемъ, и «Дѣло о священникахъ Мурзакевичѣ и Соколовѣ и протоіереѣ Поликарпѣ Звѣревѣ» [1]). Послѣднее возникло по навѣту объ измѣнѣ названныхъ лицъ и тянулось два года (1813—1814 г.). Дѣло это довольно обширное и раздѣлено редакторами на пять главъ, характеризующихъ до нѣкоторой степени его содержаніе: возникновеніе дѣла, слѣдственная часть дѣла, преданіе обвиняемыхъ суду, дѣло обвиняемыхъ въ комиссіи сенаторовъ и въ уголовномъ судѣ и возстановленіе оправданныхъ въ ихъ правахъ.

Послѣдній отдѣлъ матеріаловъ, составляющихъ «Разсказы о 1812 годѣ. (Отрывки изъ дневника А. А. Лесли)». Авторъ этого дневника, Александръ Александровичъ Лесли, извѣстный мѣстный дѣятель, род. въ 1810 г., умеръ въ 1877 г., велъ его съ 1851 г. по годъ смерти и подъ разными годами разсказывалъ объ эпизодахъ двѣнадцатаго года. Конечно, документальной точности искать здѣсь нельзя, но многое изъ разсказовъ его отца и дядей заслуживаетъ вниманія. Отецъ его Александръ Михайловичъ Лесли (род. 1781 г., ум. въ 1856 г.) былъ однимъ изъ четырехъ братьевъ-партизановъ 1812 года.

Помимо этихъ матеріаловъ, въ сборникѣ нашли мѣсто еще: «Воспоминанія прихожанъ Петропавловской города Смоленска церкви о 1812 годѣ», записанныя и сообщенныя П. С. Цвѣтковымъ, и «Село Семлево въ 1812 году», Е. Н. Клетневой, настаивающей, несмотря на свои безрезультатныя развѣдки, на томъ, что въ Семлевскомъ озерѣ «или на пути отъ Семлева до Словкова» потоплены французами старинные воинскіе доспѣхи изъ московскаго арсенала.

Сборникъ снабженъ двумя указателями: 1) именъ личныхъ и 2) предметовъ и географическихъ названій, и двадцатью «снимками», изъ которыхъ назовемъ

---

[1]) Въ прим. на стр. 174 редакторы сообщаютъ, что «изложеніе этого дѣла и біографія Н. А. Мурзакевича были напечатаны И. И. Орловскимъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» (1903 г., № 4—6), но я не нашелъ этого въ названномъ журналѣ ни въ 1903 г., ни въ одномъ изъ другихъ годовъ. В. Р.

хотя бы нѣкоторые: 1) памятникъ 1812 г., открытый въ 1841 г.; 2) Александръ I въ Смоленскѣ 9-го іюля 1812 г., съ картины В. И. Мушкетова; 3) Александръ Дмитріевичъ Лесли; 4) казнь П.И. Энгельгардта и С. И. Шубина, 15 октября 1812 года, съ картины В.И. Мушкетова; 5) памятникъ П. И. Энгельгардту и С.И.Шубину съ видомъ на Малаховскія ворота; 6) священникъ Н.А. Мурзакевичъ; 7) встрѣча Н. А. Мурзакевича съ Наполеономъ 28 октября 1812 г., съ картины В. И. Мушкетова; 8) домъ Н. А. Мурзакевича и памятникъ на его могилѣ; 9) въѣздъ Наполеона въ Смоленскъ черезъ Никольскія ворота 6-го августа 1812 г., съ картины В. И. Мушкетова; 10) Наполеонъ въ смоленскомъ Успенскомъ соборѣ 7-го августа 1812 г., съ картины В. И. Мушкетова, и 11) отъѣздъ Наполеона изъ Смоленска 2-го ноября 1812 г., съ картины В. И. Мушкетова.

Въ виду обилія матеріаловъ по исторіи Отечественной войны въ смоленскомъ архивѣ, какъ о томъ заявили въ предисловіи редакторы, остается только пожелать скорѣйшаго выхода въ свѣтъ второго выпуска этого юбилейнаго изданія.

В. Рудаковъ.

Описаніе греческихъ рукописей монастыря святой Екатерины на Синаѣ. Томъ I. Замѣчательныя рукописи въ библіотекѣ Синайскаго монастыря и Синаеджуванійскаго подворья (въ Каирѣ), описанныя архимандритомъ Порфиріемъ (Успенскимъ). Изданіе императорской академіи наукъ, подъ редакціей и съ дополненіями В. Н. Бенешевича. Спб. 1911. Стр. XXVIII+663. Цѣна 3 руб.

Было время, когда между далекимъ Синаемъ, этой «богошественной горой», связанной съ красивыми ветхозавѣтными легендами и умилительными повѣстями о подвигахъ пустынниковъ,—и между Московской Русью шли близкія сношенія. На Синай отправлялись паломники, привозили оттуда святыни и впечатлѣнія пути, которыя затѣмъ повѣряли бумагѣ. Въ Москву пріѣзжали синайскіе старцы за сборомъ милостыни, разсказывали русскимъ людямъ диковинныя вещи о «незнаемой» землѣ, о своеобразной природѣ, о строгихъ монастырскихъ порядкахъ,—и люди книжные записывали рѣчи одинаковыхъ по вѣрѣ и чужихъ по укладу жизни пріѣзжихъ синаитовъ. Пожертвованія текли отъ доброхотныхъ даяній старой благочестивой Руси, и, вернувшись, старцы разсказывали своей братіи о столь же диковинныхъ по жизненному укладу и обычаямъ единовѣрныхъ «московитахъ».

Времена измѣнились, и слѣдъ связей былыхъ вѣковъ уже собранной и богатой Москвы съ уединеннымъ Синаемъ сохранился только въ памятникахъ письменности. Изученіе ихъ могло бы составить предметъ интереснѣйшаго историко-культурнаго изслѣдованія. Оно не уступало бы по своей важности, пожалуй, изслѣдованію о такихъ же сношеніяхъ старой Руси съ Палестиной, Аѳономъ, Царьградомъ, а сравнительная бѣдность источниковъ по исторіи сношеній Руси и Синая дѣлаетъ болѣе цѣннымъ всякаго рода книжный матерьялъ. Кое-что въ этой области сдѣлано уже епископомъ Порфиріемъ Успенскимъ, посѣтившимъ Синай въ 1845 и 1850 гг., архимандритомъ Антониномъ

(Капустинымъ) и нѣкоторыми другими учеными. Въ числѣ работъ, оставшихся послѣ смерти этого рѣдкаго у насъ архіерея-болландиста, одно изъ первыхъ мѣстъ по своей научной цѣнности занимаютъ замѣтки о греческихъ рукописяхъ Синайскаго монастыря св. Екатерины, выписки, снимки. Приглашенный нашей академіей наукъ для редактированія этихъ замѣтокъ профессоръ В. Н. Бенешевичъ нашелъ необходимымъ сдѣлать не только мелкія дополненія и необходимыя поправки. Если обратить вниманіе на то, что въ изданной книгѣ принадлежитъ епископу Порфирію, и что сдѣлано редакторомъ, то впечатлѣніе получится неожиданное: работа перваго составляетъ скорѣе только канву для серьезныхъ наблюденій нашего выдающагося византиниста.

А синайскія рукописи представляютъ выдающійся интересъ.

Въ древнія времена синайская письменность стояла на высотѣ, пользовалась авторитетомъ даже въ такихъ центрахъ византійской образованности, какими были Константинополь или Аѳонъ. Литературная работа не ограничивалась одной перепиской, передѣлкой и коллекціонерствомъ, т. е. составленіемъ сборниковъ. Для исторіи аскетизма, напримѣръ, синаиты шли во главѣ характернаго для XIV вѣка движенія, которое охватило весь православный Востокъ, расцвѣло у болгаръ, позднѣе отразилось у насъ, главнымъ образомъ, въ писаніяхъ Нила Сорскаго, старца Артемія, позднѣе — Паисія Величковскаго. Поэтому и описаніе синайскихъ библіотекъ представляетъ интересъ не только для одной византійской литературы.

Описаніе это является кстати еще потому, что богатѣйшая раньше библіотека долгое время была въ полномъ пренебреженіи, и правъ В. Н. Бенешевичъ, когда говоритъ, что «вплоть до второй половины XIX вѣка исторія библіотеки Синайскаго монастыря есть по преимуществу исторія ея расхищенія; интересъ къ этой исторіи, самъ по себѣ значительный, вызывается еще и тѣмъ, что она помогаетъ объяснить намъ исторію образованія рукописныхъ собраній Европы». Слухи о богатствѣ книгохранилищъ далекаго монастыря давно уже дошли до западно-европейскихъ ученыхъ. Еще въ XVII вѣкѣ французское правительство поручало своимъ агентамъ пріобрѣтать на Синаѣ рукописи для королевской библіотеки, и первое описаніе ихъ сдѣлано было польскимъ монахомъ около 1429 года. Часть рукописей была привезена въ Валахію для господаря Маврокордато, человѣка очень образованнаго, одного изъ блестящихъ гуманистовъ на Балканахъ XVII вѣка; въ крупнѣйшихъ западныхъ библіотекахъ рукописи синайскаго происхожденія насчитываются сотнями и составляютъ нерѣдко лучшіе экземпляры. Но и то, что почему-нибудь осталось еще въ монастырѣ, составило бы гордость любой изъ западныхъ библіотекъ.

В. Бенешевичъ положилъ много труда на описаніе рукописей, приводитъ цѣнныя выписки, въ приложеніи издаетъ цѣликомъ нѣсколько произведеній. Для палеографіи незамѣнимы снимки нѣкоторыхъ рукописей, въ томъ числѣ очень древнихъ.

И. А.

Опись документовъ и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ святѣйшаго правительствующаго синода, съ указателями къ ней. Дѣла комиссіи духовныхъ училищъ 1808—1839 гг. Спб. 1910. Стран. XI+964. Цѣна 4 руб. 50 коп.

«Опись документовъ и дѣлъ»—это новый родъ изданій архива и библіотеки святѣйшаго синода, отличающійся отъ «Описанія» тѣмъ, что вмѣсто подробнаго изложенія содержанія всего дѣла помѣщается лишь краткій заголовокъ дѣла. Въ такого рода изданіяхъ громадное значеніе имѣютъ присоединяемые къ описи подробные и строго систематично составленные алфавитные личный и предметный указатели къ дѣламъ учрежденія за 30 лѣтъ его существованія. Вотъ это-то соединеніе въ одномъ томѣ цѣлыхъ 30 лѣтъ съ 11467 сохранившимися до настоящаго времени дѣлами служитъ большимъ плюсомъ для преимущества «Описей» предъ «Описаніями». Намъ кажется, что въ концѣ концовъ и «Описи» будутъ вытѣснены подробными систематическими указателями.

Разсматриваемому тому «Описи» документовъ и дѣлъ существовавшаго 30 лѣтъ особаго самостоятельнаго учрежденія—комиссіи духовныхъ училищъ—предшествуетъ помѣщенный полностью «Докладъ комитета объ усовершеніи духовныхъ училищъ и начертаніе правилъ объ образованіи сихъ училищъ и содержанія духовенства, при церквахъ служащаго, съ приложеніемъ именныхъ высочайшихъ указовъ, по сему предмету послѣдовавшихъ», а также списки членовъ комиссіи, составъ и штаты канцеляріи комиссіи и указаніе литературы по духовно-учебной реформѣ 1808—1814 гг. Реформа духовно-учебныхъ заведеній вводилась постепенно: въ 1809 году реформированъ петербургскій духовно-учебный округъ, въ 1814 году московскій, въ 1817 году кіевскій (но кіевская духовная академія преобразована въ 1819 году) и въ 1818 году казанскій. Вѣдѣнію комиссіи духовныхъ училищъ подлежали: устройство духовно-учебныхъ заведеній и школьной жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ, созданіе фонда на содержаніе учебныхъ заведеній и завѣдываніе этимъ фондомъ, достигшимъ 50 слишкомъ милліоновъ рублей и служившимъ не только на покрытіе расходовъ по духовно-учебнымъ заведеніямъ, но и на поддержку архіерейскихъ домовъ, духовенства, миссій, монастырей, церквей и др. Кромѣ денегъ, комиссія оставила въ наслѣдство своимъ преемникамъ 3 духовныхъ академіи, 44 семинаріи, 172 уѣздныхъ и 190 приходскихъ училищъ съ 62143 учащимися въ нихъ. Вся жизнь этихъ сотенъ учебныхъ заведеній съ десятками тысячъ учащихъ и учащихся отражается въ описанныхъ 11467 дѣлахъ комиссіи и проходитъ предъ читателемъ со всѣми ея радостями и печалями, наглядно изображая заботы начальства о просвѣщеніи дѣтей духовенства.

Изданная «Опись документовъ и дѣлъ комиссіи духовныхъ училищъ» служитъ къ возбужденію интереса къ минувшей жизни и дѣятельности духовно-учебныхъ заведеній особенно въ дни вѣковыхъ ихъ юбилеевъ (одни уже справили свои юбилеи въ 1909 году, другіе готовятся къ имѣющимъ быть юбилеямъ въ 1814, 1817 и 1818 гг.) и большимъ подспорьемъ при составленіи историческихъ очерковъ этихъ разсадниковъ духовнаго просвѣщенія. Изъ существующихъ нынѣ духовно-учебныхъ заведеній, за исключеніемъ духовныхъ академій, далеко не всѣ составили и издали въ свѣтъ историческіе очерки своей

жизни и дѣятельности,—такъ изъ 57 нынѣшнихъ духовныхъ семинарій большая половина не имѣетъ такихъ изданій, а изъ 188 существующихъ нынѣ духовныхъ училищъ можно насчитать развѣ десятокъ-другой такихъ, о которыхъ составлены историческіе очерки и записки. Пусть же настоящее изданіе и приближающіеся вѣковые юбилеи еще разъ напомнятъ начальствующимъ духовно-учебныхъ заведеній, что пора браться за перо и писать ихъ исторію, тѣмъ болѣе что матеріалы и источники опубликованы и открыты для пользованія ими.

М—ловъ.

Полоцко-Витебская старина. Изданіе витебской ученой архивной комиссіи. Кн. 1. Витебскъ. 1911. Цѣна 1 р. 25 к.

Настоящая книга, изданная на средства Ив. Хрисанѳ. Колодѣева, по содержанію раздѣляется на три части: I. Статьи научнаго содержанія. II. Современная полоцко-витебская лѣтопись. III. Приложенія—отчеты за два года существованія комиссіи (1909—1911 г.г.) и денежный за первый годъ жизни ея.

Часть первая открывается трудомъ почтеннаго А. П. Сапунова—«Историческій очеркъ Витебской Бѣлоруссіи». Далѣе слѣдуютъ: «Памятники церковной старины въ Витебской губерніи и ихъ охраненіе» П. М. Красовицкаго,—«Спасо-Преображенскій монастырь въ городѣ Витебскѣ» И. Ф. Токмакова,—«Грюнвальдскій бой и его значеніе для славянъ» П. А. Крачковскаго,—«В. О. Ключевскій...» Н. Н. Богородскаго,—«Ода на посѣщеніе полоцкаго главнаго народнаго училища бѣлорусскимъ генералъ-губернаторомъ 7-го декабря 1789 г., составленная учителемъ этого училища Ив. Сокольскимъ», и М. А. Мельниковой—«Дѣло о сооруженіи монументовъ въ Витебской губерніи въ память 1812 г». и «Матеріалы для исторіи Отечественной войны». Изъ числа этихъ работъ выдѣляется статья г. Красовицкаго по вопросу о сохраненіи памятниковъ церковной старины, настоятельно требующихъ безотлагательнаго упорядоченія со стороны духовнаго вѣдомства, въ рукахъ котораго находятся эти памятники. Читая эту статью, болѣешь сердцемъ и душою за тѣ всѣ пертурбаціи, какія приходится выносить на своихъ плечахъ церковно-археологическимъ памятникамъ и ихъ спасателямъ и охранителямъ.

Вторую часть составили статьи и замѣтки: «Н. Я. Никифоровскій» (некрологъ), В. К. Стукалича,—«О достопамятныхъ Спасо-Евфросиньевскихъ дняхъ въ Полоцкѣ» и «Семидесятипятилѣтіе полоцкаго кадетскаго корпуса» Н. Н. Кайгородова,—«Памяти дѣйствительнаго члена И. И. Долгова» Д. С. Леонардова,—«Открытіе витебскаго учительскаго института и реальнаго училища»,—«Торжественное засѣданіе... комиссіи, посвященное памяти почетнаго члена комиссіи предсѣдателя совѣта министровъ П. А. Столыпина» и «Витебскія торжества 26-го и 27-го октября 1911 г. по случаю закладки памятника героямъ Отечественной войны 1812 г. и открытія витебскаго отдѣленія московскаго археологическаго института»—С. П. Сахарова.

Первая книга «Старины» въ сущности является второй: въ 1910 г. комиссіей издана первая книга «Трудовъ». Стоило ли перемѣнять заглавіе книги только лишь потому, что «отъ наблюденія... комиссіи не ускользнуло значеніе нѣко-

торыхъ современныхъ, переживаемыхъ нами событій», въ составъ же первой книги «Трудовъ»... вошли статьи исключительно научнаго содержанія... и прежнее названіе вполнѣ выражало его содержаніе»,—вѣдь, не въ названіяхъ дѣло.

Задачи, которыя комиссія намѣтила для будущаго, велики и намъ остается пожелать ей выполнить ихъ, не отвлекаясь въ стороны отъ разъ намѣченной цѣли. Такъ, хотя и интересный, докладъ г. Змигродзкаго «О польскомъ флотѣ», но къ Витебской губерніи не относящійся, болѣе умѣстенъ въ какомъ-либо польскомъ научномъ обществѣ, чѣмъ въ русской архивной комиссіи, къ тому же не богатой научными силами. Правда, и сама комиссія, повидимому, не нашла возможнымъ включить его въ свои «Труды», а издала отдѣльной маленькой брошюркой подъ заглавіемъ: «Польскій военный флотъ, докладъ дѣйствительнаго члена витебской ученой архивной комиссіи К. А. Змигродзкаго, читанный въ засѣданіи комиссіи 23-го января 1911 г.». Д. Б.

Матеріалы для исторіи дворянства Петербургской губерніи. Изданіе петербургскаго дворянства подъ редакціей графа Алексѣя А. Бобринскаго. Т. II. Дѣятельность собраній дворянства. Вып. 1. Ополченіе 1812 года. По источникамъ, собраннымъ А. А. Мироновымъ. 1912. XIV+452 стр.

Исторія дворянства въ приснопамятную эпоху двѣнадцатаго года, когда каждый дворянинъ приглашался стать княземъ Пожарскимъ, увеличилась еще однимъ трудомъ—А. А. Миронова о дѣятельности петербургскаго ополченія.

Петербургское дворянство въ тотъ разоренный годъ выставило около 13.000 ратниковъ. Дружины этого ополченія принимали живое участіе въ дѣлахъ подъ Полоцкомъ, Чашниками, Смольнею, Витебскомъ, Ст. Борисовымъ, на берегахъ Березины, подъ Данцигомъ. Въ этихъ дѣлахъ изъ 12.985 ратниковъ 373 было убито, 318 пропало безъ вѣсти, 467 ранено. Это и была искупительная жертва петербургскаго дворянства кровавому богу войны.

Ополченцы проявили рядъ подвиговъ. И правъ составитель въ своемъ введеніи, говоря, что такой-то «съ особенной храбростью поощрялъ подчиненныхъ къ приступу на батареи», или «перевязывалъ раненыхъ подъ непріятельскимъ огнемъ», или «обстрѣливалъ непріятели въ цѣпи, взявъ ружье убитаго ратника». Поэтому исторія ополченія поневолѣ сводится къ исторіи героическихъ подвиговъ, и вышедшая книга является «вѣнкомъ у забытыхъ могилъ героевъ, далеко за предѣлами родины прославившихъ самоотверженную дѣятельность ополченія петербургскаго дворянства».

Авторъ успѣшно справился со своею задачею и написалъ книгу вполнѣ доступную для чтенія среднему человѣку. Трудъ автора въ значительной долѣ облегчался прекрасными воспоминаніями барона Штейнгеля, Зотова и Мамышева. Книга украшена многими иллюстраціями, изъ которыхъ нѣкоторыя весьма интересны,—напримѣръ, раскрашенная гравюра, изображающая возвращеніе ополченія въ Петербургъ.

Къ книгѣ приложены краткія біографическія свѣдѣнія о свыше 600 лицахъ, служившихъ въ ополченіи. Авторъ ограничился въ этихъ біографіяхъ только временемъ ихъ службы въ ополченіи, но и въ такомъ видѣ біографіи занимаютъ 200 страницъ.

Авторъ потратилъ на составленіе объемистаго очерка много времени, проявивъ и добросовѣстность, и усидчивость. А этого нельзя не привѣтствовать...

М. С.

А. Григоровичъ. Исторія 13-го драгунскаго Военнаго Ордена генералъ-фельдмаршала Миниха полка. Т. II. 1809—1840 г.г. 1912.

Кажется, кануло въ лету то время, когда послѣ выхода какой-либо полковой исторіи задавался вопросъ: къ чему сіе? А теперь, вѣроятно, никто не станетъ оспаривать пользу, интересъ и значеніе полковой исторіографіи, которая далеко вышла изъ рамокъ своихъ спеціальныхъ задачъ и заслуживаетъ вниманія не только своихъ однополчанъ, но и большого круга постороннихъ читателей.

Конечно, составленіе полковой исторіи не всегда подъ силу строевому офицеру, ибо не въ каждомъ полку могутъ найтись Вс. Крестовскій (ямбургскій уланъ) или Гербель (изюмскій гусаръ). Отъ полкового историка требуется и научная подготовка, и архивная опытность, и литературное перо. Поэтому за послѣднее время появляются спеціалисты, которые по порученію полка или, чаще всего, шефа полка, приглашаются для составленія полковой исторіи. Но иногда и изъ офицеровъ полка выискивается такой ревнитель старины и трудолюбивый работникъ, которому подъ силу подъять на свои рамена бремя полкового исторіографа.

Къ числу послѣднихъ принадлежитъ и полковникъ А. И. Григоровичъ, бывшій орденскій драгунъ, а нынѣ библіотекарь главнаго управленія генеральнаго штаба. Къ своей задачѣ онъ отнесся въ высшей степени добросовѣстно и усердно. Подробно описавъ боевыя дѣйствія полка, авторъ весьма картинно нарисовалъ мирный бытъ полка, что обыкновенно составляетъ бѣлое пятно въ прочихъ полковыхъ исторіяхъ, такъ какъ офиціальные документы для этой стороны исторіи блѣдны и суховаты, а записокъ или дневниковъ современниковъ не имѣется. Г. Григоровичъ съ рѣдкимъ упорствомъ предпринялъ анкету бывшихъ однополчанъ, разыскалъ переписку Фета, нѣкогда служившаго въ полку, и, благодаря своей настойчивости, могъ нарисовать яркую картину полкового быта. И въ этомъ большая заслуга автора.

У насъ до сего времени принято считать Николаевское время какимъ-то сумеречнымъ, удушающимъ. Но посмотрите, какія идиллическія картинки развертываютъ передъ читателемъ записки бывшихъ однополчанъ. Особенно колоритна была жизнь полка при командирѣ полковникѣ свѣтлѣйшемъ князѣ В. Д. Голицынѣ. На дворѣ дома, занимаемаго княземъ, стоялъ огромный самоваръ; нижніе чины имѣли право заходить въ любое время и спрашивать чай и булки. Послѣ обѣда, часа въ три, Голицынъ совершалъ обычную прогулку по городу. Тутъ часто онъ покупалъ первымъ встрѣтившимся солдати-

камъ то перчатки и носки, то холщевыя брюки. Походы совершались съ удивительнымъ подъемомъ духа. Трубачи чередовались съ пѣсенниками. Былъ даже случай, что одинъ кирасиръ проплясалъ трепака на разстояніи версты, во всемъ походномъ снаряженіи; а въ то время вѣсъ кирасы былъ 35 фунтовъ, каски—12 фунтовъ, палаша—15 фунтовъ. Подобныхъ эпизодовъ много, и всѣ они съ любовью написаны авторомъ одинъ за другимъ.

Представляя въ историческомъ отношеніи добросовѣстный трудъ, второй томъ исторіи г. Григоровича заслуживаетъ похвалы и въ смыслѣ внѣшности. Здѣсь нѣтъ виньетокъ, состряпанныхъ неумѣлою рукою самоучекъ-однополчанъ, помѣщаемыхъ нерѣдко въ подобныхъ изданіяхъ. Г. Григоровичъ со вкусомъ выбралъ виньетки изъ лучшихъ изданій того времени, что и дѣлаетъ ему честь.

Въ общемъ, о второмъ томѣ исторіи орденцевъ можно отозваться только одобрительно, какъ о вполнѣ добросовѣстной и честно выполненной работѣ.

М. С.

А. Ѳ. Шидловскій. Шпицбергенъ въ русской исторіи и литературѣ. Краткій историческій очеркъ русскихъ плаваній и промысловъ на Шпицбергенѣ и подробный указатель литературы и архивныхъ дѣлъ, относящихся къ этимъ вопросамъ. Спб. 1912. Стр. 64. Цѣна 75 коп.

Въ новомъ трудѣ А. Ѳ. Шидловскаго, посвященномъ Шпицбергену или Грументу, какъ называлось въ старину это исконное русское владѣніе нашими промышленниками, указанъ по строгой системѣ громадный литературный и архивный матеріалъ о нашей забытой сѣверной окраинѣ. Кромѣ тщательнаго подбора работъ по этому предмету изъ литературы русской и иностранной, составитель настоящаго указателя произвелъ опись архивныхъ дѣлъ и документовъ, касающихся Шпицбергена, воспользовавшись богатымъ Cancellie Register въ Копенгагенѣ, а особенно русскими архивами морского министерства, департамента таможенныхъ сборовъ въ Петербургѣ, главнаго управленія землеустройства и земледѣлія и архивомъ губернскаго правленія въ Архангельскѣ. Къ указателю приложенъ историческій очеркъ русскихъ плаваній и промысловъ на Шпицбергенѣ. Безъ сомнѣнія, настоящій трудъ А. Ѳ. Шидловскаго, много поработавшаго по изслѣдованію русскаго Сѣвера, заслуживаетъ большого вниманія и много облегчитъ занимающимся въ этой области изученія далекой сѣверной окраины, гдѣ нѣтъ еще пока мѣста для русской предпріимчивости, но гдѣ уже шведы, норвежцы, англичане, американцы занялись усиленной эксплоатаціей природныхъ богатствъ этого края.

М. М. М.

Суздаль и его достопамятности. Изданіе владимирской губернской ученой архивной комиссіи. М. 1912. Стр. 76. Іп. 4°. Цѣна не обозначена. (Въ XIV книгѣ «Трудовъ» комиссіи).

Въ городѣ Суздалѣ, въ Спасо-Евфиміевомъ монастырѣ, покоится прахъ князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго, вождя народнаго ополченія 1612 г., положившаго конецъ смутѣ и подготовившаго начало новому царствованію

дома Романовыхъ. Въ виду наступившаго трехсотлѣтія освобожденія Москвы отъ поляковъ и приближающагося трехсотлѣтія избранія на престолъ Михаила Ѳеодоровича Романова, владимирская ученая архивная комиссія издала вышеназванный трудъ, половину котораго составляетъ описаніе Спасо-Евфиміева монастыря, какъ обители, особо чтимой въ родѣ князей Пожарскихъ, и какъ мѣста упокоенія князя Д. М. Пожарскаго.

Въ первой половинѣ труда (на 37 стр.) представлена исторія города Суздаля и Суздальскаго княжества до послѣднихъ дней, конечно, въ общихъ чертахъ, и описаны древнѣйшіе памятники города: соборный храмъ въ честь Рождества Пресвятыя Богородицы (XII в.), Ризположенскій женскій монастырь (основанъ въ 1207 году) и Покровскій женскій монастырь, созданіе суздальскаго князя Андрея Константиновича (1364 г.). Исторія Спасо-Евфиміева или Спасскаго монастыря раздѣлена на три главы: 1) собственно исторія монастыря, 2) храмы, ризница, библіотека и архивъ въ немъ и 3) князья Пожарскіе въ отношеніи къ Спасо-Евфиміеву монастырю. Живое, точное и обстоятельное изложеніе сопровождается прекрасно выполненными иллюстраціями и рисунками, числомъ 55, благодаря чему изданный владимирской архивной комиссіей трудъ долженъ встрѣтить широкій пріемъ, тѣмъ болѣе, что о Суздалѣ и его достопамятностяхъ въ общей печати послѣ 1885 года, когда былъ открытъ памятникъ на могилѣ Д. М. Пожарскаго, не говорилось почти ничего даже и тогда, когда въ 1905 году Спасо-Евфиміевъ монастырь пересталъ быть «монастыремъ-крѣпостью».

Въ одномъ только позволю себѣ упрекнуть издателей: торопясь, они забыли привести оглавленіе и даже указаніе на количество иллюстрацій, не говоря уже о перечнѣ послѣднихъ.

В. Рудаковъ.

Э. Кисъ. Основныя черты современнаго масонства. Спб. Стр. 139. Цѣна 1 р.

Еще одна книжечка на модный вопросъ. На этотъ разъ—страстная апологія масонства.

Свѣтло-зеленая обложка украшена распространеннымъ масонскимъ символомъ—пятиконечной звѣздой. Перевертываю страницу, и на совершенно пустомъ бѣломъ листѣ снова повторена пятиконечная звѣзда, красующаяся на обложкѣ. Полагаю, что это—для настроенія. Далѣе опять-таки на отдѣльномъ листѣ повторено заглавіе лишь съ маленькимъ добавленіемъ: «переводъ съ французскаго». Вотъ какъ, переводъ, значитъ! А почему бы не упомянуть объ этомъ на обложкѣ, видной чрезъ стекло магазинныхъ оконъ? Вѣдь далеко не всѣ охотники до переводовъ; много зависитъ отъ того, каковъ переводъ; настоящій же переводъ, нужно сознаться, оставляетъ желать очень и очень многаго.

Перелистываю страницу за страницей въ поискахъ за «основными чертами современнаго масонства» и убѣждаюсь, что заглавіе книжки — символическое и его можно понимать и толковать, какъ угодно. Пользуясь устарѣлыми печатными источниками, авторъ на протяженіи 139 страницъ заставляетъ читателя

совершать утомительнѣйшее и скучнѣйшее путешествіе въ глубь временъ еще до царенія премудраго Соломона и слѣдить за насажденіемъ масонства по всей вселенной. Однако авторъ—плохой проводникъ, неточно изучилъ пути и такъ часто съ него сбивается, что становится скучно и досадно. Путаница цифръ, шумиха словъ!..

Почитаемъ, что новаго скажетъ намъ книжечка 1913 г. о масонствѣ въ Россіи. Немного! Вотъ страница 45 и 46: «Доказано, что въ Петербургѣ ложа была основана въ 1750 г...» Кто доказалъ? Кѣмъ основана? Какая ложа? Все это остается тайною автора, поясненія нѣтъ. Далѣе: «Извѣстно, что императрица (Екатерина II) благосклонно относилась къ организаціи въ теченіе большей части своего правленія и что если она обнаруживала къ масонству враждебность, начиная съ 1794 г., то все же преслѣдованій не было». О благосклонности спорить не буду, это—понятіе растяжимое, но о датахъ—позвольте сдѣлать замѣчаніе. Репрессивныя мѣры противъ дѣятельности масоновъ, главнымъ образомъ московскихъ, составлявшихъ кружокъ Новикова, начались съ конца 1784 г., а 1 августа 1792 г. императрица подписала указъ, которымъ глава московскихъ масоновъ извѣстнѣйшій Николай Ивановичъ Новиковъ былъ заточенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость на 15 лѣтъ. Кружокъ разсѣялся, ссылкѣ въ свои помѣстья подверглись еще два дѣятеля князь Н. Н. Трубецкой и И. П. Тургеневъ. Ложи продолжали свои работы лишь въ тайнѣ, и многіе масоны заколебались въ вѣрности ордену. Откуда же этотъ 1794 годъ у автора и его 15 ложъ, будто тогда работавшихъ. Все невѣрно! Относительно масонства во время императора Александра I свѣдѣнія въ книжечкѣ ограничиваются семью строками, но и въ нихъ авторъ ухитрился сдѣлать ошибку, такъ какъ высочайшій рескриптъ на имя министра внутреннихъ дѣлъ графа В. П. Кочубея о запрещеніи ложъ послѣдовалъ не 12-го, а 1-го августа 1822 года.

Сорокъ лѣтъ тому назадъ въ Россіи былъ напечатанъ переводъ со второго изданія Финделя «Исторія франкмасонства», гдѣ приведены свѣдѣнія касательно Россіи. Теперь же публикѣ преподносится книжечка, авторъ которой настолько несвѣдущъ о масонствѣ, что не знаетъ даже тѣхъ популярнѣйшихъ книгъ, которыя были напечатаны полвѣка назадъ. Кому и для чего нужна такая книжечка?

Я не могу въ краткой рецензіи перечислить всѣ неточности, невѣрности этой книжки, даже не стоящей подобнаго труда, но не могу не выразить удивленія, что переводчикъ, очевидно, считавшій книжку заслуживающей перевода и распространенія, не провѣрилъ хотя бы приведенныхъ о Россіи свѣдѣній и не снялъ съ себя краткими примѣчаніями обвиненія въ полномъ незнакомствѣ съ предметомъ. Это, впрочемъ, видно и по терминамъ, имъ употребляемымъ: такъ, ложа называется имъ регулярною, тогда какъ существуетъ установившееся выраженіе въ русскомъ масонствѣ—ложа законная, совершенная и справедливая и т. п. Но для этого слѣдовало бы переводчику кое-что знать, прочитать, а спрашивается: для чего? И такъ сойдетъ...

Тира Соколовская.

Современная война. Ф. фонъ-Бернгарди. Переводъ съ нѣмецкаго гг. Адариди и Лазаревича. Спб. 1912 г. Т. I. Стр. 245 Ц. 1 р. 75 к.. Т. II. Стр. 333. Ц. 2 р.

Подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ недавно появились въ русскомъ переводѣ два объемистыхъ тома сочиненія, написаннаго на нѣмецкомъ языкѣ извѣстнымъ генераломъ германской арміи Бернгарди. Книга эта, прекрасно переведенная спеціалистами (гг. Адариди и Лазаревичемъ), помимо высокаго военнаго интереса, знакомитъ читателя со взглядомъ вліятельныхъ германскихъ военныхъ сферъ на политическое значеніе и роль Германіи съ ея сильною арміею въ средѣ европейскихъ государствъ. Сочиненіе Бернгарди раздѣляется на двѣ части: въ первомъ томѣ излагаются тѣ принципы, которые служатъ основою военному искусству и которыми необходимо руководствоваться на практикѣ; дается оцѣнка опыту и «предвидѣнію», проводится граница между непреложными истинами и перемѣнными данными; наконецъ, обсуждаются средства, примѣняемыя въ современной войнѣ и ихъ характерныя особенности. Во второмъ томѣ разсматривается современный бой и соотношеніе между наступленіемъ и оборономъ, а также развиваются тѣ основанія, которыми придется руководствоваться «въ будущемъ». Рядомъ съ этими чисто военными вопросами, одинъ перечень которыхъ указываетъ на ихъ высокій интересъ для военнаго человѣка, авторъ съ суровою прямотою солдата разбираетъ политическое положеніе Германіи, указываетъ на необходимость для нея территоріальныхъ пріобрѣтеній и необходимость занять господствующее положеніе въ Европѣ, сообразное съ развитіемъ ея моральныхъ и матеріальныхъ силъ и средствъ. «Эти стремленія,—говоритъ авторъ,—не могутъ не встрѣтить противодѣйствія со стороны наиболѣе сильныхъ европейскихъ государствъ. Франція стремится отомстить за 1870—1871 гг. съ тѣмъ, чтобы занять свое прежнее первенствующее положеніе, въ интересахъ Россіи—помѣшать дальнѣйшему развитію нашего могущества съ тѣмъ, чтобы пріобрѣсти полную свободу дѣйствій на Ближнемъ и Дальнемъ Востокѣ; весьма возможно также, что она мечтаетъ о господствѣ на Балтійскомъ морѣ; если она въ настоящее время проявляетъ сдержанность, обусловленную ея ослабленіемъ послѣднихъ лѣтъ, то не подлежитъ сомнѣнію, что рано или поздно она возвратится къ политикѣ расширенія своей власти. Наконецъ, на ряду съ Франціей, особенною враждебностью къ намъ отличается Англія. Колоссальное развитіе нашихъ промышленности и торговли можетъ со временемъ оказаться опаснымъ для ея міровой торговли; быстрое развитіе нашего торговаго флота считается по ту сторону канала постоянною угрозою, по крайней мѣрѣ, въ томъ случаѣ, если бы Англія была втянута въ большую войну. Необходимо считаться съ тѣмъ, что Англія будетъ противодѣйствовать каждой серьезной попыткѣ расширенія нѣмецкаго могущества. Можетъ случиться, что намъ придется безъ союзниковъ бороться со всѣми этими противниками. Съ этимъ намъ приходится считаться, такъ какъ тройственный союзъ имѣетъ оборонительный характеръ: въ силу союзнаго договора Австрія и Италія вовсе не обязаны поддерживать насъ «во всѣхъ случаяхъ». Не въ ихъ интересахъ поддерживать міровую германскую политику, разъ это покажется имъ невыгоднымъ. Такимъ образомъ, намъ приходится разсчиты-

вать только на собственныя силы, отъ состоянія которыхъ зависитъ не только наше будущее положеніе, но даже и настоящее». Вмѣстѣ съ этимъ авторъ даетъ рѣзкую оцѣнку стремленіямъ пацифистовъ и надеждамъ на третейское разбирательство. «Не подлежитъ сомнѣнію,—говоритъ онъ:—что въ настоящее время господствуетъ мнѣніе, будто война является устарѣлымъ средствомъ воздѣйствія, недостойнымъ культурнаго народа. Мечты о всеобщемъ мирѣ охватили широкіе круги населенія Стараго и въ особенности Новаго Свѣта. Прежде носителями идеи всеобщаго братства были нѣсколько утопистовъ, теперь же ею увлекаются правительства могущественныхъ государствъ, драпирующіяся въ тогу высшей гуманности. Они стремятся устранить самую возможность войнъ путемъ третейскаго разбирательства, подчиняться которому обязуются договаривающіяся государства. На самомъ дѣлѣ такіе договоры, исполненіе которыхъ фактически ничѣмъ не обезпечено, не только не ведутъ къ уничтоженію войнъ, но, наоборотъ, способствуютъ ихъ возникновенію. Въ силу этого германцамъ не должно поддаваться увлеченію такими мирными стремленіями, и они обязаны постоянно имѣть въ виду, что ни одно третейское разбирательство въ мірѣ не можетъ устранить тѣхъ недоразумѣній, въ основѣ которыхъ лежитъ національстическое, экономическое или политическое соперничество, и что никакими искусственными мѣрами нельзя удержать территорію отъ раздѣленія и измѣненія. Если мы желаемъ пріобрѣсти то положеніе, которое соотвѣтствуетъ мощи нашего народа, то обязаны отказаться отъ всякихъ мирныхъ утопій, разсчитывать только на силу нашего оружія и смѣло смотрѣть опасности въ глаза». Затѣмъ, предполагая, что Германія не можетъ имѣть превосходства ни въ численномъ отношеніи противъ европейской коалиціи, ни вообще перегнать своихъ соперниковъ въ дѣлѣ техническихъ усовершенствованій, авторъ рекомендуетъ германской арміи сохранить за собою «духовное превосходство, силу воли и искусство веденія войны», чтобы всѣмъ этимъ выполнить вѣроятную свою слабость въ матеріальномъ отношеніи. Цѣль книги Бернгарди заключается именно въ томъ, чтобы возможно шире распространить въ массахъ пониманіе сущности военнаго дѣла и требованій, предъявляемыхъ современною войною, тогда, по его мнѣнію, будетъ достигнуто единство въ дѣйствіяхъ всѣхъ частей арміи и преимущество ихъ надъ противникомъ. Огромная эрудиція автора, его ясная логика, а въ особенности темпераментъ и «неодолимое стремленіе къ наступленію», которымъ проникнуто все его ученіе, дѣлаютъ книгу Бернгарди богатымъ вкладомъ въ военную литературу, а изученіе ея, какъ выраженіе современныхъ взглядовъ нѣмцевъ, необходимымъ для всякаго образованнаго человѣка. Генералъ Бернгарди прямодушно и ясно заявилъ о «правѣ» Германіи, какъ наиболѣе жизнеспособной націи, на господство надъ всѣми другими и о призваніи ея осуществить это «право», не стѣсняясь ни трактатами, ни международнымъ правомъ, ни христіанскимъ ученіемъ. Въ высокихъ сферахъ Берлина, по мнѣнію освѣдомленныхъ круговъ, нынѣ борются два направленія, различныя между собою не въ цѣли, а въ средствахъ. Первое, опирающееся на колоссальные успѣхи нѣмцевъ во всѣхъ отрасляхъ матеріальной и интеллектуальной жизни, полагаетъ, что Германія мирными путями идетъ къ владычеству надъ Европой и можетъ прибѣгнуть къ силѣ оружія

лишь въ крайнемъ случаѣ; представителемъ этого направленія считается канцлеръ Бетманъ-Гольвегъ, и оно пользуется личнымъ сочувствіемъ императора Вильгельма. Другое направленіе, считающее мирное завоеваніе Европы не только слишкомъ медленнымъ, но и дающимъ время другимъ державамъ сблизиться и приготовиться къ отпору, представлено, главнымъ образомъ, адмираломъ Тирпицемъ, ведущимъ систематическую агитацію въ пользу быстраго созданія флота и усиленія арміи для единовременной развязки; къ этому направленію, повидимому, примыкаетъ кронпринцъ и Кидерленъ-Вехтеръ. Книга Бернгарди написана именно для поддержанія второго направленія и для внѣдренія въ рядахъ арміи идеи «неодолимаго стремленія къ наступленію». Свое сочиненіе Бернгарди заканчиваетъ слѣдующими словами: «Я вѣрю въ германскую націю; я вѣрю, что ей предопредѣлена великая будущность и что она призвана сыграть великую роль въ исторіи человѣчества. Но она тогда лишь окажется на высотѣ своей задачи, когда напряжетъ до высшаго предѣла свою военную мощь и когда ея политика, стремящаяся къ высшимъ цѣлямъ, не убоится самыхъ опасныхъ путей и признаетъ ту истину, что какъ на войнѣ, такъ и въ политическихъ отношеніяхъ государствъ только желаніе и дѣйствіе даютъ великіе результаты». Изъ этого краткаго изложенія книги Бернгарди видно ея не только важное военное, но и политическое значеніе и въ виду этого нельзя не пожелать ей возможнаго распространенія въ большихъ кругахъ читающей публики. Л. Н.

Записка главноуправляющаго землеустройствомъ и земледѣліемъ о поѣздкѣ въ Туркестанскій край въ 1912 г. Стр. 88.

Въ исторіи великихъ событій не разъ игралъ первостепенную роль случай. Быть можетъ, въ исторіи Туркестана сыграетъ такую роль пресловутый конфликтъ съ Америкой. Этотъ конфликтъ заставилъ обратить особенное вниманіе на Туркестанъ, гдѣ отечественное хлопководство можетъ принять крупные размѣры. Вниманіе же общества и оскорбленное національное достоинство являются твердою опорою для испрошенія необходимыхъ кредитовъ на развитіе русскаго хлопководства. Правительству предстала задача составить планъ мѣропріятій, направленныхъ къ расширенію посѣвовъ хлопка. Планъ этотъ въ связи съ освѣщеніемъ современнаго состоянія хлопководства въ краѣ содержитъ въ себѣ записка главы сельскохозяйственнаго вѣдомства, лично посѣтившаго Туркестанъ весною текущаго года.

Площадь хлопковыхъ плантацій въ Туркестанѣ достигаетъ теперь четырехсотъ тысячъ десятинъ. Туркестанъ, съ Хивой и Бухарой, даетъ уже почти половину всего нужнаго Россіи хлопка: до одиннадцати милліоновъ пудовъ. За остальную половину американцы собираютъ съ русскаго потребителя крупную дань въ семьдесятъ-восемьдесятъ милліоновъ рублей. Возможно ли, однако, настолько развить русское хлопковое хозяйство (въ Туркестанѣ и Закавказьѣ), чтобъ обезпечить потребности нашей хлопчатобумажной промышленности, не прикупая хлопка у Америки? Записка главноуправляющаго внушаетъ надежду на то, что это возможно. Прежде всего возможно увеличить сборъ хлопка безъ но-

ваго орошенія. «На драгоцѣнныхъ поливныхъ земляхъ Туркестана,—говорится въ запискѣ,—зерновые посѣвы все еще преобладаютъ надъ хлопкомъ, несмотря на то, что урожаи пшеницы, во много разъ менѣе цѣнной, оказываются иногда,—напримѣръ, на солончаковыхъ земляхъ,—даже по количеству ниже, чѣмъ урожаи хлопка». Устранить причины, которыя препятствуютъ вытѣсненію хлѣба хлопкомъ,—вотъ первая задача, разрѣшеніе которой благотворно повліяетъ на судьбу хлопковой культуры. Задача эта разрѣшается распространеніемъ земледѣлія на неполивныхъ земляхъ, на которыхъ невозможно хлопководство; далѣе—проведеніемъ желѣзной дороги Арысь—Вѣрный, такъ какъ эта дорога ввозомъ семирѣченскаго хлѣба обезпечитъ южной полосѣ Туркестана возможность заняться свойственными ей цѣнными культурами, не заботясь о продовольствіи». Наконецъ, возможно еще пониженіе тарифа на оренбургскій хлѣбъ и развитіе мѣстныхъ путей сообщенія для облегченія доставки привознаго хлѣба въ сторону отъ желѣзной дороги и для облегченія ввоза хлопка. Мѣропріятія эти выполнимы и при томъ въ теченіе ближайшихъ лѣтъ, а не десятилѣтій. Необходимы затѣмъ и другія мѣры—облегченіе мелкаго кредита и замѣна ручного труда машинною обработкою, въ виду недостатка въ Туркестанѣ рабочихъ рукъ. Все это, какъ осторожно исчисляется въ «Запискѣ», можетъ «на первое время прибавить къ существующимъ въ краѣ 400,000 десятинъ хлопковаго посѣва еще приблизительно около 200 тысячъ десятинъ, т. е. примѣрно дать четыре-пять милліоновъ лишнихъ пудовъ чистаго волокна ежегодно». Мѣрами агрономической помощи, — напримѣръ, подборомъ сѣмянъ и удобреніемъ хлопковыхъ плантацій жмыхами, которые возвращаютъ почвѣ всѣ питательныя вещества, унесенныя изъ нея хлопчатникомъ можно, впослѣдствіи еще болѣе увеличить производство хлопка, не прибѣгая къ дорого стоящему орошенію новыхъ земель.

Но, «учитывая неизбѣжное увеличеніе спроса на хлопокъ, нельзя не прійти къ заключенію, что безъ орошенія новыхъ земель намъ всего нужнаго количества хлопка не добыть». Подсчеты, производимые въ Туркестанѣ особою гидрометрическою организаціею, выяснили, что имѣющихся тамъ водныхъ запасовъ достаточно для орошенія «въ однихъ только хлопковыхъ районахъ еще не менѣе трехъ милліоновъ десятинъ земли, т. е. площади, равной существующему орошенному Туркестану». Такимъ образомъ можетъ быть «второй Туркестанъ». Это наиболѣе трудное, но и наиболѣе вѣрное средство расширить площадь хлопковой культуры должно быть выполнено какъ на средства казны, такъ и путемъ привлеченія частной предпріимчивости. «Записка» и здѣсь на ряду съ крупными оросительными работами намѣчаетъ рядъ болѣе мелкихъ, легче выполнимыхъ, а именно исправленіе существующей сѣти арыковъ и каналовъ, устройство простѣйшихъ оросительныхъ сооруженій и, наконецъ, разрѣшеніе частнымъ предпринимателямъ приступить къ работамъ до законодательнаго утвержденія типа нормальнаго договора объ условіяхъ орошенія и о правахъ на орошенную землю. Что касается крупныхъ сооруженій, то здѣсь записка предполагаетъ прежде всего закончить начатыя работы въ Голодной степи. Срокомъ ихъ окончанія назначено 1-го января 1915 г.

Таковъ планъ мѣропріятій по развитію хлопковой культуры въ краѣ. Но съ вопросомъ о расширеніи хлопковой культуры и площади богарныхъ посѣвовъ связывается другой вопросъ: кто будетъ заселять эти площади? «Заселеніе Туркестана русскими людьми было выдвинуто, какъ прямая задача государственной власти, непосредственно послѣ присоединенія края. Болѣе сорока лѣтъ, почти полвѣка, дано было на разрѣшеніе этой задачи. Но въ итогѣ мы почти не приблизились къ ея разрѣшенію». Тѣмъ болѣе настоятельно подвинуть русское заселеніе края теперь, когда, въ связи съ развитіемъ хлопководства, на Туркестанъ будетъ израсходовано много милліоновъ рублей, собираемыхъ съ русскаго центра. Замѣтные успѣхи дѣло русскаго заселенія начинаетъ дѣлать какъ разъ съ 1912 года. 19 декабря 1910 г. былъ изданъ законъ о переходѣ въ вѣдѣніе главнаго управленія землеустройства и земледѣлія излишнихъ для кочевниковъ Туркестана земель. Въ 1911 г. на основаніи этого закона была расширена землеотводная дѣятельность въ Туркестанѣ; участки образованы пока преимущественно въ районѣ будущей желѣзной дороги Арысь—Вѣрный. Черезъ нѣсколько лѣтъ съ тою же изумительною быстротой, съ какою растутъ въ Туркестанѣ высокіе тополя, вырастутъ тамъ десятки тысячъ русскихъ хуторовъ. Предполагается передавать русскимъ засельщикамъ и «ватныя» земли. Практика показала, что русскіе быстро усваиваютъ новые, болѣе совершенные пріемы хлопководства и нерѣдко ведутъ хлопковое хозяйство лучше сартовъ, которые связаны привычками своихъ отцовъ. «Надѣльныя земли предполагается передавать крестьянамъ въ собственность на выгодныхъ условіяхъ выкупа, но съ требованіемъ обязательнаго разведенія цѣнныхъ культуръ. Для увеличенія площади русскаго землевладѣнія въ краѣ предполагается еще открыть тамъ отдѣленіе Крестьянскаго Банка.

Таково главное содержаніе записки. Въ ней затронуто попутно множество сложныхъ, требующихъ спеціальнаго разрѣшенія вопросовъ. Можно ли понизить тарифъ на оренбургскій хлѣбъ? Какъ организовать мелкій кредитъ? Убыточенъ ли Туркестанъ въ настоящее время?—всѣ эти вопросы получаютъ въ запискѣ вполнѣ оправдываемое и болѣе общими задачами «легкое» освѣщеніе. Какія измѣненія необходимо внести въ проектъ воднаго закона? На какихъ условіяхъ допустить «приступъ» къ работамъ по орошенію частныхъ предпринимателей, при отсутствіи закона объ условіяхъ эксплоатаціи ими орошенныхъ земель?—Эти вопросы остаются открытыми.

Цѣнность записки въ томъ общемъ планѣ сельско-хозяйственныхъ мѣръ, которыя въ связи съ русскимъ заселеніемъ должны привести къ желаемому результату—расширенію хлопководства. Планъ этотъ отличается цѣльностью и ясностью, а изложеніе его поразительно выпукло и увлекательно. Тонъ записки, при осторожности ея выводовъ, звучитъ бодрящимъ искреннимъ оптимизмомъ.

«Что дали Туркестану русскіе?

«Твердую, справедливую власть, порядокъ, спокойствіе, собственность, обезпечившіе расцвѣтъ его производительныхъ силъ; американскій хлопчатникъ, давшій Туркестану богатство; двѣ крупнѣйшихъ желѣзныхъ дороги.

«Продолжая государственное строительство въ краѣ, должно теперь перенести его и въ область новыхъ, пока еще нетронутыхъ задачъ—орошенія и рус-

ского заселенія; обѣ онѣ сливаются въ одну: послѣдовательнаго и упорнаго созиданія новаго русскаго Туркестана, который дастъ и весь нужный хлопокъ и много другихъ экономическихъ и политическихъ цѣнностей».

Хочется вѣрить, что эти надежды ничѣмъ не будутъ разбиты.

Г.

И. Ф. Павловскій. Краткій біографическій словарь ученыхъ и писателей Полтавской губерніи, съ половины XVIII вѣка. Съ портретами. Изданіе полтавской ученой архивной комиссіи. Полтава. 1912. Стр. 2+VI+238. Цѣна 1 руб.

Неутомимый изслѣдователь старины полтавской, И. Ф. Павловскій представилъ въ настоящей книжкѣ многолѣтній свой трудъ—собраніе біографій уроженцевъ Полтавской губерніи, лицъ, происходящихъ отъ того или иного сословія губерніи, и лицъ не уроженцевъ губерніи, но работавшихъ или работающихъ въ ней надъ изученіемъ мѣстной старины и вообще на литературномъ поприщѣ. За этою книжкою онъ обѣщаетъ другую, гдѣ дастъ біографіи генералъ-губернаторовъ, губернаторовъ, епархіальныхъ архіереевъ, служившихъ въ Полтавской губерніи, а также біографіи уроженцевъ Полтавской губерніи, занимавшихъ или занимающихъ болѣе или менѣе видныя мѣста на государственной и общественной службѣ.

Въ разсматриваемой книжкѣ помѣщено четыреста тридцать три біографіи, въ томъ числѣ сорокъ автобіографій. Конечно, біографіи эти кратки, особенно лицъ наиболѣе извѣстныхъ, но эта краткость послѣднихъ искупается указаніемъ библіографіи наиболѣе крупныхъ работъ о нихъ. Болѣе мѣста удѣляется писателямъ мало извѣстнымъ или даже впервые оповѣщаемымъ и изслѣдователямъ мѣстной исторіи, произведенія которыхъ И. Ф. Павловскій старался привести по возможности въ болѣе полномъ видѣ. Такихъ авторовъ, конечно, наибольшое число.

Небезынтересно назвать здѣсь хотя бы болѣе крупныя и выдающіяся имена изъ уроженцевъ Полтавской губерніи. Изъ представленныхъ біографій: десяти епископовъ, шести архіепископовъ, одного митрополита и восьми архимандритовъ,—уроженцами Полтавщины оказались: кіевскій митрополитъ, выдающійся проповѣдникъ Арсеній (Могилянскій), скончавшійся въ 1770 г.; епископъ тверской, а потомъ ростовскій, Аѳанасій (умеръ въ 1776 г.); епископъ воронежскій Епифаній (въ мірѣ Евдокимъ Канивецкій); епископъ орловскій Иринеи (родился въ 1837 г.; умеръ 1904 г.); архимандритъ Паисій Величковскій (родился въ 1722 г., умеръ въ 1794 г.), извѣстный своею литературною и аскетическою дѣятельностью; тульскій архіепископъ Парѳеній (въ мірѣ Памфилъ Левицкій, родился въ 1858 г.) и архимандритъ Сильвестръ (въ мірѣ Романъ Марковичъ Суходольскій, родился въ 1770 г.).

Изъ свѣтскихъ лицъ назовемъ хотя бы слѣдующихъ: извѣстнаго этнографа и беллетриста А. А. Афанасьева-Чужбинскаго; русскую художницу и автора извѣстнаго «Дневника» М. К. Башкирцеву; автора «Душеньки» И. Ѳ. Богдановича; извѣстнаго слависта О. М. Бодянскаго; историка В. А. Бильбасова; художника Вл. Л. Боровиковскаго; поэта Н. И. Гнѣдича; Гоголя отца и сына;

композитора Н. И. Казанли; автора «Ябеды» В. В. Капниста; извѣстнаго художника Дм. Григ. Левицкаго (родился 1735 г.; умеръ 1822); нашего перваго историческаго романиста В. Т. Нарѣжнаго; извѣстнаго математика М. В. Остроградскаго; проф. А. А. Потебню; знаменитаго украинскаго философа Григ. Сав. Сковороду (родился 1726 г., ум. 1794 г.); проф. Н. И. Стороженка и проф. П. П. Чубинскаго.

Трудно себѣ представить, чтобы въ подобной работѣ, какъ разсматриваемая, не было мелкихъ промаховъ, но мы, не гоняясь за послѣдними, съ увѣренностью можемъ сказать, что эта книжка И. Ф. Павловскаго, всегда выполнявшаго свои работы съ особой тщательностью, послужить надежнымъ и цѣннымъ пособіемъ для біо-библіографическихъ работъ.

Къ тексту приложено всего 62 портрета. Издатель книжки архивная комиссія, за неимѣніемъ денежныхъ средствъ, обратилась съ просьбою къ живущимъ писателямъ прислать клише своихъ портретовъ; но, увы, на эту просьбу изъ «многихъ лицъ» откликнулись только 21. Очень жаль.

В. Р—въ.

Баронъ А. Н. Роппъ. Что сдѣлала третья государственная дума для народнаго образованія? Спб. 1912 . Стр. 254. Цѣна 1 р. 50 коп.

Названная книга, вызвавшая, какъ извѣстно, взрывъ негодованія со стороны нѣкоторыхъ членовъ государственной думы, добившихся объявленія выговора автору книги—дѣлопроизводителю думской комиссіи по народному образованію,—по праву должна занять одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду изданій, посвященныхъ вопросу о народномъ образованіи въ Россіи. Авторъ собралъ и систематизировалъ все то, что дала третья дума для народнаго образованія за пять лѣтъ своего существованія. Но, помимо весьма цѣнныхъ статистическихъ данныхъ, баронъ Роппъ приводитъ въ своей книгѣ нѣкоторыя наиболѣе характерныя мнѣнія и рѣчи депутатовъ, раздававшіяся съ думской трибуны по вопросу о народномъ образованіи и являющіяся наглядным показателемъ отношеній къ нему отдѣльныхъ политическихъ партій. Бросая ретроспективный взглядъ на дѣятельность думы, авторъ заявляетъ, что «если задаться вопросомъ, члены которой изъ политическихъ партій вынесли на своихъ плечахъ главный трудъ по вопросамъ народнаго образованія, то можно сказать съ полнымъ безпристрастіемъ, что это были октябристы». Отдавая, однако, должное и другимъ партіямъ, баронъ Роппъ приходитъ, въ заключеніе, къ выводу, что «третья государственная дума, по всей справедливости, должна быть названа думою народнаго образованія». Дѣйствительно, дѣятельность ея въ этомъ отношеніи была весьма плодотворною. Дума широко распахнула двери школы передъ дѣтьми, оставшимися за стѣнами ея, многое она сдѣлала и для русскаго учителя, котораго она вывела изъ его полунищенскаго положенія, улучшивъ въ то же время и его правовое положеніе. Не менѣе обязана третьей думѣ и русская женщина, по отношенію къ которой народное представительство проводило принципъ равноправія. Наконецъ, заслуги думы должны признать и входящія въ составъ Россіи нерусскія народности за то, что она пыталась дать имъ начальную школу на ихъ родномъ языкѣ. Однако,

въ ряду всѣхъ этихъ мѣропріятій выдѣляется законопроектъ о всеобщемъ обученіи, вызванный весьма печальнымъ состояніемъ въ Россіи дѣла начальнаго образованія. Такъ, по даннымъ министерства народнаго просвѣщенія за 1905 годъ, число общеобразовательныхъ начальныхъ училищъ этого вѣдомства къ 1906 году равнялось 45.657 съ 3.419,329 учащихся (въ томъ числѣ 2.423,704 мальчиковъ и 995,625 вѣвочекъ) при 106,306 учащихъ (въ томъ числѣ 33,830 законоучителей, 35,576 учителей, 36,900 учительницъ). Число училищъ вѣдомства православнаго исповѣданія, включая сюда и школы грамоты, равнялось 42,445. Въ училищахъ этихъ было 1.967,291 учащихся (1.351,259 мальчиковъ и 616,032 дѣвочекъ), при 48,398 учащихъ. Всего на училища вѣдомства народнаго просвѣщенія и духовнаго вѣдомства къ 1906 году расходовалось 56.018,799 рублей, изъ которыхъ 13.532,900 руб. относились на средства казны и 42.485,899 руб. на другіе источники. Приведенное количество школъ, оказывается, далеко не отвѣчало потребности въ нихъ, такъ какъ ежегодно около 1.700,000 дѣтей школьнаго возраста (вступного) должны были оставаться поневолѣ за стѣнами школы. Въ одной Тамбовской губерніи число отказовъ въ образованіи оставляло отъ 50 до 90 процентовъ общаго числа желающихъ поступить въ школу.

До осуществленія же законопроекта о всеобщемъ обученіи дума всячески содѣйствовала росту начальныхъ школъ, увеличивъ школьные кредиты. Не въ лучшемъ положеніи была и средняя школа. Напримѣръ, къ 1 января 1908 года среднихъ учебныхъ заведеній было: 321 мужскихъ гимназій, 62 мужскихъ прогимназіи, 232 реальныхъ училища, 605 женскихъ гимназій и 300 женскихъ прогимназій—всего 1.520 учебныхъ заведеній,—количество, крайне недостаточное. На это дума также обратила вниманіе, увеличивъ вообще кредиты на 40 милліоновъ рублей. Касаясь среднихъ учебныхъ заведеній, нельзя не привести помѣщенныя барономъ Роппъ интересныя данныя о распредѣленіи учащихся по сословіямъ:

	Мужск. гимн.		Женск. гимн.		Реальныя учил.	
	1907 г.	1911 г.	1907 г.	1911 г.	1907 г.	1911 г.
Дѣтей дворянъ . .	11.274	11.418	11.898	15.302	4.927	4.381
» мѣщанъ . .	25.652	32.564	59.082	87.272	свѣд.	нѣтъ.
» крестьянъ .	11.792	18.762	23.486	46.085	10.639	16.182

Свѣдѣнія эти, какъ справедливо заключаетъ авторъ, обнаруживаютъ несомнѣнную демократизацію нашей средней школы, почему, по мнѣнію автора-пріобрѣтаетъ особенное значеніе пожеланіе думы, чтобы дѣти бѣдныхъ крестьянъ принимались въ гимназіи на стипендіи, а съ остальныхъ крестьянскихъ дѣтей плата бралась въ половинномъ размѣрѣ.

Въ общемъ, какъ это можно судить хотя бы по приведеннымъ нами даннымъ, книга барона Роппа весьма богата по содержанію: она даетъ полную картину состоянія народнаго образованія, освѣщая какъ отрицательныя, такъ равно и положительныя стороны въ постановкѣ этого дѣла, которое, какъ надѣется авторъ, благодаря думѣ скоро будетъ поставлено на одинъ уровень съ другими государствами, опередившими Россію въ просвѣщеніи.

Вит. Ткачукъ.

«Горе отъ ума». Комедія А. С. Грибоѣдова. Текстъ Жандровской рукописи. Редакція, введеніе и примѣчанія Н. К. Пиксанова. Изданіе Л. Э. Бухгеймъ Москва. 1912. Цѣна 3 рубля серебромъ (sic!).

Съ виду все обстоитъ внушительно и важно. Заявленіе «отъ редактора», длинное, страницъ въ семьдесятъ, «Введеніе», полный текстъ рукописи, примѣчанія, портретъ, факсимиле; читатель можетъ думать, что сдѣлано необходимое и почтенное дѣло. Что же оказывается? Если сколько-нибудь интересна находящаяся въ московскомъ историческомъ музеѣ (принадлежавшая А. А. Жандру) писарская копія «Горя отъ ума», съ нѣсколькими поправками и вставками Грибоѣдова, то развѣ только какъ реликвія, хранящая нѣсколько слѣдовъ руки замѣчательнаго писателя. Этимъ все ея значеніе исчерпывается. «Горе отъ ума» нельзя считать произведеніемъ окончательно отдѣланнымъ. Самой позднею и наиболѣе совершенной редакціей комедіи считается та, которую Грибоѣдовъ, уѣзжая въ 1828 году въ Персію, оставилъ Ѳ. В. Булгарину, и на которой надписалъ: «Горе мое поручаю Булгарину. Вѣрный другъ Грибоѣдовъ». Жандровская рукопись почти ничѣмъ не отличается отъ булгаринскаго списка. «Сопоставленіе,—говоритъ самъ г. Пиксановъ,—обнаруживаетъ, что булгаринскій списокъ такъ буквально близокъ къ жандровской рукописи, что если бы не два-три характерныхъ разночтенія, можно было бы утверждать, что онъ скопированъ съ нея. Въ текстуальномъ отношеніи Грибоѣдовъ не произвелъ ни одного измѣненія, не прибавилъ и не убавилъ ни одного стиха, не перемѣнилъ ни одной риѳмы, не переставилъ словъ, словомъ, оставилъ текстъ жандровской рукописи въ новомъ спискѣ въ полной неприкосновенности. Всѣ характерныя особенности грибоѣдовскаго письма строго соблюдены: то же обиліе восклицательныхъ и вопросительныхъ знаковъ, двойныхъ и тройныхъ; тѣ же непремѣнныя тире въ концѣ стиховъ, обильныя многоточія; даже такія странности, какъ запятая или двоеточіе въ концѣ реплики. И тѣ же формы живого языка: «раде (и «ради»), два «дни», на ряду съ такими условностями, какъ «другій», «иный», «седьмисотъ» и проч. Есть разночтенія. Нѣкоторыя изъ нихъ случайны и несущественны. Обо всѣхъ такихъ разногласіяхъ—ихъ вообще немного—трудно сказать, кѣмъ они созданы: авторомъ или переписчикомъ; всего вѣроятнѣе послѣднее. Имѣются два-три случая, когда въ варіантѣ чувствуется «авторская рука»... Но—«въ сущности и всѣ замѣны второй категоріи очень незначительны». Единственный выводъ, который можно сдѣлать на основаніи жандровскаго списка,—это тотъ, что текстъ, авторизованный Грибоѣдовымъ, передавшимъ его Булгарину въ 1828 году, установился не позднѣе 1824 года, когда Грибоѣдовъ пересмотрѣлъ жандровскую копію. Вотъ и все. Ради этого не стоило переиздавать документъ, не имѣющій никакого литературнаго значенія, и проявленное г. Пиксановымъ благоговѣніе, съ которымъ онъ стремился воспроизвести какъ можно точнѣе мелкія описки и ошибки, которыя самъ склоненъ приписывать безграмотному копіисту, весьма комично. Для этого онъ даже примѣнилъ пріемъ, состоящій въ томъ, что если въ подлинникѣ какое-нибудь слово или буква зачеркнуты, то и въ печатномъ воспроизведеніи они представлены зачеркнутыми; поправки надъ строкой такъ и печа-

тается надъ строкой. Въ предисловіи г. Пиксановъ съ гордостью объявляетъ, что самъ додумался до этого мудраго способа. Возможно, что это правда. Если судья Ляпкинъ-Тяпкинъ собственнымъ умомъ до сотворенія міра дошелъ, такъ отчего г. Пиксанову нельзя было дойти до идеи менѣе сложной, путемъ той же ляпкинъ-тяпкинской эрудиціи и интуиціи? Только въ печати уже указывалось, что этимъ пріемомъ, правда, безъ всякаго прилива гордости, пользовался покойный академикъ Я. К. Гротъ, труды котораго вовсе не забыты читателями.

Вообще, когда подходишь къ такимъ проявленіямъ самодовлѣющаго педантизма, этого истиннаго «искусства для искусства», и смѣшного буквоѣдства, образы и символы Гоголя сами приходятъ на память. Правду говорилъ Сквозникъ-Дмухановскій: «только гдѣ-нибудь поставь какой-нибудь памятникъ— и нанесутъ всякой дряни!» Памятникъ Грибоѣдову постигла та же печальная участь. Читаешь эти тупоумныя примѣчанія: «въ славѣ «здоровье» е было переправлено карандашомъ на я, потомъ эта буква вновь зачеркнута, и поставлено опять е» или: «въ концѣ стиха можно предполагать знакъ препинанія, обрѣзанный переплетчикомъ», и диву даешься,—до чего можетъ доходить псевдонаучное толченіе воды въ ступѣ, плодящее «труды», изъ которыхъ ровно ничего не слѣдуетъ и которые никому ни на что не нужны.

Н. Л.

А. Заринъ. Три волшебныхъ волоса. Старая сказка на новый ладъ. Съ 28 рисунками. Изданіе т-ва А. С. Суворина. Спб. 1912. Стр. 142. Цѣна 1 р.

Какъ особая разновидность серьезной художественной беллетристики, существуютъ многочисленныя беллетристическія произведенія для такъ называемаго «легкаго чтенія». Критика обыкновенно не обращаетъ на нихъ своего вниманія, не считая ихъ даже вообще подходящими подъ понятіе «литература», и въ лучшемъ случаѣ удостаиваетъ сочиненія подобнаго характера короткой отрицательной рецензіи. Успѣхъ, который имѣютъ эти произведенія въ широкой массѣ читателей, объясняется поддѣлываніемъ подъ грубые вкусы «улицы». И это дѣйствительно такъ и бываетъ, но все же такъ строго и безпощадно относиться къ нимъ нельзя, если принять во вниманіе, гдѣ, какъ и кѣмъ читаются эти книги. Въ поѣздѣ или на пароходѣ, послѣ обѣда, вечеркомъ за чаемъ, смотря на книжку «легкаго чтенія», какъ на бездѣлку, ея читатель просто отдыхаетъ за ней отъ той серьезной, дѣловой сутолоки, которая заполняетъ всѣ его дни. И если такая книжка «легкаго чтенія» заинтересуетъ его, возбудитъ въ немъ нѣкоторыя симпатіи къ книгѣ вообще, натолкнетъ его на нѣкоторыя мысли, авторъ можетъ считать свою задачу выполненною; это все, что можетъ сдѣлать «легкое чтеніе». Конечно, далеко не всѣ книги этого рода отвѣчаютъ названнымъ скромнымъ требованіямъ, но иногда попадаются счастливыя явленія. Недурнымъ образцомъ такого «легкаго чтенія» является новая книжечка А. Зарина «Три волшебныхъ волоса». Занимательная фабула, веселое изящное изложеніе, множество истинно-комическихъ положеній, отсутствіе грубыхъ рискованныхъ сценъ и, наконецъ, хорошее гуманное настроеніе, которое чув-

ствуется во всей книгѣ,—вотъ достоинства, которыя заставляютъ насъ отмѣтить новое произведеніе А. Зарина. Заканчивая свою «сказку», авторъ обращается къ читателю со словами, которыя по глубокой гуманной идеѣ, вложенной въ нихъ, подходятъ не къ одному только «легкому чтенію». Онъ пишетъ: «... если теперь я слышу разсказы о чьемъ-нибудь глубокомъ паденіи, слышу вздохи сожалѣнія и слова: «ему ужъ нѣтъ возврата»,—я вспоминаю разсказъ про три волшебные волоса и говорю:—Не вѣрю! Нѣтъ такого паденія, изъ глубины котораго не могъ бы подняться человѣкъ! Нѣтъ такой грязи, отъ которой не могъ бы человѣкъ очистить свою душу, чтобы опять смѣло и прямо смотрѣть въ глаза честнымъ людямъ! И если онъ самъ слабъ, чтобы совершить это,—помогите ему»...

Издана книжечка г. Зарина очень изящно, украшена многими рисунками, но цѣна ея высока. М—ко.

А. А. Измайловъ. Разсказы. Изд. «Шиповникъ». Спб. 1912. Ц. 1 р. 25 к.

Имя Измайлова не принадлежитъ къ числу тѣхъ счастливыхъ литературныхъ именъ, которыя такъ часто по нынѣшнимъ временамъ сразу разгораются въ звѣзды большой величины и нерѣдко пользуются раздутою популярностью, наоборотъ, — Измайловъ обидно не извѣстенъ въ широкихъ читательскихъ кругахъ. Если еще многіе изъ читателей знаютъ Измайлова какъ талантливаго злободневнаго литературнаго критика, юмориста и ѣдкаго пародиста, то имя Измайлова-беллетриста почти никому ничего не говоритъ. Что за причина этому, сказать трудно: то ли, что беллетристическія свои вещицы авторъ не проводилъ черезъ горнило толстыхъ журналовъ, и до сихъ поръ еще являющихся своего рода рекомендательнымъ письмомъ для автора, виною ли тому темы, съ которыми оперируетъ беллетристъ Измайловъ, виновата ли здѣсь, наконецъ, та особенность автора, которую онъ самъ опредѣляетъ терминомъ «внѣ приходности»—непринадлежности ни къ какому литературному приходу,—но налицо тотъ фактъ, что Измайловъ-беллетристъ, быть можетъ, для многихъ изъ читателей теперь, съ выходомъ рецензируемаго томика его разсказовъ въ изданіи солидной, популярной фирмы «Шиповника», будетъ совершенною новинкою; а между тѣмъ по числу это уже шестой беллетристическій сборникъ нашего автора. Всѣ предыдущіе беллетристическіе сборники Измайлова—«Черный воронъ», «Въ бурсѣ», «Рыбье слово», «Осени мертвой цвѣты запоздалые» и «Ураганъ»,—прошли совершенно не замѣченными большою публикой, несмотря на теплые отзывы о нихъ въ печати, и только для одного изъ сборниковъ, кажется, потребовалось второе изданіе.

Такое читательское равнодушіе къ беллетристической работѣ автора, быть можетъ, отчасти отразилось и на его плодовитости въ этой области: въ началѣ литературной дѣятельности Измайлова сборники его разсказовъ появлялись значительно чаще, лежащій же передъ нами сборникъ отдѣленъ отъ предыдущаго значительнымъ промежуткомъ времени. И беллетристъ Измайловъ въ послѣдніе годы все больше и больше уступаетъ мѣсто Измайлову—литературному критику.

Что же является наиболѣе характернымъ для литературной физіономіи Измайлова-беллетриста? Главное его амплуа, которымъ онъ и дебютировалъ лѣтъ пятнадцать тому назадъ,—это бытописаніе нашего духовенства отъ низшихъ и до высшихъ іерархическихъ ступеней его. Здѣсь Измайловъ у себя дома, и его беллетристическія вещички, бытописующія духовный мірокъ, сами по себѣ заслуживаютъ ему громкую извѣстность. Весьма странно и удивительно поэтому, что рядъ славной плеяды беллетристовъ-изобразителей духовной среды, начиная съ Помяловскаго, Лѣскова, Потапенка,—заканчивается обычно Гусевымъ-Оренбургскимъ и Елеонскимъ, а Измайловъ, нисколько не уступающій, по крайней мѣрѣ, двумъ послѣднимъ беллетристамъ въ яркости и красочности выводимыхъ имъ духовныхъ персонажей,—какъ-то не находитъ здѣсь себѣ мѣста. Своеобразная жизнь церковнаго погоста, такъ часто переливающаяся въ анекдотъ, психологія различныхъ типовъ изъ духовнаго мірка, начиная отъ захудалаго деревенскаго дьячка и кончая стоящимъ на вершинѣ іерархической лѣстницы архіереемъ,—все это находитъ себѣ въ Измайловѣ проникновеннаго и талантливаго изобразителя.

Въ разсматриваемомъ сборникѣ персонажамъ изъ духовнаго міра посвящено нѣсколько разсказовъ. Такъ, въ разсказѣ «Юмористъ» архіерей Парфеній, случайно оказавшійся на своемъ отвѣтственномъ посту, тяготится своимъ настоящимъ положеніемъ, съ грустью вспоминаетъ о быломъ, скромномъ житіи въ роли протопопа захудалаго городишки и радъ случаю встрѣтиться съ «счастливымъ» человѣкомъ, юмористомъ дьякономъ Филантроповымъ. На минуту проясняется чело тяготящагося своею золоченою митрою Парфенія, когда онъ случайно наблюдаетъ, съ какимъ молодымъ жаромъ отдается Филантроповъ дѣтской игрѣ въ рюхи, и, очутившись снова среди своихъ скучныхъ дѣлъ, Парфеній съ пріятностью вспоминаетъ объ этомъ оригиналѣ, деревенскомъ дьяконѣ, въ противоположность ему, архіерею, столь легко и радостно несущемъ свою «ношу міра сего».

Въ разсказѣ «Второй Шаляпинъ» соборный провинціальный дьяконъ, Киріакъ Двукраевъ, загорается желаніемъ послушать знаменитаго артиста, навѣстившаго его родной городъ. Рискованное предпріятіе Двукраева увѣнчивается успѣхомъ, хотя и дорогою цѣною страшной нервной встряски приходится заплатить дьякону за полученное имъ удовольствіе.

Въ другихъ своихъ разсказахъ отъ этихъ чисто бытовыхъ картинокъ Измайловъ, какъ это ни странно, переноситъ вниманіе читателя къ вопросамъ и темамъ совсѣмъ иного рода. Очень влекутъ къ себѣ автора сюжеты, затрагивающіе тайну духа въ жизни природы и характеръ которыхъ опредѣляется подзаголовкомъ: «изъ книги мистическихъ разсказовъ».

О такой неразрѣшимой загадкѣ повѣствуется, напримѣръ, въ разсказѣ «Фениксъ», въ которомъ авторъ заинтересовываетъ читателя вопросомъ о такъ называемыхъ двойникахъ и двойникахъ не только физическихъ, но и духовныхъ, когда черты и особенности одного человѣка чуть ли не черезъ столѣтіе возрождаются со всѣми подробностями въ другомъ.

Въ фантастическомъ разсказѣ «Призрачный часъ» доцентъ Крематорскій, нервно переутомившійся надъ работою о старомъ Пстербургѣ, въ бѣлую ночь

галюцинируетъ на улицахъ Петербурга и попадаетъ подъ автомобиль. Выздоровѣвши, онъ не можетъ отдать себѣ отчета въ томъ, была ли закончившаяся столь печально для него встрѣча со строителемъ академіи художествъ Кокориновымъ подлинной реальной встрѣчей, или это былъ лишь больной кошмаръ.

Есть, наконецъ, и еще одна область художественнаго проникновенія, въ которой беллетристъ Измайловъ оперируетъ особенно охотно, а беллетристическія вещицы выходятъ у автора необыкновенно изящными и тонко-художественными. Область эта—моменты ажурно-тонкихъ, еле уловимыхъ раскрытій и духовнаго сближенія мужчины съ женщиной. Правда, въ предыдущихъ сборникахъ Измайлова такого рода разсказы были и болѣе типичны и чаще встрѣчались, въ разсматриваемомъ же сборникѣ къ подобнаго рода разсказамъ можетъ быть отнесенъ, напримѣръ, разсказъ «Послѣ двѣнадцатой ночи».

Мы не станемъ передавать содержанія остальныхъ разсказовъ сборника: сюжеты всѣхъ ихъ болѣе или менѣе интересны и оригинальны. Разсказовъ въ сборникѣ тринадцать. Написаны они всѣ чеканно-чистымъ стилемъ, во многихъ мѣстахъ дающимъ почувствовать, что авторъ ихъ всецѣло принадлежитъ къ чеховской школѣ, и лишь кое-гдѣ замѣтенъ на стилѣ налетъ новѣйшаго модернизма («изъ ресторана выплеснулась группа людей», «снѣгъ плевалъ прямо...»).

Думается намъ, что съ выходомъ настоящаго сборника имя беллетриста Измайлова станетъ болѣе популярнымъ въ широкой публикѣ и завоюетъ себѣ надлежащее мѣсто въ ряду современныхъ беллетристовъ.

А. Леп—скій.

Аркадій Прессъ. Въ царствѣ книгъ. Очерки и портреты, съ иллюстраціями. Томъ I и II. Спб. 1912. Цѣна каждаго тома 1 р. 50 к.

При настоящемъ состояніи литературы, вообще крайне сложной, но, кромѣ того, постоянно разрастающейся, весьма полезными являются книги, подобныя той, которая написана г. Прессомъ. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ это своего рода путеводитель по вершинамъ изящной и исторической литературы. Но при указанномъ характерѣ онъ, однако, лишенъ сухости и дѣловитости справочниковъ. Г. Прессъ обладаетъ не только знаніемъ излагаемаго предмета, но, кромѣ того, несомнѣннымъ тонкимъ и глубокимъ критическимъ дарованіемъ. Въ особенности ему удается обрисовка французскихъ авторовъ: Додэ, Анатоля Франса, Пьера Лоти, Гюи-де-Мопассана, Флобера. Очень недурны очерки изъ исторіи Наполеона и членовъ его семьи. Въ этихъ очеркахъ авторъ проявляетъ себя даже художникомъ и мастеромъ слова. Образы самого Наполеона, его жены Маріи-Луизы, его брата Іеронима Бонапарта—встаютъ передъ читателемъ какъ живые, сохраняя вмѣстѣ съ тѣмъ черты исторической вѣрности. Удаченъ очеркъ о волонтерѣ 1792 года и его злоключеніяхъ во время различныхъ наполеоновскихъ войнъ. Изъ литературныхъ критическихъ опытовъ обращаетъ на себя вниманіе этюдъ о Лоти, въ которыхъ прекрасно очерченъ этотъ самовлюбленный и вычурный французскій морякъ-академикъ, завоевавшій сочув-

ствіе согражданъ художественно-наивнымъ изображеніемъ своей личности во всѣхъ видахъ и во всевозможныхъ обстановкахъ. Менѣе удачны очерки, посвященные русскимъ писателемъ Гаршину и Короленку, хотя дарованіе послѣдняго, несомнѣнно, понято вѣрно и выражено своеобразно. Говоря о меньшей удачности, мы имѣемъ въ виду отсутствіе у г. Пресса того размаха и свободы, которыми отличаются другія характеристики, имѣющіяся въ его книгѣ. Нужно разсчитывать, что разсматриваемыя произведенія автора не пройдутъ не замѣченными.

В. Г—скій.

Е. И. Игнатьевъ. Астрономическіе досуги. Со 68-ю рисунками и чертежами. Изданіе т-ва И. Д. Сытина. Москва. 1912. Стр. 240. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Въ сравнительно непродолжительное время имя г. Игнатьева заняло въ нашей научно-популярной литературѣ видное мѣсто на ряду съ лучшими представителями ея. Авторъ «Въ царствѣ смекалки» и «Науки о небѣ и землѣ» является однимъ изъ блестящихъ популяризаторовъ, книги котораго отличаются большимъ научнымъ удѣльнымъ вѣсомъ, свѣжестью сообщаемыхъ научныхъ свѣдѣній, простотою изложенія и большимъ, захватывающимъ интересомъ.

Новая разсматриваемая нами книга г. Игнатьева является какъ бы продолженіемъ вышедшей передъ нею огромной популярной книгой по астрономіи, о которой мы въ свое время дали отзывъ на страницахъ «Историческаго Вѣстника». Настоящая книга г. Игнатьева, предназначаемая уже для читателя болѣе или менѣе подготовленнаго, имѣетъ цѣлью познакомить съ пропущенными въ предыдущей книгѣ подробностями, «подвести его къ новѣйшимъ изысканіямъ и предположеніямъ въ астрономической наукѣ, а также побудить читателя къ самостоятельнымъ занятіямъ астрономіей, хотя бы «на досугѣ».

Начинается книга г. Игнатьева очень интереснымъ очеркомъ «Астрологія въ средніе вѣка», гдѣ сообщаются любопытныя свѣдѣнія о составленіи гороскоповъ, дается понятіе о значеніи каждой планеты, разсматриваются нѣкоторые извѣстнѣйшіе гороскопы. Конецъ этого очерка посвященъ судьбамъ астрологіи у насъ въ Россіи, куда она проникла, вѣроятно, вмѣстѣ съ византійскимъ духовенствомъ, крестившимъ Русь. Затѣмъ слѣдуютъ очерки о времени и его измѣреніи, о церковномъ и гражданскомъ календаряхъ, причемъ къ нѣкоторымъ вопросамъ, связаннымъ съ календаремъ, прилагаются задачи съ подробными толковыми рѣшеніями при самомъ маломъ количествѣ «математики», которой такъ боится неподготовленный читатель. Далѣе съ большимъ интересомъ читаются статьи: «Солнечныя затменія и древняя исторія», «Страничка изъ исторіи развитія астрономіи въ Россіи», гдѣ даются, между прочимъ, біографіи выдающихся русскихъ астрономовъ Ѳ. А. Бредихина и А. П. Ганскаго. Особенный интересъ вызываетъ статья «Библія о зарѣ человѣчества», въ которой авторъ (Ф. И. Павловъ), съ чисто научной точки зрѣнія, разсматриваетъ разсказы Библіи о всемірномъ потопѣ, о семи дняхъ творенія и т. п. и, отдѣляя фантазію, поэтическій налетъ древнихъ сказаній, даетъ научное обоснованіе дѣйствительнымъ фактамъ. Заканчивается новая книга г. Игнатьева очеркомъ «О самодѣятельности въ астрономіи».

Книга г. Игнатьева читается легко и съ большимъ интересомъ. Нѣкоторыя статьи этой книги принадлежатъ извѣстнымъ дѣятелямъ нашей астрономической науки, какъ, напримѣръ, г. Костинскому, Ф. И. Павлову и др. Эта особенность, придавая книгѣ характеръ хрестоматіи, въ то же время увеличиваетъ ея научное значеніе.

Съ внѣшней стороны изданіе также заслуживаетъ похвалы, благодаря обилію рисунковъ, чертежей и фотографическихъ снимковъ для настоящей книги художника В. В. Беринтера съ его картинъ, изображающихъ лунные пейзажи. Цѣна не высока. М—о.

П. Инфантьевъ. Жизнь народовъ Россіи. Этнографическіе разсказы. Съ 68 рисунками. Изданіе П. В. Луковникова. 1912. Стр. 286. Цѣна 1 руб.

У насъ есть два этнографическихъ журнала: «Этнографическое Обозрѣніе» въ Москвѣ и «Живая Старина»—въ Петербургѣ. Но оба журнала—такова судьба всѣхъ научныхъ изданій!—обидно мало извѣстны, читаются очень ограниченнымъ кружкомъ лицъ, спеціально интересующихся этнографіей, и, кромѣ учебныхъ заведеній, подписчиковъ не имѣютъ. И вся своеобразная жизнь отдѣльныхъ уголковъ нашей многоязычной и разновѣрной Россіи, находящая отраженіе въ названныхъ изданіяхъ, остается внѣ интересовъ широкой публики.

Поэтому надо признать очень полезнымъ появленіе такихъ книгъ, какъ сборникъ этнографическихъ разсказовъ г. Инфантьева. Хотя, судя по издательству, выпустившему его въ свѣтъ, въ виду имѣлся читатель изъ учащейся молодежи, тѣмъ не менѣе разсказы г. Инфантьева могутъ быть съ удовольствіемъ прочитаны всѣми интересующимися жизнью народовъ Россіи. Авторъ избираетъ для своихъ изображеній быть наиболѣе отдаленныхъ и некультурныхъ народностей. Вотъ заглавія его разсказовъ: «Тигръ людоѣдъ» (изъ жизни гольдовъ), «Маленькій купецъ» (изъ жизни якутовъ), «Первобытныя грамотки» (изъ жизни юкагировъ), «Дочь шуленги» (изъ жизни карагасовъ), «Въ Амурской тайгѣ» (изъ жизни тунгусовъ), «Соперники» (изъ жизни орочанъ), «Жертва вогула», «Чары шамановъ», «Чувашская свадьба», «Тамыръ» (изъ жизни туркменъ и хивинцевъ). Кромѣ того, въ книгѣ помѣщено семь отдѣльныхъ этнографическихъ очерковъ, касающихся указанныхъ народовъ.

Въ основѣ каждаго разсказа лежитъ какой-либо эпизодъ, стоящій въ связи съ вѣрованіями и бытомъ народа, при чемъ разсказъ осложняется другими подробностями жизни, религіи, занятій, семейныхъ отношеній и т. д. Пользуется иногда авторъ и тѣмъ, что называется «любовной интригой», но очень осторожно, не впадая въ романтическую идеализацію въ родѣ, напримѣръ, декабриста А. Бестужева, у котораго въ «якутской балладѣ» «Саатырь» встрѣчаемъ и «поцѣлуевъ таинственные звуки», и «сладкія рѣчи».

Слабую сторону книги составляютъ рисунки, неясные, маленькіе, вообще носящіе черезчуръ эскизный характеръ.

В. Даниловъ.

Г. Сѣверцевъ-Полиловъ. Москва подъ рукою Наполеона. Историческо-бытовая повѣсть. М. 1912. Стр. 232. Цѣна 60 к.—М. Э. Никольскій. По слѣдамъ Великаго Наполеона. Историческій романъ. Спб. 1912. Стр. 321. Цѣна не обозначена.

Оба автора вышеназванныхъ книгъ задались цѣлью въ живой, повѣствовательной формѣ, основываясь на историческихъ данныхъ, изложить главнѣйшіе эпизоды Отечественной войны 1812 года. Первый изъ нихъ, Г. Т. Сѣверцевъ-Полиловъ, остановился на времени пребыванія Наполеона въ Москвѣ и далъ дѣйствительно живую картину тогдашняго состоянія Москвы, рядъ точно съ натуры списанныхъ бытовыхъ сценъ и описаній и въ то же время, не вдаваясь въ излишніе историческіе экскурсы, довольно ярко обрисовалъ Наполеона и другихъ участниковъ московскихъ событій Отечественной войны. Помѣщенные въ текстѣ портреты и рисунки, числомъ болѣе двадцати, хотя далеко не изящно исполненные, еще болѣе оживляютъ текстъ книжки, кстати сказать, отпечатанной хорошимъ шрифтомъ и на хорошей бумагѣ.

М. Э. Никольскій слѣдитъ за Наполеономъ и его войсками во все время пребыванія его въ предѣлахъ Россіи. Онъ болѣе придерживается разсказа историческихъ событій и передачи разговоровъ между главнѣйшими дѣятелями.

Романическій же элементъ въ его произведеніи главнымъ образомъ сосредоточенъ въ описаніи похожденій «полненькой» полупольки Нины, отличавшейся кипучей страстью и къ одному изъ героевъ романа Вадимову, и къ поляку Гржизицкому, и къ французу де-Буанье и др. Описанія эти довольно подробны и изобилуютъ многоточіями, вѣроятно, для пущаго историческаго освѣщенія. Въ сообщеніяхъ историческихъ фактовъ мы находимъ даже нѣкоторыя новости: на стр. 101—Кутузовъ оказался «по выбору начальникомъ петербургскаго ополченія» (вмѣсто московскаго); на стр. 102—Кутузовъ «отъ раны пулей былъ кривъ на одинъ глазъ», а на стр. 261—оба «глаза его живо блестѣли». На стр. 87 читаемъ: «По рядамъ войскъ пронесли образъ Смоленской Божіей Матери. Священникъ церкви св. Одигитрія Никифоръ Шурзакевичъ все время ходилъ по смоленскихъ укрѣпленіямъ съ крестомъ, поощряя твердо стоять за русскую землю». Не говоря уже о неполной точности самаго сообщаемаго факта, мы встрѣчаемся здѣсь съ новымъ святымъ Одигитріемъ, въ честь котораго, по словамъ автора, была особая церковь въ Смоленскѣ, и съ новымъ священникомъ этой никогда не существовавшей въ Смоленскѣ церкви Шурзакевичемъ. На самомъ же дѣлѣ въ Смоленскомъ Успенскомъ соборѣ главную святыню составляла чудотворная икона Смоленской Божіей Матери Одигитріи (т. е. путеводительницы), и вмѣсто священника Никифора Шурзакевича въ то время тамъ былъ извѣстный священникъ и историкъ Смоленска Никифоръ Адріановичъ Мурзакевичъ. Не вдаваясь въ указанія другихъ неточностей и многочисленныхъ опечатокъ, а равно и не удачныхъ подстрочныхъ примѣчаній, въ родѣ «пеіноза» (?)—деньги», «махальце—вѣеръ» и др., и стилистическихъ промаховъ, напримѣръ. «поддѣланный приказъ канцеляріи императора былъ весьма искусенъ» (?!), мы должны сказать, что и съ внѣшней стороны, со сто-

роны бумаги и печати, книжка М. Э. Никольскаго въ цѣломъ рядѣ страницъ (напримѣръ, 178—187, 190, 204—205, 252—258 и др.) даже неудобочитаема, отъ просвѣчиванія текста другой страницы, вѣроятно, потому, что печаталась въ типографіи «Свѣтъ». В. Р—въ.

Аполлонъ Коринфскій. Поздніе огни. Спб. 1912. Стр. 736. Цѣна 2 руб.

Стихотворенія г. Коринфскаго за послѣдніе 1908—1911 гг. такъ же разнообразны и оригинальны, какъ и раннія его вдохновенія. («Пѣсни сердца», «Черныя розы», «Въ лучахъ мечты», «Бывальщины» и т. д.).

Въ отдѣлѣ стихотвореній, озаглавленномъ «Мгновенія», нельзя не обратить вниманія на красивое и поэтическое одиночество пожилого поэта, когда ночью въ саду онъ чувствуетъ, что онъ не одинъ, кто-то близкій съ нимъ...

Чей-то обликъ-невидимка
Сердцемъ къ сердцу приникалъ,
Что-то мнѣ шепталъ невнятно
И о чемъ-то вспоминалъ...

Кто бы могъ онъ быть—не знаю
И его не помню словъ;
Только знаю, только помню,
Что рыдать я былъ готовъ.

Былъ ли чѣмъ до слезъ я счастливъ,
Или сладко такъ грустилъ,
Ждалъ чего-то, звалъ кого-то...
Въ эту ночь—я молодъ былъ!..

Такихъ чудныхъ «Мгновеній» очень много у А. Коринфскаго и въ стихотвореніяхъ о томъ, какъ «Все первое для насъ на свѣтѣ такъ отрадно», и какъ въ звѣздную ночь «сердце хочетъ пророчить»... Но рядомъ съ сильными и художественными чувствами поэта во многихъ другихъ его стихотвореніяхъ бьетъ излишекъ дѣланной торжественности, приподнятости и безпокойной поэзіи. Доходитъ до того, что иногда у него «Восходъ любви» обнимается съ ея «Западомъ» и т. д.

Въ отдѣлѣ «Подъ лучами солнца»—поэтическое олицетвореніе картинъ природы, начиная съ появленія весны и т. д. Въ «Финляндскомъ альбомѣ», конечно, воспѣты «Каменные лѣса», «Озера», «Гранитныя поля», «Заливы», «Морская тишина», «Шхеры» и т. д.

Въ стихотвореніяхъ «Изъ мрака къ свѣту» преобладаютъ тенденціозныя темы о трудѣ, о народномъ благѣ, о богатыряхъ-свѣтоносцахъ, о наукѣ и т. д. Однако очень трогательны и въ этомъ отдѣлѣ у поэта школьныя идиліи о «странствующемъ учителѣ» и полонъ справедливаго гнѣва его стихъ «Гасителямъ свѣта»:

Въ угрюмомъ застѣнкѣ «классической» школы
Я помню васъ всѣхъ, какъ сейчасъ,
Бездушныхъ—какъ всѣ вы—наукъ протоколы
Насильно внѣдрявшіе въ насъ!

Педанты, гасители духа живого,
Вы думали—онъ недвижимъ:
Мертвившій умы и безсмысливщій слово—
Весь вашъ закорузлый режимъ.

Въ архивъ сдавъ запросы души молодые,
Классической древности мивъ
Считали вы нравственной школой, впервые
Имъ помыслъ дѣтей отравивъ.

Отъ вашихъ уроковъ, отъ вашей системы
Тупѣли и гасли умы...
О, какъ глубоко ненавидѣли всѣ мы,
О, какъ презирали васъ мы!..

«Въ родной глуши» раскрывается любящая душа поэта и къ «Пахарю-народу», и къ «Ранней веснѣ» и къ заливной красотѣ «Въ лугахъ», «Въ лѣсу—по ягоды», «На косовицѣ» и т. д. Но А. Коринфскому также хорошо знакомо и крестьянское горе «въ родной глуши», о чемъ свидѣтельствуютъ, между прочимъ, поэтическіе разсказы «Острожника-бродяги» и «Шахтера».

«Пѣсни о городѣ» характерны городскими контрастами между веселымъ лицомъ богатаго и лицомъ бѣдняка; между свѣтлыми бельэтажами и темными подвалами съ «пѣснями голи»...

«На путяхъ богоисканія» г. Коринфскій опоэтизировывастъ евангельскія изреченія, иногда доходя до солидарности съ вѣрованіями толпы.

«Новыя бывальщины», въ которыхъ вся сила и оригинальность г. Коринфскаго, и на этотъ разъ полны захватывающаго интереса.

«Святая старина» слышится и въ историческихъ герояхъ, о которыхъ поэтъ художественно передаетъ народныя сказанія, и паденіе этой же самой святости, какъ только «Княжье сердце» на Руси забывало «правду Муромца Ильи», а въ Польшѣ короли—про «лапти Пяста»...

А. Фаресовъ.

Андрей Филипповъ. Въ вихрѣ жизни. Изданіе второе. Изданіе редакціи журнала «Наборщикъ и Печатный Міръ». Спб. Стр. 94. Цѣна 40 коп.

Кажется, кромѣ Некрасова да въ послѣднее время Аполлона Коринфскаго, никто изъ писателей не касался въ своихъ произведеніяхъ чрезвычайно интересной и оригинальной жизни наборщиковъ. Это самобытный и совершенно невѣдомаго мірка той полуинтеллигентной, безыменной массы, которая по ночамъ, когда все спитъ, среди гула и рева машинъ, среди столбовъ отравляющей свинцовой пыли, готовитъ намъ къ утру свѣжій газетный листъ съ самыми послѣдними новостями со всѣхъ концовъ міра. Г. Филипповъ, нынѣ редакторъ-издатель журнала «Наборщикъ и Печатный Міръ», самъ прошелъ всю тяжелую школу жизни наборщика, хорошо изучилъ свой любопытный мірокъ со всѣми его горями и радостями, со всѣми его свѣтлыми и темными чертами, горячо любитъ его и въ своихъ маленькихъ разсказахъ нынѣ знакомитъ читающую публику съ бытомъ представителей «свинцовой арміи». Большое впечатлѣніе

производитъ разсказъ «Святая ночь». Подъ Пасху ночью въ типографіи задержка: не готовъ пасхальный фельетонъ «О любви къ человѣчеству». Авторъ его никакъ не можетъ подыскать «эффектнаго» окончанія. А время идетъ, изъ окна типографіи ужъ виденъ крестный ходъ, мелькаютъ праздничные огоньки, сверкаютъ и блестятъ роскошныя ризы... Рабочіе ждутъ, томятся... Дома разговѣнье, семья... А «эффектнаго» окончанія все еще нѣтъ. Наконецъ, въ четыре часа утра приходитъ фельетонъ. Газета доканчивается. Такъ встрѣчаютъ Свѣтлый праздникъ наборщики. Этотъ маленькій красочный разсказъ, написанный живо и съ увлеченіемъ, производитъ впечатлѣніе. Читатель окунается въ совершенно новый самобытный міръ, въ которомъ столько интереснаго и совсѣмъ не разработаннаго нашей беллетристикой. Почти то же самое нужно сказать и объ остальныхъ разсказахъ г. Филлипова.

Помѣщенные въ сборникѣ разсказы изъ общей жизни не производятъ большого впечатлѣнія. Нѣкоторыя статьи («Около памятниковъ» и проч.) кажутся намъ лишними и мало интересными. Какъ на стилистическій недостатокъ, укажемъ на излишнюю любовь автора къ всевозможнымъ афоризмамъ разныхъ мудрецовъ, что особенно вредитъ его статьямъ общаго характера. Здѣсь на каждой страницѣ то Гете, то Рескинъ, то Сенека то Бэконъ цѣлая коллекція цитатъ!

Несмотря на эти недостатки, сборникъ г. Филиппова читается съ большимъ интересомъ, особенно его яркіе разсказы изъ оригинальной жизни «свинцовой арміи».

Издана книжечка очень изящно и стоитъ недорого. М—о.

Л. П. Карсавинъ. Монашество въ средніе вѣка. Спб. 1912.

Авторъ говоритъ о началахъ монашества въ Египтѣ и затѣмъ уже исключительно о западномъ монашествѣ, не касаясь восточнаго, о Бенедиктѣ и его уставѣ, объ итальянскихъ еремитахъ, о клюнійскомъ движеніи, францисканцахъ и доминиканцахъ. Книга г. Карсавина составляетъ одинъ изъ выпусковъ популярной серіи по исторіи Европы, издаваемой Брокгаузомъ и Ефрономъ, но написана мѣстами довольно невразумительно и предполагаетъ такія спеціальныя познанія, которыхъ нельзя требовать отъ широкой публики. Она начинается слѣдующими туманными фразами весьма сомнительнаго достоинства: «Монашество—историческая форма осуществленія аскетическаго идеала. Въ основѣ же этого идеала лежитъ дуалистическое мірочувствованіе и въ болѣе развитомъ видѣ его—міропониманіе. Если существуетъ тотъ или иной видъ, та или иная степень дуализма, хотя бы въ противопоставленіи добра и зла, духа и тѣла, попытка доставить торжество тому, что признается цѣннымъ, необходимо приводитъ къ аскезѣ». Читатель въ правѣ спросить, какая разница между мірочувствованіемъ и міропониманіемъ? Неясно также, почему попытка доставить торжество душѣ, а не тѣлу должна неминуемо приводитъ къ аскетизму. Всѣ идеалисты признаютъ превосходство духа сравнительно съ матеріей, но далеко не всѣ идеалисты склонны къ аскетизму. Въ главѣ о монастырскихъ имѣніяхъ

ваторъ говоритъ: «Даже если монастырь основывался въ совершенно дикой мѣстности, въ распоряженіи у него находилось достаточное количество сервовъ и свободныхъ, жадно бросающихся на отдаваемые на выгодныхъ условіяхъ прекарія или бенефиція участки земли (стр. 35)». Читатель не обязанъ знать, что такое сервы, бенефиціи и прекаріи; эти термины извѣстны только спеціалистамъ. А далѣе не всякій спеціалистъ разберется въ томъ, что хотѣлъ выразить г. Корсавинъ слѣдующими словами:

«И въ IX вѣкѣ сами монахи уже не работаютъ, ограничиваясь надзоромъ за барщиннымъ трудомъ сидящихъ на земляхъ монастыря свободныхъ и зависимыхъ людей и за трудомъ сервовъ». Читатель, не посвященный во всѣ тонкости средневѣковой жизни, не пойметъ, какимъ образомъ свободный крестьянинъ могъ нести барщину, такъ какъ крѣпостного мы не привыкли называть свободнымъ, и не всѣ знаютъ, что въ средніе вѣка существовали крѣпостные лично свободные и другіе крѣпостные, лично не свободные. Авторъ говоритъ, что часто аббатомъ бывалъ членъ бѣлаго духовенства или даже мірянинъ (стр. 37). Непонятно, какимъ образомъ мірянинъ могъ быть аббатомъ, т. е. духовнымъ лицомъ? Иногда г. Карсавинъ выражается такъ, что его оригинальную книгу можно принять за плохой переводъ. Онъ пишетъ, напримѣръ: «во главѣ монастыря стоитъ пожизненный аббатъ; тѣмъ менѣе загражденъ входъ родственникамъ монаховъ; энтузіасты аскезы, создававшіе суровые или продуманные уставы». П. Б.

А. И. Алмазовъ. Проклятіе преступника псалмами. Одесса. 1912. Стр. 84.

Новое изслѣдованіе извѣстнаго нашего канониста, профес. новороссійскаго университета А. И. Алмазова касается весьма интереснаго вопроса, относящагося къ исторіи суда Божьяго въ греческой церкви. Дѣло въ томъ, что, за недостаточностью фактическихъ данныхъ, судъ иногда лишенъ возможности съ точностью установить истину; вмѣстѣ съ тѣмъ, и устанавливая истину, судъ, однако, иногда ставится въ невозможность воздать должное преступнику и вообще правонарушителю, за сокрытіемъ послѣдняго. Потребность и въ подобныхъ случаяхъ такъ или иначе достигнуть истины, и осуществить правосудіе, какъ извѣстно, въ давно минувшіе дни породила вѣрованіе въ цѣлесообразность примѣненія здѣсь различныхъ формъ такъ называемаго «суда Божьяго». Съ церковной точки зрѣнія, и для тѣхъ случаевъ, когда правонарушитель отсутствуетъ въ наличности и совершенно скрылся, мыслима вѣроятная возможность и обличить его, и воздать ему должное способомъ исключительнымъ, хотя нѣсколько и напоминающимъ другія церковныя формы суда Божьяго въ тѣсномъ смыслѣ, но только болѣе общаго характера.

Такимъ способомъ могло пониматься моленіе церкви объ открытіи преступника,—но только моленіе, спеціально назначенное для такой цѣли. И несомнѣнно, въ практикѣ греческой церкви примѣнялся и такой способъ. Практиковался онъ, однако, не въ видѣ простого моленія объ открытіи преступника, но въ связи съ провозглашеніемъ отлученія его отъ церкви, а точнѣе, въ связи

съ проклятіемъ его церковью. Вмѣстѣ же съ этимъ проклятіемъ возносилось и пламенное моленіе о жесточайшемъ и всеобъемлющемъ наказаніи преступника и о пораженіи его всяческими внутренними и внѣшними недугами, которые свидѣтельствовали бы всѣмъ о немъ, какъ о преступникѣ, и невольно вызывали бы его на самообличеніе и самообъявленіе о совершенномъ имъ преступномъ дѣяніи (стр. 1—3).

При занятіи греческими литургико-каноническими рукописями авторъ настоящаго изслѣдованія ознакомился съ двумя памятниками такого «отлучательнаго» моленія или послѣдованія, которое, по всей справедливости, можно понимать, какъ проклятіе преступника.

По уставу этого послѣдованія, для его совершенія требуется пригласить семь священниковъ, которые должны совершить литургію. По окончаніи литургіи они должны выйти въ облаченіи внутрь (на средину) храма. Здѣсь приготовляется тарелка, въ которую наливается «хорошій уксусъ», а вокругъ ея ставится семь смоляныхъ свѣчей. Послѣ того въ тарелку кладется кусокъ негашеной извести въ объемѣ одного яйца, надъ какимъ составомъ и должно читаться все положенное въ послѣдованіи. Требованіе здѣсь свѣчей смоляныхъ, которыя по цвѣту черныя и составляютъ прямую противоположность обыкновенно употребляемымъ въ церкви восковымъ свѣчамъ—бѣлымъ,—отчасти можетъ быть объяснено мрачнымъ и печальнымъ назначеніемъ относящагося сюда обряда. Скорѣе же, здѣсь исходили, повидимому, изъ того представленія, что подлежащій проклятію, какъ предаваемый во власть діавола, тѣмъ самымъ становится участникомъ его царства; царство же это—адъ,—по средневѣковымъ о немъ представленіямъ,—мѣсто, гдѣ грѣшники подлежатъ мученіямъ, между прочимъ, и въ кипящей смолѣ. Что же касается употребленія смѣси изъ уксуса и негашеной извести, то на умѣстность примѣненія ихъ указывало химическое послѣдствіе такого смѣшенія—такъ называемая бурная реакція. При ней разложеніе извести подъ воздѣйствіемъ уксусной кислоты производитъ кипѣніе, сопровождаемое выдѣленіемъ газовъ, а въ результатѣ остается густая и очень клейкая масса. Трудно сказать, что символически долженъ изображать такой обрядъ. Только приблизительно вѣроятнымъ объясненіемъ здѣсь можно принять то, что самый процессъ бурной реакціи можетъ пониматься, какъ символическое изображеніе гнѣва Божьяго на преступника, а остающаяся клейкая масса, какъ указаніе на «вязаніе» властью церкви совершившаго преступленія.

Затѣмъ всѣ священники берутъ въ свои руки по одной горящей свѣчѣ и, по обычномъ началѣ, совершаютъ самое послѣдованіе. Роль каждаго священника въ этомъ совершеніи, согласно уставу, не сложная, а именно—каждый изъ нихъ по очереди произноситъ предназначенную для него часть псалма и, сверхъ того, произноситъ еще такъ называемый «тропарь Іуды». Когда всѣ семь священниковъ исполнятъ это, тогда,—говоритъ уставъ,—«да отлучатъ и да творятъ отпустъ; тарелку же да перевернутъ вверхъ дномъ и въ такомъ видѣ да оставятъ ее внутри церкви» (стр. 4—10).

Въ результатѣ этого часто бывали случаи, когда подъ вліяніемъ угрызеній совѣсти отлученный обнаруживалъ себя и заявлялъ о своемъ искреннемъ раскаяніи; а на подобные случаи само собою открывалась необходимость въ актѣ снятія проклятія,—въ актѣ церковнаго разрѣшенія отъ отлученія.

Весьма любопытнымъ представляется вопросъ, по какимъ же мотивамъ отдавалось столь исключительное значеніе именно Псалтири. Объясненіе этому, по совершенно справедливому мнѣнію профессора А. И. Алмазова, заключается въ томъ всеобщемъ почитаніи, какимъ пользовалась Псалтирь въ прежнее время и какимъ пользуется и теперь у религіозныхъ людей (стр. 43).

Желаемъ почтенному автору дальнѣйшаго успѣха въ его цѣнныхъ трудахъ въ области литургики и каноники!

Профессоръ М. Красноженъ.

Война и воины на службѣ Господней. Составилъ А. К. Э. Спб. 1912. Стр. XIX+427. Цѣна въ папкѣ 1 руб. 50 к.

Мы только что были очевидцами удивительныхъ событій, которыя, съ феерической быстротой развертываясь на міровой аренѣ, сложились передъ глазами изумленныхъ народовъ въ героическую легендарную эпопею, примѣръ которой приходится искать развѣ въ глубинѣ сѣдой древности. Маленькія балканскія государства, съ общимъ населеніемъ, немного превышающимъ лондонское, безъ денегъ, безъ достаточнаго количества военныхъ припасовъ, разгромили въ конецъ и поставили почти на край гибели могущественную, искони военную по преимуществу имперію, побѣда надъ которой всего лишь 35 лѣтъ тому назадъ, послѣ многихъ неудачъ, стоила намъ въ результатѣ сотни тысячъ жертвъ жизнями и сотни милліоновъ денегъ. Причины такого неслыханнаго разгрома лежатъ, очевидно, глубже тѣхъ соображеній, которыя приводятся уже теперь въ повременной печати въ объясненіе турецкихъ неуспѣховъ. Вѣдь Турція давно готовилась къ войнѣ, армія ея реорганизована однимъ изъ лучшихъ знатоковъ военнаго дѣла въ Европѣ, качества турецкаго солдата общепризнаны всѣми авторитетами, а нашъ другъ Михель въ изобиліи снабжалъ ее самымъ усовершенствованнымъ вооруженіемъ изъ соображеній не одной только коммерческой выгоды. Нѣтъ, причины успѣха или неудачи въ столкновеніи одного народа съ другимъ лежатъ не только въ томъ или иномъ состояніи военной техники, онѣ кроются въ глубинѣ души народной, въ состояніи его духа въ данный періодъ времени.

Книга, заглавіе которой мы выше выписали, потому и представляетъ большой интересъ не только для военнаго, но и для каждаго читателя, привыкшаго вдумчиво относиться къ явленіямъ міровой жизни, что ставитъ своей цѣлью разрѣшеніе такихъ больныхъ для современнаго человѣчества вопросовъ, какъ: что такое война, каково ея значеніе и смыслъ въ жизни народовъ, возможно ли искорененіе войнъ и при какихъ условіяхъ, допустима ли война съ точки зрѣнія христіанскаго ученія, гдѣ причины успѣха или пораженія народа въ войнѣ, какимъ должно быть воспитаніе народа и арміи, чтобы они побѣдоносно выходили изъ бурь «военной непогоды»? и т. п.

Въ послѣдніе годы, особенно послѣ ужасовъ японской кампаніи, перваго послѣ русско-турецкой войны крупнаго столкновенія двухъ великихъ народовъ, гдѣ были примѣнены всѣ новѣйшіе средства и способы массоваго истре-

бленія людей, вновь выплылъ на очередь текущихъ злобъ дня вопросъ о необходимости изъятія изъ обихода международной жизни войны, какъ способа разрѣшенія споровъ между культурными государствами, необходимости разоруженія. И крупный интересъ, проявляемый въ печати и мыслящемъ обществѣ къ этому «проклятому вопросу», имѣетъ полное свое оправданіе въ непомѣрномъ, чудовищномъ ростѣ милитаризма во всемъ мірѣ. На алтарь этого современнаго Молоха уже приносится повсюду треть достоянія народнаго, и не предвидится конца росту его вожделѣній. Немудрено, поэтому, что большинство мнѣній въ печати и обществѣ не на сторонѣ войны и параллельно съ лихорадочными вооруженіями правительствъ въ обществахъ почти всѣхъ европейскихъ странъ идетъ дѣятельная агитація пацифистовъ, вербующая въ ихъ ряды цвѣтъ интеллигенціи и соціалистически настроенные слои населенія. Но, увы, одно дѣло теорія, а другое—реальная жизнь. Сколько ни громили и ни громятъ войну десятки блестящихъ умовъ, начиная съ Сенеки, Вольтера, Фенелона и кончая Гюго, Пасси, Стэдомъ и Суттнеръ, и тысячи рядовыхъ пацифистовъ и антимилитаристовъ во всѣхъ странахъ, но вотъ мы видимъ, что на другой день послѣ гаагской конференціи, перваго шага государствъ къ разоруженію, грохочутъ пушки на Ялу, а еще вчера мы были свидѣтелями, какъ населеніе четырехъ государствъ, девять десятыхъ жителей которыхъ, навѣрное, каждый въ отдѣльности ненавидятъ войну, въ минуту военной тревоги, какъ одинъ человѣкъ, схватилось за ружье.

Глубоко поэтому правъ авторъ разсматриваемой книги, приводя изреченіе одного русскаго писателя, что «война—великая тайна» (къ сожалѣнію, онъ не говоритъ, кому принадлежитъ это удачное выраженіе, а сами мы не можемъ вспомнить) и что необходимость готовиться и «учиться войнѣ» будетъ существовать у всѣхъ народовъ земли до конца вѣка сего», или пока не наступятъ повсемѣстно на землѣ благопріятныя условія для исчезновенія войнъ изъ обихода народовъ, т. е. пока весь міръ не сдѣлается христіанскимъ на самомъ дѣлѣ: «спасеніе народа отъ ужасовъ войнъ въ христіанской жизни и только въ ней». Пока же этого нѣтъ, «необходимо,—говоритъ Гербертъ Спенсеръ,—принимать оборонительныя мѣры, достаточныя для предупрежденія угрожающихъ опасностей... такъ какъ неподготовленность можетъ навлечь нападеніе». Со свойственной генію четкостью выразилъ ту же мысль Петръ Великій: «Отъ презрѣнія къ войнѣ общая погибель слѣдовать будетъ», а президентъ самой миролюбивой, не имѣющей даже войска Сѣверо-Американской республики Рузевельтъ говоритъ: «Народъ, боящійся войны, разлагается на мѣстѣ; онъ осужденъ на паденіе и рабство». Но суть подготовки арміи къ войнѣ и побѣдѣ авторъ видитъ не въ усовершенствованіяхъ техники и военной системы, которая, по словамъ Наполеона, должна сама по себѣ измѣняться каждыя десять лѣтъ, а въ религіозно-нравственномъ воспитаніи народа въ духѣ христіанства: «войско всегда бывало сильнымъ настолько, насколько велика была нравственная сила народа», и «успѣхъ на войнѣ гораздо въ большей степени зависитъ отъ духа и воспитанія всего народа, чѣмъ отъ военнаго воспитанія его арміи»; «если Господь воинствъ не будетъ вождемъ даннаго народа, то вся сила даже многомилліонной арміи есть миражъ, и этотъ народъ неизбѣжно будетъ побѣжденъ,

несмотря на все искусство политики и огромнѣйшіе запасы военныхъ средствъ, на всестороннюю подготовку его къ войнѣ, самое тщательное изученіе имъ своихъ противниковъ и остроумнѣйшую разработку будущихъ военныхъ дѣйствій». Авторъ предпосылаетъ всему своему сочиненію слѣдующій тезисъ, развитію котораго и посвященъ его трудъ: «Исполненіе народомъ и его войскомъ завѣтовъ Господнихъ составляетъ вѣрный залогъ побѣды на войнѣ и благоденствія во время мира,—между тѣмъ какъ пренебреженіе святыми завѣтами Его есть основная и главная причина пораженій и несчастій. Это намъ возвѣщаетъ Самъ Богъ. О томъ же свидѣтельствуютъ и многочисленныя событія исторіи—съ древнихъ временъ и вплоть до нашихъ дней».

Въ соотвѣтствіи съ задачами автора первую часть своей книги, со стр. 1—126, подъ заглавіемъ: «Мечъ Всевышняго Вождя», онъ занимаетъ исключительно выдержками изъ Св. Писанія Новаго и Ветхаго Завѣта, касающимися войны и жизни воиновъ, гдѣ исчерпывающе приводитъ все, что говорится въ словѣ Божіемъ по сему предмету. Во второй части своей книги подъ заглавіемъ: «Значеніе и смыслъ войны», авторъ, подкрѣпляя свои выводы, какъ ссылками на Св. Писаніе, такъ и авторитетомъ выдающихся богослововъ, философовъ, историковъ и писателей и многочисленными историческими экскурсами, всесторонне разсматриваетъ вопросъ о войнѣ и о путяхъ, которыми можно достигнуть въ ней успѣха. Стоя все время на почвѣ ученія Св. Писанія, авторъ, послѣ сопоставленія мнѣній выдающихся умовъ за и противъ войны, оправдываетъ въ результатѣ законность войны, какъ неизбѣжнаго явленія міровой жизни, въ томъ случаѣ, когда, по выраженію блаженнаго Августина, она ведется «по полномочію отъ Бога», т. е. для защиты ближнихъ, угнетенныхъ, для возстановленія справедливости, законныхъ правъ народа, вообще, когда она ведется за истинно-правое дѣло. Основываясь на словахъ самого Христа: «не думайте, что Я пришелъ принести миръ на землю; не миръ пришелъ Я принести, но мечъ», авторъ приходитъ къ выводу, что «брань противъ беззаконія и въ защиту правоты—необходимое слѣдствіе пришествія Христа». Поэтому тщетны будутъ всѣ усилія пацифистовъ водворить миръ, если они не поставятъ своей задачей нравственное исправленіе человѣка и обращеніе его къ евангелію. «Только евангеліе можетъ привести къ истинѣ и свободѣ, къ справедливости и благороднѣйшей культурѣ». Пока же не будетъ этого, «осуществленіе идеи вѣчнаго мира... было бы величайшимъ несчастіемъ для человѣчества: оно оказало бы болѣе разрушительное дѣйствіе вслѣдствіе внутренняго разложенія, чѣмъ то, которое производитъ война». Недаромъ Рузевельтъ въ посланіи конгрессу отъ 4-го декабря 1906 года говорилъ: «справедливая война для души народа гораздо болѣе благодѣтельна, чѣмъ самый цвѣтущій миръ, если онъ достигнутъ путемъ перенесенія неправды и несправедливости». Интересна идентичность выводовъ автора съ таковыми же въ книгѣ генерала Бернгарди, вышедшей въ Берлинѣ вскорѣ по выходѣ разсматриваемаго труда. Но въ то время, какъ Бернгарди во взглядахъ на войну исходитъ изъ идеи превосходства германской расы и самаго откровеннаго шовинизма, нашъ авторъ остается на почвѣ общечеловѣческой, гуманной, христіанской. Съ этой почвы авторъ не сходитъ до конца своего изложенія, и поэтому его не пугаютъ успѣхи милитаризма и

траты милліардовъ на вооруженіе, такъ какъ во много кратъ большія суммы ежегодно тратятся на обжорство, пьянство, куреніе, развратъ и безумную роскошь, и тяжесть «вооруженнаго мира» можетъ явиться наконецъ стимуломъ для обращенія народовъ къ Христу.

Большую часть книги авторъ посвящаетъ вопросу о воспитаніи воина-христіанина и выясненію обязанностей его по отношенію къ службѣ и родинѣ. Онъ полагаетъ, основываясь на мнѣніяхъ многихъ участниковъ русско-японской войны, что «главное причиной неудачъ русскихъ былъ недостатокъ искренняго религіознаго чувства», «религіознаго настроенія не было... ограничивались только обрядностью и внѣшностью». Приводя мнѣнія такихъ авторитетовъ, какъ Мольтке, Скобелевъ, Суворовъ, Кромвель и десятки другихъ, онъ требуетъ, чтобы въ основу воспитанія солдата клалось усвоеніе завѣтовъ Христа. «Нравственная высота народа одна—непобѣдимая тактика».

Такую книгу могъ написать только человѣкъ, съ любовью тщательно изучившій Св. Писаніе. Врядъ ли въ какой-либо литературѣ найдется другой такой оригинальный трудъ, такъ полно охватывающій одну изъ безчисленныхъ темъ Св. Писанія и ставящій ее въ связь со всѣмъ, что написано по данному вопросу въ міровой литературѣ. Въ частности для командующаго состава арміи онъ открываетъ необъятную область для размышленій и даетъ въ руки богатый матеріалъ при выработкѣ какъ своего міросозерцанія, такъ и взглядовъ на воспитаніе солдата и потому долженъ быть настольной книгой каждаго офицера, а такъ какъ изложеніе въ высшей степени простое и доступное всякому пониманію, то книга г. А. К. Э. должна бы явиться непремѣнной принадлежностью библіотеки каждой восковой части и стать катехизисомъ каждаго грамотнаго солдата. Она дастъ для воспитанія арміи больше, чѣмъ груды другихъ издѣлій quasi-патріотической литературы. Издана книга изящно, и цѣна по объему ея невысока. **Н. И. К.**

В. Поппе. Критика методологическихъ основъ теоріи праза и нравственности проф. Петражицкаго. Спб. 1912. Ц. 40 коп.

Въ 1905 г. появилась книга, имѣвшая цѣлью выяснить ошибки и недостатки традиціонной психологіи и установить такія психологическія положенія, которыя могли бы служить для построенія общей теоріи права и нравственности. Впослѣдствіи почтенный ученый продолжалъ свои работы въ указанномъ направленіи, встрѣчая всегдашнее вниманіе, хотя и различную оцѣнку со стороны спеціальной критики. Между прочимъ много и очень ядовито оспаривалъ воззрѣнія г. Петражицкаго покойный В. И. Сергѣевичъ.

Г. Поппе не отрицаетъ правильности приложенія опытной психологіи къ изученію правовыхъ явленій по существу. Но зато его критическій разборъ бьетъ профессора Петражицкаго больнѣе, такъ какъ онъ касается и весьма серьезно не общихъ выводовъ и пріемовъ работы почтеннаго ученаго, а методологическихъ основаній. Конечно, проф. Петражицкій самъ отвѣтитъ на предъявленныя ему г. Поппе обвиненія, но сущность ихъ стоитъ того, чтобы на нихъ оста-

новиться. Самъ авторъ нападокъ обнаруживаетъ серьезное знакомство съ тѣмъ предметомъ, котораго онъ касается. Онъ, несомнѣнно, силенъ въ области теорій познанія, психологіи и философіи, и потому его замѣчанія пріобрѣтаютъ вѣсъ. Обвиняетъ же г. Поппе проф. Петражицкаго въ томъ, что, приступая къ разсмотрѣнію трактуемыхъ вопросовъ ab ovo, онъ не разрѣшаетъ ни одного гносеологическаго вопроса; что онъ навязываетъ неокантіанцамъ, Миллю и Зигварту то, чего они никогда не говорили; что съ психологіей творецъ новыхъ теорій о правѣ знакомъ лишь поверхностно и проч. Попадаетъ попутно и М. М. Ковалевскому, который диллетантски счелъ возможнымъ выдавать аттестатъ проф. Петражицкому, самъ не разбираясь точно въ философскихъ понятіяхъ. Портитъ впечатлѣніе замѣчаній г. Поппе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нѣсколько несоотвѣтственный топъ, но брошюра его во всякомъ случаѣ заслуживаетъ полнаго вниманія.

В. Г.

Очерки по исторіи Византіи подъ редакціей и съ предисловіемъ В. Н. Бенешевича. Вып. I и II. Спб. 1912.

Съ недавнихъ поръ византійская исторія признана обязательнымъ предметомъ почти во всѣхъ университетахъ, но не существуетъ учебниковъ, которые можно было бы предложить студентамъ. Въ виду этого профессоръ Бенешевичъ задумалъ издать переводную хрестоматію по исторіи Византіи. Въ первомъ выпускѣ помѣщенъ переводъ очерка политической исторіи Византіи, приложенный къ извѣстной исторіи византійской литературы Крумбахера. Книжка эта хорошій справочникъ, но едва ли годится въ качествѣ учебника, на каждой страницѣ множество именъ и годовъ, знанія которыхъ нельзя требовать отъ студентовъ. Удачнѣе выбранъ матеріалъ для второго выпуска. Въ немъ напечатаны этюдъ извѣстнаго англійскаго историка Бери о государственномъ строѣ Византійской имперіи и очеркъ культурной исторіи Византіи Гельцера, гдѣ рѣчь идетъ о царской власти, церемоніалѣ, чиновничествѣ, церкви, торговлѣ и промышленности. Переводъ сдѣланъ студентами и слушательницами высшихъ женскихъ курсовъ вполнѣ удовлетворительно.

П. Б.

Wolf, G. Einfuhrung in das Studium der neueren Geschichte. Berlin. 1910. S. XXVI+793.

Капитальная работа г. Вольфа окажетъ немаловажную услугу всѣмъ занимающимся исторіей, литературой, юриспруденціей и сопредѣльными съ ними науками. Книга г. Вольфа справочнаго характера; въ ней каждый научный работникъ найдетъ цѣнныя свѣдѣнія: объ искусствѣ книгопечатанія, книжной торговлѣ, о крупныхъ книгоиздательствахъ и книгопродавческихъ фирмахъ; библіографическихъ и библіологическихъ изданіяхъ; о библіотековѣдѣніи и архивовѣдѣніи. Особенно цѣнной является глава объ изданіяхъ и издательствахъ архивнаго матеріала, о кодификаціонныхъ работахъ, изслѣдованіяхъ

и изданіяхъ. Немало свѣдѣній о литературѣ мемуаровъ, изданіяхъ мемуаровъ. Наконецъ авторъ останавливается на крупныхъ историческихъ публикаціяхъ, систематизируетъ главнѣйшіе выводы этихъ публикацій; отмѣчаетъ попутно и другія цѣнныя изслѣдованія. Въ книгѣ собраны обстоятельныя свѣдѣнія; обстоятельнѣе данныя нѣмецкой науки, слабѣе представлена русская историческая наука. Но за это нельзя упрекать изслѣдователя, ибо подобную работу, какая дана г. Вольфу, можетъ выполнить лишь коллективная организація. Книга Вольфа говоритъ о необыкновенной работоспособности и громадной эрудиціи автора. Она, несомнѣнно, станетъ хорошей настольной книгой для каждаго научнаго работника, облегчитъ ему самостоятельную научную работу, давая много справочнаго матеріала. Польза подобныхъ изданій при все разрастающейся исторической литературѣ внѣ сомнѣній. Къ книгѣ приложенъ тщательно составленный личный и предметный указатель.

С. Аваліани.

Формы національнаго движенія въ современныхъ государствахъ. Подъ редакціей Д. П. Кастелянскаго. Спб. 1912. Стр. 821. Цѣна. 7 р. 50 к.

Извѣстный первый томъ сборника, издаваемаго товариществомъ «Общественная Польза», посвященъ обозрѣнію національнаго движенія въ Австро-Венгріи, Россіи и Германіи. О каждой народности дана особая статья, написанная въ большинствѣ случаевъ вожаками этой народности въ политической борьбѣ.

Такъ, о литовцахъ повѣствуетъ читателю г. Булатъ, о евреяхъ извѣстный еврейскій публицистъ Дубновъ, статья объ украинофильствѣ написана пресловутымъ профессоромъ Грушевскимъ и т. д. Это обстоятельство придаетъ сборнику особую пикантность, но вмѣстѣ съ тѣмъ порядочно и уменьшаетъ его научное, объективное значеніе: передъ нами говорятъ не историки, а политическіе агитаторы, которые, пытаясь зажечь и раздуть національистическіе инстинкты, склонны принимать свои фантазіи и вожделѣнія за реальные факты.

Мы не имѣемъ здѣсь возможности разсматривать критически каждую изъ статей сборника и потому остановимся на нѣкоторыхъ, наиболѣе характерныхъ для общаго тона всей книги. Относительно статей, касающихся національной борьбы въ Германіи и Австро-Венгріи, мы должны сдѣлать одно общее замѣчаніе предостерегающаго свойства. Дѣло въ томъ, что національное движеніе есть часть движенія обще-политическаго,—не даромъ этотъ сборникъ былъ задуманъ въ 1907 году. И потому, чтобы понять хорошо всѣ перипетіи борьбы за національность, нужно детально знать политическую исторію новѣйшаго времени. Между тѣмъ статьи заграничныхъ сотрудниковъ сборника въ родѣ Шпрингера, Треймунда, Фишеля и др. написаны ими, очевидно, для собственныхъ ихъ согражданъ, а никакъ не для русскаго читателя, не слѣдившаго за событіями мелкими для общей политики, но очень важными съ точки зрѣнія борьбы національностей. Отъ этого читатель сборника долженъ прибѣгать къ справкамъ въ другихъ сочиненіяхъ, и только тогда ему станутъ понятны совершившіеся факты.

Для насъ, русскихъ, разумѣется, интереснѣе всего средина книги, посвященная народностямъ Россіи.

Здѣсь читателя сразу же ожидаетъ сюрпризъ. Мы привыкли думать, что русское населеніе въ странѣ составляетъ $^2/_3$ всего населенія. Но, по изысканіямъ авторовъ сборника, это оказывается ошибкой. Чтобы уменьшить эту пропорцію, авторы не щадятъ усилій и доказываютъ, что напрасно малороссовъ и бѣлоруссовъ принимаютъ за русскихъ, что малороссы, бѣлоруссы и великоруссы представляютъ собою столь же разные народы, какъ самоѣды и армяне. А главное двѣ первыя народности рѣшительно враждебны великоруссамъ и не согласны ихъ поддерживать. Ставъ на такую точку зрѣнія, авторы высчитываютъ, что великоруссовъ всего 40 съ чѣмъ-то милліоновъ, и приходятъ къ выводу, что, составляя менѣе половины всего населенія, русскіе напрасно претендуютъ на роль хозяевъ и владѣтелей страны, называемой Россіей.

Чтобы убѣдиться, какъ стараются разобщить вѣтви одного и того же русскаго ствола и бросить ихъ одна на другую, стоитъ прочесть статью Грушевскаго, которому во что бы то ни стало хочется задрапироваться въ тогу національнаго украинофильскаго вождя, добивающагося «децентрализаціи, національно-территоріальнаго автономизма, федерализма и самаго широкаго участія народа въ управленіи».

Для доказательства существованія особаго отъ русскихъ малороссійскаго народа—нелѣпость, которую такъ рѣзко осуждалъ Бѣлинскій и надъ которой такъ зло потѣшался Салтыковъ-Щедринъ, Грушевскому нужно сначала доказать, что существуетъ особый малороссійскій языкъ, и вотъ онъ разсуждаетъ такъ. Точныхъ критеріевъ для отличія языка отъ нарѣчія нѣтъ. Прежде говорили «малороссійское нарѣчіе», теперь явился «почти общепринятый терминъ украинскій языкъ». Слѣдовательно искомый языкъ существуетъ, а потому и малороссы являются отдѣльнымъ народомъ.

Какъ ни какъ, а г. Грушевскій именуется профессоромъ, и рѣшать сложный и запутанный вопросъ объ отношеніяхъ двухъ нарѣчій русскаго языка только на томъ основаніи, что теперь явился «почти общепринятый терминъ» какъ будто и легковѣсно!

Но больше всего заслуживаетъ вниманія читателя статья объ евреяхъ. По неприкрытости своихъ вожделѣній заявленія г. Дубнова явятся цѣлымъ откровеніемъ для наивныхъ умовъ, мечтающихъ о дарованіи евреямъ равноправія и мирномъ культурномъ сліяніи угнетенной народности съ кореннымъ населеніемъ. Статья еврейскаго публициста безпощадно разбиваетъ эту иллюзію. Разсказывая, какъ евреи добились во времена французской революціи равноправія, г. Дубновъ обрушивается на тѣхъ, кто желалъ представить евреевъ не народомъ, а вѣроисповѣдной группой. Не менѣе рѣзкое отношеніе обнаруживаетъ онъ и къ извѣстному борцу за эманципацію германскихъ евреевъ Рисслеру, который, защищаясь въ 1830 г. противъ обвиненій въ національномъ обособленіи отъ окружающей нѣмецкой среды, возражалъ: «Гдѣ у насъ второе отечество, кромѣ Германіи? Гдѣ нашъ государственный законъ, кромѣ германскаго?» По мнѣнію г. Дубнова, подобнаго рода аргументы представляютъ или нѣкоторую «замаскированность», или результатъ смѣшенія государственной идеи

съ національной. Нѣтъ, теперешніе еврейскіе публицисты стали гораздо смѣлѣе и практичнѣе: они раздѣляютъ оба понятія, которыя смѣшалъ Рисслеръ и не добиваются образованія особаго еврейскаго государства, за то требуютъ, чтобы евреи были признаны единымъ особымъ народомъ и притомъ не только въ предѣлахъ Россійской имперіи, но во всѣхъ странахъ, гдѣ живутъ евреи. Этотъ чудовищный международный народъ, живущій на чужой землѣ, долженъ обладать не только равноправіемъ, но еще и полноправіемъ, причемъ объемъ этого понятія остается не совсѣмъ выясненнымъ авторомъ.

Мы горячо рекомендуемъ ознакомиться съ этой книгой инородческихъ вожделѣній всѣмъ, въ комъ еще не угасло русское чувство и кто чувствуетъ себя нравственно отвѣтственнымъ за цѣлость страны передъ своей совѣстью и русскимъ народомъ, своей кровью и потомъ строившимъ свое государство.

С.

Павелъ Поповичъ. Обзоръ исторіи сербской литературы. Спб. 1912. Стр. 296. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Павелъ Поповичъ—профессоръ бѣлградскаго университета. Книга его представляетъ собою результатъ его педагогической дѣятельности и написана съ цѣлью «дать краткій обзоръ сербской литературы для тѣхъ, кто ее любитъ и изучаетъ и, насколько это позволяетъ ея краткость, служитъ пособіемъ для ихъ работы въ области науки». Русскій переводъ сдѣланъ подъ редакціей П. А. Лаврова и предназначенъ, повидимому, главнымъ образомъ для студентовъ университета.

Въ книгѣ три отдѣла: древняя, народная и средневѣковая дубровницкая литература. «Въ литературной исторіи славянскихъ народовъ,—такъ начинаетъ свой обзоръ г. Поповичъ,—былъ моментъ неоцѣнимой важности, когда болѣе чѣмъ тысячу лѣтъ назадъ два брата, оба въ зрѣлыхъ, возмужалыхъ годахъ сѣли однажды вечеромъ за столъ въ своемъ домѣ въ Царьградѣ и при слабомъ свѣтѣ глиняной лампады, въ которой горѣло масло, написали лебединымъ перомъ или «тростью» на пергаментномъ листѣ первыя слова славянскаго перевода священныхъ книгъ; это былъ моментъ, когда зарождалась древнѣйшая славянская литература». Къ сожалѣнію, эта попытка нарисовать картину, дать живой образъ чуть ли не единственная во всей книгѣ г. Поповича. Въ остальномъ она является сухимъ перечнемъ литературныхъ произведеній. Авторъ знаетъ главную литературу объ нихъ, аккуратно и добросовѣстно излагаетъ ихъ содержаніе, но въ изложеніи этомъ нѣтъ живого духа, и пересказы ученаго профессора даже и въ малой мѣрѣ не даютъ почувствовать красоты подлинника. А между тѣмъ въ рамки книги входятъ между прочимъ такія благоухающія высокой поэзіей произведенія, какъ сербскія народныя пѣсни, входитъ поэма Гундулича «Османъ». Прочтя о нихъ нѣсколько страницъ въ «Исторіи славянскихъ литературъ» Пыпина, вы больше узнаете объ этихъ произведеніяхъ и лучше ихъ поймете, чѣмъ ознакомившись со всей книгой г. Поповича.

Тѣмъ не менѣе и она небезполезна. Особенно хорошо и обстоятельно составлена библіографія предмета, занимающая болѣе сорока страницъ мелкаго шрифта. Не безъ интереса можетъ быть прочтенъ отдѣлъ о древней литературѣ, гдѣ такъ много общаго съ нашей старинной русской литературой, что нѣкоторые отзывы г. Поповича могли бы быть цѣликомъ перенесены въ учебникъ русской словесности. Еще болѣе общаго въ духѣ и настроеніи можно было бы найти между сербской и русской народной поэзіей; параллели были бы здѣсь очень любопытны, но ихъ нельзя требовать отъ г. Поповича: онъ писалъ свою книгу для сербовъ. И здѣсь приходится удостовѣрить, что переводныя книги, какъ бы онѣ хороши ни были, никогда ни могутъ замѣнить намъ оригинальныхъ русскихъ обзоровъ той или иной, даже родственной, литературы.

Это подтверждается и еще однимъ наблюденіемъ. Какъ извѣстно, нелѣпая распря между сербами и хорватами давно раздѣлила единый по происхожденію и языку сербо-хорватскій народъ на два враждующихъ стана. Въ Бѣлградѣ и Загребѣ можно наблюдать единственное, кажется, въ мірѣ явленіе, что одна часть народа не хочетъ признавать языкъ другой части своимъ только потому, что для выраженія однихъ и тѣхъ же звуковъ и словъ тамъ употребляются разныя азбуки, у сербовъ кириллица, у хорватовъ латинскій шрифтъ. Слѣды этой распри замѣчаются и въ книгѣ г. Поповича. Безспорно, дубровницкая литература принадлежитъ столько же сербамъ, сколько хорватамъ; между тѣмъ г. Поповичъ и сюда вноситъ раздѣленіе: такъ, онъ почему-то ни однимъ словомъ не упоминаетъ о такомъ замѣчательномъ далматинскомъ писателѣ, какъ Марко Маруличъ.

Переводъ книги сдѣланъ удовлетворительно, хотя и попадаются иногда не совсѣмъ русскія слова. Намъ запомнилось одно: «карнавальскій».

Андрей Сиротининъ.

Минало. Редакторъ Г. Д. Баласчевъ. Книги I—VI. Софія. 1909—1911. Стр. 411+187. Цѣна 15 левовъ (франковъ).

Южно-славянская археологія обогатилась необыкновенно цѣннымъ изданіемъ, на которое уже успѣла обратить вниманіе западная печать. Г. Д. Баласчевъ предпринялъ научное «болгаро-македонское» изданіе на болгарскомъ языкѣ, посвященное археологіи, исторіи, палеографіи, дипломатикѣ, исторіи искусствъ. Вышедшія до сихъ поръ шесть книжекъ даютъ разнообразный и богатый матеріалъ, а снимки памятниковъ древности по праву могли бы украшать самое изысканное англійское или нѣмецкое изданіе, хотя изготовляются въ Софіи. То, о чемъ нельзя было и мечтать лѣтъ тридцать назадъ, теперь стало фактомъ. Это еще одно блестящее культурное завоеваніе молодой Болгаріи.

Какъ будетъ видно изъ перечня наиболѣе важныхъ статей, появившихся въ «Минало», редакторъ широко смотритъ на границы «минувшаго» старыхъ болгарскихъ земель: здѣсь нашли себѣ мѣсто изслѣдованія и матеріалы по древностямъ македонской и ѳракійской эпохъ, древне-славянскаго и старо-болгарскаго періодовъ, временъ турецкаго рабства, наконецъ, культурнаго и

политическаго возрожденія болгарскаго народа. Прежде всего сдѣлаемъ перечень наиболѣе крупныхъ и цѣнныхъ въ научномъ отношеніи статей и матеріаловъ: «Славянскія надписи юго-западной Болгаріи», Г. Баласчева, «Болгарскій государственный гербъ» и «Старо-болгарскія надписи на камнѣ времени великаго хана Омортага», его же, «Турецкіе вакуфы въ Болгарскомъ царствѣ», Д. Ихчіева, «Титулы старо-болгарскихъ правителей», Г. Баласчева, «Верхнее теченіе рѣки Мѣста» (въ археологическомъ отношеніи), К. Николова, «Привилегіи христіанской райи въ Османской имперіи», Д. Ихчіева и редактора (съ текстами документовъ), «Этнографическое положеніе старыхъ македонцевъ», Г. Кацарова. Обращаютъ на себя вниманіе новизной фактовъ очерки: «Переписка между цареградскимъ патріархомъ и охридскимъ архіепископомъ въ XV вѣкѣ» и «Переписка между охридскимъ архіепископомъ и византійскимъ императоромъ Мануиломъ Палеологомъ» Г. Баласчева, «Хронологическій циклъ у болгаръ», В. Бери (переводная статья, вызвавшая изслѣдованіе профессора софійскаго университета В. Н. Златарскаго), «О государственномъ и военномъ устройствѣ старо-болгарскаго государства» (большое изслѣдованіе), Г. Баласчева, «Златопечатное слово царя Ивана Шишмана, данное Рыльскому монастырю»; его же, «Археологическая поѣздка въ Тиквешскій край», іером. Іосифа, «Деспотство Добротича», К. Моисила и др.

Для палеографіи имѣетъ значеніе небольшая работа Г. Баласчева «Болгарское скорописное письмо и образцы его X—XIX вѣка» (282—302). Статья богато иллюстрирована снимками почерковъ, частью появляющихся впервые. Здѣсь находимъ своеобразные почерки XVII вѣка; одинъ изъ нихъ, на стр. 295, производитъ впечатлѣніе юго-западной русской скорописи: случайное ли это явленіе, или же была такого рода школа письма—вопросъ для будущихъ изслѣдователей южно-славянской палеографіи. Было бы интересно видѣть возможно полное собраніе автографовъ болгарскихъ писателей и видныхъ дѣятелей возрожденія первой половины XIX вѣка, напримѣръ, Софронія Врачанскаго, Неофита Бозвели, Неофита Рыльскаго и другихъ. Что касается скорописной приписки-подписи зографскаго игумена Макарія на документѣ 980 года (стр. 284), то она ни въ коемъ случаѣ не можетъ относиться къ концу X вѣка и, по всей вѣроятности, сдѣлана позднѣе на древнемъ греческомъ документѣ, если, конечно, и послѣдній не представляетъ копіи съ подлинника.

Статей, не имѣющихъ ближайшаго отношенія къ археологіи, въ «Минало» сравнительно немного. Изъ нихъ укажемъ хотя бы слѣдующія: «Политическія комбинаціи въ теченіе XIX вѣка съ точки зрѣнія болгарскаго вопроса» К. Стоянова (Волканова), «Послѣднее письмо четы Христо Ботева», Іоцова, «Письмо даскала Джина къ Н. П. Тыпчелищеву», Д. Мишева, «Лѣсковскій революціонный комитетъ и окружное посланіе бухарестскаго комитета», В. Хранева, «Сѣверо-западные македонскіе говоры», Ю. Иванова.

Изъ иллюстрацій особенно удачно вышло прекрасное изображеніе болгарскихъ бояръ на фрескахъ Боянской церкви XIII вѣка, затѣмъ царя Константина Тиха и царицы Ирины въ той же церкви (оба воспроизведены въ краскахъ), факсимиле турецкаго документа въ краскахъ и др. Интересны снимки предметовъ изъ клада (считается древне-болгарскимъ. конечно, тюркской эпохи), най-

деннаго въ Венгріи. Въ видѣ приложенія къ статьѣ Г. Баласчева данъ снимокъ извѣстной грамоты Рыльскаго монастыря на большомъ листѣ въ натуральную величину грамоты. О. Л. А—въ.

Ек. Долгова. Флоренція и ея окрестности. Съ полнымъ планомъ Флоренціи, рисунками и алфавитнымъ указателемъ. Москва. 1912. Стр. LX+194. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Настоящая книга г-жи Ек. Долговой представляетъ собою первый опытъ изданія на русскомъ языкѣ путеводителя по Флоренціи. На основаніи лучшихъ сочиненій итальянскихъ, французскихъ, англійскихъ, нѣмецкихъ и русскихъ авторовъ составительница настоящаго путеводителя поставила себѣ цѣлью дать «возможно болѣе сжатое, яркое и полное описаніе имѣющихъ художественный и историческій интересъ памятниковъ скульптуры, архитектуры и живописи современной Флоренціи». Все содержаніе раздѣлено на семь дней или четырнадцать прогулокъ. При путеводителѣ имѣется сборникъ правилъ для посѣтителей музеевъ, галерей и пр., тщательно составленный дорожный словарь самыхъ необходимыхъ и простыхъ выраженій параллельно на трехъ языкахъ: русскомъ, французскомъ и итальянскомъ, а затѣмъ флорентійскій календарь и очень цѣнныя для туриста практическія свѣдѣнія о путешествіи по Италіи вообще и о Флоренціи въ частности (вокзалы, гостиницы, трамваи, телеграфъ, почта). Читается книга г-жи Долговой очень легко и съ большимъ интересомъ, который возбуждается многочисленными историческими справками и сообщеніями о былой жизни «итальянскихъ Аѳинъ», о драматическихъ эпизодахъ ея аристократическихъ домовъ, о разныхъ легендарныхъ случаяхъ, въ честь которыхъ построенъ тотъ или другой заинтересовавшій туриста памятникъ. Книга богато иллюстрирована и снабжена большимъ отчетливымъ планомъ Флоренціи. Д. А. М.

Записки разряда военной археологіи и археографіи императорскаго русскаго военно-историческаго общества. Подъ редакціей дѣйствительнаго члена Н. И. Веселовскаго. Томъ I. Спб. 1911. Стр. XXX+138+24.

Разрядъ военной археологіи и археографіи императорскаго русскаго военно-историческаго общества, руководимый извѣстнымъ археологомъ, профессоромъ Николаемъ Ивановичемъ Веселовскимъ, по справедливости долженъ быть признанъ самымъ дѣятельнымъ изъ всѣхъ отдѣленій названнаго общества. Помимо довольно частыхъ засѣданій и цѣнныхъ работъ нѣкоторыхъ его членовъ по изслѣдованію древнихъ крѣпостей Новгородско-Псковской земли, разрядомъ въ концѣ 1911 года изданъ въ свѣтъ первый томъ его «Записокъ» подъ редакціей Н. И. Веселовскаго. Появленіе этихъ «Записокъ» тѣмъ болѣе цѣнно, что онѣ, разсылаемыя членамъ общества безплатно, являются тѣмъ источникомъ, откуда большинство и членовъ и другихъ лицъ, интересующихся вопросами военной археологіи, могутъ почерпать свѣдѣнія о дѣятельности

разряда, такъ какъ единственный органъ военно-историческаго общества—его «Журналъ»—въ силу своей высокой цѣны является малодоступнымъ даже для членовъ общества.

Все содержаніе перваго тома «Записокъ» раздѣлено на три отдѣла: въ первомъ—помѣщены «журналы» засѣданій разряда за 1908—1910 гг. и въ приложеніи къ нимъ—протоколы комиссіи по изслѣдованію древнихъ крѣпостей Новгородско-Псковской земли, во второмъ—статьи и изслѣдованія и въ третьемъ—критика и библіографія.

Въ составъ второго отдѣла входятъ работы: В. Г. Дружинина—«Попытки московскаго правительства увеличить число казаковъ на Дону въ срединѣ XVII вѣка», Э. Э. Ленца—«О клеймахъ мастеровъ на оружіи»; В. Н. Глазова—«Ладья съ каменными ядрами, затопувшая въ Чудскомъ озерѣ» и Д. П. Струкова—«Русская артиллерія подъ Полтавою». Изъ всѣхъ этихъ статей, представляющихъ несомнѣнный интересъ по своимъ нѣкоторымъ новымъ фактамъ и освѣщеніямъ, особенное вниманіе должна привлечь работа Эд. Эд. Ленца, по своей обстоятельности, научной обработкѣ и широкой освѣдомленности автора въ затронутомъ вопросѣ. Въ текстѣ этой работы помѣщено 107 рисунковъ. Авторомъ изслѣдованы лишь клейма и «фигурные знаки мастеровъ» западно-европейскихъ (германскихъ, итальянскихъ и испанскихъ). «Къ сожалѣнію,—пишетъ онъ въ концѣ своей статьи,—мы не въ состояніи сообщить сколько-нибудь удовлетворительныя свѣдѣнія о клеймахъ и знакахъ оружейниковъ въ Россіи, такъ какъ имѣющійся до сего времени налицо матеріалъ слишкомъ скуденъ» и—прибавимъ отъ себя—совершенно не разработанъ, въ виду чего желающимъ поработать въ этой области предстоитъ широкое поле.

Изъ критическихъ отзывовъ позволю себѣ указать на подробный и обстоятельный отзывъ Н. Ф. Зезюлинскаго, исполненный имъ съ провѣркою по документамъ, о первомъ и третьемъ томахъ «Трудовъ» военно-историческаго общества, гдѣ напечатаны документы, касающіеся первыхъ годовъ Великой Сѣверной войны.

Б. Р—овъ.

Баронъ А. Е. Врангель. Воспоминанія о Ѳ. М. Достоевскомъ въ Сибири 1854—1856 г. г. Спб. 1912. Стр. 221. Ц. 1 р. 50 к.

Воспоминанія барона Врангеля о Достоевскомъ полны новизны и интереса. Они по преимуществу касаются жизни Достоевскаго въ ссылкѣ въ городѣ Семипалатинскѣ, куда онъ былъ сосланъ солдатомъ безъ выслуги лѣтъ. Эта жизнь, проведенная Достоевскимъ въ Сибири послѣ каторги, «никогда не затрагивалась въ печати, да и едва ли точно кому-либо извѣстна», говоритъ авторъ «Воспоминаній». Между тѣмъ ссыльная жизнь Достоевскаго производитъ не менѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ и годы въ каторгѣ, описанные имъ самимъ въ «Мертвомъ домѣ». Баронъ Врангель хорошо зналъ Достоевскаго и по обязанностямъ своей службы, будучи въ 1854—1856 гг. въ Семипалатинскѣ областнымъ прокуроромъ (стряпчій), и по симпатіямъ въ такой степени, что они видѣлись ежедневно, а во время разлуки переписывались между собою непрерывно. Такимъ образомъ, «Воспоминанія» г. Врангеля снабжены обширными письмами До-

стоевскаго и рисуютъ солдатскую жизнь нашего писателя во всѣхъ ея подробностяхъ.

За свое помѣщеніе, стирку бѣлья и ѣду Достоевскій платилъ пять рублей въ мѣсяцъ; «но,—горько восклицаетъ г. Врангель,—какая вообще была его ѣда! На приварокъ солдату отпускалось тогда четыре копейки, хлѣбъ особо. Изъ этихъ четырехъ копеекъ ротный командиръ, кашеваръ и фельдфебель удерживали въ свою пользу полторы копейки. Конечно, жизнь тогда была дешева: одинъ фунтъ мяса стоилъ грошъ, одинъ пудъ гречневой крупы—тридцать копеекъ. Ѳ. М. бралъ домой свою ежедневную порцію щей, каши и чернаго хлѣба и, если самъ не съѣдалъ, то давалъ своей бѣдной хозяйкѣ. У Достоевскаго была одна комната, довольно большая, но чрезвычайно низкая; въ ней царствовалъ всегда полумракъ. У входа налѣво отъ дверей большая русская печь. За нею помѣщалась постель Ѳ. М., столикъ и вмѣсто комода простой дощатый ящикъ. Вся комната была закопчена и такъ темна, что вечеромъ съ сальною свѣчою,—стеариновыя тогда были большою роскошью, а освѣщенія керосиномъ еще не существовало,—я еле-еле могъ читать. Какъ при такомъ освѣщеніи Ѳ. М. писалъ ночи напролетъ, рѣшительно не понимаю. Была еще пріятная особенность его жилья: тараканы стаями бѣгали по столу, стѣнамъ и кровати, а лѣтомъ особенно блохи не давали покоя, какъ это бываетъ во всѣхъ песчаныхъ мѣстностяхъ».

Тяжесть солдатской обстановки смягчалась дружбою Врангеля, который ввелъ Достоевскаго въ домъ губернатора П. Спиридонова, а это послѣднее обстоятельство открыло Достоевскому доступъ ко всему высшему обществу Семипалатинска.

Но, замѣчаетъ Врангель, никогда, конечно, Ѳ. М. не проявлялъ ни малѣйшаго заискиванія, лести, желанія проникнуть въ общество и въ то же время былъ въ высшей степени сдержанъ и скроменъ, какъ бы не сознавая всѣхъ выдающихся своихъ достоинствъ. Благодаря своему такту, онъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ.

Случалось, все-таки, солдатская служба напоминала о себѣ Достоевскому очень ощутительно, особенно когда однажды военныя власти въ Семипалатинскѣ стали готовиться къ походу противъ бунтующихъ киргизовъ.

«Бѣдному Ѳ. М,—говоритъ баронъ Врангель,—ежедневно приходилось два-три часа стоять въ строю; особенно изводилъ его парадный тихій шагъ въ три пріема. Я самъ ознакомился съ этимъ удовольствіемъ въ мою бытность въ лицеѣ и недоумѣвалъ, кому нужна была эта ножная гимнастика временъ Фридриха Великаго, введенная у насъ императоромъ Павломъ».

Къ довершенію мучительныхъ условій ссыльной жизни судьба судила Достоевскому влюбиться въ замужнюю женщину, и его романъ съ ней хотя и далъ писателю немало свѣтлыхъ минутъ въ его ссыльной жизни, все же былъ полонъ для Достоевскаго мучительными страданіями и въ то время, когда Марія Дмитріевна Исаева измѣняла мужу въ Семипалатинскѣ съ Достоевскимъ, и въ то время, когда измѣняла Достоевскому и мужу въ Кузнецкѣ съ какимъ-то учителемъ В., и въ то время, когда, овдовѣвъ и бросивъ учителя В., она обвѣнчалась съ Достоевскимъ и жила съ нимъ чахоточной истеричкой... Любовь къ ней весьма характерна для благородной и идеалистической души Достоевскаго.

Онъ не могъ представить себѣ близкую ему женщину въ черномъ свѣтѣ и отдавался гнѣвному противъ нея чувству только порывами. Когда состоялся первому мужу Исаевой переводъ въ Кузнецкъ, верстъ за пятьсотъ отъ Семипалатинска, Достоевскій горько твердилъ: «И вѣдь она согласна, не противорѣчитъ, вотъ что возмутительно!»

Стоило, однако, г-жѣ Исаевой вернуться къ Достоевскому, какъ онъ все забылъ и писалъ о ней къ барону Врангелю то, что ея романъ съ учителемъ В. слишкомъ мало имѣлъ вліянія на ея привязанность къ Достоевскому. «Она меня любитъ. Это я знаю навѣрно. Я зналъ это и тогда, когда писалъ объ ея измѣнѣ. Она скоро разувѣрилась въ своей новой привязанности. Еще лѣтомъ, по письмамъ ея, я зналъ это. Мнѣ было все открыто. Она никогда не имѣла тайнъ отъ меня. О, если бы вы знали, что такое эта женщина!»

Потребность идеализировать самое горькое свое положеніе чрезвычайно свойственна людямъ, и Достоевскій особенно сильно отдавался этому чувству, потому что здѣсь приходилось идеализировать и любимую женщину. Даже явное легкомысліе въ ней онъ скрашивалъ благородными словами: «Будемъ всегда глубоко благодарны за тѣ дни и часы счастья и ласки, которые дала намъ любимая нами женщина. Не слѣдуетъ требовать отъ нея вѣчно жить и только думать о васъ, это недостойный эгоизмъ, который надо умѣть побороть». Конечно, эти великодушныя слова еще глубже открываютъ намъ несчастную любовь Достоевскаго къ маленькой женщинѣ, о которой ему легче думать въ повышенномъ смыслѣ. Онъ, послѣ ея смерти, говоритъ о ней въ письмѣ отъ 31-го марта 1865 года слѣдующее: «Мы были съ ней положительно несчастны вмѣстѣ (по ея странному, мнительному и болѣзненно-фантастическому характеру), но мы не могли перестать любить другъ друга; даже чѣмъ несчастнѣе были, тѣмъ болѣе привязывались другъ къ другу. Какъ ни странно это, а это было такъ. Это была самая честнѣйшая женщина изъ всѣхъ, которыхъ я зналъ во всю жизнь».

Эта любовь Достоевскаго очень много сходственна съ материнской любовью, которая даже отразилась у него въ трогательныхъ заботахъ о дѣтяхъ Маріи Дмитріевны отъ Исаева.

Не менѣе цѣннымъ вкладомъ въ біографію Достоевскаго являются у барона Врангеля воспоминанія о томъ, какъ Достоевскій въ ссылкѣ томился тѣмъ, что ему было запрещено печататься и какъ эта тяжесть довела Достоевскаго до подачи патріотическихъ стиховъ на имя государя и прошенія о помилованіи.

Многіе укоряли Достоевскаго за эти поступки, забывая, что Достоевскій никогда не былъ революціонеромъ. Онъ былъ приговоренъ къ смертной казни за чтеніе въ одномъ изъ собраній у Петрашевскаго письма Бѣлинскаго къ Гоголю и неоднократно говорилъ, что никогда даже не раздѣлялъ крайнихъ идей Петрашевскаго о полученіи конституціи насиліемъ.

Баронъ Врангель чрезвычайно гуманно мотивируетъ поведеніе Достоевскаго тѣмъ, что Достоевскій по природѣ, по самому существу своему, былъ всегда патріотомъ въ самомъ глубокомъ значеніи этого слова. «На Александра II онъ, какъ и всѣ тогда, взиралъ съ душевнымъ умиленіемъ,—въ немъ онъ видѣлъ возрожденіе новой жизни въ Россіи; а что же приниженнаго было въ привѣт-

ствіи стихами воцарившемуся государю, бывшему въ то время упованіемъ всѣхъ любившихъ свою отчизну. Долженъ упомянуть, что и къ императору Николаю Достоевскій никакого злобнаго чувства не имѣлъ и даже, несмотря на всю, какъ находили многіе, маловажность его политическаго проступка, онъ лично вину свою признавалъ и ссылку считалъ, какъ ни покажется страннымъ, «дѣломъ справедливымъ». Стало быть, въ обращеніи къ царю о помилованіи не заключалось даже съ принципіальной точки зрѣнія ни малѣйшаго насилія надъ своими убѣжденіями ради личной выгоды. Не говорю уже о жестокости подобной критики о Достоевскомъ съ точки зрѣнія просто человѣческой. Достоевскій въ то время изнемогалъ отъ болѣзни, минутами онъ страшился за умъ [и память свою. Литературная дѣятельность для него была самое завѣтное въ жизни. Благодаря его пребыванію въ ссылкѣ, произведенія его не могли печататься; въ отчаяніи онъ даже предлагалъ печатать свои сочиненія подъ моимъ именемъ. Конечно, это слишкомъ лестное для меня предложеніе я отклонилъ. Кромѣ того, литература, кромѣ славы, была его единственнымъ заработкомъ. Въ то время онъ рвался къ личной жизни, его ожидалъ бракъ, въ которомъ ему грезилось «безконечное счастье». А вѣчная вопіющая нужда: годами онъ былъ лишенъ самаго необходимаго. Безпредѣльная матеріальная зависимость отъ людей, вѣчное исканіе средствъ развѣ было не болѣе «приниженнымъ» для человѣка такого умственнаго и душевнаго склада, какъ Достоевскій? Кто знаетъ, не прибѣгни Достоевскій къ средству, за которое такъ строго осуждаютъ его строгіе критики, не погибъ ли бы въ дебряхъ Сибири одинъ изъ величайшихъ русскихъ писателей—гордость Россіи».

Такимъ въ общихъ чертахъ рисуетъ баронъ Врангель по своимъ личнымъ воспоминаніямъ нашего писателя-страдальца на фонѣ мрачной сибирской жизни пятидесятыхъ годовъ.

А. Нечаева.

Справочная книжка для ходоковъ и переселенцевъ (Переселеніе за Уралъ). Изданіе переселенческаго управленія. Спб. 1912. Стр. 131. Цѣна 7 копеекъ.

Въ виду важнаго значенія въ нашемъ отечествѣ переселенія крестьянъ за Уралъ, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе увеличивающагося, переселенческое управленіе сочло полезнымъ издать небольшую, но вполнѣ обстоятельно составленную книжку, цѣною всего семь копеекъ, въ которой помѣщены всѣ законы, правила и льготы по ходачеству и переселенію, а также о порядкѣ распоряженія земельнымъ имуществомъ на родинѣ. Кромѣ того, тутъ же сообщаются главнѣйшія свѣдѣнія относительно условій жизни и хозяйства въ различныхъ районахъ переселенія, а также главные маршруты слѣдованія переселенцевъ по желѣзнымъ дорогамъ, при чемъ приложены расчеты проѣзда однаго человѣка и провоза одного пуда багажа по переселенческому тарифу отъ нѣкоторыхъ главнѣйшихъ станцій желѣзнодорожнаго слѣдованія переселенцевъ изъ Европейской Россіи до наиболѣе значительныхъ станцій высадки переселенцевъ на желѣзныхъ дорогахъ Сибири и Дальняго Востока.

Въ этой небольшой книжкѣ крестьянское населеніе предупреждается о томъ, что переселеніе трудное и опасное средство улучшить свое благососто-

ніе; что при переселеніи не должно разсчитывать *только* на одно пособіе отъ казны (т. е. на ссуду); что необходимо имѣть также свои собственныя средства на устройство новаго хозяйства на новыхъ мѣстахъ, и что расходы эти по устройству новаго хозяйства совсѣмъ не такъ малы, какъ себѣ представляютъ. Такъ, напримѣръ, на этотъ предметъ требуется рублей 400—500 на семью, чтобы устроиться на Дальнемъ Востокѣ, при правительственной ссудѣ до 200 рублей. Столько же денегъ должны имѣть семьи, переселяющіяся въ Енисейскую губернію. Въ Акмолинской области, чтобы устроиться и стать на ноги, каждая семья должна имѣть своихъ личныхъ средствъ отъ 300—400 рублей; въ Семипалатинской области отъ 250 до 350 рублей; въ Семирѣченской же, напротивъ того, не менѣе 600—700 рублей, причемъ *нѣтъ* участковъ свободныхъ ближе 700—1000 верстъ отъ желѣзной дороги, и это огромное количество верстъ приходится дѣлать обознымъ порядкомъ, при чемъ дорога изнурительна, большей частью пролегаетъ по пустыннымъ мѣстамъ и на пути нѣтъ остановочныхъ пунктовъ и даже селенія рѣдки.

Въ губерніяхъ сибирскихъ, въ которыхъ лучшія мѣста уже заселены давно, какъ, напримѣръ, Тобольской, чтобы устроиться, переселенческой семьѣ надо имѣть не менѣе 300 руб. своихъ денегъ, въ Томской губерніи—около 500—400 р., при чемъ большинство участковъ отведено въ лѣсныхъ районахъ, гдѣ требуется продолжительный упорный трудъ для устройства хозяйства, въ Иркутской губерніи—на тотъ же предметъ требуется отъ 300—500 рублей и т. д.

Изъ этого видно, что переселеніе—средство весьма дорогое для поправленія хозяйственнаго положенія, особенно если къ этому прибавить массу времени, непроизводительно затрачиваемаго при переселеніи съ прежняго мѣста на новое, и еще громадный, тяжелый трудъ и терпѣніе, потребные на то, чтобы обратить отведенный участокъ въ вполнѣ воздѣланный и одолѣть всѣ невзгоды перваго времени устройства на новомъ мѣстѣ.

Лишнее добавлять, что эта книжка заслуживаетъ самаго широкаго распространенія среди населенія, стремящагося весьма часто къ переселенію въ совсѣмъ невѣдомыя ему страны.

П. Майковъ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ТАИ-Махалъ.—Среди историческихъ памятниковъ древняго Египта и Индіи обыкновенно встрѣчаются усыпальницы или памятники, воздвигнутые государями въ память историческихъ событій. Но среди нихъ не попадалось ни одного, который былъ бы воздвигнутъ для увѣковѣченія любви и красоты. Есть только одинъ такой памятникъ въ Индіи, который, служа усыпальницей, увѣковѣчиваетъ царствованіе государя и вмѣстѣ съ тѣмъ чудное чувство любви и необыкновенную красоту одной женщины—это Таи-Махалъ въ Агрѣ. Трудно было бы создать что-нибудь красивѣе въ память любви, какъ этотъ чудесный по своей красотѣ образецъ архитектурнаго искусства, если судить по иллюстраціямъ въ статьѣ Филиппо ди Матеи. «Таи-Махалъ—эти три варварскіе слога,—говоритъ онъ,—означаютъ самый прекрасный памятникъ въ Индіи и одно изъ міровыхъ чудесъ архитектуры».

Въ центрѣ сѣверной Индіи, у воротъ Агры, на берегу рѣки Юмны, большого притока Ганга, возвышается этотъ бѣлый мраморный памятникъ съ великолѣпнымъ куполомъ въ мавританскомъ стилѣ и съ четырьмя тонкими высокими минаретами по угламъ, отражаясь въ зеркальной поверхности воды спокойнаго теченія Юмны. Когда былъ воздвигнутъ этотъ памятникъ, точно сказать нельзя, но предполагаютъ, что три вѣка тому назадъ. Событія, съ которыми связано возникновеніе этого памятника, хотя и описывались индусскими писателями, но съ безконечными измѣненіями датъ, и потому для западныхъ людей эта исторія

[1]) Il Taj-Mahal di Agra. Un grande architetto italiano. «Nuova Antologia». 1 Decembre 1912.

носитъ довольно легендарный оттѣнокъ. Авторъ для своей статьи воспользовался свѣдѣніями изъ индусской книги [1]), переведенной на англійскій языкъ.

Первые годы XVII вѣка были послѣдними въ царствованіи Акбара, великаго государя изъ династіи Могола, завоевателя большей части Индіи и основателя Фатхепура Сикри, пышной и монументальной резиденціи государя въ двадцати миляхъ отъ Агры. Когда въ 1605 г. онъ умеръ, ему наслѣдовалъ его сынъ Іехангиръ. Онъ благоразумно управлялъ завоеванными отцомъ провинціями; царствованіе его было великолѣпное, и онъ продолжалъ украшать Агру блестящими памятниками. Перворожднаго сына Іехангира звали Шахъ-Яханъ; впослѣдствіи онъ женился на дѣвушкѣ, красоту которой онъ обезсмертилъ, воздвигнувъ Таи-Махалъ, или, какъ индусы кратко называютъ этотъ памятникъ—Таи. Настоящее имя этой красавицы было Арюманди Бано Бегамъ, а при дворѣ ее называли Мумтацъ-Махалъ, испорченное впослѣдствіи народомъ въ Таи-Махалъ. Ея отецъ Азафъ-Кханъ былъ сынъ Мирзы-Шіасъ-Бега, перваго министра Іехангира. Послѣ смерти министра его преемникомъ сдѣлался сынъ Азафъ-Кханъ. Такимъ образомъ, Мумтацъ-Махалъ, родившаяся въ семьѣ министра, по наслѣдственной традиціи и благодаря полученному воспитанію, рано проявила способность въ искусствѣ нравиться. Она была обворожительная красавица, и потому естественно ея отецъ Азафъ-Кханъ лелѣялъ мысль сдѣлать ее женою наслѣдника престола. Развѣ Іехангиръ не былъ женатъ на Нуръ-Яханъ-Бегамъ, сестрѣ Азафъ-Кхана? Развѣ эта красавица и большая умница, такъ очаровавшая молодого властителя, сдѣлавшись его возлюбленной гарема, не имѣла также сильнаго вліянія на политику государя? Почему и Мумтацъ не занять такое положеніе? Бракъ Мумтацъ-Махалъ съ Шахъ-Яханомъ былъ желателенъея отцу, а ея дядя также посовѣтовалъ своему государю на ней жениться.

Авторъ индійской книги Моинъ-удъ-динъ такъ описываетъ свадьбу и красоту невѣсты. Брачная церемонія совершалась въ домѣ Этмадъ-удъ-даула-ди-Мирза-Гіазъ-бега. Властитель присутствовалъ при церемоніи и собственноручно надѣлъ на шею невѣсты вѣнчальное ожерелье изъ жемчуговъ, а на голову тюрбанъ. Шахъ-Яханъ уже былъ женатъ два года на дочери Музаффара-Хузэна-Мирзы, правнучкѣ персидскаго султана Счіа-Измаила-Сафви. У нея уже родилась отъ него дочь по имени Пурунхацъ-Бано-Бегамъ. «Но магическая красота и умъ Мумтацъ,—говоритъ индусскій писатель,—были такъ могущественны, что завоевали любовь Шахъ-Яхана, хотя онъ уже два года какъ раздѣлялъ пріятное общество первой жены, принцессы королевской крови». Послѣ брака Мумтацъ стала для Шахъ-Яхана—все. И такъ онъ оставался съ этимъ любовнымъ недугомъ до самой смерти. Согласно традиціоннымъ обычаямъ предковъ ему также предоставляли другихъ женъ; но ни одной изъ нихъ не удалось добиться, чтобы онъ отдалъ ей предпочтеніе. Мумтацъ какъ цѣпями заковала его сердце, цѣпями, которыя разбить могла только безпощадная рука ангела смерти. Она сдѣлалась для Шаха-Яхана тѣмъ же, чѣмъ была Нуръ-Яханъ для Іехангира.

---

[1]) The history of the Tai and the buildings in its vicinity. By Md. Moin ud-Din.

Тетка и племянница очаровали своихъ возлюбленныхъ граціей. Обѣ играли свои партіи въ любовной драмѣ одинаково чудесно. Мумтацъ была не ниже Нуръ-Яханъ ни по своей осторожности, ни по своему уму, ни по красотѣ; одна была слѣпокъ съ другой. Однако между ними была разница. Нуръ-Яханъ была извѣстна только тѣмъ, кто интересовался политической исторіей прошедшаго; имя же Мумтацъ близко знакомо даже жителямъ Китая и Перу. «Трудно, чтобы на лицѣ земли могъ появиться другой такой экземпляръ дочери Евы, могила которой была бы цѣлью паломничества каждой національности, каждой религіи и каждаго языка», говоритъ Моинъ-уд-инъ.

Эта была рѣдкая, исключительная любовь и вполнѣ совершенная, если вѣрить словамъ индусскаго писателя. Однако «колесо жизни Шахъ-Яхана не всегда легко вертѣлось», по выраженію Моинъ-уд-динъ. Грозная туча заволокла горизонтъ счастья, когда его младшій братъ Шахріаръ женился на старшей дочери Нуръ-Яханъ. Это событіе заставило Нуръ-Яханъ измѣнить тактику относительно счастливой влюбленной пары. Съ этого дня она перестаетъ выказывать имъ расположеніе и начинаетъ съ ловкимъ вѣроломствомъ интриговать, чтобы оклеветать ихъ предъ Іехангиромъ, попрежнему въ нее влюбленнымъ, и отнять право на тронъ въ пользу зятя. Эти клеветническія козни Нуръ-Яханъ ей удаются. Расположеніе государя къ своему сыну, которому предстояло царствовать послѣ его смерти, измѣнилось; изъ клеветы зародилось подозрѣніе, и это разжигало его гнѣвъ противъ впавшаго въ немилость Шахъ-Яхана.

Шахъ-Яханъ и Мумтацъ должны были удалиться отъ двора и скрываться. Противъ нихъ былъ высланъ сильный отрядъ войска подъ командой принца Парвеца и Махабатъ-хана. Сопротивляться было невозможно, и злополучная пара спаслась бѣгствомъ, сначала къ государю Декана, а затѣмъ въ Бенгалію. Въ теченіе восьми лѣтъ, что ихъ преслѣдовали, они переживали горе, тревоги, волненія. Они не могли прожить двухъ дней на одномъ мѣстѣ, потому что имъ было трудно обезпечить себѣ безопасность. Такое ужасное существованіе продолжалось до конца 1627 года, когда астма, тревожившая властителя и ранѣе, усилилась, и онъ умеръ. При этомъ извѣстіи Шахъ-Яханъ пустился въ обратный путь и съ помощью Азафъ-Кхана вступилъ на престолъ въ томъ же 1672 году.

Въ книгѣ Моинъ-уд-динъ подробно приведены разсказы о церемоніи коронованія, вѣроятно, основанныя на свѣдѣніяхъ индусскихъ историковъ. Тамъ говорится и о необыкновенно цѣнныхъ подношеніяхъ изъ жемчуговъ, драгоцѣнныхъ камней, золота. Мумтацъ были сдѣланы подарки на два лака золота и на шесть лакъ серебра (милліонъ триста двадцать итальянскихъ лиръ). Другой подарокъ былъ въ десять лакъ (милліонъ шестьсотъ сорокъ тысячъ лиръ). Въ первую годовщину коронованія ей была поднесена драгоцѣнная вещь въ тринадцать милліоновъ лиръ.

Однако не долго пришлось царствовать красавицѣ Мумтацъ-Махалъ на блестящемъ тронѣ. Въ 1630 году, во время похода противъ Кхаана-Яхана-Лодхи, которымъ руководилъ самъ Шахъ-Яханъ, красавица Мумтацъ скончалась тридцати шести лѣтъ въ главной квартирѣ въ Деканѣ отъ родильной лихорадки, произведя на свѣтъ дѣвочку. Горе Шахъ-Яхана передается индусскими историками съ восточными вымыслами. Такъ, напримѣръ, Мулла-Абдулъ-Га-

мидъ изъ Лагоры разсказываетъ, что, когда Шахъ-Яханъ узналъ о ея смерти, у него показались сѣдые волосы и въ короткое время онъ совершенно посѣдѣлъ. Другіе историки передаютъ различныя свѣдѣнія въ томъ же родѣ, о которыхъ слишкомъ долго говорить. Скажемъ только, что останки Мумтацъ-Махалъ временно покоились въ Бурханпурѣ, а чрезъ шесть мѣсяцевъ ихъ перевезли въ столицу, гдѣ они были похоронены въ томъ же 1630 году, и въ память красавицы государыни была заложена красавица усыпальница Таи. Мавзолей окруженъ роскошнымъ садомъ, и описанію его отведено много мѣста въ статьѣ Маттеи. Мы же вкратцѣ скажемъ, что окончательно не выяснено, кто именно строилъ этотъ чудный образецъ искусства, увѣковѣчившій такую долгую вѣрную любовь и красоту. По однимъ источникамъ—турецкій архитекторъ Мухамедъ-Иза-Эффенди, по другимъ—португальскій монахъ Августинскаго ордена, находившійся тринадцать лѣтъ въ Агрѣ: онъ венеціанецъ, по имени Джеронимо-Веронео, прибывшій въ Индію черезъ Португалію и умершій въ Лагорѣ въ 1640 году.

— Плѣнъ Винцингероде. — Членъ французскаго института Артуръ Шюкэ въ декабрьскомъ «La Revue» передаетъ одинъ эпизодъ изъ войны 1812 г., происшедшій съ генераломъ Винцингероде, находившимся на русской службѣ.

Баронъ Фердинандъ Винцингероде родился въ 1770 году въ Аллендорфѣ на Верра, гдѣ его отецъ находился въ Гессе-Кассельскомъ кирасирскомъ полку въ чинѣ подполковника. Въ 1788 году юный Винцингероде поступилъ въ кадетскій корпусъ и въ 1785 году его произвели въ прапорщики, но за нарушеніе дисциплины послали въ Шмалькальденъ. Винцингероде возмутился и нашелъ это несправедливымъ. Онъ подалъ въ отставку, которую, однако, не приняли. Это его оскорбило, и онъ поступилъ простымъ солдатомъ въ австрійскую армію. Но вскорѣ онъ былъ отличенъ начальствомъ, произведенъ въ чинъ поручика и назначенъ въ Кобургскій полкъ. Съ этихъ поръ Винцингероде старался пользоваться всякимъ случаемъ, чтобы выказывать свою храбрость и военныя способности въ прусской и австрійской арміяхъ.

Наконецъ, въ 1797 году онъ попадаетъ въ русскую армію, сначала въ чинѣ майора, но въ 1799 г. онъ уже дѣлается адъютантомъ великаго князя Константина, котораго сопровождаетъ въ итальянскій походъ. Въ 1802 году онъ уже флигель-адъютантъ, участвуетъ въ войнѣ 1805 года, послѣ Дюрренштейнской битвы получаетъ орденъ Георгія, въ Аустерлицѣ находится въ свитѣ императора.

Наконецъ наступилъ 1812 годъ. Винцингероде былъ въ главной квартирѣ русской арміи. 22-го октября онъ вошелъ въ Москву со своимъ адъютантомъ Львомъ Нарышкинымъ и нѣсколькими казаками. Онъ думалъ, что генералъ Мортье, которому была поручена охрана Москвы, удалился, оставивъ въ Кремлѣ только калѣкъ. Ему пришла мысль овладѣть Москвой и проникнуть первому въ Кремль. За эту смѣлость онъ поплатился. Подпоручикъ Леле съ тридцатью восемью солдатами своего полка находился на площади, и его солдаты

---

[1]) La prise de Wintzingerode. Par A. Chuquet de l'Institut. «La Revue». 1 Decembre 1912.

замѣтили двухъ офицеровъ въ сопровожденіи уланъ. Они приблизились, чтобы лучше разглядѣть этихъ людей въ неизвѣстномъ имъ мундирѣ и окликнули ихъ: «Кто идетъ?» — «Франція!» послѣдовалъ отвѣтъ Винцингероде. Тогда Леле схватилъ его лошадь подъ уздцы и спросилъ: «Кто вы такіе?»

Какъ быть? что отвѣтить? Взволнованный, раздосадованный, Винцингероде потерялъ хладнокровіе и, не имѣя времени соображать, придумать какой-нибудь подходящій предлогъ, прямо выложилъ половину правды. Конечно, онъ не сказалъ о своемъ планѣ овладѣть Кремлемъ, но отвѣтилъ, что онъ миролюбиво пріѣхалъ въ эвакуированный городъ съ цѣлью расквартировать здѣсь своихъ солдатъ. «Я генералъ,—отвѣтилъ онъ Леле:—и пріѣхалъ сюда захватить ваши квартиры и выгнать оттуда крестьянъ». Но Леле суровымъ тономъ объявилъ, что ему не достаточно этихъ объясненій. Онъ взялъ подъ стражу Винцингероде и Нарышкина и отправилъ ихъ въ Кремль къ генералу Мортье. Онъ приказалъ своимъ солдатамъ стрѣлять въ русскихъ солдатъ, въ это время удиравшихъ обратно. Ихъ преслѣдовали французы до тѣхъ поръ, пока они не встрѣтили другой отрядъ кавалеріи человѣкъ въ двѣсти.

Винцингероде хотѣлъ найти извиненіе для себя за свою неосторожность и впослѣдствіи говорилъ, что у него сохранилось присутствіе духа настолько, чтобы измѣнить свою роль, вынуть изъ кармана платокъ и объявить себя парламентеромъ; онъ обвинялъ французовъ въ томъ, что въ отношеніи его они нарушили международное право.

Генералъ Мортье тщательно слѣдилъ за обоими плѣнными, хотя онъ оказывалъ имъ вниманіе, какъ военноплѣннымъ. Онъ написалъ Бертье о происшедшемъ и прибавилъ: «Винцингероде причинилъ бы намъ много зла. Я его считаю человѣкомъ очень неспокойнымъ и нахожу для насъ чрезвычайно выгоднымъ, что онъ взятъ въ плѣнъ».

Наконецъ онъ отправилъ ихъ изъ Москвы. Не безъ горя они оба сходили со ступеней Кремля. Ихъ посадили въ экипажъ, находившійся въ центрѣ колонны солдатъ, но лошади съ трудомъ его тащили, и плѣнные, выйдя изъ экипажа, пошли пѣшкомъ среди молодой французской гвардіи и кавалеріи, состоявшей изъ лицъ всевозможныхъ національностей. Командиръ батальона Варлэ и капитанъ Дево были съ обоими русскими чрезвычайно предупредительны.

27-го октября въ Вереѣ они встрѣтились съ Наполеономъ. Императоръ давно зналъ Винцингероде и былъ на него сердитъ за его службу Россіи. Въ припадкѣ гнѣва онъ, скрестивъ руки, принялся кричать на Винцингероде: «Кто вы такой? Человѣкъ безъ родины! Вы мѣняете родину, какъ одежду. У васъ только одна цѣль: сражаться со мною, и вы сражаетесь со мною изъ ненависти! Вы всегда были моимъ личнымъ врагомъ. Когда я велъ войну съ австрійцами, я нашелъ васъ въ ихъ рядахъ. Австрія сдѣлалась моей союзницей, и вы попросились на службу Россіи. Вы были однимъ изъ самыхъ пламенныхъ зачинщиковъ теперешней войны. Между тѣмъ вы родились въ области Рейнскаго союза, вы мой подданный, вы мятежникъ, предатель, я имѣю право судить васъ военнымъ судомъ и я велю васъ судить; если васъ обвинятъ, васъ разстрѣляютъ чрезъ три дня. Жандармы! схватить этого человѣка».

Но жандармы не двигались съ мѣста. Они хорошо знали, чѣмъ оканчивались

такія грозныя сцены: въ такихъ случаяхъ лучше всего было не повиноваться, и чѣмъ гнѣвъ Наполеона былъ сильнѣе, тѣмъ скорѣе слѣдовало прощеніе.

«Видите, господа, видите эти опустошенныя деревни; эти пылающія деревни?—снова заговорилъ Наполеонъ.—Кому приписать эти бѣдствія? Пятидесяти авантюристамъ, какъ вы, подкупленнымъ Англіей, которая выбросила ихъ на континентъ. Но тяжесть войны падетъ на тѣхъ, кто на нее подстрекнулъ; пожаръ Москвы—позоръ, и я за него отомщу, чрезъ мѣсяцъ я пойду и сожгу Петербургъ».

Потомъ, смягчившись, онъ обратился къ Нарышкину: «Васъ, графъ Нарышкинъ, я ни въ чемъ не могу упрекнуть: вы русскій; вы служите вашей родинѣ, какъ честный человѣкъ; это хорошо. Но какъ это вы привязались къ измѣннику? Какъ человѣкъ одной изъ первыхъ семей въ Россіи могъ сдѣлаться адъютантомъ продажнаго воина! Будьте адъютантомъ русскаго генерала: эта служба будетъ гораздо почетнѣе. Во всякомъ случаѣ, я прикажу обращаться съ вами хорошо».

Нарышкинъ поклонился. Винцингероде не очень былъ удрученъ императорскими филиппиками и спокойно отвѣтилъ: «Императоръ Александръ благодѣтель мой и моей семьи. Все, чѣмъ я владѣю, я имѣю отъ него: благодарность сдѣлала меня его подданнымъ; я былъ на посту, который онъ мнѣ указалъ, и я исполнялъ мой долгъ».

Обыкновенно Наполеонъ приходилъ въ ярость съ нѣкоторымъ расчетомъ. Если онъ разражался противъ Винцингероде, то это было особенно для острастки нѣмцевъ, которые пытались отъ него отпасть. «Если бы онъ привелъ въ исполненіе свои угрозы сжечь Петербургъ, то императоръ Александръ отомстилъ бы ему», говоритъ Шюкэ.

3-го ноября онъ написалъ Бертье изъ Семлева: «Увѣдомьте генерала Винцингероде, что вы мнѣ представили письмо, въ которомъ онъ объявляетъ, что онъ совсѣмъ не подданный Рейнскаго союза и что вслѣдствіе этого я приказалъ считать его обыкновеннымъ узникомъ». Онъ прибавилъ, что Винцингероде и Нарышкинъ должны быть немедленно отправлены на перекладныхъ въ Смоленскъ, оттуда въ Вильну, а изъ Вильны въ Мецъ. Шюкэ объясняетъ это быстрое рѣшеніе желаніемъ избавиться отъ стѣснительныхъ свидѣтелей, отъ которыхъ не укрылась бы перемѣна счастья французовъ.

4-го ноября оба плѣнника пустились въ путь по направленію къ Франціи. Генералы относились къ нимъ радушно: они успокаивали и утѣшали Винцингероде, а Нарышкина приняли, какъ брата, и дѣлили съ нимъ трапезу и солому.

Вскорѣ плѣнные были освобождены русскими. 20-го ноября казачій полкъ Пантелѣева, подъ командой Чернышева, возвращавшійся въ армію изъ Чичагова, проходилъ по виленскому тракту невдалекѣ отъ Радушкевичей. Одному отряду этого полка подъ начальствомъ капитана Дудкина было поручено захватить нѣсколькихъ курьеровъ. Дудкинъ издалека замѣтилъ горсть жандармовъ, сопровождавшихъ узниковъ. Онъ бросился на нихъ и безъ труда захватилъ ихъ. Нарышкинъ самъ обезоружилъ свою стражу. Чрезъ нѣсколько минутъ Винцингероде и его адъютантъ встрѣтили Чернышева. Нарышкинъ ему сообщилъ: «Мы были позади трехъ корпусовъ французской арміи, окружены

шпіонами и въ странѣ къ намъ недоброжелательной; но мы уже считали себя дома и нельзя описать нашего счастья!».

— Воспоминанія графини Ведель.—Графиня Ведель, урожденная графиня Бёстъ, дочь адъютанта и друга великаго герцога Карла-Александра, сына великой княжны Маріи Павловны, напечатала въ «Deutsche Revue» воспоминанія, изъ которыхъ мы извлекаемъ все то, что говорится о русскихъ. Ея отецъ былъ, по ея словамъ, не только вѣрный слуга, но истинный другъ и совѣтчикъ великаго герцога и сопровождалъ его во время его посѣщеній иностранныхъ дворовъ и, между прочимъ, Петербурга.

Графиня Бестъ въ своихъ воспоминаніяхъ неоднократно выражаетъ уваженіе къ императору Николаю Павловичу, прозванному хмурой Европой «тираномъ». При русскомъ дворѣ наслѣдный герцогъ былъ принятъ особенно любезно, какъ сынъ великой герцогини и сестры императора. Весною 1841 г. молодой великій герцогъ присутствовалъ на свадьбѣ Александра Николаевича, былъ его шаферомъ и держалъ надъ нимъ вѣнецъ. «Наслѣдника русскаго престола,—говоритъ графиня,—и его веймарскаго двоюроднаго брата всю жизнь связывала тѣсная дружба. Строгій царь Николай, каковымъ его считали въ Европѣ, проявлялъ себя самымъ добросердечнымъ и любящимъ отцомъ семейства».

Нѣсколько недѣль спустя послѣ женитьбы наслѣднаго герцога на принцессѣ изъ Оранскаго дома, женился и графъ Бестъ на дочери веймарскаго министра Гергдорфа, фрейлинѣ великой герцогини.

Послѣ похода въ Данію въ 1844 году дружба наслѣднаго великаго герцога и молодого графа Беста стала еще тѣснѣе. Оба они получили крещеніе огнемъ, и графъ Бестъ далъ доказательство своей преданности великому герцогу, спасая его отъ смерти. Въ благодарность великій герцогъ подарилъ ему въ день юбилея пятнадцатилѣтней его службы шпагу съ надписью: «In Treue dem Treuem».

Лѣтомъ 1853 года скончался въ Веймарѣ послѣ непродолжительной болѣзни великій герцогъ, мужъ Маріи Павловны. Графиня характеризуетъ его, какъ человѣка мягкаго, душевнаго, преданнаго, благонамѣреннаго относительно своей страны, вѣрнаго благомыслящаго регента и добраго человѣка. Подъ его регентствомъ въ Веймарѣ возникла свѣжая, цвѣтущая жизнь въ умственномъ отношеніи и особенно въ области искусства. Благодаря его женитьбѣ на дочери русскаго царя Маріи Павловнѣ, которая была разсудительной отличной женой, судьба Веймара была обезпечена. Веймаръ, средоточіе умственной жизни, куда являлись паломники изо всей Германіи и даже изъ-за границы, не могъ оставаться безъ попеченія.

У молодого герцога былъ необыкновенно живой умъ, и у него всегда было множество плановъ, особенно касавшихся украшенія его страны и его резиденціи. Веймаръ былъ самый привлекательный пунктъ для любителей искусства и музыки. Главнымъ средоточіемъ этой духовной жизни являлся вели-

---

[1]) Erinnerungen an Karl Alexandes Grossherzog von Sachsen. Auszuge aus einem Lebensibld. Von Gräfin Wedel. geb. Beust. «Deutsche Revue». Novem. December 1912.

кій герцогъ, обладавшій общительной натурой и обходительнымъ характеромъ. Онъ ходилъ по вечерамъ въ знакомыя семьи на вечерній чай. Но терпѣть не могъ церемоній; ему было пріятно выпить чашку чаю, отвѣдать немного мороженаго и провести время въ веселой бесѣдѣ, особенно въ обществѣ дамъ.

Каждую пятницу вечеромъ у Маріи Павловны происходило чтеніе и бесѣда какого-нибудь извѣстнаго профессора на какую-нибудь интересную тему. Но эти собранія прекратились послѣ смерти герцогини Софіи. Это были очень интересные вечера, и на нихъ участвовали профессора Куно-Фишеръ, богословъ Карлъ фонъ-Газе и т. д.

Большая была радость для Маріи Павловны, когда осенью 1857 года въ Веймаръ пріѣхалъ ея племянникъ Александръ Николаевичъ. Это посѣщеніе имѣло связь съ политическимъ событіемъ, ареною котораго избрали Веймаръ, а именно его встрѣчей съ Францемъ-Іосифомъ, первой послѣ Крымской войны. Враждебное поведеніе Австріи по отношенію къ Россіи своей прежней союзницѣ, во время этой войны вызвало натянутыя отношенія между обоими государствами, возмущало Россію. Встрѣча молодого государя съ Францемъ-Іосифомъ на нейтральной почвѣ давала надежду, что они придутъ къ соглашенію, чему вся Европа будетъ рада. Обоюдное привѣтствіе состоялось 1-го октября въ Бельведерѣ, гдѣ Марія Павловна проводила лѣто. Этотъ маленькій и веселый дворецъ находился въ получасѣ ѣзды отъ Веймара и въ болѣе возвышенной мѣстности сравнительно съ городомъ. Александръ Николаевичъ остановился тамъ, а Францъ-Іосифъ въ Веймарскомъ дворцѣ.

Положеніе Франца-Іосифа было щекотливое; на его долю выпала трудная роль въ этомъ свиданіи. Серьезный, спокойный и чрезвычайно сдержанный встрѣтился онъ съ Александромъ Николаевичемъ. Напротивъ, Александръ Николаевичъ былъ въ веселомъ настроеніи. Послѣ того, какъ онъ сталъ государемъ, это былъ его первый визитъ къ веймарскимъ роднымъ, и онъ много вспоминалъ съ двоюроднымъ братомъ о прошломъ, о юности, о поѣздкѣ въ Дармштадтъ къ невѣстѣ и т. д.

Самое пріятное для Александра Николаевича было, когда великій герцогъ принималъ его въ красивомъ Вильгельмштелѣ, окруженномъ зеленымъ лѣсомъ, но жилъ онъ охотнѣе въ веселомъ Бельведерѣ.

23-го іюня 1859 года Марія Павловна скоропостижно скончалась. Она заболѣла грипомъ, повидимому, въ легкой формѣ. Въ тотъ же самый день, послѣ завтрака, она еще поѣхала въ Бельведеръ поздравить съ рожденіемъ своего любимаго сына и, по русскому обычаю, наканунѣ послала ему подарокъ и пожеланіе. Поздравивъ сына, она вскорѣ собралась и, попрощавшись съ нимъ, сѣла въ свой лѣтній экипажъ и уѣхала. Не прошло и полтора часа, какъ прискакалъ вѣстникъ съ сообщеніемъ, что съ нею случился апоплектическій ударъ.

Послѣдніе годы ея жизни были полны печальныхъ событій, причинившихъ ей не мало душевныхъ волненій. «Въ новомъ отечествѣ она не забыла своей далекой сѣверной родины,—говоритъ графиня Бестъ:—и какое бы событіе веселое или печальное, ни приключилось тамъ, оно всегда находило отголосокъ въ ея сердцѣ. Смерть ея любимаго и почитаемаго ею брата Николая, какъ и печальный исходъ Крымской войны, глубоко ее потрясли. Какъ сердечны были

ея отношенія съ могущественнымъ царемъ, ославленнымъ именемъ тирана, который былъ горячо сердечнымъ братомъ,доказываютъ слѣдующія строки, приложенныя къ духовному завѣщанію царя Николая, посылавшаго сестрѣ въ Веймаръ послѣдній прощальный привѣтъ:

«Съ дѣтства я питалъ особенную привязанность къ вамъ, вслѣдствіе вашей постоянной и доказанной любви ко мнѣ. Позже ваша дружба стала мнѣ еще драгоцѣннѣе. Никому въ свѣтѣ я такъ не довѣрялся, какъ вамъ. Я почиталъ васъ, какъ мать и дѣлилъ съ вами все, что у меня было на душѣ. Здѣсь я говорю вамъ въ послѣдній разъ мою сердечную благодарность за чудныя мгновенія, которыми я наслаждался бесѣдуя съ вами.,

Послѣ смерти Маріи Павловны великій герцогъ еще разъ пріѣзжалъ въ Петербургъ. Въ домѣ графа Беста съ нимъ былъ еще графъ Ведель, большой знатокъ искусства. Александръ Николаевичъ болѣе не посѣщалъ Веймара «Зная, какой онъ былъ веселый въ юные годы, прискорбно было наблюдать,—говоритъ графиня:—какимъ онъ сталъ серьезнымъ, суровымъ, замкнутымъ». Въ Веймаръ пріѣзжалъ только Константинъ Николаевичъ съ великой княгиней и съ двухлѣтней великой княжной Ольгой Константиновной, очень хорошенькой дѣвочкой съ бѣлокурыми локонами. Послѣдній великій князь, посѣтившій Веймаръ. былъ Константинъ Константиновичъ. Въ первые годы регентства Карла-Александра Веймаръ охватила политическая горячка, но съ 1848 года все успокоилось и всѣми овладѣлъ интересъ къ искусству. Отношенія къ Россіи были чисто родственныя, дружественныя, и политика въ нихъ совсѣмъ не вмѣшивалась. Однако съ 1860 году пошло по другому. Со вступленіемъ на престолъ въ Пруссіи Вильгельма I настали серьезныя времена тяжелой внутренней и внѣшней борьбы; веймарская великогерцогская чета и прусская породнились: Вильгельмъ женился на дочери великаго герцога. Когда Августа стала государыней, она во всемъ подражала покойной Маріи Павловнѣ. Что хотѣла сдѣлать послѣдняя изъ маленькаго Веймара то Августа старалась сдѣлать изъ большой Пруссіи.

Этимъ заканчивается все, что находится о Россіи въ воспоминаніяхъ графини Ведель. Вообще она скользитъ въ передачѣ событій и передаетъ все въ общихъ чертахъ, какъ, напримѣръ, о свиданіи Александра Николаевича съ Францемъ-Іосифомъ.

— Отзывъ иностранца о Сибирскомъ пути.—Русскія владѣнія на крайнемъ Востокѣ въ Манчжуріи, очевидно, интересуютъ иностранцевъ, тѣмъ болѣе, что удобное сообщеніе по русской линіи Сибирской желѣзной дороги располагаетъ для ознакомленія съ этой окраиной Россіи. По крайней мѣрѣ одинъ изъ иностранцевъ, Легаръ, вѣроятно, англичанинъ, предпринялъ это далекое путешествіе по Сибирскому пути и свои впечатлѣнія передаетъ въ «Pall-Mall». Прежде всего онъ нашелъ, что это путешествіе, казавшееся до русско-японской войны не столь длиннымъ, какъ страшнымъ для выполненія,—доставляетъ наслажденіе. По его мнѣнію, это очаровательное путешествіе имѣетъ то преиму-

[1]) Through Siberia to the East by the trans-Siberian T. Legard. «Pall-Mall Magazine» Octobre.

щество предъ морскимъ путемъ, что, обходясь незначительно дороже, оно доставляетъ болѣе удобствъ. Для лицъ, не переносящихъ морской качки, сибирскій путь для слѣдованія на Дальній Востокъ и для возвращенія оттуда—настоящее благодѣяніе. Хотя теперь многіе пользуются этимъ сухимъ путемъ, но все-таки онъ удивляется, что не болѣе пользуются этимъ пріятнымъ путешествіемъ. Отъ Лондона до Токіо требуется шестнадцать дней, а до Пекина—четырнадцать. Цѣна проѣзда умѣренная сравнительно съ такимъ длиннымъ разстояніемъ. По русской имперской дорогѣ проѣздъ обходится дешевле, но зато путешественнику предоставляется менѣе комфорта.

Недостатокъ русской желѣзной дороги, ея характерная особенность—это медленность передвиженія. Въ настоящее время матеріализма, стремительности и торопливости многіе народы рабы поспѣшности, поэтому часто раздаются сѣтованія на медленность передвиженія по Сибирскому пути. Самъ Легаръ утѣшаетъ себя тѣмъ, что если даже русскіе поѣзда, безъ сомнѣнія, мѣшкотно передвигаются, но во всякомъ случаѣ переѣздъ на Дальній Востокъ по русской дорогѣ совершается скорѣе, чѣмъ моремъ. Однако далѣе онъ говоритъ, что изъ-за медленности русской желѣзной дороги путешествіе теряетъ половину прелести, такъ какъ быстрота поѣзда по Сибири рѣдко превышаетъ двадцати пяти миль въ часъ. Только при спускѣ поѣзда съ европейской стороны Урала быстрота нѣсколько развивается. Но, несмотря на замѣченные Легаромъ минусы, все-таки онъ находитъ это путешествіе удобнымъ. Во время пути отъ момента отъѣзда изъ Москвы, говоритъ онъ, до послѣдняго десятаго дня, когда наконецъ останавливаешься во Владивостокѣ, передвиженіе настолько пріятно и удобно, что вполнѣ возможно продолжать свои занятія съ одинаковой легкостью, будто сидишь дома.

Удобства русскихъ train de luxe онъ находитъ одинаковыми, что и во всѣхъ train de luxe другой части Европы. Только русскіе вагоны обширнѣе; въ нихъ больше простора и болѣе помѣщается багажа. Онъ не замѣтилъ большой разницы между первымъ и вторымъ классомъ, только въ послѣднемъ нѣтъ лампъ для чтенія и еще незначительныхъ вещей; онъ находитъ, что это небольшой недостатокъ.

Въ общемъ путешествіе показалось ему настолько пріятнымъ, что послѣ шестидневной жизни въ такомъ комфортабельномъ помѣщеніи, по его мнѣнію, пассажиры способны придраться къ тому, что приходится перемѣнять вагонъ въ Иркутскѣ. Но тѣмъ не менѣе они все-таки съ удовольствіемъ переходятъ въ Иркутскѣ въ чистые вагоны, такъ какъ, несмотря на то, что вагоны ежедневно чистятъ, все-таки они находятся въ опасныхъ гигіеническихъ условіяхъ. Хотя объявленіе гласитъ, что вагоны ежедневно должны быть опрысканы одеколономъ, это предписаніе такъ и остается только на бумагѣ. Кто знакомъ съ скопленіемъ китайской грязи, тому, конечно, было бы желательно наблюденіе за чистотой и соблюденіе этого правила на китайскихъ поѣздахъ.

Кормятъ пассажировъ на русской дорогѣ разнообразно, пища хорошаго качества, свѣжая, но плохо состряпана. Молоко давали всегда свѣжее и яйца свѣжія и хорошія, но очень маленькія. Въ большомъ количествѣ подаютъ довольно скверную рыбу, говоритъ Легаръ, вѣроятно, мѣстную, изъ ши-

рокихъ мутныхъ рѣкъ, которыя приходилось переѣзжать. Но особенность страны—свѣжая икра и безвкусный чай, въ которомъ плаваетъ горбушка древняго лимона. Въ столовомъ вагонѣ разрѣшается сидѣть весь день. Здѣсь имѣется хорошій запасъ книгъ, по большей части энциклопедій, и піанино, на которомъ разыгрываются разнообразныя нелѣпыя гаммы. Однако пользоваться книгами приходится очень мало; настолько интересны и новы пейзажи, что пассажиры безъ устали глядятъ въ окна. Кромѣ того, воздухъ Сибири имѣетъ такое сходство съ воздухомъ вершинъ Альпъ, что вызываетъ особаго рода усталость, отъ которой спится всю ночь напролетъ, несмотря на вынужденное бездѣйствіе пассажировъ. «Здѣсь, говоритъ Легаръ, совсѣмъ неизвѣстна безсонница, которая обыкновенно бываетъ при поѣздкахъ по желѣзныхъ дорогамъ.

Отъ наблюденій Легара не ускользнула особенность сибирской природы. «Вслѣдствіе особой чистоты воздуха предметы видны на большомъ разстояніи, отмѣчаетъ онъ,—а синева холмовъ разнообразится отъ бирюзоваго до сапфироваго цвѣта, необычайнаго по живости окраски».

Отъ Москвы до Урала страна показалась ему въ высшей степени невзрачной, но на Уралѣ виды вполнѣ вознаградили его за предпринятое далекое путешествіе. Сосновые лѣса, озера, маленькіе домики напоминали Швейцарію, съ которой иногда сравниваютъ русскіе эту часть страны.

Приходилось ѣхать и равниной, но эта однообразная картина впослѣдствіи вознаграждалась богатствомъ окраски лѣса, рѣдко сохранявшаго одно настроеніе. Попадались то косматыя сосны, встрепанныя бурей, то зеленая веселая лиственница, то серебристыя березы.

Большіе города, мимо которыхъ проѣзжалъ поѣздъ: Омскъ, Красноярскъ, Маріинскъ, показались Легару непривлекательными. Также не заслужили его одобренія и берега большихъ рѣкъ: Волги, Оби, Енисея, Иртыша, по его мнѣнію, «особенно лишенныхъ прелести». И это тѣмъ болѣе удивительно, что, говоря о выборѣ времени путешествія на Дальній Востокъ, онъ предостерегаетъ предпринимать его зимою, а говоритъ о маѣ и перечисляетъ флору и фауну Сибири. Но онъ видитъ другую скрытую прелесть всѣхъ этихъ береговъ. «Однако эти города становятся обворожительными,—говоритъ онъ,—когда заглянешь впередъ, въ бездну времени, и подумаешь, какое займутъ положеніе эти колоссальныя канавки, изъ которыхъ многія свыше тысячи миль длины, окруженныя наибогатѣйшимъ въ мірѣ черноземнымъ берегомъ. Земля производитъ огромные запасы зерна, и торговля имъ и масломъ достигаетъ очень широкихъ размѣровъ». Легаръ также узналъ, что сибиряки пользуются для перевозки масла охладителями своей системы, что жизнь въ странѣ обходится очень дешево и продукты молоко и яйца до смѣшного дешевы и до смѣшного мелки яйца.

Проѣхавъ Иркутскъ, англійскій путешественникъ увидѣлъ «безмѣрно-громадное» Байкальское озеро. Кто не видѣлъ его, говоритъ Легаръ, тотъ не имѣетъ идеи, что оно равняется цѣлой Шотландіи, настолько оно мало на географической картѣ Сибири. На границѣ Манчжуріи путешественникамъ пришлось имѣть дѣло съ русской таможней. Здѣсь неосторожные путешественники съ Запада, запасшіеся англійскими игральными картами, восковыми спичками и всякой всячиной въ этомъ родѣ, должны были съ ними распроститься: ихъ кон-

фисковали. Несмотря на это, Легаръ находитъ, что русскіе таможенные чиновники учтивы. Совершенной противоположностью имъ онъ считаетъ нѣмецкихъ таможенныхъ чиновниковъ. Только относительно фотографическихъ аппаратовъ въ русскихъ владѣніяхъ сохранился въ силѣ средневѣковый законъ, который строго соблюдаютъ. Онъ упоминаетъ о случаѣ съ одной изъ дамъ, которая хотѣла сдѣлать фотографическій снимокъ съ ледорѣза, находившагося въ гавани Байкала. Ее преслѣдовали солдаты съ направленными на нее штыками. Она спаслась, быстро добѣжавъ по платформѣ до своего вагона, святая святыхъ, куда отважные штыки боялись переступить.

Южная Манчжурія, по его выраженію, желтая и неряшливая, неряшливая и желтая. Что касается Сѣверной Манчжуріи, то Легаръ говоритъ: «Ничего нѣтъ удивительнаго, что русскіе бросали пламенные взоры на Сѣверную Манчжурію, потому что это прекрасная страна съ густыми лѣсами, очень богатой почвой, прекрасно орошаемой Сунгари и Амуромъ, и богатая разнымъ краснымъ звѣремъ».

Отъ Хабаровска и Гирина линіи во Владивостокъ и Пекинъ встрѣчаются. До Пекина Легару пришлось ѣхать уже не въ train de luxe, а въ обыкновенномъ поѣздѣ, останавливавшемся каждую ночь въ городахъ. Такимъ образомъ, несмотря на утомленіе, злополучному путешественнику суждено было забирать свой дорожный мѣшокъ и багажъ и направляться въ желѣзнодорожную гостиницу. Въ настоящее время все это измѣнилось.

Часть страны между Харбинымъ и Владивостокомъ Легардъ нашелъ неинтересной. Владивостокъ, по его мнѣнію, настолько мрачное мѣсто, что жить въ немъ можно только по вынужденію. Нѣкоторые писатели распространяются объ его красотѣ лѣтомъ и видятъ все въ розовомъ цвѣтѣ. Но лѣто наступаетъ здѣсь поздно, говоритъ онъ, и ни въ одной части свѣта не замерзаетъ море на столько мѣсяцевъ въ году, какъ здѣсь.

Этимъ заканчиваетъ Легаръ свои впечатлѣнія, произведенныя русскими владѣніями, и восторгается природой Японіи.

—Старѣйшій театръ въ Италіи.—Италія отпраздновала двухстолѣтній юбилей своего знаменитаго театра Кариньяно «Teatro di S. A. R. il principe di Savoia Carignano», сцена котораго послужила колыбелью для всѣхъ выдающихся итальянскихъ драматурговъ и драматическихъ актеровъ. Двѣ самыя крупныя звѣзды, какими только можетъ гордиться Италія, впервые проявили свой талантъ въ театрѣ Кариньяно. Первая—самый комическій авторъ Карло Гольдони, вторая—драматическій авторъ Витторіо Альфіери. Исторію этого театра въ краткой статьѣ излагаетъ Джузеппе Деабате въ «Nuova Antologia». Лѣтъ сто тому назадъ, если бы французскій путешественникъ, которому предложили посѣтить Италію для научныхъ наблюденій, пріѣхалъ въ Туринъ и спросилъ, какъ онъ можетъ провести хорошо день, то услышалъ бы въ отвѣтъ, что онъ найдетъ очень хорошій читальный залъ близъ книжной торговли Карла Бокка, отличный ресторанъ Дюфуръ и хорошій спектакль въ театрѣ Кариньяно.

---

[1]) Il bicentenario di un celebro teatro torinese. Giuseppe Deabate. «Nuova Antologia». 16 Novembre. 1912.

Въ то время театръ Кариньяно освѣщался только четырьмя кенкетами и при этомъ считался самымъ элегантнымъ изъ театровъ, даже изящнѣе театра Реджіо. А главное, онъ могъ гордиться тѣмъ, что старѣйшій изъ театровъ; выстроенный въ 1712 г. княземъ Амедео Савойя ди-Кариньяно, онъ существовалъ уже тридцать лѣтъ, когда Карлъ-Эмануилъ II построилъ театръ Реджіо по плану графа Бенедетто Альфіери. Два года спустя была куплена земля и выстроенъ новый великолѣпный театръ Кариньяно, который въ февралѣ 1786 года сгорѣлъ. На его мѣстѣ снова выстроили театръ по прежнему плану, подъ руководствомъ архитектора Ферроджіо, и съ тѣхъ поръ театръ Кариньяно-ди-Савойя стоитъ, сохранивъ первоначальную внѣшность, и лишь чрезъ нѣкоторое время его реставрируютъ и украшаютъ.

19-го апрѣля 1751 г. въ театрѣ Кариньяно появилась комическая труппа Джироламо Медеба, а съ нимъ и Гольдони. Въ этотъ сезонъ онъ поставилъ на сценѣ новый свой трудъ «Molière», но затѣмъ «папà Гольдони» уѣхалъ въ Женеву и болѣе не возвращался въ Туринъ. Въ своихъ воспоминаніяхъ Гольдони, описывая пребываніе въ Туринѣ, говоритъ: «Въ другомъ мѣстѣ моей книги покажется, что я тогда не вполнѣ былъ доволенъ моимъ пребываніемъ въ Туринѣ; но это было только по отношенію одного театральнаго спора, а не потому, что я не понялъ высокаго достоинства такой прекрасной, культурной столицы».

Чрезъ много лѣтъ послѣ перваго появленія пьесы Гольдони на сценѣ Cariniano di Savoia 16-го іюня 1775 г. здѣсь же давалась первая трагедія Альфіери «Антоній и Клеопатра». Авторъ присутствовалъ на ея представленіи, и хотя ее приняли рукоплесканіями, но онъ захотѣлъ тотчасъ же снять ее со сцены, чувствуя ея недостатки. Это рѣдкій случай артистической добросовѣстности, какая встрѣчается не у многихъ авторовъ, говоритъ Деабате. Среди послѣднихъ онъ помнитъ Фердинандо Мартини; этотъ авторъ въ 1865 г. взялъ назадъ одну свою комедію «Fede», которую хотя и приняли рукоплесканіями, но самому писателю произведеніе показалось недостойнымъ похвалы. Только полвѣка спустя послѣ памятнаго для Альфіери вечера и тридцать лѣтъ спустя послѣ его смерти, впервые «Антоній и Клеопатра» вторично попали на сцену. Это возвращеніе произошло опять на сценѣ Cariniano di Savoia и поддержало достоинство славнаго имени автора. На этотъ разъ въ пьесѣ участвовалъ трагикъ Томазо Сальвини, въ то время находившійся въ самомъ блескѣ своей артистической славы, и Клементина Каццола, достойная его партнерша, а также другіе извѣстные актеры.

Всѣ крупные драматическіе актеры прошли чрезъ Teatro di S. A. R. il principe di Savoia Cariniano и, въ свою очередь, всѣ они прошли чрезъ большое постоянное товарищество актеровъ—compania stabile города Турина, устроившееся на сценѣ Кариньяно. Только миновалъ его самый великій актеръ—Густаво Модена—и одинъ изъ самыхъ крупныхъ актеровъ Джузеппе Демарини. Всѣ артисты отъ Луиджи Вестри до Эрнесто Росси, отъ Маркіонни до Ристори, отъ Антуанетты Работти до Амаліи Беттини, отъ Розины Романьоли до Даріи Мапчини и т. д.—появлялись передъ публикой въ Кариньяно.

За два вѣка существованія знаменитый театръ отзывался на всѣ грандіоз-

ныя событія родины—какъ первое движеніе къ освобожденію и славное завоеваніе національнаго единства. И за это время у него былъ только одинъ соперникъ—театръ Джербино, первый театръ спеціально по исполненію Густаво Модены, а впослѣдствіи товарищества Беллоти-Бонъ. Но это соперничество было не безплодно хорошими результатами для самого искусства. Впослѣдствіи другіе театры, среди которыхъ спеціально «Альфіери» раздѣлялъ славу театра Кариньяно, какъ было съ театромъ Джербино. Туринъ одинъ изъ самыхъ лучшихъ пунктовъ для собранія прозы; это не лагерь драматическаго искусства какъ въ Палестро, не военный лагерь согласно фразѣ Виктора Эмануила, это просто слава для всѣхъ, говоритъ въ заключеніе Д. Деабате.

— Тайна Венеры Милосской[1]). Съ тѣхъ поръ, какъ знаменитая статуя Венеры Милосской водворена въ Луврѣ, художники и ученые не перестаютъ дѣлать попытки разгадать жестъ ея отломанной руки. Этимъ вопросомъ со страстью занималось нѣсколько поколѣній. Нѣкоторые увѣряли, что Венера держала этой рукой копье. Другіе утверждали, что она отталкивала ею кого-то. Наконецъ, третьи доказывали, что самъ творецъ статуи, неизвѣстный намъ художникъ, въ порывѣ недовольства своимъ твореніемъ хотѣлъ разбить его. Теперь догадка, мучившая артистическій міръ, разъяснилась, и исторія статуи установлена документально. Вотъ эта исторія.

Зимой 1820 года одинъ изъ жителей острова Милоса, Кастро Буттонисъ, обрабатывалъ вмѣстѣ съ сыномъ и племянниками принадлежавшее ему поле. Во время работы земля вдругъ дала трещину, въ глубинѣ которой обнаружился каменный склепъ. Заинтересованные крестьяне немедленно проникли туда и нашли здѣсь статую, стоявшую подъ землею около двухъ тысячъ лѣтъ. Статуя изображала полуобнаженную женщину; отъ пояса до ногъ спускалось длинное одѣяніе, которое женщина поддерживала правой рукой, въ лѣвой же у нея былъ шаръ величиною не больше яблока. По обѣ стороны статуи размѣщались два небольшія изображенія—лицо женщины и голова старика съ длинною бородой.

Зная, что иностранцы хорошо платятъ за такія находки, Буттонисъ прежде всего рѣшилъ перенести статую изъ склепа къ себѣ въ хижину. Мраморъ былъ тяжелъ, и сдѣлать это было нелегко. Осмотрѣвъ статую, крестьяне убѣдились, что мраморъ состоялъ изъ двухъ частей, которыя можно было разъединить. Рѣшено было перенести сначала одну верхнюю часть, какъ наиболѣе драгоцѣнную. И вотъ съ наступленіемъ ночи Буттонисъ и его племянники охватили божественный торсъ своими мозолистыми руками и понесли его къ себѣ въ убогую лачугу. Какое изумительное зрѣлище! Три крестьянина, спотыкаясь и ругаясь, тащатъ по залитому луной полю бѣлѣющую фигуру богини!

Черезъ нѣсколько недѣль, 20-го апрѣля, остановился передъ Милосомъ французскій корабль «La Chevrette», шедшій въ Константинополь. На его борту находились лейтенантъ Матереръ и поручикъ Дюмонъ д'Юрвиль, оба страстные любители античной древности. Узнавъ о находкѣ Буттониса, они разыскали его. Буттонисъ сначала повелъ ихъ въ склепъ, гдѣ находился

[1]) Le Temps. Отъ 15 ноября 1912 г.

цоколь съ нижней частью статуи, потомъ въ хижину, гдѣ онъ спряталъ ея бюстъ. Матереръ и Дюмонъ д'Юрвиль на другой же день помчались въ Константинополь и немедленно по прибытіи бросились къ французскому послу, маркизу де-Ривьеру, которому и сообщили о находкѣ.

Посолъ, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, отправилъ перваго секретаря посольства Марселлюса съ приказаніемъ купить статую во что бы то ни стало. 23-го мая корабль «L'Estafette», на которомъ ѣхалъ Марселлюсъ, бросилъ якорь на Милосскомъ рейдѣ. И какъ разъ во время!

Осматривая берегъ съ мостика корабля, Марселлюсъ замѣтилъ толпу грековъ и турокъ, которые тащили къ берегу что-то бѣлое. То была Венера, плѣнная, связанная веревками. По каменистому берегу ее волокли по направленію къ баркасу, очевидно, спущенному съ корабля, на которомъ развѣвался турецкій флагъ. Казалось, дивное твореніе искусства навсегда потеряно для Франціи! Но Марселлюсъ не медлитъ: «Эстафетта» спускаетъ десантъ, и около статуи завязывается настоящій бой.

Турки разбиты и бѣгутъ, Венера остается за французами. Ея бѣлыя плечи поцарапаны прибрежными камнями, она падаетъ, и отъ нея во всѣ стороны сыплются обломки. Матросы поднимаютъ эти куски, взваливаютъ богиню на плечи и перевозятъ на «Эстафетту»,—къ несчастью, не всю: турки уже успѣли перевести на свой бригъ нижнюю часть статуи. Послѣ двухдневныхъ переговоровъ Марселлюсу удается при помощи денегъ уговорить турокъ уступить ему и нижнюю половину. Куски же рукъ такъ и остались на островѣ Милосѣ. Въ первую минуту о нихъ забыли, а потомъ они исчезли безвозвратно для человѣчества.

Въ 1872 году Жюль Ферри, въ бытность свою посланникомъ въ Греціи, желая провѣрить исторію этой находки, отправился самъ на островъ Милосъ. Онъ засталъ еще въ живыхъ сына и одного изъ племянниковъ Буттониса, которые 52 года тому назадъ нашли статую. Оба они подтвердили, что богиня дѣйствительно держала въ рукѣ яблоко.

Французы долго умалчивали о хищеніи статуи, но нѣтъ на свѣтѣ ничего, что рано или поздно не вышло бы наружу.

Такъ разрѣшается теперь загадка, мучившая такъ долго историковъ искусства.

— Судьбы Константинополя [1]).—За исключеніемъ Рима, едва ли въ исторіи человѣчества найдется другой городъ съ такимъ богатымъ прошлымъ, какъ древняя Византія или Константинополь. Его исторія представляетъ длинную вереницу картинъ ослѣпительной красоты и отвратительной гнусности, возвышающей мощи и глубокаго униженія, счастья и блеска и безпримѣрныхъ кровавыхъ ужасовъ, отъ которыхъ читателю до сихъ поръ становится жутко. Какъ и Римъ, Константинополь съ равнымъ правомъ можетъ быть названъ «Вѣчнымъ городомъ»: его начало также теряется въ глубинѣ отдаленныхъ вѣковъ. Исторически извѣстно лишь, что кучка грековъ изъ Мегары, ища для себя новаго отечества, бросила якорь у треугольнаго мыса, выдаю-

[1]) «Frankfurt. Zeitung». 1912 г. № 319.

щагося въ Мраморное море между Пропонтидой и Золотымъ Рогомъ, и заняла ютившееся издревле поселеніе финикійцевъ, которое съ этого времени здѣсь стало называться Византіей.

Первая тысяча лѣтъ существованія новаго города была полна бурными превратностями судьбы. Его по очереди захватывали греки, македонцы, римляне. Во времена римскихъ императоровъ Византія была уже вліятельной городской общиной, оплотомъ имперіи противъ враговъ на восточной границѣ. Въ эпоху происходившей въ Римѣ борьбы за престолъ будущій Царьградъ нашихъ пѣсенъ и сказаній принялъ сторону одного претендента. Претенденту не повезло, и императоръ Септимій Северъ, одержавшій верхъ, въ отместку приказалъ разрушить городъ до основанія. Правда, императоръ впослѣдствіи возстановилъ его въ болѣе скромныхъ размѣрахъ, но, по всей вѣроятности, Византія осталась бы такимъ же захудалымъ уѣзднымъ городкомъ Римской имперіи, какимъ стали блестящіе когда-то Коринѳъ или Аѳины, не приди императору Константину, желавшему избавиться отъ республиканскихъ воспоминаній стараго Рима, въ голову мысль перенести столицу куда-нибудь въ другое мѣсто. Выборъ его палъ на Византію, которую онъ именовалъ Новымъ Римомъ, но которую народъ сталъ называть по имени перваго императора, поселившагося на благословенныхъ берегахъ Босфора,—Константинополемъ (т.-е. городомъ Константина).

Императоръ дѣлалъ все возможное, чтобы его новая столица могла затмить по великолѣпію и блеску старую резиденцію. По его приказанію, возникъ цѣлый рядъ великолѣпныхъ построекъ. Какъ и Римъ, Константинополь разбросался по семи холмамъ. По образцу покинутой столицы, въ немъ были воздвигнуты Капитолій, колоннады, дворцы, храмы. Былъ доконченъ и начатый еще при Септиміи Северѣ ипподромъ, на которомъ впослѣдствіи суждено было не разъ разыгрываться потрясающимъ по своему драматизму событіямъ. Стѣну, защищавшую городъ и опоясывавшую только восточную часть города, Константинъ провелъ далѣе на западъ почти на 3 версты. Все это теперь погибло. Единственная вещь, оставшаяся до настоящаго времени отъ Константина, это порфировая колонна, стоящая на площади, бывшей въ тѣ времена форумомъ. Подъ этой колонной зарытъ палладіумъ, т.-е. изображеніе охранительницы города богини Паллады, будто бы вывезенное когда-то изъ горѣвшей Трои и доставленное потомъ въ Римъ. Въ эпоху, когда Константинополь былъ уже на краю гибели, между его жителями держалась твердая вѣра, что враги могутъ проникнуть въ городъ только до Константиновой колонны. Тутъ Богъ пошлетъ своего ангела, который вручитъ одному бѣдному человѣку небесный мечъ и скажетъ ему: отомсти за народъ Божій!

Такъ переплетались въ этой столицѣ восточнаго міра древнія языческія вѣрованія съ позднѣйшими христіанскими.

Въ слѣдующее столѣтіе градъ Константина еще болѣе расширился. Готы, составлявшіе главное ядро византійской арміи, были поселены внѣ городскихъ стѣнъ и образовали новый кварталъ-крѣпость, успѣшно отражавшую натискъ разныхъ гуннскихъ племенъ. Именно тогда, въ пятомъ столѣтіи возникли въ полуторѣ километрѣ къ западу отъ Константинополя знаменитыя укрѣпле-

нія, приписываемыя императору Ѳеодосію, развалины которыхъ лежатъ до сего времени. Отъ самаго Мраморнаго моря до Золотого Рога тянулась двойная стѣна—надежнѣйшій оплотъ города. Надъ сооруженіемъ ея трудился, впрочемъ, не одинъ Ѳеодосій, а цѣлый рядъ императоровъ.

Изъ длиннаго ряда императоровъ, начиная отъ перваго Константина и кончая одиннадцатымъ Константиномъ, въ особенно яркомъ блескѣ выступаетъ фигура Юстиніана—второго основателя города, какъ его называли... При немъ воздвиглась величайшая достопримѣчательность Византіи—церковь св. Софіи. Она была заложена еще Константиномъ Великимъ, построившимъ деревянную базилику во имя Премудрости Божіей (святой Софіи). Во время возстанія Ники въ 532 году базилика эта сгорѣла, и вмѣсто нея Юстиніаномъ была построена теперешняя святая Софіи—не превзойденное чудо византійскаго искусства. Для украшенія новаго храма были свезены наиболѣе цѣнныя вещи изъ храмовъ Эфеса, Делоса, Пальмиры и даже Рима.

Юстиніанъ, стоявшій въ центрѣ огромнѣйшей монархіи, раскинувшейся отъ Арменіи до Испаніи, вознесъ свою столицу на небывалую высоту. Со всѣхъ сторонъ его обширнѣйшаго государства были свезены въ столицу лучшія произведенія искусства. Привезли изъ Олимпіи и знаменитую въ классической древности статую Зевса, работы Фидія. Теперь развѣнчанному Богу древней Эллады предстояло украшать собою константинопольскій ипподромъ.

Въ то время, какъ германскій сѣверъ теперешней Европы былъ покрытъ лачугами, въ которыхъ наравнѣ съ животными ютились полудикіе германскіе народцы, а въ областяхъ древней римской цивилизаціи начиналась мерзость запустѣнія, Византія достигла высшей точки своего развитія. Блескъ двора, культурность жизни, глубокія религіозно-философскія теченія, въ которыхъ находилъ особенное удовольствіе византійскій духъ,—все это рѣзко отличало Византію отъ западнаго міра. Все это было, впрочемъ, остатками былой, болѣе широкой жизни. Политическая жизнь страны была совершенно подавлена и выродилась во враждѣ двухъ партій—синихъ и зеленыхъ, споривших между собою за побѣду на ипподромѣ. Партіи эти постоянно сталкивались между собою, и эти столкновенія иной разъ принимали такой характеръ, что дрожали самыя крѣпкія твердыни Константинополя. При Юстиніанѣ, напримѣръ, зеленые, обидѣвшись предпочтеніемъ, которое дворъ оказывалъ синимъ, произвели такой мятежъ, что цѣлую недѣлю въ городѣ бушевалъ пожаръ и улицы его были залиты кровью. И только знаменитому Велизарію съ помощью наемной гвардіи изъ германцевъ удалось подавить возстаніе. Ипподромъ сдѣлался мѣстомъ ужасающей рѣзни, во время которой погибло болѣе 30 тысячъ человѣкъ.

Ослѣпительное великолѣпіе императорской столицы, тонувшей въ роскоши въ то время, какъ изъ провинцій были вытянуты всѣ соки, не могло, однако, заслонить собою нравственную развращенность придворныхъ, безконечный произволъ безчестнаго, но необходимаго при деспотическомъ правленіи чиновничества, ненавистническія преслѣдованія со стороны церкви, принявшей характеръ совершенно государственнаго учрежденія, и, что было хуже всего—изнѣженность и политическое равнодушіе населенія, всецѣло преданнаго лишь

конскимъ ристаніямъ на ипподромѣ и всякаго рода торжественнымъ зрѣлищамъ. Среди длиннаго ряда именъ греческихъ царей, абсолютныхъ по власти и деспотическихъ по своимъ дѣйствіямъ, нѣтъ почти ни одного имени, на которомъ не лежало бы какого-нибудь пятна. Переходъ трона отъ одного лица къ другому почти каждый разъ сопровождался невѣроятными ужасами. Задушеніе, ослѣпленіе, изувѣченіе противника—таковы обычныя средства, съ помощью которыхъ добирались до царскаго далматика. Не спасало и кровное родство. Даже самъ Константинъ велѣлъ убить собственнаго сына Криспа, котораго онъ заподозрѣлъ въ мятежныхъ замыслахъ. Отецъ убивалъ сына, братъ брата, сынъ отца или мать,—словомъ, не было такого преступленія, котораго бы не видалъ императорскій дворецъ. Эти преступленія окончательно расшатали Византійское царство, и рыцарямъ четвертаго крестоваго похода, собравшагося подъ предводительствомъ императора Фридриха Барбароссы, не стоило большого труда столкнуть подгнившій государственный организмъ. Вмѣшавшись во внутреннія дѣла царства, крестоносцы подъ предводительствомъ венеціанскаго дожа Энрико Дандоло осадили Константинополь и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ апрѣлѣ 1204 года взяли его приступомъ. Великолѣпная столица очутилась въ рукахъ малокультурныхъ, озвѣрѣвшихъ ландскнехтовъ. Два раза вспыхивалъ огромный пожаръ, истребившій цѣлую треть города. Солдаты предались грабежу и, бѣгая по улицамъ и переулкамъ, безпощадно убивали мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Святыни константинопольскія подверглись такому осквернению и поруганію, какого имъ потомъ не пришлось видѣть даже отъ турокъ. Въ храмѣ св. Софіи, ограбленномъ и опустошенномъ, были устроены отвратительныя оргіи съ участіемъ женщинъ развратнаго поведенія. Крестоносные «воины Господа», какъ любили называть себя крестоносцы, вырыли прахъ греческихъ императоровъ и гробницы ихъ въ церкви Св. Апостоловъ превратили въ лошадиныя стойла. Дивныя произведенія искусства, украшавшія форумъ, ипподромъ и площади, были разбиты вдребезги. Четыре бронзовыхъ коня работы Лизиппа и драгоцѣнные сосуды изъ храма св. Софіи были отправлены Дандоло въ Венецію, въ храмъ св. Марка.

Крестоносцы нанесли такой вредъ городу, отъ котораго онъ уже никогда не могъ оправиться. Черезъ 57 лѣтъ владычества латиняне были изгнаны изъ Царя-Града, но блескъ его потухъ уже навсегда. Два вѣка еще умирало крѣпко слаженное Византійское царство, пока рѣшительный штурмъ турокъ не положилъ ему конецъ. Турки изъ Малой Азіи наводнили весь Балканскій полуостровъ, заняли всю его территорію, и все Византійское царство умѣщалось теперь въ одномъ Константинополѣ. Генуэзскіе наемники, во главѣ съ Джуліани, храбро отражали бѣшеный натискъ турокъ на этотъ послѣдній кусокъ независимой византійской территоріи. 29-го мая 1453 года, въ два часа ночи начался предсмертный для византійцевъ штурмъ Константинополя. По всему городу били въ набатъ, во всѣхъ церквахъ горячо молились о спасеніи отъ варваровъ, на стѣнахъ шелъ бѣшеный бой. Ничто не могло удержать тучи турокъ, двинувшихся изъ своей главной квартиры Адріанополя.

Турки ворвались въ городъ, послѣдній императоръ Константинъ XI былъ убитъ, остатки гарнизона подверглись избіенію, а уцѣлѣвшіе отъ погрома

крестоносцевъ памятники искусства и дивныя зданія были преданы разрушенію. Опьяненные побѣдой, побѣдители-азіаты безсмысленно истребляли все красивое, что попадалось имъ на глаза, и самъ султанъ долженъ былъ вмѣшаться, чтобы положить конецъ этому безобразію. Въѣхавъ на конѣ въ храмъ св. Софіи и увидѣвъ солдата, ломавшаго киркой мраморный полъ храма, онъ ударомъ меча положилъ его на мѣстѣ.

Такъ 459 лѣтъ тому назадъ покончилъ свое существованіе городъ царя Константина, переименованный побѣдителями въ Стамбулъ, отъ исковерканныхъ греческихъ словъ: eis ten polin, т. е. въ городъ, въ столицу—выраженіе, очевидно, часто слышавшееся въ окрестностяхъ Константинополя.

— Джонъ Стюартъ Милль въ Авиньонѣ.—Во Франціи, среди литераторовъ и ученыхъ, образовался комитетъ для постановки памятника знаменитому англійскому философу Джону Стюарту Миллю. Памятникъ предполагается воздвигнуть въ Авиньонѣ, гдѣ жилъ послѣднее время и гдѣ умеръ одинъ изъ величайшихъ мыслителей Англіи.[1])

При какихъ условіяхъ попалъ Милль въ Авиньонъ? Что заставило его поселиться въ этомъ укромномъ французскомъ городкѣ, служившемъ когда-то резиденціей папамъ?

Обыкновенно полагали, что Милль, бросивъ въ 1858 году частную службу, поселился въ Авиньонѣ, прельщенный его прекрасными окрестностями и мягкимъ климатомъ. Милль давно любилъ югъ Франціи, съ которой его связывали свѣтлыя воспоминанія далекаго дѣтства. Въ двадцатыхъ годахъ прошлаго вѣка, едва вступивъ въ юношескій возрастъ, Милль жилъ въ Тулузѣ и Монпелье, заканчивая здѣсь свое образованіе. Но не эти воспоминанія были причиной переселенія Милля въ Авиньонъ, переселенія, столь необычнаго для англичанина.

3-го ноября 1858 года философа постигло страшное горе: во время путешествія заболѣла воспаленіемъ легкихъ и умерла его жена Гарріетта Милль. Похоронена она была въ Авиньонѣ.

Гарріетта Милль для погруженнаго въ свои думы философа была истиннымъ ангеломъ-хранителемъ. Обладая мягкой душой и вдумчивымъ, проникновеннымъ умомъ, она не разъ спасала философа отъ страшной мысли о тщетѣ всего земного, мысли, которая одинъ разъ едва не довела Милля до самоубійства. Своимъ мягкимъ вліяніемъ и теплымъ чувствомъ г-жа Милль умѣла устранять послѣдствія тѣхъ страшныхъ духовныхъ кризисовъ, которыми богата біографія ея мужа.

Потеря жены до такой степени потрясла Милля, что онъ опять былъ близокъ къ самоубійству. Но вмѣсто жены судьба послала ему на помощь падчерицу, Елену Тэйлоръ, до конца его жизни бывшую для него вѣрной Антигоной. Она сумѣла вернуть къ жизни вотчима, постепенно пріучивъ его къ мысли, что отнынѣ его задачей становится охранять и украшать могилу той, которую онъ такъ глубоко и сосредоточенно любилъ. Какъ утопающій за соломинку, схватился Милль за эту мысль.

---

[1]) «Figaro». Suppl. litter. 1912 г. № 319.

Немедленно въ Авиньонѣ былъ купленъ недалеко отъ кладбища небольшой домикъ. Около него насадили аллею платановъ, разбили зеленыя лужайки. Съ трехъ сторонъ домикъ покрылся террасами, по которымъ могъ гулять философъ, обдумывая свои послѣднія наиболѣе зрѣлыя вещи. Съ четвертой была устроена оранжерея, куда онъ укрывался въ случаѣ дурной погоды. Мало-по-малу, съ цѣлью заглушить всякій шумъ, было скуплено значительное пространство земли вокругъ домика. Вотъ въ это-то комфортабельное убѣжище Милль четырнадцать лѣтъ возвращался каждую зиму. Здѣсь же онъ и умеръ 7-го мая 1873 года.

Будучи любимцемъ англійской демократіи, пользуясь всемірной извѣстностью, занимая кресло въ палатѣ общинъ, Милль имѣлъ право на величайшую честь, которую англійская нація воздаетъ своимъ великимъ людямъ,—быть похороненнымъ въ Вестминстерскомъ аббатствѣ. Но онъ завѣщалъ извѣстному психологу Бену похоронить себя непремѣнно въ Авиньонѣ, на томъ же кладбищѣ, гдѣ покоится прахъ его жены. Похороны были самые скромныя. Не было даже объявлено о часѣ ихъ, и около разрытой еще могилы собралась небольшая кучка ближайшихъ друзей и десятка два-три случайныхъ зрителей, недоумѣвавшихъ, что заставило великаго англичанина измѣнить величавому Вестминстерскому аббатству ради скромнаго, почти сельскаго кладбища Авиньона.

Съ исторіей Авиньона связана неразрывно пара именъ: Петрарки и Лауры. Девятнадцатый вѣкъ впишетъ сюда еще два имени: Джона Стюарта и Гарріетты Милль.

— Отовсюду.—«Ninenteenth Century» занимается разрѣшеніемъ вопроса: кому изъ маленькихъ союзныхъ государствъ, проливавшихъ кровь на Востокѣ, достанется вкусная часть турецкаго пирога, когда они съ такимъ аппетитомъ сядутъ за столъ? Удхэдъ Пикокъ, написавшій эту статью, довольно коварно ведетъ къ намѣченной цѣли. Если бы въ этомъ раздѣлѣ Европейской Турціи считаться только съ законностью претензій, если бы каждый народъ могъ присоединять города и провинціи, на которые онъ дѣйствительно имѣетъ историческое право, то какъ произойдетъ расчлененіе Турціи и кому достанется Константинополь? Безспорно, онъ долженъ бы достаться грекамъ, какъ единственнымъ законнымъ наслѣдникамъ Византійской старой имперіи. Все говоритъ въ ихъ пользу: тожественность расы, религіи, языка. Даже греческій патріархатъ въ Константинополѣ остается до сихъ поръ ихъ духовнымъ главою, и болѣе половины города заселено людьми, считающими себя ихъ соотечественниками. По мнѣнію Удхэда Пикока, греки только вернутъ себѣ старую собственность, затерявшуюся на долгое время.

Болгары не имѣютъ большого историческаго права. Нѣкогда, въ царствованіе великаго государя Симеона имъ удалось устроить имперію довольно обширную, но она вскорѣ рушилась. Господство болгаръ не оставило никакого рода слѣдовъ ни въ памятникахъ, ни въ нравахъ, ни въ языкѣ страны, нѣкогда порабощенной ими, ни даже въ воспоминаніяхъ и традиціяхъ болгарскаго народа. Возстановленіе Болгаріи послѣ счастливой войны 1877— 1885 г. должно бы обрадовать болгаръ, и этого вполнѣ достаточно для ихъ счастья. Самое большое,

что можно для нихъ сдѣлать, это предоставить имъ нѣсколько небольшихъ кусочковъ въ сѣверо-восточной Македоніи.

Другое дѣло сербы: это большая нація, члены которой, лишь исключая живущихъ въ Сербіи, разсѣяны въ Старой Сербіи, въ сѣверной Македоніи (Ускюбѣ, Коссовѣ, Призрѣнѣ и др.), Черногоріи, Босніи, Герцеговинѣ и въ южной Венгріи, въ Темешварскомъ банствѣ. Къ нимъ же можно причислить кроатовъ и далматинцевъ, принадлежащихъ къ одной и той же расѣ и говорящихъ на одномъ и томъ же языкѣ, отличающихся лишь тѣмъ, что они католики и пишутъ латинскими буквами. Вотъ эта нація имѣла славную исторію въ средніе вѣка. Чистокровной угро-славянской расы, сербы были немного цивилизованнѣе болгаръ, грубыхъ монголовъ, только ославяненныхъ. Имъ имперія, прославившаяся при Душанѣ и Лазарѣ, держалась дольше другихъ и достигла высшей степени великолѣпія. Тогда сербамъ принадлежали вся Македонія и часть Албаніи, и еще теперь находятся слѣды ихъ господства, особенно въ названіяхъ городовъ. Они долго боролись съ турками и кончили славнымъ пораженіемъ въ Коссовѣ въ 1389 г. Въ теченіе почти всего XIX вѣка они боролись съ турками съ такимъ неистовствомъ, какому впослѣдствіи стали подражать болгары. Сербы никогда не забывали ни прежнихъ побѣдъ, ни пораженій. Воспоминаніе о Коссовѣ всегда будило въ сердце и умѣ сербскихъ патріотовъ отъ Сараева до Ускюба и отъ Цетинья до Бѣлграда—желаніе смыть позоръ Коссовскаго пораженія въ крови турецкаго обидчика. И чудовищно, что сербы Сербіи, Черногоріи, Австріи, Венгріи и Турціи, которые въ дѣйствительности составляютъ одну единую націю, еще не соединились въ одно государство подъ скипетромъ единаго государя. Этому благотворному единенію до сихъ поръ мѣшала зависть великихъ державъ. Но оно совершится: сила вещей, упорная воля народа кончатъ тѣмъ, что одержатъ верхъ надъ всѣми комбинаціями дипломатовъ. Но въ силу историческихъ правъ эту задачу объединенія не могутъ взять на себя сербы, они не могутъ явиться коллективной единицей всѣхъ разсѣянныхъ сербовъ, потому что они допустили себя раздавить во время вторженія турокъ, послѣ Коссова они склонили спину, нѣкоторая часть изъ нихъ, и не меньшая, перешла въ мусульманство, другіе сдѣлались райей, униженными презрѣнными подданными. Такое унизительное положеніе тянулось болѣе четырехъ вѣковъ до дня, когда героическій Карагеоргіевичъ, прадѣдъ царя Петра, призвалъ своихъ соотечественниковъ къ священной войнѣ. Очевидно, сербы втайнѣ оставались вѣрны своимъ національнымъ традиціямъ и съ 1803 г. они отважно нагнали потерянное время. Но все-таки надо сознаться, что прежде, чѣмъ подняться на обидчика, они еще долго раздумывали.

Вотъ черногорцы никогда не были порабощены. Въ XVI и XVII вѣкѣ, когда всѣ народы, окружавшіе ихъ, какъ съ сѣвера и съ сѣверо-востока, такъ и со стороны, откуда пришли турки, всѣ преклонялись подъ гнетомъ крестоносцевъ,—одни только черногорцы продолжали борьбу и отстаивали свою независимость. Ихъ первая столица Забліака подверглась осадѣ въ 1884 г. Тогда они забрались еще выше въ горы и выстроили тамъ новую столицу Цетинье. Борьба продолжалась все ожесточеннѣе. Въ 1623, 1690 гг. и въ 1714 г. Цетинье, въ свою очередь, было взято, и турки его совершенно уничтожали, но

черногорцы никогда не капитулировали. Каждый разъ они мстили и добились того, что отвоевали свою страну и снова построили маленькую столицу. Долгое время глава націи былъ выборный, но послѣ пораженія 1690 г. народъ понялъ, что если желательно сохранить независимость, надо обезпечить черногорской политикѣ большую непрерывность, чѣмъ ту, какую можетъ вложить въ свои усилія выборный глава. Поэтому народъ довѣрилъ власть семьѣ Петровичей-Нѣгушей, до сихъ поръ сохраняющихъ ее въ своихъ рукахъ. И священная война продолжалась почти безпрерывно до нашихъ дней. Въ 1785 г. въ послѣдній разъ было взято Цетинье и уничтожено огнемъ; но 11 лѣтъ спустя великая армія Кара-Махмудъ-паши была цѣликомъ уничтожена въ дефиле Крузъ, и самъ паша погибъ тамъ. Черногорцы умножились изъ наиболѣе достойныхъ воиновъ Великой Сербіи, удалившихся въ горы во избѣжаніе оттоманскаго ига, поэтому они составляютъ избранниковъ себрской націи и четыре вѣка они были единственными борцами за свою независимость, слѣдовательно первенство слѣдуетъ признать за ними. Король Николай мечтаетъ соединить подъ своимъ скипетромъ всѣхъ сербовъ четырехъ государствъ и сдѣлать изъ Скутари столицу новаго государства. И это честолюбивое намѣреніе, по мнѣнію Пикока, совершенно законно и благоразумно и его слѣдуетъ поддержать.

«Rivista de America» даетъ краткую характеристику испанскихъ писателей. Испанская литература, по словамъ автора Хозе Франсеса, можетъ гордиться многими изъ своихъ писателей, которые давно уже оцѣнены въ Пиренеяхъ. Бенито Перецъ, Гальдосъ, Бласко Ибаньесъ, Эмилія Падро Бацанъ, Палачіо Вальдесъ—извѣстны и въ другихъ странахъ. Перецъ Гальдосъ, благодаря своимъ «Episodios nacionales»—этой длинной серіи томовъ, посвященныхъ исторіи Испаніи, воздвигъ своей родинѣ настоящій памятникъ. Его стиль нѣжный, колоритный, ироническій, но безъ горечи. Графиня Эмилія Пардо Бацанъ заняла почетное мѣсто среди современныхъ испанскихъ женщинъ-писательницъ. Никто лучше ея не сумѣетъ нарисовать современную нетерпѣливость и гиперистерію. Типы ея романа «Chimera», взятые изъ современнаго общества, во всемъ соотвѣтствуютъ нашему личному темпераменту, тревогамъ людей, раздраженныхъ слишкомъ цивилизованной средой.

Бласко Ибаньесъ оставитъ неизгладимый слѣдъ въ испанской литературѣ. Человѣкъ съ независимой натурой, пылкій, болѣе склонный къ созерцанію, чѣмъ къ разсужденію, этотъ писатель широкой рукой сѣетъ идеи. Реалистъ и свободный мыслитель, онъ отстаиваетъ свою теорію независимо, въ сильныхъ колоритныхъ, лихорадочныхъ и смѣлыхъ выраженіяхъ.

Менѣе блестящимъ считаетъ авторъ второе поколѣніе Піо Барохо, Ацоринъ, Мигуэль де-Унамуно, Бенавенте Фелипо Триго. У Бароха странный умъ. Онъ черпаетъ свои типы изъ міра отверженныхъ. Онъ самый плодовитый изъ разсказчиковъ, и ни одно изъ его сочиненій не носитъ слѣдовъ банальности. Нѣкоторые изъ нихъ дѣйствительно прекрасны, какъ: «Busca», «Maba Hierba», «Amore rosa».

Фелипо Триго, первый романъ котораго «Los ingenios», трепещетъ жизнью. Это знатокъ интимной женской психики.

Во главѣ молодыхъ писателей стоитъ Альберто Инсуа, которому еще нѣтъ

тридцати лѣтъ. Главное его достоинство оригинальность: онъ никому не обязанъ ни одной чертой своего таланта: и находясь подъ иностраннымъ вліяніемъ, сумѣлъ остаться чисто испанскимъ писателемъ. Его произведенія нравятся, заинтересовываютъ и захватываютъ читателя. Онъ пользуется такимъ же успѣхомъ, какъ и графиня Пардо Бацанъ, но у него смѣлѣе полетъ. Лучшее его произведеніе «Легкомысленная женщина», которая разошлась въ большомъ количествѣ экземпляровъ. Затѣмъ онъ написалъ недавно «Демонъ сладострастія» и «Стрѣлы Амура». Эти двѣ вещи наиболѣе краснорѣчивые выразители его таланта. Первая изъ нихъ представляетъ глубокое изученіе современной женщины въ ея борьбѣ съ вихремъ искушеній. Онъ рисуетъ ее борющейся съ ними и не всегда покоренной, знающей опасность и защищающейся отъ нея до тѣхъ поръ, пока выдерживаютъ ея нервы или темпераментъ. Онъ доказываетъ, что она можетъ избѣжать крушенія, благодаря своей энергіи. «Стрѣлы Амура» чисто мадридская вещь. Здѣсь онъ вводитъ читателя въ общество Мадрида, сіяющаго весельемъ портнихъ, модистокъ и приказчиковъ. Тѣнью этого веселья служитъ эгоизмъ любителей легкихъ побѣдъ, часто забывающихъ о данныхъ ими клятвахъ и дѣлающихъ несчастными дѣвушекъ съ довѣрчивой душой, какъ его героиня Евгенія.

Эдуардъ Цамакоисъ одинъ изъ самыхъ сильныхъ и выразительныхъ писателей современной эпохи. Его несправедливо упрекаютъ за склонность къ порнографіи, но въ дѣйствительно это лишь просто легкость пера. Въ сущности онъ оптимистъ, и его credo—восторженность и собственное побужденіе. Онъ рисуетъ типы людей, стремящихся достичь цѣли, полагаясь лишь на самихъ себя, но ихъ характеръ глубоко романическій, какъ и у самого автора. Это люди упорные, чувствительные, неисправимые мечтатели, идущіе въ жизни какъ мечтатели съ ницшеановскимъ пожатіемъ плечъ и съ вѣрою въ сверхчеловѣка. Его романъ наиболѣе нашумѣвшій—«Tick-Nay».

Рикардо Леонъ лѣтъ шесть тому назадъ былъ неизвѣстенъ, но его романъ «Casta de-Hidalgas» выдвинулъ его на видное мѣсто. Однако онъ не романистъ въ точномъ смыслѣ этого слова. Техника его языка вполнѣ совершенна, фразы чисты, но ни одна изъ его композицій не захватываетъ души читателя, благодаря недостатку жизни. Тѣмъ не менѣе его «Школа софистовъ» создала ему совершенно справедливо репутацію виднаго писателя.

Антоніо де-Гойосъ—превосходный наблюдатель жизни, онъ красочно передаетъ чувственность и порокъ въ всѣхъ тонкостяхъ разврата. Его романы происходятъ обыкновенно въ испанскомъ аристократическомъ обществѣ, но иногда онъ опускается въ среду падшихъ женщинъ, бандитовъ и воровъ. Его «Грѣховный Садъ» вдохновленъ ему Оскаромъ Уайльдомъ.

Другіе молодые писатели: Аугосто Мартинецъ Ольмедилла, Сижъ Апареси, хорошо изучившій невзгоды жизни и воплотившій ихъ въ своемъ романѣ «Госпиталь», «Побѣдители», «Паломничество», проявивъ при этомъ натурализмъ; Мартинецъ Сіерра, сумѣвшій проникнуть въ сердце буржуазнаго общества въ своемъ романѣ «Простая истина», Лопецъ Пимолезъ и масса другихъ второстепенныхъ писателей.

Третье поколѣніе испанскихъ романистовъ побѣдоносно пробралось въ книж-

ныя издательства, театръ и печать. Это указываетъ на революцію противъ идеализма первыхъ и романтизма вторыхъ. За послѣднія пять-шесть лѣтъ эта молодежь составила легіонъ, во главѣ котораго находятся Діего Санъ-Хозе, Рамонъ Гомецъ дела Серна и Анджело Гуерра.

«Revue Hebdomadaire» даетъ краткую характеристику современной нѣмецкой женщины. Авторъ статьи А. Куатизоль говоритъ, что вкусъ нѣмецкой женщины улучшается. Она измѣнила традиціонной нѣмецкой модѣ, замѣнивъ ее парижской. Разодѣтыя такимъ образомъ, нѣмки производятъ иллюзію парижанокъ, пока не дѣлаютъ движенія. У берлинскихъ портныхъ всегда имѣются въ мастерской молодыя француженки, и единственное ихъ занятіе давать уроки хорошихъ манеръ нѣмецкимъ моделямъ. Въ залахъ, обставленныхъ зеркалами, нѣмки практикуются, какъ бы пограціознѣй встать, сѣсть, пройти и разговаривать, не потрясая всего зданія. Узкой юбкѣ, повидимому, изобрѣтенной для нѣмки—и потому, быть можетъ, ее такъ отстаиваетъ Вильгельмъ,—не удалось лишить ее атавистической военной выправки. Нѣмка попрежнему еще ходитъ крупными шагами и сама не подозрѣваетъ своей неграціозной походки. Со школьной скамьи ее пріучаютъ шагать, какъ мальчика на парадѣ, выбивать ногой тактъ и т. д. Поэтому у нѣмки на всю жизнь остается отъ этой шагистики неизгладимый слѣдъ. И когда послѣ семнадцати лѣтъ традиціонный беретъ смѣняется модными шляпами и платьями изъ Парижа, солдатская выправка уже къ ней болѣе не идетъ, но она ее сохраняетъ.

Нѣмка отличается необыкновенной неутомимостью въ ходьбѣ мужскими шагами, и это отнимаетъ отъ нея женскую грацію. Кромѣ того, общая черта нѣмокъ—походить другъ на друга. Въ началѣ сезона большіе магазины запасаются нѣсколькими моделями, по которымъ дѣлаются тысячи шляпъ, платьевъ, пальто, сумочекъ и проч., которыя раскупаются нарасхватъ. Поэтому нѣмки одѣваются одна, какъ другая. Нѣмка не кокетлива и она это знаетъ. «Эта простота, отсутствіе бѣлилъ, румянъ и прочихъ искусственныхъ принадлежностей, эта естественность для насъ, французовъ, имѣетъ что-то успокаивающее, трогательное, прелестное»,—говоритъ авторъ. Очевидно, изъ этого же истекаетъ, что нѣмцы отъ всего сердца презираютъ дилеттанизмъ и какъ чумы боятся bel esprit. Если въ пластическомъ искусствѣ и музыкѣ нѣмцы рѣдко подымаются высоко, то въ литературѣ, напротивъ, они съ каждымъ днемъ занимаютъ все болѣе важное мѣсто. Профессоръ берлинскаго университета Гагененъ предложилъ автору убѣдиться, насколько нѣмецкая женщина сдѣлала шагъ впередъ на умственномъ поприщѣ, поговоривъ съ нею лично. По словамъ профессора, она даетъ наиболѣе лучшихъ диссертацій и наиболѣе самостоятельныхъ работъ. Проникнутая гуманизмомъ, философіей, исторіей, она нашла новые пути. Предъ человѣческими несчастіями ея глаза широко раскрылись, и вотъ появились знаменитыя женщины-поэты Марія фонъ-Эбнеръ, Эшенбахъ, романистки Клара Фибихъ, Рихарда Гушъ, Грета Мейзель Гессъ и ихъ ученицы. Женщины стали исполнять мужскія должности даже въ полиціи. Есть банки, гдѣ, кромѣ женщинъ, нѣтъ другихъ служащихъ. Если въ области изящнаго нѣмка еще далеко отстала, то на пути умственнаго прогресса она шагнула далеко впередъ.

«Review of Reviews» даетъ краткую характеристику новаго президента С.-Американскихъ Штатовъ Вильсона. По словамъ Джона Форда, новый президентъ родился въ штатѣ Виргиніи, какъ Джефферсонъ, Вашингтонъ, Модисонъ и Монроэ. Въ немъ находится очень мало англо-саксонской крови: его предки отчасти шотландцы, отчасти ирландцы. Неудивительно поэтому, что Вильсонъ не знаетъ сплина, присущаго англичанамъ. Это демократъ съ уравновѣшеннымъ здоровьемъ—физическимъ и умственнымъ. По его личному выраженію: «Государственный человѣкъ не долженъ обладать молчаливой мудростью совы и созерцательной важностью коровы». Поэтому, покончивъ съ государственными дѣлами, президентъ даетъ полную волю своему языку въ домашнемъ кругу и ему также ненавистны дипломатическая осмотрительность и ловко разсчитанная сдержанность. Для него нѣтъ выше счастья, какъ высказывать всѣ свои мысли, и въ этомъ отношеніи онъ не скупится въ кругу своей жены, трехъ дочерей и нѣсколькихъ друзей. Онъ говоритъ обо всемъ, выказывая глубокое знаніе предмета, но только онъ не выноситъ ученыхъ, которые пренебрегаютъ общими идеями и ограничиваются своей наукой и научными изслѣдованіями. Онъ называетъ такихъ людей «невѣжественными спеціалистами», избравшими себѣ вѣрное средство суживать умъ. Однажды вечеромъ въ компаніи товарищей въ клубѣ студентовъ Фоордъ, который вмѣстѣ съ нимъ слушалъ лекціи въ принстонскомъ университетѣ, поднялъ вопросъ о Спенсерѣ. Вильсонъ съ необычайной ловкостью принялся разбивать основательными доводами всю систему англійскаго философа.

У него необычайно пытливый умъ, и онъ любитъ бывать въ обществѣ людей низшаго класса, которые сознаютъ, что они невѣжды, и вѣрятъ въ свои предразсудки. Чрезъ нихъ онъ узнаетъ народное чувство. Но и съ учеными, а также литераторами онъ любитъ поспорить и извлечь пользу изъ ихъ разговора.

Новый президентъ принадлежитъ къ пресвитеріанской церкви, и его религіозныя убѣжденія внушаютъ ему антипатію къ ученію матеріалистовъ. Для Америки наступаетъ съ новымъ президентомъ новая эра: Бѣлый Домъ открылъ двери для человѣка всесторонне образованнаго—философа, ученаго и литератора. Быть можетъ, онъ будетъ не всѣмъ симпатиченъ: его столъ довольно скромный и даже суровый. У него никогда не подаютъ вина: и онъ самый злѣйшій врагъ алкоголизма. Это самый горячій проповѣдникъ трезвости и, кромѣ чистой воды, не признаетъ другихъ напитковъ. Зато онъ питаетъ страсть ко всякаго рода спорту и, когда былъ профессоромъ принстонскаго университета, то каждую минуту, свободную отъ работы, посвящалъ своему любимому спорту. Онъ вполнѣ сохранилъ ирландскую веселость и, кромѣ того, взялъ въ привычку смотрѣть на вещи только съ ихъ самой забавной стороны. Поэтому, отдыхая отъ государственной работы въ своей семьѣ, Вильсонъ даетъ полную свободу своему здоровому, веселому настроенію.

«Deutsche Revue» за октябрь мѣсяцъ въ статьѣ наслѣднаго принца Эрнста Гогенлоэ-Лангенбурга «Sympathien und Antipathien für und gegen das Deutsche Reich in Auslande» поднимаетъ вопросъ: за что иностранцы не любитъ Германію? Авторъ сѣтуетъ, что возьмешь въ руки иностранную газету и читаешь, какъ теплымъ тономъ расхваливаютъ все нѣмецкое: администрацію, искусство,

науку, промышленность, торговлю, техническія усовершенствованія и дѣйствительныя мѣры, принятыя для улучшенія условій жизни рабочихъ. Но къ выраженнымъ похваламъ всегда примѣшивается какая-то тревога, болѣзненный страхъ, какъ бы нѣмцы не затмили иностранцевъ. Статьи оканчиваются энергичнымъ призывомъ не показать себя ниже соперника. «Viel Feind, viel Ehr!» (много враговъ, много чести!)—восклицаетъ онъ.—Все это зависть. Если бы у нѣмцевъ не было столько побѣдъ на сушѣ и на водѣ, не играй Германія такой выдающейся роли въ европейской политикѣ, не будь такъ развита ея промышленность и флотъ, не было бы столько ненависти. Германія «конституціонная монархія, которая не наслаждается всѣми благодѣяніями парламентаризма» (согласно выраженію нѣмецкихъ предковъ), поэтому они не колеблясь показываютъ ее стонущей подъ гнетомъ тиранической власти, которую она тщетно хочетъ сбросить. Иностранцы рисуютъ ее раздраженной, готовой на мятежъ и изъ ненависти къ самодержавію готовой броситься въ объятія соціалъ-демократовъ.

Также съ ненавистью говорятъ и о нѣмецкомъ флотѣ и о нѣмецкой арміи. Французскія и англійскія статьи всѣ клонятся къ одному, какъ бы уронить нѣмецкую армію. Идетъ ли дѣло о международной политикѣ—во всѣхъ дипломатическихъ осложненіяхъ ищутъ козни Германіи. Германія вѣчный заговорщикъ, который все время проводитъ за тѣмъ, чтобы составлять заговоры; что бы ни случилось, или что бы ни сказали, всегда подозрѣваютъ у нея заднюю мысль. И эта антипатія встрѣчается не только въ странахъ, гдѣ имѣется противъ Германіи неудовольствіе, но даже въ Италіи и Японіи, которымъ Германія оказала столько услугъ. Тамъ относятся къ ней подозрительно и недоброжелательно, хотя въ каждой странѣ найдутся благородные, возвышеннаго ума люди, которые стараются разсѣять враждебные предразсудки, но это рѣдко удается.

Кромѣ зависти, есть еще причина. Германія долго была мозаикой изъ маленькихъ государствъ, анархической конфедераціей, и ея постоянныя ссоры отдавали ее во власть честолюбія и продажности другихъ народовъ. Сколько разъ съ средины XVI вѣка до начала XIX ее разоряли. Теперь она торжествуетъ, она преобразовалась, но еще не совсѣмъ установила свое равновѣсіе. Виноватъ также матеріализмъ. Въ сущности нѣмцы идеалисты и были ими до крайности, но теперь они сдѣлались слишкомъ матеріальны.

Пьерпонтъ Морганъ вручилъ комитету, который взялъ на себя хлопоты по устройству покупки дома, гдѣ родился Пьеръ Корнель, десять тысячъ франковъ. Присоединивъ эти деньги къ уже собраннымъ по подпискѣ, комитетъ можетъ теперь перекупить этотъ домъ. Онъ находится въ Руанѣ улица де ла Пи.

«Nuova Antologia» и «Revue Bleu» печатаютъ выдержки изъ воспоминаній графини С. Толстой о бракѣ со Львомъ Николаевичемъ.

СМѢСЬ.

Столѣтіе собственной Его Величества канцеляріи. 7-го декабря Собственная Его Величества канцелярія торжественно въ стѣнахъ нынѣшняго своего помѣщенія праздновала свое столѣтіе. Къ тремъ часамъ собрались андреевскіе кавалеры: министръ императорскаго двора генералъ-адъютантъ баронъ Фредериксъ и статсъ-секретарь Куломзинъ, предсѣдатель государственнаго совѣта статсъ-секретарь Акимовъ, товарищъ его статсъ-секретарь Голубевъ, предсѣдатель совѣта министровъ статсъ-секретарь Коковцовъ, генералъ-адъютантъ Пантелѣевъ, члены наградного комитета: членъ государственнаго совѣта статсъ-секретарь Петровъ, сенаторъ Игнатьевъ, тайный совѣтникъ Непорожневъ, управляющій капитуломъ орденовъ гофмейстеръ Злобинъ, тайный совѣтникъ Юшковъ, министры: иностранныхъ дѣлъ гофмейстеръ Сазоновъ, военный—генералъ-адъютантъ Сухомлиновъ, морской—генералъ-адъютантъ Григоровичъ, торговли и промышленности—тайный совѣтникъ Тимашевъ, внутреннихъ дѣлъ—сенаторъ Макаровъ, народнаго просвѣщенія—тайный совѣтникъ Кассо, юстиціи—статсъ-секретарь Щегловитовъ, путей сообщенія—тайный совѣтникъ Рухловъ, главноуправляющій землеустройствомъ и земледѣліемъ статсъ-секретарь Кривошеинъ, государственный контролеръ тайный совѣтникъ Харитоновъ, оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода дѣйствительный тайный совѣтникъ Саблеръ, государственный секретарь сенаторъ Крыжановскій, оберъ-церемоніймейстеръ баронъ Корфъ, дворцовый комендантъ генералъ-адъютантъ Дедюлинъ, товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Золотаревъ, начальникъ канцеляріи министерства императорскаго двора генералъ-лейтенантъ Мосоловъ, оберъ-егермейстеръ Балашевъ, гофмейстеръ Щегловъ, церемоніймейстеръ Вестманъ, флигель-адъютанты Нарышкинъ и Шиповъ.

Изъ прежде служившихъ въ канцеляріи находились самые старшіе тайный совѣтникъ Маляго и статскій совѣтникъ Андрюцкій, служившій еще при дѣдѣ нынѣшняго главноуправляющаго. Въ три часа прибылъ Государь Императоръ. Его Величество былъ въ мундирѣ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, форму котораго обычно носилъ императоръ Александръ I. Государя встрѣтили при входѣ главноуправляющій и товарищъ его статсъ-секретарь Воеводскій. Настоятель Казанскаго собора митрофорный протоіерей Сосняковъ съ двумя славящимися басами діаконами Аркадьевымъ и Надеждинымъ совершилъ благодарственное молебствіе. Въ концѣ его возглашены царское многолѣтіе, вѣчная память императору Александру I и многолѣтіе начальствующимъ и служащимъ. Государь Императоръ приложился ко кресту. Затѣмъ, когда духовенство удалилось, статсъ-секретарь Танѣевъ прочиталъ высочайшую грамоту, дарованную канцеляріи, поднесъ Его Величеству шампанское и произнесъ тостъ. Раздалось восторженное «ура» по всѣмъ комнатамъ. Хоръ музыки лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка заигралъ гимнъ, присутствовавшіе запѣли. Слѣдующій тостъ за драгоцѣнное здравіе Государынь Императрицъ и наслѣдника цесаревича сопровождали звуки шефскихъ маршей. Государь изволилъ пить за процвѣтаніе канцеляріи Его Величества, за здоровье ея главноуправляющаго и за здоровье чиновъ канцеляріи. Изъ канцеляріи Его Величество посѣтилъ главноуправляющаго въ его квартирѣ и оттуда послѣ половины пятаго часа отбылъ, сопровождаемый восторженнымъ «ура» чиновъ канцеляріи. Канцелярія Его Величества ведетъ свое начало съ 1812 года, когда при отъѣздѣ императора Александра I въ Вильну официально упоминается, что за его величествомъ 7-го декабря послѣдовала «канцелярія», получившая съ сей минуты названіе собственной Его Величества. Она была учреждена главнымъ образомъ для военныхъ дѣлъ и помѣщалась въ квартирѣ Аракчеева. Въ дѣятельность ея входило расквартированіе плѣнныхъ, расквартированіе армій и укомплектованіе, наведеніе справокъ о семействахъ пострадавшихъ во время войны. Послѣ 1815 года кругъ дѣлъ канцеляріи чрезвычайно расширился. Въ помощь управляющему ею Аракчееву былъ назначенъ чиновникъ Марченко, а потомъ и другіе чиновники. Дѣла комитета министровъ докладывалъ императору Александру I Аракчеевъ, а также и дѣла государственнаго совѣта, а всѣ доклады по дѣламъ совѣта шли черезъ собственную Его Величества канцелярію. Съ 1818 года вступилъ въ канцелярію на мѣсто ушедшаго въ государственный совѣтъ Марченко Н. Н. Муравьевъ, и тогда имъ былъ составленъ уставъ образованія собственной Его Величества канцеляріи изъ 13 главъ. Въ канцелярію вошли уже дѣла гражданскія, переписка съ министрами, отчеты губернаторовъ, пріемъ просьбъ, особенно отъ героевъ 1812 года, переписка съ комиссіей прошеній, составленіе проектовъ новыхъ уставовъ и учрежденій. Канцелярія вѣдала и призрѣніе заслуженныхъ гражданскихъ чиновниковъ. Тогда уже въ гражданскомъ отдѣленіи дѣлами вѣдалъ камеръ-юнкеръ Танѣевъ. При Аракчеевѣ канцелярія была мѣстомъ образцовыхъ справокъ, ибо Аракчеевъ никогда не ограничивался перепиской, а посылалъ кого-нибудь изъ своихъ чиновниковъ все разузнавать, что нужно по дѣлу. Александръ I былъ очень доступенъ просителямъ и даже издалъ указъ «полиціи», чтобы «отнюдь не возбраняли подаваніе ко мнѣ прошеній въ собствен-

ныя руки, но единственно наблюдали, чтобы дѣлалось сіе съ должною обстоятельствамъ пристойностью». Императоръ находилъ время вникать въ частныя прошенія. По его повелѣнію въ канцеляріи были собраны драгоцѣнныя свѣдѣнія о состояніи различныхъ частей государства. Въ собственную Его Величества канцелярію поступила и часть дѣлъ канцеляріи принца Гольштейнъ-Ольденбургскаго, которымъ былъ организованъ у насъ корпусъ инженеровъ путей сообщенія. Канцелярія боролась съ большими злоупотребленіями администраціи. Вниманіе государя особенно привлекало неустройство областной администраціи. О всѣхъ главнѣйшихъ въ имперіи происшествіяхъ составлялись таблицы для государя. Канцелярія же вела свѣдѣнія и дѣла объ увеличеніи числа свободныхъ хлѣбопашцевъ. Канцелярія вела дѣла о помощи дворянамъ послѣ 1812 года, и Аракчеевъ тутъ не мало потрудился. При канцеляріи основалась богатая библіотека и архивъ. Аракчеевъ имѣлъ достоинство безпристрастнаго объективнаго докладчика, не высказывавшаго своего мнѣнія. Этимъ и объясняется привычка императора Александра работать съ нимъ. Въ канцелярію стекались дѣла, касавшіяся всѣхъ частей сложнаго государственнаго механизма, и всѣ они шли къ государю черезъ Аракчеева. Но императоръ Николай I по вступленіи на престолъ объявилъ Аракчееву рескриптомъ 20-го декабря 1825 года, что принимаетъ собственную Его Величества канцелярію въ свое непосредственное завѣдываніе, и она тогда же была раздѣлена на самостоятельныя отдѣленія, и во главѣ ея стали сперва Н. Н. Муравьевъ, а затѣмъ А. С. Танѣевъ, которому Николай I поручилъ составить проектъ инспекторскаго департамента гражданскаго вѣдомства для наблюденія за гражданскимъ служебнымъ персоналомъ имперіи. Когда личный составъ вновь учрежденнаго департамента представлялся государю, Николай I сказалъ въ своей рѣчи замѣчательныя слова: «Я хочу возвысить гражданскую службу, какъ возвысилъ военную; я хочу знать всѣхъ моихъ чиновниковъ». Тогда же былъ учрежденъ временный комитетъ для пересмотра устава о службѣ гражданской подъ предсѣдательствомъ А. С. Танѣева. Танѣевъ сопровождалъ государя во время турецкой войны 1828—29 гг. въ армію, а Муравьевъ съ частью канцеляріи остался въ Петербургѣ, причемъ къ нему присылались всѣ доклады съ высочайшими резолюціями; въ то же время былъ учрежденъ негласный комитетъ изъ князя Кочубея, графа П. А. Толстого и князя А. Н. Голицына, который оканчивалъ дѣла именемъ государя. Когда цесаревичъ Александръ Николаевичъ достигъ совершеннолѣтія, государь въ случаѣ дальнихъ отлучекъ уже не комитетъ, а цесаревича назначалъ, такъ сказать, правителемъ государства, и также негласно для народа. Николай I требовалъ ежегодныхъ свѣдѣній объ остаткахъ отъ штатныхъ суммъ вѣдомствъ, и эти остатки часто отсылалъ въ вѣдѣніе I отдѣленія своей канцеляріи. Накопилось ихъ болѣе 12 милліоновъ; изъ нихъ отпускались суммы на укрѣпленія Кронштадта, на сверхсмѣтныя постройки дворцоваго вѣдомства и на севастопольскій капиталъ. Государь любилъ древности и археологію, и канцелярія должна была собирать свѣдѣнія о старинныхъ замкахъ и предметахъ. Въ I отдѣленіи сосредоточивались всѣ высочайшія повелѣнія по гражданскому вѣдомству, черезъ него шли и смѣты вѣдомствъ. Во всей дѣятельности своей I отдѣленіе канцеляріи являлось органомъ, при помощи котораго императоръ вносилъ начала строгаго порядка и контроля во всѣ

области государственной жизни. Первое отдѣленіе являлось маховымъ колесомъ, приводившимъ въ дѣйствіе многосложную государственную машину, и потому первое отдѣленіе было обременено дѣлами, одни арестантскія дѣла, которыми Николай I особенно интересовался, дабы никто не томился даромъ, подвергались «троякой провѣркѣ» и могли бы быть предметомъ цѣлаго особаго учрежденія. Въ царствованіе императора Александра II управляли первымъ отдѣленіемъ А.С.Танѣевъ и сынъ его С.А.Танѣевъ. Въ царствованіе императора Александра III первое отдѣленіе собственной Его Величества канцеляріи, за преобразованіемъ второго въ кодификаціонный отдѣлъ, стало именоваться собственною Его Величества канцеляріею. Управляли ею статсъ-секретарь Ренненкампфъ и потомъ статсъ-секретарь Танѣевъ (внукъ перваго Танѣева). При канцеляріи былъ учрежденъ комитетъ о службѣ чиновъ гражданскаго вѣдомства и о наградахъ. Строгій къ себѣ, Александръ III проявлялъ и воздержность въ пожалованіи наградныхъ милостей. Были введены извѣстныя правила. Александръ III интересовался русскою стариною, и въ дѣятельности канцеляріи заслуживаютъ особаго вниманія труды по изданію ея драгоцѣннаго архива. Подъ редакціей извѣстнаго историка, академика генерала Дубровина издано 12 томовъ сборника историческихъ матеріаловъ. Въ нынѣшнее время главнымъ дѣломъ собственной Его Величества канцеляріи стало наблюденіе за государственной службой. Къ юбилею канцелярія съ высочайшаго соизволенія издала роскошный томъ своего столѣтія, составленный приватъ-доцентомъ Строевымъ. Изданіе снабжено двумя офортами работы профессора Матэ—портретами императора Александра I и Государя Императора и геліогравюрами съ портретовъ императоровъ, главноуправляющихъ, ихъ товарищей, видами Зимняго дворца и нынѣшняго помѣщенія, все снимки съ рѣдкихъ и лучшихъ оригиналовъ, большею частью недоступныхъ публикѣ. Въ концѣ каждой части, обнимающей царствованіе монарха въ постепенномъ порядкѣ, приложены біографіи главныхъ дѣятелей канцеляріи. Въ нихъ много интереснаго, интересна и первая въ книгѣ біографія Аракчеева, подъ перомъ безпристрастнаго біографа личность Аракчеева теряетъ свою звѣрообразность. Изданіе открываетъ много любопытныхъ страницъ для историка. Въ описаніи главы кончаются интересными снимками съ помѣтокъ высочайшихъ разсмотрѣній докладовъ и приложены снимки съ подлинныхъ высочайшихъ резолюцій на бумагахъ.

Столѣтіе памяти принца П. Г. Ольденбургскаго. 5-го декабря императорское училище правовѣдѣнія праздновало годовщину своего основанія и вмѣстѣ столѣтіе со дня рожденія своего основателя принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго. Послѣ совершенія литургіи съ молебствіемъ возглашены царское многолѣтіе, вѣчная память почившимъ императорамъ съ Александра I и основателю училища принцу Петру Георгіевичу Ольденбургскому и всѣмъ питомцамъ училища и многолѣтіе нынѣшнему его составу. Изъ церкви всѣ прошли въ залъ, гдѣ въ декоративной обстановкѣ среди зелени и латаній бѣлѣлъ бюстъ принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго на фонѣ зеленой бархатной драпировки. Залъ, во всю величину уставленный стульями, былъ буквально биткомъ наполненъ прибывшими на торжество. Масса дамъ, множество генераловъ, сановниковъ, старыхъ и молодыхъ питомцевъ правовѣдѣнія присутствовали здѣсь, сюда же изъ церкви приведены были воспитанники училища. Изъ церкви пе-

решли въ залъ присутствовавшіе на богослуженіи ихъ высочества принцы Александръ Петровичъ Ольденбургскій, Петръ Александровичъ Ольденбургскій съ августѣйшей супругою великою княгинею Ольгою Александровною, предсѣдатель и члены государственнаго совѣта, сенаторы, почетные опекуны, представители разныхъ вѣдомствъ и столичнаго самоуправленія. Блестящіе мундиры и туалеты дамъ и платья сестеръ милосердія составили одну плотную массу. Предсѣдатель правовѣдской кассы членъ государственнаго совѣта Шрейберъ заявилъ въ своей рѣчи, что правовѣдская семья сочла священнымъ долгомъ ознаменовать память незабвеннаго основателя училища принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго и почтить торжественнымъ актомъ, на что послѣдовало высочайшее соизволеніе. Сенаторъ Шрейберъ сообщилъ порядокъ акта. Затѣмъ произнесъ рѣчь министръ юстиціи статсъ-секретарь Щегловитовъ. Въ пространной и образной рѣчи министръ рисовалъ дѣятельность принца Петра Георгіевича въ ея различныхъ и многообразныхъ проявленіяхъ на почвѣ государственной дѣятельности и общественной благотворительности. Вторую рѣчь произнесъ членъ государственнаго совѣта Стаховичъ, вызвавъ воспоминанія правовѣдовъ, видѣвшихъ принца въ своей средѣ, и характеризуя принца, какъ воплощеніе доброты и сердечности. Н. Б. Хвостовъ и одинъ воспитанникъ четвертаго курса читали стихотворенія, посвященныя памяти принца Петра Георгіевича. Директоръ генералъ-майоръ Мицкевичъ въ заключительномъ словѣ высказалъ учащимся, что они, какъ святыню, сохранятъ въ памяти дивный образъ принца и его завѣты. Затѣмъ оркестръ правовѣдовъ исполнилъ молитву, сочиненную принцемъ Петромъ Георгіевичемъ. Къ его высочеству принцу Александру Петровичу подходили присутствовавшія на торжествѣ депутаціи съ поздравленіями. Депутаціи представляли: государственный совѣтъ (предсѣдатель статсъ-секретарь Акимовъ), совѣтъ министровъ (государственный контролеръ тайный совѣтникъ Харитоновъ и министръ юстиціи), правительствующій сенатъ (десять сенаторовъ), вѣдомство учрежденій императрицы Маріи—главноуправляющій свѣтлѣйшій князь Ливенъ, его товарищъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Кистеръ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Чернявскій и Каптеревъ, начальникъ женскихъ гимназій дѣйствительный статскій совѣтникъ Скворцовъ, императорскій Александровскій лицей (членъ государственнаго совѣта дѣйствительный тайный совѣтникъ Ермоловъ и генералъ Шильдеръ), воспитательный домъ, пажескій корпусъ (генералъ-майоръ Усовъ), пріютъ принца Петра Ольденбургскаго (дѣйствительный статскій совѣтникъ Россетъ) и другіе, почетные опекуны тайный совѣтникъ Ермоловъ и другіе, отъ институтовъ, петербургское городское общественное управленіе (товарищъ городского головы статскій совѣтникъ Демкинъ) и цѣлый рядъ другихъ депутацій. Внѣ депутацій были многіе члены государственнаго совѣта (статсъ-секретарь Голубевъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ Булыгинъ, тайный совѣтникъ Лукьяновъ и другіе). Послѣ пріема, подъ звуки Преображенскаго марша оркестра своихъ товарищей, воспитанники прошли въ свою столовую. Здѣсь пропѣта молитва, а его высочество возгласилъ здравицу Государю Императору и исполненъ гимнъ «Боже, Царя храни». Присутствовавшимъ въ другихъ залахъ былъ предложенъ завтракъ à la fourchette.

Двухсотлѣтіе училища св. Петра. 11-го ноября въ училищѣ св. Петра состоялся торжественный актъ по случаю двухсотлѣтія его существованія. Среди присутствовавшихъ были: германскій посолъ графъ Пурталесъ, баварскій посланникъ баронъ Грунеліусъ, министръ народнаго просвѣщенія Л. А. Кассо, товарищи министра: баронъ М. А. Таубе и В. Т. Шевяковъ, попечитель с.-петербургскаго учебнаго округа графъ А. А. Мусинъ-Пушкинъ, члены государственнаго совѣта С. С. Манухинъ и В. И. Денисовъ, управляющій учебнымъ отдѣломъ министерства торговли А. Е. Лагоріо, представители различныхъ вѣдомствъ, просвѣтительныхъ учрежденій, директора среднихъ учебныхъ заведеній, а также родители и многочисленные ученики и ученицы училищъ св. Петра. Торжество открылъ предсѣдатель управленія училища, сенаторъ графъ Паленъ. Въ своей рѣчи графъ Паленъ отмѣтилъ, что училище св. Петра всегда содѣйствовало развитію здоровыхъ нравовъ въ населеніи, повышенію культуры, усиленію религіознаго чувства и созданію вѣрныхъ своему долгу работоспособныхъ тружениковъ. Директоръ училища Р. И. Штейнманъ далъ характеристику дѣятельности училища. Училищный хоръ исполнилъ торжественный гимнъ Бетховена, послѣ чего сенаторъ С. С. Манухинъ, одинъ изъ бывшихъ учениковъ училища, произнесъ привѣтственную рѣчь отъ имени бывшихъ русскихъ питомцевъ училища. Онъ указалъ, что училище св. Петра всегда внушало учащимся принципы гуманности и одинаково относилось ко всѣмъ ученикамъ безъ различія національностей. Послѣ рѣчи одного изъ нынѣшнихъ воспитанниковъ училища началось чтеніе адресовъ депутаціями: учебнаго комитета учрежденій императрицы Маріи Ѳеодоровны, училища правовѣдѣнія, общества вспомоществованія бывшихъ учениковъ и учениць училища св. Петра, многочисленныхъ казенныхъ и частныхъ среднихъ учебныхъ заведеній Петербурга, Москвы, Юрьева и другихъ городовъ. Затѣмъ графъ Паленъ прочиталъ привѣтственную телеграмму предсѣдателя совѣта министровъ В. Н. Коковцова. Далѣе были прочтены телеграммы отъ министра внутреннихъ дѣлъ А. А. Макарова, товарища министра Золотарева, главноуправляющаго вѣдомствомъ учрежденій императрицы Маріи Ѳеодоровны свѣтлѣйшаго князя Ливена и много другихъ. Директоръ Р.И. Штейнманъ въ своей заключительной рѣчи благодарилъ всѣхъ привѣтствовавшихъ училище. Актъ закончился пѣніемъ гимна и общей молитвой. 11-го ноября въ десять съ половиной часовъ въ лютеранской церкви св. Петра состоялось торжественное богослуженіе по случаю 200-лѣтія училища.

75-лѣтіе спб. сиротскаго института императора Николая I. 22-го ноября исполнилось 75 лѣтъ самостоятельнаго существованія спб. сиротскаго института императора Николая I. Историческое прошлое ниститута тѣсно связано съ учрежденіемъ учебныхъ классовъ при императорскомъ спб. воспитательномъ домѣ. По высочайшему повелѣнію императора Николая I, послѣдовавшему 22-го ноября 1837 г., эти классы были преобразованы въ сиротскій институтъ, какъ спеціальное учебное заведеніе для дѣтей сиротъ офицеровъ и гражданскихъ чиновниковъ. Празднованіе 75-лѣтія существованія института, носившее скромный домашній характеръ, началось божественной литургіей, совершенной въ институтской церкви архіепископомъ волынскимъ и житомирскимъ Антоніемъ. За богослуженіемъ присутствовали воспитанницы и слу-

жебный персоналъ во главѣ съ попечителемъ, почетнымъ опекуномъ графомъ Н. Ѳ. Гейденомъ, и начальницей Н. В. Булацель. Архіепископъ обратился къ воспитанницамъ со словомъ. По окончаніи благодарственнаго молебна, въ бѣломъ актовомъ залѣ были прочитаны завѣдующимъ учебною частью Л. С. Севрукомъ «Къ 75-лѣтію института» и преподавателемъ А. И. Боргманомъ «Къ исторіи русскаго женскаго образованія». Воспитанницами старшихъ классовъ исполнено нѣсколько хоровыхъ вещей, торжественная увертюра 1812 г. Чайковскаго и прочитано стихотвореніе бывшей воспитанницы М. Г. Кильштетъ-Веселковой «Въ домѣ основанномъ на благодѣяніи», относящееся къ исторіи заведенія. Вечеромъ для воспитанницъ въ залахъ института были устроены танцы.

Тридцать пять лѣтъ литературной дѣятельности В. К. Анфилова. Тридцать пять лѣтъ тому назадъ, 14-го ноября 1877 года, въ широко распространенномъ тогда сатирическомъ журналѣ «Стрекоза» появилось первое стихотвореніе Владимира Константиновича Анфилова, который болѣе извѣстенъ въ настоящее время читающей публикѣ, какъ талантливый популяризаторъ въ области естественно-историческихъ знаній вообще и орнитологіи въ частности. В. К. Анфиловъ родился въ Петербургѣ въ 1863 году. Такимъ образомъ его литературная дѣятельность началась въ очень юномъ возрастѣ, а именно—съ четырнадцати лѣтъ отъ роду. Первыя беллетристическія произведенія В. К. Анфилова, напечатанныя въ «Иллюстрированномъ Мірѣ», «Невѣ», «Звѣздѣ», «Родинѣ» и другихъ еженедѣльныхъ журналахъ, были написаны молодымъ авторомъ, когда онъ имѣлъ всего восемнадцать-двадцать лѣтъ. Изъ этихъ произведеній повѣсти «Отецъ» и «На селѣ» были въ свое время очень благосклонно отмѣчены критикой. Къ сожалѣнію, благодаря нѣкоторымъ житейскимъ обстоятельствамъ, В. К. Анфиловъ долженъ былъ перемѣнить творческую дѣятельность беллетриста на болѣе выгодный въ матеріальномъ отношеніи трудъ репортера въ «Петербургской Газетѣ», «Петербургскомъ Листкѣ», «Сынѣ Отечества» и «Новостяхъ». Затѣмъ В. К. Анфиловъ занималъ должности секретаря въ журналѣ «Женскій Трудъ» и второго редактора въ «Самокатѣ». Послѣднія десять лѣтъ В. К. Анфиловъ работаетъ почти исключительно въ области популяризаціи естественно-историческихъ знаній, сотрудничая въ журналахъ «Природа и Люди», «Птицевѣдѣніе и птицеводство». Интересныя живыя статьи талантливаго автора по вопросамъ государственнаго зоохозяйства, искусственнаго разведенія пушныхъ звѣрей и природовѣдѣнія печатались за послѣдніе два-три года въ «Историческомъ Вѣстникѣ», «Народномъ Дѣлѣ», «С-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», журналѣ «Природа и Люди» и другихъ столичныхъ органахъ печати.

Юбилей А. Н. Будищева. Тепло и сердечно былъ отпразднованъ 8 декабря двадцатипятилѣтній юбилей литературной дѣятельности А. Н. Будищева. На обѣдѣ, устроенномъ въ честь юбиляра въ ресторанѣ перваго товарищества офиціантовъ, собрались Ѳ. Д. Батюшковъ, А. И. Купринъ, Е. И. Карповъ, Ѳедоръ Сологубъ, Ф. Ф. Фидлеръ, В. А. Тихоновъ, А. А. Измайловъ, Борисъ Лазаревскій, В. Муйжель, А. И. Свирскій, А. Е. Заринъ, С. Л. Литовцевъ, Г. А. Яблочковъ, и мн. др. Чествованіе открылъ Ф. Ф. Фидлеръ, прочитавшій адресъ отъ друзей и почитателей юбиляра: Въ адресѣ, между прочимъ, говорится: «Совре-

менная русская литература имѣетъ полное основаніе радоваться вашему вполнѣ заслуженному писательскому успѣху. Самобытный ученикъ великаго Достоевскаго по глубинѣ анализа души и достойный товарищъ Антона Чехова по лиризму формы, вы силою яркаго таланта сумѣли занять почетное мѣсто среди нашей современной беллетристики. Вы стали пѣвцомъ русской совѣсти, истолкователемъ принциповъ добра и зла въ нашей душѣ. Всегда чуждый патрійной крайности и узости, всегда искренно убѣжденный, всегда любвеобильный, прощающій, всегда полный надежды на лучшее будущее для отдѣльнаго человѣка и всего народа,—вы стремились къ воплощенію того идеала, о которомъ мечталъ герой вашего большого и глубокаго романа «Я и Онъ», — наступленію «царства восторжествованія совѣсти, царства Божія человѣка». Поэтъ В. А. Мазуркевичъ прочиталъ адресъ отъ союза драматическихъ и музыкальныхъ писателей, который заканчивается выраженіемъ надежды, что юбиляръ «подаритъ родному русскому театру еще много произведеній, отмѣченныхъ индивидуальными особенностями вашего крупнаго и глубоко-искренняго дарованія». Затѣмъ былъ прочитанъ адресъ отъ группы ремесленниковъ-рабочихъ, поднесшихъ юбиляру лавровый вѣнокъ. За обѣдомъ были произнесены рѣчи А. И. Куприным, отмѣтившимъ, что юбиляръ всегда умѣлъ находить красоту жизни, Е. П. Карповымъ А. А. Измайловымъ и др. Былъ оглашенъ рядъ привѣтственныхъ телергаммъ и писемъ, полученныхъ юбиляромъ.

Торжественное засѣданіе общества ревнителей исторіи. 2-го декабря въ залѣ клуба общественныхъ дѣятелей состоялось торжественное засѣданіе общества ревнителей исторіи, посвященное Отечественной войнѣ. Предсѣдатель общества герцогъ Георгій Николаевичъ Лейхтенбергскій вслѣдствіе болѣзни ноги не могъ пріѣхать изъ-за границы и прислалъ въ общество привѣтственную телеграмму. Засѣданіе было умѣло организовано членомъ совѣта М. К. Соколовскимъ и прошло во всѣхъ отношеніяхъ блестяще. Открыто засѣданіе стихотвореніемъ В. П. Полянскимъ, прочитавшимъ свое стихотвореніе «Двѣнадцатый годъ». Затѣмъ профессоръ П. И. Ковалевскій охарактеризовалъ Наполеона, какъ генія, достигнувшаго, благодаря своей геніальности, императорскаго престола и славы великаго полководца. Н. А. Энгельгардтъ прочиталъ свой звучный переводъ стихотворенія Ламартина «Бонапартъ», написаннаго въ 1821 г. подъ впечатлѣніемъ кончины великаго полководца и великаго императора. Профессоръ В. М. Грибовскій умѣло сгруппировалъ въ своей рѣчи черты, характеризующія обликъ Александра Благословеннаго. Послѣ перерыва А. Ф. Радченко прочиталъ свое стихотвореніе «Бородино», а затѣмъ Т. О. Соколовская съ большимъ подъемомъ произнесла блестящую рѣчь о дѣятельности женщины въ 1812 г. Профессоръ А. Г. Елчаниновъ въ сжатомъ и сильномъ очеркѣ талантливо выяснилъ военное значеніе Отечественной войны. Всѣ ораторы имѣли шумный и заслуженный успѣхъ. Засѣданіе закончилось исполненіемъ на роялѣ піанисткою Ядвигою Залѣсскою бравурнаго полонеза Шопена. Послѣ засѣданія состоялся годовой обѣдъ членовъ общества.

Освященіе памятника К. Я. Крыжицкому. 21-го ноября на Смоленскомъ кладбищѣ состоялось освященіе памятника академику живописи К. Я. Крыжицкому. Присутствовали: представители академіи художествъ, обще-

ства имени А. И. Куинджи, петербургскаго общества художниковъ и весенних выставокъ, учащіеся высшаго художественнаго училища и другіе. Среди присутствовавшихъ были: профессоръ В. А. Беклемишевъ, академикъ И. Я. Гинцбургъ, С. М. Зейденбергъ, авторъ проекта памятника—госпожа М. Л. Диллонъ, В. В. Мазуровскій, В. М. Измайловичъ, С. Е. Девяткинъ и другіе. Депутація отъ общества имени А. И. Куинджи, въ составѣ І. Е. Крачковскаго, Ф. Ф. Бухгольца, А. Ѳ. Максимова, и группа бывшихъ ученицъ К. Я. возложили на могилу вѣнокъ.

Новый историческій документъ. Академикъ профессоръ П. К. Коковцовъ сдѣлалъ 29-го ноября въ засѣданіи восточнаго отдѣленія императорскаго археологическаго общества любопытное для русскихъ историковъ сообщеніе о новомъ, лишь на дняхъ опубликованномъ въ западной печати текстѣ еврейской рукописи XII столѣтія, касающемся вопроса о взаимныхъ политическихъ отношеніяхъ между древней Русью, Византіей и хозарами. Документъ устанавливаетъ, между прочимъ, весьма важный фактъ, а именно: существованіе національнаго варяжскаго имени князя Олега: «Halgo» или «Helgo», что высказывалось еще въ XVIII вѣкѣ въ видѣ предположенія историками, придерживавшимися норманской теоріи происхожденія нашихъ первыхъ князей. Рукопись написана евреемъ и описываетъ появленіе бѣглецовъ евреевъ среди хозаръ. Евреи быстро обжились въ Хозаріи, соплеменникъ ихъ избранъ былъ въ военачальники и впослѣдствіи въ цари. По приказанію одного изъ хозарскихъ царей нашъ князь Олегъ будто бы совершалъ свой походъ на Константинополь. Передается постигшая его неудача, благодаря греческому огню. Рукопись отрывочна, содержаніе ея въ значительной части легендарно, тѣмъ не менѣе, по отзывамъ историковъ и оріенталистовъ, она представляетъ открытіе большого историческаго значенія и требуетъ тщательнаго дальнѣйшаго изученія, въ особенности въ отношеніи ея подлинности. Собраніе было весьма многочисленнымъ и оживленнымъ.

Открытіе древней фрески въ Новгородѣ.—Мѣры къ охранѣ Староладожской крѣпости. На состоявшемся 16-го ноября засѣданіи русскаго отдѣленія русскаго археологическаго общества В. К. Мясоѣдовымъ сообщено было объ открытіи въ Новгородѣ древней фрески Успенія Божіей Матери. Обнаружена фреска въ церкви Рождества Богородицы. Роспись отличается высокими художественными достоинствами, характерными для эпохи расцвѣта торговой и политической жизни Великаго Новгорода. По мнѣнію докладчика, фреска можетъ быть отнесена ко времени, близкому къ постройкѣ храма, т.-е. къ концу XIV столѣтія. Въ художественныхъ формахъ фрески замѣтно вліяніе ранняго ренесанса, вліявшаго на искусство Новгорода изъ далекаго Царьграда, съ которымъ Новгородъ въ эту эпоху имѣлъ, по мнѣнію профессора Д. В. Айналова, живыя и постоянныя связи. Профессоръ Н. П. Лихачевъ высказалъ предположеніе, что вновь найденная фреска могла быть и произведеніемъ XV столѣтія. Оживленный обмѣнъ мнѣній вызвалъ затѣмъ вопросъ объ охранѣ фресокъ XII вѣка храма св. Георгія и развалинъ Староладожской крѣпости, поднятый энергичнымъ изслѣдователемъ ладожскихъ памятниковъ старины Н. И. Рѣпниковымъ. Произведенныя ранѣе передѣлки въ храмѣ оказались недостаточ-

ными, и драгоцѣнныя фрески гибнутъ отъ сырости. Необходимы рѣшительныя и быстрыя мѣры къ ихъ спасенію. Быстро съ каждымъ годомъ разрушаются также стѣны и башни древней Староладожской крѣпости. Отдѣленіе постановило обратиться въ совѣтъ общества съ просьбою образовать при обществѣ особую комиссію для выработки мѣръ къ охранѣ указанныхъ памятниковъ старины, съ приглашеніемъ къ участію въ занятіяхъ комиссіи представителя этнографическаго отдѣла музея императора Александра III. Третьимъ докладчикомъ выступалъ Л. А. Мацулевичъ, сообщившій результаты изслѣдованій двухъ погибшихъ памятниковъ новгородскаго искусства: церквей св. Іакова и св. Лазаря.

Изысканія въ пещерахъ на Звѣринцѣ А. Хребтова. Нѣсколько лѣтъ назадъ археологъ А. Хребтовъ дѣлалъ изысканія въ пещерахъ на Звѣринцѣ и о своихъ трудахъ сообщилъ археологической комиссіи; въ текущемъ году съ наступленіемъ весны возобновились работы по раскопкамъ древнихъ иноческихъ пещеръ, находящихся на Звѣринцѣ, въ крутомъ откосѣ надъ Ломаковской улицей. Результаты работъ представляются въ слѣдующемъ видѣ. Въ главномъ срѣзѣ откоса открыты два входа въ пещеры съ нѣсколькими галереями. Въ стѣнахъ одной галереи найдено много иноческихъ усыпальницъ, счетомъ 33. Къ несчастью, еще до начала работъ эти усыпальницы подверглись разграбленію. Остались разбросанныя кости да нѣсколько поясовъ, крестовъ кожаныхъ, кое-какіе остатки «керамики». У нѣкоторыхъ усыпальницъ на стѣнахъ уцѣлѣли надписи и начертанные кресты. Надписи эти типичныя, сдѣланы «уставомъ», который мѣстами относится къ XI—XII вв., мѣстами же къ XVI—XVII ст. Въ другой галереѣ обнаруженъ рядъ еще нетронутыхъ усыпальницъ. Онѣ представляютъ собой квадратныя отверстія въ стѣнахъ, размѣромъ три четверти аршина, заложенныя кирпичами XI—XII вв., частью болѣе позднія. Къ открытію этихъ усыпальницъ еще не приступлено. Предполагаютъ ходы не только во всей площадкѣ, прилегающей къ Троицкому монастырю, но и что пещеры расположены въ два яруса. Найдена древняго типа подземная церковь: престолъ и жертвенникъ въ ней устроены въ видѣ неглубокихъ нишъ; въ нишѣ жертвенника найдена надпись, играющая роль «синодика», такъ какъ въ ней прочитано нѣсколько именъ. Церковь сохранилась очень хорошо. На земляномъ ея полу въ камерѣ одной галереи найдено около десяти скелетовъ, положенныхъ въ безпорядкѣ одинъ на другой; есть погребенія на полу галерей и одиночныя. Вся описанная мѣстность давно интересуетъ монаховъ Іоно-Троицкаго монастыря.

Археологическія раскопки. Недавно во время археологической экскурсіи по Днѣпровскому ѣзду В. И. Гошкевичу удалось разыскать еще одно древнее городище, расположенное на высокомъ обрывистомъ берегу р. Конки. Замѣтны слѣды массивной каменной стѣны, окружавшей его когда-то. Къ сожалѣнію, городскую стѣну почти всю разобрали сосѣдніе крестьяне на свои постройки, а отъ древнихъ зданій виднѣется только масса щебня какъ по самому городищу, такъ и въ окружающихъ его оврагахъ. Собранные на городищѣ черепки удостовѣряютъ, что жили въ немъ люди въ весьма отдаленную эпоху, еще до Рождества Христова. Черепки эти античнаго издѣлія. Составленъ планъ городища (военно-глазомѣрная съемка), и снято съ него нѣсколько фотографій. Всѣ эти матеріалы привезены въ музей.

Реставрація дворца графа Разумовскаго. Въ августѣ прошлаго года въ мѣстечкѣ Батуринѣ Конотопскаго уѣзда началась реставрація дворца графа К. Г. Разумовскаго, послѣдняго гетмана Малороссіи. Мѣстность, гдѣ находятся развалины, равно какъ и самыя развалины, именуются «Тепловкою», по имени строителя дворца Теплова. Въ настоящее время дворецъ окончательно покрыть желѣзомъ и возстановлены въ томъ же самомъ видѣ, въ какомъ они были встарь, два купола съ юга и сѣвера. Съ западнаго фасада возводятся колонны для балкона взамѣнъ развалившихся, по тому же рисунку. Идетъ также внутренняя отдѣлка дворца. На матеріалы и работы израсходовано до сихъ поръ, какъ говорятъ, около 20.000 рублей.

Восьмой конкурсъ имени А. Н. Островскаго. На учрежденный союзомъ драматическихъ и музыкальныхъ писателей восьмой конкурсъ имени А. Н. Островскаго представлено было 126 пьесъ. Жюри конкурса (К. И. Арабажинъ, И. К. Бороздинъ, А. Н. Будищевъ, А. И. Долиновъ, Л. Н. Урванцовъ, Т. Л. Щепкина-Куперникъ и Ю. М. Юрьевъ) въ засѣданіи 16-го ноября единогласно постановило присудить премію (600 р.) пьесѣ «Лабиринтъ» въ четырехъ дѣйствіяхъ подъ девизомъ «дѣла, какъ ступени, ведутъ къ созерцанію». По вскрытіи конверта съ девизомъ оказалось, что авторъ этой пьесы С. Л. Поляковъ. Кромѣ того, жюри конкурса предполагаетъ отмѣтить нѣкоторыя пьесы почетнымъ отзывомъ.

Рѣдкій памятникъ старины. Представители станицы Червленной, въ числѣ пяти человѣкъ, обратились къ президенту общества любителей казачьей старины Терскаго войска съ просьбой ходатайствовать отъ лица общества о сохраненіи храма, построеннаго въ царствованіе императрицы Анны Іоанновны, въ которомъ сохранились до послѣдняго времени всѣ святыни и иконы, имѣвшіяся у ихъ предковъ съ незапамятныхъ временъ. Въ 1894 году храмъ этотъ по распоряженію властей былъ переданъ единовѣрцамъ. Пока храмъ сохранялъ свое назначеніе, всѣ жители спокойно мирились съ этимъ обстоятельствомъ. Теперь же для единовѣрцевъ построенъ новый храмъ, а старый рѣшено сломать (святыни уже вынесены оттуда). По докладу этой просьбы наказному атаману онъ приказалъ: предписать атаману отдѣла немедленно принять мѣры къ сохраненію этой часовни въ томъ видѣ, въ какомъ она находится въ данную минуту.

НЕКРОЛОГИ.

БРАВИЧЪ, К. В. Въ Москвѣ, въ лечебницѣ Рукавишниковой неожиданно скончался артистъ московскаго Художественнаго театра К. В. Бравичъ, хорошо знакомый и петербургской публикѣ, такъ какъ въ Петербургѣ онъ провелъ большую часть своей сценической карьеры. Покойный Бравичъ заболѣлъ еще прошлымъ лѣтомъ, и въ началѣ осенняго сезона въ публикѣ и въ семьѣ артиста опредѣленно говорили, что у него ракъ желудка, но это скрывали отъ больного. Когда начались спектакли Художественнаго театра и Бравичу пришлось готовить «Тартюфа», врачи признали, что онъ ни въ какомъ случаѣ въ текущемъ сезонѣ играть не можетъ. Болѣзнь затѣмъ такъ рѣзко прогрессировала, что признано было нужнымъ помѣстить больного въ лечебницу Рукавишниковой и подвергнуть его операціи, которая и была произведена. Операція прошла удачно, но у больного оказались въ кишкахъ двѣ язвы, отъ которыхъ два дня спустя онъ скончался. Покойному Бравичу было 55 лѣтъ. Онъ былъ родомъ изъ Вильны, учился въ землемѣрномъ училищѣ, получилъ званіе ученаго таксатора и нѣкоторое время служилъ по землемѣрной части, а затѣмъ ушелъ на сцену и сначала дебютировалъ въ крошечномъ провинціальномъ городкѣ въ роли Кречинскаго. Затѣмъ подъ фамиліей Новикова Бравичъ былъ суфлеромъ въ маленькихъ театрахъ въ окрестностяхъ Петербурга и игралъ то подъ именемъ Новикова-Бравича, то подъ именемъ Бравича. Значительную часть своей карьеры покойный провелъ въ петербургскомъ театрѣ литературно-художественнаго общества, гдѣ занималъ видное положеніе, затѣмъ участвовалъ въ театрѣ Комиссаржевской и служилъ въ Ригѣ у Незлобина. Три года назадъ онъ перешелъ на службу въ Москву въ Малый театръ, гдѣ ему сразу удалось занять положеніе. Наконецъ въ текущемъ сезонѣ Бравичъ перешелъ

въ Художественный театръ, но болѣзнь помѣшала ему выступить на этой сценѣ. Покойный былъ человѣкомъ недюжиннаго дарованія и образованнымъ актеромъ. Онъ умѣлъ придавать изображаемымъ лицамъ художественный образъ. На сценѣ московскаго Малаго театра имъ былъ созданъ цѣлый рядъ ролей въ «Идеальномъ мужѣ», «Дмитріи Самозванцѣ», «Норѣ», «Цезарѣ и Клеопатрѣ», «Жуликѣ» и много другихъ. Въ лицѣ Бравича русскій театръ, вообще небогатый теперь даровитыми актерами, потерялъ цѣнную силу. Бравичъ пользовался общими симпатіями. Какъ человѣкъ всегда мягкій, деликатный, онъ поддерживалъ и въ театрѣ и въ обществѣ со всѣми наилучшія отношенія. Неожиданная смерть его будетъ встрѣчена съ искреннимъ сожалѣніемъ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1912, № 13175).

Вишняковъ, А. Г. Послѣ продолжительной болѣзни скончался первоприсутствующій въ судебномъ департаментѣ, сенаторъ дѣйствительный тайный совѣтникъ Александръ Григорьевичъ Вишняковъ. Покойный родился въ 1836 г. и былъ уроженцемъ Владимирской губерніи. Образованіе А. Г. получилъ въ петербургской духовной академіи, которая удостоила его ученой степени магистра. Съ 1862 года А. Г. служилъ по министерству внутреннихъ дѣлъ, гдѣ пробылъ двадцать девять лѣтъ, дойдя до должности директора бывшаго сельскохозяйственнаго департамента. За этотъ періодъ на долю А. Г. выпала нелегкая задача въ работахъ по развитію городской реформы. А. Г. близко стоялъ къ работамъ комиссіи для составленія предположеній о примѣненіи городской реформы въ девяти западныхъ губерніяхъ. Въ 1876—1877 гг. была разработана городская реформа въ трехъ прибалтійскихъ губерніяхъ. Предположенія по этому предмету подготовлялись, формировались и выполнялись почти исключительно трудами А. Г., составившаго семь большихъ изданныхъ томовъ подъ названіемъ: «Матеріалы по городскому общественному устройству», восьмой томъ—«Городская хроника» и девятый томъ—«Городовое положеніе съ объясненіями». Прибалтійская городская реформа требовала въ особенности крайняго напряженія силъ, огромнаго труда и познаній, расчистивъ при этомъ путь къ судебной реформѣ, которая безъ нея едва ли и осуществилась бы, во всякомъ случаѣ, съ достаточной быстротой. Въ 1890—1891 г.г. А. Г. вновь былъ призванъ къ реформаторской дѣятельности. Имъ было совершенно переработано по новой системѣ положеніе о земскихъ учрежденіяхъ, высочайше утвержденное въ 1892 г., и составлено новое городовое положеніе, утвержденное два года спустя, которое дѣйствуетъ и понынѣ (кромѣ Петербурга). Независимо отъ этого А. Г. призывался къ участію въ наибольшей части комиссій по государственнымъ реформамъ и о нѣкоторыхъ изъ нихъ собственноручно составлялъ обширные отзывы, какъ, напримѣръ, отзывы объ условіяхъ земскаго обложенія недвижимыхъ имуществъ, о желѣзнодорожномъ уставѣ и прочихъ. А. Г. не чуждъ былъ также общественно-литературной дѣятельности, принимая въ семидесятыхъ годахъ дѣятельное участіе въ трудахъ архивной комиссіи, образованной при святѣйшемъ синодѣ. Изъ періодическихъ изданій А. Г. сотрудничалъ: въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», «Недѣлѣ», «Голосѣ», «Православномъ Обозрѣніи», «Правительственномъ Вѣстникѣ», «Библіотекѣ для чтенія» и другихъ. Его статьи касались преимущественно вопросовъ раскола, анабаптистовъ, рас-

кольничьяго безправія (секта Федосѣева) и другихъ. Въ 1901 г. А. Г. назначенъ былъ сенаторомъ, присутствующимъ сначала въ четвертомъ, а потомъ въ судебномъ департаментахъ правительствующаго сената; съ 1906 года онъ исполнялъ обязанности первоприсутствующаго судебнаго департамента и, впослѣдствіи, второго общаго собранія. А. Г. имѣлъ всѣ знаки отличія до ордена св. Александра Невскаго включительно. (Некрологъ его: «Петербургскія Вѣдомости», 1912, № 273).

† **Гатлихъ, А. Ѳ.** На 49-мъ году жизни отъ рака печени скончался товарищъ предсѣдателя математическаго кружка и преподаватель многихъ московскихъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній А. Ѳ. Гатлихъ. Покойный, какъ добрый, отзывчивый человѣкъ и выдающійся педагогъ, пользовался большой любовію и уваженіемъ московскаго общества. Съ 1902 года началась преподавательская дѣятельность покойнаго въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Москвы. А. Ѳ. читалъ лекціи по различнымъ отдѣламъ математики на высшихъ женскихъ курсахъ, въ инженерномъ училищѣ и на коммерческихъ курсахъ. Въ 1905—1906 годахъ покойный, совмѣстно съ приват-доцентомъ И. А. Кистяковскимъ, создалъ уставъ и планъ высшихъ коммерческихъ курсовъ, вскорѣ переименованныхъ въ коммерческій институтъ. А. Ѳ. Гатлихъ состоялъ въ институтѣ преподавателемъ по день своей смерти. Въ теченіе многихъ лѣтъ покойный состоялъ инспекторомъ женскаго института московскаго дворянства и предсѣдателемъ педагогическаго совѣта женской гимназіи Л. О. Вяземской, 26-го октября текущаго года друзья А. Ѳ. праздновали двадцатипятилѣтній юбилей его дѣятельности; юбиляръ былъ бодръ и производилъ впечатлѣніе здороваго человѣка. (Некрологъ его: «Русское Слово», 1912, № 283).

† **Драгомирова, С. А.** Въ ночь на 26-го ноября скончалась отъ паралича сердца вдова генералъ-адъютанта Софья Абрамовна Драгомирова. Всѣ, кому приходилось встрѣчать достойную подругу знаменитаго генерала, съ большимъ прискорбіемъ узнаютъ о смерти этой выдающейся, прекрасной русской женщины. Драгомировскій домашній уютъ и хлѣбосольство еще въ то время, когда супруги были молоды, сдѣлало популярнымъ имя Софьи Абрамовны среди знакомыхъ. Когда же ея мужъ занялъ постъ командующаго войсками, а затѣмъ и кіевскаго генералъ-губернатора, то ея таланты гостепріимной хозяйки развернулись въ полномъ объемѣ. Многочисленные сослуживцы генерала находили въ домѣ грознаго командующаго войсками и привѣтъ и ласку, чувствовали себя запросто. Софья Абрамовна принадлежала къ тому желанному типу женщинъ, которыя, не вмѣшиваясь въ служебныя отношенія мужей, дѣлаютъ все возможное, чтобы разныя личныя шероховатости и тренія сгладить. Благодаря ея такту и непосредственной добротѣ, у многихъ враждебное выраженіе лица замѣнялось искренней, доброй улыбкой. А какъ много это значитъ и, увы, какъ рѣдко встрѣчается... Софья Абрамовна сама управляла хуторомъ подъ Конотопомъ. И какихъ только диковинокъ не привозила она оттуда! Ежегодно тянулся цѣлый обозъ и живности, и овощей, и сотни разнообразнѣйшихъ заготовокъ не на продажу, а на доброе здоровье гостей. Своими замѣчательными познаніями хозяйства и въ частности кухни она подѣлилась со всѣми желающими: издала кулинарную книгу, которая имѣла громадный успѣхъ. Въ быт-

пость М. И. Драгомирова въ Кіевѣ Софья Абрамовна много сдѣлала для развитія дѣятельности мѣстнаго отдѣленія Краснаго Креста и умѣло организовала помощь благотворительнымъ учрежденіямъ. Послѣ смерти мужа С. А. осталась жить въ Конотопѣ, откуда рѣдко выѣзжала. Въ домѣ все сохранилось въ томъ видѣ, какъ было и при Михаилѣ Ивановичѣ. Завѣтной мечтой вдовы его было устройство въ обширной конотопской городской усадьбѣ небольшой богадѣльни для ветерановъ-офицеровъ. (Некрологъ ея: «Новое Время», 1912, № 13188).

† **Графъ Камаровскій, Л. А.** 8-го декабря, въ первомъ часу ночи, послѣ продолжительной болѣзни скончался заслуженный профессоръ, бывшій ректоръ московскаго университета графъ Леонидъ Алексѣевичъ Камаровскій. Покойный родился въ 1846 г. въ Казани, окончилъ курсъ въ московскомъ университетѣ, для котораго позже сдѣлалъ такъ много, а по окончаніи курса занимался международнымъ правомъ въ Гейдельбергѣ подъ руководствомъ знаменитаго Блунчли. Защитивъ въ 1874 г., т.-е. 28 лѣтъ, магистерскую диссертацію («Начало невмѣшательства»), графъ Л. А. занялъ каѳедру международнаго права въ московскомъ университетѣ. Исполнялъ обязанности ректора онъ въ крайне смутную эпоху, послѣ ухода профессора Мануилова, во время почти безпрерывныхъ студенческихъ волненій, и, только благодаря его личному заступничеству передъ министромъ народнаго просвѣщенія во время поѣздки въ Петербургъ московское студенчество было спасено отъ массовыхъ увольненій. Только тяжелая болѣзнь заставила почившаго сложить съ себя обязанности ректора, а затѣмъ отказаться и отъ чтенія лекцій въ горячо любимомъ имъ московскомъ университетѣ, съ которымъ онъ былъ связанъ всю свою жизнь. Какъ профессоръ, графъ Л. А. не слѣдовалъ за господствовавшимъ въ юриспруденціи позитивнымъ теченіемъ, а держался религіозно-политическаго направленія. Изъ его научныхъ работъ общеизвѣстны переведенная даже на французскій языкъ докторская диссертація «О международномъ судѣ» и курсъ международнаго права, выдающимся знатокомъ котораго онъ былъ. Тщательно слѣдя за литературою международнаго права, графъ Л. А. составилъ нѣсколько библіографическихъ указаній ея, давалъ очень подробные критическіе отзывы о новыхъ трудахъ въ своей наукѣ и очень много сдѣлалъ для популяризаціи идей международнаго права среди русскаго общества, кромѣ упомянутыхъ выше работъ, своими публичными лекціями и публичными докладами. По своимъ воззрѣніямъ, графъ Л. А. напоминалъ своего учителя Блунчли. Онъ стоялъ за идею международнаго мира и прочной, основанной на юридическихъ началахъ, междугосударственной организаціи. Не принадлежа къ кабинетнымъ ученымъ, покойный гуманистъ отнюдь не чуждался живой общественной дѣятельности. Онъ былъ долгое время гласнымъ московской городской думы и принималъ самое дѣятельное участіе во многихъ думскихъ комиссіяхъ. По своимъ политическимъ убѣжденіямъ, покойный принадлежалъ къ октябристамъ и былъ членомъ центральнаго комитета союза 17-го октября. Наука потеряла въ немъ выдающагося ученаго, общество—превосходнаго человѣка. (Некрологъ его: «Голосъ Москвы», 1912, № 283).

† **Карпенко, Н. С.** 22-го ноября на 70-мъ году жизни скончалась отъ воспаленія легкихъ артистка театра Незлобина Н. С. Арнольдъ (по сценѣ Карпенко).

Покойная пробыла на сценѣ около двадцати лѣтъ. Въ Петербургѣ Н. С. выступала въ пьесахъ «Псиша» (мать Псиши) и «Эросъ и Психея» (сестра-привратница). 23-го ноября тѣло Н. С. Арнольдъ-Карпенко было отправлено по Николаевской желѣзной дорогѣ въ имѣніе Янки, Минской губерніи. Передъ выносомъ тѣла изъ квартиры была отслужена панихида. На гробъ возложены вѣнки отъ труппы театра Незлобина—«Незабвенному товарищу» и отъ К. Незлобина—«Милой и любимой Н. С. Арнольдъ-Карпенко». (Некрологъ ея: «Рѣчь», 1912, № 323).

† **Кетрицъ, К. Э.** 8-го декабря скончался членъ инженернаго совѣта министерства путей сообщенія тайный совѣтникъ Константинъ Эрнестовичъ Кетрицъ. Покойный пользовался въ путейскомъ вѣдомствѣ извѣстностью знатока желѣзнодорожнаго дѣла и гуманнаго дѣятеля, энергично работавшаго по обезпеченію семей желѣзнодорожныхъ служащихъ достаточными пенсіями и доступностью образованія для ихъ дѣтей. К. Э. родился въ 1846 году въ инженерной семьѣ: его дѣдъ и отецъ были инженерами путей сообщенія. Самъ онъ тоже окончилъ курсъ въ институтѣ инженеровъ путей сообщенія. Его дѣятельность началась въ правленіи кіевскаго округа путей сообщенія, но вскорѣ онъ перешелъ на службу по желѣзнымъ дорогамъ. Принималъ участіе въ постройкѣ Московско-Курской и Тамбово-Саратовской желѣзныхъ дорогъ служилъ по ремонту Московско-Нижегородской, былъ начальникомъ ремонта Ряжско-Вяземской желѣзной дороги. Въ это время онъ постоянно интересовался изслѣдованіемъ общихъ причинъ и условій желѣзнодорожнаго дѣла съ цѣлью наиболѣе лучшей его постановки. Ѣздилъ, между прочимъ, за границу для изученія вопроса о прочности шпалъ и устроилъ первый въ Россіи шпало-пропиточный заводъ съ примѣненіемъ хлористаго цинка. Съ 1878 по 1883 гг. покойный управлялъ послѣдовательно Донецкой и Ряжско-Вяземской желѣзной дороги и затѣмъ былъ привлеченъ въ департаментъ желѣзныхъ дорогъ, въ которомъ занималъ различныя должности, участвовалъ въ пріемѣ частныхъ дорогъ въ казну и въ выработкѣ мѣръ улучшенія различныхъ сторонъ желѣзнодорожнаго хозяйства. Съ 1886 г. покойный завѣдывалъ эксплоатаціоннымъ отдѣломъ управленія казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, одновремено предсѣдательствовалъ въ ссудо-сберегательной кассѣ управленія; съ 1900 г. въ теченіе трехъ лѣтъ былъ начальникомъ управленія желѣзныхъ дорогъ и въ послѣднія десять лѣтъ состоялъ членомъ инженернаго совѣта. Досуги своей службы К. Э. посвящалъ общественной благотворительности и особенно отдѣлу защиты дѣтей отъ жестокого обращенія. Въ этомъ отдѣлѣ онъ былъ членомъ бюро и комиссіи, завѣдующей убѣжищемъ дѣтей. Въ лицѣ покойнаго сошелъ въ могилу чуткій къ правдѣ и людскому горю, всегда отзывчивый и сердечный человѣкъ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1912, № 13201).

† **Маттернъ, Е. Э.** Скончался извѣстный присяжный повѣренный Е. Э. Маттернъ, представитель популярной въ Москвѣ фамиліи. Покойный родился въ 1858 году, окончилъ курсъ по юридическому факультету въ московскомъ университетѣ и въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ вступилъ въ ряды московской адвокатуры. Въ первое время Е. Э. Маттернъ состоялъ помощникомъ у присяжнаго повѣреннаго С. А. Шереметевскаго. Покойный былъ широко образован-

нымъ человѣкомъ, интересовавшимся искусствомъ, политикой и находился въ перепискѣ со многими выдающимися государственными людьми Запада. Особую любовь онъ питалъ къ музыкѣ, и его авторству принадлежитъ рядъ композицій, исполнявшихся въ Россіи и за границей. Пробовалъ Е. Э. и самъ дирижировать оркестромъ, и не безъ успѣха. Въ послѣдніе годы Е. Э. удѣлялъ много времени изученію исторіи искусства. Послѣ него остались незаконченныя работы на эту тему. Е. Э. принадлежала цѣнная библіотека, въ которой не мало униковъ. Нѣкоторое время Е. Э. Маттернъ принималъ дѣятельное участіе въ союзѣ 17-го октября. Какъ человѣкъ, Е. Э. былъ на рѣдкость добрымъ, отзывчивымъ и много помогалъ бѣднотѣ. Въ цѣломъ рядѣ благотворительныхъ обществъ Е. Э. принималъ дѣятельное участіе. По его иниціативѣ, между прочимъ, было открыто нѣсколько новыхъ отдѣловъ при обществѣ распространенія практическихъ знаній между образованными женщинами. Е. Э. Маттернъ болѣлъ уже давно; въ послѣдніе дни болѣзнь сердца и почекъ обострилась и свела этого симпатичнаго человѣка въ могилу. (Некрологъ его: «Голосъ Москвы», 1912, № 280).

† **Мельницкая, А. В.** 6-го ноября скончалась небезызвѣстная беллетристка Анна Васильевна Мельницкая. Она родилась въ Саратовѣ 2-го декабря 1862 года. Печаталась преимущественно въ «Русскомъ Словѣ»; участвовала и въ отдѣльныхъ изданіяхъ Сытина, передѣлывая для дѣтей романы Диккенса и прочее. Изъ оригинальныхъ ея произведеній пользовались въ свое время успѣхомъ романы: «Женскія злобы», «Реликвіи любви» и нѣкоторыя пьесы: «Родственнички» (шедшая въ Новомъ театрѣ въ Петербургѣ), «Наполеонъ въ Варшавѣ», «Дѣвушка съ прошлымъ». (Некрологъ ея: «Новое Время», 1912, № 13172).

† **Чернай, Н. А.** Въ Харьковѣ скончался профессоръ харьковскаго технологическаго института Николай Александровичъ Чернай. Покойный уроженецъ города Харькова, былъ сыномъ профессора-зоолога, родомъ изъ Чехіи, и окончилъ вторую харьковскую гимназію, а затѣмъ харьковскій университетъ по естественному факультету, послѣ чего остался у профессора Н. Н. Бекетова лаборантомъ. Вскорѣ, однако, Н. А. уѣхалъ въ Петербургъ, съ цѣлью поступить въ горный институтъ, а затѣмъ въ Гейдельбергъ къ профессору Бунзену, у котораго проработалъ нѣкоторое время, причемъ Бунзенъ даже въ своемъ знаменитомъ учебникѣ химіи воспользовался однимъ изъ открытій, сдѣланныхъ Н. А. Изъ харьковскаго университета Н. А. перешелъ въ технологическій институтъ, въ которомъ пробылъ свыше двадцати пяти лѣтъ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1912, № 13186).

† **Якушкинъ, В. Е.** Скончался Вячеславъ Евгеньевичъ Якушкинъ, членъ первой государственной думы отъ Курской губерніи, видный дѣятель «союза освобожденія», одинъ изъ учредителей партіи народной свободы, постоянный членъ всѣхъ ея центральныхъ комитетовъ. Внукъ декабриста и сынъ извѣстнаго юриста-этнолога, В. Е. какъ бы самыми своими семейными традиціями былъ предназначенъ для участія въ борьбѣ какъ за конституціонное переустройство Россіи, такъ и за коренное улучшеніе быта главной массы ея населенія, крестьянства, интересамъ котораго онъ служилъ фанатически и самоотверженно. Родился В. Е. Якушкинъ въ 1856 году. Окончивъ курсъ въ московскомъ уни-

верситетѣ, онъ былъ оставленъ для подготовленія къ профессорской каѳедрѣ. Получивъ степень магистра за диссертацію «Очерки по исторіи русской поземельной политики XVIII—XIX вѣковъ», онъ имѣлъ рядъ порученій читать нѣкоторые необязательные курсы по исторіи и исторіи русской словесности. Между прочимъ онъ читалъ лекціи и по исторіи русской журналистики. Въ 1899 году за рѣчь о Пушкинѣ на Пушкинскомъ юбилеѣ въ Москвѣ онъ былъ высланъ въ Ярославль. Впослѣдствіи В. Е., и раньше писавшій во вопросамъ земскимъ и народнаго образованія, посвятилъ себя практической земской дѣятельности и въ Курской губерніи скоро пріобрѣлъ среди земцевъ авторитетное имя. Когда началось земское движеніе, приведшее къ созданію «союза освобожденія», онъ былъ въ первыхъ его рядахъ и сдѣлался однимъ изъ основателей конституціонно-демократической партіи. Въ партіи В. Е. Якушкинъ работалъ, главнымъ образомъ, надъ крестьянскимъ и аграрнымъ вопросами. «Мы смотримъ на дѣло земельной реформы,—говорилъ онъ въ первой думѣ,—не только какъ на средство устраненія той опасности, которая грозитъ странѣ отъ возникшихъ и могущихъ возникнуть еще аграрныхъ волненій. Это также не есть актъ благотворительности. Это есть широко поставленная попытка провести коренную соціальную реформу». По своимъ взглядамъ В. Е. Якушкинъ былъ убѣжденнымъ народникомъ, стойко защищавшимъ какъ земельную общину, такъ и идею обращенія частныхъ земель въ «земельный государственный фондъ», который могъ бы служить переходомъ къ полной націонализаціи земли, какъ идеалу. Выборгскій процессъ, лишившій А. Е. Якушкина избирательныхъ правъ, вытолкнулъ его изъ сферы открытой земской и государственной политической дѣятельности. Мстительное курское дворянство не могло ему простить его агитаціи за надѣленіе крестьянъ землей. В. Е. былъ однимъ изъ первыхъ, на кого обрушилось исключеніе изъ дворянскаго сословія. Но ни политическія неудачи, ни преслѣдованія враговъ не заставили В. Е. въ чемъ-либо поступиться своими взглядами. Литературную свою дѣятельность В. Е. началъ въ 1879 году статьями въ «Вѣстникѣ Европы», «Критическомъ Обозрѣніи», «Русской Старинѣ». Впослѣдствіи онъ сдѣлался постояннымъ сотрудникомъ, соиздателемъ и даже на нѣкоторое время редакторомъ «Русскихъ Вѣдомостей». Тамъ онъ писалъ очень много по вопросамъ земскаго самоуправленія и народнаго просвѣщенія и за подписью В. Веденѣева велъ историческій фельетонъ. В. Е. Якушкинъ былъ однимъ изъ самыхъ крупныхъ русскихъ пушкиніанцевъ. Ему принадлежатъ два сборника статей: 1) «О Пушкинѣ» и 2) «Радищевъ и Пушкинъ» и капитальное описаніе пушкинскихъ рукописей. Онъ много поработалъ надъ установленіемъ ихъ текста, равно какъ и текста Грибоѣдовскаго «Горя отъ ума». Въ 1903 году, послѣ смерти Л. Н. Майкова академія наукъ обратилась къ нему съ предложеніемъ продолжать редактированіе академическаго изданія полнаго собранія сочиненій А. С. Пушкина. Не только русская общественная жизнь, но и русская литература и наука понесли большую потерю. Память объ этомъ оригинальномъ, стойкомъ и самоотверженномъ русскомъ ученомъ и борцѣ за народное освобожденіе, достойномъ своихъ отца и дѣда, будетъ долго жить въ русскомъ обществѣ. (Некрологъ его: «Рѣчь», 1912, № 332.